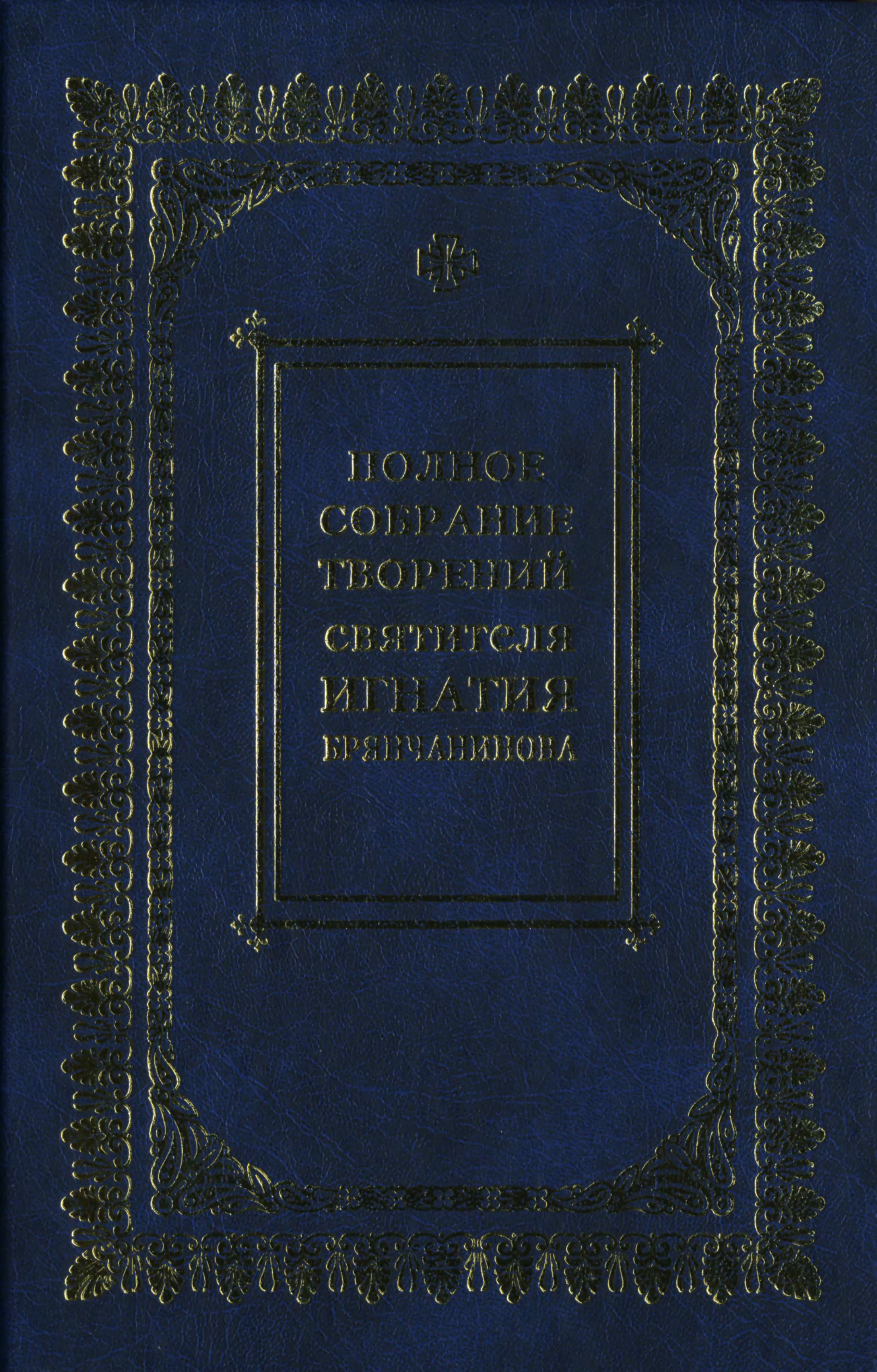
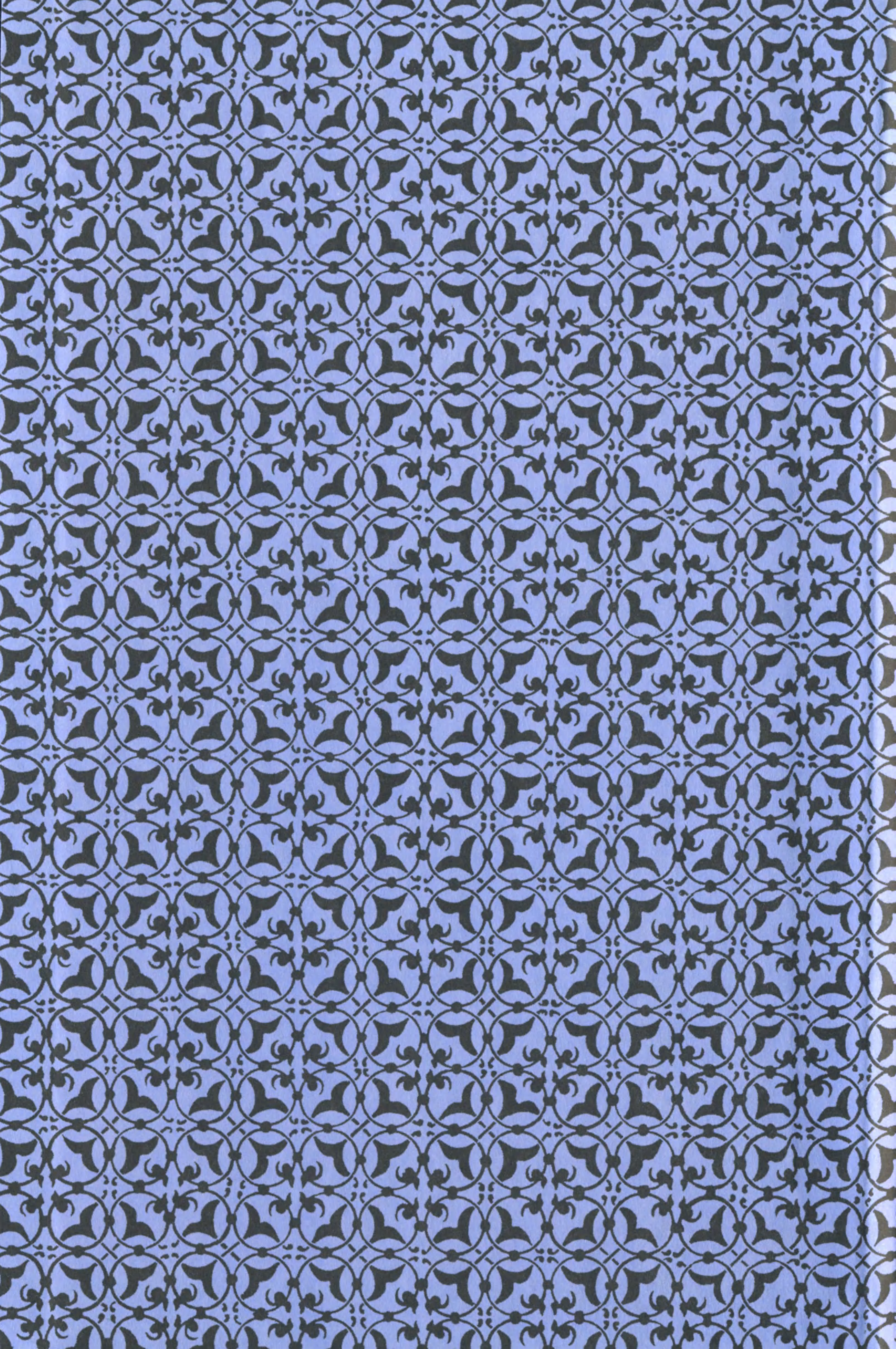
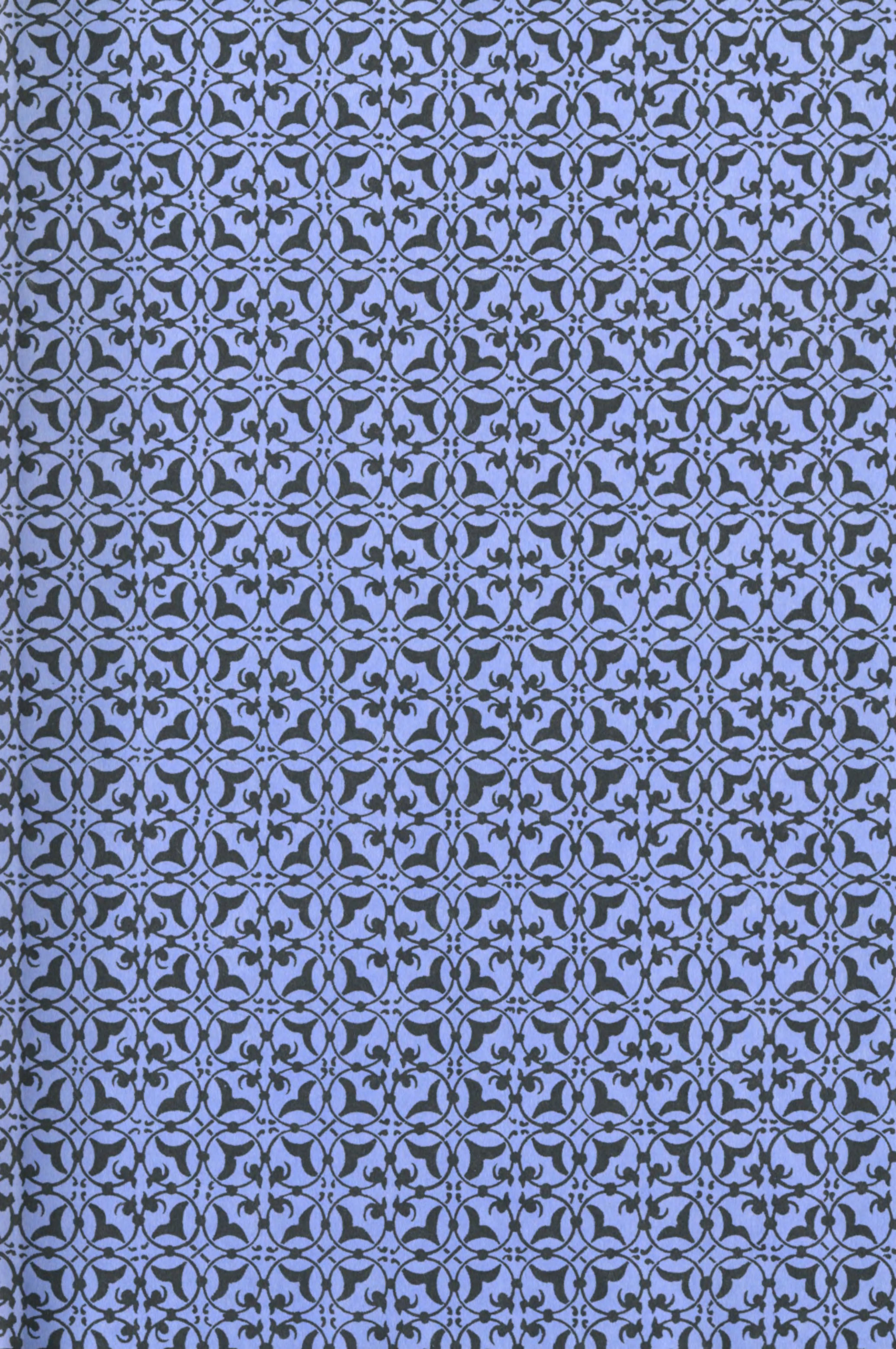

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ
БРЯНЧАНИНОВА

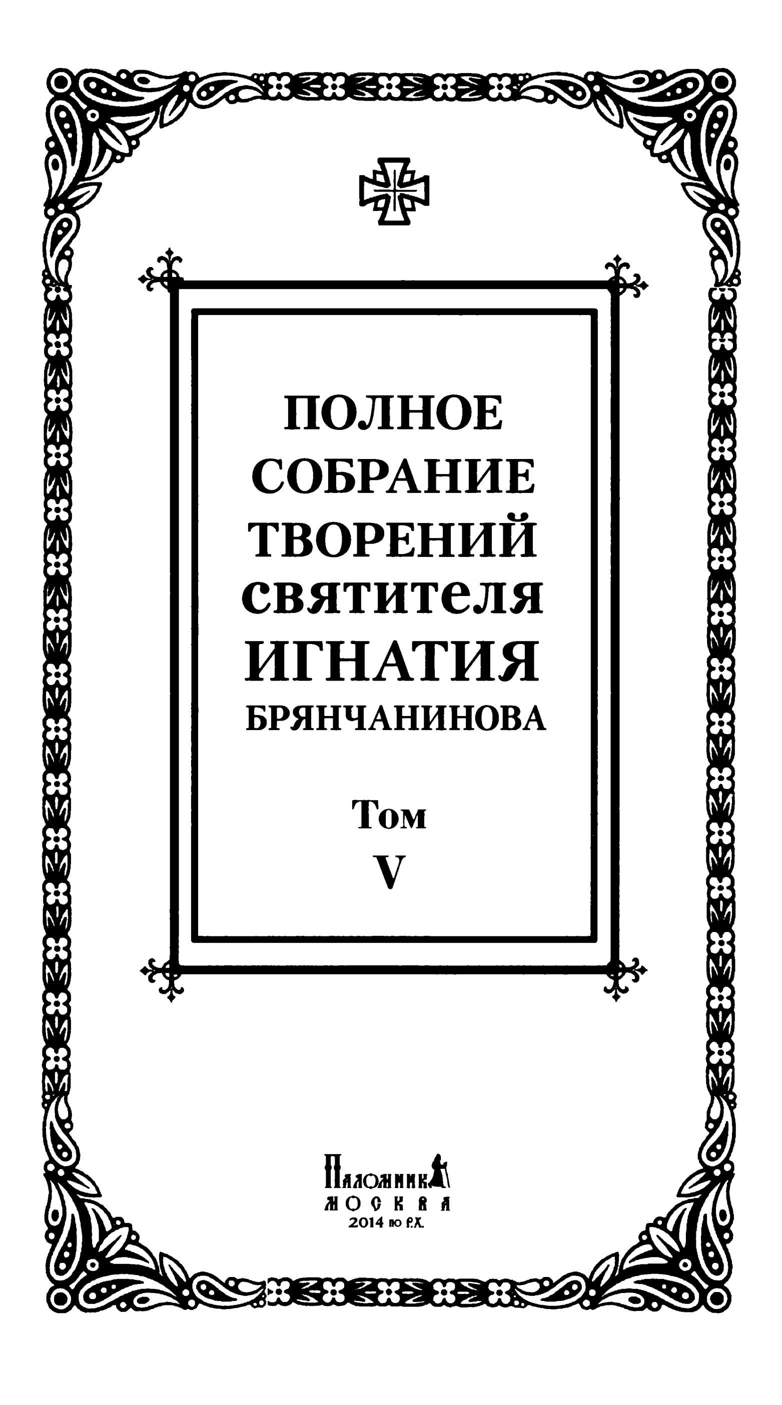

Полное собрание творений и писем святителя Игнатия Брянчанинова в восьми томах

Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в пяти томах

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ святителя ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том

V

Паломникъ
МОСКВА
2014 по Р.Х.

УДК 242
ББК 86.37.42
Б 89

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-09-0532

Общая редакция
О. И. Шафранова

Игнатий Брянчанинов, святитель

Б 89 Полное собрание творений и писем: В 8 т. / Общ. ред. О. И. Шафранова. — 2-е изд., испр. и доп.: Письма: В 3 т. — М.: Паломник, 2011; Творения: В 5 т. Т. 5. — М.: Паломник, 2014. — 624 с.

ISBN 978-5-88060-031-1

Пятый том Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова содержит выдающийся труд «Отечник» — сокровищницу назиданий и поучений святых Отцов первых веков христианства. Книга учит страху Божиему, умной молитве, сердечному безмолвию, преданности вере Православной. В обширном Приложении помещены агиографические, апологетические и литературно-поэтические сочинения Святителя, статьи, отражающие богословские аспекты искусства, и др., а также материалы, относящиеся к кончине святителя Игнатия.

УДК 242
ББК 86.37.42

1-е издание вышло в 8 т. в 2001–2007 гг.:

составление и общая редакция
А. Н. Стрижёв

ISBN 978-5-88060-031-1

© «Паломник», 2014
© Обложка, Любавина А.В., 2014

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ
БРЯНЧАНИНОВ

ОТЕЧНИК

Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их

Вступление

Внимательное чтение этих изречений и повестей навевает на читателя — как из рая — из первых веков христианства благоухание святой простоты и истинного служения Богу, осененных обильно Божественною благодатию. Оно может направлять деятельность монаха на истинный путь Богоугождения, доставляя на эту деятельность самые верные взгляды; оно может приносить утешение в разнообразных скорбях, восстающих в душе монаха,— устремляющихся на него извне; им может питаться и поддерживаться мирное и молитвенное настроение монаха, как елеем питается и поддерживается горение светильника. Кто усвоит себе предложенное здесь учение Отцов, тот, находясь и среди общества человеческого, стяжет сердечное безмолвие. Кто же останется чуждым этого учения, тот и в уединеннейшей пустыне, и в неисходном затворе будет возмущен молвою помыслов и живописью мечтаний, будет проводить жизнь мирскую. Приводится сердце в безмолвие душевным деланием, соединенным с болезнованием или плачем сердца[1]. Постараемся привести сердце в безмолвие: в этом — сущность монашеского подвига. От сердечного безмолвия рождается истинное смирение: истинное смирение соделывает человека обителиею Бога[2]. Наставят на такой подвиг изречения Отцов, примеры точного исполнения евангельских заповедей, составляющего отличительную черту их деятельности. Кратки и просты изречения; деятельность Отцов — деятельность младенцев о Господе; но и изречения и деятельность их имеют глубокий смысл и глубокое значение. Они драгоценны, как плоды святого опыта, как точное, непорочное выражение воли Божией. К некоторым изречениям и повестям присовокуплены объяснения: потому что смирение Отцов, нравственные правила и учения их не всегда ясны для незнакомых с духовною монашескою жизнию[3]. Братия, читайте и перечитывайте предложенное здесь учение! Вскоре вы усмотрите в нем чудное свойство: оно преисполнено жизни и силы; оно — присно юно: оно читается каждый раз, как бы читалось в первый раз, изливая в душу читателя обильные струи духовного разума и благодатных ощущений.

---

[1] Преподобный Варсонофий Великий, ответы 210 и 264. ‖ [2] Преподобный Варсонофий Великий, ответ 210. ‖ [3] Объяснения, находящиеся наиболее в концах статей, в отличие их от самых статей, напечатаны петитом.

Избранные изречения Отцов,
преимущественно Египетских, которых имена дошли до нас, и повести из жития этих Отцов

1. **Антоний Великий**, преподобный авва, египетский пустынножитель, сказал: «Братия! будем веровать в Господа нашего Иисуса Христа и поклоняться Ему. Покорим себя Ему и потщимся исполнять волю Его во всякое мгновение. В другого Бога, кроме Его, не будем веровать: Он — Бог великий, Господь господствующих. Будем славословить Его во истине и правде; не приуподобим Его никакой из тварей, ни из находящихся на небеси горе, ни из находящихся на земли низу, потому что все это сотворено Им, и Он есть прежде всего, и пребудет вечно, не будет иметь никакого конца. Будем веровать в Него и поклоняться Ему, чтоб царствовать с Ним и в вечности наслаждаться Его благами: Он — Царь царей, и все царства от Него суть. Будем веровать в Него от всего сердца нашего и жительствовать по заповедям Его, потому что *вера без дел мертва есте*[1]; и Он помилует нас в Царствии Своем, когда изыдем из странствования, определенного нам в мире сем[2].

2. Истинно блажен тот, кто бодрствует над собою и исполняет заповеди Господа нашего Иисуса Христа: он сподобится истинного разума, исходящего от Господа, и возможет сказать: *удивися разум Твой от мене*[3]. Не погреши в вере, чтоб не прогневался на тебя Создатель наш: кто не содержит правой веры, тот приуготовляет пищу неспящим червям и жертву князю темниц адских; дух его чужд жизни вечной; он — явный отступник от Бога[4].

3. Страшитесь отступлений от веры как начала всех зол. Будем веровать во имя Господа Бога Отца, и Сына и Святого Духа, чтоб исполнилось над нами сказанное в Писании: те, которые веруют

[1] *...вера без дел мертва* (Иак. 2. 20, 26). ‖ [2] Patrologie Graecae, Tomus 40, pagina 963 и 964. ‖ [3] *Дивно для меня ведение Твое* (Пс. 138. 6). ‖ [4] Pag. 973.

в Господа, *яко гора Сион: не подвижится в век живый во Иерусалиме*[1]. Твердое основание всех святых — вера: ею они заключили уста львов и угасили пламень огненный[2].

4. Сколько непостижима сила и могущество Божии, столько непостижимы и действия Его. Как неизмерима Его премудрость, *так и путие Его неизследовани*[3]. Может Бог исполнить то, что обетовал; почему не допустим себе неверия, чтоб не подвергнуться осуждению более за неверие, нежели за беззаконные дела. Погрешить делами — это признак немощи; допускать себе неверие — признак дерзкого легкомыслия и безрассудности. Доколе имеем время, пощадим самих себя и будем умолять Бога о прощении согрешений наших, чтоб Он не повелел, *связавше* нам *руце и нозе*, ввергнуть нас во *тьму кромешнюю*, в которой — *плач и скрежет зубом*[4]. Что означают плач и рыдание, как не безмерность жестоких и ужасных мучений? и что изображается скрежетом зубов, как не величайшее сожаление о содеянных грехах? Тогда — а это случится наверное, — тогда начнем негодовать на самих себя, раскаяваться, скрежеща зубами, когда покаяние не будет иметь места, когда не будет от него никакой пользы, когда время, данное на покаяние, минует. Имея возможность умилостивить Бога в краткое время земной жизни служением Ему, имея возможность освободить себя от геенны и вечных мук, зачем пребываем в нерадении и, презирая заповеди Бога, служим нашим похотениям, подвергаем себя неизбежной казни? Бог наш, великий и человеколюбец, *богатый сый в милости*[5], всемогущий в действовании Своем, Сам да поможет немощи нашей, да ниспровергнет скоро сатану под ноги наши, да дарует нам силу и духовный разум, чтоб мы, в оставшееся нам время, послужили Ему с верностию, во истине, и сподобились милости Его в страшный день Суда Его[6].

5. Великую силу имеет тот, кто подвизается в течение всей жизни и ежедневно, до последнего издыхания, находится в осторожности от искусителя, которым преследуется. Я молил Бога, чтоб Он показал мне ополчение, окружающее и защищающее монаха, и увидел монаха, окруженного светильниками: множество Ангелов с обнаженными мечами в руках охраняли его как зеницу ока, и вот — голос с неба, говорящий: “Не допустите ему покоя, доколе праведный живет в сем мире”. Увидев такое ополчение, отвсюду

[1] *...как гора Сион, не подвигнется, пребывает вовек* (Пс. 124. 1). ‖ [2] Pag. 973. ‖ [3] *...непостижимы судьбы Его* (Рим. 11. 33). ‖ [4] *...связав ему руки и ноги... во тьму внешнюю... плач и скрежет зубов* (Мф. 22. 13). ‖ [5] *...богатый милостью* (Еф. 2. 4). ‖ [6] Pag. 963 и 964.

объемлющее монаха, я вздохнул и сказал сам себе: "О Антоний! все это дано монаху, и при всем этом превозмогает его диавол; монах нередко падает". И пришел ко мне глас от милосердого Господа: "Диавол никого не может ниспровергнуть. Такой власти он не имеет, потому что Я пришел, восприяв на Себя человечество, и стер в прах могущество его; но человек сам, своим похотением и сладострастием, сокрушает себя и падает". Я сказал: "Неужели каждому монаху дана такая сила?" И были показаны мне многие монахи, сподобившиеся ее. Тогда и воскликнул и сказал: "Блажен — род человеческий, в особенности же иноческое воинство, имея столь милосердого, столь человеколюбивого Бога". По этой причине озаботимся о спасении нашем, не будем пренебрегать им, чтоб удостоиться Небесного Царства, при содействии благодати и милосердия Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом да будет слава вовеки.

Здесь, с одной стороны, служит величайшим утешением свидетельство об обильной помощи Божией, споспешествующей каждому подвижнику благочестия, в особенности истинному иноку, за его особенное самоотвержение; с другой стороны, свидетельство о том, что во все время земного странствования рабу Божию не предоставлено успокоения, предоставлены борьба и подвиг, служит вразумлением, чтоб мы не предавались унынию, видя, что непрестанно подвергаемся разнообразным скорбям. Такова о нас воля Господа Бога нашего.

6. Будем совершать земное странствование наше в страхе Божием: нам предписано служить Богу в страхе и трепете[1], и таким образом изработать спасение наше. Ничего нет драгоценнее страха Божия в Господе нашем Иисусе Христе[2].

7. Начало всех добродетелей и начало премудрости — страх Господень.

8. Страх Господень — слава, благодать великая[3].

9. Страх Господень искореняет из души все грехи и всякий вид лукавства[4].

10. Свет, войдя в темный дом, изгоняет из него тьму и освещает его; так страх Господень, вошедши в сердце человеческое, разгоняет мрак его, наполняет его всеми добродетелями и премудростию.

11. Гордость и высокоумие низвергли диавола с неба в преисподнюю, — смирение и кротость возносят человека с земли на небо.

[1] Ис. 26. 18. ‖ [2] Pag. 964. ‖ [3] Pag. 964. ‖ [4] Pag. 965.

12. Чада мои! рыба, вынутая из воды, умирает; так уничтожается и страх Божий в сердце монаха, попускающего себе частые выходы из келлии.

13. Страх Господень соделывает человека свободным и спасает его от грехов, от уготованных грешникам вечных казней и от злейшего дракона[1].

14. Страх Господень, пребывая в человеке, хранит его и сберегает до того времени, в которое человек скинет с себя тягостную ношу — тело; тогда страх Господень соделает питомца своего наследником блаженства святых для радования с ними радостию вечною, как и Писание возвещает: *Страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом, и поболехом, и родихом дух спасения Твоего*[2].

15. Страх Господень и памятование смерти да будут непрестанно пред очами нашими. Возненавидим мир и удалим от себя все, чем приносится плоти нашей наслаждение. Эту краткую жизнь проведем так, чтоб нам жить в Боге, Который потребует от нас отчета в день Суда, — алкали ли мы, жаждали ли, претерпевали ли наготу, пребывали ли в плаче, воздыхали ли из глубины сердец наших, рассматривали ли себя, достойны ли мы Бога? Будем погружаться в плач и сетование, чтоб обрести Бога. Презрим плоть для спасения душ наших![3]

16. Делание монаха, превосходящее все другие, самые возвышенные делания его, заключается в том, чтоб он исповедовал грехи свои пред Богом и своими старцами, чтоб укорял себя, чтоб был готов, до самого исхода из земной жизни, встретить благодушно всякое искушение[4].

От постоянного исповедания грехов пред Богом и отцами открывается зрение греховности своей; напротив того, грехи неисповеданные как бы не признаются грехами и удобно повторяются; постоянным самоосуждением и самоукорением усиливается сознание и ощущение греховности; вполне ощутивший греховность свою и сознавшийся в ней естественно признает себя достойным всякого попустительного наказания от Бога.

17. Будьте мужественны и вместе великодушны; Бог пребывает в человеке великодушном. Великодушный соответствен воле Божией во всякое время[5].

18. Святые соединены с Богом простотою своею. Простоту найдешь в человеке, исполненном страха Божия. Имеющий простоту

---

[1] Pag. 965. ‖ [2] *Были беременны, мучились, — и рождали как бы ветер; спасения не доставили земле* (Ис. 26. 18. — Pag. 965). ‖ [3] Pag. 1097. ‖ [4] Pag. 1084. ‖ [5] Pag. 965.

совершен и подобен Богу; благоухает он благоуханием сладчайшим и благодатным; исполнен он радости и славы; покоится в нем Святой Дух, как в Своей обители. Как густой лес, когда небрегут о нем, истребляется пожаром, так лукавство, будучи допущено в сердце, губит душу, вместе — оскверняет тело, приносит многие нечистые помыслы. Насмехается лукавый над простыми и всеми добрыми; сердце его объемлется многочисленными сквернейшими помышлениями, насеянными диаволом, понуждавшими ум скитаться повсюду, возбуждающими в душе внутреннюю борьбу[1].

19. Гордость сердца ненавистна Богу, Ангелам и святым Его. Имеющий в себе гордость — причастник диаволу. По причине гордости преклонились небеса и поколебались основания земли, возмутились бездны, пришли в смятение ангелы и претворились в демонов по причине гордости сердца. Прогневан гордостию Всемогущий; повелел Он бездне низвергнуть из себя огнь и огненному морю воскипеть огненным волнением. По причине гордости Он учредил ад и муки. По причине гордости учреждены темницы и биение, которыми терзается диавол за гордость сердца своего. По причине гордости устроена преисподняя, сотворен червь неумирающий и неусыпающий[2].

20. Будем подвизаться о чистоте даже до смерти и храниться от всех нечистот, которые не свойственны естеству, по словам первенца между пророками — Моисея. В особенности будем остерегаться от дел разврата. Ангелы пали и извергнуты из своего состояния славы и чести, дозволив очам непозволительное воззрение[3]. Нет ничего хуже, как смотреть с вожделением на женщину. Многие погибли из-за жен. Некоторые убиты по причине супруг своих, другие по причине сестер, иные — по причине дочерей; всему же этому поводом было нечистое вожделение. Не будьте рабами сквернейших, нижеестественных страстей, ни срамных похотений, столько мерзостных пред Богом. Имя Божие напишите на сердцах ваших; непрестанно да раздается внутри вас глас: *вы есте церкви Бога жива*[4] и место Святого Духа. Человек, обольщенный нечи-

[1] Pag. 965. || [2] Pag. 966. || [3] Это мнение Великого Антония, посвященного десницею Божиею в тайны мира духов, неудобопонятно для чуждых такого познания. Но Священное Писание свидетельствует, что падший дух любил женщину и убил семь юнош, за которых она поочередно выходила замуж (Иов. 6. 15). Некоторые из падших духов столько преданы плотскому вожделению, что от него заимствовали свой характер: они именуются блудными бесами, в отличие от других бесов, преданных другим страстям. || [4] *...вы храм Бога живаго* (2 Кор. 6. 16).

стым вожделением, подобен пред Богом бессловесным скотам, лишенным всякого сознания[1].

21. Знай, что в душе находится естественное движение вожделения; но оно не производит своего действия, если не последует на то согласия души; потому что вожделение только усвоено телу и движется; но не движется греховно и понудительно. Находится в душе также и другое действие, которое рождается из покоя и наслаждения телесных, воспламеняет кровь и движется с производством своего действия. По этой причине Божественный апостол Павел говорит: ***не упивайтеся вином, в немже есть блуд***[2]. Также Господь заповедал Своим Апостолам в Святом Евангелии: ***внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством***[3]. Кроме этих двух движений имеется еще движение, которое возбуждается в подвижниках от зависти и коварства демонов. Итак, надо знать, что возбуждение телесного вожделения бывает троякое: одно естественное, а два другие — привходящие; из этих двух одно происходит от излишества в пище и питии, — другое производится демонами. Зависит, следовательно, от нас, от нашего свободного произволения, исполнение и отвержение требований вожделения[4].

Сведение, сообщенное здесь Великим Антонием, имеет особенную важность для каждого монаха, внимающего своему спасению. В первом случае должно с трезвением наблюсти за собою, — не позволить себе никаких размышлений и мечтаний сладострастных, к которым является расположение при движении телесного вожделения, и оно прекратится само собою. Во втором — должно обратить внимание на качество и количество пищи, также на количество сна, обуздать действие вожделения воздержанием. Действие демонов познается из усиленного, иногда внезапного и кратковременного, иногда постоянного и продолжительного, нашествия блудных помыслов и мечтаний, покушающихся привлечь ум в общение с собою и возбудить в теле вожделение, к которому тело, усмиренное подвигом, не склонно или малосклонно. Потому-то святой Антоний и говорит, что последнее случается ни с кем иным, а именно с подвижниками. Тогда нужно осмотреться, не осуждение ли братий, не вкравшееся ли самомнение дают повод демонам искушать блудом не способного к блуду. Во всяком случае, попущением такой брани подвижник призывается Промыслом Божиим к преуспеянию; и потому да станет мужественно против невидимых врагов!

---

[1] Pag. 967. ‖ [2] ...*не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф. 5. 18). ‖ [3] *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством* (Лк. 21. 34). ‖ [4] Pag. 1084.

22. Если случится кому, по наущению диавола, подвергнуться падению, тот да восстанет покаянием, — да прибегнет к Тому, Который нисшел на землю для спасения одной овцы, увлеченной грехом в заблуждение[1].

23. Сам Господь повелел нам взыскивать мира, чтоб стяжать его. Тщательно познаем значение мира Божия и устремимся к нему, как и Господь сказал: *мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам,* чтоб никто не мог укорить нас, что мир наш — мир грешников[2].

24. Будем убегать ненависти и распрей. Кто находится в дружбе с зараженным ненавистию и сварливым, тот находится в дружбе с хищным зверем. Точно, доверяющий себя зверю безопаснее того, кто доверяет себя сварливому и зараженному ненавистию. Не отвращающийся от сварливости и не гнушающийся ею не пощадит никого из человеков, ниже друзей своих[3].

25. Господствуй над языком и не умножай слов, чтоб не умножить грехов твоих. Наложи перст на уста твои и узду на язык твой; многоглаголивый человек никогда не оставит в себе места во обитель Святого Духа[4].

26. И ночью и днем да обращается в устах твоих имя Господа, и будь услажден духовною солию. Если кто из новоначальных начнет говорить с тобою и спросит о чем-либо, относящемся к душевной пользе, — отвечай ему. Если же заговорит о неполезном для души, — будь подобен глухому, который не слышит, и немому, который не говорит[5].

27. Похотение злое превращает сердце и изменяет ум. Удали его от себя, чтоб не огорчился живущий в тебе Дух Божий[6].

28. Господь дотоле хранит душу твою, доколе ты хранишь язык твой[7].

29. Не будем глупы: глупый ставит все ни во что. Почему и говорится, что глупый и безрассудный одинаково погибают[8].

30. Все грехи мерзостны пред Богом, но мерзостнее всех гордость сердца[9].

31. Если будем благословлять злословящих нас, то есть говорить о них доброе, — этим возложим уже узду на уста наши[10].

32. Будем бодрствовать! установим благое трезвение в храме духа нашего! Если будешь иметь трезвение — благоустроишь дух твой. Имеющий трезвение соделался уже храмом Божиим. Блажен бдящий при вратах мудрости! Против трезвящегося и бодрствую-

[1] Pag. 967. ‖ [2] Pag. 967. ‖ [3] Pag. 968. ‖ [4] Pag. 968. ‖ [5] Pag. 968. ‖ [6] Pag. 969. ‖ [7] Pag. 970. ‖ [8] Pag. 970. ‖ [9] Pag. 970. ‖ [10] Pag. 972.

щего не имеют никакой силы страсти. Если даже он падет по злохитрости искусителя, то его немедленно подымут трезвение и бодрствование его. Напротив того, невнимательный и ленивый, не пребывающий бодренно в служении Богу, если падет, увлеченный искушением диавола, — не видит даже совершаемого им греха; сердце его ожесточенно; оно подобно камню; оно подобно объезженному и обузданному коню, на которого непрестанно садятся разные всадники, которым он не может противиться[1].

33. Стяжите трезвение, чтоб каждое столкновение с врагом не низлагало вас. Нерадивый подобен разрушенному дому без жителей, не имеющему никакого значения ни для кого, презираемому всеми, как жилищу змей, скорпионов и диких зверей; никто о нем не заботится, как о находящемся в разрушении и падении. Таково состояние нерадивого; ныне не найдешь в нем никакой Божественной добродетели, которая охраняла бы его или жительствовала в нем[2].

34. Старайтесь сохранять трезвение, не оставляйте его, чтоб не подвергнуться преобладанию врагов. Доколе пребывает в человеке изящное душевное делание — трезвение и попечение о богоугождении, дотоле оно предохраняет его от преткновений и падений, восставляет из них, — и соделывается этот человек местом упокоения Святому Духу, совершает путь свой благополучно, удостаивается в мире достигнуть страны упокоения святых и услышать славный и сладостный глас: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[3].

35. Девство есть знамение неповреждаемое, — совершенное и непременяемое подобие, духовное, святое жертвоприношение, высота, место, с которого удобно усматривается путь, ведущий к крайнему пределу совершенства; оно — венец, сплетенный из высших добродетелей[4].

36. Уничижающий девство наносит бесчестие Богу и Ангелам[5].

37. Никто, никто из воинства противников не дерзает нападать на девство, не имеет сил напасть на него. Однако никто из девственников не должен хвалиться девством: оно — благой дар Самого Бога[6].

38. Девственник устраняет от себя мысль о женщинах, плотские помышления, гордость сердца и любовь ко всему, что вводит в общение с диаволом; девственник прогоняет от себя ропот, ненависть

---

[1] Pag. 974. ‖ [2] Pag. 974. ‖ [3] *...сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 19. Pag. 974). ‖ [4] Pag. 974. ‖ [5] Pag. 974. ‖ [6] Pag. 975.

к человекам и славу мира. Он прилежит благочестивым подвигам, воздерживает язык, чрево укрощает постом; украшенный этими подвигами, он соделывается жертвоприношением без порока и скверны[1].

39. Смерть обитает в том, у кого язык — меч обоюдоострый. Таковой вступил в союз с вечною смертию и приготовил себе погибель и жилище во аде; он не будет иметь наследия в земле живых, творящих волю Божию. Рассмотри и найдешь, что человек двуязычный губит душу свою, смущает знакомых и друзей, расстраивает общество, содействует совершению всякого зла и принимает в нем участие, непрестанно устрояет ближнему козни. Удаляйтесь, возлюбленные братия, от двуязычного! никак не вступайте в дружбу с ним: вступивший в дружбу с ним вместе с этим подчинился смерти[2].

40. Лукавый человек, во-первых, обманывает свою собственную душу; лукавство его обращается на главу его, как написано в псалмах: *обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет*[3]. Не своди знакомства с человеком лукавым. Дружба с лукавым — дружба с диаволом[4].

41. Настанет некогда время, — и человеки вознедугуют. Увидев не подверженного общей болезни, восстанут на него, говоря: "Ты по преимуществу находишься в недуге, потому что не подобен нам"[5].

Здесь весьма не лишним будет заметить, что *этому одному* надо очень остеречься помыслов ложного смиренномудрия, которые не преминут быть предъявлены ему демонами и человеками — орудиями демонов. Обыкновенно в таких случаях плотское мудрование возражает: "Неужели ты один — прав, а все или большая часть людей ошибаются!" Возражение — не имеющее никакого значения! всегда немногие, весьма немногие шествовали по узкому пути; в последние дни мира этот путь до крайности опустеет.

42. Помышляй всегда и говори себе: "Не останусь в этом мире долее этого дня". И не будешь согрешать пред Богом[6].

43. И днем и ночью болезнуй о грехах твоих[7].

44. Непрестанно печалься о грехах твоих, как бы ты имел постоянно мертвеца в доме твоем[8].

45. Возжги светильник твой елеем очей твоих: слезами[9].

[1] Pag. 975. ‖ [2] Pag. 976. ‖ [3] *Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя* (Пс. 7. 17). ‖ [4] Pag. 976. ‖ [5] Pag. 1084. ‖ [6] Pag. 1071. ‖ [7] Pag. 1069. ‖ [8] Pag. 1069. ‖ [9] Pag. 1069.

46. Прежде всего приносите молитву непрестанную, не прерывая ее, и за все, случающееся с вами, благодарите Бога[1].

47. Всеусильно старайся приносить непрестанные молитвы со слезами, чтобы Бог умилосердился над тобою и совлек с тебя образ ветхого человека[2].

48. Наблюдай установленные часы для молитвословий и не пропускай ни одного из них, чтоб не подвергнуться за это суду[3].

49. Хранись, чтоб ум твой не осквернился воспоминанием прежних согрешений и чтоб не обновилось в тебе ощущение их.

50. Помышления твои открывай не всем, но только тем, которые могут спасти душу твою.

51. Никого, ни по какой причине, не обличи в недостатке его.

52. Отнюдь не употребляй божбы, ни в том, что сомнительно, ниже в том, что верно.

53. Люби смирение; оно покроет тебя от грехов.

54. Будь готов отвечать на всякое слово, которое услышишь: *прости меня*, потому что смирение разрушает все козни врагов.

55. Прилежи делам, которые здесь предложу тебе, а именно: труду, нищете, странничеству, злостраданию и молчанию, потому что они соделают тебя *смиренным*. Смирением же доставляется оставление всех грехов. Смирение состоит в том, когда человек признает себя грешником, не делающим никакого добра пред Богом; когда он тщательно наблюдает молчание; когда вменяет себя за ничто; когда не усиливается, чтоб кто-либо принял его слово; когда отвергает собственную свою волю, удерживает зрение, имеет смерть пред глазами, воздерживается от лжи, не произносит пустых слов, старшему не противоречит, терпеливо переносить бесчестия и понуждает себя переносить труды и скорби.

56. Во всем поведении твоем наблюдай скромность.

57. Лицо твое да будет постоянно печальным, кроме тех случаев, когда посетят тебя странные братия. Тогда прими веселый вид, и поселится в тебя страх Божий.

58. Отнюдь не знакомься с мирянами и не подражай фарисею, который все делал напоказ человекам.

59. Делами твоими, каковы бы они ни были, не превозносись.

60. Не считай себя мудрым: иначе гордостию вознесется душа твоя, и ты впадешь в руки врагов твоих.

61. Если увидишь, что брат впал в грех, то не соблазнись на него, не презирай и не осуждай его, иначе впадешь в руки врагов твоих.

---

[1] Pag. 1067. ‖ [2] Pag. 1071. ‖ [3] Pag. 1069.

62. Отнюдь не тщеславься и не смейся.

63. Избегай любопрения и спора.

64. В церкви отнюдь не говори.

65. Спи мало, в меру, и будут наблюдать над тобою Ангелы.

66. Не ешь до сытости.

67. Мяса вовсе не ешь.

68. Не будь сластолюбив и предан объядению, чтоб не возобновились в тебе прежние твои согрешения.

69. Не разрешай посты иначе, как по величайшей болезни.

70. Ежедневно умерщвляй себя.

71. Если посетишь кого-либо из братий, то не оставайся долго в его келлии.

72. Не имей свидания с твоими родственниками; не позволь им приходить к тебе и не ходи к ним.

73. Если идешь с братиями, то иди несколько одаль от них, чтоб сохранить молчание.

74. Путешествуя, не озирайся направо и налево, но внимай псалмам твоим, молись умом Богу во всяком месте, где бы ты ни находился; не позволяй себе свободного обращения с жителями того места.

75. Понуждай себя к рукоделию, и будет обитать в тебе страх Божий.

76. Возлюби труд, и скоро пошлется тебе спокойствие от Бога.

77. Не надевай одежды, которая приводит тебя в тщеславие.

78. Как развалина, находящаяся вне города, служит к складу всех смрадных нечистот, так душа ленивого и слабого в исполнении монашеских постановлений соделывается вместилищем всех страстей и всякого зловония.

79. Сын мой! келлию твою обрати в темницу для себя, потому что совершилось все, относящееся к тебе, как вне, так и внутри тебя. Настоит, настоит разлучение твое с этим миром[1].

80. Как рыбы, замедля на суше, умирают, так и монахи, пребывая вне келлии с мирскими людьми, утрачивают способность к безмолвной жизни. Как рыбы стремятся в море, так и нам должно стремиться в свои келлии, чтоб не забыть о внутреннем делании, замедляя вне их[2].

81. Помни, что согрешения твои достигли полноты своей, что юность твоя уже прошла. Настало, настало время твоего отшествия,

[1] Pag. 1077. ‖ [2] Алфавитный патерик.

время, в которое ты должен дать отчет в делах твоих! Знай, что там не искупит брат брата, не освободит отец сына[1].

82. Сын мой! прежде всего не вменяй себе ничего; из невменяемости рождается смирение[2].

Невменяемость, по учению Отцов, состоит в том, чтоб не признавать себя имеющим какую-либо добродетель и какое-либо достоинство[3]. Признание за собою добродетелей и достоинств есть пагубное самообольщение, называемое святыми Отцами *мнением*. Мнение отчуждает человеков, зараженных им, от Искупителя.

83. Отвергни око лукавое — стяжи око простое[4].

84. Не страшись бесчестий, наносимых человеками[5].

85. Не оставь воли Божией для исполнения воли человеков[6].

86. Не ропщи и не позволь себе оскорбить кого-либо[7].

87. Не завидуй тому, кто преуспевает при посредстве неправд; но считай всех человеков высшими себя, и Сам Бог будет с тобою[8].

88. Не подражай тем, которые пристрастились к наслаждению мира сего, потому что они никогда не преуспеют; но подражай тем, которые скитались в горах и пустынях, ради Бога и осенит тебя сила Свыше[9].

89. Сын мой! не умножай слов: многословие удалит от тебя Духа Божия[10].

90. Сын мой! не живи с гордыми, — живи со смиренными[11].

91. Не будь лицемером или притворщиком; не будь лжецом[12].

92. Не говори с гневом. Да будут слова твои, так как и молчание твое, исполнены благоразумия и мудрости. Слова мудрейших отцов наших были разумны и премудры; подобным было и молчание их[13].

93. Не оправдывай себя пред человеками, но в душе твоей будь мудр, кроток, великодушен, терпелив, тщалив, исполнен любви к человекам[14].

94. Не допусти сердцу твоему сделаться непотребным, питая в нем помышления злые; постарайся сделать его благим, взыщи благости и мира, стремись совершать все святые добродетели[15].

95. Не возвышай голоса твоего[16].

---

[1] Pag. 1077. ‖ [2] Pag. 1077. ‖ [3] Преподобный Варсонофий Великий. Ответ 269. ‖ [4] Pag. 1073. ‖ [5] Pag. 1073. ‖ [6] Pag. 1073. ‖ [7] Pag. 1073. ‖ [8] Pag. 1075. ‖ [9] Pag. 1075. ‖ [10] Pag. 1075. ‖ [11] Pag. 1075. ‖ [12] Pag. 1075. ‖ [13] Pag. 1075. ‖ [14] Pag. 1075. ‖ [15] Pag. 1075. ‖ [16] Pag. 1075.

96. Находясь в обществе братии, сохраняй молчание. Если понадобится тебе отнестись к ним о чем-либо, то скажи им об этом кратко и со смирением[1].

97. Обесчещенный, не возненавидь обесчестившего, — скажи сам себе: я достоин того, чтоб все братия осыпали меня бесчестиями[2].

98. Если кто укорит тебя в каком-нибудь виде греха, которому ты не причастен, — смири себя пред укорившим, и наследуешь нетленный венец[3].

99. Не преклони слуха, чтоб услышать зло о ближнем; будь другом человеков, и стяжешь жизнь[4].

100. Не воздавай зла на зло, укоризны за укоризну. Написано негде: *если ты не смиришь сам себя, то Я смирю тебя, сказал Господь*[5].

101. Не возносись гордостию, не провозглашай и не кричи, не говори громко и поспешно. Кто умножает слова, тот не может пребыть чистым от греха[6].

102. Нищета — не что иное, как воздержание и довольство своим положением. Странничество и пустынножительство заключаются в удалении от молв. Странствовать ради благочестия — значит благочестно пребывать в келлии[7].

103. Странничество заключается в том, когда человек воздерживает уста свои[8].

104. Уста да говорят всегда правду[9].

105. Некоторые измождили тела свои постом и прочими телесными подвигами, но пребывали далекими (устраненными) от Бога, потому что не имели духовного разума[10].

106. Сын мой! люби бесчестия более, нежели почести; люби телесные труды более, нежели упокоение тела; люби ущерб в стяжаниях мира сего более, нежели приобретение[11].

107. Возлюбленный сын! доколе ты находишься в состоянии подчинения, внимай тому, что говорится тебе, старайся понять говоримое и тщательно исполняй его по значению и смыслу его[12].

108. Если посетишь общество подобных тебе *верных* — христиан и иноков, — преимущественно избери для себя слушание и молчание; старайся понять то, что говорится тебе; приобретение от этого превосходнее приобретения от речей, если б ты позволил себе произносить их. Любитель празднословия и многословия не способен ни к какому доброму делу[13].

---

[1] Pag. 1075. || [2] Pag. 1075. || [3] Pag. 1075. || [4] Pag. 1076. || [5] Pag. 1076. || [6] Pag. 1076. || [7] Pag. 1076. || [8] Алфавитный патерик. || [9] Pag. 1076. || [10] Алфавитный патерик. || [11] Pag. 1076. || [12] Pag. 1076. || [13] Pag. 1076.

109. Сын мой! великая слава — приобучиться молчанию. Молчание — подражание Господу нашему, Который *ничтоже отвеща, яко дивитися Пилату*[1].

110. Чада мои, нет нечестия, которое было бы выше того нечестия, когда человек наносит скорбь ближнему и возносится над ближним[2].

111. Язык твой да руководится разумом твоим; слова, произнесенные необдуманно, — волчцы и терние[3].

112. Никому не предлагай того, никого не учи тому, чего прежде сам не исполнил на деле[4].

113. Молитва, совершаемая с небрежением и леностью, — празднословие[5].

114. Отступи — ускори это сделать — от человеков, чуждых благоразумия и духовного разума[6].

115. Если изучишь какие-либо добродетели, не хвастай, не говори: то и то я сделал и исполнил. Такое хвастовство — признак величайшего неразумия[7].

116. Муж мудрый основательно знает значение и обстановку пути своего; по этой причине он не спешит говорить, но выжидает и рассматривает, что следует ему сказать и что выслушать; напротив того, не воспитанный правильным иноческим воспитанием не останавливается объявлять даже поверенные ему тайны[8].

117. Тому, кто не внимает словам твоим, не говори их[9].

118. Друзей твоих предварительно подвергай испытанию и не своди со всеми близкого знакомства. Если заведешь обширное знакомство, — не доверяй всем, потому что мир вскващен на лукавстве. В друга себе избери одного брата, боящегося Господа, и прилепись к Богу, как сын к отцу, потому что все человеки, за исключением немногих, предались лукавству; земля преисполнилась суетности, попечений и скорбей[10].

119. Ели любишь безмолвие, — не примешивай себя к тем, которых сердце всецело устремлено к суетности. Если случиться нечаянно быть с ними, — будь как чуждый им[11].

120. Если желаешь благоугодить Богу, — почти Христа. Он освободит и защитит тебя[12].

121. О добром деле, которое желаешь сделать, отнюдь не говори, — исполни его, не разгласив о нем предварительно[13].

[1] Pag. 1076. || [2] Pag. 1076. || [3] Pag. 1076. || [4] Pag. 1076. || [5] Pag. 1076. || [6] Pag. 1076. || [7] Pag. 1076. || [8] Pag. 1077. || [9] Pag. 1077. || [10] Pag. 1077. || [11] Pag. 1077. || [12] Pag. 1077. || [13] Pag. 1077.

122. Не люби похотений; любящего похотения свои, когда он просит чего у Бога, Бог не слушает[1].

123. Во всем наблюдай смирение: в наружности своей, в одеждах твоих, в сидении, стоянии, хождении, лежании, в келлии и принадлежностях ее. Во всем жительстве твоем усвой себе обычай нищеты; не тщеславься ни в речах твоих, ни в славословии и песнопениях, приносимых Богу; когда случится тебе быть с ближним твоим, — слова твои да не будут растворены хитростию, коварством и обманом[2].

124. Не обвини и не укори кого-либо необдуманно и поспешно; в этом — падение твое[3].

125. Предваряй действия твои воспоминанием исшествия твоего из тела и не забывай памятствования о вечном осуждении; поступая так, не согрешишь вовеки[4].

126. Пустыня — удобное место для размышления о смерти, убежище от причин, возбуждающих плотские вожделения[5].

127. Употребляй простейшую пищу[6].

128. Ощутив гнев, тотчас отвергни его далеко от себя, чтоб радость твоя о Господе пребыла ненарушенною до конца. Умоляю, как юношей, так и старцев, чтоб они не дозволяли гневу обладать собою[7].

129. Мужество — не что иное, как пребывание в истине, при твердом противоборстве невидимым врагам; если будешь постоянно противоборствовать им, то они отойдут, исчезнут окончательно и никогда не возвратятся[8].

130. Будь мудр: молчанием загради уста клевещущих на тебя. Не оскорбись, если кто будет говорить худо о тебе: это — действие нечистейших духов, старающихся устраивать препятствия человеку к получению духовного разума[9].

131. Удали от себя ненависть, охраняй себя от вожделений твоих, равно как и от скверных помышлений[10].

132. Апостол Иоанн, соделавшись обителию Святого Духа, совмещает в следующем премудрейшем изречении человеческие вожделения в три подразделения: *все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская*[11]. Похоть плотская — в насыщении чрева и во множестве разнообразных яств, чему по необходимости последуют осквернения сладострастием. Похоть очес —

[1] Pag. 1077. || [2] Pag. 1077. || [3] Pag. 1077. || [4] Pag. 1077. || [5] Pag. 1077. || [6] Pag. 1077. || [7] Pag. 1077. || [8] Pag. 1077. || [9] Pag. 1078. || [10] Pag. 1078. || [11] *...все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (1 Ин. 2. 16).

когда, по причине зрения, увлекаемся к совершению дел мира сего, или напечатлеваются в сердце нечистые образы. Гордость житейская — это тщеславие, которым наветуется наш дух и влечется к гибнущим и суетным попечениям[1].

133. Радуйся в искушениях, которые будут допущены тебе; при посредстве их приобретается духовный плод[2].

134. Не наслаждайся наслаждениями мира, иначе умрешь несчастною смертию[3].

135. Непрестанно бодрствуй над собою, чтоб не быть обольщенным и сведенным в заблуждение, чтоб тебе не впасть в леность и нерадение, чтоб не быть отверженным в будущем веке. Горе ленивым! приближился конец их, и некому помочь им, нет им надежды спасения[4].

136. Ежедневно умирай, чтоб жить вечно, потому что боящийся Бога жив будет вовеки[5].

137. Не забывай трудов, понесенных тобою ради добродетели, не впади в леность, чтоб не оказаться в последний час твой нерадивым и заблудшим с пути правого; но возлюби Господа до конца, чтоб наследовать милосердие[6].

138. Каждую ночь омывай ложе твое слезами, — обливай слезами рогозину, на которой спишь; смиряй себя пред Господом Иисусом Христом, чтоб Он простил тебе грехи твои, обновил тебя, даровал тебе силу к совершению добродетелей и, наконец, предоставил в наследство тебе бесконечное Царство Свое.

139. Если брат придет к тебе и откроет тебе свои помышления, то остерегись, не перескажи о них кому-либо; но помолись за брата и за себя, чтоб вы оба освободились от влияния греховного.

140. Предстой всегда в присутствии Бога в истине и правде.

141. Если отлучишься куда-либо из монастыря твоего, — старайся скорее возвратиться в него, чтоб продолжительное отсутствие не ослабило твоего молитвенного настроения.

142. Жительствующий в пустыне успокаивается от трояких борений, а именно: от тех, которые посреди мира стужают сердцу при посредстве ссор и тяжб, при посредстве слуха и при посредстве зрения.

143. Инок, желающий спастись, да не входит в свой мирской дом, да не живет в том городе, в котором согрешил. Да не дозволяет он себе свиданий с родителями и прочими ближайшими

[1] Pag. 1078. || [2] Pag. 1078. || [3] Pag. 1078. || [4] Pag. 1078. || [5] Pag. 1078. || [6] Pag. 1078.

родственниками, потому что от этого зарождается повреждение в душе и утрачивается плод жизни[1].

144. Не дозволь себе разделить трапезы с женщиною и никак не сведи близкого знакомства с отроком[2].

145. Будучи здоров, не разрешай пояса твоего[3].

Древние иноки так строго бодрствовали над собою, что даже ложились на одр для краткого отдохновения одетыми и препоясанными[4]. Этот обычай сохранился поныне в некоторых монастырях Афона.

146. Не возьмись за руку ближнего твоего и не прикоснись к коленям его[5].

147. Не дозволь себе нарушить Божественной заповеди ради дружбы человеческой[6].

148. Тщательно прилежи чтению Писания: это извлечет тебя из порочной жизни[7].

149. Безмолвствуя в келлии твоей, занимайся рукоделием, притом не оставляй моления именем Господа Иисуса. Обращай это имя во уме твоем, поучайся ему в сердце, восхваляй языком, говори: *Господи Иисусе Христе, помилуй меня.* Также: *Господи Иисусе Христе, помоги мне.* Также: *Славословлю Тебя, Господь мой, Иисус Христос*[8].

150. Возлюби труд: он, в соединении с постом, молитвою и бдением, освободит тебя от всех скверн. Телесный труд доставляет сердцу чистоту; чистота сердца служит причиною того, что душа приносит плод[9].

151. Отнюдь не суди ни о ком, но пребывай в плаче о грехах твоих[10].

152. Остерегись рассердиться на кого-либо, — прощай всем[11].

153. Прочь — ложь! она изженет из тебя страх Божий[12].

154. Удали от себя греховные помышления и предай себя Богу, Который защитит тебя десницею Своею[13].

155. Не открывай помышлений своих всем, чтоб не ввести брата твоего в соблазн[14].

156. Люби смирение; оно покроет все грехи твои[15].

157. Не будь непослушен. Иначе соделаешься орудием и сосудом всех зол и всякого нечестия[16].

158. Имей постоянным залогом в сердце твоем послушание отцу твоему, и будет обитать в тебе страх Божий[17].

[1] Pag. 1080. || [2] Pag. 1080. || [3] Pag. 1080. || [4] Лк. 12. 35. || [5] Pag. 1080. || [6] Pag. 1080. || [7] Pag. 1080. || [8] Pag. 1080. || [9] Pag. 1080. || [10] Pag. 1080. || [11] Pag. 1080. || [12] Pag. 1080. || [13] Pag. 1080. || [14] Pag. 1080. || [15] Pag. 1080. || [16] Pag. 1081. || [17] Pag. 1081.

159. Не злословь брата твоего, хотя бы ты видел его преступающим все заповеди. Иначе сам впадешь в руки врагов твоих[1].

160. Преждесодеянных грехов не укрепляй в душе твоей размышлением о них, чтоб они не возобновились в тебе. Будь уверен, что они прощены тебе с того времени, как ты предал себя Богу и покаянию. В этом не сомневайся[2].

161. Не считай себя ученым и премудрым: иначе погибнет труд твой, и корабль твой совершит тщетное плавание[3].

162. Приучись, чтоб язык твой говорил при всех встречающихся случаях, всегда, во всякое время, всем братиям и Самому всевышнему Богу: *прости меня*. Если будешь всегда говорить: *прости меня,* — стяжешь смирение[4].

163. Не осуждай никого, чтоб не отступил от тебя страх Божий и ты не был предан в руки невидимых врагов[5].

164. Вожделений твоих и удовольствий сего мира, которым ты предавался во время нерадивой жизни твоей, не вспоминай и не говори о них. Не скажи: я сделал то и то, я преступил ту и ту заповедь. Это послужит тебе во вред[6].

165. Безмолвствуя в келлии, прилежи к следующим трем занятиям: к чтению Писания, к молитве и к рукоделию[7].

166. Непрестанно и тщательно пребывай в покаянии; ни одной минуты не приноси в жертву лености[8].

167. Смиренно и со слезами проси отца твоего, не стыдясь это делать, чтоб он поучил тебя тому, чего ты не знаешь[9].

168. При наступлении каждого дня устраивай себя так, как бы этот день был последним в твоей земной жизни, и сохранишь себя от грехов[10].

169. Знай: смирение состоит в том, чтобы ты признавал всех человеков лучшими тебя и был удостоверен в душе твоей, что ты более всех обременен грехами. Главу твою держи опущенною, и язык твой да будет всегда готов сказать укоряющему тебя: *владыко мой! прости меня*. Предметом же постоянного размышления твоего да будет смерть[11].

170. О делах мира сего отнюдь не говори[12].

171. Похотений и желаний твоих не исполняй[13].

172. Отжени от себя гордость; ближнего твоего и всех человеков признавай лучшими тебя[14].

---

[1] Pag. 1081. || [2] Pag. 1081. || [3] Pag. 1081. || [4] Pag. 1081. || [5] Pag. 1081. || [6] Pag. 1081. || [7] Pag. 1081. || [8] Pag. 1081. || [9] Pag. 1081. || [10] Pag. 1081. || [11] Pag. 1081. || [12] Pag. 1081. || [13] Pag. 1081. || [14] Pag. 1081.

173. Грех, соделанный тобою, не скрой от духовного отца твоего[1].

174. Пустых слов не произноси и не слушай произносящего пустые слова, чтоб ими не запечатлелась душа твоя[2].

175. Убегай стремления к собранию имущества, убегай непокорности. Еще более убегай объядения, чтобы не увязнуть в сети плотского вожделения: объядением отъемлется страх Божий у сердца и благообразие скромности у лица; подвижник подчиняется постыдным и скверным страстям, ум отчуждается от Бога[3].

176. Не тщеславься. Не обращай в сердце хвастливых мыслей, не произноси хвастливых слов: *я сделал то и то, я понес такие и такие трудности, я не обеспокоил и не потревожил никого*. Всем этим вводится тщеславие, и тот, кто заражен такими и подобными помышлениями, соделался жилищем диавола и нечистых духов[4].

177. Помышления твои всегда да вращаются в Божественных заповедях; исполнять их старайся всеми силами, не упускай ни одной из них[5].

178. Не порицай никого из смертных, чтоб молитвы твои не соделались мерзостными пред Богом[6].

179. От шуток и от препровождения времени в смехословии и забавах всячески остерегайся[7].

180. Если будешь постоянно и тщательно заниматься чтением Писаний и исполнять заповеди, то милосердие Божие будет неотлучно с тобою[8].

181. Пребывай всегда в плаче и слезах; Бог умилосердится над тобою и облегчит все скорби твои[9].

182. Ненавидь все мирское и удаляй от себя. Будь уверен, что оно изгоняет нас от лица Божия на дальнейшее расстояние[10].

183. Люби труд, подчиняй себя всем, имей уста заключенными, и стяжешь смирение; истинное смирение доставляет человеку прощение всех грехов его[11].

184. Знаю монахов, которые после многих трудов пали и обезумели, потому что надеялись на свои дела и презрели заповедь Того, Кто сказал: *вопроси отца твоего, и возвестит тебе*[12].

185. Подобает юному монаху совещаться со старцем о каждом шаге, который он делает даже в своей келлии, о каждой капле воды, которую он выпивает; говорю это потому, что знаю некоторых мона-

---

[1] Pag. 1081. || [2] Pag. 1081. || [3] Pag. 1081. || [4] Pag. 1082. || [5] Pag. 1082. || [6] Pag. 1082. || [7] Pag. 1082. || [8] Pag. 1082. || [9] Pag. 1082. || [10] Pag. 1082. || [11] Pag. 1082. || [12] ...*спроси отца твоего, и он возвестит тебе* (Втор. 32. 7. Достопамятные сказания, гл. 37).

хов, низвергшихся в падение именно оттого, что признавали себя угождающими Богу. Если тебе будет что повелено, согласно с заповедями Господа Бога нашего, — соблюди и исполни это с тщательностию, чтоб совершалось над вами сказанное Апостолом: *повинующеся друг другу в страсе Божии*[1]. Напротив того, если будет приказано что-либо противное Божественным заповеданиям, тогда должно отвечать приказывающему: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком*[2]; *аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите*[3]. Будем помнить слова Господа: овцы Мои *по чуждем не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа*[4]. Подобно этому небесный Павел увещевает нас и говорит: *аще мы, или Ангел с небесе*, или кто бы ни был другой, *благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет*[5]. Не примите его[6].

186. Я, Антоний, говорю тебе истину. Внимательно выслушай слова мои и сложи их в сердце твоем; знай, что этими наставлениями и завещаниями я предаю тебя Творцу. Если ты будешь соблюдать их, то возвеселишься со всеми Ангелами и посрамишь всех злых духов. Если будешь исполнять их на деле и проводить по ним жительство, то Бог будет с тобою и Ангелы Его будут окружать тебя; душа твоя наполнится благоуханием, которое издают из себя святые; возблистает светом блаженных лицо твое, — подобно всем святым; соделаешься жертвоприношением Богу и услышишь глас, говорящий тебе: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего*[7], Которому да будет слава вовеки. Аминь».

187. Брат спросил святого Антония: «Что делать мне, чтоб очиститься от грехов моих?» — Старец отвечал: «Желающий освободиться от грехов плачем и рыданием освобождается от них; желающий стяжать добродетели плачем и слезами стяжавает их. Вся книга псалмов — не что иное, как плач. Вспомни о Езекии, царе иудейском, который, как написано о нем пророком Исаиею[8], при посредстве плача не только исцелился от болезни, но и удостоился получить

---

[1] *...повинуясь друг другу в страхе Божием* (Еф. 5. 21). ‖ [2] *...должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян. 5. 29). ‖ [3] *...справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?* (Деян. 4. 19.) ‖ [4] *За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса* (Ин. 10. 5). ‖ [5] *Но если бы даже не мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1. 8, 9). ‖ [6] Pag. 1082 и 1083. ‖ [7] *...«хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многими тебя поставлю; войди в радость господина твоего»* (Мф. 25. 21). ‖ [8] Ис. 38.

продолжение жизни на пятнадцать лет; в то время, как изливались его слезы, сила Божия поразила смертию сто восемьдесят пять тысяч человек из войска, нападавшего на него. При посредстве плача святой апостол Петр возвратил то, что потерял отречением от Христа. Мария, обливавшая слезами ноги Христа, удостоилась увидеть воскресение своего брата, четверодневного Лазаря».

188. Некоторый брат спросил авву Антония: «Что делать мне, чтоб обрести милосердие у Бога?» — Святой старец отвечал ему: «Что скажу тебе, то сохраняй тщательно: где бы ты ни был, — имей Бога пред очами твоими; делай только то, на что имеешь свидетельство Писания; остерегись скоро оставлять место, в котором ты живешь, каково бы это место ни было».

Из ответа преподобного Атония видно, что Священное Писание издревле признавалось основным руководством для монашества. Только те советы и те наставления старцев принимались за правило жизни, которые были согласны со Священным Писанием.

189. Спросил некогда авва Памво авву Антония, как ему вести себя, чтоб наследовать спасение. — Блаженный старец отвечал: «Не доверяй своей праведности; искренно раскаявайся в прежде-содеянных согрешениях; воздерживай язык, сердце и чрево».

190. Будучи спрошен, *позволительно ли иногда смеяться*, он отвечал: «Господь осуждает смеющихся. *Восплачетеся и возрыдаете вы,* сказал Он ученикам Своим, *а мир возрадуется*[1]. Истинному монаху не должно смеяться, — должно плакать о тех, которые проводят всю жизнь в творении грехов. Будем рыдать и плакать, непрестанно умоляя Бога, чтоб не попустил их пребыть в греховной жизни, чтоб не восхитила их смерть прежде, нежели они успеют принести покаяние»[2].

191. Однажды некоторые братия пришли в монастырь аввы Антония, чтоб посоветоваться с ним о привидениях, которые являлись им, и чтоб спросить его, с десной ли стороны эти видения или от диавола. Братия, отправляясь в путь, взяли с собою осла, который дорогою умер. Когда они пришли к старцу, и прежде нежели успели что сказать ему, он спросил их: «Отчего осел ваш умер на дороге?» Братия отвечали: «Откуда знаешь это, отец?» — Старец: «Демоны поведали мне». — «А мы и пришли, — сказали братия, — спросить тебя и посоветоваться с тобою о подобном: нам являются привидения, которые иногда говорят по видимому прав-

[1] *...вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется* (Ин. 16. 20). ‖ [2] Pag. 1095.

ду; но мы боимся быть обманутыми». Тогда старец сделал им увещание, чтоб они нисколько не внимали этим привидениям, потому что они — от диавола.

Общее правило для всех: никак не увлекаться явлениями из мира духов, — признавать всякое такое явление тяжким искушением для себя. Ангелы являются одним святым человекам, и одни святые способны, будучи просвещаемы Божественною благодатию, различать святых Ангелов от диаволов. Диаволы, являясь человекам, наиболее облекаются в вид святых ангелов, окружают себя всевозможною благовидностию, чтоб тем удобнее обольстить, обмануть и погубить неопытных, самомнительных, глупо-любопытных. Великое бедствие — вступить в общение с демонами, принять в себя впечатления от них, — даже подчиниться одному влиянию их, которое, будучи привлечено собственным произволением человека, имеет особенное действие.

192. Некоторый брат в общежитии своем был ложно обвинен в прелюбодеянии; он оставил общежитие, пришел в монастырь аввы Антония. За ним последовали братия общежития, желая утешить его и возвратить в общежитие; но, пришедши, начали обличать его, говоря: ты сделал то и то. Брат утверждал, что он ничего этого не делал. Когда они препирались, случилось тут быть авве Пафнутию. Он сказал спорящим следующую притчу: «Видел я на берегу морском человека, увязшего в топь по колена; некоторые пришли, чтоб оказать ему помощь, и погрузили в топь по плеча». Авва Антоний, выслушав притчу аввы Пафнутия, воскликнул: «Вот — муж, могущий исцелять и спасать души». Братия пришли в умиление от сказанного старцами, начали просить прощения у брата, — взяли его обратно с собою в общежитие[1].

193. В монастыре аввы Лота случилось искушение с некоторым братом. Брат, по причине этого искушения, был выслан из монастыря. Он пришел в гору аввы Антония и пробыл тут несколько времени, по прошествии которого блаженный послал брата в монастырь его. Там брата не приняли, — выслали снова. Он, возвратясь к авве Антонию, сказал ему: «Не захотели принять меня!» Авва опять послал его, поручив ему сказать отцам монастыря: «Корабль претерпел крушение и потерял груз свой; с большим трудом корабль этот достиг пристанища, а вы хотите потопить и то, что спаслось от потопления!» Отцы, узнав, что авва Антоний прислал к ним брата, немедленно приняли его с радостию[2].

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик.

194. Рассказывают о святом авве Антонии, что он, жительствуя в пустыне, однажды подвергся душевному смущению, унынию и особенному нашествию мрачных помыслов. Находясь в этом состоянии, он начал изливать печаль свою пред Богом. «Господи, — говорил он, — хочу спастись, но помышления мои никак не допускают меня совершить это. Что мне делать со страстями моими? как мне спастись?» Встав с того места, на котором сидел, и немного отошедши, он сел на другом месте, и — вот — видит неизвестного ему человека, тщательно занятого трудом рук своих. Этот человек то вставал, оставляя рукоделие, и молился, то опять возвращался к рукоделию: он сшивал листья пальмы. Потом он опять вставал и молился; после молитвы опять принимался за рукоделие. Поступавший таким образом был Ангел, посланный Богом ободрить Антония и возбудить его к мужеству. И услышал Антоний глас, исшедший от Ангела: «Антоний! поступай так и спасешься». Услышав это, Антоний очень обрадовался и ободрился: он начал поступать так, и спасся[1].

Превосходное наставление и правило, особливо для жительствующих в безмолвии! Ум не может непрестанно пребывать всецело в молитве и других деланиях душевного подвига: как ограниченный, он утомляется; ему необходимо отдохновение. Отдохновение это доставляется умеренным рукоделием, при котором делание ума хотя и продолжается, но не так напряженно. Нужна осторожность, чтобы не увлечься пристрастием к рукоделию, не отдать ему слишком много времени, слишком много сил души и тела, в ущерб молитве, составляющей существенное делание безмолвника.

195. Рассказывают, что авва Антоний, будучи однажды приведен в недоумение глубиною домостроительства Божия (управления миром) и судов Божиих, помолился и сказал: «Господи! отчего некоторые из человеков достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны, — другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?» — Долго был он занят этим размышлением, и пришел к нему глас: «Антоний! внимай себе и не подвергай твоему исследованию судеб Божиих, потому что это — душевредно»[2].

Необходимо подвижнику и каждому христианину отличить то, что предоставлено его пониманию, от того, что предоставлено лишь его со-

[1] Pag. 1099 и 1100. || [2] Pag. 1100 и Алфавитный патерик.

зерцанию. Уму ограниченному не естественно понимать со всею удовлетворительностию действия ума неограниченного, ума Божия; тщетное усилие к пониманию и объяснению того, что превыше понимания, ведет единственно к заблуждениям, к богохульству, к ересям и безбожию.

196. Ловец диких зверей пустыни пришел для ловли в гору аввы Антония. Увидев, что Авва утешает братию, он соблазнился этим. Старец, желая успокоить его и показать, что нужно иногда предоставлять братии некоторое послабление, сказал ему: «Вложи стрелу в лук твой и натяни его». Охотник сделал это. Старец сказал: «Еще натяни». Охотник натянул лук туже. Старец опять говорит ему: «Натяни еще более». Охотник отвечал: «Если сверх меры натянуть лук, то он переломится». На это авва Антоний сказал: «Так бывает и в деле Божием. Если будешь сверх меры напрягать силы братии, то они скоро отпадут от дела Божия; необходимо по временам давать им послабление». Ловец, услышав это, выразил свое согласие и пошел от старца с большою пользою, а братия, утвердившись в правильном воззрении на свой подвиг, разошлись по келлиям[1].

Повесть необыкновенной важности! Все подвиги, предпринятые несоответственно силам, оставляются. Так вредно впечатление, производимое несоразмерным, оставленным подвигом, что подвижники, оставившие неумеренный подвиг, обыкновенно оставляют всякий подвиг и переходят к нерадивой жизни, к душевному расстройству. «Безмерному деланию,— говорит святой Исаак Сирский,— последует уныние; унынию — исступление», т. е. расстройство![2] — Здесь не лишним будет заметить, что *утешением* называется некоторое послабление братии, вне обычного порядка и правила для их жительства, преимущественно в пище. Когда на трапезу подадут или рыбу, или вино, или плоды — это называется *утешением*; когда в великий праздник все это предложится на трапезе, тогда *утешение* называется *велиим*, великим. Когда больному или старцу дадут одежду более спокойную, нежели какую носят вообще братия,— это называется *утешением*. Никак не должно думать, чтоб послабление состояло в празднословии, шутках и смехе, воспрещенных заповедями Господа и преданием Апостольским. *Всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный: от словес твоих оправдишися, и от словес твоих осудишися*[3]. *Горе вам, смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачете*[4]. *Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших:*

---

[1] Pag. 1097 и Алфавитный патерик. ‖ [2] Слово 71. ‖ [3] *...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12. 36, 37). ‖ [4] *Горе вам, смеющиеся ныне: ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6. 25).

но еже есть благо к созиданию веры, да даст благодать слышащим[1]. *Ниже именуется в вас сквернословие и буесловие, или кощуны* (смехословие, шутки), *яже неподобная*[2]. Плач — жизнь монаха: рождает его мысль сознания своей греховности, мысль покаяния. По этой причине празднословие и смехословие, как истребляющие плач в самом корне его — в святых мыслях покаяния, как уничтожающие сущность и весь плод монашеского жительства, строго преследовались и преследуются во всех благоустроенных монастырях.

197. Говорят об авве Антонии, что он сказал: «Я видел Духа Божия нисходящим на трех человеков: на авву Афанасия, — и дано ему патриаршество; на авву Пахомия, — и дано ему начальство над общежитиями; на авву Макария, — и дана ему благодать исцеления недугов»[3].

Замечательное видение! Вот какими орудиями поддерживалась Церковь Божия! Вот какими орудиями установлялись учреждения ее! Основал Бог Церковь Свою действием Слова и Духа Своего, — и поддерживает Он Церковь этим действием. Сами Апостолы из себя единственно не могли сделать ничего. Господь заповедал им пребывать неисходно во Иерусалиме, доколе они не облекутся силою Свыше, то есть доколе не низойдет на них Святой Дух. Облеченные силою Свыше, не прежде, они вышли на проповедь, насадили во вселенной истинное Богопознание. Деятели в Церкви — Слово Божие и Дух Божий; благодатные человеки — только орудия. Человек, чуждый благодати, не может быть орудием. Ошибаются, тяжко ошибаются те, которые хотят действовать в деле Божием силою и средствами своего падшего естества. Падшее естество заражено враждою к Богу, находится в общении и сродстве с падшими духами; как же может оно действовать в пользу дела Божия? Это — противоестественно ему! это — невозможно для него! Опыты согласно показали, что человеки, вздумавшие действовать из себя в пользу дела Божия, действовали во вред его, в пользу дела демонов.

198. Однажды пришли старцы к авве Антонию; между ними был и монах Иосиф. Старец, желая искусить их, завел речь от Писания и стал спрашивать объяснение у каждого, начиная с младших. Каждый давал объяснение по своему разумению, а старец находил объяснение каждого неудовлетворительным; потом, обратясь к монаху Иосифу, сказал ему: «Ты как объяснишь это слово Писания?»

---

[1] *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим* (Еф. 4. 29). ‖ [2] *Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны* [*вам*] (Еф. 5. 4). ‖ [3] Pag. 1100.

Иосиф отвечал: «Я не знаю». Тогда авва Антоний сказал: «Однако монах Иосиф нашел тот путь, на котором говорят *не знаю*»[1].

Святые наставники иноков, желая, чтоб Священное Писание служило всецелым руководством в монашеском жительстве, вместе с тем желали, чтоб иноки, зная его по букве, наиболее изучали делами[2], особливо смирением. Это видно в житии преподобного Досифея[3], Иоанна Дамаскина[4] и других.

199. Однажды блаженный Антоний молился в келлии своей, — и был к нему глас: «Антоний! ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии». Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этот крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: «Поведай мне дела твои, потому что для тебя пришел я сюда, оставив пустыню». Кожевник отвечал: «Не знаю за собою, чтоб я сделал когда-либо и что-либо доброе; по этой причине, вставая рано с постели моей, прежде нежели выйду на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем прежде, нежели лягу спать». Услышав это, блаженный Антоний отвечал: «Поистине, сын мой, ты, как искусный ювелир[5], сидя спокойно в доме твоем, стяжал Царство Божие; я, хотя всю жизнь мою провожу в пустыне, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты выражаешь словами твоими»[6].

Глубина смирения есть вместе и высота преуспеяния. Нисходя в бездну смирения, восходим на небо. Покушающийся взойти на небо без посредства смирения низвергается в бездну самомнения и погибели.

200. Однажды некоторые ученики божественного аввы Антония, видя в пустынях бесчисленное множество монахов, прилежащих с великою ревностию по Боге и с соревнованием друг другу всем добродетелям и святым подвигам, спросили его: «Отец! долго ли будут продолжаться эти ревность и усердие к уединению, к нищете, к смирению, к любви, к воздержанию и ко всем прочим добродетелям, которым так тщательно прилежит все это множество монахов, почти без исключения?» Муж Божий так отвечал

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Преподобный Марк Подвижник. О Законе Духовном, гл. 32. ‖ [3] В начале Поучений преподобного аввы Дорофея. ‖ [4] Четьи-Минеи, 4 декабря. ‖ [5] Делатель золотых и других драгоценных вещей. ‖ [6] Pag. 785, стр. 130.

им, воздыхая и проливая обильные слезы: «Наступит некогда время, сыны возлюбленные, в которое монахи оставят пустыни и вместо их устремятся к богатейшим городам; там, вместо вертепов и хижин, которыми усеяна пустыня, они воздвигнут, стараясь превзойти одни других, великолепные здания, препирающиеся пышностию с царскими палатами. Вместо нищеты вкрадется стремление к собранию богатства; смирение сердца превратится в гордость; многие будут напыщены знанием, но чужды добрых дел, предписываемых знанием; любовь иссякнет; вместо воздержания явится угождение чреву, и многие из монахов озаботятся о доставлении себе изысканных яств не менее мирян, от которых они будут отличаться только одеждою и клобуком. Находясь посреди мира, они не устыдятся неправильно присваивать себе имя монахов и пустынников. Не престанут они величаться, говоря: *аз есмь Павлов, аз же Аполлосов*[1], — как будто вся сущность благочестия заключается в значении предшественников, как будто позволительно и справедливо хвалиться отцами, как хвалились иудеи предком своим, Авраамом! Однако между монахами тех времен некоторые будут далеко лучше и совершеннее нас, потому что блаженнее тот, *кто могл преступити, и не преступи, и зло сотворити, и не сотвори*[2], нежели тот, который увлекается к добру примером многих добрых. Так Ной, Авраам и Лот, проводившие святую жизнь посреди нечестивых, справедливо прославляются Писанием»[3].

201. По кончине Великого Антония некоторый духовный старец, упрошенный монахами, сделал объяснение на изречения Великого[4]. Так например, на изречение: *поди, живи в пустыне, и изучи брани демонов*, дано упомянутым старцем следующее истолкование: совершенство монаха проистекает от духовного делания, а духовное делание приобретается чистотою сердца, чистота же сердца — умною молитвою. Преуспеянием в умной молитве доставляется непрестанная молитва. Но демоны производят борьбу посредством помышлений и мечтаний, так же при посредстве привидений, и эта борьба возбуждается сильнее в пустыне и безмолвии[5].

202. Поведал о себе авва Антоний: «Я видел все сети диавола распростертыми поверх земли; увидев это, я вздохнул и сказал: “Горе роду человеческому! кто возможет освободиться от этих

---

[1] *...я Павлов, я Аполлосов* (1 Кор. 1. 12). ‖ [2] *Кто мог погрешить — и не погрешил, сделать зло — и не сделал* (Сир. 31. 11). ‖ [3] Pag. 1095 и 1096. ‖ [4] Pag. 1083 и 1084. ‖ [5] Pag. 1085.

сетей?" На это сказано мне: "Смиренномудрие спасается от них и они не могут даже прикоснуться к нему"». — *Извлечение* из объяснения, сделанного старцем: авва Макарий старший, египтянин, ученик аввы Антония, также видел во внутренней пустыне скита все сети страстей, которые видел в свое время авва Антоний. Макарий видел диаволов в подобии двух человеков; это видение было *чувственное*; он видел телесными очами, но авва Антоний видел очами духа по закону видений, и проч.[1]

203. Сказал авва Антоний: «Мы не приходим в преуспеяние по той причине, что не знаем ни мер наших, ни того порядка, который необходим для преуспеяния; мы не понимаем, какие дела приличествуют нам, — хотим стяжать добродетели, не употребив труда к стяжанию их. Каждый раз, когда восстает борьба против искушения в том месте, в которое мы призваны для жительства, — переселяемся в другое, полагая, что находится какое-либо место, в котором нет диавола. Кто имеет духовное знание борьбы с искушениями, тот с твердостию и постоянством сражается против них в Боге, как и Господь сказал: *се бо, Царствие Божие внутрь вас есть*»[2]. Объяснение старца: слов этих смысл — таков. Мы переходим на жительство с одного места на другое, ища такого места, в котором не было бы диавола; когда же и в том месте, на которое переселились, видим возникающее беспокойство от искушения, то снова переходим. Но кто опытен в духовных бранях, тот не ищет другого места, но противоборствует о Господе искушению в месте жительства своего. Он укрепляется удостоверением Господа, что Царство Божие — повсюду, что оно внутри нас. Это значит: нам, монахам, исшедшим из мира, приявшим на рамена свои крест по заповеди Господа нашего, последующим стопам Господа, подобает пребывать в одном месте, заботясь о спасении душ наших и выдерживая все потрясения, производимые искушениями. Ради любви к Богу, ради исполнения Его воли, опытно доказываемых соблюдением заповедей Его, мы должны великодушно претерпеть все потрясения и искушения — возникнут ли они из страстей наших, или от бесов, или от злых людей. Одни неопытные в духовной брани — да будет это нам известно — часто вскакивают, подобно молодым коням, не приученным носить на хребтах своих ношу, стремятся в другие места, полагая найти отраду и успокоение от борьбы и от напора злых помыслов при посредстве переселения из одного места в другое, из одной страны в другую. Будем терпеливо

[1] Pag. 1089. || [2] *Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17. 21).

пребывать в месте жительства нашего. Если восстанет брань или искушение, — прибегнем к посту, молитве, коленопреклонениям, будем со слезами и сердечною болезнию просить у Господа помощи и спасения: Он во всякое время — с нами, Он обитает в нас. Говорит Писание: *близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет*[1]. Так же и Господь сказал, что Царство Божие внутри нас. Это значит: *Я обитаю в вас*. Царство Божие, по объяснению святого Макария, — Христос, Который всегда обитает в нас. Блаженный Павел сказал: *или не знаете, яко Христос в вас есть*[2]. Не только Он жительствует в нас, но и мы пребываем в Нем, как Он Сам говорит: *будите во Мне, и Аз в вас*[3]. Будь храмом Моим, в который Я мог бы входить во всякое время, и получи от Меня спасение. Обитая в Боге, мы вместе — и обитель Его. Не будем оставлять Господа во время искушения, смущения и борения; не будем искать утешения и помощи от мест и стран, переходя с места на место и из страны в страну. Пребывая в месте жительства нашего, взыщем у Господа, живущего в нас, чтоб Он защитил нас, чтоб Он помог нам. В дополнение к этому будем открывать помышления наши Отцам нашим и просить у них, чтоб они споспешествовали нам молитвами своими. Пребывая терпеливо в месте жительства нашего, будем постоянно прибегать под покров Спасителя нашего, и Он непременно соделает нас победителями во всех бранях наших[4].

204. *Вопрос*. Что значит сказанное аввою Антонием: рыбы, будучи вынуты из воды, умираю; то же случается и с монахом, если он пребывает вне келлии продолжительное время? — *Ответ*. Жизнь души есть непрестанное памятование и любление Бога. Это по преимуществу должно быть именуемо жизнию души и духа. По этой причине, если монах будет подолгу оставаться в городах, — он умирает, убиваемый зрением соблазнов и обращением среди их; он лишается духовной жизни, удаляясь от Бога и забывая Его, изгоняя из сердца своего любовь ко Христу, приобретенную многими трудами в келейном безмолвии. В нем ослабевает ревность к удручению себя подвигами, — он предается лености и увлекается вожделениями. Возмущается чистота его сердца от действия на него страстных впечатлений, входящих чрез чувства, — чрез зрение, слух, разговоры, осязание, вкус, обоняние. Этими впечатлениями он уси-

---

[1] *Близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет* (Пс. 33. 19). ‖ [2] *Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас* (2 Кор. 13. 5). ‖ [3] *Пребудьте во Мне, и Я в вас* (Ин. 15. 4). ‖ [4] Pag. 1093 и 1094.

ленно влечется к любодеянию и другим порокам, которые для монаха — смерть и погибель. Итак, справедливо сказал блаженный Антоний: как рыбы умирают, будучи вынуты из воды на сушу, так умирает и монах, оставивший свою келлию и живущий в городах[1].

1. Авва **Арсений Великий** приведен к монашеской жизни чудными судьбами Божиими. Он был наставником Аркадия и Гонория, сыновей Феодосия Великого, императора византийского, и назывался отцом их. По такому значению своему, по личным достоинствам, по учености своей Арсений пользовался особенным почетом между придворными. По положению мира он принадлежал к сенаторам, и вместе принадлежал к церковному клиру, имея сан диакона. Из дошедших до нас изречений его и событий из его жизни видна в его характере необыкновенная прямота и откровенность. Он действовал сообразно своей цели, своей решительной благонамеренности, не допуская себе соображений, которые могли бы отвлечь от такого действования. Однажды он нашел нужным наказать Аркадия за некоторое юношеское увлечение, и наказать так сильно, чтоб питомец не позволил себе снова этого увлечения. Злоба объяла Аркадия. Он задумал убить Арсения. Умысел царевича был открыт Арсению. Арсений ночью снял с себя одежду царедворца, облекся в рубища нищего, ушел из дворца, сел на корабль, отправлявшийся из Константинополя в Александрию. В окрестностях ее находилась дикая пустыня, Скит, в которой тысячи монахов проводили самое возвышенное жительство; туда направился Арсений. Он сопричислился к многочисленному лику святых подвижников и вскоре, под руководством преподобного Иоанна Колова, достиг особенного духовного преуспеяния[2].

2. В характере Арсения Великого отмечена жизнеописателями еще особенная черта. Когда он находился при дворе императорском,— никто из придворных не окружал себя таким великолепием, как Арсений, а в Скиту никто не наблюдал так строго иноческой нищеты, никто не носил столь рубищного одеяния, как Арсений; обилие благовонных мастей он заменил смердящею водою, в которой намачивались пальмовые ветви для его рукоделия, и которая, постоянно не пременяемая, но только добавляемая, была в его келлии[3]. И при дворе Арсений, сияя по наружности роскошию, прово-

---

[1] Pag. 1085 и 1086. ‖ [2] Четьи-Минеи. Житие преподобного Арсения Великого, 8 мая. ‖ [3] Достопамятные сказания, главы 4, 18 и 20.

дил жительство подвижника, постоянно помышлял о монашеской жизни, стремился к ней всем желанием сердца.

Подобная черта замечена в характере Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Этот святитель, строгий подвижник, был вполне нестяжателен, нестяжателен до совершенной нищеты; но во время богослужения он обставлял себя необыкновенным порядком и необыкновенным блеском. Что это за явление? явление ли тщеславия и суетности по обычаю и в духе мира? Нет! это было проявлением бескорыстного и высокого сочувствия к изящному. По этой причине пышность стояла возле нестяжания, блеск прикрывал строгое подвижничество, — и легко оставил преподобный Арсений тени и образы изящного, к которым сердце его не было пристрастным — устремился всецело к существенно изящному. Единое, истинно изящное — Бог.

3. Узнав о замысле Аркадия и находясь еще при царском дворе, Арсений молился Богу так: «Господи! научи меня, как мне спастись?» И был к нему глас: «Арсений! бегай человеков, и спасешься»[1].

4. В Скиту Арсений опять молился Богу, говоря: «Господи! научи меня, как мне спастись?» И услышал он голос, говоривший ему: «Арсений! бегай человеков, молчи, безмолвствуй: это — корни безгрешия»[2].

Так сердцеведец Бог призвал избранный сосуд Свой к отшельнической жизни, ведая его способность к ней.

5. Прибыв в Скит, святой Арсений объяснил о намерении своем принять монашество пресвитерам. Они отвели его к старцу, исполненному Святого Духа, Иоанну Колову. Старец захотел подвергнуть Арсения испытанию. Когда они сели за трапезу, чтоб вкусить хлеба, старец не пригласил Арсения, но оставил его стоять. Он стоял, устремив глаза в землю и помышляя, что стоит в присутствии Бога пред Его Ангелами. Когда начали употреблять пищу, старец взял сухарь и кинул Арсению. Арсений, увидя это, обсудил поступок старца так: «Старец, подобный Ангелу Божию, познал, что я подобен псу; даже хуже пса, и потому подал мне хлеб так, как подают псу: съем же я хлеб так, как едят его псы». После этого размышления Арсений встал на руки и на ноги, в этом положении подошел к сухарю, взял его устами, отнес в угол и там употребил. Старец, увидев великое смирение его, сказал пресвитерам: «Из него

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. || [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания.

будет искусный инок». По прошествии непродолжительного времени Иоанн дал ему келлию близ себя и научил его подвизаться о спасении своем[1].

6. Вопросил однажды авва Арсений одного из египетских старцев о своих помыслах. Это увидел некоторый брат и спросил его: «Авва Арсений! почему ты, будучи столько сведущ в учености Греции и Рима, вопрошаешь о твоих помыслах этого, чуждого всякой учености?» Арсений отвечал: «Науки Греции и Рима я знаю, но еще не узнал алфавита, который преподается этим, ничего не знающим в учености мира».

Познания, которые сообщал египтянин, были доставлены ему исполнением евангельских заповедей. Эти познания приобретаются в самой душе, в ней имеют опытное, неоспоримое доказательство себе; они представляются поразительной новостию для ученого по стихиям мира, получившего все познания свои извне, лишенного правильного самовоззрения, которое открывается исключительно при свете учения Христова. Блажен авва Арсений, почтивший должным образом Премудрость, нисшедшую к человекам Свыше, и уничиживший пред нею премудрость, возникшую из падения человеческого. Многие, весьма многие предпочли вторую первой, погубили себя и своих последователей, устранив от себя свет Христов, оставшись при своем собственном свете.

7. Однажды авва Евагрий сказал авве Арсению: «Отчего мы, при всей нашей учености и нашем развитии, не имеем ничего, а эти грубые египтяне имеют такое возвышенное духовное делание?» Авва Арсений отвечал: «Мы ничего не почерпаем для духовного жительства из учений мира, а они подвигами стяжали свое духовное жительство»[2].

Христианское преуспеяние доставляется исполнением евангельских заповедей в самоотвержении; очевидно, что земная ученость, имеющая своим началом падение человечества, не может принимать никакого участия в деле обновления человечества Искупителем. Она делается великим препятствием в этом деле, если не будет решительно подчинена Премудрости Божией, если в дело спасения человеков, в дело Божие, внесем свое тлетворное начало, свой дух гордыни и вражды на Бога.

8. Брат просил авву Арсения дать ему наставление. Старец сказал: «Всеусильно подвизайся, чтоб внутренним твоим деланием по Боге побеждено было все внешнее»[3].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

Внутреннее делание есть тоже душевное делание. Оно состоит: в внимательной молитве устной и умной, в плаче сердца, в памятовании смерти, в самоукорении, в сознании и исповедании греховности своей и в тому подобных деланиях, совершаемых подвижником внутри души, в самом себе.

9. Сказал авва Арсений: «Если взыщем Бога, то Он явится нам, — и если будем удерживать Его в себе, то Он пребудет с нами»[1].

Изречение — из возвышеннейшего иноческого подвига! оно знаменует, что истинным подвигом должно привлечь в себя благодать Божию и, получив ее, удерживать ее в себе истинным подвигом. Предавшиеся лености и беспечности по получении благодати утратили ее.

10. Некоторый монах сказал авве Арсению: «Помыслы беспокоят меня, говоря: ты не можешь выносить ни поста, ни подвигов; посещай, по крайней мере, больных, потому что это — дело любви». Старец, поняв, что помыслы насеяны бесами, сказал ему: «Иди, ешь, пей, ничего не делай, только не оставляй келейного безмолвия». Старец сказал так, зная, что келейное безмолвие приведет монаха к должному жительству, если монах пребудет терпеливо в безмолвии[2].

11. Поведали о некотором брате, приходившем в Скит с целию увидеть авву Арсения, следующее: брат этот пришел в скитскую церковь и убедительно просил священнослужителей, чтоб доставили ему возможность видеть старца. Они сказали ему: «Побудь здесь некоторое время, и увидишь его». Брат отвечал: «Я не вкушу никакой пищи прежде, нежели увижу его». Тогда священнослужители послали одного из скитских братий проводить странного брата до келлии старца, которая находилась в весьма дальнем расстоянии от скитской церкви. Достигши келлии и постучавшись в двери, они вошли в келлию; приветствовав старца, сели, и сидели долго, пребывая в молчании. Наконец скитский брат сказал: «Я ухожу, — помолитесь о мне». Странный брат не осмелился начать разговора со старцем и сказал скитскому: «Я иду с тобою». Они вышли оба вместе, и попросил странный брат скитского: «Отведи меня к авве Моисею, который вступил в монашество из разбойников». Когда они пришли к авве, то он принял их очень приветливо, преподал им мудрое и святое наставление, — отпустил, выразив великую любовь. Тогда скитский брат сказал стран-

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик.

нику: «Вот! Я водил тебя к чужестранцу и к египтянину: который из двух тебе понравился более?» Он отвечал: «Однако египтянин мне пришелся более по сердцу». — Некоторый из Отцов, услышав это, помолился Богу, говоря: «Господи! открой мне тайну дела: один убегает всех ради имени Твоего, а другой принимает всех ради Твоего имени». И вот! в видении явились ему два великие корабля на обширных водах. В одном корабле он видел авву Арсения, безмолвно плывущего, и Духа Божия с ним, а в другом авву Моисея, плывущего в обществе Ангелов, которые питали его медом, истекавшим из сотов.

Таково было свидетельство Божие о истинно безмолвствующем иноке.

12. Сказал авва Марк авве Арсению: «По какой причине ты избегаешь общества и беседы с нами?» Арсений отвечал: «Знает Бог, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом и с человеками. На небе тысячи и тысячи тысяч имеют одну волю, а у человеков воля многообразна; и потому не могу, оставив Бога, быть с человеками».

Когда иноку усвоится его делание и соделается его существенною необходимостию, тогда он не имеет возможности перейти к другому деланию, хотя бы это другое делание имело свое духовное достоинство. Оставление усвоившегося делания — как бы оставление жизни.

13. Однажды некоторые отцы пришли из Александрии к авве Арсению для свидания с ним. Один из них был дядя старшего Тимофея, архиепископа Александрийского, прозванного *нестяжателем*. Авва Арсений был тогда болен и отказался от свиданий, опасаясь, чтоб и другие не начали приходить и беспокоить его; в то время он находился в каменистой горе Тройской. Отцы возвратились огорченные. За этим последовал набег варваров; старец оставил гору и перешел для жительства в Нижний Египет. Услышав это, отцы опять пришли для свидания с ним. Старец принял их радушно. С отцами был брат. Этот брат сказал авве Арсению: «Известно ли тебе, авва, что мы приходили к тебе для посещения в Тройскую гору?» Старец отвечал ему: «Вы после того, как я не принял вас, ели хлеб и пили воду, а я — поверь мне, сын мой, — не вкусил ни хлеба, ни воды, даже не присел, но пребыл в молитвенном подвиге о вас, доколе мне не было открыто, что вы возвратились к себе благополучно. Так поступил я по той причине, что вы

потрудились ради меня. Впрочем, — простите меня». Посетители пошли от него утешенные[1].

Чтоб исцелить плотское суждение о поступке духовного мужа, о поступке, который по наружности своей мог показаться резким нарушением заповеди Божией о любви к ближнему, святой Арсений поведал тайну своего поведения относительно не принятых им посетителей и бывшее ему о них Божественное откровение, из которого явствовала сила его молитвы и то исполнение заповеди, к которому способны одни Духоносцы.

14. Брат пришел к хижине аввы Арсения — это случилось в Скиту — и увидел сквозь дверную скважину старца всего как бы огненным. Брат достоин был видения. Он постучался в дверь; старец вышел и, заметив изменение в лице брата, спросил его, давно ли он тут и не видел ли чего. Брат сказал, что ничего не видел. Старец, побеседовав с ним, отпустил его[2].

15. Поведал авва Арсений о некотором скитянине, великом по подвижничеству и славном по вере, но погрешавшем в ней по невежеству, следующее: скитянин говорил, что в Святом Причащении мы приемлем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба. Об этом услышали два старца. Зная, что говоривший велик по жительству, они поняли, что он говорит это не по злонамеренности, а по неведению и простоте. Они пришли к нему и сказали: «Отец! мы слышали о некотором брате, что он произнес мнение, не согласное с учением правой веры, именно, что в Святом Причащении мы принимаем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба». Старец отвечал: «Говорил это я». Они начали его убеждать: «Не думай так, отец, но исповедуй по Преданию Святой, Соборной, Апостольской Церкви. Мы веруем, что хлеб есть самое Тело Христово, а в чаше — самая Кровь Христова, — отнюдь не образы. Хотя непостижимо, каким образом хлеб может быть телом, но так как Господь сказал о хлебе: *сие есть тело Мое*, то мы веруем, что хлеб есть истинное Тело Христово». Старец на это сказал: «Если я не буду удостоверен самым опытом, то пребуду в сомнении». Они предложили ему: «Будем молиться Богу в течение всей следующей недели, чтоб Он объяснил нам Таинство, и веруем, что Бог откроет». Старец с радостию принял предложение; он молил Бога так: «Господи! Ты знаешь, что я не верю не по злонамеренному упорству. Господи Иисусе Христе! открой мне об этой тайне, чтоб я не пребывал в заблуждении по причине неверия». Также

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик.

и старцы, пришедши в хижины свои, молили Бога в течение всей недели об этой тайне и говорили: «Господи Иисусе Христе! открой об этой тайне старцу, чтоб он не пребывал в неверии и не погубил труда своего». И послушал их Бог. По прошествии недели они пришли в церковь, сели все трое на одной циновке, и отверзлись им очи. Когда был предложен хлеб на Святой Трапезе, тогда увидели они, одни эти три старца, младенца вместо хлеба. Когда же иеромонах простер руку, чтоб преломить хлеб на Святой Трапезе, то сошел с неба Ангел Господень с ножом в руке, заклал младенца; кровь из него излил в чашу. Когда иеромонах преломлял хлеб, — Ангел резал младенца на малые части. Когда приступили к принятию Святых Таин, неверовавшему старцу подано было кровавое мясо. Увидев это, старец испугался и возопил: «Господи! верую, что хлеб есть Тело Твое!» И немедленно мясо на руке его оказалось хлебом по обычаю Таинства. Он причастился, славословя Бога. Старцы сказали ему: «Бог ведает, что человеки не могут употреблять сырого мяса, а потому Он прикрыл тело Свое видом хлеба, а кровь видом вина». Два старца возблагодарили Бога, не попустившего подвигу третьего старца сделаться тщетным[1].

16. Когда настало для аввы Арсения время кончины, тогда братия, бывшие при нем, увидели, что он плачет. Братия сказали ему: «Отец! неужели и ты страшишься?» Он отвечал: «Страшусь! Страх, ощущаемый мною в настоящий час, пребывал со мною с того времени, как я сделался монахом».

17. Сказывали об авве Арсении, что он постоянно имел платок на коленях в то время, как сидел за рукоделием, по причине слез, падавших из очей его.

18. Блаженной памяти архиепископ Феофил пред тем, как ему умереть, сказал: «Блажен, авва Арсений! ты всегда имел пред взорами твоими этот час».

---

[1] Алфавитный патерик. Пролог, апреля в 3 день. — Дмитрий Александрович Шепелев, которого тело покоится в церкви преподобного Сергия в Сергиевской пустыни близ С.-Петербурга, передавал о себе настоятелю этой пустыни, архимандриту Игнатию 1-му, следующее: он воспитывался в Пажеском корпусе. Однажды в Великий пост, когда пажи говели и уже приступали к Святым Тайнам, юноша Шепелев выразил шедшему возле него товарищу свое решительное неверие, чтоб в Чаше были Тело и Кровь Христовы. Когда ему преподаны были Таины, — он ощутил, что во рту у него мясо. Ужас объял молодого человека: он стоял вне себя, не чувствуя сил проглотить частицу. Священник заметил происшедшее с ним изменение и приказал ему войти в алтарь. Там, держа во рту частицу и исповедуя свое согрешение, Шепелев пришел в себя и употребил преподанные ему Святые Тайны.

1. К числу великих Отцов принадлежал старец по имени **Агафон,** знаменитый по добродетелям смирения и терпения. Однажды посетили его некоторые братия. Они слышали о его великом смирении и захотели испытать, точно ли он имеет смирение и терпение. Для этого они сказали ему: «Отец! многие соблазняются на тебя за то, что ты одержим в сильной степени страстию гордости и столько презираешь других, что считаешь их за ничто; также ты непрестанно осыпаешь злоречием братию. Очень многие утверждают, что тайною причиною такого поведения твоего есть блудная страсть, которою ты объят: с целию прикрыть собственную порочную жизнь ты постоянно занимаешься оклеветыванием других». На это старец отвечал: «Сознаю в себе все эти пороки, в которых вы обличили меня, и не могу допустить себе запирательства в толиких беззакониях моих». С этими словами он пал к ногам братий и сказал им: «Умоляю вас, братия, молитесь прилежно ко Господу Иисусу Христу о мне, несчастном, обремененном бесчисленными грехами, чтоб Он простил мне многие и тяжкие беззакония мои». Но братия к преждесказанным словам присовокупили и следующие: «Не скроем от тебя и того, что многие признают тебя еретиком». Старец, услышав это, сказал им: «Хотя я обременен многими другими пороками, но отнюдь не еретик; чужд душе моей этот порок». Тогда братия, пришедшие к нему, пали ему в ноги и сказали: «Авва! просим тебя сказать нам, почему ты нисколько не смутился, когда мы обвиняли тебя в таких важных пороках и грехах, а обвинение в ереси встревожило тебя? Услышав его, ты не мог вынести и отверг его с решительностию». Старец отвечал им: «Первые обвинения в грехах я принял для приобретения этим смирения и желая, чтоб вы имели мнение о мне как о грешнике: мы удостоверены, что в сохранении добродетели смирения — великое спасение души. Господь и Спаситель наш Иисус Христос, когда иудеи осыпали Его многими укоризнами и клеветами, претерпел все это и предоставил нам Свое смирение в образец подражания. Приведенные против Него лжесвидетели свидетельствовали против Него много ложного, но Он переносил терпеливо клеветы, возведшие Его на крест. Апостол Петр, указуя на это, говорит: *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его*[1]. Подобает нам терпеливо, со смирением, переносить все противности. Но обвинение в ереси я не мог принять, — с великим омерзе-

[1] *...Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. 2. 21).

нием к нему отверг его, потому что ересь есть отчуждение от Бога. Еретик отлучается от Бога живого и истинного и приобщается диаволу и ангелам его. Отлученный от Христа уже не имеет Бога, Которого он мог бы умолить о грехах своих, и, во всех отношениях, есть погибший. Если же еретик обратится к вере, содержимой истинною, Вселенскою, Святою Церковию, то он приемлется благим и милостивым Искупителем, воссоединяется с истинным Богом Творцом и Спасителем нашим, Христом, Который всегда был и есть единосущен Отцу и Святому Духу. Ему слава во веки веков. Аминь[1].

2. Агафон был мудр по естественному свойству своему, чужд лености в отношении к телу, наблюдал должную соразмерность в рукоделии, пище и одежде[2].

3. Сказывали о авве Агафоне, что он стремился к исполнению всякой заповеди Божией: когда случалось переправляться чрез реку, — он сам, первый, принимался за весла; когда приходили к нему для посещения братия, — он, по совершении обычной молитвы, немедленно собственными руками поставлял трапезу, потому что был исполнен любви Божией[3].

4. Однажды братия в присутствии аввы Иосифа начали разговор о любви. Старец сказал: «Мы не знаем, что такое — любовь. Вот образец любви: авва Агафон имел ножик, необходимый ему для его рукоделия. Пришел к нему брат и, увидев ножик, похвалил эту вещь. Авва Агафон немедленно начал упрашивать брата, чтоб он принял ножик в подарок, и не дал брату выйти из келлии, пока не уговорил его принять понравившуюся ему вещь»[4].

Надо принять в соображение, какого труда стоило вновь приобрести в глубокой пустыне орудие, необходимое для рукоделия, составлявшего и часть келейного подвига и единственное средство к содержанию себя. При таком только соображении можно оценить должным образом поступок старца, строго внимательного к себе, дорожившего своим безмолвием. Преподобный авва Агафон хотя и проводил жизнь безмолвника, но предпочитал безмолвию исполнение заповедей любви к ближнему, подобно преподобному Моисею Мурину и в противоположность преподобному Арсению Великому. Последний совместил в любви к Богу любовь к ближнему и возвел вторую на высоту таинственного подвига, превысшего дел, совершаемых при посредстве тела.

---

[1] Patrolog. pag. 751.‖[3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания.‖[3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [4] Исаак Сирский. Слово 55. Достопамятные сказания.

5. Говорил авва Агафон: «Если б возможно было мне взять тело у кого-либо из прокаженных и передать ему мое, то сделать это было бы для меня наслаждением». Такова совершенная любовь[1].

6. Поведали о авве Агафоне, что он, отправляясь однажды в город для продажи своего рукоделия, нашел там больного странника, поверженного на улице, — и никто не принял на себя попечений об этом страннике. Старец остался при нем; на цену, полученную за свое рукоделие, нанял хижину, оставшиеся деньги от найма келлии употреблял на нужды больного. Так провел он четыре месяца, до выздоровления странника. Тогда Агафон возвратился в свое место[2].

7. В другой раз шел авва Агафон в город для продажи скромного рукоделия и на дороге увидал лежащего прокаженного. Прокаженный спросил его: «Куда идешь?» — «Иду в город, — отвечал авва Агафон, — продать рукоделие мое». Прокаженный сказал: «Окажи любовь, снеси и меня туда». Старец поднял его, на плечах своих отнес в город. Прокаженный сказал ему: «Положи меня там, где будешь продавать рукоделие твое». Старец сделал так. Когда он продал одну вещь из рукоделия, — прокаженный спросил его: «За сколько продал ты это?» «За столько-то», — отвечал старец. Прокаженный сказал: «Купи мне хлеб». Когда старец продал другую вещь, прокаженный спросил его: «Это за сколько продал?» «За столько-то», — отвечал старец. «Купи мне еще хлеб», — сказал прокаженный. Старец купил. Когда авва распродал все рукоделие и хотел уйти, — прокаженный сказал ему: «Ты уходишь?» «Ухожу», — отвечал авва. Прокаженный сказал: «Окажи любовь, отнеси меня туда, где взял». Старец исполнил это. Тогда прокаженный сказал: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небеси и на земли». Авва оглянулся на прокаженного, — и не увидел никого: это был Ангел Господень, пришедший испытать старца.

8. Авва Агафон говорил: «Монах не должен допускать себе, чтоб совесть обвиняла его в чем-либо».

9. Также говорил: «Без соблюдения заповедей Божиих невозможно ни малейшее преуспеяние».

10. Он говорил: «Сколько зависело от меня, — я никогда не засыпал с скорбию в сердце моем на кого-либо и никому не допустил заснуть с какою-либо скорбию на меня».

---

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. || [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания.

11. Говорили о авве Агафоне, что все действия его истекли из духовного рассуждения. Так поступал он в отношении к рукоделию своему и в отношении к одежде своей. Не носил он одеяния, которое можно было бы назвать излишне хорошим, ни излишне худым. Для продажи рукоделия он ходил сам в город и с сохранением внутреннего безмолвия продавал рукоделие желавшим купить его. Цена решету была *сто* медниц, цена корзине — двести пятьдесят медниц. Покупателям он сказывал цену; деньги, которые они подавали ему, принимал молча, никогда не пересчитывая их. Он говорил: «Что полезного для меня в том, если буду препираться с ними и дам им повод к употреблению божбы, даже если б при этом я получил излишние деньги и роздал их братии? Бог не хочет от меня такой милостыни; Ему не благоугодно, чтоб примешивался грех в дело любви». На это братия сказали: «А откуда будет покупаться хлеб для келлии?» Он отвечал: «Какой хлеб для инока, безмолвствующего в келлии»[1].

12. Говорил он и это: «Не помню, чтоб я возвратился в мою келлию после выхода из нее и внес в нее какой-либо посторонний помысел; не помню, чтоб я занялся рукоделием с нарушением безмолвия моего; не помню, чтоб я предпочел занятие рукоделием моим исполнению заповеди, лишь только представлялось обстоятельство, требовавшее исполнения заповеди»[2].

13. Сказывали о авве Агафоне, что он в течение трех лет носил камень во рту, доколе не приобучил себя к молчанию.

14. Брат спросил авву Агафона о блудной страсти. Старец сказал ему: «Пойди, повергни пред Богом силу твою, и найдешь успокоение».

Вот средство, преподанное из сокровищницы духовного разума и указывающее, что основание блудной страсти — гордость. Адам, когда восхотел быть равным Богу и доказал желание делом, тогда утратил духовное ощущение непорочности, нисшел к плотскому ощущению вожделения жены, этим вожделением приложился к скотам несмысленным и уподобился им.

15. Авва Агафон сказал: «Человек непрестанно должен быть как бы предстоящим суду Божию».

16. Он сказал: «Если порабощающийся страсти гнева воскресит мертвеца, то и тогда пребудет чуждым Бога по причине порабощения своего гневной страсти».

---

[1] Patrolog. pag. 1030. Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик.

17. Он сказал: «Если увижу, что самый возлюбленный мой увлекает меня в душевный вред, то немедленно отвергну его от себя, то есть прекращу знакомство и сношения с ним».

Этим изречением изображается, как тщательно истинные иноки хранили себя от заразы греховной и как они страшились ее. Зараза ужасна! Когда яд греховный, в ничтожном по видимому количестве, проникнет в живой сосуд Святого Духа и разольется в нем, то производит ужасное опустошение и превращение. Охраняясь от греховной заразы так строго и решительно, жертвуя всем для сохранения в себе добродетели, святые Отцы исполняли с точностию заповедь Господа, повелевшего отсекать руку и извергать око, когда они соблазняют[1]. Следующая повесть также служит выражением направления, нисколько не колеблемого человеческими соображениями, но с решительностию стремящегося к исполнению воли Божией и к угождению единому Богу.

18. Поведали о авве Агафоне, что он в течение долгого времени занимался с учениками своими построением себе келлии. Не прошло еще недели, как они устроили окончательно келлию, и начали жить в ней, — авва увидел на месте что-то вредное для души и сказал ученикам своим то, что Господь сказал Апостолам: *востаните, идем отсюду*[2]. Этим ученики очень огорчились и сказали старцу: «Если у тебя было намерение переселиться отсюда, то зачем мы подверглись такому труду, строя келлию долгое время? И люди начнут соблазняться на нас, начнут говорить: “Вот они опять переселяются! не могут ужиться на одном месте!”» Старец отвечал: «Если переселение наше послужит соблазном для одних, то для других оно послужит назиданием; найдутся и такие, которые скажут: блаженны эти иноки, переселившиеся ради Бога и презревшие свою собственность ради Его. Я решительно говорю вам, что немедленно иду; кто хочет, пусть идет, а кто не хочет, пусть остается». Ученики пали к ногам его, прося, чтоб он согласился взять их с собою[3].

19. Однажды авва Агафон шел по дороге с учениками своими. Один из них нашел на дороге небольшую связку зеленого мелкого гороху и сказал старцу: «Отец! Если ты благословишь, то я возьму это». Старец внимательно посмотрел на него и, как бы удивясь, спросил: «Разве ты положил тут эту связку?» Брат отвечал: «Нет». Старец сказал: «Как же ты хочешь взять то, чего не положил?»[4]

[1] Мф. 5. 29, 30. ‖ [2] *...встаньте, пойдем отсюда* (Ин. 14. 31). ‖ [3] Patrolog. pag. 888. ‖ [4] Patrolog. pag. 865.

20. Спросили авву Агафона: «Что — больше: телесный ли подвиг, или душевное делание?» Старец отвечал: «Подвижника можно уподобить древу: телесный подвиг — листьям его, а душевное делание — плоду. Писание говорит: *всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо*[1]. Из этого явствует, что цель всего монашеского жительства — стяжание плода, то есть умной молитвы. Впрочем, как нужны для древа покров и украшение листьями, так нужен для монаха и телесный подвиг».

21. Братия спросили авву Агафона: «Какой подвиг в монашеском жительстве труднее прочих?» Он отвечал: «Простите меня! полагаю, что подвиг молитвы труднее всех прочих подвигов. Когда человек захочет излить пред Богом молитву свою, тогда враги, демоны, спешат воспрепятствовать молитве, зная, что никакой подвиг столько не опасен для них, сколько опасна молитва, принесенная Богу от всей души. Во всяком другом подвиге, который возложит на себя посвятившийся монашескому жительству, хотя бы он нес этот подвиг настойчиво и постоянно, стяжавает и имеет некоторое упокоение; но молитва до последнего издыхания сопряжена с трудом тяжкой борьбы»[2].

22. Авва Агафон говорил: «Я никогда не поставлял вечери любви; принимать и подавать душеспасительные наставления было для меня вечерею любви. Думаю: доставление душевной пользы ближнему заменяет собою представление ему вещественной пищи».

23. Авва Агафон, когда видел какое-либо дело и помысл побуждал его к осуждению, — говорил сам себе: «Агафон! ты не сделай этого!» Таким образом помысл его успокоивался[3].

24. Брат сказал авве Агафону: «Мне дана заповедь, но исполнение заповеди сопряжено со скорбию: и хочется исполнить заповедь, и опасаюсь скорби». Старец отвечал: «Если б ты имел любовь, то исполнил бы заповедь и победил бы скорбь»[4].

25. Когда настало время кончины аввы Агафона, — он пребыл три дня без движения, имея отверстыми глаза и содержа их в одном направлении. Братия толкнули его, сказав: «Авва! где ты?» Он отвечал: «Предстою Суду Божию». Братия сказали ему: «Отец! Неужели ты боишься?» Он отвечал: «Хотя я старался всеусильно исполнять заповеди Божии, но я человек, — и не знаю, угодны ли дела мои Богу». Братия сказали: «Неужели ты не уверен, что дела

---

[1] *...всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь* (Мф. 3. 10). ‖ [2] Patrolog. pag. 941. ‖ [3] Отечник. ‖ [4] Отечник.

твои благоугодны Богу?» Старец сказал: «Невозможно удостовериться мне в этом прежде, нежели предстану Богу; потому что иной суд Божий и иной — человеческий». Когда братия хотели еще сделать вопрос, — он сказал им: «Окажите любовь, не говорите со мною, потому что я занят». Сказав это, он немедленно испустил дух с радостию; братия видели, что он кончился, как бы приветствуя своих возлюбленных друзей.

26. Авва Агафон во всех отношениях строго наблюдал за собою и охранял себя. Он говаривал: «Без строжайшей бдительности над собою человеку невозможно преуспеть ни в какой добродетели»[1].

1. Брат сказал авве **Аммону**: «Скажи мне что-нибудь в наставление». Старец сказал: «Стяжи такие помышления, какие имеют преступники, заключенные в темнице. Они постоянно осведомляются: где судия? когда придет? и от отчаяния — плачут. Так и монах непрестанно должен внимать себе и обличать свою душу, говоря: горе мне! как предстану я на Суд пред Христа? что буду отвечать Ему? — Если будешь непрестанно занимать себя помышлениями, то спасешься»[2].

2. Авва Аммон пришел в такое преуспеяние, что от многой благости уже не знал о существовании зла[3].

Такое настроение является в душе от постоянного внимания себе, от плача о своей греховности, от действия умной благодатной молитвы. Эта молитва исполняет сердце умиления. Умиление есть ощущение обильной милости к себе и ко всему человечеству.

3. Авва Аммон никогда не осмеливался осуждать кого-либо.

4. Некоторый из Отцов поведал: в келлиях был старец-подвижник, имевший одежду из рогожи. Пришел он однажды к авве Аммону. Авва увидел его в одежде из рогожи, сказал ему: «Это не принесет тебе никакой пользы». И спросил его старец: «Три помысла приходят мне. Первый предлагает скитаться по пустынным местам; второй — уйти в страну, в которой никто не знает меня; третий — затвориться в хижине, никого не видеть и употреблять пищу через день». Авва Аммон отвечал: «Исполнение каждого из этих предположений будет неполезным (то есть душевредным) для тебя. Напротив того, безмолвствуй в хижине твоей, ежедневно употребляй пищу с умеренностию, имей в сердце твоем слово мытаря *(Боже! милостив буди мне грешнику)* и возможешь спастись».

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

Очевидно: ношение странной одежды, бросавшейся всем в глаза, намерение проводить особенный род жизни, долженствовавший привлечь к себе внимание многих, внушены были подвижнику высокоумием, которое не было понято им. Преподобный Аммон преподал ему подвиг смирения, единый благоугодный Богу, единый способный привлечь милость и благодать Божию к подвижнику.

5. Авву Аммона спросили: какой путь — путь тесный и прискорбный? Он отвечал: «Путь тесный и прискорбный есть обуздание своих помыслов и отсечение собственных пожеланий для исполнения воли Божией». Это и значит: ***се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом.***

6. Авва Аммон сказал: «Я препроводил четырнадцать лет в Скиту, моля Бога денно-нощно, чтоб Он даровал мне победить гнев»[1].

7. Однажды авва Аммон пошел к авве Антонию Великому и потерял дорогу. Он присел и заснул немного. Проснувшись, помолился Богу так: «Господи, Боже мой! молю Тебя: не погуби создания Твоего!» — и явилась рука человеческая, как бы ниспускавшаяся с неба: она неслась по воздуху и указывала путь Аммону до того времени, как он пришел к авве Антонию. Тогда рука остановилась над входом в вертеп Антония. Аммон постучался в двери; отворил их Антоний. Они занялись беседою о душевной пользе. После беседы авва Антоний предсказал Аммону, что он преуспеет в страхе Божием. Произнесши это пророчество, Антоний вывел Аммона из келлии и, показав на камень, сказал: «Нанеси оскорбление этому камню и ударь его». Аммон сделал это. Тогда авва Антоний спросил его: «Дал ли тебе какой ответ, оказал ли тебе какое противодействие этот камень?» Аммон отвечал: «Нет». «Так и ты, — сказал ему авва Антоний, — достигнешь в подобную меру бесстрастия», — что и исполнилось[2].

8. Некоторые братия подверглись скорби на месте жительства своего и по причине этой скорби вознамерились оставить это место. Для совещания они пошли к авве Аммону. Они шли по берегу реки, а старец в это время находился в лодке, плывшей по реке. Поравнявшись с ними и увидев их, старец просил лодочников пристать к берегу, вышел из лодки и, подошедши к братиям, сказал им: «Я — Аммон, к которому вы идете». Он успокоил их, и, вследствие его наставления, они возвратились в место жительства своего. Скорбь, постигшая их, не была душевредною, — была лишь скорбию человеческою.

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик.

9. Пришел к авве Аммону брат из Скита и сказал ему: «Посылает меня отец мой на послушание; исполняя это послушание, боюсь впадения в блуд». Старец отвечал на это: «В то время, как подвергнешься напасти, воззови к Богу: *Боже сил! За молитвы отца моего исхити меня из напасти*». Однажды брат, исполняя послушание и пришедши в некоторый мирской дом, застал в нем девицу одну, которая повлекла его к греху и даже заперла за ним двери дома. Брат воскликнул к Богу громким голосом по завещанию аввы Аммона, — и немедленно очутился На пути, ведущем в Скит.

10. Авва Аммон рукоположен был во епископа. В этом сане он действовал из благодатного настроения и духовного разума, приобретенных монашеским жительством. Однажды привели к нему на суд беременную девицу и требовали от него церковного наказания для девицы. Епископ оградил ее крестным знамением и повелел дать ей шесть пар полотен, говоря: «Ей предстоит труд родов: как бы не умерла она или не умерло дитя ее; на цену этих полотен по крайней мере могут быть совершены похороны». Обвинители девицы сказали ему: «Что ты делаешь? дай ей епитимию». Он отвечал им: «Братия! разве вы не видите, что она близка к смерти? как же мне возложить на нее еще что-либо?»

Авва Аммон уклонился от действования по требованию плотской ревности обвинителей и вместе подействовал нравственно на девицу, оказав ей неожиданное ею милосердие и представив ей живо близость смерти. Смягченное милосердием сердце, при воспоминании о смерти, очень способно к покаянию.

11. Пришел однажды авва Аммон в некоторое местопребывание иноков, чтоб разделить с братиею трапезу. Один из братий того места очень расстроился в поведении: его посещала женщина. Это сделалось известным прочим братиям; они смутились и, собравшись на совещание, положили изгнать брата из его хижины. Узнав, что епископ Аммон находится тут, они пришли к нему и просили его, чтоб и он пошел с ними для осмотра келлии брата. Узнал об этом и брат и скрыл женщину под большим деревянным сосудом, обратив сосуд дном кверху. Авва Аммон понял это и ради Бога покрыл согрешение брата. Пришедши со множеством братий в келлию, он сел на деревянном сосуде и приказал обыскать келлию. Келлия была обыскана, женщина не была найдена. «Что это? — сказал авва Аммон братиям. — Бог да простит вам согрешение ваше». После этого он помолился и велел всем выйти. За братиею пошел и сам.

Выходя, он взял милостиво за руку обвиненного брата и сказал ему с любовию: «Брат! внимай себе».

12. Однажды, по обычаю того времени, некоторые из христиан пришли судиться пред епископом своим. Болезнуя о несогласии между христианами по причине, не заслуживающей внимания христиан, епископ представился юродивым пред пришедшим к нему собранием. Одна из бывших тут женщин сказала подруге своей: «Старец помешался в уме». Святой Аммон, услышав это, подозвал ее к себе и сказал ей: «Сколько лет подвизался я в пустынях, чтоб стяжать это помешательство, и для тебя ли потерять мне его!»[1]

13. Некоторый брат впал в тяжкий грех. Он пришел к авве Аммону и сказал ему: «Я впал в такое-то согрешение и не имею сил для покаяния; оставляю монашество и иду в мир». Старец уговорил брата остаться в монашестве, обещаясь принять на себя труд покаяния в грехе его пред Богом. Взяв на себя грех брата, старец начал приносить покаяние в этом грехе. Только один день он пребыл в покаянии, как последовало откровение от Бога, что грех прощен брату ради любви старца[2].

Однажды авва **Аммон** пришел к авве Пимену и спросил его: «Если я приду в келлию брата моего или он придет ко мне по какой-либо нужде, позволительно ли беседовать с ним свободно о всех предметах?» Авва Пимен отвечал: «Не одобряю такого поведения, потому что юность нуждается в самоохранении». Авва Аммон сказал на это: «Как поступали старцы в таких случаях?» Авва Пимен отвечал: «Старцы, находясь в преуспеянии, не нуждаются в таком самоохранении: они, не имея ничего чуждого в сердце, не имеют его и в устах своих». Опять авва Аммон спросил: «Если случится беседовать с братом, — из чего лучше заимствовать беседу: из Писания или из Отеческих изречений?» Старец отвечал: «Если не можешь молчать, то говори лучше из Отеческих изречений, нежели из Писания. Объяснение Писания сопряжено с великою опасностию для души»[3].

Многие иноки тех времен, по причине неправильного объяснения, которое они давали разным местам Священного Писания, впали в ереси. Объяснение Писания даруется Божественною благодатию. Монах, не имеющий этой благодати и стремящийся к объяснению Писания из своего самомнения и невежества, непременно делается виновным пред Святым Духом, изрекшим Писание: за дерзость свою он отвергается

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

Богом, делается добычею падших духов. Из такового толкования Писаний пророческих и апостольских возникли все ереси и расколы.

Последняя повесть относится, очевидно, к позднейшему Аммону,— не к тому, который беседовал с Антонием Великим.

В повестях о Аммонах сохранилось для нас следующее сведение о горе Нитрийской. В этой пустыне жило до пяти тысяч монахов. Они проводили различное жительство, сообразно произволению и способностям своим. Некоторые из них жили наедине, отшельниками, другие — вдвоем и втроем; иные жили и в значительном числе, составляя из себя общежития. Было до пятисот мужей, достигших христианского совершенства: они пребывали далее, в самой глубокой пустыне[1]. — Такое разнообразное жительство, удовлетворявшее свободному произволению и способностям, очень способствовало монашескому духовному преуспеянию.

1. Сказывали о авве **Аммое**: когда он ходил в церковь, то не позволял ученику своему идти возле себя, но приказывал следовать издали. Если ученик приближался, чтобы спросить о чем-либо,— Аммой, дав ответ, немедленно отсылал от себя говоря: «Не позволяю тебе оставаться близ меня по той причине, чтоб в беседу нашу о душевной пользе не вкралось праздное слово».

2. Авва Аммой был болен в течение нескольких лет. Ему, как больному, приносили многое. Приносимое складывалось во внутреннюю келлию. Он лежал на одре и ни разу не позволил помыслу своему посмотреть во внутреннюю келлию, что там находится. Когда ученик его, Иоанн, входил в эту келлию и выходил из нее, авва закрывал глаза, чтоб не видеть, что делает ученик во внутренней келлии, зная, что Иоанн — истинный монах!

3. Двенадцать лет авва Иоанн Фивейский служил больному старцу, авве Аммою. Хотя Иоанн много трудился для старца, но старец в течение всех двенадцати лет ни разу не сказал ему: *спасайся!* Когда же настало время кончины аввы Аммоя и собрались к нему старцы,— он взял Иоанна за руку и сказал ему: *ты — спасен! ты — спасен!* и, обратившись к старцам, присовокупил: «Это — ангел, а не человек»[2].

4. Однажды пришел некоторый брат к авве Аммою, чтоб получить наставление от него. Брат пробыл семь дней при старце, но старец не дал ему никакого наставления. Брат собрался в обратный путь; провожая его, старец сказал с воздыханием: «Брат! внимай себе! Что ж касается до меня, то мои грехи соделались мрачною стеною между мною и Богом»[3].

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

Авва **Анув** сказал: «С того времени, как я принял Святое Крещение и наречен христианином, — ложь не выходила из уст моих»[1].

В те времена принимали Святое Крещение наиболее в зрелом возрасте.

Поведали о некотором старце, что он провел пятьдесят лет в великом воздержании, не употребляя вовсе хлеба и употребляя воду в самом умеренном количестве. Этот старец говорил: «Я умертвил в себе страсть блуда, сребролюбия и тщеславия». Услышав, что старец говорит это, авва **Авраам** пришел к нему и спросил его: говорил ли ты то и то? Старец отвечал: «Говорил». Авва Авраам сказал на это: «Вот, ты входишь в хижину твою и находишь на постели твоей женщину: можешь ли не подумать, что это — женщина?» — «Нет! но я борюсь с помыслом, чтоб не прикоснуться к ней». Авраам: «Значит, ты *не умертвил* страсти блудной; она жива в тебе, но связана. Опять: положим, ты идешь по пути, видишь камни и обломки глиняных сосудов, а посреди их золото. Может ли ум твой обойтись без всякой мысли о золоте?» Старец: «Нет! но я борюсь с помыслом, чтоб мне не взять золота». Авраам: «Значит, страсть жива, но связана. Опять: если придут к тебе два брата, из которых один любит тебя и превозносит похвалами, а другой ненавидит и злословит, — примешь ли их с одинаковым сердечным чувством?» Старец: «Нет! но буду бороться с помыслом моим и стараться делать добро ненавидящему меня наравне с любящим меня». Авраам: «Следовательно, страсти живы, но связаны святыми помышлениями»[2].

1. Авва **Алоний** передавал изречение другого Отца, что сухоядение и воздержание от приятной пищи, соединенное с возделыванием любви, скоро вводит инока в пристанище бесстрастия[3].

2. Авва Алоний говорил: «Если человек не положит в сердце своем, что, кроме его одного и Бога, никого нет другого в мире, то не возможет обрести спокойствия душе своей»[4].

3. Авва Алоний сказал: «Если б я не разрушил всего, то не мог бы воссоздать себя»[5].

Значение этого изречения тождественно с предшествовавшим. Оба изречения изображают совершенное умерщвление ко всему и оставление

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик.

всех попечений, кроме попечения о спасении. Возводится инок в такое состояние верою. Только из такого состояния он может всецело устремиться к Богу умною молитвою; только при таком состоянии умная молитва может объять собою все существо человека. Тогда она возносит делателя своего в ту любовь к Богу, которая законоположена Богом[1].

4. Авва Пимен поведал, что брат просил авву Алония объяснить значение *уничижения*. Отец отвечал: «*Уничижение себя* состоит в том, чтоб признавать себя худшим скотов, которые не подлежат осуждению»[2].

5. Еще поведал авва Пимен: «Однажды старцы сидели за трапезою, а авва Алоний предстоял им и прислуживал. Старцы похвалили его за это. Он ничего не отвечал им. Один из них спросил его: "Почему ты не отвечал ничего старцам, когда они похвалили тебя?" Авва Алоний сказал ему: "Если б я им отвечал, то это значило бы, что я принял похвалу"»[3].

1. Авва **Аполлос** Великий поучал всех подведомственных ему иноков немедленно отражать мысленные сеяния диавола при самом первоначальном появлении их. «Когда сокрушится глава змея, — говорил он, — тогда соделывается мертвым все тело его». Господь повелел нам *блюсти голову змея*[4]. Это значит: мы должны отвергать и изглаждать из ума злые и непотребные помыслы и скверные мечтания при самом начале их.

2. Он говорил: «Знамением преуспеяния в добродетели да будет для вас то, когда вы стяжете бесстрастное и чистое помышление. Это начаток даров Божиих»[5].

3. Он очень не одобрял носивших вериги и принимавших на себя вид особенного, сочиненного благоговения. Таковые, говорил он, делают это напоказ человекам и впадают в лицемерство. Лучше постом утомлять тело, а добродетели должно творить втайне. Если же у нас нет подвигов, то, по крайней мере, сохранимся от лицемерства[6].

В России многие святые носили вериги. При особенной простоте и при преобладании телесного подвига в русском монашестве ношение вериг не имело того значения, которое оно должно было иметь в древнем монашестве. Это монашество подвизалось по преимуществу подвигом душевным, — и были наиболее опасными этому монашеству, наветовали его наиболее

[1] Мф. 22. 37. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Быт. 3. 15. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик.

душевные страсти, особливо высокоумие. Чадо высокоумия — ересь, этот страшный недуг ума, потрясавший Восточную Церковь и ее монашество в течение целого тысячелетия. Невежественный раскол — вот форма, в которую облеклось религиозное заблуждение русского человека, облеклось, основываясь на умственном религиозном развитии. По миновании времен простоты и при общем стремлении к человекоугодию и лицемерству мнение преподобного Аполлоса приобретает особенную важность.

4. Под руководством аввы Аполлоса находилось иноческое общежитие в Верхнем Египте, состоявшее из *пяти тысяч* братий. Из них *пятьсот* мужей достигли христианского совершенства и могли совершать знамения. Чудное представлялось зрелище в этом братстве. Пребывая в дикой пустыне, они пребывали в таком веселии, какого никогда не можно видеть между прочими жителями земли. Этого веселия нельзя сравнить ни с каким земным веселием. Никто между ними не был печален. Авва Аполлос, когда примечал кого-либо смущенным,— немедленно вопрошал его о причине смущения и каждому обличал его сердечные тайны. Он говорил: «Не должно быть печальным (смущенным) тому, кто предназначен к получению Небесного Царства. Да будут смущенными эллины! да плачут иудеи! да рыдают грешники! а праведники да веселятся! Размышляющие о преуспеянии в земных делах увеселяются этими размышлениями; как же не веселиться непрестанно нам, удостоившимся надежды на получение небесных благ? Апостол повелевает нам: *Всегда радуйтеся, непрестанно молитеся, о всем благодарите*»[1].

Святым Аполлосом порицается смущение, производимое падшими духами, то смущение, которое служит верным признаком действия этих духов на душу; порицается *печаль мира сего*, рождающаяся из плотского мудрования и неверия, рождающая уныние, а при продолжительном и постоянном действии даже отчаяние, эту *смерть* душевную. Душевредную и душепагубную печаль никак не должно смешивать с душеполезною печалью по Бозе, которая служит причиною *покаяния нераскаяннаго* (постоянного), *во спасение*[2], которая служит причиною подаяния Богом духовной радости, соединена с этою радостию. Святые Отцы называют такое состояние духа нашего радостопечалием, или радостотворным плачем[3]. Слезы, проливаемые из этого состояния, приносят сердцу неизреченное успокоение и утешение.

---

[1] *Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите* (1 Сол. 5. 16, 17, 18). Алфавитный патерик. ‖ [2] *...неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7. 10). ‖ [3] Лествица. Слово 7.

5. Авва Аполлос говорил: «Монахи должны, если то возможно, ежедневно приобщаться Святых Таин Христовых. Удаляющий себя от них удаляется от Бога; часто же приступающий к ним часто принимает в себя Христа Спасителя. Сам Христос Спаситель сказал: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает и Аз в нем*[1]. Полезно инокам ежедневно воспоминать о Христовых страданиях, которыми мы искуплены, и постоянно быть готовыми и достойными к принятию Небесных и Святых Таин. При этом мы сподобляемся отпущения грехов»[2].

6. Авва Аполлос часто говаривал своей братии, что должно кланяться в ноги странным инокам, приходящим в монастырь их. Поклоняясь братиям, мы поклоняемся не человекам, но Богу. Видел ли ты брата твоего? ты видел Господа Бога твоего. Поклоняться братии мы приняли от Авраама[3], а упокоивать братию научились от Лота, который *понудил Ангелов*[4].

В келлиях был старец, авва **Аполлос**. Если кто из братий приглашал его к труду или работе, то он немедленно шел со всею радостию, говоря: «Сегодня я иду потрудиться с Царем моим, Христом, ради спасения души моей»[5].

1. Авва **Афанасий** сказал: «Некоторые говорят: ныне нет мученического подвига. Несправедливо. Можно вступить в мученический подвиг под руководством совести. Умри греху, умертви *уды твоя, яже на земли*[6], и будешь мучеником по произволению. Мученики боролись с мучителями, царями и князьями; и ты имеешь мучителя, терзающего тебя — диавола, имеешь князей, преследующих тебя — демонов. Некогда были воздвигнуты диаволу и демонам капища и жертвенники, приносилось каждому кумиру ложному мерзостное идолослужение; уразумей, что и ныне могут быть в душе капище и жертвенник, может быть мысленный кумир. Капище — ненасытное сладострастие, жертвенник — сладострастные вожделения; кумир — дух вожделения. Работающий блуду и увлеченный сладострастием отвергся Иисуса, поклоняется идолу, имеет в себе истукан Венеры — мерзостную плотскую страсть. Опять: если кто побеждается гневом и яростию и не отсекает этих неистовых страстей, тот отрекся Иисуса, имеет своим Богом Марса, под-

[1] *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6. 56). ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Быт. 18. 2. Алфавитный патерик. ‖ [4] ...*упрашивал Ангелов* (Быт. 19. 3). Алфавитный патерик. ‖ [5] Patrolog. pag. 1040. ‖ [6] ...*умертвите земные члены ваши* (Кол. 3. 5).

чинил себя гневу, что служит знамением беснования. Другой сребролюбив: затворяя сердце свое для брата своего и не милуя ближнего своего, он отрекся Иисуса, — служит идолам, имеет в себе кумира — Аполлона, и поклоняется твари, оставив Творца. Корень всем грехам — сребролюбие. Если удержишься и сохранишься от неистовых страстей, то ты попрал кумиров, отверг зловерие, соделался мучеником, исповедал святое исповедание»[1].

2. Говорил авва Афанасий: «Отцы наши хранили воздержание и нестяжание, а мы расширили чрево наше и наши кладовые»[2].

3. Опять говорил: «Отцы наши прилежали внимательной молитве в безмолвии. А мы заботимся наиболее о приготовлении пищи и о рукоделии»[3].

1. Был в Антиохии патриарх именем **Александр,** особенно милостивый и сострадательный ко всем. Один из письмоводителей его украл у него несколько златниц и бежал в Египетскую Фиваиду. Там, в пустом месте, варвары схватили письмоводителя и завели в глубину своей страны. Блаженный Александр узнал об этом; он выкупил пленника, дав за него восемьдесят пять златниц. Когда пленник возвратился, патриарх оказал ему столько благодеяний, что некоторые из граждан говорили: благость Александра не может быть побеждена никаким согрешением[4].

2. Однажды диакон патриарха начал укорять его пред всем клиром. Блаженный поклонился ему, сказав: «Прости меня, господин мой и брат»[5].

1. Брат пришел в лавру аввы Герасима и сказал игумену ее **Александру**: «Хочу оставить место жительства моего». Александр отвечал ему: «Сын мой! в уме твоем не запечатлелось памятование ни Царства Небесного, ни вечной муки. Если б это памятование соприсутствовало тебе, то ты не захотел бы выйти даже из келлии твоей»[6].

2. Игумен Александр говорит ученику своему Викентию: «Сын мой! отцы наши искали пустыни и скорби, а мы ищем городов и покоя»[7].

Преподобный отец наш **Антоний** Новый, сын славных и богатых родителей, оставив богатство и славу и возлюбив иноческое

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик.

житие, поселился в некоторой горе. Там провел он много лет в безмолвии, удручая себя многими трудами и подвигами. После этого случилось ему однажды читать Лествицу Божественных добродетелей. В конце статьи о послушании он нашел следующие слова: «Если жительствующий в безмолвии познает свою немощь и, оставив безмолвие, предаст себя в обучение послушанию, то он, бывши слеп, без труда прозрел о Христе». Обращая непрестанно в уме эти слова, Антоний говорил сам себе: «После стольких трудов и подвигов иноческих я — еще слеп! Хочу же когда-нибудь и прозреть». Оставив келлию свою и пустынное житие, он вознамерился поступить, как в училище, в общежительный монастырь. Для этого он пришел в Вифинию, в некоторый монастырь, расположенный в горах, очень славившийся жительством иноков его. Он остановился в гостинице у ворот монастыря, как бы один из прохожих, никому ничего не говоря о себе. Несколько дней пробыл он тут с прочими странниками. Не желая употреблять монастырскую пищу безмездно, Антоний ходил в ближнюю гору, собирал на ней дрова, приносил их на плечах и полагал пред вратами монастыря. Монах, заведовавший гостиницею, увидя это, сказал ему: «Что делаешь ты, авва? Монастырь не нуждается в труде твоем; приходящие сюда употребляют монастырскую пищу в милостыню, благодаря Бога». Антоний отвечал: «Отец! и мне известен этот обычай; но, не желая оставаться праздным, я делаю это по своей доброй воле». Он продолжал жить при монастыре и ежедневно делать так, никому ничего не говоря. Брат, заведовавший странноприимством, пошел к игумену и сказал ему об Антонии. Игуменом был тогда блаженный Игнатий, построивший этот монастырь своими трудами о Господе. Игумен сказал гостинщику, чтоб он спросил Антония, чего желает он, пребывая так долго пред вратами монастыря. Антоний, будучи спрошен, отвечал брату: «Я здесь на чужой стороне; хочу же, если будет на то воля Божия, проводить жительство с вами ради моей душевной пользы». Игумен, узнав это, повелел привести его к себе, свиделся и познакомился с ним: он слышал о его высоком подвижничестве. Потом сказал ему игумен: «Авва! почему рассудилось тебе принять на себя труд, прийти к нам?» Антоний отвечал: «С целию соделаться подобным вам по добродетели». Игумен отвечал: «Прожив столько лет самочинно, ты уже не можешь жить в послушании. Многие, жившие самочинно и исправившие некоторые добродетели, как то: воздержание, пост, нестяжание, телесное злострадание, — потом, подвергшись

испытанию по законам общежития, оказались недостаточными по недостатку смиренномудрия, — оказались недостаточными даже в тех добродетелях, которыми они прежде, по мнению их, обиловали». Антоний отвечал: «Это узнал и я из учения Боговдохновенных Отцов, и, как ниже начавшего пути добродетелей, привел себя к вам, чтоб отдать себя вам в послушание и получить от вас наставление началу о Христе добродетельного жительства». Когда Антоний сказал это, то был принят. Игумен дал ему послушание при церкви, очень тяжелое, для многих невыносимое. Пробыв некоторое время в этом послушании, он не удовлетворился им, почему пришел к игумену и сказал ему: «Авва! я пришел сюда для подвига, а данное мне послушание слишком легко». Игумен, услышав это, передал его в помощники монаху, заведовавшему виноградником. Антоний, будучи несведущ в этом послушании, часто обрезывал себе пальцы; но во все время обрезывания винограда прилежно занимался возложенным на него послушанием. Опять, когда настало время копания, он трудился еще больше. Когда же виноград начал созревать, — ему было приказано стеречь его. Некоторые из братий, проводившие невнимательную жизнь, или, правильнее, желавшие искусить его, приходили и просили у него винограда. Он говорил им: «Мне не позволено делать этого. Вот! виноградник перед вами. Если хотите, то сами возьмите себе винограду. И опять, если возьмете, то мне необходимо сказать это игумену, так как я ежедневно исповедую ему мои помышления». Братия, услышав это, уходили. Однажды Антоний в полуденный час сидел и очищал одежду свою от нечистот; в это время приступили к нему бесовские помыслы и возмущали его, воспоминая ему пустынное, правильнее же — самочинное жительство, и желая исторгнуть его из училища послушания. Он отвечал им: «Когда я жил в пустыне и безмолвии, — вы говорили мне, что этот подвиг не приносит никакой душевной пользы. Когда же я пришел сюда, вы ублажаете и похваляете прежний мой подвиг безмолвия, желая отнять у меня венец, доставляемый послушанием». Колеблемый этими помышлениями, причинявшими болезнь его сердцу и исторгавшими у него слезы, Антоний доблественно терпел напасть, нанесенную бесами, ради будущего мздовоздаяния. Когда собран был виноград, поручено Антонию послушание трапезного, в котором привелось ему особенно потрудиться, — ежедневно до третьего часа ночи по причине многих, приходивших в трапезу в разное время. От этих приходивших он был часто омываем бесчестиями

и досаждениями, как это обычно бывает с трудящимися в этом послушании. В течение этого времени износились одежда его и обувь, которые уговорил его надеть епископ Павел: Антоний во все годы пребывания своего в пустыне не возложил обуви на ноги свои. Одежда эта и обувь износились, как мы сказали. Между тем наступила зима; Антоний бедствовал от мороза. Игумен видел это, но не давал ему одежды телесной, желая доставить духовную опытность и духовное преуспеяние. Особливо ноги его страдали от мороза. Братия, видя его в такой нужде и в таком страдании, соболезновали ему: иной подстилал овечью кожу под ноги его; иной подавал ему сандалии, чтоб он обулся в них. Но, доблестный страдалец и гражданин Вышнего Иерусалима, Антоний ничего не принимал из подаваемого ему: он взирал на настоятеля и судию и говорил братии: «Я наверно знаю, что отец наш видит мою нужду, и на него возлагаю все попечение мое; когда Бог возвестит ему, тогда он даст мне нужное за смирение мое». Зима лютая миновала, наступило и прошло лето, прошла и осень: Антоний оставался полуобнаженным; игумен не обратил на его нужды никакого внимания. Видя себя в такой наготе и страдании и побежденный бесовскими помыслами, Антоний пришел однажды к игумену и сказал ему: «Владыко! если монастырь так недостаточен, что не может снабдить меня нужным, то позволь мне испросить нужное для меня у знакомых моих». Блаженный пастырь, услышав это, отвечал: «Монастырь мой питает всю братию о Христе, и тебя ли одного не может пропитать и одеть? Сначала мы слышали о тебе, что ты подвижник и терпеливо переносишь телесные страдания; теперь же я не вижу в тебе ничего того, что слышал о тебе. Ты расточил все имение твое ради Бога, вдался в подвиги и нищету, безмолвствовал в пустыне много лет, терпя доблественно наготу тела и всякую нужду; пришедши же к нам, ты оказался малодушным и нетерпеливым; подвергшись ничтожным лишениям для твоего духовного образования, ты немедленно начал искать упокоения, подобно всем проводящим нерадивую жизнь, нисколько не имеющим в виду великое мздовоздаяние Христа, Бога нашего». Страдалец Христов, Антоний, выслушивая эти жестокие слова от игумена, стоял и молчал, подражая Христову смирению. Осыпав его всевозможными укоризнами и досаждениями, отец прогнал его. Антоний вышел молча от игумена и ежедневно умывал себя слезами, удручая тело различными образами подвига. Настоятель разрешил ему поститься и подвизаться сколько может, чтоб ему не показалось, что он

лишился того воздержания, которое стяжал в пустыне. По этой же причине он не спал на постели, но спал — очень мало — сидя на стуле; также прежде звона к утрени вставал и занимался псалмопением. Братия, усмотрев, что он способен ко всякой работе, брали его с собою и, дав ему в руки лопату, заставляли копать землю. Удручаемый трудом, омываемый непрестанно потом и слезами, он воздыхал и молился мысленно Богу: *Господи! виждь смирение и труд мой, и остави вся грехи моя*[1]. По прошествии довольного времени он видит во сне некоего мужа в великой славе. Муж этот держал весы в руке своей; на левой стороне весов положены были все грехи Антония, содеянные им от юности, а на правой все добродетели. Сперва обе чаши весов стояли на одной высоте; потом начала перетягивать левая, в которую положены были согрешения. Тогда славный муж, взявши лопату, которою копал Антоний, положил в правую чашу, которая и перетянула тяжесть согрешений, а славный муж, взглянув на Антония, сказал: «Вот! Бог показал тебе значение трудов твоих и простил тебе все согрешения твои». После этого игумен, удостоверившись в терпении Антония, увидев, что он достаточно был подвергнут опытам и обучению страдальческого послушания, что он положил в помысле своем претерпеть всякое искушение и злострадание, призвал его к себе и наедине сказал ему: «Отец! Бог да воздаст тебе мзду за душевную пользу, принесенную братству твоим пришествием к нам и жительством твоим по Боге. Братия мои никогда не получали такого назидания, какое получили твоим Богоподражательным послушанием». Сказав это, игумен выдал ему одежду, обувь и прочие потребности, наравне с прочию братиею, — и отселе, когда замечал, что Антоний нуждается в чем-либо, сам тайно приносил нужное к нему в келлию. Антоний, приходя к себе, неожиданно находил у себя вещь, в которой нуждался. Пожив богоугодно, он скончался о Господе, и приял венец послушания[2].

1. Авва **Виссарион** родился в Египте, в отроческих летах научился священным книгам, и Божественный свет воссиял в сердце его: он возлюбил Бога всею душою с самого юного возраста своего и не осквернил никогда преподанного ему Святого Крещения никаким греховным делом. Сохранив в себе по силам своим красоту образа Божия, он удалился в пустыню и там подвизался как бы

[1] *...призри на страдание мое и изнеможение мое, и прости все грехи мои* (Пс. 24. 18). ‖ [2] Алфавитный патерик.

бесплотный. По этой причине он сподобился особенной благодати от Бога, Который совершал посредством его необыкновенные знамения, подобные знамениям, совершенным великими пророками. Проведши жизнь в Богоугождении и достигши глубокой старости, он отошел в горние обители.

2. Авва Дула, ученик аввы Виссариона, рассказывал следующее: «Однажды мы шли по морскому берегу; я почувствовал большую жажду и сказал авве Виссариону: “Отец! меня очень томит жажда”. Старец, помолившись, сказал мне: “Напейся из моря”. Морская вода сделалась пресною, и я утолил жажду. Напившись, я налил воды в сосуд из предосторожности, чтоб иметь при себе воду, если снова начну чувствовать жажду. Старец, увидев это, сказал мне: “Для чего ты сделал это?” Я отвечал: “Прости меня; я сделал это из опасения, что мне опять захочется пить”. Старец сказал: “Как здесь — Бог, так и везде — Бог”»[1].

3. В другое время нужно было авве Виссариону переправиться чрез реку Хризорою. Сотворив молитву, он пошел по реке, как бы по суху, и вышел на другой берег. В удивлении я поклонился ему и спросил: «Что чувствовали ноги твои, когда ты шел по воде?» Старец отвечал: «Пяты мои чувствовали воду, а прочее было сухо». Таким образом не раз переправлялся он чрез великую реку Нил[2].

4. Однажды пошли мы к некоторому старцу. Когда мы были еще далеко, — солнце начало заходить. Старец, помолившись в себе, сказал вслух: «Господи! молю тебя: да станет солнце пока я приду к рабу Твоему». Солнце остановилось и пребыло неподвижным, доколе мы не достигли келлии старца, к которому шли с целию получения душевной пользы[3].

5. В скиту один из братий впал в согрешение и был отлучен от церкви иеромонахом — настоятелем[4]. Когда брат выходил из церкви, тогда авва Виссарион встал и пошел с ним, сказав: «И я — грешник»[5].

6. Брат, живший с другими братиями, просил наставления у аввы Виссариона. Старец сказал: «Наблюдай молчание и не сравнивай себя с другими»[6].

Наставление существенно полезное. В общежитиях возникают смущения наиболее от сравнения себя с другими. Брату моему дана такая-то

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] В обширной пустыне Скит были четыре церкви; каждая имела своего иеромонаха, который заведывал принадлежащими к церкви монахами. || [5] Алфавитный патерик. || [6] Алфавитный патерик.

вещь; отчего и почему не дана такая же вещь и мне, говорит неопытный инок, и изгоняет святой мир из сердца своего. Чтоб избежать самообольщения и душевного расстройства, производимых сравнением себя с другими, должно постоянно содержать себя в образе мыслей (по-монашески: в мудровании), доставляемом смирением, а для этого должно постоянно бдеть над собою,— должно пребывать сосредоточенным в себе, а для этого необходимо наблюдать молчание.

7. Авва Виссарион сказал: «Когда пребываешь в мире и не ощущаешь в себе брани, тогда особенно смиряйся, чтоб не похвалиться спокойным и радостным состоянием, принадлежащим не тебе, и за похваление не быть предану брани. Часто Бог не попускает нам брани по немощи нашей, чтоб мы не погибли окончательно»[1].

8. Умирая, он сказал: «Монах, подобно Херувимам и Серафимам, должен быть весь оком»[2].

9. Однажды в Скит приведен был некоторый беснующийся. О нем совершили молитву в церкви, но бес не выходил, потому что был жесток. Клирики говорили между собою: «Что делать нам с этим демоном? никто не будет в состоянии изгнать его, кроме аввы Виссариона; но если мы будем просить его об этом, то он даже не придет в церковь. Вот что сделаем: он приходит в церковь прежде всех; посадим же беснующегося на его место; когда войдет авва Виссарион, встанем на молитву и скажем ему: “Авва! вели встать и брату”». Они так и сделали. Когда старец пришел рано утром в церковь, они встали на молитву и сказали о брате. Старец, не подозревая ничего, сказал брату: «Встань и поди отсюда»,— и немедленно вышел демон из больного; больной сделался здоровым[3].

10. Поведал о себе авва Виссарион: «Когда мне было двадцать пять лет, я пошел поклониться в Иерусалим и другие святые места и видел святого отца Герасима Иорданского. Когда же я возвратился в Александрию,— услышал о смерти его, и о том как лев, рыкая, умер на могиле его. Услышав это, я возгорелся ревностию, расточил все имение мое, оставив за собою один участок земли, чтоб отдать его в женский монастырь, находящийся близ Александрии. Но прежде я пошел к отцу Исидору Пилусиотскому и поведал ему о намерении моем, говоря: “Авва! думаю, если Бог благоволит, отречься от мира, почему я расточил все имение мое, оставив один участок земли, чтоб отдать его в женский монастырь. Между тем один из сенаторов предлагает мне за этот участок семьдесят фунтов

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

золота; продать ли ему или нет?" Старец отвечал: "Если имение стоит семьдесят фунтов, то отдай его за пятьдесят; взяв золото, пожертвуй его в монастырь постницам, — и будешь иметь великую награду от Бога и от человеков. Если же ты отдашь им имение, то ввергнешь их в молвы, в нерадение и леность; расстройство может дойти даже до распутства; словом сказать, ты ввергнешь их в погибельную пропасть". Я не обратил внимания на наставление святого старца и, возвратившись, поступил по усмотрению и изволению моему, отдал село монахиням, скрепив пожертвование письменным документом пред всем клиром, пред патриархом и игуменом. Потом я поместился в Скит и принял монашество. Проведши в Скиту 16 месяцев, увидел себя в сонном видении ночью в Вифлееме на молитве. Церковь была исполнена света. В церкви находились мужи, певшие святолепную песнь, и некоторая, облеченная в пурпуровую одежду, Жена, красоты неизреченной. Меня объял страх, и я хотел уйти оттуда. Но вот, подходит ко мне один из упомянутых мужей и, воззрев на меня гневно, сказал мне грозным голосом: "Скажи мне, Евстафий, какой дашь ты ответ о женском монастыре, которому ты дал имение, и тем прогневал Господа Бога? Я поражу тебя смертию, если не исправишь поврежденного тобою". Я сказал ему: "Господин! я отдал имение с рабами и чредами волов с целию оказать вспоможение монахиням, а не с тем, чтоб прогневать Бога". Тогда облеченная в багряницу Жена отверзла свои святые уста и сказала мне: "Чадо! Бог приял твое благое произволение; но диавол и ненавистник душ наших нашел в этом деле повод, чтоб уязвить души и тела монахинь. Если б было полезно монахиням имение, то Бог мог бы послать им серебро и золото проливным дождем и покорить в услужение города и села. Но это неполезно для отрекшихся от мира ради Царства Небесного. Они должны во многом поте и труде, в смиренномудрии и безмолвии приближаться к Богу, а не в чревообъядении, тщеславии и богатстве". Потом Она, простерши свою руку и указав мне на того, кто прежде беседовал со мною, сказала: "Это — Иоанн Креститель, учитель и наставник монахов. Хотящие пребывать в единении с ним должны последовать его житию и добродетелям". Креститель сказал Ей: "Госпожа и Матерь Господня! с того времени, как этот передал имение свое в монастырь, монастырь сделался никуда не годным. В нем не стало ни страха Божия, ни трезвения, ни рассуждения, ни умиления, ни труда, ни скромности, ни поста, ни бдения, ни сердечного сокрушения, ни истязания помыслов,

ни чистоты, ни кротости". Тогда сказала мне святая Богородица: "Сын Мой! поди и исправь монастырь. В этом деле будешь иметь помощницею Меня". Потом, обратясь к Иоанну Крестителю, сказала: "Знаменуй сердце его крестным знамением, чтоб он очами ума видел врагов своих и не счел этого видения пустым мечтанием". Креститель простер свою правую руку и назнаменовал сердце мое знамением честного креста. Проснувшись и пришедши в себя от действия, произведенного видением, я немедленно взял посох мой и немного хлеба на путь неблизкий, пошел к авве Исидору и пересказал ему о бывшем мне видении. Старец сказал мне: "Не говорил ли я тебе, что владение землею, на которой устроено хозяйство, вредно для иноков, в особенности для инокинь. Если начнут мужчины часто приходить к постницам, чего требует хозяйство, то диавол не оставит тех и других без язвы. Не свойственно монахам, в особенности же монахиням, прилепляться к земным попечениям". Взяв с собою старца, я пошел к монахиням. Вошедши в церковь и помолившись, мы призвали первых стариц и сказали им: "Мы слышали, что один из приближенных царя имеет намерение прийти сюда и взять участок земли, который я отдал вам, с тем, чтоб передать его в патриархию. По этой причине мы пришли предупредить вас об этом, чтобы вы рассмотрели, как вам поступить в этом обстоятельстве". Старицы отвечали: "Мы поступим так, как вы признаете полезным для нас". Я сказал им на это: "С приближенным царя я не имею возможности вступить в тяжбу. Но, если вы хотите, прежде нежели прибудет приближенный царя, продадим имение сенатору, желавшему купить его; вырученные деньги вы возьмите себе, а сенатор пусть уже делается с приближенным царя, как знает". Инокини сказали: "Ваш совет основателен". Немедленно мы пошли и продали землю сенатору за шестьдесят фунтов золота; рабам, рабыням я дал свободу, а золото представил в церковь постниц. Когда мы вышли от них, я сказал авве Исидору: "Отец! едва было не погиб я по причине моего преслушания. Справедливо сказали Отцы, что не должно подавать милостыни женщинам". Авва Исидор отвечал мне: "Не говори этого, сын! Так думать грешно. Истину скажу тебе: если кто хочет подавать милостыню монахиням, пусть подает. Подающий милостыню им получит большую награду, нежели подающий милостыню слепым, хромым и прокаженным. Инокини — немощнейшая часть; они отреклись от мира ради Бога и не могут выходить, как мы, для продажи своего рукоделия и испрошения милостыни. Они опасаются

выходить для исправления своих нужд, чтоб не погубить себя и других. Если они выйдут за ворота монастыря, то уязвляют себя или ближних; одно из двух случается непременно. Когда пустынная лань появится на полях, прилежащих селениям, — все сбегаются, чтоб посмотреть на нее; так, когда выйдет монахиня из монастыря, диавол устремляет к ней и больших и малых, в особенности если она молода. Не говорю этого о престарелых постницах, огражденных страхом Божиим: эти не уязвляются и не уязвляют. Но юные подвергаются многим бедствиям. Как лань, пораженная стрелою, если и убежит от ловцов, то не получает от этого никакой пользы, имея в себе смертоносную стрелу, так и душа, приняв язву вожделения от блудной страсти при посредстве порочного воззрения, хотя бы и убежала от пустивших в нее эту стрелу, но, будучи смертельно ранена, умирает. Миряне, когда увидят благообразных инокинь, смотрят на них пристально и уязвляются; так же и инокини от неосторожного воззрения часто подвергают души свои неисцелимому недугу, хотя бы и избежали греховного дела. И потому подающий им милостыню примет награду в сто раз большую, нежели благодетельствующий слепым и прокаженным, по той причине, что инокини, ради любви Божией, презрели мирскую гордость, возненавидели молву и мятеж мирских селений, предпочли любовь к Христовым заповедям наслаждению прелестями мира, возлюбили нетщеславное житие, оставили неправедное богатство, стяжания, имения, всю суету мирскую, сопряглись Христовой любви, пренебрегли сребром и золотом, не захотели иметь рабов и рабынь; напротив того, поработили сами себя в служение иным ради любви Божией. Почему могущий подавать милостыню монахиням получит от Бога награду и венец великие. Таковой должен ограждать себя страхом Божиим, потому что страх Божий не попускает душе нарушать правила скромности и благоговения. Напротив того, дающий заселенные участки земли монастырю мужескому или женскому возвращает иночествующих снова в многоплетенные сети мира сего. Хотящий подавать милостыню монахам и монахиням да подает им или хлеб, или крупу, или деньги, или шерсть, или лен. Такая милостыня доставляет иноку возможность безмятежно безмолвствовать в келлии; такая милостыня есть милостыня совершенная и благоприятная Богу". Старец, сказав мне это, возвратился к себе, а я поклонился ему и пошел в Скит»[1].

---

[1] Алфавитный патерик.

11. Поведал авва Дула: «Однажды я и отец мой Виссарион, ходя по пустыне, пришли к некоторой пещере; вошедши в нее, нашли старца, который сидел и плел веревку. Он не только не приветствовал нас, но даже не произнес ни одного слова, ниже взглянул на нас. И сказал мне авва Виссарион: “Пойдем отсюда; должно быть, брат не получил извещения от Бога вступить в беседу с нами”. Оттуда прошли мы для посещения аввы Иоанна. Возвращаясь от него, когда приблизились опять к пещере, в которой видели сидящего брата, старец сказал: “Войдем к нему; может быть, Бог возвестил ему побеседовать с нами”. Вошедши, мы нашли его уже умершим. Старец сказал мне: “Брат! похороним тело его: видно — Бог послал нас сюда на это”. Совершая погребение, мы усмотрели, что то была жена. Старец удивился и сказал мне: “Смотри, сын мой! и жены одолевают диавола в пустыне, а мы, живя в городах, не можем сохранить целомудрия”. Прославив Бога, помогающего любящим Его, мы ушли оттуда».

Святой **Григорий Богослов** говорил: «От каждого человека, получившего Крещение, Бог требует трех добродетелей: правой веры от всей души и от всей крепости, воздержания языка и чистоты тела».

1. Поведали братия об авве **Геласии.** Имел он в пергаментном переплете книгу, в которой был написан весь Новый и Ветхий Завет, стоившую восемнадцать златниц. Книга положена была в церкви, чтоб все братия, кому бы из них ни пожелалось, могли читать ее. Пришел некоторый странный брат посетить старца и, увидев книгу, прельстился ею, — украл ее и удалился. Старец, хотя и узнал о случившемся, но не пошел вслед за ним, чтоб остановить его и взять у него похищенное. Брат пришел в город и искал, кому продать книгу; нашедши покупателя, он назначил ей цену шестнадцать златниц. Покупатель, желая удостовериться в верности книги, сказал ему: «Сперва дай мне ее; я покажу кому-либо из знающих, и тогда отдам тебе деньги». Брат отдал книгу. Покупатель, взяв ее, отнес к авве Геласию, чтоб он рассмотрел, хороша ли книга и стоит ли назначенной за нее цены. При этом он сказал и о количестве денег, требуемых продавцом. Старец отвечал: «Купи ее: книга хороша и стоит просимых за нее денег». Покупатель, возвратясь к продавцу, иначе передал ему эти слова, нежели как сказал старец. «Вот, — говорил покупатель, — я показывал книгу авве Геласию,

и он сказал мне, что книга дорога и не стоит назначенной тобою цены». Услышав это, брат спросил: «Не сказал ли тебе старец еще чего-либо?» «Ничего», — отвечал покупатель. Тогда брат сказал ему: «Я уже не хочу продать этой книги». Умилившись сердцем, он пошел к старцу и просил его взять обратно книгу, раскаиваясь в своем поступке и прося прощения; но старец не хотел принять книги. Тогда брат сказал ему: «Если ты не примешь книгу, то мне не обрести спокойствия совести во всю жизнь мою». На это старец отвечал: «Если ты не возможешь успокоиться иначе, как когда я возьму книгу, то я беру ее». Брат, назданный терпением старца, пребыл при нем до кончины своей[1].

2. Поведали о авве Геласии, что он в юности своей жил в пустыне, сохраняя нестяжание. Такое жительство проводили в этих местах и в это время многие другие. Между ними был некоторый старец необыкновенной простоты, особенно нестяжательный; он прожил в уединенной келлии своей до самой смерти, — под старость имел учеников. Он соблюдал такое нестяжание до конца жизни, что не имел двух хитонов и не заботился вместе с учениками своими о завтрашнем дне. Когда авва Геласий, по Божественному внушению, устроил общежительный монастырь, пожертвовали ему большими полями, и завел он для нужд общежития рабочий скот и волов. Споспешествовавший первоначально святому Пахомию устроить общежительный монастырь во всем споспешествовал и авве Геласию к устроению монастыря. Вышеупомянутый старец, видя его в этих занятиях и искренно любя его, сказал ему: «Боюсь, авва Геласий, чтоб ум твой не прилепился к полям и прочему имуществу общежития». Авва Геласий отвечал: «Скорее ум твой привяжется к веревкам, которыми ты работаешь, нежели ум Геласия к стяжаниям»[2].

Таково свойство усвоившегося умного делания, осененного Божественною благодатию. Оно не перестает действовать в сосуде своем при всех внешних занятиях и хранить ум в духовной свободе. Напротив того, ум, не получивший этой свободы, не может не увлекаться пристрастием к самым мелочным предметам. Не получившим духовной свободы должно наблюдать строгое нестяжание, чтоб охраниться от пристрастий.

3. Однажды принесена была для братии рыба. Повар, испекши ее, отдал келарю. Келарь, по встретившейся нужде, вышел из келарни, оставив рыбу в келарне на полу в сосуде и поручив стеречь его

[1] Patrolog. pag. 969. || [2] Алфавитный патерик.

до возвращения своего малолетнему отроку, прислуживавшему авве Геласию. Отрок победился вожделением и начал есть рыбу с жадностию. Келарь возвратился, увидев, что отрок ест рыбу, рассердился на него и неосторожно толкнул его. Случилось так, что удар пал на место, близкое к сердцу: отрок начал дышать трудно и умер. Келарь, объятый страхом, положил отрока на свою постель и покрыл, а сам пошел к авве Геласию, пал к ногам его и возвестил о случившемся. Старец повелел ему, никому не поведая о скорби, вечером, когда все успокоятся, принести умершего в диаконик, и, положив пред жертвенником, уйти. Когда это было исполнено, старец пришел в диаконик и встал на молитву. В свое время братия собрались для нощного богослужения: к ним вышел старец, за которым шел и отрок. Об этом никто не знал до кончины старца; знали старец и келарь.

4. Во время Вселенского Собора в Халкидоне некто Феодосий, первый начавший в Палестине защищать раскол Диоскора, предварив прочих епископов, возвращавшихся уже к своим Церквам (и он был в Константинополе, будучи изгнан из своего отечества за постоянное участие в возмущениях), пришел к авве Геласию в его монастырь и начал оговаривать ему Халкидонский Собор, якобы утвердивший учение Несториево, думая этим увлечь святого в сообщество своему обману и расколу. Но он, по внешнему виду Феодосия и просвещаемый Божественным даром рассуждения, понял лукавое намерение еретика и не только не был увлечен в его отступничество, что сделали почти все, но и выслал его от себя, как подобало, с бесчестием. Феодосий устремился в Святой Град и, прикрывшись личиною ревности по Боге, увлек на свою сторону все монашество, увлек и царицу, бывшую в то время там; с помощию этих сообщников своих он вступил своевольно и насильственно на патриарший престол, восхитив его убийствами и другими противозаконными и неправедными действиями, о которых и ныне помнят многие. Получив власть и достигнув своей цели, он рукоположил множество епископов на те престолы, на которые еще не прибыли епископы, возвращавшиеся с Собора. Призывает он и авву Геласия, приводит в храм; лаская и вместе угрожая, повелевает предать анафеме Ювеналия. Геласий, нисколько не устрашившись, сказал: «Иного епископа Иерусалимского, кроме Ювеналия, я не знаю». Феодосий, опасаясь, чтоб и другие не стали подражать благочестивой ревности старца, повелел скорее изгнать его из храма. Приверженцы Феодосия взяли авву, обложили его дровами и стращали,

что сожгут его; но, видя, что он не боится и этого и не оказывает им повиновения, а сами, боясь народного восстания — потому что блаженный был известен и славен, а более по действию Божественного промысла, отпустили преподобного, не причинив ему никакого вреда, а он по произволению и совести сделался мучеником, принесши себя во всесожжение Богу»[1].

Авва **Геронтий** Петрский сказал: «Многие, искушаемые сладострастием, не совокупляясь телесно, блудодействуют мыслию; сохраняя девство тела, растлевают девство души. Возлюбленные! необходимо отречься от услаждения блудными помыслами и мечтаниями, от общения с ними и внимания к ним, по наставлению Писания, которое говорит: *Всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота*»[2].

В хранении сердца от греховных помыслов заключается начальная причина и сущность спасения.

1. Авва **Даниил**, пресвитер скитский, в юности отрекся мира и пришел в Скит. Сперва он жил в общежитии сорок лет, потом подвизался в отшельничестве[3].

2. Авва Даниил Скитский говорил: «Я жил и в общежитии и в отшельничестве; испытав ту и другую жизнь, нахожу, что в общежитиях преуспевают скорее и больше, если проводят жительство правильное»[4].

3. Когда авва Даниил жил в Скиту, варвары напали на Скит и пленили авву. Он пробыл в плену у них два года. Некоторый христолюбец выкупил его. По прошествии краткого времени варвары опять напали на Скит и опять взяли в плен авву. Пробыв у них шесть месяцев, он бежал. В третий раз пришли варвары и, взяв авву в плен, немилостиво мучили и истязывали его. Однажды, улучив удобное время, он взял камень и ударил им варвара, господина своего. Варвар умер от удара. Авва Даниил бежал и избавился от плена. После этого он стал тужить о убийстве, которое совершил. В этих чувствах он пошел в Александрию, исповедал архиепископу Тимофею случившееся с ним. Архиепископ не одобрил его поступка, сказав: «Лучше бы тебе положиться на Бога: избавивший тебя дважды неужели не мог избавить и в третий раз? Впро-

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] *Больше всего храни сердце твое, потому что из него источники жизни* (Притч. 4. 23). Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик.

чем, ты не совершил убийства, потому что убил не человека, а зверя». Не удовлетворившись этим ответом, авва Даниил сел на корабль, приехал в Рим и там исповедал папе случившееся с ним. Папа дал такой же ответ, какой дал Александрийский архиепископ. Даниил возвратился в Александрию и сказал сам себе: «Даниил, совершивший убийство, и сам да будет убит». Он пошел в претор и предал себя гражданской власти, сказав: «Я поссорился и, будучи увлечен гневом, ударил моего противника камнем, отчего тот умер; почему прошу предать меня суду; пусть умру за убийство, мною сделанное, чтоб наказание во времени избавило меня от наказаний в вечности». Авва был посажен в тюрьму; по истечении тридцати дней доложено о нем правителю. Правитель, удивившись рассуждению аввы Даниила, отпустил его, говоря: «Иди, авва, и моли Бога о мне: жалею, что ты убил одного, а не шесть». Тогда старец сказал сам себе: «Уповаю на человеколюбие Бога моего, что простится мне совершенное мною убийство». Отселе даю обещание Христу моему служить во все дни жизни моей прокаженному за сделанное мною убийство. Он положил в себе: «Если умрет этот прокаженный, которого я взял, то пойду в Египет и возьму другого». Никто из скитских не знал, что старец имеет в келлии прокаженного, потому что прокаженный находился во внутреннем отделении келлии, и никто, кроме старца, не мог иметь свидания с ним. Но однажды, в шестой час, старец позвал к себе ученика разделить трапезу по обычаю, и, по усмотрению Божию, случилось так, что старец забыл затворить дверь во внутреннее отделение келлии; он оставил их отворенными на то время, как прислуживал прокаженному. У прокаженного сгнило все тело от множества лютых ран. Ученик вошел в то время, когда были отворены упомянутые двери, и увидел, как старец прислуживает прокаженному, как приносит ему пищу, как возлагает пищу в уста, потому что у прокаженного не было рук; а как он не мог жевать пищу, потому что у него сгнил рот, то старец влагал пищу во уста его своими руками, и чего прокаженный не мог съесть, старец ел сам. Ученик, увидя чудный подвиг старца, удивился и прославил Бога, даровавшего такое терпение старцу в служении прокаженному[1].

4. Рассказывали о авве Данииле. Когда варвары напали на Скит, — братия бежали из него. Но старец сказал: «Если Бог не печется о мне, то зачем мне и жить?» И он прошел посреди варваров, а они не видели его. Тогда старцы сказали ему: «Бог помог тебе,

[1] Алфавитный патерик.

и ты не умер; сделай же и ты подобающее человеку: беги, как бежали отцы»[1].

5. Сказал авва Даниил: «Любящий безмолвие пребывает неуязвленным стрелами врага: смешивающийся же со многими непрестанно подвергается язвам»[2].

6. Поведал некоторый Отец, что авва Даниил пришел однажды в селение для продажи рукоделия. Молодой человек, житель того селения, упросил его войти в дом свой и сотворить молитву о жене его, которая была бесплодна. Старец оказал ему послушание, вошел в дом его и помолился о жене его. По благоволению Божию жена его сделалась беременною. Некоторые, чуждые страха Божия, начали злоречить, говоря: «Молодой человек не способен к чадорождению! Жена его зачала от аввы Даниила». Дошли эти толки и до старца; он послал сказать молодому человеку: «Когда жена твоя родит, извести меня». Когда жена родила, муж ее пришел в Скит и сказал старцу: «Бог, по молитвам твоим, даровал нам дитя». Авва сказал ему: «Когда будут крестить дитя, сделай в этот день обед и угощение, призови меня, сродников и друзей твоих». Молодой человек сделал так. Во время обеда, когда все сидели за столом, старец взял дитя на руки и пред всеми спросил его: «Кто твой отец?» Дитя протянуло руку и, показав пальцем на молодого человека, сказало: «Вот отец мой». Дитяти было двенадцать дней. Все, видевшие это, прославили Бога, а старец встал из-за стола и бежал в Скит[3].

7. Говорил авва Даниил: «Чем тучнее тело, тем немощнее душа, а чем суше тело, тем сильнее душа». Также говорил: «Чем более иссыхает тело, тем душа делается утонченнее; душа чем делается утонченнее, тем она делается пламеннее»[4].

8. Авва Даниил поведал. В Вавилоне дочь одного из идолопоклонников имела в себе беса. Отцу ее был знаком некоторый монах. Этот монах говорил ему: «Никто не возможет исцелить дочери твоей, кроме известных мне отшельников; но и те, если будешь просить их, не захотят сделать этого по смирению. Вот как поступим: когда они придут на торг, то представимся, что хотим купить у них рукоделие их. Когда они придут в дом для получения денег за купленные у них вещи, то скажем, чтоб они сотворили молитву, и я верую, что исцелеет дочь твоя». Они пошли на торг; там ученик некоторого старца сидел и продавал корзины. Они пригласи-

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Patrolog. pag. 915.

ли его с корзинами в дом, чтоб там отдать ему деньги за них. Когда монах вступил в дом, беснующаяся выбежала ему навстречу и ударила его по щеке. Он обратил ей другую щеку по заповеди. Демон ощутил муку и возопил: «О беда! Заповедь Иисуса Христа изгоняет меня!» Девица немедленно очистилась. О случившемся поведали старцам. Они прославили Бога, сказав: «Обычно гордыне диавола падать пред смирением заповеди Христовой»[1].

9. Авва Даниил, проходя однажды чрез некоторое место, увидел, что несколько мирян задержали монаха, обвиняя его в совершении убийства. Старец остановился и, узнав, что брат оклеветан, сказал задержавшим его: «Где убитый?» Ему показали. Приблизившись к убитому, он сказал: «Помолимся». Когда же старец воздел руки горе к Богу, — убитый встал. Старец сказал ему пред всеми: «Скажи мне, кто убил тебя!» Он отвечал: «Вошедши в церковь, я дал много золота бывшему тут пресвитеру, а он убил меня и, вынесши, поверг в монастырь этого старца; но умоляю вас, возьмите у него золото и отдайте детям моим». Тогда старец сказал: «Теперь усни до того времени, как Бог воскресит тебя». Воскресший лег и снова сделался мертвым.

10. Поведал авва Палладий. «Однажды, при встретившейся нужде, авва Даниил пошел в Александрию, взяв и меня с собой. Когда мы входили в город, — встретил нас очень юный монах, выходивший из бани, в которой он мылся. Увидев его, старец очень вздохнул и сказал мне: "Очень жаль этого брата! Похулено будет имя Божие из-за него! Но пойдем за ним и увидим, где пребывает он". Мы пошли за ним. Старец отвел его в сторону и сказал ему: "Сын мой! ты молод и здоров телом: тебе не должно мыться в бане. Поверь мне, сын мой, что ты многих соблазняешь, не только мирских, но и монахов". Брат отвечал старцу: *Аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был*[2]. Писание говорит: *не осуждайте, да не осуждени будете*[3]. Тогда старец поклонился ему, сказав: "Прости меня, сын мой: я согрешил как человек". Оставив его, мы пошли. Я сказал старцу: "Авва! не точно ли болен брат, и в поступке его нет греха?" Старец вздохнул и, прослезившись, сказал мне: "Брат, да удостоверит тебя в истине самое дело: я видел, что более пятидесяти бесов последуют ему и посыпают его смрадом; один мурин сидел у него на плечах и целовал его, а другой мурин, малого роста, шел пред ним, разжигая его и научая разврату. Многие бесы

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] *Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Гал. 1. 10). || [3] *Не судите, и не будете судимы* (Лк. 6. 37).

окружали его и радовались о нем, а святого Ангела я не видел ни близ его, ниже вдали; почему я заключаю, что этот брат исполнен некоторой бесовской деятельности. Свидетельствует о жительстве его изысканная одежда его и то, что он, будучи молод, так бесстыдно пребывает среди города, в который с осторожностию входят постники и отшельники и стараются скорее уйти из него. Если б он не был сластолюбив и миролюбив, то не входил бы нагой в баню и не смотрел бы бесстыдно на обнажение других. Святые Отцы наши — Антоний Великий, Пахомий, Аммоний, Серапион и прочие — заповедали, чтоб никто из иноков не обнажал тела своего иначе, как по причине великой болезни или нужды. Видим в житиях их, что при встретившейся надобности обнажиться, чтоб перейти чрез реку, когда не случалось лодки, они, не будучи видимы никем, стыдились сопутствовавшего им святого Ангела и сияющего на них солнца. Когда приводилось кому-либо из Отцов переправляться чрез реку, и с ним находился ученик его, то они не обнажали себя иначе, как разлучившись друг от друга на достаточное расстояние, при котором они не могли бы видеть наготы друг у друга". — Сказав это мне, старец замолчал. Мы возвратились в Скит. По прошествии немногих дней пришли в Скит некоторые братья из Александрии и поведали, что монах, прибывший из Константинополя и живший при храме святого Исидора, пойман на любодеянии с женою епарха; изувеченный прислугою, он был болен три дня и скончался. Событие это послужило в поругание и укоризну всем монахам. Услышав это, я заплакал и пошел к авве Даниилу. У него сидел тогда авва Исаак, игумен скитский. Я поведал им о случившемся с монахом, которого, когда мы входили в город, старец увидел выходящим из бани, который отверг наставление старца. Старец, прослезившись, сказал: "Наказание гордым — падение их". Наедине пересказал я авве Исааку виденное старцем и то, что он при этом говорил мне. Все это, как достойное быть записанным, авва Исаак велел внести в книгу о знаменоносных Отцах, для пользы и назидания читающих».

11. Пошел некогда авва Даниил с учеником своим из Скита в Фиваиду — так назывался Верхний Египет от главного города своего Фив — в обитель, в которой жил авва Аполлос. Отцы обители, услышав о пришествии к ним великого скитского старца, вышли на встречу ему за семь поприщ от монастыря своего. Их было более пяти тысяч. И представилось чудное зрелище! Они пали ниц и лежали на песчаной равнине, ожидая, подобно лику Анге-

лов, старца, чтоб принять его как Христа. Одни подстилали под ноги его одежды свои, другие подстилали свои куколи, и видны были из очей их потоки слез. Пришел авва Аполлос и поклонился старцу семь раз, прежде нежели старец приблизился к нему. Они приветствовали друг друга с любовию. Братия просили старца сказать им слово спасения, потому что старец не скоро начинал говорить с кем-либо. Они сели вне монастыря на песке, потому что церковь не вмещала их. Отец Даниил повелел ученику своему: напиши следующее: «Если хотите спастись, — соблюдите нестяжание и молчание: на этих двух деланиях основывается все монашеское жительство». Ученик написал сказанное ему старцем, и для прочтения передал одному из братий, который прочитал это братиям-египтянам. Все, пришедши в умиление, заплакали[1].

12. Вышедши оттуда, авва Даниил пришел в Иеромополь и сказал ученику своему: «Поди в монастырь женский и, постучавшись во врата, скажи игумении, что я пришел». Этот монастырь называется монастырем аввы Иеремии; в нем живет триста постниц. Ученик пошел и постучался во врата. Подошла привратница и тихим голосом изнутри сказала ему: «Спасайся! благословен приход твой! Чего ты желаешь?» Он отвечал: «Имею нечто сказать игумении». Привратница сказала на это: «Великая не беседует ни с кем; но скажи, чего желаешь, и я передам ей». Он отвечал: «Поди, передай ей, что некоторый монах имеет нужду переговорить с нею». Привратница поспешно пошла и поведала игумении. Пришла игумения и сказала тихим голосом: «Спасайся, брат! чего ты желаешь?» Монах отвечал: «Окажи любовь, дозволь мне провести эту ночь здесь с другим братом, чтоб нас не съели звери». Игумения сказала ему: «Брат! никогда мужчина не входил сюда. Легче будет для вас, если съедят вас внешние звери, нежели внутренние». Брат отвечал: «Здесь авва скитский, Даниил». Она, услышав это, отворила обе половины ворот и вышла навстречу старцу со всеми постницами. Они устлали одеждами своими весь путь от ворот до того места, где был старец, и, поклоняясь перед ним, целовали ноги его. Таким образом с великою радостию и веселием ввели его в монастырь. Игумения велела принести лохань, влила в нее воду, согретую с благовонными травами, и, поставив постниц в два лика, сама своими руками умыла ноги старцу, также и ученику его. Потом она подводила постниц по одной к умывальнице и окропляла их этим святым омовением; оставшееся же после всех возлила на главу свою

[1] Алфавитный патерик.

и в недра свои. Монахини представляли собою чудное зрелище: они были безгласны, как камни, и беседовали одна с другою знаками. Походка и вид их были ангельские. Старец спросил игумению: «Нас ли стыдятся сестры, или они всегда таковы?» Игумения отвечала: «Рабыни твои, владыка, всегда таковы; но молись о них». Старец сказал ей: «Скажи ученику моему, чтоб он научился у них молчанию, потому что он, живя со мною, ведет себя как готф[1]».

Одна из сестер лежала посреди монастыря и спала; на ней была рубищная одежда. Старец спросил игумению: «Кто это лежит?» Она отвечала ему: «Одна из сестер, преданная страсти пьянства. Что делать с нею? не знаю. Выгнать ли ее из монастыря? боюсь греха. Оставить ли ее так? но она смущает сестер». Старец сказал ученику своему: «Возьми умывальницу и возлей на нее воды». Он сделал так. Она встала, как встают упившиеся вином. При этом игумения сказала: «Владыка! такова она всегда, какою ты видишь ее теперь». И ввела игумения авву Даниила в трапезу, предложила вечерю сестрам и сказала: «Авва! Благослови рабыням твоим вкусить с тобою». Он благословил им. Великая и вторая по ней сели с ним. Старцу предложили моченое сочиво, невареную зелень, финики и воду; пред учеником его поставили немного хлеба, вареной зелени и вина, растворенного водою; инокиням же предложили различную вареную пищу, и рыбу, и вина в достаточном количестве. При этом никто не произнес ни одного слова. Когда встали из-за трапезы, — старец сказал игумении: «Что вы это сделали? Лучшую пищу следовало употребить нам, а употребили ее вы». Игумения отвечала старцу: «Владыка! ты монах: и потому я предложила тебе пищу монашескую; ученику твоему, так как он ученик старца, предложена была пища также монашеская; мы же — новоначальные, потому употребили пищу новоначальных». Старец сказал на это: «Бог да исполнит любовь вашу, потому что мы извлекли большую пользу из действий ваших». Когда все разошлись спать, старец сказал ученику своему: «Поди, посмотри, где будет спать пьяная, лежавшая среди монастыря». Он посмотрел и сказал старцу: «Там, где сестры исправляют телесную нужду, близ отхожего места». Старец сказал ученику: «Побдим эту ночь». Когда уснули все инокини, старец взял ученика и подошел к тому месту, где лежала мнимая пьяная. Они увидели, что она встала и воздела руки к небу; слезы ее потекли подобно потоку, и творила она бесчисленное множество коленопреклонений. Когда же слышала, что какая-

[1] Готфы были очень крикливы.

либо из сестер приходила для исправления телесной нужды, то повергалась на землю и представлялась спящею и храпящею. Так проводила она начало каждой ночи. И сказал старец ученику своему: «Призови ко мне игумению и вторую по ней, призови их тайно». Он пошел и призвал игумению и вторую по ней, и они всю ночь смотрели на подвиг мнимой пьяной. Тогда игумения начала говорить с плачем: «О, сколько зла делала я ей!» Когда ударили в било церковное, игумения поведала всем инокиням виденное ею, и все предались великому плачу. Она же, уразумев, что тайна ее открыта, пришла, не примеченная никем, туда, где отведен был ночлег для старца, похитила жезл его и милоть, вслед за этим отворила ворота монастыря и ушла, оставив на воротах надпись: «Матери и сестры! простите меня, согрешившую пред вами, и молитесь о мне». При наступлении дня начали искать ее, и не нашли; пришедши к воротам, увидели их отворенными и надпись на них. Блаженную нигде не могли сыскать, и очень много плакали и рыдали о ней в монастыре. Старец сказал игумении: «Я ради нее пришел сюда; и Бог любит таких пьяниц». И начали все постницы исповедывать старцу, каждая какое оскорбление нанесла ей. Старец, сотворив молитву о сестрах, немедленно вышел из монастыря и пошел в келлию свою, благодаря и славословя Бога, ведущего сокровенных рабов Своих и не попущающего им долго пребывать утаенными, но открывающего их в уведение всех, не только при жизни, но и по смерти их, в похвалу и славу имени Своего.

13. Однажды шел с аввою Даниилом ученик его, авва Аммон, и сказал старцу: «Отец! когда мы престанем скитаться и будем постоянно пребывать в келлии?» Авва Даниил отвечал: «А кто может отнять у нас келлию? Когда мы в келлии, тогда — с нами Бог, и когда мы вне келлии — также с нами Бог»[1].

Преуспеяние старца в душевном делании было таково, что он постоянно пребывал умом в сердечной клети; к такому совершенству стремился он возвести ученика своего. Так важно руководство духоносным наставником, что святые Отцы советуют новоначальному иноку предпочесть торжище пустыне, если на этом торжище живет духоносный наставник[2].

14. Однажды авва Даниил, пресвитер скитский, пошел в Фиваиду, взяв с собою одного из учеников своих. Они плыли вверх по реке Нилу, и когда доплыли до некоторого селения, — старец повелел лодочникам пристать к берегу. И сказал старец ученику

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Преп. Симеон Новый Богослов.

своему: «Нам должно остановиться здесь». Ученик, услышав это, начал роптать, говоря: «Доколе нам скитаться! пойдем в Скит». Старец сказал: «Нет! останемся здесь». Они сели посреди села, как странники. Ученик сказал старцу: «Угодно ли такое поведение Богу, что мы сидим здесь, как миряне? по крайней мере пойдем в церковь». Старец отвечал ему: «Нет! останемся здесь». Они пробыли тут до глубокого вечера. Брат начал выражать огорчение на старца, оскорбляя его и говоря: «Беда мне с тобою, старик! из-за тебя приходится мне умирать!» Когда ученик укорял таким образом старца, подошел к ним престарелый мирянин, весь седой, сгорбленный от старости. Увидев авву Даниила, он пал к ногам его и начал лобызать их и обливать слезами. Приветствовал он и ученика. Потом сказал им: «Если вам угодно, пойдем в дом мой». У него в руке был фонарь, с которым он ходил по улицам, ища странных, и вводил их в дом свой. Он взял старца и ученика его и других странников, которых нашел, и ввел их в дом. Налив воды в умывальницу, он умыл ноги старцу и прочим братиям. Кроме одного Бога, он не имел ничего иного ни в дому, ни в каком другом месте. Странникам предложена была трапеза. Когда они отужинали, хозяин собрал оставшиеся укрухи и выбросил собакам того селения. Таков был у него обычай: он не оставлял на завтрашний день ни одной крохи от хлеба, который предлагался на ужине. Старец отвел хозяина в особенное место, и там наедине беседовали они до утра, говоря о пользе душевной со многими слезами. По наступлении утра они простились и разошлись. Дорогою ученик поклонился старцу, говоря: «Окажи любовь, авва, поведай мне, кто этот человек, и как ты знаешь его?» Но старец не хотел сказывать. И опять брат поклонился ему, говоря: «Авва! о многом другом ты поведал мне, а об этом человеке не хочешь сказать». Точно: старец сообщил ему о добродетельной жизни многих святых, а о престарелом мирянине не хотел сказать. Брат очень оскорбился этим и уже во всю дорогу ни о чем не говорил со старцем. Когда они пришли в свою келлию, брат не захотел принести в обычное время хлеб старцу, который вкушал ежедневно в десятом часу (в четвертом пополудни). Наступил вечер. Старец пришел в келлию брата и сказал ему: «Чадо! что значит это? ты оставил меня, отца твоего, без пищи». Брат отвечал: «Если б я имел отца, то отец любил бы своего сына». Услышав это, старец поворотился и хотел выйти из келлии, но брат догнал его, остановил, начал целовать ноги его, говоря: «Жив Господь! не оставлю тебя, доколе мне не поведаешь, кто — этот

человек». Брат никак не хотел оставить старца в скорби, потому что очень любил его. Тогда старец сказал: «Дай мне немного поесть, и я скажу тебе». После вкушения пищи старец сказал брату: «Не будь непокорен. Не хотел я сказывать тебе за прекословие, которое ты допустил себе в селении. Смотри, не сказывай никому о том, что услышишь от меня. Человек этот называется Евлогий. По ремеслу своему он — каменосечец, проводит весь день в работе, ничего не вкушая даже до вечера. По наступлении вечера возвращается в дом свой, куда приводит с собою всех странных, каких только найдет в селении, и монахов и мирских, предлагает им пищу, как ты видел, оставшиеся же укрухи выкидывает собакам. Ремеслом своим он занимается с юности своей и доселе; теперь ему более ста лет, но и поныне Бог подает ему такую же крепость в работе, какую он имел в молодых годах. Ежедневно он выработывает по золотой монете. Сорок лет тому назад я пришел в это селение для продажи рукоделия. Тогда был я еще не стар. При наступлении вечера пришел по обычаю своему Евлогий, взял меня и прочих, каких нашел странников, в дом свой, угостил нас, как ты видел. Я удивился его добродетельной жизни и начал поститься по неделе и молить Бога о нем, чтоб подал ему значительное имущество на дело странноприимства. Я провел в таком посте три недели и более и столько изнемог от поста, что едва был жив. Вот! вижу некоего Священнолепного, Который пришел ко мне и сказал: “Что с тобою, авва Даниил?” Я отвечал ему: “Дано мною слово пред Богом не вкусить хлеба, доколе Бог не услышит молитвы моей о Евлогии, каменосечце, и не пошлет ему благословения, чтоб он мог преизобиловать в деле странноприимства”. Он сказал: “Напрасно! Ему лучше оставаться в том положении, в котором он находится ныне”. Я сказал ему: “Нет, Господи, подай ему, чтоб все прославили Твое Святое имя”. Он отвечал: “Говорю Я тебе, что настоящее его положение хорошо для него. Если же непременно хочешь, чтоб Я подал ему, то согласишься ли взять на себя ручательство о душе его, что он спасет ее при умножении имения его? При таком условии Я подам ему”. Я сказал: “Владыко! от руки моей взыми душу его”. В то время, как я говорил это, увидел себя стоящим в храме Святого Воскресения в Иерусалиме. Там увидел я священнолепного Отрока, Который сидел на камне; Евлогий стоял на правой стороне Его. Отрок приказал одному из предстоявших Ему подозвать меня к Себе. Когда я приблизился, Он сказал мне: “Ты ли, поручившийся за Евлогия?” Предстоявшие сказали: “Точно так,

Владыко: он". Отрок сказал: "Взыщу с тебя поручительство твое". Я сказал: "Взыщи, Владыко, с меня; только умножь имение его". После этого я увидел, что некие два начали влагать в недро Евлогию великое множество золота, и чем более они влагали, тем недра более вмещали. Проснувшись, я понял, что я услышан, и прославил Бога. В это время Евлогий, вышедши однажды на обычную работу, ударил в камень и услышал, что в камне была пустота; он повторил удар, от которого образовалось небольшое отверстие; он ударил в третий раз, и открылась значительная пустота, наполненная золотом. Объятый ужасом, он сказал сам себе: "Что мне делать? Не знаю. Если возьму золото в дом мой, услышит правитель, похитит клад себе, а меня подвергнет напасти. Однако возьму золото и сложу в таком месте, в котором никто не узнает о нем". Он купил волов, будто бы для перевозки камней, и ночью, с великою осторожностию, перевез золото к себе в дом. Доброе дело странноприимства, которое он доселе исполнял ежедневно, было оставлено им. Он нанял корабль и прибыл в Константинополь. Там царствовал тогда Иустин, дядя Иустинианов. Евлогий дал много золота царю и вельможам его, получил сан епарха и купил себе великолепные палаты, которые и доселе называются египетскими. По прошествии двух лет опять вижу во сне священнолепного Отрока, виденного мною прежде, во святом храме Воскресения, и сказал я сам в себе: "Где Евлогий?" По прошествии краткого времени вижу, что Евлогия изгоняют от лица Отрока, и некоторый эфиоп увлекает его. Проснувшись, я сказал сам себе: "Увы мне грешному! что сделал я? погубил душу мою!" Пошел я в то селение, где прежде жил Евлогий, как бы для продажи моего рукоделия. Пришедши в селение, я ожидал, что придет Евлогий и по обычаю введет меня в дом свой; но никто не пришел и не пригласил меня. Я встал и, увидев некоторую старицу, просил ее принести мне немного хлеба, потому что в тот день я еще не ел. Она поспешно пошла и принесла мне хлеба и вареной пищи и, севши возле меня, начала говорить мне духовные назидательные слова. "Не полезно тебе, — говорила она, — выходить в мирские селения. Разве ты не знаешь, что монашеская жизнь нуждается в удалении от молвы?" И много другого полезного она сказала мне. Я возразил ей: "Ведь я пришел продать рукоделие мое". Она сказала на это: "Хотя ты и пришел для продажи рукоделия, но не должен был оставаться в селении до такой глубокой ночи". Я отвечал: "Да, да!" Потом спросил я ее: "Скажи мне, мать, нет ли в этом селении кого-либо, боящегося Бога

и принимающего странных?" Она, вздохнув, сказала мне: "О, отец и владыко! имели мы здесь каменосечца, очень милостивого к странным. Но Бог, видя добродетель его, излил на него щедроты Свои: слышим о нем, что он теперь в Константинополе и сделался знатным человеком". Услышав это, я сказал сам себе: "Я сделал это убийство". Немедленно пошел я в Александрию, сел в корабль и прибыл в Константинополь. Там я стал расспрашивать, где египетские палаты и как мне найти их. Рассказали мне это, я пошел и сел у ворот дома Евлогиева, ожидая выхода вельможи. Вижу: вышел он с великою гордостию; я воззвал к нему: "Помилуй меня, имею нечто сказать тебе!" Он не только не захотел взглянуть на меня, но и приказал рабам своим бить меня. Я поспешно перешел на другое место, мимо которого должно было идти ему, и опять воззвал к нему. Он опять приказал бить меня больше прежнего. Таким образом я провел четыре недели пред вратами дома его, обуреваемый снегом и дождем, и не мог побеседовать с ним. Изнемогши, я ушел оттуда, повергся пред образом Господа нашего Иисуса Христа и молился со слезами, говоря: "Господи, разреши меня от поруки за этого человека! иначе я оставлю монашество и пойду в мир". Когда я говорил это мыслию, вздремнулось мне, и, вот, слышу необыкновенное смятение и голос: "Идет Царица!" Пред Нею шли полки — тысячи тысяч и тьмы тем народа. Я воззвал к ней: "Помилуй меня, Владычица!" Она остановилась и сказала: "Чего ты хочешь?" Я отвечал: "Я поручился за Евлогия-епарха: повели, чтоб я был уволен от этой поруки". Она сказала: "Я не вхожу в это дело: удовлетвори, как хочешь, своему поручительству". Проснувшись, я сказал себе: "Если мне придется и умереть, не отступлю от врат Евлогия, пока не улучу возможности побеседовать с ним". Опять пошел я ко вратам его и, когда он хотел выйти, я опять воззвал к нему. Тогда подбежал ко мне один из рабов его и нанес мне столько ударов, что сокрушил все тело мое. Пришедши в совершенное недоумение и уныние, я сказал себе: "Возвращусь в Скит, и если угодно Богу, то Он судьбами Своими, ведомыми Ему единому, спасет Евлогия". Я пошел искать и нашел корабль, которому должно было плыть в Александрию. Вошел я в этот корабль и от скорби упал как мертвый. В этом положении я задремал и вижу себя в храме Святого Воскресения, вижу опять священнолепного Отрока, Который сидел на камне честного гроба. Отрок воззрел на меня гневно: от этого как бы окаменело сердце мое, и я не мог отворить уст моих. И сказал мне Отрок: "Что ж ты не действуешь

по поручительству твоему?" Он повелел двум из предстоявших Ему повесить меня, и били они меня довольно, приговаривая: "Не начинай дела, превышающего твои меры, не препирайся с Богом, не стужай Божеству". От страха я не мог отворить уст моих. Когда я еще висел, услышался голос: "Царица идет!" Увидев Ее, я несколько ободрился и сказал Ей тихим голосом: "Владычица мира, помилуй меня". Она спросила, как и в первый раз: "Чего ты хочешь?" Я сказал: "Я повешен здесь за поручительство мое за Евлогия". Она сказала мне: "Я умолю за тебя". И видел я, что Она подошла к Отроку и начала целовать ноги Его. Отрок сказал мне: "Впредь не будешь ли делать этого?" "Не буду, Владыко! — отвечал я. — Молился я о Евлогии, желая лучшего. Владыко! я согрешил: прости меня и повели разрешить". Он сказал мне: "Иди в келлию твою, и уже не заботься о Евлогии, которого Я возвращу к его прежнему добродетельному жительству способом, Мне известным". Я проснулся неизреченно радостным, избавившись от такого поручительства, и благодарил Бога и Пресвятую Владычицу Богоматерь. По прошествии трех месяцев дошел до меня слух, что царь Иустин умер, что вместо него воцарился новый царь, который поднял гонение на вельмож умершего царя, на ипатов и диксикратов, и на моего Евлогия-епарха. Двое из этих вельмож были убиты, имение их разграблено, равно как и богатство Евлогия, сам же он бежал из Константинополя ночью; потому что царь велел искать его и убить там, где найдут. Евлогий, переменив одежду на себе, облекшись в такую, какую он носил прежде, в дни убожества своего, возвратился на прежнее место жительства своего. Стеклись к нему поселяне, желая видеть его, и говорили ему: "Мы слышали о тебе, что ты сделался вельможею". Он отвечал: "Если б я возведен был в сан вельможи, то вы бы не увидели меня здесь. Вы слышали о ком-либо другом, а я ходил для поклонения к святым местам". Опомнившись от упоения суетою мира, Евлогий говорил сам себе: "Смиренный Евлогий! встань, примись за твои орудия, и поди на работу. Здесь не Константинополь! Иначе, пожалуй, снимут с тебя голову". Он взял орудия ремесла своего, пришел к камню, в котором прежде нашел имение, полагая, что вторично найдет подобное. Ударял он в камень до самого полудня и не нашел ничего. Вспомнились тогда ему обилие яств и наслаждений, которые он имел, живя в палатах, в обольщении и гордости мира сего. При этом опять говорил он себе: "Встань, работай: здесь — Египет". Мало-помалу Святой Отрок и Святая Владычица наша привели его в прежнее благочестивое устроение. Праведный Бог не забыл

прежнего добродетельного жительства его. По прошествии нескольких лет я пошел опять в это селение. При наступлении вечера Евлогий пригласил меня в дом свой по прежнему обычаю своему. Едва я увидел его, как вздохнул из глубины сердца, прослезился и сказал: "*Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси!*[1] *Кто Бог Велий, яко Бог наш, воздвизаяй от земли нища, и от гноища возносяй убога!*[2] Владыко, Господи! чудеса Твои и судьбы Твои кто может исповедать? Я, грешник, начал уже погибать; едва не вселилась во ад душа моя!.." Евлогий взял воду и умыл ноги мои по обычаю; предложил и трапезу. По окончании ужина я спросил у него: "Как поживаешь, брат?" Он отвечал мне: "Молись за меня, отец, потому что я — человек грешный, и у меня нет никакого имущества". Я сказал ему на это: "О, если б ты не имел и того, которое имел!" "Почему так, авва и владыко? — возразил он, — разве я чем-нибудь соблазнил тебя?" Тогда поведал я ему все случившееся, и мы плакали вместе. Потом он сказал мне: "Молись о мне, чтоб я исправился хотя отныне". И сказал я ему: "Истинно говорю тебе, брат: не ожидай получить имение большее того, которое имеешь; будешь получать по одной золотой монете на день". — Это даровал ему Бог на дневное содержание. — Вот, чадо, я сказал тебе, как знаю его, а ты не пересказывай этого никому». Ученик сохранил втайне событие до смерти святого старца. Должно удивляться человеколюбивому смотрению о нас Бога! В короткое время Бог вознес Евлогия на такую высоту и опять смирил его к душевной пользе его. Помолимся и мы, чтоб нам даровано было смириться в страхе Господа нашего Иисуса Христа, чтоб получить милость на Страшном Суде Его молитвами Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых[3].

1. Поведали о авве **Диоскоре** следующее. Он, безмолвствуя в келлии, оплакивал себя. Ученик его жил в другой келлии. Когда ученик приходил к старцу и заставал его плачущим, то спрашивал: «Отец! о чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о грехах моих». Ученик возражал: «Ты не имеешь грехов». Старец отвечал: «Будь уверен, сын мой: если б я видел все грехи мои, то мой собственный плач оказался бы недостаточным; я понуждался бы во многих помощниках, чтоб оплакать их как должно»[4].

---

[1] Пс. 103. 24. ‖ [2] *Кто Бог так великий, как Бог [наш]! ...из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего* (Пс. 76. 14; 112. 7). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик.

2. Авва Диоскор говорил: «Если мы облечемся небесною одеждою: то не окажемся нагими. Если же не будет на нас этого одеяния, — что сделается с нами, братия? Мы услышим грозный глас, повелевающий: ***возьмите его и вверзите во тьму кромешную***[1]. Обымет нас великий стыд, если мы, носив столько времени святой иноческий образ, окажемся в час нужды не имеющими брачного одеяния. О, как будем тогда раскаиваться!»[2]

Пресвитер Фиваидский **Диоскор** говорил монахам, находившимся под его руководством: «Подобает монаху вознестись превыше естественного закона, чтоб в нем не обреталось ниже малейшей плотской скверны. Он должен обуздывать плоть свою, не допуская ей излишества в пище. Он должен иссушить плоть свою. В противном случае она будет увлекать его вожделением своим. Монах отнюдь не должен иметь сладострастного вожделения. Он должен быть чужд ощущения мирских людей. Часто видим, что и миряне воздерживаются от пищи для здоровья телесного и по другим причинам: тем более монах должен озаботиться о доставлении духовного здравия уму и сердцу»[3].

Авва **Дула** говорил: «Если враг будет внушать нам, чтобы мы оставили безмолвие, то не послушаем его, потому что никакой подвиг не может сравняться с пребыванием в безмолвии и пощении. Пост и безмолвие, в совокупности своей, противоборствуют врагу и доставляют душевным очам остроту зрения»[4].

1. Святой **Епифаний,** архиепископ Кипрский, был родом из Финикии, происхождением и верою — иудей. В детстве лишился он родителей, сперва отца, потом матери, принял христианство вместе с сестрою своею Каллитропиею и вступил в монастырь, будучи шестнадцати лет от роду. Каллитропия также уневестилась Христу в лике инокинь[5].

2. Братство монастыря, в котором святой Епифаний принял монашество, состояло из десяти монахов. Настоятельствовал над ними преподобный Лукиан, муж духоносный; также между братиями были мужи, исполненные благодати Божией. В обществе такого братства, под таким руководством, избранный сосуд, Епифаний, скоро достиг духовного преуспеяния, которое впоследствии раз-

---

[1] ***...возьмите его и бросьте в тьму внешнюю*** (Мф. 22. 13). ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Достопамятные сказания. ‖ [5] Sancti Epiphanii, Patr. Gr. Tom 416, cap. 1, VIII и IX.

вилось в нем в необыкновенном обилии. Братия занимались переписыванием священных книг: этим рукоделием они содержали себя и обитель[1]. Рукоделие это имело и свою духовную цель: это явствует из писаний и многих изречений святого Епифания.

3. Он говорил: «Незнание Писания — великая стремнина и глубокая пропасть»[2].

4. Он говорил: «Незнание Божественных законов — великое предательство своего спасения»[3].

5. Он говорил: «Чтение Писания — великая защита от греха»[4].

6. Он говорил: «Приобретение христианских книг для имеющих средство к такому приобретению — необходимо; одно зрение этих книг останавливает в нас стремление к греху, возбуждает в нас стремление к добродетели»[5].

Так высказывались понятия и ощущения, родившиеся от келейного занятия, которое совершалось в духовном разуме и с целию преимущественно духовною.

7. Извещал блаженной памяти Епифания, епископа Кипрского, игумен монастыря его в Палестине: «Мы не оставляем твоего правила и тщательно отправляем богослужение в третий, шестой, девятый час и вечером». Он в ответ повелел сказать ему: «Из этого следует, что в прочие часы вы пребываете без молитвы; но истинному монаху подобает непрестанно молиться и петь в сердце своем»[6].

Святой Епифаний, прежде возведения своего в сан епископа, основал монастырь в Палестине и был настоятелем его. Несмотря на то что монастырь находился в глубокой пустыне, множество посетителей отовсюду стекалось в него. Они привлекались обильным даром чудотворения и прочими духовными дарами, которыми Богу угодно было украсить Своего угодника. Это вынудило Епифания нередко удаляться из монастыря своего и на продолжительное время. При одном из таких путешествий он был занесен бурею в Саламон, или Констанцию, город острова Кипра. Там в это время собор епископов занимался избранием епископа для города и, по откровению Свыше, хиротонисал Епифания во архиепископа Констанции и всего Кипрского острова.

---

[1] Sancti Epiphanii, Patr. Gr. Tom 416, cap. 1, VIII и IX. ‖ [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [5] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [6] Patrolog. pag. 941.

8. Послал однажды Епифаний, архиепископ Кипрский, к авве Илариону, умоляя его прийти к себе. «Приди для свидания со мною прежде исшествия нашего из тела», — говорил в приглашении своем святитель. Авва Иларион пришел, и старцы возрадовались взаимно друг о друге. Когда они сидели за трапезою, подана была птица. Епископ, взяв часть ее, подал авве Илариону. Но старец сказал ему: «Прости меня, Отец, с того времени, как я принял монашеский образ, я не влагал в уста мои заколотого». Епископ отвечал: «И я с того времени, как принял монашеский образ, не попустил, чтоб кто-либо уснул, имея гнев на меня». Авва Иларион сказал на это: «Прости меня, Отец! твое жительство выше моего»[1].

9. Когда уже достиг Епифаний глубокой старости, — был призван в Константинополь для участия в соборе епископов по делу святого Иоанна Златоустого. Видя, что собор действует по увлечению страстию, он лично испросил у императора Аркадия дозволение возвратиться в Кипр. При этом свидании император спросил Епифания, сколько ему лет от роду. Епифаний отвечал: «Сто пятнадцать лет и три месяца. Рукоположен я во епископа, когда мне было шестьдесят лет; в сане епископа состою пятьдесят пять лет и три месяца». «В тот же день, — говорит писатель жития Епифаниева, — мы сели в корабль, плывший в Кипр. Епифаний поместился в нижней части корабля, и мы с ним. У Епифания был обычай постоянно держать в руках Евангелие. Трижды вздохнул и возрыдал он, раскрыв Евангелие; закрыв его, опять пролил слезы. Потом встал и помолился; по совершении молитвы он опять сел там же, в нижней части корабля, и со слезами начал говорить нам: “Если вы, чада мои, любите меня, то сохраните заповеди мои, и любовь Божия пребудет в вас. Вы знаете, чрез сколько огорчений я прошел в этой жизни, — и не считал я эти огорчения огорчениями, но пребывал всегда веселым, возлагаясь на Бога; Бог не оставлял меня, но всегда сохранял от всех козней лукавого. *Любящим Бога вся спопешествует во благо*[2]. Однажды, о возлюбленные чада мои, когда я находился в пустынном месте и приносил молитву Христу, чтоб Он освободил меня от всех наветов противника, — множество демонов напало на меня. Они начали терзать меня и, схватив за ноги, влачили по земле. Некоторые из них нанесли мне раны. Так поступали они со мною в продолжение десяти дней. После этого я уже не видел демона в его собственном лице во все дни жизни моей,

---

[1] Достопамятные сказания. || [2] *...любящим Бога... все содействует ко благу* (Рим. 8. 28).

но изливал он на меня злобу свою чрез посредство человеков: такого рода злоключения постигли меня в Финикии от неистовых симониан, в Египте от нечестивых гностиков, в Кипре от нечестивых валентиниан и от других еретиков. Внимательно выслушайте, о чада мои, слова Епифания-грешника. Не вожделевайте денег, и пошлются вам деньги в изобилии. Не имейте ненависти ни к кому из человеков, и Бог возлюбит вас. Не злословьте братий, и диавол не будет господствовать над вами возбуждением страстей ваших. Отвращайтесь от всех ересей, как от зверей, исполненных смертоносного яда; об этом я предал вам в книгах, называемых "Панария". Отвращайтесь и хранитесь от похотений мира, наветующих и ум и тело. Знайте, что при посредстве этих похотений приступает к вам сатана. Иногда в плоти и не нарушается спокойствие, но дух нетрезвящихся подвергается осквернению мечтаниями. Когда же ум наш бодрствует и постоянно пребывает в памятовании Бога, тогда удобно побеждаем врага"[1]. Таково было предсмертное наставление святого Епифания ученикам его — он скончался на корабле, не достиг Кипра».

1. Авва **Евагрий** приведен к монашеской жизни особенными судьбами Божиими. Он был сын пресвитера, родом из Понта, принадлежал к племени иверийцев (грузин), произведен в чтеца Василием Великим, епископом Кесарии Каппадокийской, рукоположен во диакона Григорием Нисским, братом Василия, сопутствовал Григорию на Второй Вселенский Собор в Константинополь. Там Григорий передал его, как мужа весьма ученого, блаженному Нектарию, епископу Константинопольскому. Столица начала вредно действовать на Евагрия, и он, избегая душепогибели, наставленный видением, удалился в Иерусалим; там облекся в иноческий образ, потом ушел в Египет, в Нитрийскую гору, — обширную пустыню, населенную множеством монахов. Проведши в ней два года, он переместился в другую пустыню, именуемую Келлии. Пятнадцать лет пребыл он в строгом подвижничестве и стяжал чистоту ума, удостоился даров разума, премудрости и рассуждения духов. Он был столько бит демонами и подвергся столь многообразным опытам в борьбе с ними, что этого и пересказать нелегко. Однажды явились ему три демона в одеяниях священнических, намереваясь препираться с ним о вере: один называл себя арианином, другой евномианином, третий последователем Аполлинария. Евагрий,

[1] Vita, cap. LXIII и LXIV.

имевший Духа премудрости, легко победил их. Авва умер пятидесяти четырех лет от роду, *скончався вмале и исполнив лета долга*[1], по изречению Писания[2].

2. Говорил авва Евагрий: «Безмолвствуя в келлии твоей, уедини ум твой в тебе самом и вспомни о дне смерти твоей. Усмотри умерщвление твое, усмотри падение, восприими плач. Возненавидь суету мира сего. Будь смирен во всех отношениях. Имей попечение о том, чтоб пребывать постоянно в стремлении к безмолвию, и не впадешь в расслабление. Вспоминай о заключенных во аде! помысли, в каком положении находятся теперь низвергнутые туда души! в каком горьком молчании они пребывают там! как они стонут ужасно! в каком они страхе и мучении! в каком отчаянии! в какой печали! в каких бесконечных слезах! Потом приведи себе на память день Воскресения и Страшный Суд Христов, которого одно представление воображением может привести в ужас. Какое смущение обымет грешников, когда они будут приведены пред лице Христа Бога, пред Ангелов, Архангелов и прочие Силы небесные, пред собрание всех человеков! Приведи себе на память виды вечных мук: огнь неугасающий, червь неумирающий, мрак тартара, скрежет зубов и прочие ужасы и разнообразные муки. Приведи себе на память уготованные блага праведникам, дерзновение их к Богу Отцу и Сыну Его, Иисусу Христу, пред Ангелами, Архангелами, всеми небесными Силами и всем человеческим родом. Приведи себе на память Небесное Царство, сокровища его, радость и покой. Памятствование того и другого да пребывает с тобою: воздыхай об участи, ожидающей грешников, проливай слезы, весь облекись в сетование, страшись, чтоб и тебе не подвергнуться тому же; воспоминанием благ, уготованных праведным, увеселяйся и ободряйся. Стремись к получению вечного блаженства и к избежанию вечного мучения. Не оставляй этих воспоминаний, находясь и в келлии твоей и вне ее; содержи эти воспоминания непрестанно в уме твоем и чтобы, хотя при помощи их, избежать скверных душевредных помышлений»[3].

Святые Отцы, советуя вспоминать о предметах невидимого мира, воспрещают изображать их в уме мечтою: предметы эти совсем не таковы, какими рисуются они в воображении человека плотского и страстного.

---

[1] *Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета* (Прем. 4. 13). ‖ [2] Алфавитный патерик. Patrolog. pag. 1183, 1183, 1184. ‖ [3] Алфавитный патерик и Patrolog. pag. 860.

Дозволение себе мечтательности есть отверстая дверь в область лжи — этого непременного условия и начала погибели человека; дозволение себе мечтательности есть отступление от истины и произвольное самообольщение. Но при особенном нашествии блудных помыслов, когда демоны усиливаются запечатлеть нас образами сладострастия, допускается воображение адских мук и ужасов: тьмы вечной, вечного горького молчания и вечных бесплодных стонов, огня геенниского, в котором, как в море, тонут грешники. Образами адских ужасов могущественно изглаживаются сладострастные образы.

3. Авва Евагрий поведал, что некоторый из Отцов сказал: «Сухоядение и равномерность в количестве пищи, при душевном расположении любовию ко всем, скоро вводят монаха в пристанище бесстрастия»[1].

4. Передавал авва Евагрий изречение некоторого старца: «Отвергаю плотские наслаждения и для того, чтоб отсечь поводы к возмущению гневом. Заметил я, что гнев борет меня всегда по поводу наслаждения, возмущая ум мой и отъемля у меня рассуждение»[2].

5. В начале своего монашеского жительства авва Евагрий пришел к некоторому старцу и сказал ему: «Авва! преподай мне душеспасительное слово». Старец отвечал: «Если хочешь спастись, то, к кому бы ты ни пришел, не говори прежде, нежели он спросит тебя». Евагрий пришел в умиление от этого изречения, поклонился старцу до земли и сказал: «Поверь мне, авва! я прочитал много книг и нигде не встретил такого мудрого наставления»[3].

6. Парящий (находящийся в развлечении и рассеянности) ум приводится в состояние непарительности чтением, бдением и молитвою; разжжение вожделения погашается постом, трудом и уединением; возмущение гнева укрощается псалмопением, долготерпением и милосердием. Всякий подвиг должен быть благовременным и соразмерным. Подвиг, возложенный безвременно и не соразмерно с силами, может быть выдержан только в течение краткого времени, а всякое делание, совершаемое в продолжение краткого времени, потом оставляемое, более вредно, чем полезно[4].

7. Сказал авва Евагрий: «Велико — молиться без развлечения; заниматься же псалмопением без развлечения еще труднее»[5].

8. Он сказал: «Постоянно содержи в памяти предстоящие тебе кончину и Суд, — и сохранишь душу твою от согрешения»[6].

---

[1] Patrolog. pag. 855. ‖ [2] Patrolog. pag. 866. ‖ [3] Patrolog. pag. 855, 866. ‖ [4] Patrolog. pag. 866. ‖ [5] Patrolog. pag. 915. ‖ [6] Patrolog. pag. 934.

9. Авва Евагрий сказал: «Если впадешь в малодушие, — молись. Молись же со страхом и трепетом, молись усердно, бодренно и трезвенно. Так подобает молиться тем более, что невидимые враги наши лукавы и неусыпны в кознодействии: они особенно тщатся препятствовать такому совершению молитвы»[1].

10. Опять сказал: «Если помысл богопротивный приблизится к твоему сердцу, то молитва твоя да не будет о разнообразных предметах, но извлекай слезный меч против того, кто нападет на тебя»[2].

11. Сказал авва Евагрий: «Начало спасения — самоукорение»[3].

12. Поведал авва Евагрий: «Спросил меня сосуд избранный, старец Макарий Египетский: "По какой причине мы, когда помним оскорбления, нанесенные нам человеками, то памятствованием этим уничтожаем крепость души; когда же помним оскорбления, нанесенные нам бесами, то памятствованием этим охраняем наши души?" Недоумевая, что отвечать, я просил у него объяснения. "По той причине, — отвечал он, — что первое противоестественно душе, а второе естественно"»[4].

13. «В самый зной полудня, — поведал о себе авва Евагрий, — пошел я к святому отцу Макарию и будучи истомлен зноем, попросил воды, чтоб прохладиться питием. Но он сказал: "Будь доволен тению. Многие путешественники и мореплаватели терпят жажду не менее тебя!" Потом, когда я исповедал ему помыслы мои относительно воздержания, он сказал: "Поверь мне, сын! в целые двадцать лет я не употребил досыта ни хлеба, ни воды, ни сна. Хлеб мой ел я весом, воду пил мерою и позволял себе уснуть, прислонившись к стене"»[5].

Некто **Евлогий,** ученик патриарха, блаженного Иоанна Милостивого, великий подвижник, саном пресвитер, постился по два дня, а иногда и по целой неделе, вкушая только хлеб и соль, и был прославляем людьми. Он пришел в Панефос к авве Иосифу, надеясь увидеть у него подвижничество еще более строгое. Старец принял его радостно и предложил на трапезе все, что было у него. Увидя это, ученики Евлогия сказали старцу: «Пресвитер ничего не вкушает, кроме хлеба и соли»; но авва Иосиф продолжал есть

[1] Patrolog. pag. 941. ‖ [2] Patrolog. pag. 957. ‖ [3] Patrolog. pag. 866, 915, 934, 941, 957. ‖ [4] Patrolog. pag. 866, 915, 934, 941, 957. ‖ [5] Patrologie Graecae, Tom. XL, pag. 1250.

молча. Евлогий провел у него три дня и не слышал, чтоб он и ученики его занимались псалмопением, не видел, чтоб они молились, потому что подвиг их был тайный. Евлогий ушел с учениками своими, не получив пользы. По смотрению Божию сделался туман; они сбились с дороги и пришли опять к келлии старца. Став вне, они услышали, что в келлии совершается псалмопение. Постояв долго, они постучались. Авва Иосиф принял их с любовию. По причине зноя ученики аввы Евлогия налили воды в чашу и подали ему пить. Вода была из реки, но с примесью морской; такую воду всегда употребляли жившие с аввою Иосифом. Евлогий не мог пить этой воды и спросил старца: «Что это значит?» Старец отвечал: «Брат, несколько недостаточный рассудком, прибавил по ошибке в речную воду морской». Евлогий пал в ноги старцу и сказал ему: «Авва! ради Господа открой мне тайну подвижничества вашего, потому что когда мы были здесь, вы не занимались псалмопением, а когда мы нечаянно возвратились к вам, то застали вас занимающимися псалмопением. Также: вода у вас прежде была хорошая, а теперь она оказалась соленою». Старец отвечал на это: «Сын мой! малая чаша вина и свежая вода были поставлены ради любви, а ту воду, которую ты вкусил теперь, братия употребляют постоянно. Иноку должно всегда содержать подвиг свой втайне, — не делать напоказ ничего, до самой безделицы». И научил старец Евлогия рассуждению помыслов, отсекши от него все начинания из самолюбия и человекоугодия. Евлогий сказал старцу: «Жительство ваше — точно по Богу». Он получил большую душевную пользу, начал с того времени вкушать предлагаемую ему пищу, а подвиг свой хранить втайне[1].

1. Поведали нам ученики аввы **Евлогия** Скитского: «Когда старец посылал нас в Александрию продавать рукоделие, то завещавал нам оставаться в этом городе не более трех дней. “Если же, — говорил он, — вы пребудете более трех дней и впадете в какой-либо грех, то я неповинен в грехе вашем”. Мы спросили его: “Почему же другие монахи, пребывая в городах и селах с мирскими людьми, не чувствуют вреда для душ своих?” Старец, отверзши нелживые уста, сказал нам: “Поверьте мне, чада мои: со времени принятия мною монашества я прожил в Скиту тридцать восемь лет, не выходя никуда. По истечении тридцать восьмого года пошел я с аввою Даниилом в Александрию к патриарху Евсевию по некоторой

[1] Алфавитный патерик.

нужде. Когда мы вошли в город, то встретили там много монахов, и отверзлись мои очи: я увидел, что некоторых из них били вороны крыльями по лицу; других обнимали обнаженные женщины и шептали им на ухо; с иными играли обнаженные дети мужеского пола и мазали их смрадом; иным подносили нюхать мясо и вино. Из этого я понял, что демоны возбуждали в уме каждого монаха брань, соответственно той страсти, которою он одержим. По этой причине, братия, я не хочу, чтоб вы замедляли в городе и подвергались нападению таких помыслов, правильнее же — демонов"»[1].

2. Старец Евлогий был очень искусен в рассуждении бесовских помыслов. Он собирал ежедневно учеников своих к себе и наставлял их способу сопротивления помыслам, представляющихся уму. Он говорил: «Сколько страстей в душе, столько и бесов. Свидетельствует и Божественное Писание, что всякий порабощается тому, чем побеждается. Кто поработится блуду и сластям, тот отвергся Христа. Также тщеславие, гордость, сребролюбие и лжа соделывают человека, служащего этим страстям, чуждым Христа»[2].

3. Блаженный Евлогий поведал следующее видение некоторого старца; по самой же вещи — ему было видение. Старец этот стоял в церкви на всенощном бдении пред воскресным днем. Братия стояли ликами и пели псалмы Давидовы. Старец увидел, что церковь исполнилась света и что Ангелы Божии воспевают с братиями. Когда окончилось всенощное бдение, Ангелы вышли из святого алтаря; поставлены были пред ними корзины как бы хрустальные, наполненные золотыми, серебряными и медными монетами, просфорами, как цельными, так и раздробленными на укрухи; также поставлен был небольшой золотой сосуд с миром и золотая кадильница с весьма благовонным фимиамом. Когда братия, прежде нежели выйти из церкви и разойтись по келлиям, подходили для поклонения к Честному Кресту: то Ангелы давали некоторым златники с изображением Господа нашего Иисуса Христа, другим сребреники с изображением креста, иным медные монеты, иным целые просфоры, иным укрухи; одних Ангелы помазывали миром из золотого сосуда, других кадили кадильницею; некоторые не получили ничего; некоторые же уходили, оставив в церкви полученное ими. Старец помолился Богу, чтоб открыто ему было значение видения и почему дары не равны, между тем как все вместе занимаются псалмопением и бдением. И было открыто ему, что принявшие по златнику суть те, которые на среду, пяток, недельные дни и дву-

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик.

надесятые праздники совершают бдение трезвенно с вечера до утра; принявшие сребреники — те, которые бдят с полуночи до утра; принявшие медную монету — те, которые понуждаются к псалмопению; принявшие цельные просфоры прилежат чтению книг; получили укрухи новоначальные, не вступившие еще в совершенное иноческое житие; помазаны миром послушные во всем отцу своему и вдавшие себя в услужение всем,— поты и труды их вменяются пред Богом в миро; те, которые окурены фимиамом кадила, суть вдавшиеся молве и приходящие в чувство только тогда, когда войдут в церковь; не приняли ничего небрегущие о своем спасении, не сопротивляющиеся скверным помыслам и не очищающие сердца от страстей, но предавшиеся сребролюбию и чревообъядению; оставившие в церкви полученные ими дары и ушедшие с пустыми руками суть те, которые занимаются эллинскими книгами, науками мира сего,— предававшиеся гордости, тщеславию и человекоугодию[1].

Пресвитер (иеромонах) авва **Евлогий**, когда совершал святую Литургию,— благодать Божия столько обымала его, что он видел душевное состояние каждого, приходившего к нему. Часто, когда некоторые из монахов приступали к Святому Причащению, он возбранял им, говоря: «Как дерзаете вы приступать к святыне, имея лукавые помыслы? Ты этою ночью занимался скверными помышлениями блудными, а ты помышлял, что к благодати Христовой можно приступать одинаково и пребывающему в грехах, и очистившемуся от них». Иных обличал Евлогий в других греховных увлечениях. «Устранитесь на короткое время,— говорил он им,— от Святого Причащения и покайтесь искренно, чтоб прощены были вам грехи ваши и вы соделались достойными общения с Богом. Если кто не отвергнет предварительно общения с греховными помыслами, тот не должен приступать к Святым Божиим Тайнам»[2].

Здесь разумеется соглашение с греховными помыслами, услаждение ими, пребывание в них произвольное, а не невольное их нашествие, которого никто избежать не может, но которому может противиться всякий.

Поведал авва **Евстафий**: «Живши в мире, я никогда не вкушал пищи прежде захождения солнца. Когда я сидел в лавке,— книга не выходила из рук моих: рабы мои продавали и принимали товар, а я непрестанно упражнялся в чтении. По средам и пятницам

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик.

я раздавал милостыню нищим. Когда начинался звон, я спешил в церковь, и никто прежде меня не приходил в нее. Когда я выходил из церкви, то приглашал с собою бывших тут убогих в дом мой, и разделяли они со мною трапезу мою. Когда я стоял в церкви на всенощном бдении, никогда не вздремнулось мне, — и признавал я себя великим подвижником. Все прославляли и почитали меня. Умер сын мой; вельможи города пришли ко мне, чтобы утешить меня, но я не мог утешиться. От великой скорби я впал в болезнь и был близок к смерти. По прошествии семи месяцев едва поправился. Провел я в дому моем после этого еще четыре года, подвизался по силе моей и не прикасался к жене моей: я жил с нею как с духовною сестрою. Когда случалось мне видеть монаха из Скита, — я приглашал его в дом мой вкусить со мною хлеба. У этих монахов я расспрашивал о чудесах, совершаемых святыми старцами, — и мало-помалу пришло мне желание монашества. Жену мою я ввел в женский монастырь, а сам пошел в Скит к авве Иоанну, с которым был знаком. Он постриг меня в монашество. Имел блаженный, кроме меня, еще двух учеников. Все, видя меня особенно усердным к церкви, отдавали мне почтение. Провел я в Скиту около пяти месяцев, и начал очень беспокоить меня блудный бес, принося мне воспоминания не только жены моей, но и рабынь, которых я имел в дому моем. Не было мне отдыха от брани ни на час. На святого старца я смотрел как на диавола, и святые слова его казались мне уязвляющими меня стрелами. Когда я стоял в церкви на бдении, то не мог открыть глаз от сна, овладевавшего мною, так что не однажды, но несколько раз я приходил в отчаяние. Борол меня и бес чревообъядения, борол до того, что я часто крал остатки хлеба, ел и пил тайно. Что говорить много! помышления мои расположили меня выйти и бежать из Скита, направиться на восток, поместиться в таком городе, в котором никто не знает меня, там предаться любодеянию или жениться. Старец, видя изменение в лице моем, ежедневно увещевал меня, говоря: "Сын мой! лукавые помыслы нападают на тебя и смущают душу твою, а ты не исповедуешь мне их". Но я отвечал: "Отец! у меня нет никаких помыслов, но я размышляю о грехах моих и скорблю о них". В обуревании такими скверными и лукавыми помышлениями проведши пятнадцать месяцев, однажды, пред наступлением воскресного дня, увидел я во сне, что нахожусь в Александрии, прихожу поклониться святому апостолу и евангелисту Марку. Вот! внезапно встретило меня множество эфиопов. Они схватили меня и, окружив, разде-

лились как бы на два лика. Они принесли черную змею, связали ею мои руки, а другую змею свернули в кольцо и возложили мне на шею; еще других змей положили мне на плечи, а они прицепились к ушам моим, также змеею препоясали меня по чреслам моим. Потом привели женщин эфиоплянок, которых я имел некогда в дому моем, и начали они целовать меня и плевать мне в лицо. Нестерпим был для меня смрад их! Змеи начали есть ноги мои, лицо и глаза, а эфиопы, стоявшие вокруг меня, отворили уста мои и влагали в них огненною ложкою нечто, говоря: "Ешь, и насыться". Также они принесли чашу, говоря: "Подайте вина и воды и напойте его". И напоили они меня горящею смолою, смешанною с серою. После этого они начали меня бить огненными жезлами, говоря: "Отведем его в город Едес и наругаемся ему также и там". Находясь в таком бедствии, я увидел двух светоносных мужей красоты неисповедимой: они выходили из церкви святого Марка. Эфиопы, увидев их, убежали, а я начал взывать к ним: "Помилуйте меня!" Они спросили меня: "Что случилось с тобою?" Я отвечал: "Я шел в церковь поклониться, и попал на разбойников: вот, вы видите, что они сделали со мною". Один из светоносных людей сказал мне на это: "И хорошо сделали; с тобою следует поступить еще хуже. Но никто не может разрешить тебя от этих уз, кроме аввы Иоанна, с которым ты живешь и от которого ты отлучен твоим неверием". Затем светоносные эти мужи оставили меня и ушли, а я начал вопиять к ним: "Заклинаю вас единосущною Троицею! помилуйте меня!" Когда я кричал таким образом, пришли братия и разбудили меня. Я был облит слезами. Встав, я поспешил к преподобному старцу, припал к святым ногам его и рассказал ему по порядку все, виденное мною. Старец сказал мне: "Эфиопы суть бесы, змеи — скверные помыслы, которых ты не исповедуешь мне; огненная змея — брань беса блудного; жены эфиоплянки суть помышления лукавые, обольщающие и вместе губящие тебя; снедающая тебя змея есть злоречие; огненная лжица, отверзавшая твои уста, суть бесы осуждения; чаша, которою напоили тебя, есть душевное расположение твое, происшедшее от принятых лукавых помыслов, и то отвращение, которое ты ощутил ко мне и к братии; смолою и серою означаются тот хлеб и та вода, которые ты ел и пил украдкой, тайно. Знай, сын мой, что добродетели, которые ты совершал в мире, смешаны были с возношением и гордостию. Твои бдения, твое пощение, твое неупустительное хождение в церковь, милостыни, которые ты раздавал, все это делалось под влиянием похвалы человеческой. По этой

причине и диавол тогда не хотел нападать на тебя. Ныне же, увидев, что ты вооружился на него, и он восстал на тебя. На будущее время завещаваю тебе, сын мой, когда усмотришь в себе смущение и бурю от лукавых помыслов, скажи об этом мне, отцу твоему, или братиям, которые живут с тобою, и уповаю на Бога, что помогу тебе, как помог многим". Сделав мне это наставление, старец отпустил меня в мою келлию. С этого времени я начал открывать мои помышления, и уже пребывал во всяком покое»[1].

Добродетели монахов и подвиги их отличаются решительною чертою от подвигов и добродетелей мирян. Говорит святой Иоанн Карпафийский монаху: «Никак не позволь себе признать более блаженным мирянина, нежели инока, мирянина, имеющего жену и детей, утешающегося тем, что он благотворит многим и подает обильную милостыню, не подвергаясь никаким искушениям от бесов. Не признай себя, монах, меньшим такого мирянина в благоугождении Богу. Говорю это не потому, чтобы ты жил непорочно, неся на себе труд иноческого подвига, но если ты и очень грешен[2]. Скорбь души твоей, твое злострадание далеко честнее пред Богом возвышеннейших добродетелей мирянина, твоя великая печаль, твое покаяние, твои воздыхания, сетование, слезы, мучительство совести, недоумение помысла, самоосуждение, рыдания, плач ума, плачевный вопль сердца, сокрушение, смущение, окаявание и уничижение себя,— это все и прочее, тому подобное, постигающее тех, которые ввергаются в железную печь искушений, далеко честнее и благоприятнее Богу, нежели благоугождение мирянина»[3]. Подвиг иноческий основывается на истинном смирении, соединенном естественно с отвержением своего *я*, причем возвеличивается пред человеком Бог, и вся надежда спасения возлагается на Бога; напротив того, подвиг мирянина, состоящий из внешних дел, естественно растит свое *я* и умаляет пред человеком Бога. По этой причине видим, что многие великие грешники, вступив в монашество, соделались великими святыми, а знаменитые подвижники мира, вступив в монашество, оказали самое умеренное преуспеяние, а некоторые и расстроились. «Надлежит исследовать,— говорит святой Иоанн Лествичник,— почему миряне, которые проводят жизнь в бдениях, в посте, в подвижничестве, перешедши к жизни монашеской, в это поприще душевных опытов, удаленное от человеков, оставляют свое прежнее подвижничество растленное и притворное. Я видел многие и различного рода древа добродетелей, насажденные мирянами, напояемые тщеславием, как бы гноем из помойной ямы, при уходе за ними являтельства

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Здесь разумеется не произвольно греховная жизнь, а признание себя грешником по причине поползновений от немощи своей и злохитрости врага. ‖ [3] Слово к инокам от Индии.

(совершения дел напоказ, или открыто пред человеками), при утучнении земли около их похвалами: эти древа, будучи пересажены на землю пустынную, не посещаемую мирскими, не имеющую смрадной воды тщеславия, немедленно посохли. Воспитанным в неге древам несвойственно расти и приносить плод на жестокой почве иночества»[1]. В Константинополе жили два родные брата. Они были весьма набожны и постились много. Один из них пошел в Раифу, отвергся мира и принял монашество. По прошествии некоторого времени брат его, мирянин, захотел посетить монаха. Он пришел в Раифу и побыл с монахом некоторое время. Заметив, что монах вкушает в девятом часу (третьем пополудни), он соблазнился и сказал ему: «Брат! когда ты жил в миру, то не позволял вкушать прежде солнечного захождения». Монах отвечал: «Когда я жил в миру, то питался тщеславием, слыша похвалы от человеков: они облегчали для меня тягость подвига постного»[2].

1. Сказал авва **Евпрений**: «Наименованием *плотского* обозначается все вещественное. Любящий вещество любит претыкновения и скорби. Если нам случится утратить что-либо вещественное, — утрату должно принимать с радостию и исповедовать, что она избавила нас от попечения»[3].

2. Брат просил наставления у аввы Евпрения, как ему жить. Старец отвечал: «Ешь траву, в траву одевайся, на траве спи; сердце стяжи железное»[4].

3. Он говорил: «Святой Давид молился *на всякое время*[5] (непрестанно): молился в полночь, пред рассветом, молился на рассвете, молился утром, в полдень и вечером. Потому-то и сказал он: *Седмерицею днем хвалих Тя*»[6].

4. Он говорил: «Скудость в брашнах, страх Божий, плач и смирение да пребывают с тобою»[7].

5. Он говорил: «Зная, что Бог верен и всемогущ, веруй в Него, — и будешь причастником благ Его. Если же ты унываешь и пребываешь в бездействии, то не веруешь. Все мы веруем, что Бог всесилен, — веруем, что все возможно для Него; но ты яви веру свою в Него и делами, и Он сотворит в тебе чудеса»[8].

6. Брат спросил авву Евпрения: «Как приходит страх Божий в душу?» Старец отвечал: «Если человек будет смиряться, нестя-

[1] Лествица. Слово 2. ‖ [2] Алфавитный патерик. Буква Е, дополнение к повести о авве Евстафии. ‖ [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [5] *... во всякое время* (Пс. 33. 2). ‖ [6] *Седмикратно в день прославляю Тебя* (Пс. 118. 164). Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [8] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания.

жательствовать, если воздержится от осуждения, то придет к нему страх Божий»[1].

7. Однажды обокрадывали авву Евпрения: он помогал ворам выносить из келлии находившееся в ней. Воры вынесли все, и, забрав вынесенное, пошли. Только жезл старца остался в келлии. Старец, увидевши это, опечалился. Взяв жезл, он пошел за ворами и отдавал им жезл; но они не хотели принять его по подозрению какого-нибудь умысла против них в действии старца. Старец, встретившись с некоторыми людьми, шедшими по той же дороге, упросил их взять жезл и передать его ворам[2].

1. Сказал авва **Евгений**: «Полезно нам искать одного: пребывания со Иисусом. Богат пребывающий со Иисусом, если он и нищ в вещественном отношении»[3].

2. Он сказал: «Любящий земное более небесного лишится и небесного и земного. Ищущий же небесного — господин всему миру»[4].

3. Он сказал: «Да будут потребности чрева малыми, да будет рукоделие малым, — и возможем изработать в безмолвии спасение наше»[5].

Поведал авва **Евсевий**, пресвитер Лавры Раифской: «К некоторому из здешних старцев пришел бес в образе монаха и постучался в двери келлии. Старец отворил двери и сказал пришедшему: “Сотвори молитву”. Пришедший сказал: “И ныне, и присно, и во веки веков, аминь”. Старец опять сказал ему: “Сотвори молитву”. Бес опять сказал: “И ныне, и присно, и во веки веков, аминь”. Старец сказал ему в третий раз: “Сотвори молитву”. Бес и в третий раз сказал: “И ныне, и присно, и во веки веков, аминь”. Тогда сказал ему старец: “Так скажи: слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь”. Бес, услышав это, исчез, как бы опаленный огнем»[6].

Был в некотором монастыре черноризец, по имени **Евфросин**, неграмотный, но смиренный и Богобоязливый. Он предал себя со всею покорностию в послушание игумену и братии. Они поручили ему служение в поварне, и в течение многих лет оставили его в этом служении. Евфросин никогда не пороптал, не воспреко-

---

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик. || [6] Алфавитный патерик.

словил, — исполнял порученное ему дело со всевозможным тщанием, служа человекам как Богу, а не как человекам. То собирал он зелень, то носил дрова из лесу на плечах своих, топил ими печь и варил сочиво для братии. Занимаясь постоянно исполнением требований послушания своего, редко приходил он и в церковь, но, постоянно смотря на огонь, приводил в сокрушение свою душу, говоря со слезами так: «Увы, грешная душа! ты не сделала ничего угодного Богу! Ты не знаешь Закона Божия! Ты не научилась читать книги, по которым славословят Бога непрестанно. По этой причине ты недостойна предстоять в церкви с братиею, но осуждена предстоять здесь, пред огнем. По смерти же будешь горько мучиться в будущем неугасимом огне». Таким образом добрый исповедник ежедневно очищал свою душу и тело. — Игумен того монастыря, Власий, саном иерей, украшен был всеми добродетелями. Он с юности вступил в служение Богу и угождал Богу постом и молитвою. Этому игумену пришло непреодолимое желание узнать, в какое место вселяются души монахов, подвизавшихся во время земной жизни. Возложив на себя пост и бдение, он начал молить Бога, чтоб Бог открыл ему это. Три года проводил он в келейном бдении каждую ночь. Всеблагой Бог, никогда не презирающий молящихся Ему с верою, исполнил желание и игумена. Однажды ночью стоял он на обычной молитве и внезапно ощутил себя в состоянии исступления. Ему представилось, что он ходит по какому-то великому полю; на поле был рай Божий. Что такое рай? — этого невозможно передать на человеческом языке. Блаженный Власий, вошедши в рай, увидел древа благовоннейшие, осыпанные различными плодами, и насыщался одним благоуханием, которое издавали из себя эти плоды. В раю он увидел монаха Евфросина, сидящего под одною из яблонь на золотом престоле. Увидев его и достоверно узнав, что это он, игумен подошел к нему и спросил его: «Сын мой, Евфросин! что ты здесь делаешь?» Евфросин отвечал: «Владыко! я за твои молитвы в этом месте святого рая поставлен в стража Богом». Игумен сказал на это: «Если я попрошу у тебя что-нибудь, — имеешь ли ты власть дать?» Евфросин отвечал: «Чего ни попросишь, — получишь». Игумен, показав на одну из яблонь, сказал: «Дай мне с этой яблони три яблока». Евфросин тщательно снял три яблока и отдал их игумену. Игумен принял их в мантию и по принятии тотчас пришел в себя. Он оказался в келлии своей, три яблока были в его мантии. Зазвонили к утрени. По окончании Богослужения игумен приказал братиям,

чтоб никто из них не выходил из церкви; призвав из поварни Евфросина, спросил его: «Сын мой! где был ты этою ночью?» Евфросин, опустив глаза в землю, стоял и молчал. Но старец не престал его допрашивать. Тогда Евфросин отвечал: «Там, авва, где ты видел меня». Старец: «И где я видел тебя?» Евфросин отвечал: «Там, где ты просил у меня, чтоб я тебе дал, в святом раю». Старец: «Что просил я у тебя?» Евфросин: «То, что я дал тебе: три святые яблока, которые ты и принял». Тогда игумен повергся к ногам его, вынув яблоки из мантии своей, возложил их на святой дискос и сказал братии: «Эти яблоки, которые вы видите, — из святого рая. В течение трех лет я молил Бога в келлии моей, пребывая без сна все ночи, чтоб Бог показал мне, в какое место отходят по смерти души благочестно подвизающихся монахов. В эту ночь благодатию Божиею я возведен был в святой рай, видел его неизреченные блага и нашел в нем брата нашего Евфросина, который дал мне эти три яблока. Умоляю вас: не уничижайте и не бесчестите неграмотных. Они, с верою служа братии, оказываются у Бога выше всех». Когда игумен говорил это братии, Евфросин вышел из церкви и тайно ушел из монастыря в дальнюю сторону, избегая славы человеческой. Игумен разделил яблоки на благословение братиям; больные, бывшие в братстве, вкусив райских яблок, выздоровели[1].

1. Авва **Зенон**, ученик аввы Силуана, говорил: «Не избирай славного места для жительства твоего и не живи с человеком, имеющим громкое имя»[2].

То и другое неприметным образом может ввести в душу тщеславие и высокоумие, — этим не только повредить духовному преуспеянию, но и отнять всю возможность к нему.

2. Он говорил: «Кто хочет, чтоб Бог скоро услышал молитву его, тот, когда встанет для совершения ее и прострет руки горе, прежде всякой другой молитвы, даже прежде молитвы о душе своей, да принесет молитву о врагах своих, и ради этого Бог услышит всякую молитву его»[3].

Из многих памятников монашества первых веков видно, что монахи предстояли на молитве в уединении келейном, с воздетыми руками горе. Так молились преподобные Пахомий Великий, Сисой Великий; вероятно,

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик.

так молились весьма многие; так советует молиться при особенном наплыве греховных помыслов святой Иоанн Лествичник[1]. Такое положение тела способствует душе прийти в подобное положение: устремиться горе. При этом необходимо остеречься от усиленного вытягивания рук и от усиленного направления их вверх, чтоб не прийти в состояние разгорячения и восторженности, от которых один шаг до самообольщения и бесовской прелести. Должно воздевать руки умеренно, чтоб дух сохранился в тишине, смирении, умилении; должно давать телу положение висящего на кресте, а не летящего на небо. Глава твоя да будет опущенною вниз, хотя бы руки и были воздеты горе.

3. Сказывали о авве Зеноне, что он был ростом мал, телом сух, преисполнен разума, преисполнен усердия и теплоты к Богу, милования к человекам[2].

4. Поведали о авве Зеноне, что он, живя в Скиту, однажды вышел ночью из келлии, как бы к брату, и, сбившись с дороги, блуждал три дня и три ночи. От труда он изнемог и упал на землю замертво. И вот, предстал ему юноша с хлебом и чашею воды в руках и сказал: «Встань, укрепись пищею и питием». Авва встал и помолился, из осторожности не доверяя явлению. Юноша сказал: «Ты сделал хорошо». Услышав это, авва опять помолился; так поступил он и в третий раз. Юноша каждый раз одобрял его действие. После этого авва принял и употребил принесенную пищу. Юноша сказал: «Сколько ты ходил, настолько удалился от твоей келлии; но встань и следуй за мною». И мгновенно старец очутился близ келлии своей. Старец сказал юноше: «Войди в келлию, и сотвори молитву о нас». Юноша вошел в келлию старца и сделался невидим[3].

Поучительна осторожность святых и опытных монахов по отношению к чувственным явлениям из мира духов. Благоразумное поведение их в этих случаях как противоположно легкомысленному поведению неведения и неопытности! Неведение и неопытность слепо и опрометчиво вверяются всякому явлению, любопытно и жадно ищут явления духов и общения с ними, в неизбежный вред себе, во вред часто неисцелимый. И для ознакомленных опытно благодатию Божиею с миром духов мир этот так мало известен и понятен, что величайшая осторожность по отношению к явлениям из него необходима для святых Божиих. Благодать Божия доставляет познания, нужные для спасения, а не такие, каких ищет и требует суетная и тщеславная любознательность мира.

---

[1] Лествица. Слово 15. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

5. Пришли однажды к авве Зенону братия и спросили его: «Что значит написанное в Иове: *Небо нечисто пред Ним?*»[1] Старец сказал на это: «Братия оставили исследование грехов своих и взялись за исследование небесного. Значение же этих слов таково: чист — один Бог; и потому Писание сказало, что небо нечисто пред Ним»[2].

6. Беседуя с некоторым старцем, жившим близ аввы Зенона, мы спросили его: «Если кого беспокоит греховный помысл, и он прочитает или услышит сказанное отцами о борьбе с таким помыслом, хочет исправить свое душевное настроение, но не может, — хорошо ли исповедать это кому-либо из старцев, или должно руководствоваться прочитанным и удовлетворяться своею совестию?» — Старец отвечал нам: «Должно исповедать отцу, но отцу способному оказать помощь, и не уповать на себя. Боримый страстию не может сам себе принести пользы, в особенности, если страсть обладает им. Со мною, в юности моей, случилось нечто таковое. Душа моя была уязвлена страстию, и я побеждался ею. Слышав об авве Зеноне, что он исцелил многих, я вознамерился идти к нему и возвестить совершающееся надо мною. Но помысл удерживал меня, внушая мне: "Ведь ты знаешь, как должно поступить! поступи сообразно прочитанному тобою и не соблазняй старца". Когда я решался идти, брань облегчалась несколько, и я оставлял намерение мое. Тогда снова потопляла меня страсть, и я снова понуждал себя сходить к старцу, но враг опять обольщал меня, не попуская исповедать старцу борющих меня помыслов. Даже не раз я ходил к старцу; но враг не допустил меня до исповеди, принося стыд сердцу моему и представляя, что способ исцеления мне известен. "Какая нужда, — говорил он, — рассказывать о себе кому-либо?" Это приносил мне враг, чтоб я не открыл страсти и не получил исцеления. Старец прозирал, что я имею что-то на сердце, но не обличал меня, а ждал, чтоб я сам исповедал ему; вместе с тем он наставлял меня на благое жительство и отпускал с миром. Приходя к себе, я скорбел и плакал, говоря душе моей: "Доколе, окаянная душа моя, ты отвергаешь врачевание? Издалека приходят к старцу и получают исцеление, а ты не можешь возобладать собою, не хочешь исцелиться, имея врача близ себя!" Разжегшись сердцем, я встал и сказал сам себе: "Пойду к старцу, и если никого не найду у него, то это будет для меня знамением воли Божией, чтоб я исповедал ему мои помыслы". С такою решимостию я пошел

[1] *...небеса нечисты в очах Его* (Иов. 15. 15). || [2] Алфавитный патерик.

к старцу и не нашел у него никого. Старец по обычаю поучал меня спасению души и как кто может очиститься от скверных помыслов. Победясь опять стыдом и не будучи в состоянии исповедать, я просил отпустить меня. Старец сотворил молитву и, провожая меня, шел впереди меня к дверям, а я, томимый помыслами, сказать ли старцу или не сказать, шел за ним, ступая медленно. Старец, видя, что помыслы очень истомили меня, обратился ко мне и, прикоснувшись к груди моей, сказал: "Что делается с тобою? И я человек". Когда старец сказал мне это, — сердце мое как будто отверзлось, и я упал лицом на ноги его, умоляя его помиловать меня. Он сказал мне: "Что с тобою?" Я отвечал: "Ты знаешь, чем я страдаю". Он сказал: "Нужно самому тебе обличить твое состояние". Тогда я с великим стыдом исповедал страсть мою. Он сказал мне: "Чего ты стыдишься? скажи мне: не человек ли я? не три ли года ты приходил сюда, имея эти помыслы и не исповедуя их?" Я припал к ногам его и умолял его, говоря: "Помилуй меня, ради Бога, скажи мне, что мне делать?" Он отвечал: "Поди, усиль молитву твою и ни о ком не говори худо". Я возвратился в келлию мою, усилил молитву мою, и благодатию Христовою за молитвы старца освободился от смущения этою страстию. По прошествии года пришел мне помысл, что, может быть, Бог помиловал меня по милости Своей, а не ради старца. Я пошел к нему, и, желая испытать его, наедине поклонился ему и сказал: "Авва! помолись о мне ради того помысла, который я исповедал тебе прошлого года". Он не поднял меня тотчас, но оставил в положении сделанного мною поклонения, и, помолчав немного, сказал: "Встань, и имей веру". Когда я услышал это, — мне сделалось так стыдно, что от стыда я желал бы, чтоб земля поглотила меня. Я встал и не мог взглянуть на старца; дивясь ему, я возвратился в мою келлию[1].

7. Старец этот ради нашей душевной пользы поведал и следующее: однажды два брата пошли к авве Зенону. Каждый виделся с ним наедине и исповедал ему свои помыслы. После этого случилось им быть вместе, и один сказал другому: «Когда мы ходили к старцу для исповеди наших помыслов, — получил ли ты пользу от исповеди?» — «Да, — отвечал спрошенный, — за молитвы его Бог исцелил меня». Спросивший сказал на это: «Я хотя и исповедал, но не ощутил исцеления». Получивший пользу спросил: «Как ты исповедался старцу?» — «Я сказал ему, — отвечал первый, — авва! помолись о мне: такой-то помысл беспокоит меня». Второй

[1] Алфавитный патерик.

сказал на это: «Я, исповедуя ему помыслы мои, поливал слезами ноги его, и за молитвы его Бог исцелил меня». Старец, поведая нам это, хотел объяснить нам, что те, которые исповедуют помыслы свои Отцам, должны исповедывать со всею искренностию, с сокрушением сердца, как бы пред Самим Богом: тогда они могут получить милость. Исповедь же, совершаемая с небрежением или с намерением искусить старца, не только не приносит пользы, но и служит к осуждению[1].

1. Некоторый египтянин, по имени Карион, имел жену и двух детей. Оставив их, он пошел в Скит и принял монашество. По прошествии некоторого времени настал голод в Египте. Приведенная в затруднительное положение жена Кариона пришла в Скит с обоими детьми, из которых сын назывался **Захариею**; другое дитя было женского пола. Супруга Кариона села под деревом на берегу ручья, против церкви, по обычаю, принятому в Скиту. Обычай был таков: если приходила в Скит женщина для беседы с монахом или монаху встречалась нужда поговорить с женщиною, то они садились вдали друг от друга, на противоположных берегах речки, и таким образом беседовали между собою. Сказала Кариону жена его: «Вот ты принял монашество, а наступил великий голод: кто прокормит детей твоих?» Карион отвечал: «Пусть сын придет ко мне, я возьму его и вскормлю в Скиту, а ты прими на себя воспитание дочери». Они так и сделали. В Скиту все знали, что при Карионе живет сын его. Несмотря на это, когда Захария стал приходить в возраст, монахи начали роптать по причине его. Карион, узнав, что братия ропщут, сказал Захарии: «Пойдем отсюда: отцы ропщут». Захария сказал на это: «Ведь все знают, что я — сын твой». Они удалились в Фиваиду и поместились в келлии. Но и там, по прошествии краткого времени, поднялся из-за них ропот. Они возвратились в Скит; там братия продолжали роптать на них. Тогда Захария пошел к минеральному озеру и, погрузившись в него до ноздрей, пробыл в нем целый час. От этого он сделался как бы прокаженным. Когда он пришел к отцу своему, отец едва узнал его. Вскоре после этого Захарии привелось приступить к Святому Причащению, и было о нем откровение преподобному Исидору Пресвитеру, который сказал ему: «Сын мой, Захария! в минувший воскресный день ты причастился, как человек, а ныне претворился в Ангела»[2].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик.

2. Когда таким образом Захария жил в Скиту, — он сподобился духовного видения и сказал об этом отцу своему. Старец не был духовным делателем и ничего не знал об этих предметах. Он начал бить сына, говоря: «Это от неприязни». Но Захария пребывал в состоянии, которое производится видением. Ночью пошел он к авве Пимену и сказал ему все, и как горит внутренность его. Старец, хотя и знал, что духовное состояние от Бога, но послал его к некоторому другому старцу, сказав: «Как этот скажет тебе, так и поступи». Когда Захария пришел к старцу, — старец прежде, нежели сказал ему что-либо Захария, объяснил ему все, и что видение от Бога. «Но, — присовокупил старец, — повинуйся отцу твоему»[1].

Благодатный, духовно мудрый старец позаботился сохранить для Захарии то основание, на котором создалось его духовное преуспеяние. От истинного послушания рождается и истинное смирение: истинное смирение осеняется милостию Божиею. От неправильного и человекоугодливого послушания рождается ложное смирение, отчуждающее человека от даров Божиих, соделывающее его сосудом сатаны.

3. Когда Кариону пришло время преставиться к Богу, то он сказал братии: «Много телесных трудов понес я; понес их больше, нежели сын мой Захария; но не пришел в меру его по причине смирения и молчания его». И преставился старец[2].

4. Некогда авва Моисей пришел на колодец почерпнуть воды и увидел юного монаха Захарию, молящегося при колодце. Дух Божий, в подобии голубя, восседал на главе его. Авва Моисей сказал Захарии: «Дай мне наставление для моего жительства». Захария, услышав это, пал к ногам старца, говоря: «Меня ли вопрошаешь, отец?» — Старец сказал ему: «Поверь, сын мой, Захария, что я видел Святого Духа сошедшим на тебя и нахожу нужным для себя вопросить тебя». Тогда Захария снял куколь с головы, положил его под ноги и, истоптав, сказал: «Если человек не будет попран таким образом, то он не может сделаться монахом»[3].

Вот кого должны вопрошать желающие получить правильное, душеспасительное наставление! они должны вопрошать людей благодатных, говорящих слово Божие, а не свое.

5. Авва Макарий сказал брату Захарии: «Скажи мне, в чем заключается дело монаха?» Захария отвечал ему: «Меня ли вопрошаешь,

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

отец?» Авва Макарий сказал: «Открываю тебе, чадо мое, Захария, что есть понуждающий меня вопрошать тебя». Тогда Захария сказал: «Авва! по мнению моему, монах — тот, кто постоянно понуждает себя на заповеди Божии»[1].

6. Поведал авва Пимен: «В то время, как умирал брат Захария, вопросил его авва Моисей: "Что видишь?" Захария отвечал: "Авва! не лучше ли умолчать об этом?" Моисей сказал: "Умолчи, сын мой". В час смерти Захарии сидел у него авва Исидор пресвитер, и, воззрев на небо, сказал: "Веселись, Захария, чадо мое! Тебе отворились врата Царствия Небесного". Тогда Захария испустил дух, и погребен был Отцами в Скиту»[2].

1. Авва **Исаия**, названный *Отшельником* по избранному им роду иноческого подвижничества, жил в Египетском Ските, в этой обширной и дикой пустыне, служившей пристанию для многочисленного сонма безмолвников в течение четырех столетий[3]. Имя великого пророка иудейского носили многие великие иноки[4] Скита, жившие в разное время. Исаия Отшельник, очевидно, жил в V и VI столетиях. В новоначалии своем он пользовался наставлениями преподобного Пимена Великого[5], и некоторые из изречений Великого включил в свои сочинения. Вообще характер преподобного Исаии очень сходствует с характером наставлений преподобного Пимена и очень отделяется от характера наставлений, произнесенных первыми иноками Скита[6]. На писания и изречения древних иноков Скита Исаия ссылается[7]. Из книги Варсонофия Великого, сперва египетского, потом палестинского инока, жившего в VI столетии, заметно, что он знал лично святого Исаию[8], — даже можно догадываться, что пользовался его назиданиями. В книге говорится о преподобном Исаии как о лице несомненной святости, известном по опытности и познаниям в монашеской жизни. Из повести преподобного Елисея видно, что преподобный Исаия жил после

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Пустынножительство в Скиту основано преподобным Макарием Великим в IV веке, уничтожено магометанами в VII веке. ‖ [4] Об одном из них упоминает епископ Аммон в письме к патриарху Александрийскому Феофилу, жившему в IV веке и в начале V. ‖ [5] Скитский патерик и Достопамятные сказания, о Пимене Великом, гл. 20. ‖ [6] Это усмотрится ясно, когда творения преподобного Исаии сличаются с творениями преподобного Макария Великого и Марка Подвижника; напротив того, между творениями Макария Великого и творениями Марка Подвижника имеется значительное сходство. Второй много заимствовал у первого. В повести Елисея, ученика аввы Исаии, упоминается авва Макарий позднейший, живший в V и VI веках. ‖ [7] Слово 8 и Слово 27. ‖ [8] Ответ 249 и другие.

IV Вселенского Собора[1] и был современником Александрийского патриарха, святого Евлогия. Наставления преподобного отшельника, как и всех святых иноков Скита, относятся наиболее к безмолвникам. Имеем мы неполное собрание слов святого. Некоторые и, вероятно, весьма многие из них утратились, как это должно заключать по отрывку, который помещен святым Иоанном Дамаскиным в его сочинениях, и отрывку о сокровенном поучении. Их нет в книге отшельника. Магометане, завоевывая страны христианские, уничтожали письменные памятники христианства. С исступленным неистовством и особенным успехом совершили они это в Египте.

2. Поведали о авве Исаии, что он однажды пришел на гумно и сказал владельцу земли: «Дай мне пшеницы!» «А жал ли ты, авва?» — спросил его владелец. «Нет», — отвечал старец. Владелец возразил: «Как же ты хочешь получить пшеницы, когда ты не жал?» На это старец сказал: «Разве не получает пшеницы тот, кто не жал?» «Не получает», — отвечал владелец. Выслушав этот ответ, старец ушел с гумна. Братия, бывшие свидетелями поступка, поклонились авве и просили объяснить им поступок его. Старец сказал им: «Я сделал это с целию показать, что не получит от Бога награды тот, кто не будет подвизаться»[2].

3. Однажды авва Исаия увидел, что брат совершает тяжкий грех; он не обличил его, сказав сам себе: «Если Бог, Который создал его и видит это, милует его, то кто я, чтоб мне обличить его»[3].

4. Однажды авва Исаия пригласил к себе брата. Он умыл посетителю ноги, всыпал горсть чечевицы в горнец, и, когда она немного поварилась, снял горнец с огня. Увидя это, брат сказал: «Авва! чечевица еще не уварилась!» Авва отвечал: «Разве не довольно для тебя, что она побыла на огне? и это великое утешение»[4].

5. Поведал авва Исаия: «Случилось, что братия вкушали пищу в церкви на вечери любви. Они завели разговор между собою. Тогда пресвитер из Пелусии, бывший тут, остановил их, сказав: “Молчите, братия. Я знаю, что один из братий вкушает пищу с нами и пьет чашу наравне с прочими, но молитва его, как пламень огненный, восходит к Богу”»[5].

---

[1] Еретики феодосиане явились после патриарха Феофила и после Халкидонского Собора. Они отвергли этот Вселенский Собор, созванный в 451 году по Рождестве Христовом. ‖ [2] Скитский патерик. ‖ [3] Скитский патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик.

6. Авва Исаия говаривал о себе: «Вижу себя подобным коню, блуждающему без всадника. Кто ни найдет его, садится на него и ездит на нем сколько угодно. Когда же этот оставит коня, другой поступает с ним точно так же»[1].

7. Он говорил: «Я подобен пленнику, окованному врагами и ввергнутому ими в ров, наполненный нечистотами. Когда этот пленник возопиет к Господу своему, тогда враги бьют его, чтоб он замолчал»[2].

8. Говорил также: «Я подобен птичке, пойманной мальчиком и привязанной им за ноги на нить. Когда мальчик ослабит нить, птичка вспархивает, полагая, что освободилась; но мальчик натягивает нить и снова низвергает птичку на землю. Таким вижу себя. Говорю же это с целию показать, что никто не может предаться нерадению о спасении своем до последнего издыхания своего»[3].

9. Он говорил: «Если ты дал что взаймы ближнему и не требуешь этого обратно, то действуешь в естестве Иисуса. Если же потребуешь возвращения, то поступишь по естеству Адама. Требование же лихвы ниже и Адамова естества»[4].

10. Опять сказал: «Если совершаешь молитвы и подвиги со смиренномудрием как недостойный, то они будут благоприятны Богу. Если же вспомнишь о другом спящем или нерадящем и превознесешься сердцем, то тщетен труд твой»[5].

11. Опять сказал: «Смиренномудрый даже не имеет языка сказать о ком-либо, что он нерадив или небрежет о спасении своем. Он не имеет очей, чтоб видеть недостатки других. Он не имеет ушей, чтоб слышать слова и разговоры душевредные. Он не заботится ни о чем временном; заботится единственно о грехах своих. Он сохраняет мир со всеми ради заповеди Божией, а не по причине дружбы по началам человеческим. Тщетны труды того, кто вне смирения, постится много и несет тяжкие подвиги»[6].

12. Кто говорит, что боится Бога, и не находит в себе страха Божия в то время, как представится нужда в нем, чтоб обуздать гнев, дерзость, покушение учить другого тому, чего сам не узнал опытом, чтоб обуздать человекоугодие или искание славы человеческой, или какую другою страсть, того все подвиги суетны[7].

13. Ум прежде, нежели воспрянет от сна лености, находится с демонами. Когда же Господь Иисус Христос возбудит его от лености и соделает его способным видеть и рассуждать, тогда он полу-

---

[1] Слово 8, состоящее из изречений аввы Исаии, собранных учениками его. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Слово 8. ‖ [4] Слово 8. ‖ [5] Слово 8. ‖ [6] Слово 8. ‖ [7] Слово 8.

чает возможность взойти на крест. При этом диавол начинает хулить и произносить непотребные слова в надежде, не ослабеет ли ум, не оставит ли подвига, не обратится ли к прежним лености и бездействию. Образом этого были два разбойника, которых разлучил друг от друга Господь Иисус Христос, распявшись между ними. Один из них хулил Господа, а другой молился Ему, и услышал: *днесь со Мною будеши в раи*[1].

14. Он говорил о Святом Причащении: «Этот дар сочетавает и соединяет нас с Богом. Если так, то где же у нас это соединение? Побеждаясь страстями, гневом, завистию, человекоугодием, тщеславием, ненавистью и другими, мы отстоим далеко от Бога»[2].

15. Желающий истинно безмолвствовать в келлии и не увлекаться внушениями демонскими да устранит себя от всего, обычного между человеками; да не порицает и не похваляет никого, да не превозносит правды человеков, да не внимает недостаткам их, и да не попустит пребыть в сердце своем жалу памятозлобия на ближнего.

16. Не передавай неразумным таинственного знания, которое тебе открылось, и безумным — стремлений твоего благого произволения; познай самого себя и изучи то, что приносит вред душе твоей[3].

17. Надеющиеся на свою правду и последующие воле своего падшего естества не возмогут избежать козней демонских, не возмогут стяжать сердечного безмолвия, не возмогут усматривать окрадений, которым подвергаются, а по исшествии из тела затруднительно будет им получить милость от Бога[4].

18. Венец всех благих деланий состоит в том, чтоб возложить на Бога всю надежду, прибегать к Нему единому от всего сердца и от всей крепости, быть преисполненным благости ко всем, плакать пред Богом и молиться Ему о помощи и помиловании[5].

19. Он говорил об учении ближних заповедям Божии: «Откуда могу знать, угоден ли я Богу, чтоб сказать брату: “Поступи так, или иначе”. Сам нахожусь еще под игом покаяния по причине грехов моих»[6].

20. Кто пал когда-либо, тот находится под законом покаяния. Он не может успокоиться и перестать от плача, доколе не узнает наверно, что прощен ему грех его[7].

21. Знамением, что грех прощен, служит то, что он уже не производит никакого действия в сердце твоем и ты забыл о нем до

[1] Слово 8. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Слово 8. ‖ [4] Слово 8. ‖ [5] Слово 8. ‖ [6] Слово 8. ‖ [7] Слово 8.

того, что, при разговоре ближних о подобных грехах, ты не ощущаешь никакого сочувствия к нему как вполне чуждому тебе. Это значит, что ты помилован[1].

22. Напротив того, неблагоприятен признак, если сочувствие к греху продолжает жить в тебе и действовать, а ты небрежешь об этом. Плачь, сокрушайся, болезнуй о таком состоянии, доколе не испросишь милости у Бога[2].

23. Бог соделывается учителем всех, произволяющих повиноваться Ему. Если Бог не соделается учителем человека, то труды его тщетны[3].

24. Великой важности сердечный подвиг, состоящий в том, когда человек оставляет свою правду и волю, которые он признает благоугодными Богу, и исполняет слово наставника своего, которому он ради Бога предался в послушание[4].

25. Если кто начнет говорить тебе неполезные слова, то не преклонись выслушать его, чтоб не повредить душу твою. Не устыдись лица его, если он оскорбится этим. Не потерпи, чтоб он продолжал речь свою, скажи ему: «Душа моя не может выносить слов твоих! Перестань говорить об этом, умоляю тебя. Я не тверже первого человека, которого создал Бог руками Своими и который был обольщен беседою злою». Беги от душевредных слов, не желай слышать их. Смотри же, чтоб, убегая телом, не сохранить тайного желания знать, что намеревался сказать тебе начавший говорить неполезное. Беги бегством решительным, чтоб тотчас забыть и то, что успел выслушать. Если допустишь остаться чему-либо из слышанного, то демоны не преминут воспользоваться этим и нанести тебе язву[5].

26. Он говорил: «Сколько вижу, желание прибытка, чести и телесного успокоения борют человека до смерти его»[6].

27. Он говорил: «Стремление учить других, по признанию себя способным к этому, служит причиною падения для души. Руководствующиеся самомнением и желающие возводить ближнего в состояние бесстрастия приводят свою душу в состояние бедственное. Знай и ведай, что, наставляя ближнего твоего сделать то или другое, ты действуешь как бы орудием, которым разрушаешь дом твой в то самое время, как покушаешься устроить дом ближнего»[7].

Это относится не к пастырям, которые обязаны по долгу своему наставлять ближних, также не к тем преуспевшим инокам, которых подвиг

[1] Слово 8. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Слово 8. ‖ [4] Слово 8. ‖ [5] Слово 8. ‖ [6] Слово 8. ‖ [7] Слово 8.

осенен Божественною благодатию, с которыми завещавается монашескими правилами совет для новоначальных. Относится это к инокам, которые искушаются самомнением и ревностию, еще не очищенною от плотского мудрования.

28. Он сказал: «Горе душе, падшей после Святого Крещения в смертный грех! Такой человек, встав в разряд кающихся, не может успокоиться, доколе еще находится в этом разряде»[1].

29. Блюди, чтоб не запятнать непорочности, полученной в Святом Крещении. Кто согрешит, подвергшись телесному падению, или украв что, или посмотрев страстно на чужое тело, или даже если кто вкусит пищи тайно, озираясь, чтоб его не увидели, или полюбопытствует узнать, в чем состоят вещи, принадлежащие брату, тот всем этим наносит бесчестие Иисусу. — Некто возразил авве: «Отец! неужели ничтожные погрешности, тобою упомянутые, имеют такую важность?» Авва Исаия отвечал: «Увлекающийся этими мелочами обольщен диаволом точно так же, как и тот, кто подкапывает стену, чтоб украсть деньги. Побеждающий в мелочах будет победителем и в важных случаях; побеждающийся же в мелочах будет подвергаться побеждению и в важных случаях»[2].

30. Он говорил: «Совершающий великие знамения и исцеления, имеющий разум духовный и воскрешающий мертвых, если прежде этого подвергся падению, то он, как состоящий в разряде кающихся, не может быть без печали о вечной участи своей»[3].

31. Если кто удручает себя великими подвигами, но, увидев коголибо, подвергшегося грехопадению или живущего нерадиво, уничижит его; тот губит этим весь подвиг покаяния своего. Уничижив ближнего, он уничижает член Христов, сам осуждает его, не предоставляя суда Судии — Богу[4].

32. Он говорил: «Все мы находимся в земной жизни как бы в больнице. Один недугует глазами, другой рукою, иной горлом, иной имеет глубокие раны. Некоторые больные бывают уже вылечены, но болезнь возобновляется, если человек не воздержится от яств, вредных для него. Подобно этому прилежащий покаянию, осуждая или уничижая ближнего, уничтожает этим благотворное действие покаяния своего»[5].

33. Каждый должен заботиться о своих душевных недугах! каждый должен оплакивать грехи свои, не зазирая ближнего! Если б

[1] Слово 8. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Слово 8. ‖ [4] Слово 8. ‖ [5] Слово 8.

мое греховное несчастное состояние было постоянно пред взорами моими, не обращал бы внимания на преткновения брата моего[1].

34. Горе душе, не произволяющей бежать от всякого греха! она должна подвергаться тяжким оскорблениям от завидующих ей и препятствующих спасению ее демонов[2].

35. Авва Исаия повторял объяснение древними святыми старцами Скита следующих слов Священного Писания: *рече Господь Моисею: еще едину язву Аз наведу на фараона и на Египет, и по сих отпустит вы отсюду. Глаголи убо о той во уши людем, да испросит кийждо у соседа, и жена у соседы своея сосуды сребряны и златы, и ризы*[3]. По устроению Промысла Божия египтяне ощутили величайшую щедрость; израильтяне обобрали их[4], и впоследствии употребили взятое золото и серебро на сооружение скинии. «Сосудами златыми и серебряными и ризами, — говорил авва, — знаменуются чувства, порабощенные врагам — демонам. Доколе человек не исторгнет чувств своих из-под владычества врагов и не достигнет того, чтоб чувства начали действовать по воле Божией, дотоле покров покоя Божия не осенит его. Если же освободит их от врагов и покорит Богу, то покой от Бога входит в него. И скинии не осенял облак до того времени, как окончено было все устроение ее; когда же она была совершена, осенил ее облак. Подобным образом не осенял облак храма Соломонова, доколе не были исполнены в нем все работы без оскудения. Когда же они были окончены, когда вознесены были тук и кровь на жертвенник, когда обонял Господь благоухание всесожжений: тогда светлый облак низошел на храм[5].

36. Доколе человек не возлюбит Бога от всей крепости своей, доколе не прилепится к Богу всем сердцем своим, дотоле не даруется ему покой от Бога[6].

37. Он говорил: «Если ум покусится взойти на крест, прежде нежели уврачуется немощь чувств, то привлекает на себя гнев Божий как начавший подвиг, превышающий меры его. Восхождению на крест должно предшествовать исцеление чувств»[7].

38. Если совершаются в тебе осквернения, а ты услаждаешься тем и содействуешь тому, от чего рождается осквернение, не печалясь и не болезнуя сердцем, то состояние твое в падшем естестве Адамове. Тогда ты будешь действовать соответственно естеству

---

[1] Слово 8. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] *И сказал Господь Моисею: еще одну казнь Я наведу на фараона и на египтян; после того он отпустит вас отсюда... Внуши народу, чтобы каждый у ближнего своего и каждая женщина у ближней своей выпросили вещей серебряных и вещей золотых* (Исх. 11. 1–2). ‖ [4] Исх. 12. 36. ‖ [5] Слово 8. ‖ [6] Слово 8. ‖ [7] Слово 8.

Иисуса и привлечешь к себе помощь Его, когда сердце твое отречется от греха, когда оно отречется от начал, рождающих грех, когда будешь памятовать непрестанно о муках адских, когда ощутишь, что Помощник твой неотступно присутствует при тебе, когда ни в чем не будешь оскорблять Его, когда будешь постоянно плакать пред Ним, говоря: «Господи! избавление меня от греха принадлежит единственно Тебе. Самому мне, без помощи Твоей, не избегнуть из рук врага»[1].

39. Тщательно внимай тому, чтоб не огорчать наставника твоего о Господе[2].

40. На вопрос, в чем состоит смирение, авва Исаия отвечал: «Смирение состоит в том, чтоб человек сознавал себя грешным пред Богом, — не сделавшим ни одного доброго дела, благоугодного Богу. Возделывается же и выражается смирение следующими действиями: когда кто сохраняет молчание, когда не вменяет себя ни в каком отношении, когда уклоняется споров, когда кто послушлив, когда держит глаза опущенными к земле, когда имеет постоянно смерть пред взорами ума, хранит себя от лжи, удаляется от суетных и греховных бесед, не противоречит старшим, не настаивает на своем мнении и слове, переносит поношение, ненавидит праздность и негу, понуждает себя на телесные подвиги, когда никого не оскорбляет»[3].

41. Авву Исаию спросили: «В чем заключается покаяние?» Он отвечал: «Святый Дух научает нас удалиться от греха и более не впадать в него. В этом состоит покаяние»[4].

42. Авву Исаию спросили: «Что должен наблюдать безмолвствующий в келлии?» Он отвечал: «*Подвизающийся,* сказано в Писании, *да воздержится от всех.* Возделывающий истинное безмолвие должен непрестанно повергаться пред всеблагим Богом во смирении, тщательно заниматься молитвою и всеми силами отгонять от себя лукавые помыслы: в этом — бегство от мира. При таком поведении и настроении подвижника Господь обуздает неистовство врагов. Сам же человек что может сделать? он — лишь *плоть и кровь*[5]».

43. Спросили авву Исаию, что разумеется под словом *мiр*? Он отвечал: «Словом *мiр* обозначается деятельность по разуму и воле падшего естества, когда исполняем плотские пожелания, когда надеемся остаться надолго в земной жизни, когда печемся более о теле, нежели о душе»[6].

[1] Слово 8. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Слово 20. ‖ [4] Слово 22. ‖ [5] 1 Кор. 15. 50. ‖ [6] Слово 22.

44. На вопрос, каким образом человек стяжавает чистоту, авва сказал: «Не делая тех грехов, в которые впадал прежде. Благость Божия такова, что она немедленно приемлет человека, обращающегося к ней от грехов своих, и предает забвению соделанные им согрешения. Это видно из повести Евангелия о младшем сыне, расточившем блудно доставшуюся ему часть имения. Несчастный! он пришел в такое положение, что принужден был пасти свиней, и желал насытиться пищею их. Тогда он уразумел, что невозможно найти насыщения во грехах, потому что чем более человек предается им, тем большим вожделением их возжигается. Это привело его к раскаянию. Лишь коснулась сердца его мысль о покаянии, он, нисколько не колеблясь, возвратился со смирением ко отцу своему, отвергшись всех плотских пожеланий своих. Он был уверен в отце! он был уверен, что отец его многомилостив и не будет истязывать его за соделанные проступки. Соответственно такому обращению сына и отец повелел выдать ему тотчас одежду чистоты и восстановил отношения сына к отцу, даровав на это залог. Этою притчею наставляет нас Владыка наш Иисус Христос, чтоб мы, намереваясь обратиться к Нему, во-первых, оставили пищу свиней. Тогда Он примет нас. Принимает Он одних чистых. Это сказал Он, чтоб мы не упадали духом и не сомневались в милосердии Его, говоря: "Когда Бог услышит". Он един ведает время, в которое подобает отмстить соперникам вопиющего, и в это время поспешит услышать его. Обратимся к Богу всем сердцем и, не поддаваясь двоедушию, будем вопиять к Нему учащенными молитвами, не давая этим греху возможности поработить нас. Будем веровать, что молитва наша непременно будет услышана в свое время. *Просите,* сказал Господь, *и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам*[1]».

45. Поведал авва Петр, ученик аввы Исаии: «Говаривал отец мой: с мужеством исправляй то, что требует исправления. Только из чистоты может приноситься истинная молитва к Богу»[2].

46. Страх Божий и жительство в подвигах и лишениях доставляют отпущение грехов[3].

47. Тщетны молитвы и подвиги человека, питающего в сердце злобу на ближнего и желание мщения[4].

48. Не желай узнавать о действиях и совещаниях, происходящих в суетном мире, и не пересказывай о них другим[5].

---

[1] Мф. 7. 7. Слово 22. ‖ [2] Слово 27. Это слово состоит из изречений преподобного Исаии, которые слышал от него и записывал авва Петр. ‖ [3] Слово 27. ‖ [4] Слово 27. ‖ [5] Слово 27.

49. Постоянно внимай помыслам, говорящим с тобою внутри тебя, и моли Бога, чтоб даровал тебе разуметь, каким из этих помыслов должно повиноваться и какие отвергать[1].

50. Всеусильно старайся не произносить устами одного, имея другое в сердце[2].

51. Он говорил: «Повергающий себя пред Богом в разуме и повинующийся заповедям в смиренномудрии достигает любви. Любовь вводит в бесстрастие»[3].

52. Безмолвствующий должен ежечасно всматриваться в себя, миновал ли он демонов, удерживающих души на воздухе? освободился ли он от них, находясь еще в земной жизни? Он не освободился, если находится в порабощении у них; он должен подвизаться и испросить у Бога помилование[4].

53. Он сказал: «Человек, которого продолжает обличать совесть, далек от милости Божией»[5].

54. На мое прошение назидательного слова авва Исаия сказал: «Если хочешь последовать Господу нашему Иисусу Христу, то соблюдай заповедания Его. Если хочешь распять с Ним ветхого твоего человека, то устрани от себя тех, которые сводят тебя с креста, и приготовь сердце твое переносить благодушно уничижение, любить оскорбляющих тебя, смиряться пред всеми, обуздывать свои пожелания. Молчи языком и устами, не осуждай никого в сердце твоем»[6].

55. Опять сказал: «Безмолвствующий должен соединить с дыханием своим ощущение страха Божия и размышлять постоянно о том, как предстать ему на Суд Божий. Нет страха Божия в человеке, если сердце его повинуется греху; он далек еще от милости Божией»[7].

56. Опять сказал: «Тяжкое состояние, когда на устах святость, а в сердце беззаконие и злоба»[8].

57. Опять сказал: «Если человек не решится возложить на себя подвиг с таким самоотвержением, какое ощущается приготовившимся к насильственной смерти, и не сделает своего тела подобным тому телу, в каком пришел к нам Богочеловек, то не возможет предстать пред Ним в радости и не освободится от горького рабства. Поведав это, он воскликнул: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй! куда низверглась душа моя! в какой чистоте создана она! В каком рабстве находится ныне! Какою опутана суетою!»[9]

---

[1] Слово 27. ‖ [2] Слово 27. ‖ [3] Слово 27. ‖ [4] Слово 27. ‖ [5] Слово 27. ‖ [6] Слово 27. ‖ [7] Слово 27. ‖ [8] Слово 27. ‖ [9] Слово 27.

58. Еще говорил: «Умоляю тебя: доколе находишься в теле, не оставляй ни на минуту сердца твоего без хранения. Как земледелец не может признать надежным плод свой, доколе он находится на поле, и не знает, что может с ним случиться до того времени, как он сложится в кладовые, так и подвижник не может оставить сердца своего нехранимым, *дондеже дыхание есть в ноздрех его*[1]. До самой кончины человека страсти сохраняют способность восставать в нем, и не известно ему, когда и какая страсть восстанет; по этой причине он, доколе дышит, не должен оставлять бдительного наблюдения над сердцем своим; он должен непрестанно вопить к Богу, умоляя Его о помощи и помиловании»[2].

59. Спросил я его: «Отец! что есть смирение, и как приобретается оно?» Авва отвечал: «Смирение состоит в том, чтоб иметь послушание, отсекать волю падшего естества, удручать себя подвигами, любить чистоту, благодушно и терпеливо переносить оскорбления и обиды от ближнего. В этом заключается смиренномудрие»[3].

60. Он говорил: «Блажен облекшийся в нового человека прежде, нежели предстать ему на Суд Христов, потому что *плоть и кровь*, как говорит Апостол, *Царствия Божия наследити*[4] *не могут*»[5].

61. Он приводил и следующие слова Апостола: *идеже в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте, и по человеку ходите?*[6]

62. Он говорил: «Оттого угнетают нас жестоко враги наши, что мы не познали с должною подробностию и точностию немощей и грехов наших, не стяжали плача в духовном разуме. Если б открылся в нас плач, то он соделал бы для нас явными грехи наши. Если б мы увидели грехи наши такими, каковы они на самом деле, то объял бы нас такой стыд, что мы не осмелились бы смотреть в лицо братиям нашим, отдавая всем предпочтение пред собою. Мы сочли бы себя худшими блудниц! они грешат в неведении Бога, а мы, знающие Бога, служим греху, наравне с блудницами, в сердцах наших»[7].

63. Он говорил: «Признаком делателя добродетелей служит то, когда он постоянно держится самоукорения, отсекает свою волю

---

[1] *...доколе еще дыхание мое во мне* (Иов. 27. 3). ‖ [2] Слово 27. ‖ [3] Слово 27. ‖ [4] *наследовать.* ‖ [5] 1 Кор. 15. 50. ‖ [6] *...если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете?* (1 Кор. 3. 3.) ‖ [7] Слово 27.

пред ближним ради Бога, не допускает внушениям врага производить свое действие, содержит ум в трезвении, бодрствовании, повергается к стопам Господа Иисуса, старается умерщвлять пожелания падшего естества, чтоб не отлучиться от возлюбленного Господа Иисуса. Держащийся своей падшей воли не может быть в мире ниже с истинными христианами: потому что сердцу его соприсутствуют малодушие, гнев и раздражительность. Говорящий: что за важность, если я увижу или услышу то или другое, — подобен слепому, который, куда бы ни ввели его и откуда бы ни вывели его, не видит света. Малое облако, нашедши на солнце, пересекает действие и света и теплоты его; поймите из этого примера действие мелочей на подвижника, не понимаемое не знающими существенно монашеской жизни[1]».

64. Опять сказал: «У человека, занятого непрестанным созерцанием грехов своих, нет языка для пустых и многих бесед»[2].

65. Опять сказал: «Возненавидь все мирское и самый телесный покой, потому что они соделывают тебя врагом Божиим. Как воин, имеющий сопротивника, сражается с ним, так и мы должны сражаться с телом, не допуская ему нежиться и расслабляться от излишнего успокоения»[3].

Тело, изнеженное излишним успокоением и питанием, делается дебелым, особенно способным к лености, и стяжавает ощущения исключительно плотские; оно сообщает эти ощущения и дебелость сердцу. Плотское вожделение и способность к гневу и ярости необыкновенно усиливаются в таком теле и в таком сердце. Когда страсти эти придут в волнение, то действие их бывает так сильно, что ум не может ни обуздать их, ни противиться им: он низлагается и увлекается ими.

66. Опять сказал: «Истинный подвижник, истинно любящий Бога, должен внимать каждому помыслу своему и рассматривать его, не плотской ли он? доколе действует в каком-либо члене его ветхий человек, дотоле он не признается девственником»[4].

67. Спросил я его: «Что значит прошение, произносимое в молитве евангельской: *да святится Имя Твое?*» Он сказал: «Это прошение принадлежит достигшим совершенства. В нас, обладаемых страстями, невозможно святиться имени Божию»[5].

68. Он повторял изречение древних Отцов: «Отшельничество состоит в бегстве от тела и в постоянном памятовании смерти»[6].

---

[1] Слово 27. ‖ [2] Слово 27. ‖ [3] Слово 27. ‖ [4] Слово 27. ‖ [5] Слово 27. ‖ [6] Слово 27.

69. Он сказал о мире с ближними: «Где нет мира, там не пребывает Бог. Кто видит грехи свои, тот знаком и с миром. Прощение грехов доставляется не местом, а смиренномудрием. Давид, низвергшись в согрешение прелюбодеяния и убийства, не нашел иного жертвоприношения, благоприятного Богу, кроме *духа сокрушеннаго и смиреннаго*»[1].

70. Опять сказал: «Малодушие и порицание ближнего смущают мысль и не допускают ей видеть свет Божий»[2].

71. Опять сказал: «Приложи все старание, чтоб избежать следующих трех страстей, низвращающих душу: любления прибытка и стяжания, любления чести от человеков и любления телесного покоя. Если они победят душу, то лишат ее преуспеяния»[3].

72. Опять сказал: «Если, в то время, как безмолвствуешь в келлии, придет тебе помысл осудить брата, то суди его из рассматривания грехов твоих, признавая свои грехи более значащими, нежели грехи брата. Если же считаешь некоторые дела твои добрыми, то не думай о них, чтоб они были и благоугодны Богу. Здоровые члены тела заботятся о немоществующих и, доколе не возвратится им здравие, служат им по причине естественного союза с ними. При встретившейся взаимной скорби жестокосердый говорит в сердце своем, что он нисколько не виноват, а смиренномудрый обвиняет себя, а не брата, говоря: “Я согрешил”. Гордый заражен в сердце мыслию, что он премудр и не оскорблял никогда никого; имеющий в себе страх Божий заботится о том, чтоб не сделать упущения в какой-либо добродетели»[4].

73. Опять сказал: «Проводя жительство безмолвника и совершая молитвенное служение Богу умом при молчании уст, если увидишь, что сердце твое уклонится во что-либо не благоугодное Богу, то не сочти, что такое увлечение не грех, а только рассеянность, причиненная посторонними помыслами. Если такая рассеянность не грех, то и молитва твоя, совершаемая одним умом, не есть истинная молитва. Если же утверждаешь, что Бог приемлет молитву сердечную, совершаемую при молчании уст, то и повиновение злу, совершаемое одним сердцем, вменяется в грех человеку Богом». — Я просил объяснить мне это. Он сказал: «Не обретающий помощи во время брани не может иметь и сердечного мира»[5].

74. Опять сказал: «Опасно учить ближнего преждевременно, чтоб самому не впасть в то, от чего предостерегается ближний учением. Впадающий в грех не может научать тому, как не впадать в него»[6].

---

[1] Слово 27. ‖ [2] Слово 27. ‖ [3] Слово 27. ‖ [4] Слово 27. ‖ [5] Слово 27. ‖ [6] Слово 27.

75. Он говорил о причащении Святым Тайнам: «Горе мне! горе мне! не преставая увлекаться в общение с врагами Божиими, как могу иметь общение с Богом? Из этого следует, что я причащаюсь в суд и в обличение себе. Пред преподанием Даров возглашаются слова: *Святая святым*. Это значит: приглашаются к Святым Тайнам святые человеки. Если я свят, то кто же эти, приводящие во мне грех в действие»[1].

76. Я спросил его: «Что есть страх Божий?» Он отвечал: «Нет страха Божия в том, кто увлекается чем-либо неблагоугодным Богу»[2].

77. Опять спросил я его: «Кто раб Божий?» Он отвечал: «Не признается рабом Божиим тот, кто работает страстям; он раб того, кто обладает им»[3].

78. Опять сказал: «Горе мне! горе мне! я не позаботился стяжать чистоту и святыню, при которых получается милость Божия. Горе мне, несчастному! я не подвизался победить врагов моих, за что даруется Царство со Христом. Раб неверный не осмелится приблизиться ко Владыке своему. Горе мне! горе мне! ношу на себе наименование по имени Твоему, Господь мой, а служу врагам Твоим. Увы! увы! услаждаюсь тем, чем гнушается Царь мой, и потому Он не исцеляет меня»[4].

79. Однажды посетил я авву в то время, как он был болен. Я нашел его очень страждущим от болезни. Он заметил печаль мою, произведенную его тяжким недугом, и сказал мне: «Удручаемый такою болезнию, я едва привел себя к воспоминанию горького часа смерти. Это воспоминание было бы чуждым для меня, если б тело мое было здравым. Собственно плотское здоровье не приносит пользы: ища поддержать себя единственно для себя, оно вступает в настроение, враждебное Богу. Древо, поливаемое ежедневно, не высохнет, но принесет свойственный себе плод. Скорбь по плоти служит пособием к сохранению заповедей Божиих»[5].

Подвижник должен поддерживать здоровье и силы тела настолько, чтоб тело сохраняло способность служить Богу. Чрезмерное развитие здоровья и дебелости в теле вводит его в тяжелое плотское состояние, возбуждает в нем скотоподобные движения и влечения в неодолимой силе, отнимает у него всю способность к ощущениям духовным. Тот, кто соделает свое тело легким, посредством умеренного поста и бдения,

[1] Слово 27. ‖ [2] Слово 27. ‖ [3] Слово 27. ‖ [4] Слово 27. ‖ [5] Слово 27.

доставит ему и самое прочное здоровье и соделает его способным принять в себя и сохранить в себе духовные движения, то есть действие Святого Духа.

80. Опять сказал: «Человек нуждается в великом сердечном мужестве для хранения заповедей Божиих»[1].

81. Опять сказал: «Горе мне! горе мне! Обвинители мои, известные мне и неизвестные, предстоят предо мною, и не могу опровергнуть обвинений их. Увы! увы! имея таких обвинителей, как предстану Господу моему? как явлюсь в собрание святых Его, когда враги не оставили ни одного члена моего неоскверненным?»[2]

82. Я спросил его: «Что должен наблюдать безмолвник?» Он отвечал: «Безмолвствующему необходимы следующие три делания: постоянное пребывание в страхе и недоверии к себе, непрестанное устремление к Богу молитвою с прошением помощи и помилования, неупустительная бдительность над сердцем»[3].

83. Опять сказал: «Безмолвник должен хранить себя от слышания какого бы то ни было неполезного слова. В противном случае он погубит весь труд свой»[4].

84. Авва Исаия поведал о авве Серапионе следующее: «Некоторый старец спросил его: “Окажи любовь, скажи мне, каким видишь ты себя?” Авва Серапион отвечал: “Вижу себя подобным стоящему на сторожевой башне, осматривающему окружающую его местность и подающему знак рукою тем, которые приближаются к нему, чтоб они не подходили”. На это сказал ему старец, спрашивавший его: “А я как бы обнес вокруг себя твердую ограду с железными затворами, чтоб даже не услышать прихода того, кто придет ко мне и станет стучаться, чтоб не узнать — кто он, откуда пришел, что ему надо. Таким образом, я не отворяю ему, и он уходит”»[5].

85. Сказал авва Исаия: «Кто ищет Господа с болезнию сердечною, того молитве Господь внимает и исполняет прошения его, если они приносятся в духовном разуме, если молящийся в сокрушении духа заботится о спасении своем, если не опутывается ничем мирским, если трудится в страхе Божием по силам своим о том, чтоб представить душу свою непорочною на Суд Божий»[6].

86. Авва Исаия говорил: «Люби более молчать, нежели говорить: от молчания ум сосредоточивается в себе; от многословия он впадает в рассеянность»[7].

[1] Слово 27. ‖ [2] Слово 27. ‖ [3] Слово 27. ‖ [4] Слово 27. ‖ [5] Слово 27. ‖ [6] Слово 27. ‖ [7] Алфавитный патерик.

87. Он говорил: «Верный раб Христов! храни втайне твое делание и заботься с сердечною болезнию, чтоб не погубить мзды подвига твоего из-за человекоугодия. Делающий что-либо напоказ человекам лишается мзды своей, как сказал Господь»[1].

88. Он говорил: «Убегай тщеславия, и сподобишься славы в будущем веке»[2].

89. Он говорил: «Уничижение себя есть то место, в котором обретается спокойствие»[3].

90. Он говорил: «Новоначальный монах, переходящий из монастыря в монастырь, подобен коню, который от узды мечется в разные стороны»[4].

91. Авва Исаия говорил о новоначальных монахах, предавших себя в послушание духовным отцам: «Краска, в которую первоначально выкрашена багряница, ничем не изглаживается с багряницы»[5].

Это значит: первоначальное направление, которое получится иноком при вступлении его в монастырь, остается в нем, в большей или меньшей степени, на всю жизнь.

92. Еще говорил он о новоначальных: «Вновь насажденное древо, если не будут поливать его тщательно, засыхает; то же делается и с новоначальными послушниками»[6].

Для них необходимо постоянное назидание по нравственному преданию Церкви.

93. Говорил он о новоначальных и следующее: «Ничто так не полезно новоначальным, как уничижение. Что ежедневное поливание для новонасажденного древа, то для новоначального уничижение»[7].

Уничижение в разных видах его очень употреблялось при воспитании монахов, когда старцы обиловали благодатными дарами, а новоначальные усердием и силою произволения. При посредстве уничижения вырабатывалось сердечное смирение, скоро возводившее делателя по степеням духовного преуспеяния к благодатному состоянию. Духовное врачевство это, сохраняя само по себе все достоинство свое, нуждается в наше время в особенном благоразумии при употреблении его. Благоразумие требует от современного старца, чтоб он, всматриваясь в собственное свое

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик. || [6] Алфавитный патерик. || [7] Алфавитный патерик.

преуспеяние, не возлагал на ближнего таких бремен, каких сам не нес и не в силах понести. Жестокое уничижение в наше время может сокрушить новоначального, расстроить его навсегда. Оно заменяется, не без успеха, правильным, кротким обличением погрешностей новоначального и тщательным назиданием его.

94. Говорил авва Исаия о новоначальных: «Новоначальные монахи, предавшие себя в послушание отцам, подобны мягким ветвям, удобно сгибающимся в обруч»[1].

95. Он сказал: «Не тот разумен, кто говорит, но тот, кто знает время, когда должно говорить. В разуме молчи и в разуме говори; прежде, нежели начнешь говорить, обсуди, что должно говорить; говори одно нужное и должное; не хвались своим разумом и не думай, что ты знаешь более других. Сущность монашеского жительства состоит в том, чтоб укорять себя и считать себя хуже всех»[2].

96. Он говорил: «От пяти причин усиливается блудная брань: 1) от празднословия, 2) от тщеславия, 3) от многого сна, 4) от любления красивой одежды, 5) от пресыщения. Желающий устранить от себя брань блуда да хранится от упомянутых поводов к ней; празднословие да заменит молитвословием, тщеславие смирением Христовым, многий сон бдением, красивые одежды рубищем, объядение воздержанием от излишества в пище. Страсти держатся одна за другую, как звенья в цепи»[3].

97. Он говорил: «Если Бог хочет помиловать душу, а она упорствует и не повинуется, но поступает по своей поврежденной воле, то Бог попускает ей скорби, которых она не желала бы иметь, чтоб таким образом эта душа взыскала Бога»[4].

98. Он говорил: «Будем памятовать о Том, Который не имел, где подклонить главу. Рассмотри это, человек, и не высокомудрствуй о себе. Рассмотри, кто — Он и чем соделался ради тебя. Владыка твой провел земную жизнь странником, не имея дома. Удивительно Твое неизреченное человеколюбие, Господь наш! как смирил Ты Себя до такого уничижения ради меня! Если Сотворивший все единым словом не имел, где главу подклонить, то ты, несчастный человек, зачем предаешься попечениям о суетном, зачем ослепляешься несытостию безумною? Рассмотри это и избери для себя благое»[5].

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Изречение, приводимое святым Иоанном Дамаскиным. Patrologia Graecae. Tom XL, pag. 1211 и 1212. || [5] Алфавитный патерик.

99. Тот же авва Исаия произнес и следующее учение: «Благоразумный богач хранит сокровища свои во внутренних отделениях дома, потому что сокровище, выставленное наружу, подвергается хищничеству воров и наветуется сильными этого мира. Так и монах смиренномудрый и добродетельный утаивает свои добродетели и не исполняет пожеланий падшего естества. Он ежечасно укоряет себя и занимается *тайным поучением,* последуя наставлению Священного Писания, которое говорит: *согреяся сердце мое, и в поучении моем разгорится огнь*[1]. О каком огне говорится здесь? О Боге: *Бог наш есть огнь поядаяй*[2]. Огнем растопляется воск и иссушается тина скверных нечистот; так и сокровенным поучением иссушаются скверные помыслы и истребляются страсти из души, просвещается ум, уясняется и утончавается мысль, изливается радость в сердца. Тайное поучение уязвляет бесов, отгоняет злые помыслы; им оживляется внутренний человек. Вооружающегося тайным поучением укрепляет Бог; Ангелы преподают ему силу; человеки прославляют его. Тайное поучение и чтение соделывают душу домом, отовсюду затворенным и заключенным, столпом неподвижным, пристанищем тихим и безмятежным. Оно спасает душу, доставляя ей состояние непоколебимости. Очень смущаются и молвят бесы, как инок вооружает себя тайным поучением, которое заключается в молитве Иисусовой и произносится так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня.* Чтение в уединении содействует преуспеянию в поучении. Тайное поучение есть зеркало для ума, светильник для совести. Тайное поучение иссушает блуд, укрощает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние. Тайное поучение просвещает ум, отгоняет леность. От тайного поучения рождается умиление, вселяется в тебя страх Божий; оно приносит слезы. Тайным поучением доставляется монаху смиренномудрие нелестное, бдение благоумиленное, молитва несмущенная. Тайное поучение есть сокровище молитвенное. Тайное поучение наставляет долготерпению, воздержанию; оно причастнику своему возвещает о геенне. Тайное поучение соблюдает ум немечтательным и приносит ему размышление о смерти. Тайное поучение исполнено всех благих дел, украшено всякой добродетелию, всякого скверного дела непричастно и чуждо»[3].

100. Поведал авва Елисей, ученик аввы Исаии: «В юности моей случилась мне болезнь, от которой я находился при смерти. Отец

[1] *Воспламенилось сердце мое во мне, в мыслях моих возгорелся огонь* (Пс. 38. 4). ‖ [2] *Бог наш есть огнь поядающий* (Евр. 12. 29). ‖ [3] Алфавитный патерик.

мой, прилагая особенное старание о моем излечении, ежедневно приглашал ко мне врачей. Врачи, потрудившись много, не успели ничего и, наконец, сказали отцу моему: "Юноша умрет прежде истечения трех дней". Отец мой, услышав это, был поражен скорбию. Обливаясь слезами, он поспешил в церковь святого евангелиста Марка и нашел там, как после сказывал, престарелого монаха. Увидев отца моего печальным, монах сказал ему: "Что с тобою, господин Прокопий? о чем скорбишь?" Отвечал отец мой: "Тот, кто открыл тебе мое имя, откроет и причину печали моей". Старец сказал: "Пойдем в дом твой". Старец, пришедши в дом наш, посетил меня и сказал отцу моему: "Приведи супругу твою". Мать моя была христолюбива и монахолюбива; отец же мой ненавидел монахов. Старец сказал ему: "Бог ищет от тебя исполнения трех заповедей, и если сохранишь их, то он дарует жизнь сыну твоему". Отец мой сказал: "Свидетельствуюсь святым евангелистом Марком исполнить то, что ты мне заповедуешь". Старец сказал: "Вот пятнадцать уже лет, как ты прелюбодействуешь и блудодействуешь, скверня ложе жены твоей; за это Бог посек преждевременною смертию пятерых детей твоих. Второе: этого юношу не сочетавай браком, но предоставь ему вступить в монашество. Третье: с арианами и феодосианами не будь более в общении". Отец мой сказал ему: "Сохраню слова твои во все дни моей жизни". Старец помолился, и я выздоровел на третий день. После этого я прожил у отца моего три года. По истечении их отец мой обручил меня с племянницею жены игемона. Когда отец приготовлял все нужное к браку, лютый бес привязался к обрученной мне отроковице и начал мучить ее немилостиво. Родители ее и мой отец в продолжение семнадцати месяцев водили ее везде и всюду по церквам, подавая милостыню, даже приводили к волхвам и чародеям, но нисколько не успели: девица пришла в худшее состояние. С общего согласия и совета они приводят ее к отцу Макарию[1]. Туда пошел и я с нею, и отец мой. Старец, взяв елей и сотворив молитву над ним, повелел матери девицы омыть ее и потом помазать елеем от главы до ног. Когда она была помазана, то бес начал взывать: "Горе, горе!" Вышедши из отроко-

[1] Здесь разумеется не Макарий Великий, основатель Скита, живший в IV веке, а другой того же имени, позднейший настоятель Скита, живший в V и VI столетиях. Под руководством этого Макария подвизалась в Скиту, в одеянии мужском под именем Дорофея, преподобная Аполлинария, оставившая Константинополь при императоре Феодосии Младшем (Четьи-Минеи, 5 января). Вероятно, этот Макарий беседовал о дерзости с аввою Агафоном, современником Пимена Великого. Но Пимен был старше Агафона, как это видно из жизни Пимена.

вицы, он напал на меня и в семькрат сильнее мучил меня. Так я провел тридцать дней, жестоко мучимый бесом. И вот приходит тот старец, который прежде разговаривал с отцом моим и исцелил меня от болезни. Отец, увидев его, убежал от него. Старец, взяв меня, привел в свою келлию; препроводив всю ночь в молитве и коленопреклонениях, он отгнал беса от меня, потом остриг власы главы моей, облек меня в монашеский образ и вручил авве Исаии. Авва Исаия имел и другого ученика по имени Петр. Прожил я у аввы девять месяцев. Отец мой, услышав о случившемся со мною, послал ко мне четырех слуг, с осмью верблюдами, обремененными всякого рода съестными припасами и овощами, послал и письмо. Взяв письмо и прочитав его, я заплакал. Отец Исаия, увидев письмо в руках моих, отнял его из рук моих и изорвал. Когда же я вознегодовал за это, — старец начал меня укорять в присутствии слуг отца моего. С этого часа объял меня бес ненависти, я не мог видеть старца, ни слышать голоса его; я смотрел на него как на скомороха; слова его казались мне стрелами, мечом обоюдоострым. Стоя с ним на молитвах и бдениях, я проклинал его. От великой ненависти и омерзения, которые получил я к нему, несколько раз вставал ночью, чтоб убить его, но останавливался, опасаясь жившего с нами другого ученика, Петра. Старец не преставал наставлять меня, иногда увещевая, иногда же и угрожая. Когда я шел причаститься Святых Таин, то он мне возбранял и отгонял с укоризнами; также отлучал от трапезы, говоря: "Не дам тебе пищи, пока не скажешь: согрешил я, прости меня". Но я делал все напротив: крал и ел тайно. Когда старец стоял на молитве, я сидел; когда он упражнялся в бдениях, я спал, когда он плакал, я смеялся: столько я был послушлив бесу! Бес начал мне показывать неподобные мечтания на старца в сновидениях; я, несчастный, верил этим мечтаниям, а потом начал часто наяву видеть то, что прежде представлялось мне во сне. Таким образом вкралась в меня доверенность к скверным и нечистым помыслам на старца, истекавшим из сердца моего и смущавшим меня, и я стал соглашаться с ними. Бесы смущали меня внутренно помыслами, а извне возбуждали меня являвшимися мне привидениями на ярость, гнев и огорчение. Бес гордости, или, лучше сказать, погибели, соделался моим учителем; чему он научал меня тайно и сокровенно, то начал я произносить пред всеми. Сидя, говорил я себе в горести: "Кто этот льстец и лицемер низкого происхождения! я, будучи такого города и такого рода, сын благородных родителей, кипящих богатством, имеющих

столько разного скота, соделался учеником, или, в сущности, рабом! Предстою ему как слуга; подаю воду на руки, приготовляю трапезу, ношу воду, собираю дрова, работаю ему как раб! Он бы должен мне работать и повиноваться, а не я ему! Сколько неприятностей, огорчений, скорби и печали, укоризн и бед я потерпел от него! Сколько он принуждал меня алкать, жаждать, бдеть и лежать на голой земле! Сколько он меня уничижал! Сколько сделал мне зла!" Когда бес внушал мне это, я более и более предавался гневу, почитая себя обиженным, пострадавшим много. Помысл говорил мне: уйди от проклятого и пребывай наедине в келлии, подобно всем отцам: он не монах и не христианин. От таких помышлений я начал снова видеть сны о старце, будто он играет с женщиною и скачет пред кумирами; вверившись снам, я утвердился в мысли, что старец — враг Божий и друг бесам. Вдали от Скита, расстоянием как бы в девяти стадиях, было эллинское капище, среди которого стоял мраморный кумир. Старец имел обычай каждую субботу выходить из Скита и, сидя в капище, предаваться плачу; были там и гробы язычников. И показывалось мне во сне не однажды, но несколько раз, что старец приносит жертву и поклоняется идолам, а я почитал сны эти истинными. Однажды, в час, в который старец обыкновенно уходил в капище, предупредив его, я вышел из келлии и спрятался внутри капища в кустарнике; вижу, идет старец, — впереди него женщина. Женщина вошла: вижу, она молится и поклоняется идолу; когда она окончила молитву, — вижу, старец пришел, поклоняется идолу, целует жену и впадает с нею в любодеяние. Потом старец возвратился в Скит, а жена — в луг. Это видел я семь раз ясно, и, твердо уверившись в этом, начал садиться вне келлии и говорить братиям, приходившим к старцу пользы ради: "Братия! этот отец — блудник и идолослужитель; вы прельщаетесь, приходя к нему!" Таким образом я говорил инокам, приходившим к старцу, в течение четырех месяцев. Но сколько я ни старался возбранить им приход к старцу, они, руководимые благодатию Божиею, продолжали ходить к нему. Видя это, я, несчастный, сокрушался и, воздевая руки на небо, восклицал: "Господи! даруй мне терпение!" Я, несчастный и страстный, думал, что терплю за правду и, как делающий добродетель, говорил, воздыхая: "Слава Тебе, Боже! от какой чести в какое пришел я бесчестие, и чем сделался!" И плакал. Старец, видя меня в таком положении, говорил: "Чадо доброе! очисти твое сердце, смири твои помышления, возлюби смирение Христово, гнушайся гордости, и внимай себе". Когда он гово-

рил это, — я гневался, огорчался и смущался; слова его казались мне разжженными стрелами, снедающими меня. Когда сидел я с ним за трапезою, то пища казалась мне смрадом, и я гнушался до того, что не однажды и не дважды, но и много раз отвергал ее. Помысл внутренно не преставал смущать меня, говоря: “Уйди из келлии старца, а если можно, и из Скита: смотря на этого старца, не возможешь спастись”. Я говорил сам в себе: “За что терплю такие страдания? в мире я не впал ни в блуд, ни в прелюбодеяние, ни в воровство, ни в убийство”. Помысл, или правильнее, бес говорил мне: “Ты страдаешь по справедливости: ты оскорбил отца, матерь, сродников и друзей, оставил святых Отцов, пришел иночествовать к этому обманщику, порочной нравственности, немилосердному и дерзкому”. Бес внушал мне это и находил меня готовым к принятию скверных и злых помыслов; будучи погребен в тьме, я думал, что хожу во свете; будучи сатаною, почитал себя монахом, и вместо того, чтобы охуждать и осуждать себя, осуждал раба Божия. Когда я находился в такой буре от смущения помыслов, отец мой известил меня письмом, что мать моя умирает. “Приди, — писал он, — увидеться с нею прежде, нежели она умрет”.

Прочитав письмо, я сказал отцу Петру: “Я ухожу; мне необходимо повидаться с моею матерью”. Брат пошел и сказал об этом старцу. Старец, пришедши ко мне, начал говорить: “Чадо доброе! пребывай здесь с терпением, ради Бога, оставя пристрастие к отцу и матери: мы имеем в Боге Отца и Матерь; промысл Его устроит и нам и родителям твоим полезное. Если же ты преслушаешь меня и пойдешь, то родителям не принесешь никакой пользы, а себя повредишь. Впоследствии будешь очень раскаяваться в твоем поступке, но поздно. Впрочем, отступление твое накажет тебя”. Услышав это от старца и, по действию бесовскому, воспламенившись гневом, я отвечал ему: “Обманщик, идолослужитель, блудник и прелюбодей! Хочешь ли сделать меня подобным тебе идолослужителем и блудником?” Старец отвечал на это: “Благодать Божия в устах твоих, чадо!” Я продолжал кричать: “Обманщик! Идолослужитель!” Так что многие из отцов стеклись на голос мой, и все старцы меня укоряли и проклинали. Я, наущаемый бесом, схватил мою одежду, разодрал ее во гневе сверху донизу и, бросив в лицо старцу, вышел нагой из келлии. Вошедши в келлию одного из старцев, украл у него праздничную одежду и отправился в Александрию. Я нашел матерь свою уже умершею, а отца больным. По истечении трех дней скончался и отец мой. В то время, как

я заботился о оставшемся богатом наследстве и раскаявался в том, что принял монашество, настал вечер. Я лег на постель и, помышляя о Ските и об отце Исаии, со стенанием говорил: “Слава Тебе, Христе, Боже мой! Ты избавил меня от обманщика, лживого старца”. Едва я произнес эти слова, как услышал голос, подобный грому. Голос проговорил: “Пагуба и всегубительство дому Прокопиеву!” Тотчас поднялся ветер, и дом загорелся с четырех углов. Я вскочил в смущении и едва успел со всеми бывшими в доме выбежать из него: огонь со всех сторон обхватил его. Стеклись жители Александрии, но не могли подать никакой помощи: пламя пожирало и самые камни. Я стоял посрамленный и стыдился, помышляя о случившемся; от великой печали и уныния пошел в церковь святого Мины и повергся на помост церковный. Опять бес, приняв подобие мученика, сказал мне: “Знай, что виною всего случившегося с тобою — отец Исаия”. Пришедши в себя, я сказал: Точно! Этот обманщик — чародей, и послал бесов попалить дом мой”. Утром, встав, пошел я к патриарху и сказал: “Владыко! Отмсти за меня идолослужителю, отцу Исаии: он своим волхвованием сжег мой дом и все, что было в доме”. Патриарх сказал мне: *Немы да будут устны льстивыя, глаголющия на праведнаго беззаконие*[1]. Когда патриарх произнес эти слова, я увидел мурина, который стал бить меня огненным жезлом и облек меня в железную броню; я упал к ногам патриарха, неистовясь. Тогда патриарх простер ко мне руку, и узы языка моего разрешились. Но семь месяцев провел я, мучимый лютым велиаром и представляя собою для всех зрелище, достойное сожаления. Нужно было связывать меня железными цепями; я бил себя и всех меня окружающих, ел извержения человеческие. Христолюбивые люди, сожалея обо мне, одевали меня, потому что я скитался нагой, терзал плоть мою и одежду, муча себя и толкая встречающихся. От недостатка в пище, от грязи и нечистоты, в которых я лежал и валялся, тело мое покрылось струпами, подобно чешуе. Христолюбцы города Александрии, увидев некоторых отцов скитстких, привели их ко мне; но отцы, видя меня, не узнавали. Тогда христолюбцы сказали: “Это сын Прокопиев, принявший монашество у аввы Исаии”. Отцы сказали: “Окажите любовь, доставьте его в Скит”. Христолюбцы приискали проводника с верблюдом, дали ему золотую монету и, связав мне руки и ноги, отправили в Скит. Скитские отцы собрались в великую церковь,

[1] *Да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое* (Пс. 30. 19).

совершили всенощное бдение, молились о мне и, помазав все тело мое елеем, отгнали от меня беса; однако струпы продолжали мучить меня. Тогда я, недостойный и грешный, рассказал им подробно все, случившееся со мною, всем поведал бедствие мое и умолял, чтоб явили мне милость: умолили старца принять меня на покаяние и не допустить ко мне нового искушения от беса. Старцы пошли и привели отца Петра, другого ученика аввы Исаии, бывшего со мною. Он, увидев меня лежащего, и тело мое, согнившее от ран и струпов (отцы, желая преклонить старца к милости и сожалению, сняли с меня одежду, в которой я был, и нагого положили на рогоже), повергся на меня, и не было конца слезам его. Я лежал в трепете, не смея и взглянуть на него. Поплакав довольно, отец Петр встал, взяв некоторых из отцов, пошел и привел отца Исаию. Когда я увидел старца, идущего ко мне, то воззвал: "Раб Божий, помилуй меня, прельщенного бесом! не оставь меня в совершенную радость и веселие душегубительному врагу! Довольно я наказан, мучен был по справедливости!" Старец, плакав довольно, сказал мне: "Чадо! познал ли, что падение бывает наказанием для гордых?" Я сказал: "Познал, отец мой! Познал из того, что случилось со мною, и научился из того, чему подвергся! Я уверовал, что Господь правосудно воздает каждому по делам его". Старец, знаменовав меня крестным знамением, сказал: "Бог, содетель всякой твари, да простит мимошедшее и да исправит будущее". Положили меня на одр и отнесли в келлию. Чрез несколько дней я исцелел благодатию Христовою и молитвами старца. Исполнились на мне слова Пророка: *браздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе*[1]. И опять: *многи раны грешному*[2]. Отцы Скита, видя, что все, случившееся со мною, достойно быть написанным, призвали Пиония, искусного краснописца, и приказали мне с точностию и подробностию рассказать ему все. Краснописец, написав повесть, поместил в первой книге, в которой помещены статьи о мечтаниях и искушениях бесовских. После этого я уже пребывал с отцом моим Исаиею, во всем повинуясь ему».

101. Братия! безмолвствуйте, каждый в келлии своей, со страхом Божиим, трудитесь в рукоделии вашем и не нерадите о поучении и о частой молитве. Храните сердце от чуждых помыслов и не увлекайтесь в размышление о каком-либо человеке или

---

[1] *...которых челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе* (Пс. 31. 9). ‖ [2] *Много скорбей нечестивому* (Пс. 31. 10).

о каком-либо предмете века сего. Непрестанно исследывайте, в чем претыкаетесь, и старайтесь исправиться, моля Бога с болезнованием сердца, со слезами, в умерщвлении плоти, чтоб Он простил вам соделанные грехи и на будущее время сохранил от повторения их[1].

102. Ежедневно имейте смерть пред очами. Да объемлет вас непрестанно попечение о том, каким образом вы будете разлучаться с телом, каким образом возможете пройти чрез область властей тьмы, которые встретят вас на воздухе, как предстать вам пред Бога благополучно. Предуготовляйтесь к страшному дню ответа на Суде Божием, как бы уже видя его. Тогда получат воздаяние свое все дела, слова и помышления каждого из вас: *вся бо нага и объявлена пред очима*[2] Того, Кому должны мы представить отчет в земной жизни нашей[3].

103. В трапезе и в собрании церковном ничего не говорите иначе, как по требованию совершенной необходимости[4].

104. Без такой же необходимости не входите в келлии друг к другу и не дозволяйте себе безвременных свиданий[5].

105. Не любопытствуй о келейных занятиях твоего брата и не желай знать, кто более трудится: он или ты[6].

106. Выходя на общие послушания, не празднословьте и не допустите себе свободного обращения между собою; каждый в страхе Божием да внимает себе, делу своему и поучению в тайне души.

107. Когда окончится церковное Богослужение или трапеза, не остановитесь посидеть вместе и поговорить, ниже о предметах Божественных; каждый да спешит в келлию свою и там да оплакивает грехи свои[7].

108. Когда потребует нужда говорить одному с другим, поговорите со смирением и благоговением, как подобает в присутствии Бога, непрестанно соприсутствующего нам; поговорите, сокращая беседу насколько то можно[8].

109. Не спорьте друг с другом ни по какому поводу, не говорите худо ни о ком, не судите ни о ком, не осуждайте и не уничижайте никого ни словом, ни в сердце, отнюдь не ропщите ни на кого, не подозревайте никого в каком-либо зле[9].

110. Ложь да не исходит из уст ваших[10].

---

[1] Слово 1. Как это, так и все последующие изречения святого Исаии Отшельника избраны из поучений его. ‖ [2] ...*все обнажено и открыто перед очами Его* (Евр. 4. 13). ‖ [3] Слово 1. ‖ [4] Слово 1. ‖ [5] Слово 1. ‖ [6] Слово 1. ‖ [7] Слово 1. ‖ [8] Слово 1. ‖ [9] Слово 1. ‖ [10] Слово 1.

111. Не позвольте себе ни слышать, ни говорить о чем-либо неполезном для душ ваших[1].

112. Не допустите пребыть в сердце вашем злобе на ближнего, ненависти и зависти к нему[2].

113. Да не будет одно на устах ваших, а другое в сердце. *Бог поругаем не бывает*[3]: одинаково видит Он и тайное и явное[4].

114. Никакого помысла вашего, никакой скорби, никакого пожелания, никакого подозрения на ближнего, производящих в вас смущение, не скрывайте: исповедуйте их со всею искренностию авве[5] вашему, и что услышите от него, старайтесь принимать с верою[6].

115. Умоляю вас, братия: изучайте ту цель, с которою вы оставили мир, и заботьтесь о спасении вашем, чтоб отречение ваше не осталось бесплодным, чтоб вам не посрамиться пред Богом и пред святыми Его, отрекшимися ради Его от мира и подвизавшимися истинно[7].

116. Неумеренное упокоение себя, допущение себе излишеств и тщеславие погубляют весь труд монаха[8].

117. Если путешествуешь с братиею, то иди несколько одаль от них, чтоб сохранить молчание. По дороге не оглядывайся туда и сюда, но займи ум твой поучением и молись Богу в сердце твоем[9].

118. Куда бы ты ни пришел, не позволяй себе свободного обращения; наблюдай скромность во всех отношениях[10].

119. На ночлеге прежде, нежели ляжешь спать, излей к Богу многие молитвы[11].

120. Сидя за трапезой, вспоминай грехи твои: этим охранишься от услаждения пищею при употреблении ее. Простирай руку только к тому, что предложено пред тобою, а к тому, что предложено пред другим, не простирай руки твоей[12].

121. Не отверзай уст твоих для смеха: это признак рассеянной и нерадивой души, чуждой страха Божия[13].

122. Увидев у ближнего одежду или пояс, или клобук, или какую другую вещь, не допусти себе пожелать чего-либо из этого; не исполни пожелания твоего, устраивая себе подобные вещи[14].

---

[1] Слово 1. ‖ [2] Слово 1. ‖ [3] Гал. 6. 7. ‖ [4] Слово 1. ‖ [5] Авве, то есть отцу, старцу или настоятелю. В древние времена значение этих обязанностей было почти равнозначащее, потому что власть настоятеля и управление им иноческого братства были чисто духовные. ‖ [6] Слово 1. ‖ [7] Слово 1. ‖ [8] Слово 1. ‖ [9] Слово 3. ‖ [10] Слово 3. ‖ [11] Слово 3. ‖ [12] Слово 3. ‖ [13] Слово 3. ‖ [14] Слово 3.

123. Приобретя книгу, не укрась ее изящным переплетом, потому что и в этом заключается удовлетворение сердечному пристрастию[1].

124. Если тебе дано рукоделие, то не занимайся им с небрежением; позаботься совершить его со страхом Божиим и не погрешить по неведению[2].

125. Обучаясь рукоделию, советуйся постоянно с обучающим тебя; не стыдись часто спрашивать его, говоря: «Окажи любовь, посмотри, хорошо ли я делаю, или нет?»[3]

126. По возвращении твоем в монастырь из отлучки, не рассказывай никому, что ты видел и слышал вне монастыря. И сам не удерживай этого в памяти[4].

127. Если будишь хранить слух, то не согрешишь языком[5].

128. Ежедневно утром встань от сна, прежде, нежели приняться за рукоделие, займись молитвою и словом Божиим[6].

129. Тот велик, кто оказывает послушание брату своему[7].

130. Если во время странствования твоего ты будешь принят кем-либо в дом, и принявший отлучится, оставив тебя одного, то не подыми очей твоих, чтоб осмотреть принадлежности дома; не позволь себе отворить окна, или какого ящика, или книги. Когда принявший тебя будет выходить, то попроси его, чтоб он, на время отсутствия его, дал тебе небольшое дело, и исполни это дело с усердием[8].

131. Хвали только то, в достоинстве чего ты удостоверился собственными глазами. О том, о чем только слышал, не говори как бы о виденном тобою[9].

132. Не окажи презрения к кому-либо по причине его телесного недостатка[10].

133. Встав для совершения твоего келейного молитвенного правила, не твори дела Божия с небрежением, чтоб вместо благоугождения Богу не прогневать Бога. Стой на молитве со страхом Божиим. Не восклоняйся на стену и не переставляй ног, стоя на одной и облегчая другую, как делают это невежи. Удерживай сердце твое, чтоб оно не скиталось по предметам пристрастия твоего, и Бог примет жертву твою[11].

134. В час приношения бескровной Жертвы обуздывай помышления и чувства твои. Стой в страхе Божием, чтоб причаститься Святых Таин достойно и получить исцеление от Господа[12].

[1] Слово 3. ‖ [2] Слово 3. ‖ [3] Слово 3. ‖ [4] Слово 3. ‖ [5] Слово 3. ‖ [6] Слово 3. ‖ [7] Слово 3. ‖ [8] Слово 3. ‖ [9] Слово 3. ‖ [10] Слово 3. ‖ [11] Слово 3. ‖ [12] Слово 3.

135. Оставляя тело твое в небрежении, остерегись, чтоб по поводу этого не вкралось в тебя тщеславие; юноше полезно небречь вполне о благообразии тела[1].

136. Юный отнюдь не должен носить хорошей одежды, доколе не достигнет в возраст мужа. Это служит врачевством от блудной страсти[2].

137. Никогда не позволь себе смеха до обнажения зубов[3].

138. Лицо твое, облеченное стыдливостию, да будет постоянно опущено к земле[4].

139. Ложась спать, будь опоясан поясом твоим, и приучи руки к тому, чтоб они не прикасались к наготе тела: тело совмещает в себе многие греховные ощущения и сообщает их сердцу[5].

140. Когда идешь, держи руки сложенными у пояса; не размахивай ими по обычаю мирян[6].

141. Идя в город или селение, держи глаза опущенными вниз, чтоб не получить чрез них повода к душевному смущению по возвращении твоем в келлию[7].

142. Странствуя, не ночуй в таком доме, в котором сердце твое ощущает опасность подвергнуться грехопадению. Если услышишь, что в том доме на трапезе в тобою будет присутствовать женщина, то никак не оставайся там. Полезнее для тебя оскорбить пригласившего отказом, нежели совершить прелюбодеяние в тайне сердца твоего. Не смотри даже на одежды женские, если это можно. Если на пути встретит тебя женщина и скажет тебе приветствие, восприветсятвуй ее, имея глаза опущенными к земле[8].

143. Если некоторые заговорят при тебе о таких греховных помышлениях, которые борют тебя, то уклонись и не слушай разговора, могущего усилить в тебе брань твою[9].

144. Понуждай себя к обильной молитве: молитва — свет для души[10].

145. Ежедневно рассматривай грехи твои, молись о них, и Бог простит их тебе[11].

146. Оставив родственников для жительства в пустыне, чтоб соделаться странником на земле ради Бога, не допускай сладостному воспоминанию о них действовать в тебе. Если начнет тревожить тебя сожаление об отце или матери, воспоминание о брате или сестре, жалость о детях, влечение к супруге, то вспомни неизбежную

[1] Слово 3. ‖ [2] Слово 3. ‖ [3] Слово 3. ‖ [4] Слово 3. ‖ [5] Слово 3. ‖ [6] Слово 3. ‖ [7] Слово 3. ‖ [8] Слово 3. ‖ [9] Слово 3. ‖ [10] Слово 3. ‖ [11] Слово 3.

смерть, когда никто из них не возможет помочь тебе. Почему ж не оставить их тебе ради добродетели?[1]

147. Хотя ты безмолвствуешь в келлии, но это не освобождает тебя от любви к брату твоему и не дает права отказать ему, если он попросит у тебя какой-либо вещи. Но если эта вещь у тебя не лишняя и ты имеешь в ней необходимую нужду, то не отдавай ее, чтоб из-за этого не расстроилось твое безмолвие. Лучше потерять один член, нежели все жительство[2].

148. Подвергшись ночью искушению мечтанием плотского совокупления, соблюди сердце твое при наступлении дня от воспоминания являвшихся тебе в мечтании изображений и от рассматривания их, чтоб не осквернитъся услаждением при таком рассматривании и не навлечь на себя гнева Божия. Повергни себя пред Богом от всего сердца твоего и Он, многомилостивый к немощам человеческим, поможет тебе[3].

149. Упражняясь в подвигах, не попусти сердцу твоему возложить упование на них; не сложись с мыслию, что они помогают тебе, но так скажи помыслу твоему: «О! когда бы Бог услышал меня, вопиющего к Нему из бедственного состояния моего злостраданием тела»[4].

150. Уединившись на безмолвие в келлию, установи себе употреблять постоянно такое количество пищи, которое бы удовлетворяло потребности тела, чтоб оно пребывало способным к подвигу, совершаемому ради Бога, и не понудило по причине изнеможения к выходам из келлии. Но никакого рода пищи, ни дорогой, ни дешевой, не вкушай по увлечению сластолюбивым пожеланием[5].

151. Если, при встретившейся нужде, посетишь брата или общежительный монастырь, то не допусти себе пресытиться каким-либо вкусным брашном, чтобы ты мог непринужденно возвратиться в келлию, и там, в келлии, тело твое не соделалось предателем твоим на основании допущенного ему наслаждения[6].

152. Если демоны будут склонять сердце твое к подвигу, превышающему силы твои, то не послушай их. Они разгорячают человека на всякое дело, которого он не может исполнить, — и он впадает в руки их; они радуются, обманув и уловив его[7].

153. Однажды в день употребляй пищу. Удовлетворяй потребности тела твоего, вставая, однако, из-за трапезы ненасыщенным, несколько алчущим, чтобы ты мог постоянно пребывать в благочестивом подвиге твоем[8].

[1] Слово 3. ‖ [2] Слово 3. ‖ [3] Слово 3. ‖ [4] Слово 3. ‖ [5] Слово 4. ‖ [6] Слово 4. ‖ [7] Слово 4. ‖ [8] Слово 4.

154. Бдения совершай с рассуждением, не отказывая телу в необходимом покое. Разумно и со смирением совершай благочестивый подвиг, чтоб от излишнего бдения не помрачилась душа и не оставила вовсе поприща. Достаточно употреблять половину ночи для бдения и половину для успокоения тела[1].

155. Прежде, нежели ляжешь спать, проведи два часа в молитве и псалмопении, потом усни. Когда же Господь возбудит тебя, встань и исполни молитвенное правило твое со тщанием. Если ощутишь леность в теле, скажи ему: «Неужели ты хочешь покоиться во время этой краткой жизни и потом навсегда быть ввергнутым во тьму кромешную?» Понудь себя немного, и вскоре придут бодрость и сила[2].

156. Если живешь близ многолюдного человеческого общества, удручая тело твое подвигами ради Бога, и за это люди будут почитать тебя, то оставь место и переселись в другое, чтоб подвиг твой не был тщетным[3].

157. Если увидишь, что пришло тебе желание посетить разные места, то удручи тело твое трудом и рукоделием более обыкновенного, чтоб оно научилось несмущенно пребывать в келлии и питаться хлебом от пота своего[4].

158. Если пойдешь в город продать рукоделие, то не препирайся о цене его, как то делают миряне. Продай, как придется, чтоб не утратить устроения, приобретенного в келлии[5].

159. Покупая что-либо нужное для себя, не торгуйся при этом, не скажи: «Не даю больше такой-то платы». Понудь себя дать столько, сколько просят. Если же не имеешь достаточного количества денег, то откажись в молчании от покупки. Может быть, при таком поведении возмутят тебя помыслы о необходимости вещи? Скажи помыслам: «Всячески со мною случилось то, чему подвергались все святые. Бог искушал их нищетою, доколе произволение их не оказалось верным. Тогда дано им было обилие»[6].

160. При встретившейся нужде сходить в то селение, где твоя родина, не обращайся свободно с твоими родственниками по плоти и не вмешивайся в их разговоры[7].

161. Взяв у брата какую-либо вещь на время, по нужде твоей, не обращайся с этою вещию небрежно; заботься о том, чтоб скорее возвратить ее в целости. Если это — орудие, которым производится какая-либо работа, то отдай его тотчас по окончании работы.

[1] Слово 4. ‖ [2] Слово 4. ‖ [3] Слово 4. ‖ [4] Слово 4. ‖ [5] Слово 4. ‖ [6] Слово 4. ‖ [7] Слово 4.

Если изломаешь или испортишь его — поправь или замени новым и лучшим[1].

162. Ссудив чем-либо по возможности твоей бедного брата, деньгами или одеждою, и видя, что он не в состоянии отдать, не огорчи его, не требуй настоятельно возвращения данной вещи[2].

163. Каждый помысл, производящий в тебе брань, открывай наставнику твоему, и облегчится брань твоя. Из-за стыда не позволь себе скрыть ни одного такого помысла, потому что демоны находят себе место только в том человеке, который утаивает свои помыслы, как благие, так и лукавые[3].

164. Если брат, по неразумию, обольстится учением еретиков и уклонится от православной веры, но потом, одумавшись, опять возвратится к ней, то не окажи ему презрения, потому что он впал в заблуждение по неведению[4].

165. Не дозволь себе вступать в беседу с еретиками под предлогом защищения веры, чтоб не уязвил тебя яд, которым пропитаны слова их[5].

166. Нашедши еретическую книгу, не дозволь себе прочитать ее, чтоб не наполнилось сердце твое ядом смертоносным. Пребывай в том учении, которым просветила тебя Святая Церковь, ничего не прибавляя к нему и не убавляя из него. Охранись от *лжеименнаго разума,* который *здравому учению противится,* как говорит Апостол[6].

167. Юный инок! не стяжав полного обучения в подвиге телесном и услышав о высоких добродетелях отеческих, не устремись безрассудно к стяжанию их, полагая приобрести их непосредственно и без предварительного обучения в телесном подвиге. Не приобретешь их, не предуготовив и не возделав себя. Если же предуготовишь, тщательно возделав себя телесным подвигом, то добродетели эти придут к тебе сами собою[7].

168. Охраняйся от лености: она истребляет весь плод трудов монаха.

169. Подвизаясь против страстей и душевных возмущений, не ослабевай, но повергни себя пред Богом, говоря от искренности сердца: «Господи! не могу противиться им сам собою: пошли Твою помощь». И успокоишься[8].

170. Если в то время, как безмолвствуешь в келлии, начнут посеваться в сердце твоем семена скверны (плотское вожделение),

---

[1] Слово 4. ‖ [2] Слово 4. ‖ [3] Слово 4. ‖ [4] Слово 4. ‖ [5] Слово 4. ‖ [6] *...лжеименного разума... противно здравому учению* (1 Тим. 6. 20; 1. 10). ‖ [7] Слово 4. ‖ [8] Слово 4.

смотри, противостань этому влечению души твоей, чтоб оно не возобладало тобою. Постарайся вспомнить Бога и то, что Он соприсутствует тебе, что открыто пред Ним помышляемое тобою в сердце твоем. Скажи душе твоей: «Если ты стыдишься подобных тебе грешников и боишься, чтоб они не увидели грехов твоих, тем более должно стыдиться и страшиться Бога, пред Которым открыто все». От такого размышления возбуждается в душе страх Божий. Когда утвердишься в нем, страсти перестанут колебать тебя, как и Писание свидетельствует: *надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится во век живый во Иерусалиме*[1].

171. Да не возрадуется сердце твое, если при подвиге, в брани против восставших на тебя страстей и духов, заметишь, что она ослабевает и отступает от тебя. Главнейшие силы злобных духов обыкновенно становятся в их задних рядах. Обращаясь в бегство передовыми полками, духи вместе с этим приготовляют сражение более лютое, нежели каким было первоначальное столкновение. Они ставят засаду в стороне от города, отдав ей приказание не трогаться с места, а сами, при наступлении твоем на них подвигом, бегут от тебя, притворяясь изнемогшими пред тобою. Когда же сердце твое превознесется гордостию и ты возомнишь, что прогнал их, что город почти в твоих руках, тогда бежавшие внезапно останавливаются пред лицом твоим, а скрывавшиеся в засаде подымаются из нее в тыл тебе; несчастная душа, окруженная ими отвсюду, не имеет возможности спастись куда-либо бегством. Город, в котором можно найти убежище при таком бедствии, — Бог. Повергни себя от всего сердца пред Ним: Он спасет тебя от всех искушений вражеских.

172. Если ты молишь Бога, чтоб Он освободил тебя от угнетающей тебя греховной брани и пребываешь не услышан Богом, то не впади от этого в печаль. Лучше тебя знает Бог полезное тебе. Молясь Богу во время брани, не скажи: «Освободи меня от того-то или даруй мне то-то». Говори в молитве твоей так: «Господи Иисусе Христе! помоги мне, не допусти меня, заблудшего, пребывать в грехе моем; не допусти грехам моим погубить меня; умилосердись над созданием Твоим. Я немощен: не презри меня! *К Тебе прибегох*: не оставь меня; *исцели душу мою, яко согреших Ти. Пред Тобою вси стужающии ми*, и нет мне, Господь мой, иного прибежища, кроме Тебя. Господи! спаси меня по великой милости Твоей:

[1] *Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется, пребывает вовек* (Пс. 124. 1). Слово 4.

да постыдятся и посрамятся вси возстающии против меня, *ищущии душу мою, изъяти ю*[1]. Господи! все возможно Тебе, и Тобою славим Бога-Отца и Бога-Святого Духа вовеки». Тогда совесть твоя скажет таинственно сердцу, по какой причине Бог не внимает прошению твоему. От тебя уже зависит не пренебречь внушением совести и исполнить то, что она предлагает исполнить. Ведай, что Бог не внимает молитве только такого человека, который сам оказывает преслушание Богу. Бог близок к каждому человеку, но исполнение нами пожеланий наших, противных Его воле, не допускает Его услышать нас. Не попусти самообольщению обмануть тебя! Как земля не может принести плода сама собою, не будучи засеяна и орошена водою, так и человек не может принести духовного плода без *злострадания,* производимого подвижническою жизнию, и без *смиренномудрия*[2].

Под словом *злострадания* разумеются телесные подвиги и лишения. Иго подвигов и лишений непременно должен возложить на себя инок, желающий освободиться из-под власти страстей. Подвиги и лишения не должны превосходить законной меры, то есть должны не превышать сил и не разрушать здоровья; иначе безмерием можно повредить и погубить все жительство. Законная мера удовлетворению требованиям тела состоит в том, чтоб давать ему одно нужное и не давать служащего единственно к наслаждению и неге, не давать того, чего ищет одно прихотливое пожелание. Это относится ко всем родам удовлетворения телесных необходимостей: к пище, сну, одежде, келейным принадлежностям, к самой келлии. От удовлетворения прихотливых пожеланий являются в теле изнеженность, плотское и сладострастное ощущение и настроение, сообщаемые телом сердцу, а сердцем душе и уму. Тогда начинает преобладать в человеке плотская жизнь, подавляя стремления духа и доставляя страстям беструдную победу.

173. Бог сотворил сперва все видимое и невидимое, потом человека. Сотворил Он человека по образу и по подобию Своему, почтил достоинством царя над видимою тварию и поместил в раю. Чувства человека были в состоянии непорочности, соответственно непорочному естеству его. Когда же он послушался обольстителя, тогда чувства его извратились, перешли в состояние противоестественное; человек извергнут из состояния славы. Господь, по великой любви Своей к нашему роду, сотворил милость

[1] *Да постыдятся и посрамятся все, ищущие погибели душе моей* (Пс. 39. 15). ‖
[2] Слово 4.

с ним. *Слово плоть бысть*[1], бысть человек в полном смысле слова, подобный нам по всему, кроме греха. В Себе Он возвратил извращенное естество к естеству первобытному; таким образом Он спас человека. Он отверз ему заключенный рай, оживляя Святым Воскресением последователей Своих, ходящих в заповедях, преподанных Им человечеству. Он даровал нам силу победить тех, которые лишили нас славы нашей. Он предал нам святое служение Богу и закон чистый, чтоб человек, при посредстве их, мог восходить в то естественное состояние, в котором сотворен Богом. Произволяющий прийти в естественное состояние отсекает все плотские пожелания свои, чтоб доставить естественное преобладание духу над плотию[2].

174. Имеется естественное вожделение, без которого невозможна любовь к Богу. Это вожделение превращено врагом в страстное похотение[3].

175. Имеется естественная ревность, без которой невозможно преуспеяние в деле Божием. Эта ревность изменилась в противоестественную, и мы ревнуем друг против друга, завидуем друг другу и лжем друг на друга[4].

176. Имеется естественный гнев, без которого невозможно приобрести чистоту; невозможно приобрести ее, если не будем гневаться на все, всеваемое в нас врагом. Этот гнев заменен в нас гневом на ближних по самым ничтожным, ничего не значащим поводам[5].

177. Имеется естественная ненависть, и без ненависти к греху и демонам не открывается слава души. Эта ненависть превратилась в нас в противоестественную ненависть к ближнему. Увлекаемые ею, мы заражаемся отвращением к ближнему; она изгоняет из человека все добродетели[6].

178. Естественно духу нашему возвышенное ощущение презрения к врагам-демонам; но это ощущение извратилось; мы преклонили выю пред демонами, а превозносимся один над другим, уязвляем друг друга, каждый признавая себя праведнее ближнего. Гордостию нашею мы соделываем Бога врагом нашим[7].

179. Все эти свойства созданы с человеком и превратились в постыдные страсти с того времени, как человек отравил себя преслушанием Богу[8].

---

[1] ...*Слово стало плотью* (Ин. 1. 14). ‖ [2] Слово 2. ‖ [3] Слово 2. ‖ [4] Слово 2. ‖ [5] Слово 2. ‖ [6] Слово 2. ‖ [7] Слово 2. ‖ [8] Слово 2.

180. Приложим всевозможное попечение устранить из себя страсти и восстановить в себе свойства человеческие в том состоянии, в котором явил их в Себе Господь наш Иисус Христос. Он — свят и обитает в одних святых[1].

181. Будем пребывать в страхе Божием, храня и соблюдая добродетели исполнением их на деле, не поступая ни в чем против совести нашей, но внимая себе в страхе Божием, доколе и совесть не стяжет свободы вместе с нами, доколе не установится соединение между нею и нами. С того времени она соделается хранителем нашим, показывая нам каждое преткновение наше. Если же не будем повиноваться ей, то она умолкнет и оставит нас, мы впадем в руки врагов наших, которые уже не пощадят нас[2].

182. Господь научает: *буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним, да не предаст тебе соперник судии, и судия предаст тя слузе, и в темницу ввержен будеши. Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуда, дондеже воздаси последний кодрант*[3]. Объясняют Отцы, что соперником названа здесь совесть, как сопротивляющаяся человеку, когда он захочет исполнять пожелания падшего естества. Если человек не окажет ей повиновения, то она, по праведному Суду Божию, предает его врагам-демонам[4].

183. Пророк Осия с плачем говорил о израильском племени Ефрема: *соодоле Ефрем соперника своего, и попра суд: Египта моляше* (искать помощи у Египта), *и во ассирианы взят бысть*[5] насильно. Ефрем, ищущий помощи у египтян, изображает собою сердце, стремящееся к исполнению плотских пожеланий; взятием Ефрема в страну ассириан изображается порабощение сердца демонам уже против воли его. Невольное бывает следствием произвольного[6].

184. Приложим попечение о себе, чтоб не впасть в руки врагов наших, то есть чтоб не возобладала над нами воля плоти нашей и не увлекла нас насильно в страну ассириан, чтоб не раздалась о нас горестная весть: «Совершил царь Ассирийский нашествие на землю Израильскую, переместил племя Ефрема из отечества его в страну ассирийскую, поселил там на реках Алои и Аворе[7]. Там они и до сего дня». Постигло бедствие Ефрема за то, что он поступал вопреки представлениям соперника-совести и *попрал суд*[8].

---

[1] Слово 2. ‖ [2] Слово 4. ‖ [3] *Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта* (Мф. 5. 25, 26). ‖ [4] Слово 4. ‖ [5] *Угнетен Ефрем, поражен судом... Зовут египтян, идут в Ассирию* (Ос. 5. 11; 7. 11). ‖ [6] Слово 4. ‖ [7] Цар. 7. ‖ [8] Слово 4.

185. Тому, кто начинает служение Богу, открывается лишь образ добродетелей — поверхностное понимание их. Если он не вступит в подвиг самым делом, то не возможет приблизиться к Богу посредством деятельного и существенного понимания добродетелей[1].

186. Если человек не совершит подобающего телесного подвига вполне, то истинное видение не открывается ему[2].

187. Слепота очей первой супруги патриарха Иакова[3] знаменует, что человек не способен быть зрителем славы истинного видения, когда он еще находится в училище телесного подвига, хотя и правильного; в это время враги еще продолжают примешивать человекоугодие в дела подвижника и держать его в слепоте[4].

188. Когда он при посредстве удовлетворительного телесного подвига подчинит чувства власти духа и освободится от страстей: тогда истинное видение открывается во всей славе уму[5].

189. Телесные труды охраняют человека от врагов его, грехов и демонов; истинное видение совокупляет его с Богом[6].

190. Когда ум достигнет видения Божественной славы, тогда он делается страшным для врагов. Хотя Исав, полный ярости, и вышел навстречу Иакову, возвращавшемуся в отечество, но смиренномудрие Иакова погасило злобу противника, и Исав не сделал задуманного нападения на Иакова[7]; так и враги-демоны, хотя неистовятся на человека, но не могут совершить над ним насилия, видя великую славу, объемлющую его в то время, когда он повергается пред Богом. Бог уже соделался помощником его, как сказано в Писании: ***востани и изыди от земли сея, и иди в землю рождения твоего, и буду с тобою***[8].

191. Когда, наконец, человек пройдет поприще борьбы и получит защиту от Бога, тогда он достигает мира души, устрояет жертвенник и возносит на нем приношения из имущества, приобретенного продолжительными трудами подвижничества[9].

192. Когда человек начнет удаляться от исполнения пожеланий своих, перестанет согрешать и прибегнет к Богу, тогда, во-первых, вооружается против него уныние. Оно усиливается возвратить его к прежним грехам и прогоняется прилежным памятованием Бога. Памятование Бога рождается от воздержания. К сохранению воздержания способствует телесный труд. Этими средствами

---

[1] Слово 4. ‖ [2] Слово 4. ‖ [3] Быт. 29. ‖ [4] Слово 4. ‖ [5] Слово 4. ‖ [6] Слово 4. ‖ [7] Быт. 33. ‖ [8] ***...встань, выйди из земли сей; и возвратись в землю родины твоей*** (Быт. 31. 13). Слово 4. ‖ [9] Слово 4.

побеждает духовный Израиль. Тогда он воздает благодарение Богу: «Я немощен,— говорит он,— Ты — Господь мой, помощник мой от рода в род»[1].

193. Если ум не будет тщательно бодрствовать над чувствами, если не будет пребывать в трезвении, то не возможет вкусить духовного бессмертия (воскресения из смерти душевной), возносящего в славу, которую открывает Бог подвижнику, удостоившемуся этого бессмертия. Признак духовного бессмертия состоит в том, когда подвиги наши соделаются чистыми и постоянными, когда мы престанем возвращаться к тем грехам, о прощении которых молились[2].

194. Когда Бог примет подвиг человека и он очистится от примеси греховной, тогда не возмогут устоять против человека враги его. Когда они увидят, что человек уже ни в чем не исполняет воли их, тогда отступают от него сами собою[3].

195. Против воли человека Божия демоны усиливаются насевать в нем семена греховные, но не могут привести намерения своего в исполнение. Они делают все, что могут; но человек Божий не оказывает им повиновения, потому что сердце его, пребывающее в воле Божией, не соизволяет воле демонов[4].

196. Стяжавших духовное бессмертие посредством благочестивого подвига оно сохраняет от всех стрел врага. Стяжавшие бессмертие удостоились этого дара по той причине, что непрестанно прибегали под покров Божий, умоляя Бога помочь им и не надеясь ни на какой подвиг свой. Покров Божий соделался для них городом, обнесенным твердейшими стенами. Они ведали, что без Божественной помощи, сами по себе, не имеют никакой силы, и потому от действовавшего в них смиренномудрия исповедывали с Псалмопевцем: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий*[5].

197. Когда увидит Бог, что вполне предался Ему ум человека и не ищет помощи ни от кого другого, кроме как от единого Бога,— тогда укрепляет его, говоря: *не бойся, сыне Мой, Иакове, рабе Мой, Израилю, не бойся, яко избавих тя, прозвах тя именем твоим: яко Мой еси ты. И аще преходиши сквозе воду, с тобою есмь, и реки не покрыют тебе: и аще сквозе огнь пройдеши, не сожжешися, и пла-*

---

[1] Слово 4. ‖ [2] Слово 4. ‖ [3] Слово 4. ‖ [4] Слово 4. ‖ [5] *Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строющие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж* (Пс. 126. 1). Слово 4.

мень не опалит тебе. Яко Аз Господь Бог твой, Святый Израилев, спасаяй тя[1].

198. Путешествуя вместе, обращайте внимание на того, кто между вами немощнее других; оказывайте ему снисхождение, когда ему нужно будет посидеть немного или вкусить пищи прежде назначенного часа[2].

199. Когда выйдете на общее послушание, каждый из вас да наблюдает за собою, а не за братом своим. Не дерзни учить брата или приказывать ему![3]

200. Если скажет брат: «Окажите любовь, научите меня этому делу; я не знаю его», то знающий не должен отговариваться незнанием. Такое смирение не благоугодно Богу[4].

201. Увидя, что брат делает свое дело недостаточно, не скажи ему, что он не так делает или портит. Но если он будет просить тебя, чтоб ты оказал ему любовь и научил его, а ты не исполнишь просьбы его, промолчишь, то покажешь этим, что в тебе живет не любовь Божия, а лукавство[5].

202. Если брат сварит пищу, и сварит ее не довольно хорошо, то не скажи, что он сварил худо. Таким отзывам нанесешь вред душе твоей. Подумай, как тяжело было бы тебе выслушать подобный отзыв от другого, и успокоишься[6].

203. Если совершаете псалмопение вместе и читающий ошибется в слове, не замечайте ему этого тотчас; не смутите его, хотя бы он и пропустил что. Когда же он попросит, чтоб его поправили, то сделайте это с любовию[7].

204. Не поступайте ни в каком случае дерзко. Самый наружный образ ваш да служит назиданием. В особенности же да служит назиданием ваше молчание, и явное и в духе[8].

205. В том, кто расслаблен по жительству, гнездятся все страсти по причине праздности сердца его и потому, что он не видит грехов своих[9].

206. В смиренномудром сердце пребывают: Божественное заступление, надежда, кротость, бодрствующая совесть, отвержение своей воли и понуждение себя ко всему благому. В сердце

---

[1] *Ныне же так говорит Господь, сотворивший тебя, Иаков, и устроивший тебя, Израиль: не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя. Ибо Я Господь, Бог твой, Святый Израилев, Спаситель твой* (Ис. 43. 1–3). Слово 4. ‖ [2] Слово 5. ‖ [3] Слово 5. ‖ [4] Слово 5. ‖ [5] Слово 5. ‖ [6] Слово 5. ‖ [7] Слово 5. ‖ [8] Слово 5. ‖ [9] Слово 5.

ожесточенном пребывают высокомудрие, любопрение, предпочтение себя ближним, попрание совести, пренебрежение к скорби огорченного тобою брата, когда кто говорит: «Какое мне дело до того, что он скорбит»[1].

207. Благоприятны Богу добродетели, совершаемые втайне[2].

208. Если ты живешь с братиею и помысл начнет предлагать тебе, чтоб ты возложил на себя особенное воздержание в пище, то скажи помыслу: «Немощной брат, живущий со мною, есть господин мой». Если же ты хочешь непременно воздерживаться более других, то уединись в отдельную келлию, а не огорчи немощного брата твоего[3].

209. Не делайте того, чем, по соображению вашему, оскорбится брат ваш, узнав, что вы сделали это[4].

210. Если имеешь в чем нужду, а брат не догадывается дать тебе это, не скорби на него, говоря: «Почему он сам не догадался дать». Скажи ему с доверчивою простотою: «Окажи любовь, дай мне то или то, потому что я имею в том нужду». Такова святая искренность сердца. Если же не скажешь, но будешь роптать и укорять брата в сердце твоем, то подвергнешься осуждению[5].

211. Если возникнет между вами вопрос о значении какого-либо из изречений Писания, то знающий значение этого изречения да объяснит его смиренно, по силе своей, не настаивая на своем мнении, и да успокоит брата с любовию[6].

212. Главное, чего мы должны искать, состоит в том, чтоб мы смирялись пред братиею нашею[7].

213. Помышляющий непрестанно о том Суде, на который он должен некогда предстать, предлагает всеусильное попечение, чтоб не заградились тогда недоумением уста его, чтоб в страшный этот час он не оказался не имеющим никакого оправдания[8].

214. Не любопытствуйте и не расспрашивайте о суетных делах мира[9].

215. По чистоте вашей будьте жертвенником Божиим; соделайте священником внутреннего человека. Всегда да приносит он кадило и утром и вечером, чтоб жертвенник никогда не оставался вне фимиама. Понуждайте себя постоянно пребывать в молитве и молении пред Господом, да дарует вам простоту и незлобие и да отымет от вас противоположные этим добродетелям: лукавство, бесовскую злохитрость, любопытство, самолюбие и злобу. Этими страстями уничтожается весь духовный плод в тех, которые увлекаются ими[10].

---

[1] Слово 5. ‖ [2] Слово 5. ‖ [3] Слово 5. ‖ [4] Слово 5. ‖ [5] Слово 5. ‖ [6] Слово 5. ‖ [7] Слово 5. ‖ [8] Слово 5. ‖ [9] Слово 5. ‖ [10] Слово 5.

216. Совершенство всего жительства монашеского заключается в том, когда человек достигнет страха Божия в духовном разуме и внутренний слух его начнет внимать совести, направленной по воле Божией. Такой человек таинственно научится более, нежели извне словами. В ком нет этого домовладыки, тот достоин всякого сожаления: душа его управляется одною волею плоти; демоны по произволу своему влагают мысли, какие хотят; сердце его находится не в его власти, но во власти врагов[1].

217. Если кто живет единодушно с отцом или братом, тот должен хранить совесть по отношению к ним и не входить в общение с кем-либо посторонним по какому-либо предмету. Во всем он должен пребывать в общении единственно с теми, с кем живет. В этом мир и повиновение[2].

218. Живя с отцом или братом, не заведи тайно от них дружбы с кем-либо, не пиши писем к кому-либо тайно от них, желая, чтоб они не знали, потому что этим можешь погубить и себя и их[3].

219. Живя со старшим тебя, не позволь себе, не спросив его прежде, оказать благодеяние нищему. Не сделай этого тайно[4].

220. Если вопрошаешь о помысле твоем, то вопроси прежде, нежели исполнишь его. Спроси о нем в то самое время, как он борет тебя, будет ли то помысл о перемещении, или об обучении какому рукоделию, или о перемене рукоделия, или о вступлении в сожительство с некоторыми братиями, или о разлуке с ними. Вопрошай свободно о всем этом прежде, нежели приведешь помысл в исполнение[5].

221. Открывай могущему уврачевать тебя недуги души твоей и страсти, восстающие в теле твоем; открывай не как неповинный ни в чем, но как уязвленный, чтоб получить исцеление от недуга[6].

222. Советуясь о помыслах твоих, не допусти себе лицемерства, говоря не прямо то, что следует сказать, или говоря о своем проступке, как бы о проступке другого. Скажи истину и приготовься исполнить услышанное. Покушаясь обманывать старцев, которых вопрошаешь, ты будешь обманывать не их, а самого себя[7].

223. Вопросив старцев о твоей внутренней борьбе, не послушай помыслов, которые будут советовать тебе, чтоб ты изменил совет старцев каким-либо своим пополнением[8].

224. Прежде, нежели вопросишь старцев, помолись Богу, говоря: «Господи Боже мой! сотвори со мною милость и внуши отцам

[1] Слово 5. ‖ [2] Слово 5. ‖ [3] Слово 5. ‖ [4] Слово 5. ‖ [5] Слово 5. ‖ [6] Слово 5. ‖ [7] Слово 5. ‖ [8] Слово 5.

дать мне ответ по воле Твоей». Помолившись так, спроси отцов, что они скажут, исполни с верою, и Бог успокоит тебя[1].

225. Может случиться, что, живя с братиею, ты захочешь оставить их, не обретая покоя в сожительстве с ними по какой-нибудь причине: или по причине не свойственных тебе работ, или по причине притеснений, или по недостатку в разных удобствах, или по унынию, которого не можешь претерпеть, или по желанию жительства в безмолвии, или будучи не в силах подчиняться послушанию, или потому, что не можешь исполнять своей воли, или по недостатку в нужных для тебя потребностях, или по желанию возложить на себя подвиги, или потому, что ты немощен и не можешь выносить трудов общежития, словом, по какой бы то ни было причине, побуждающей сердце твое к перемещению. Смотри: не сделай этого опрометчиво, не уйди с огорчением, как бы свергая иго рабства, не убеги тайно в скорби, не удались из среды размолвки, чтоб не унести с собою памятозлобия на братство. Избери для отшествия твоего время общего спокойствия, и, по исшествии твоем, сердце твое пребудет в мире[2].

226. Переместившись куда-либо, возлагай причину удаления твоего из прежнего места на самого себя, не оговаривая братий, с которыми жил прежде. Не послушай врагов-демонов, внушающих тебе порицанием братий прикрыть себя, извратить благое отношение их к тебе и представляться обиженным. Если поступишь так, то не устоишь против врагов твоих на вновь избранном месте[3].

227. Пришедши на новое место, не решайся тотчас устроить себя в нем, не рассмотрев его положения. Если ты благоразумен, то в продолжение немногих дней узнаешь, душеполезно ли или душевредно остаться там[4].

228. Безмолвствуя в келлии, если ты возложил на себя какой-либо особенный подвиг, например, употреблять пищу не раньше известного часа, или не есть вареной пищи, или что-либо другое, то во время твоего путешествия, сидя с другими за трапезой, остерегись сказать: «Прости меня, я не употребляю этой пищи». Поступив таким образом, ты сделаешь весь подвиг твой суетным, предав его тщеславию. Господь повелел нам делать это втайне, чтоб Отец наш воздал нам явно[5]. Любящий труды свои хранит их, чтоб они не были тщетны[6].

229. Всякий недостаток и всякую погрешность брата, известные тебе, старайся предавать забвению; да не отверзутся уста твои ска-

---

[1] Слово 5. ‖ [2] Слово 5. ‖ [3] Слово 5. ‖ [4] Слово 5. ‖ [5] Мф. 6. 14, 18. ‖ [6] Слово 5.

зать о них что-либо прочей братии, потому что этим нанесешь тяжкую язву душе твоей[1].

230. Устремляй внимание не к угождению себе, но к Суду Божию; во всяком деле твоем имей Бога пред очами[2].

231. Поместившись для жительства в каком-либо месте один, по собственному избранию, или пришедши туда к братии, уже живущей там, и увидев там рукоделия и занятия, приносящие вред душе или не свойственные монашеству, не дерзни отворить уст твоих для обличения их; уйди в другое место, если не обретешь душевного спокойствия в этом месте. Перейдя в другое место, не злословь братию, оставленную тобою; иначе нанесешь величайший вред душе твоей[3].

232. Если ты немощен и преклонен к страстям, то не допускай братиям открывать тебе приходящие им страстные помыслы, как бы достигшему бесстрастия: потому что такое занятие соделается гибельным для души твоей[4].

233. Во дни наши карает вселенную гнев Божий. Слыша это, не смущайтесь. Вразумляйте сердца ваши таким рассуждением: «Что значат эти скорби в сравнении с адскими муками, которым предадут нас за грехи наши»[5].

234. Хотящие безмолвствовать душеполезным безмолвием должны внимательно охранять себя от всего, чем окрадывается безмолвие, не терять времени, предаваясь мысленным пленениям и горькому порабощению в духе, увлекающим сердца безмолвников в не свойственное им мысленное занятие, при котором оставляется плач о грехах своих[6].

235. Расположение к любопытному исследованию Писания приводит ко вражде и спорам, а плачем о грехах доставляется мир[7].

236. Монаху, безмолвствующему в келлии, вменяется в грех, если он, оставя плач о грехах своих, обратится к пытливому исследованию Писания[8].

237. Кто вдастся в объяснение Писания, не стяжав предварительно духовной свободы, тот поработился страсти любопытства и сильному увлечению мысленным пленением[9].

238. Кто бодрствует, стараясь не увлекаться пленением, тот любит непрестанно повергать себя пред Богом в сокрушении сердца[10].

---

[1] Слово 5. ‖ [2] Слово 5. ‖ [3] Слово 5. ‖ [4] Слово 5. ‖ [5] Слово 5. ‖ [6] Слово 6. ‖ [7] Слово 6. ‖ [8] Слово 6. ‖ [9] Слово 6. ‖ [10] Слово 6.

239. Кто хранит и исполняет слова Божии как должник, тот познал Бога[1].

240. Доколе ты еще умоляешь Бога о помощи, чтоб Он пришел и спас тебя от греха, дотоле не ищи высоких дарований Духа; дарования Божии приходят сами собою, когда место, то есть сердце, соделается чистым, чуждым всякой скверны[2].

241. Утверждающийся на своем разуме и последующий своей воле соделывается жилищем духа неприязни и непричастным того Духа, от Которого рождается сокрушение сердца[3].

242. Кто понимает и исполняет слова Писания по своему разуму, настаивая упорно, что именно так должно понимать и исполнять их, тот не ведает славы и богатства Божиих. Напротив того, кто, и понимая, говорит: «Не знаю с точностию слова Божия, потому что я ограниченный человек», тот воздает славу Богу. В нем будет обитать слава Божия, соответственно его преуспеянию и смиренномудрию[4].

243. Не советуйся о помыслах твоих со всеми; советуйся о них только с отцами твоими. Иначе навлечешь себе скорбь и смущение[5].

244. Язык твой да упражняется в словах Божиих разумно, — и ложь отбежит от тебя[6].

245. От любви к славе человеческой рождается ложь[7].

246. Страх Божий возрастает и усиливается в сердце того человека, который отражает от себя славу человеческую смиренномудрием[8].

247. Не ищи дружбы с славными мира, чтоб слава Божия не погасла в сердце твоем[9].

248. Простота и невменяемость очищают сердце от лукавства[10].

249. Кто ведет себя лукаво в отношении к брату своему, тот не возможет избежать печали сердечной[11].

250. Кто имеет одно в сердце, а другое на языке по лукавству, того молитва и подвиги — суетны. С такими не своди знакомства, чтоб не заразиться их ядом и скверною. Друзьями твоими да будут незлобивые, и соделаешься участником их чистоты и славы[12].

251. Три добродетели постоянно охраняют ум, постоянно необходимы ему: естественная ревность, мужество и отвержение лености[13].

252. Три добродетели, когда ум увидит их в себе, служат для него признаком, что он достиг бессмертия: рассуждение, различающее

---

[1] Слово 6. ‖ [2] Слово 6. ‖ [3] Слово 6. ‖ [4] Слово 6. ‖ [5] Слово 6. ‖ [6] Слово 6. ‖ [7] Слово 6. ‖ [8] Слово 6. ‖ [9] Слово 6. ‖ [10] Слово 6. ‖ [11] Слово 6. ‖ [12] Слово 6. ‖ [13] Слово 7.

добро от зла во всех случаях, благовременное предусмотрение и добра и зла, свобода от внешнего влияния.

253. Четыре добродетели имеют свойство очищать душу: молчание, хранение заповедей, устранение излишеств и смиренномудрие.

254. Ум постоянно нуждается в следующих четырех добродетелях: в повержении себя пред Богом неоскудною молитвою, в умерщвлении беспристрастием ко всякому человеку, в полном отвержении осуждения ближних, в стяжании глухоты к словам, которыми обольстительно говорят страсти.

255. Четыре добродетели доставляют юности Божию помощь: непрестанное поучение, сердечное болезнование, бдение и невменяемость[1].

256. Четыре недостатка в поведении оскверняют душу: хождение в город и нехранение там очей, дружеское знакомство с женщиною, дружеское знакомство с славными мира, частые беседы с родственниками и пристрастное расположение к ним[2].

257. Четыре недостатка в поведении возбуждают блуд в теле: насыщение сном, насыщение пищею, смех и шутки, украшение тела[3].

258. Четыре недостатка в поведении соделывают душу бесплодною: прехождение с места на место, расположение к житейским попечениям, любовь к имуществу и скупость[4].

259. Тремя добродетелями, трудно приобретаемыми, сохраняются все прочие: сокрушением сердца, плачем о грехах и непрестанным памятованием смерти, как бы уже представшей[5].

260. Три порока не престают обладать душою, доколе она не достигнет меры совершенства. Эти пороки не престают отторгать ум от добродетели. Они суть: пленение, леность и забывчивость[6].

261. Забывчивость борется с человеком до последнего издыхания его и вводит его в подвиг. Она упорнее всех страстей и родительница всех зол; она ежечасно разрушает то, что человек созидает[7].

262. Отрекшись от мира и посвятив себя Богу покаянием, не допусти смутить тебя помыслу, если он будет представлять, что ты не получишь прощения в соделанных тобою согрешениях. Но опять не пренебрегай заповедями Божиими, обращаясь к прежним грехам; иначе они не простятся[8].

[1] Слово 7. ‖ [2] Слово 7. ‖ [3] Слово 7. ‖ [4] Слово 7. ‖ [5] Слово 7. ‖ [6] Слово 7. ‖ [7] Слово 7. ‖ [8] Слово 7.

263. Не употребляй пищи с женщинами, и не вступай в близкое знакомство с юными[1].

264. Одеваясь и раздеваясь, не давай свободы глазам твоим[2].

265. Не оставляй молитвенного правила, чтоб не впасть в руки врагов твоих[3].

266. Прилежи псалмопению, оно сохранит тебя от осквернения мечтанием греховным[4].

267. Люби телесные подвиги и лишения, — и укротятся в тебе страсти[5].

268. Постарайся не вменять себя ни в каком случае: это доставит тебе возможность предаться плачу о грехах твоих[6].

269. Хранись от лжи; она изгоняет страх Божий из человека[7].

270. Не открывай помыслов твоих пред всеми, чтоб это не послужило причиною преткновения для ближнего твоего[8].

271. Открывай помыслы твои отцам твоим, — и благодать Божия покроет тебя[9].

272. Тщательно занимайся рукоделием твоим, — и страх Божий будет сожительствовать тебе[10].

273. Не увлекись усладительным воспоминанием соделанных тобою согрешений, чтоб ощущение этих согрешений не обновилось в тебе[11].

274. Возлюби смирение; оно покроет тебя от грехов твоих[12].

275. Не будь спорлив, чтоб не соделаться жилищем всякого зла[13].

276. Предай сердце твое в послушание отцам твоим, и благодать Божия будет обитать в тебе[14].

277. Безмолвствуя в келлии, особливо заботься о трех деланиях: о молитве, о поучении и о рукоделии[15].

278. Живи так, как бы каждый день, переживаемый тобою, был последним в жизни, — и не согрешишь пред Богом[16].

279. Не дозволяй себе насыщения, особливо пресыщения пищею, чтоб не возобновились в тебе прежние согрешения[17].

280. Не предайся унынию и лености в каком-либо виде подвига, чтоб не вступило в тебя действие врага[18].

281. Тщательно упражняйся в Божественном поучении, и вскоре Бог сотворит обитель Свою в тебе[19].

---

[1] Слово 9. || [2] Слово 9. || [3] Слово 9. || [4] Слово 9. || [5] Слово 9. || [6] Слово 9. || [7] Слово 9. || [8] Слово 9. || [9] Слово 9. || [10] Слово 9. || [11] Слово 9. || [12] Слово 9. || [13] Слово 9. || [14] Слово 9. || [15] Слово 9. || [16] Слово 9. || [17] Слово 9. || [18] Слово 9. || [19] Слово 9.

282. Как разрушенный дом, стоящий вне города, делается местом всякой нечистоты, так и душа монаха, предавшегося лености, делается жилищем всех постыдных страстей[1].

283. Принудь себя к обильным молитвам, соединенным с плачем, — и Бог, в свое время, умилосердится над тобою, совлечет с тебя ветхого, согрешающего человека[2].

284. Совокупи в своем подвиге труд, нищету, странничество и молчание: от них рождается смирение, а при посредстве смирения получается прощение всех грехов[3].

285. Монах обязан держать двери душевные заключенными, хранить все чувства свои, чтоб не подвергаться чрез них падениям, и удаляться от тех, которые вовлекают его в разговоры о суетных предметах преходящего мира[4].

286. Сердце не возможет соделаться и пребыть жилищем Божиим, если не будет ограждено смирением и целомудрием, если не будет чуждым и других пороков. Невозможно служить вместе Богу и страстям[5].

287. Пылкий юноша постепенно укрощается и достигает надлежащего настроения, если, оставя свою волю, будет наставляться учением Отцов и повиноваться советам их[6].

288. Если юный инок будет пребывать в обществе своих сродников или даже иноков, не руководствующихся правилами истинной монашеской деятельности и подвижничества, то он утратит то благое нравственное устроение, которое преподано ему отцами[7].

289. Тщеславие погубляет добрые дела того человека, который выставит эти дела напоказ другим[8].

290. Если устье сосуда с вином оставлено будет отверзтым, то набираются в сосуд комары и мошка, отчего вино портится. Подобному повреждению подвергается и душа от многословия, от разговоров шуточных и пустых[9].

291. Вино, выставленное на ветер, теряет все достоинство свое. Подобно этому гордость губит все подвиги инока[10].

292. Вино скрывают в глубоких погребах и укрывают его: тогда оно устаивается, получает крепость и вкус. Подобно этому действуют на инока безмолвие и невменяемость. Невозможно ему сохранить в целости свой подвиг иначе, как в безмолвии и при искреннем сознании своего недостаточества во всех отношениях[11].

---

[1] Слово 9. ‖ [2] Слово 10. ‖ [3] Слово 12. ‖ [4] Слово 12. ‖ [5] Слово 12. ‖ [6] Слово 12. ‖ [7] Слово 12. ‖ [8] Слово 12. ‖ [9] Слово 12. ‖ [10] Слово 12. ‖ [11] Слово 12.

293. Невозможно иноку возуповать на жительство свое, доколе он не предстанет пред Бога, доколе Бог не оценит и не одобрит жительства его. До того времени он должен постоянно пребывать в страхе[1].

294. Мелочи, ничтожнейшие мелочи могут погубить весь плод подвижнической жизни, если инок пренебрежет этими мелочами[2].

295. Возлагающий надежду на преходящий мир — слеп. Если же он, отвергши этот предмет надежды, устремит ее к обетованиям Божиим, то он прозрел[3].

296. Кто по видимому ищет Бога, но вместе любит плотскую волю сердца и водится плотским мудрованием, тот хром. Если же, отрекшись от последования плотским вожделениям, он возлюбит Бога всем сердцем, то начнет ходить прямо[4].

297. Страждет глухотою тот, кто предался мирским заботам и попечениям. Глухота производит в нем постоянное увлечение суетою и забвение Бога. Если он, оставя суетные занятия, обратится к основательному изучению заповедей Божиих, то способность слуха возвращается ему[5].

298. Прокажен тот, кто имеет вражду на ближнего, ненависть и зависть к нему, кто злословит ближнего. По этой причине ему, подобно древним прокаженным народа Израильского, воспрещается вход в дом Божий. Если он отвергнет эти пороки, — очищается[6].

299. Когда прозрит слепой, начнет ходить без преткновения хромой, начнет слышать глухой и очистится прокаженный, тогда воскресает и обновляется человек, дотоле умерщвленный этими недугами во время лености своей. Он благовествует свое состояние обновления чувствам, находившимся дотоле в состоянии нищеты, по отношению к добродетелям[7].

300. Иоанн Креститель имел одежду из волоса верблюжьего, был опоясан кожаным поясом по чреслам и жил пустыне. Это служит знамением умерщвления плоти подвигами и образом покаяния. Подвиги покаяния совершают предварительное очищение человека и соделывают его способным взойти на крест. Крест есть знамение духовного бессмертия[8].

301. Восхождение на крест совершается после того, как заградятся уста фарисеям и саддукеям. Саддукеи служат образом неве-

[1] Слово 12. ‖ [2] Слово 13. ‖ [3] Слово 13. ‖ [4] Слово 13. ‖ [5] Слово 13. ‖ [6] Слово 13 ‖ [7] Слово 13. ‖ [8] Слово 13.

рия и безнадежия, а фарисеи же образом — лукавства, лицемерия и тщеславия[1].

302. Когда ум увидит себя не порабощаемым никакою страстию: тогда он приготовляется к бессмертию, собирая воедино чувства свои, соделывая из них единое целое, питая их и содержа во взаимном согласии духовным действием, для которого он служит орудием[2].

303. Ум, желая взойти на крест, должен пролить много молитв и много слез, должен повергаться ежечасно пред Богом, предаваясь воле Его и прося помощи от благости Его, чтоб она укрепляла, сохраняла его и воздвигла в святое обновление, уже не подвергающееся побеждениям[3].

304. В час восшествия на крест наступает скорбь великая. Молящийся имеет нужду в том, чтоб соприсутствовали ему Петр, Иоанн и Иаков, то есть вера здравая, надежда мужественная и любовь к Богу[4].

305. Господь наш Иисус Христос подъял за нас страдание и крестную смерть и служит этими действиями Своими образцом для нас. Мы должны, как говорит Апостол, *разумети Его, и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его, сообразуяся смерти Его*, чтоб достигнуть *в воскресение из мертвых*[5].

306. Господь вкусил желчь ради нас, чтоб мы извергли из себя все нечистые вожделения, чтоб заградили для них все выходы, не допуская им удовлетворяться при посредстве тела и погублять нас[6].

307. Господь вкусил оцет за нас, — и мы должны угасить в себе все проявления гнева, всякое смущение суетное[7].

308. Господь принял на Себя заплевания, чтоб мы научились презирать человекоугодие и славу мира сего[8].

309. Глава Господа была увенчана терновым венцом, чтоб мы научились постоянно пребывать в самоукорении и при посредстве его переносить поношения несмущенно[9].

310. Трость, которою били Господа по главе Его, служит для нас образом смиренномудрия, которым, как палицею, мы должны поражать гордыню, насеваемую в нас диаволом[10].

311. Господь Иисус, прежде пригвождения ко кресту, предан был на биение. И это служит наставлением для нас: прежде

---

[1] Слово 13. ‖ [2] Слово 13. ‖ [3] Слово 13. ‖ [4] Слово 13. ‖ [5] *...познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых* (Флп. 3. 10, 11). Слово 13. ‖ [6] Слово 13. ‖ [7] Слово 13. ‖ [8] Слово 13. ‖ [9] Слово 13. ‖ [10] Слово 13.

восшествия на крест мы должны претерпеть от человеков многоразличные поношения и обвинения. Одежды Господа разделены были по жребию: это служит образом для нашего поведения. Прежде восшествия на крест мы должны презреть мир и перенести без смущения потерю тленного имущества, как и Апостол сказал: *разграбление имений ваших с радостию приясте, ведяще имети себе имение на небесех, пребывающее и лучшее*[1]. Все это должен исполнить человек, чтоб взойти на крест. Если же он не исполнит, по мере сил своих, того, что совершил Господь, то не возможет взойти на крест[2].

312. Во время борьбы со страстями, подвергаясь скорби от них, мы должны терпеливо переносить это состояние, не предаваться унынию и расслаблению, но в смиренномудрии вопиять к Богу и укрепляться надеждою. Страсти потухнут в свое время[3].

313. Когда ум освободится от всякого упования на суетный мир, то это служит признаком, что умер грех в душе[4].

314. Когда ум получит свободу, тогда отъемлется средостение, разлучающее его от Бога. По умерщвлении в нас греха отпадает и тяжесть, и слепота, и все, что утесняло душу; чувства, доселе умерщвленные и плодоприносившие смерть, восстают в здравии и непобедимости. Ум как бы обвит освящением и упокоивается в нетлении: освободившись от всех возмущений, он субботствует, жительствует в другом, новом веке, углубленный в рассматривание предметов новых, нетленных[5].

315. Возлюбленные! приложим должное попечение о своем спасении: каждому из нас немного осталось жить на земле. Но не может человек приложить должного попечения о душе, если печется излишне о теле. Когда разлучишься с телом, тогда будешь сожалеть, что заботился о том, что не приносит никакой пользы[6].

316. Стяжи ощущение того, что Бог взирает на каждое дело твое. Непозволительно размышлять в тайне сердца о таких делах, которые стыдишься совершать пред человеками[7].

317. Познается древо от плода и устроение ума от помыслов, в которых он пребывает. По устроению ума познается состояние души.

318. Доколе побеждает тебя грех, хотя и в мелочах, не признавай себя бесстрастным[8].

---

[1] *...расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее* (Евр. 10. 34). ‖ [2] Слово 13. ‖ [3] Слово 13. ‖ [4] Слово 13. ‖ [5] Слово 13. ‖ [6] Слово 13. ‖ [7] Слово 15. ‖ [8] Слово 15.

319. Кому дарована свобода, в памяти того уже не возобновляются страстно согрешения, соделанные им прежде[1].

320. Не признавай себя свободным, доколе прогневляешь в чем-либо Владыку твоего[2].

321. Не может быть дарована свобода человеку, доколе он желает чего-либо принадлежащего миру[3].

322. Позаботься о твоем теле как о храме Божием. Позаботься о нем! оно должно воскреснуть, а ты должен дать отчет Богу, что сделал ты со своим телом. Сколько заботишься о уврачевании тела, когда оно заболит, столько позаботься о том, чтоб приготовить его к воскресению очищением от всех страстей[4].

323. Ежедневно, прежде приношения молитв Богу, займись рассматриванием себя, в какой степени ты победил каждую страсть твою или насколько побежден ею[5].

324. Земля не может принести плода, не будучи засеяна и орошена водою; так и человек не может совершать покаяния без смиренномудрия и удручения тела подвигами[6].

325. Растения прозябают из семени и цветут от действия на них благорастворенного воздуха, и разум человека возрастает и процветает от исполнения и хранения заповедей[7].

326. Свидетельство веры в Бога заключается в исполнении заповедей Божиих, а свидетельство страха Божия заключается в тщательном повиновении совести[8].

327. Если безмолвник ощутит, что блудное сладострастие покушается насеяться в душе его, то он должен немедленно отразить приражения этой страсти в самом начале их, иначе она может увлечь его. Старайся помнить, что Бог взирает на тебя и что открыто пред Ним то, о чем ты размышляешь в тайне сердца. Скажи душе твоей: «Ты остерегаешься подобных тебе грешников, чтоб они не увидали тебя в то время, как ты совершаешь согрешение, тем более должно бояться и стыдиться Бога, Который видит сокровенные движения сердца». От такого размышления возбудится страх Божий в душе, и если поступишь под водительство страха Божия, то никакая страсть не будет насиловать тебя[9].

328. Верующий, что он по исшествии из тела должен предстать на Суд Божий, ни в каком случае не позволит себе осуждать ближних. Он памятует, что потребуется Богом от него полный отчет в собственных делах его[10].

---

[1] Слово 15. ‖ [2] Слово 15. ‖ [3] Слово 15. ‖ [4] Слово 15. ‖ [5] Слово 15. ‖ [6] Слово 15. ‖ [7] Слово 15. ‖ [8] Слово 15. ‖ [9] Слово 15. ‖ [10] Слово 15.

329. Верующий, что для святых уготовано Царство, старается охраняться от малейших и ничтожнейших уклонений, чтоб соделаться сосудом избранным[1].

330. Верующий, что тело его воскреснет в день Общего Воскресения, заботится очистить его от всякой скверны[2].

331. Нет в мире ничего такого, что могло бы отлучить от любви Божией сердце, в которое она вселилась[3].

332. Признаю великим и честным делом победу над тщеславием и стяжание духовного разума. Одержимый мерзостною и лукавою страстию тщеславия чужд мира, ожесточается сердцем против святых и, в довершение зол, впадает в высокоумие и в навык ко лжи[4].

333. Верный раб Христов! скрывай подвиги твои и добродетели, удерживай с болезнию сердце и язык, порывающиеся к тщеславию, чтоб язык не отнимал у тебя приобретенного тобою и не предавал его врагам твоим[5].

334. Любящему человеческую славу невозможно достичь бесстрастия: зависть и рвение живут в нем[6].

335. Блаженны те, которых подвиг совершен в духовном разуме! они уже не ощущают никакого отягощения в жительстве своем, достигши священного покоя; они возвысились превыше всех козней, устраиваемых пронырливыми бесами, в особенности теми, которые внушают боязнь, сомнение и двоедушие, этим отклоняют человека от всякого предпринимаемого им благого дела ради Бога. Бесы наводят уныние на душу в предположении, не истощится ли ее терпение в продолжительном ожидании милости Божией, не покинет ли она самого жительства по Богу, признав его невыносимо трудным. Но, полагаю, если будут в нас любовь, терпение и воздержание, то демоны не успеют ни в каком намерении своем, в особенности же, когда ум стяжет познание, что леностию и унынием низвращаются все добродетели, когда ум победит страсть лености и уныния[7].

336. Если ты оставил все, принадлежащее суетному миру, то блюдись от беса, наводящего печаль на основании избранной тобою великой нищеты и соединенного с нею скорбного положения, исполненного лишений. Если победишься печалию, то не возможешь достичь великих добродетелей. Эти великие добродетели заключаются в том, чтоб не вменять себя, чтоб переносить благо-

[1] Слово 15. ‖ [2] Слово 15. ‖ [3] Слово 15. ‖ [4] Слово 15. ‖ [5] Слово 16. ‖ [6] Слово 16. ‖ [7] Слово 16.

душно укоризну и радоваться тому, что считают тебя не способным ни к какому делу и занятию суетного мира. Если потрудишься стяжать эти добродетели, то они уготовят душе твоей нетленный венец[1].

337. Признаются нищими не те только, которые оставили видимое вещество, но наиболее те, которые обнищали в отношении ко злу, которые непрестанно алчут упражняться в памяти Божией[2].

338. Стяжавают бесстрастие не те, которые прилежат исключительно телесным подвигам, но, по преимуществу, те, которые заботятся об устроении внутреннего человека и отсекают пожелания падшего естества; эти именно и получают венец добродетелей[3].

339. Встань на страже сердца твоего, внимая чувствам твоим, и если будет в мирном настроении твоем действовать память Божия, то усмотришь разбойников, окрадывающих тебя. Только тот, кто наблюдает за своими помыслами, может познавать покушающихся войти в него и осквернить его[4].

340. Заботясь с пламенною ревностию о исполнении заповедей Божиих, приметишь и смущающих тебя, и те начала, на основании которых они смущают. Они смущают ум, чтоб привести его в рассеянность и праздность[5].

341. Познавшие коварство демонов несмущенно пребывают в том месте, которое даровано им Богом для совершения иноческого подвига, благодаря Бога за дар Его[6].

342. Терпение, долготерпение и любовь воссылают благодарение Богу за трудности и лишения, а уныние, малодушие и расположение к избыткам в жизни ищут такого места, в котором можно бы было получить известность. Когда подвижник достигнет этого, тогда чувства его расслабевают, страсти по необходимости насилуют и пленяют его: он утрачивает воздержание, таинственно скреплявшее его. Благотворное действие воздержания уничтожается гордостию и насыщением, этим неминуемым следствием избытка в жизненных потребностях[7].

343. Если сердце твое увлекается от молитвы и поучения в разные помыслы и подвергается против воли твоей рассеянности, так, что ты не можешь остановить этого увлечения, то делание твое еще находится в естестве Адама. Напротив того, оно в естестве Иисуса, если сердце искренно возненавидело грех и с решительностию

---

[1] Слово 16. ‖ [2] Слово 16. ‖ [3] Слово 16. ‖ [4] Слово 16. ‖ [5] Слово 16. ‖ [6] Слово 16. ‖ [7] Слово 16.

устранило себя от начал, рождающих его, если вечная мука предстоит непрестанно пред душевными очами твоими, и ты соделался чуждым всего, что влечет в нее, если ты молишь Творца твоего сосредоточенною молитвою, чтоб Он пребывал с тобою, и никаким преслушанием не прогневляешь Его, если ты плачешь пред Ним, говоря: «Господи! Спасение мое от врагов моих принадлежит Тебе; самому мне, без помощи Твоей, невозможно избежать рук их». При этом наблюдай за сердцем твоим, чтоб не огорчать ни в чем наставляющих тебя о Господе[1].

344. Если человек не стяжет послушания, смирения и терпения, то он не может выйти из противоестественного состояния, хотя бы и сохранил все прочие заповеди[2].

345. Обратись всем сердцем в повиновение Богу, искренно умоляя Его и говоря: «Господи! весь я пред Тобою. Удостой меня быть в воле Твоей, потому что я не знаю, что полезно мне. Ты сотвори брань с врагами моими, потому что я не способен ведать всей злобы их и всех ухищрений». Если будешь молиться таким образом от всей души и направишь деятельность твою соответственно естеству Иисуса, то Он не попустит тебе подвергнуться обольщению и обману в чем-либо[3].

346. Если не предашь себя в полное повиновение Господу, а будешь последовать только одной или немногим заповедям Его, то Он не будет помогать тебе[4].

347. Поле не может само собою очиститься от плевелов; не может оно само собою засеяться семенами соответственно почве своей; не могут произрастать на нем растения, приносящие плод, вместе с злокачественными плевелами, потому что нежные плодовитые растения заглушатся и подавятся дебелыми плевелами. Так и человек, если не получит Божественной помощи, то не возможет очиститься от плотских похотений и соблюстись от греха[5].

348. Преуспевший или желающий преуспеть да хранит себя благоразумно от начал, рождающих грехи, и грехи изнемогут сами собою[6].

349. Подвизающийся познает значение греха и всю горечь его; небрегущий о подвижничестве приготовляет себе муку[7].

350. Боящийся немощи тела не достигнет состояния, свойственного непорочному естеству; но Бог силен доставить ему это состо-

[1] Слово 16. ‖ [2] Слово 16. ‖ [3] Слово 16. ‖ [4] Слово 16. ‖ [5] Слово 16. ‖ [6] Слово 16. ‖ [7] Слово 16.

яние, если он при всякой встречающейся трудности припадает к Нему и просит у Него помощи[1].

351. Если б Гедеон не сокрушил глиняных сосудов, то не увидел бы света светильников, которые были скрыты в этих сосудах. Так и человек, если не презрит тела своего, то не увидит света Божества[2].

352. Если ум укрепится и решится последовать любви, то погашаются все страсти плоти и духа. *Любы долготерпит, милосердствует*[3], ненавидит рвения и гордыни, соделывает естественною для сердца невменяемость и не попускает ничему противоестественному насильственно порабощать себе ум. Силою любви ум противостоит порочным влечениям, враждебным непорочному естеству, и, наконец, совершенно уничтожает их[4].

353. Если ум, руководимый истиною, возобладает сердечными движениями, то он соделывается главою души и не допускает ей принять что-либо противоестественное, то есть греховное. Он поведает ей все бедствия, которым подвергали ее противоестественные влечения в течение всего того времени, в которое они были перемешаны с влечениями естественными[5].

354. Когда человек отлучит себя от находящегося на левой стороне, «то есть от общения с демонами и от последования внушениям их», тогда он увидит согрешения свои пред Богом во всей подробности их; тогда он познает Иисуса. Но человек не может увидеть грехов своих, доколе не разлучится с ними разлукою, исполненною труда и горести. Достигшие этого состояния обрели плач и молитву. Вспоминая лукавую дружбу свою со страстями, они не смеют воззреть к Богу и пребывают в постоянном сокрушении духа[6].

355. Будем подвизаться тщательно на кратком поприще земной жизни, сохраняя труд наш в целости, непричастным злу. Только при этом условии возможем после смерти избежать из рук врагов наших — демонов, безмерно лукавых и немилостивых. Блажен тот, в ком эти противные силы не найдут ничего принадлежащего им[7].

356. Возлюбленные! будем плакать пред Господом по силам нашим, чтоб Он, по благости Своей, умилосердился над нами

[1] Слово 16. ‖ [2] Суд. 7. 20. Слово 16. ‖ [3] *Любовь долготерпит, милосердствует* (1 Кор. 13. 4). ‖ [4] Слово 16. ‖ [5] Слово 16. ‖ [6] Лк. 23. 42. Слово 16. ‖ [7] Слово 17. В этом Слове преподобный Исаия поведает, что душу, исшедшую из тела и проходящую воздушное пространство в сопровождении святых Ангелов, встречают демоны и подвергают истязанию. Это место внесено в «Слово о смерти» и потому здесь не повторяется.

и ниспослал нам силу, которою возмогли бы мы благовременно, земною деятельностию нашею, преодолеть князей тартарских, которые выйдут навстречу нам по исшествии нашем из тела[1].

357. Будем подвизаться в сетовании духа и стяжем в себе стремление к Богу, — и Он исхитит нас их рук демонских, когда демоны, долженствующие встретить нас, вознамерятся похитить нас[2].

358. Когда душа выйдет из тела, страсти, которые она усвоила себе во время земной жизни, служат причиною порабощения ее демонам; добродетели, если она приобрела их, служат защитою от устремления демонов[3].

359. Будем исполнять должное по силам нашим, и великая сила Господа нашего Иисуса Христа поможет смирению нашему. Он ведает, что человек окаянен, и потому даровал ему покаяние на все время земной жизни его. И действует на нас могущественное и спасительное покаяние до последнего издыхания нашего[4].

360. Устремляй непрестанно помышления твои к Богу, и Он сохранит тебя. Не возлагай никакой надежды на преходящий мир, чтоб она не погубила тебя: уходя с земли, оставишь все принадлежащее миру, сделанное же ради Бога будет сопутствовать тебе и помогать во время нужды[5].

361. Возненавидь мирские беседы, чтоб сердце твое соделалось способным узреть Бога[6].

362. Люби молится часто, чтоб просветилось сердце твое[7].

363. Не люби лености, и страх Божий вселится в тебя[8].

364. Будь благосклонен и милостив к неимущим, чтоб не постыдиться пред святыми, когда они за милость будут вступать в вечное блаженство[9].

365. Возненавидь вожделение яств, чтоб Амалик, то есть «блудная страсть», не возбранил тебе входа в Землю Обетованную[10].

366. Не люби употреблять вино до опьянения, чтоб не лишиться веселия Божественного[11].

367. Памятуй о Царстве Небесном, и будет мало-помалу привлекать тебя к нему это памятование[12].

368. Вспоминай о геенне и возненавидь дела, влекущие в нее[13].

369. Ежедневно утром, восстав от сна, приведи себе на память, что ты должен дать отчет Богу во всяком деле твоем, и не согрешишь пред Ним: страх Его вселится в тебя[14].

---

[1] Слово 17. ‖ [2] Слово 17. ‖ [3] Слово 17. ‖ [4] Слово 17. ‖ [5] Слово 17. ‖ [6] Слово 17. ‖ [7] Слово 17. ‖ [8] Слово 17. ‖ [9] Слово 17. ‖ [10] Слово 17. ‖ [11] Слово 17. ‖ [12] Слово 17. ‖ [13] Слово 17. ‖ [14] Слово 17.

370. Приготовляйся предстать Ему, и будешь творить волю Его.

371. Во всякой погрешности твоей приноси покаяние, и не подвергнешься недоумению в час смерти[1].

372. Не надейся на себя: все благое, совершающееся в тебе, есть следствие милости и силы Божией. Не превозносись верою твоею; но пребывай в страхе до последнего издыхания. Не высокомудрствуй о жительстве твоем, признавая его достойным одобрения, потому что враги твои стоят еще пред лицом твоим. Не возуповай на себя, доколе странствуешь в земной жизни, доколе ты не миновал темных властей воздушных[2].

373. Трезвись против духа, наводящего печаль на человека: он распростирает многие сети, чтоб уловить тебя и ввергнуть в расслабление. Печаль по Богу приносит радость и утверждает человека в воле Божией; напротив того, враг ищет, чтобы ты оставил подвиг воздержания и предался отчаянию. Знай, что демонский помысл тот, который скажет: «Куда убежишь? покаяния не имеешь, прощения не получишь»[3].

374. Печаль по Богу не ввергает человека в отчаяние, напротив того, утешает его, внушая ему: «Не бойся, снова прибегни к Богу: Он благ и милосерд; Он знает, что человек немощен, и помогает ему»[4].

375. Хульные помыслы отвергай, не обращая на них внимания, и они убежат от тебя; они расстраивают только того, кто убоится их[5].

376. Боящийся приступить к совершению добродетелей обнаруживает этим, что он не верует Богу[6].

377. Кто считает себя за ничто, признает свое невежество, тот являет этим, что он ищет исполнять волю Божию, а не свои страстные пожелания[7].

378. Страх Божий есть хранитель и защитник души; он — страж ума, этого царя, владычествующего над внутренним человеком; он поражает всех врагов царя[8].

379. Кто ищет славы Божией, тот старается уничтожить в себе всякую нечистоту[9].

380. Истончавающий себя воздержанием приближается к здравию[10].

381. Предаваясь унынию, мы непременно делаемся предателями самих себя. Мужественное сердце вспомоществует душе по Богу; в противоположность этому, уныние вспомоществует злобе[11].

---

[1] Слово 17. || [2] Слово 17. || [3] Слово 17. || [4] Слово 17. || [5] Слово 17. || [6] Слово 17. || [7] Слово 17. || [8] Слово 17. || [9] Слово 17. || [10] Слово 17. || [11] Слово 17.

382. Крепость желающих стяжать добродетели заключается в следующем: если они падут, то не должны предаваться малодушию; они должны восставать и снова подвизаться[1].

383. Телесные подвиги, проходимые в духовном разуме, суть орудия, которыми возделываются добродетели[2].

384. Страсти рождаются от нерадения[3].

385. Неосуждение ближнего служит ограждением для борющихся со страстьми под руководством духовного разума. Безумно разрушает эту ограду порицающий ближнего[4].

386. Воздержание языка доказывает о человеке, что он истинный подвижник. Необузданный язык служит признаком человека, чуждого добродетели[5].

387. Милостыня руководствует к любви[6].

388. Благость к ближнему — матерь чистоты[7].

389. От многих попечений и рассеянности зарождаются страсти[8].

390. Жестокосердие — отец гнева[9].

391. Душевный пост состоит в отвержении попечений[10].

392. Увлечение попечениями — падение души; исправляется она безмолвием в разуме[11].

393. Насыщение сном возбуждает страсти в теле; умеренным бдением охраняется сердце от страстей. Излишний сон сообщает сердцу дебелость, умеренное бдение изощряет его[12].

394. Плачем изгоняются из души все страсти[13].

395. Не уязвляй совести ближнего, и стяжешь смиренномудрие[14].

396. От славы человеческой мало-помалу рождается гордость[15].

397. Любящий полное довольство во всем утрачивает духовный разум[16].

398. Воздержание чрева укрощает страсти; удобно возжигает их прихотливое употребление пищи[17].

399. От постоянного помышления о Суде Божием рождается страх Божий; попирающий же совесть утрачивает из сердца добродетели[18].

400. Любовию к Богу изгоняется леность; рождается она там, где отсутствует страх Божий[19].

---

[1] Слово 17. ‖ [2] Слово 17. ‖ [3] Слово 17. ‖ [4] Слово 17 ‖ [5] Слово 17. ‖ [6] Слово 17. ‖ [7] Слово 17. ‖ [8] Слово 17. ‖ [9] Слово 17. ‖ [10] Слово 17. ‖ [11] Слово 17. ‖ [12] Слово 17. ‖ [13] Слово 17. ‖ [14] Слово 17. ‖ [15] Слово 17. ‖ [16] Слово 17. ‖ [17] Слово 17. ‖ [18] Слово 17. ‖ [19] Слово 17.

401. Хранение уст в разуме возбуждает мысль к Богу; многословие бывает причиною уныния и раздражительности[1].

402. Кто отсекает волю свою пред ближним, тот доказывает этим, что ум его — служитель добродетели; обнаруживает неразумие тот, кто упорствует исполнить свою прихоть с оскорблением ближнего[2].

403. Страх Божий и тайное поучение хранят душу от страстей, а беседы о мирских делах помрачают ее и отклоняют от упражнения в добродетелях[3].

404. Пристрастие к веществу возмущает ум и сердце; обновляет их презрение вещества[4].

405. Умалчиванием греховных помыслов обнаруживается искание похвал и срамной славы мира. Тот, кто открывает искренно страстные помыслы отцам своим, изгоняет из себя эти помыслы[5].

406. В дом, не имеющий ни дверей, ни окон, свободно вползают гады и змеи. Подобен такому дому подвижник, не хранящий подвига своего[6].

407. Ржавчиною снедается железо, и честолюбием — сердце человека, потворствующего этой страсти[7].

408. Плющ, обвившись около виноградной лозы, истребляет плод ее, и тщеславие истребляет плод монаха[8].

409. Основание всех добродетелей — смиренномудрие; основание всех страстей — чревообъядение[9].

410. Венец добродетелей — любовь; венец страстей — оправдание грехов своих[10].

411. Общение и беседы с мирянами возмущают сердце и, лишая его дерзновения к Богу, посрамляют его во время молитвы его[11].

412. Любовь к подвигам есть ненависть к страстям; напротив того, леностию и праздностию удобно вводятся страсти в душу[12].

413. Не связывай себя делами мира, и помысл твой будет безмолвствовать в тебе[13].

414. Не надейся на крепость твою, и помощь Божия будет всегда содействовать тебе[14].

415. Храни очи и сердце твое от воззрений лукавых. Смотрящий сладострастно на кого-либо совершает прелюбодеяние в тайне души своей[15].

---

[1] Слово 17. ‖ [2] Слово 17. ‖ [3] Слово 17. ‖ [4] Слово 17. ‖ [5] Слово 17. ‖ [6] Слово 17. ‖ [7] Слово 17. ‖ [8] Слово 17. ‖ [9] Слово 17. ‖ [10] Слово 17. ‖ [11] Слово 17. ‖ [12] Слово 17. ‖ [13] Слово 17. ‖ [14] Слово 17. ‖ [15] Слово 17.

416. Храни слух твой, чтоб не навлечь браней самому на себя[1].

417. Упражняйся в трудах и рукоделии, чтоб доставить нищему кусок хлеба, а себя предохранить от праздности; праздность есть падение и смерть для души[2].

418. Частою молитвою истребляется пленение греховным и суетным мечтанием, а нерадение о ней, вкрадывающееся мало-помалу, есть мать забывчивости[3].

419. Ожидающий близкой смерти не впадет во многие грехи. Напротив того, надеющийся жить долго опутывается многими согрешениями[4].

420. Жительство того, кто приготовляет себя к отчету пред Богом во всех поступках своих, Бог очищает от грехов Промыслом Своим и помощию Своею. Напротив того, идет путем греховным тот, кто небрежет о Суде Божием и говорит: «Когда-то еще настанет этот день»[5].

421. Ежедневно прежде, нежели начнешь заниматься каким-либо делом, подумай: где ты? куда пойдешь по исшествии из тела? и ни одного дня не проведи в нерадении о душе твоей. Помышляй о блаженстве и славе, которых сподобились все святые, и мало-помалу привлечешься к подражанию их жительству. Помышляй и о уничижении, которому подвергнутся грешники, и будешь охраняться постоянно от зла[6].

422. Постоянно совещайся с отцами твоими, и всю жизнь твою проведешь спокойно[7].

423. Если демоны начнут смущать тебя по поводу пищи или одежды, или великой нищеты твоей, также по поводу оскорблений, которым подвергаешься, то ничего не отвечай им, но предай себя Богу от всего сердца твоего, и Он успокоит тебя[8].

424. Тщательно исполняй твое молитвенное правило. Остерегись! не допусти себе пренебречь им. От тщательного исполнения правила просвещается и укрепляется душа[9].

425. Если ты сделал что доброе, не хвались этим. Опять: если ты соделал много зла, то не печалься об этом безмерно, но решись твердо в сердце твоем впредь не увлекаться[10].

426. Если борет тебя блудная страсть, то удручай в смирении пред Богом тело твое трудами и воздержанием; вместе с этим не дозволяй сердцу пленяться сладострастными помыслами и ощущениями, — и обретешь покой[11].

---

[1] Слово 17. ‖ [2] Слово 17. ‖ [3] Слово 17. ‖ [4] Слово 17. ‖ [5] Слово 17. ‖ [6] Слово 17. ‖ [7] Слово 17. ‖ [8] Слово 17. ‖ [9] Слово 17. ‖ [10] Слово 17. ‖ [11] Слово 17.

427. Если ощутишь в себе действие страсти чревообъядения и пожелания различных снедей, то вспомни тот смрад, в который обращается всякая пища. Это поможет тебе сохранить воздержание[1].

428. Если возникнет в сердце твоем гордость, то вспомни, что она способна погубить все благое жительство твое, что для предавшихся ей уже нет покаяния. Этим остановишь действие ее[2].

429. Если красота телесная начнет обольщать сердце твое, то подумай, сколько смраден этот грех, и воздержи сердце от увлечения им. Ощутив расположение сладострастное к женщине, вспомни о женщинах, уже умерших. Что сделалось с ними? во что превратились тела их?[3]

430. Духовное рассуждение, рассматривая правильно все страсти, устраняет их от человека. Невозможно стяжать духовного рассуждения, не возделав его на ниве его. Эта нива — безмолвие[4].

431. От безмолвия рождается подвижничество; от подвижничества — плач; от плача — страх Божий; от страха Божия — смирение; от смирения — духовное прозрение; от духовного прозрения, или разума, — любовь. Любовь же соделывает душу здравою и бесстрастною. Тогда познает человек, сколько удалился он от Бога[5].

432. Желающий достичь высокой духовной почести, то есть стяжать вышеисчисленные добродетели, должен отказаться от пристрастных попечений о каком бы то ни было человеке, должен привести себя в настроение готовности умереть ежечасно, должен, приступая к молитве, каждый раз рассмотреть, что отлучает его от Бога, и устранить это из себя, должен возненавидеть земную жизнь. Тогда благость Божия не замедлит даровать ему желаемое им[6].

433. Будь убежден в том, что каждый человек, употребляющий пищу и питие нерассмотрительно и невоздержно, любящий что-либо мирское, никогда не получит высокой духовной почести, никогда не достигнет до нее: он лишь будет обольщать и обманывать себя пустою надеждою[7].

434. Умоляю каждого человека, желающего принести Богу покаяние, отказаться от употребления вина в большом количестве. Вино возрождает погашенные страсти в душе и изгоняет из нее страх Божий[8].

435. Проси Бога от всей крепости твоей, чтоб Он ниспослал страх Свой в сердце твое. Страх Божий умерщвляет все страсти,

[1] Слово 17. || [2] Слово 17. || [3] Слово 17. || [4] Слово 17. || [5] Слово 17. || [6] Слово 17. || [7] Слово 17. || [8] Слово 17.

борющие несчастную душу, стремящиеся отлучить ее от Бога и овладеть ею. С целию завладеть человеком — враги его, демоны, употребляют все усилия, чтоб побороть его страстями[1].

436. Брат! доколе ты находишься в теле, не попусти себе беспечности. Хотя бы ты увидал, что на некоторое время успокоился от страстей, никак не доверь этому спокойствию. Демоны лукаво прекращают на время нападения свои. Поступают они так с тем намерением, чтоб человек, возомнив о себе, что он достиг бесстрастия, престал наблюдать за сердцем и хранить его. Тогда они внезапно наскакивают на бедную душу, уловляют ее как птицу и, если окажутся более сильными, чем она, попирают и уничтожают ее немилостиво, ввергая в разные согрешения, более тягостные, нежели те, о отпущении которых она доселе молилась[2].

437. Станем же в страхе Божием, и хранением подвигов навершим самые подвиги. Тщательно будем возделывать те добродетели, которые противоборствуют злобному устремлению врагов. Подвиги, лишения и скорби кратковременной земной жизни не только охраняют человека от страстей и демонов, но и уготовляют душе венцы прежде исхода ее из тела[3].

438. Святой Учитель наш, Господь Иисус Христос, обнаружил пред нами бесчеловечие и жестокость демонов. Он, соболезнуя роду человеческому, заповедал нам быть мужественными и бодрствовать. Будьте готовы всякий час! идет тать! как бы не застал он вас спящими, пришедши нечаянно[4].

439. Господь, отъемля от присных Своих тот страх, который наводится миром, преследующим учеников Господа, сказал: *в мире скорбни будете. Но дерзайте, яко Аз победих мир*[5]. Укрепляя их, чтоб они не малодушествовали в скорбях, Он дал радость в сердца их, говоря: *вы есте пребывше со Мною в напастех Моих: и Аз завещаваю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, Царство, да ясте и пиете на трапезе Моей*[6]. Это сказал Он не всем, но тем, которые пребыли с Ним в искушениях. Кто же эти, пребывшие со Иисусом в искушениях, как не те, которые противостоят влечениям падшего естества и наконец вполне уничтожают действие их? Слова эти произнес Господь, когда шел на крест. Желающий есть и пить на трапезе Господа да взойдет с Ним на крест. Крест Иисусов есть

[1] Слово 17. ‖ [2] Слово 17. ‖ [3] Слово 17. ‖ [4] Слово 17. ‖ [5] *...В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16. 33). ‖ [6] *Но вы пребыли со Мною в напастях Моих, и я завещаваю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем* (Лк. 22. 28–30).

воздержание от страстей, увенчавающееся совершенным истреблением их[1].

440. Апостол Павел в послании к Тимофею, сыну своему, говорит: *аще с Ним*, Господом Иисусом, *умрохом, то с Ним и оживем: аще терпим, то с Ним и воцаримся. Аще отвержемся, и Той отвержется нас*[2]. Кто же эти отвергающиеся Его, как не те, которые последуют плотской греховной воле падшего естества и наносят укоризну Святому Крещению? Именем Господа Иисуса в Святом Крещении даровано нам отпущение грехов; но враг наш, по зависти и ненависти к нам, опять связал нас грехом. Господь же наш Иисус Христос, ведая злобу демонов, которою они заразились против человека с самого сотворения его, приложил к дару Крещения дар Покаяния, действующий до последнего издыхания нашего. Если б не было Покаяния, не было бы спасающихся[3].

441. Доколе имеем на себе печать Святого Крещения, постараемся изгладить при посредстве Покаяния грехи наши, чтоб обрести милость в день Суда, который приблизился, и уже наступает[4].

442. Страсти суть недуги души, ее язвы и струпы, отлучающие ее от Бога. Блажен тот, кто очистился от них. Он, как словесная овца, будет вознесен на жертвенник Божий и услышит глас Господа, преподающий вечную радость: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего*[5].

443. Произволяющие исполнять свои плотские пожелания и непроизволяющие уврачевать себя святым врачевством покаяния, чтоб соделаться чистыми и святыми, окажутся в час исхода своего из тела обнаженными, не имеющими на себе ризы добродетелей. Они низвергнутся во тьму кромешную, в которой заключен диавол, облеченный в одежду страстей[6].

444. Страсти: блуд, похотение греховное, сребролюбие, уныние, злоречие, гнев, ненависть, тщеславие и гордость. Это — главные ветви зла[7].

445. Подобны им: невоздержание, украшение тела, плотская и суетная многопопечительность, леность, смехословие и шутки, оставление скромности, стремление к роскошной жизни, попрание совести, забвение Суда Божия, зависть к ближнему, оболгание

---

[1] Слово 17. ‖ [2] *...если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас* (2 Тим. 2. 11, 12). ‖ [3] Слово 17. ‖ [4] Слово 17. ‖ [5] *...«хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего»* (Мф. 25. 21). Слово 21. ‖ [6] Слово 21. ‖ [7] Слово 21.

братий, человекоугодие, лжесвидетельство, лжеименный разум, расположение к учительству, расположение к приобретениям вещественным по обычаю мирян, малодушие, нетерпеливость, злоба на ближнего, оставление самоукорения, любовь к славе человеческой и хладность к славе Божией, объявление своего подвига для внушения человекам высокого мнения о себе, расположение к изысканным и многим брашнам, удовлетворение плотским страстям в сердце мечтанием греха, отвержение невменяемости, тщеславное мнение о своем разуме, любопрение, упорное последование своей воле, признание себя мудрым и добрым, признание брата недостаточным по уму, по добродетели, уничижение его[1].

446. Все страсти, если попущена им будет свобода, действуют, возрастают, усиливаются в душе, наконец объемлют ее, овладевают ею и отлучают ее от Бога. Это — те тяжкие бремена, которые возлегли на Адама после того, как он вкусил от древа. Эти страсти убил на кресте Господь наш Иисус Христос. Это — те ветхие мехи, в которые не вливается вино новое[2]. Это — те пелены, которыми обвязан был Лазарь[3]. Это — те бесы, посланные Христом в стадо свиней[4]. Это — ветхий человек, которого повелевает Апостол христианину совлечь с себя[5]. Это — волчцы и терния, которые начала извергать земля Адаму после того, как он был низвергнут из рая[6].

447. Христово *иго благо, и бремя легко*[7]. Его составляют: чистота, чуждая гнева, благость, кротость, духовная радость, воздержание от всех страстей, любовь ко всем, святое рассуждение, непоколебимая вера, терпение скорбей, отчуждение от мира в чувстве сердца, желание разлучиться с телом и соединиться со Христом. Вот в чем заключается благое иго и бремя легкое, которое Христос заповедал нам возложить на себя и носить на раменах наших. Вместе это и путь. Ради его, чтоб достичь до него, святые подъяли на себя многие труды и подверглись многим скорбям. Не возможет никто вступить на этот путь, если предварительно не совлечется ветхого человека, если не освободиться от всех страстей, если не стяжет любви. Божественная любовь освобождает человека от всех усвоений преходящего мира[8].

448. Доколе мы любим что-либо принадлежащее миру, дотоле любовь Божия не может обитать в нас. Засвидетельствовано это Писанием. *Не можете*, говорит оно, *трапезе Господней причасти-*

---

[1] Слово 21. ‖ [2] Мф. 9. 17. ‖ [3] Ин. 11. 44. ‖ [4] Мф. 8. 31, 32. ‖ [5] 1 Кор. 15. 49. ‖ [6] Быт. 3. 18. Слово 21. ‖ [7] Мф. 11. 30 ‖ [8] Слово 21.

тися и трапезе бесовской[1]. *Кто возвестит вам место вечное? ходяй в правде, глаголяй правый путь, ненавидяй беззакония и неправды, и руце отрясаяй от даров: отягчаваяй уши, да не услышит суда крове: смежаяй очи, да не узрит неправды. Сей вселится в высоце пещере, камене крепкаго: хлеб ему дастся, и вода его верна*[2].

449. Господь ущедряет почестями и наградами тех, которые подвизаются мужественно на кратком поприще земной жизни, которые свергают с себя бремя преходящего мира посредством терпения скорбей и умерщвления тела[3].

450. Помощь Божия нисходит к тем, которые отсекают плотские и греховные похотения. Она изглаждает из них все страсти. Так действует она за то, что они последуют воле Божией. Напротив того, последующие воле падшего естества и желающие исполнить ее хотя и вынаруживают сначала духовное стремление, но не могут противостать врагам по той причине, что не хотят отказаться от воли падшего естества, исполняют ее. Поступая так, они опочивают плотию, то есть нисходят в плотское состояние и соделывают весь подвиг свой суетным и тщетным. Пророк обличает их, говоря: *проклят творяй дело Господне с небрежением*[4].

451. Бог не помогает тем, которые хотя и вступили в служение Ему, но вместе служат и страстям. Бог предоставляет их самим себе, так как они произвольно захотели последовать себе, и предает их в руки врагов их, демонов. Вместо чести, которой они искали от человеков, они подвергаются бесчестию пред ними, как не противоставшие невидимым врагам. Если б они сделали это, то Бог помог бы им в свое время и смирил бы врагов под ноги их[5].

452. Все Писание свидетельствует, что человек не бывает услышан Богом, если он молится Богу не в подвиге и утомлении тела, не из среды лишений, не из сердца сокрушенного и смиренного. Приступим всеусердно молитвою к благости Божией в слезах, в удручении тела подвигами и лишениями, оказывая покорность пред каждым человеком, смиряясь пред братиями нашими, как

---

[1] *...не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской* (1 Кор. 10. 21). ‖ [2] *...«кто из нас может жить при огне пожирающем? Кто из нас может жить при вечном пламени?» — Тот, кто ходит в правде и говорит истину; кто презирает корысть от притеснения, удерживает руки свои от взяток, затыкает уши свои, чтобы не слышать о кровопролитии, и закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла; тот будет обитать на высотах; убежище его — неприступные скалы; хлеб будет дан ему; вода у него не иссякнет* (Ис. 33. 14–16). Слово 21. ‖ [3] Слово 21. ‖ [4] *Проклят, кто дело Господне делает небрежно* (Иер. 48. 10). Слово 21. ‖ [5] Слово 21.

пред превосходящими нас во всех отношениях, не воздавая никому зла за зло, не питая ни о ком худых помышлений в сердце, имея со всеми одно сердце и одну душу[1].

453. Ежедневно будем рассматривать, в какое устроение достиг ум наш, и хранить его от осквернения помышлениями нечистыми. Не дадим телу насыщения, чтоб страсти, свойственные ему, не предъявили своих требований, чтоб тело покорилось душе, а душа покорилась уму и соделалась невестою непорочною. Придя в это состояние, она призывает к себе жениха, говорит: *да снидет Брат мой в виноград Свой, и да яст плод овощий Своих*[2].

454. Нам предлежат два пути: путь жизни и путь смерти. Идущий по одному не идет по другому. Кто же идет то по тому, то по другому, тот не принадлежит окончательно ни к одному из двух путей, ни к ведущему в Царство, ни к ведущему в муку. Когда же он скончается, то суд над ним принадлежит единому Богу, Которого милость неизреченна[3].

455. Царство Божие есть истребление всякого греха. В сердце, в котором водворилось Царство Божие, хотя враги стараются насеять зло, принося греховные помыслы; но помыслы эти, не находя в человеке никакого сочувствия, не приносят никакого плода[4].

456. С того времени, как ум вкусит Божественной сладости, стрелы врага уже не входят в него: всеоружие добродетелей, в которое он облечен, охраняет и ограждает его, не попускает ему возмутиться, содержа его в Божественном видении. Он, силою духовного рассуждения, постоянно различает пути, одного уклоняется, другого держится[5].

457. Глава всех зол — одна: злоба врагов наших, демонов. Источник всех добродетелей — один: страх Божий[6].

458. Возлюбленный брат! стяжи в себе страх Божий и будешь проводить жизнь твою в душевном мире, потому что страх Божий рождает все прочие добродетели. Кто не водится во всех действиях своих страхом Божиим, тот еще не соделался причастником Царства Божия. Пребывай постоянно в подвиге и отсечешь мало-помалу страсти. Знамение успеха или безуспешности в подвиге заключается в следующем: доколе действует *шуйца*[7], то есть левая рука, или падшее естество, дотоле грех не умер, дотоле десница, то есть добродетели, не вступили в священный союз с тобою. Этому научает нас и Писание. *Не весте ли*, говорит оно, *яко емуже пред-*

[1] Слово 21. ‖ [2] См.: Песн. 5. 1. Слово 21. ‖ [3] Слово 22. ‖ [4] Слово 22. ‖ [5] Слово 22. ‖ [6] Слово 22. ‖ [7] Мф. 6. 3.

ставляете себе раби в послушание, раби есте, егоже послушаете, или греха в смерть, или послушания в правду[1].

459. Господь сказал о присных Своих, что Он взял их из мира. У какого мира отъял Он их? от мира, то есть из жительства суетного и греховного. Каждый желающий быть учеником Иисуса, да бежит от страстей. Не оставивший их не может быть обителью Бога, не допустится к вкушению сладости Божественной[2].

460. Ум, если не стяжет здравия и не соделается чуждым злобы, не может соделаться зрителем Божественного света. Зло, подобно стене, стоит пред умом и соделывает душу бесплодною[3].

461. Возлюбивший Бога, возгоревшийся желанием, чтоб Бог устроил в нем жилище Себе, не восхотевший остаться в бедственном сиротстве, да заботится, во-первых, о том, чтоб сохранять заповеди Иисуса, чтоб проводить жизнь ради Иисуса. Иисус не далеко от каждого из нас. Между Им и нами — одна преграда: наши страсти. И потому если утверждаешь, что ты отрекся от мира, а действуешь во многих случаях по началам мира, то ты не вполне отвергся; ты обольщаешь сам себя[4].

462. Господь заповедал нам нести крест. Какое значение имеет эта заповедь? Значение ее заключается в том, чтоб ум непрестанно бодрствовал и пребывал в добродетели. Восшедший на такой крест да не сходит с него, то есть да пребывает в постоянном воздержании от страстей. Постоянно воздерживающийся от страстей умерщвляет их в свое время. Тогда ум воскресает в состояние непобедимости[5].

463. Если человек не оставит всех суетных попечений, то не возможет взойти на крест. На этом основании Господь повелел оставлять все усвоения и все начальные причины, низводящие ум с креста[6].

464. Апостол, ведая, что невозможно любить вместе и Бога и мир, написал к ученику своему: *никтоже воин бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет. Аще же и подвизается кто, не венчается, аще незаконно подвизатися будет*[7].

465. Приносящие благий плод очищаются Богом с тою целию, чтоб они сделались еще плодоноснее. Но Господь не удостаивает любви Своей тех, которые исполняют греховную волю плоти[8].

---

[1] *Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности?* (Рим. 6. 16.) Слово 22. ‖ [2] Слово 22. ‖ [3] Слово 22. ‖ [4] Слово 22. ‖ [5] Слово 22. ‖ [6] Слово 22. ‖ [7] *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтоб угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчавается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2. 4, 5). Слово 22. ‖ [8] Слово 22.

466. Прибегнем к благости Божией, умоляя Бога, чтоб Он умилосердился над нами и даровал силу свергнуть тяжкое иго мира, утопающего в греховной скверне. Не дремлет враг наш! Ежечасно старается он уловить нас и похитить наши души. С нами — Господь наш Иисус Христос. Он сокрушит врага святым Своим словом, если мы будем соблюдать это слово[1].

467. Доколе имеем возможность прибегать к милосердию Божию и пользоваться богатством щедрот Божиих, доколе находимся в теле, раскаемся от всего сердца в грехах наших. Кратко поприще земной жизни. Если возложим на себя подвиг, соответствующий силам нашим, то наследуем вечную и неизглаголанную радость. Если же обратимся *вспять*, то уподобимся тому юноше, который вопросил Господа, что ему делать, чтоб спастись, и который ушел от Господа, опечаленный ответом Господа. Господь сказал ему: *вся, елика имаши, продаждь и раздай нищим, и возми крест свой, и гряди по Мне*[2]. Этими словами Господь научает нас, что спасение наше состоит в отсечении воли падшего естества. Юноше представилось тягостным отдать все имущество нищим, но еще более тягостным нести крест. Предоставление имущества нищим есть частная добродетель. Она соделывает человека способным нести крест. Ношение же креста заключается в отречении от всех видов греха, и рождает любовь, без которой не может состояться ношение креста[3].

468. Имеются и мнимые добродетели, в которых нет ни любви, ни совершенства[4].

469. Произволяющий вступить на путь любви да отречется от попечений о человеках, каковы бы они ни были, добры или злые, и да устремит все желание сердца к Богу. От такого стремления к Богу начинает действовать естественный гнев, который противостоит всему, что насевает враг. Тогда Закон Божий начертывается на душе и являет свое присутствие в ней деятельностию по побуждениям страха и любви. Человек, достигший этого состояния, дерзновенно говорит с Апостолом: *аз не точию связан быти хощу, но и умрети готов есмь за имя Господа Иисуса Христа*[5]. Блаженна душа, достигшая такой любви. Она соделывается бесстрастною[6].

---

[1] Слово 22. ‖ [2] *...все, что имеешь, продай и раздай нищим... и приходи, последуй за Мною, взяв крест* (Мк. 10. 21; Лк. 18. 28). ‖ [3] Слово 22. ‖ [4] Слово 22. ‖ [5] *...я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса* (Деян. 21. 13). ‖ [6] Слово 22.

470. Удалившиеся из мира! рассмотрим себя, в каком мы находимся устроении. Господь Иисус многомилостив. Он подает успокоение каждому соответственно делам его: успокоение великое за дела великие, малое — за дела малые. Одно Царство, но каждый обретает в нем свое место и свое дело[1].

471. Противостанем лености! свергнем с себя *сударь*![2] Сударь, закрывающий глаза, есть забывчивость. Она препятствует нам зреть свет покаяния. Приобретем себе Марфу и Марию: удручение тела подвигами и плач. Да ходатайствуют они пред Спасителем, и Он воскресить Лазаря: ум, связанный многими пеленами — пожеланиями падшего естества[3].

472. Будем подвизаться соответственно силе нашей, и Бог, по множеству милости Своей, окажет нам содействие. Если мы не сохранили сердец наших чистыми, как сохранили их Отцы, то постараемся сохранить от греха, по крайней мере, тела наши, как требует этого Бог. Веруем, что во время страшной скорби, долженствующей постигнуть нас в час смерти, Он помилует нас, как помиловал всех святых[4].

473. Носящий тяжелое бремя страстей и действующий по началам падшего естества не есть истинный израильтянин. Он обольщает сам себя, нося тщетно одно имя. Ничего не получит он от Господа Иисуса, от Которого отрицается своею деятельностию, воскрешая в себе то, что Он умертвил, и оживляя то, что Он предал погребению. Очевидно, что поступающий так не есть истинный иудей, но ложный. Не обрезан он, не хранит субботы. И потому Господь наш Иисус Христос, когда придет во славе Своей, тогда введет в Свое вечное Царство одних сынов Израиля, то есть одних истинных христиан, обрезанных не плотским обрезанием, но духовным. Израильтяне Божии, избранный народ, составленный из всех народов, имеют обрезание сердца и сохраняют субботу, то есть упразднили в себе грех[5].

474. Блажен подвизавшийся, совлекшийся того, что увлекает в геенну, облекшийся в то, что вводит в Царство. Ничтожно время земной жизни, но мы обольщаемся и тратим его на пустые дела. Между тем подходит неприметно последний час, и мы подвергаемся плачу вечному. Не пренебрежем хранением сердца нашего! постоянно будем наблюдать за ним, прилагая все попечение о спасении своем и молясь непрестанно благости Божией, чтоб она помогла нам. Не будем гневаться на ближних за слова, произносимые

[1] Слово 22. ‖ [2] Ин. 20. 7. ‖ [3] Слово 22. ‖ [4] Слово 22. ‖ [5] Слово 23.

ими безрассудно. Будучи не возделаны добродетелями, они чужды Богу, они — сосуды врага; окончится в свое время жизнь их, и они оставят поприще земной деятельности[1].

475. Возлюбленные братия! Во всяком действии вашем обращайте главное внимание на смирение, чтоб неупустительно исполнять требуемое им терпение бесчестий и отсечение воли падшего естества. Держащийся своей воли повреждает и погубляет этим все свои добродетели[2].

476. Руководящийся смиренномудрием отсекает свою волю в кротости и праведности евангельской, боясь любопрения, как змея. Расположение к спору и распре низвращает все здание добродетелей, наводит помрачение на душу, закрывает от нее свет евангельских заповедей. Позаботься устранить из себя эту проклятую страсть, которая примешивается к добродетелям, вкрадывается в человека под видом правды и губит его. Господь наш Иисус Христос не прежде взошел на крест, как по отлучении Иуды из сонма учеников; и человек, если не истребит из себя этой гнусной страсти, то не возможет преуспевать в служении Богу. За этою страстию последуют разные виды греха: последует за нею отвержение терпения; последует за нею увлечение тщеславием. Живет в душе любопрительного и высокомудрого все, что ненавидит Бог. Что ни представляет любопрительность праведным и Божественным, представляет ложно[3].

477. Осуждение себя да предшествует суду над ближним. Этим доставляется смирение[4].

478. Смирение заключается в отсечении своей воли пред ближним в духовном разуме[5].

479. Чистота сердца доказывается нерассеянною молитвою[6].

480. Из невменяемости прозябает плач[7].

481. Любовь свидетельствуется неосуждением ближних[8].

482. Стяжавший долготерпение не попустит себе помышления лукавого о ближнем[9].

483. Боголюбивое сердце чуждо мстительности[10].

484. Безмолвие состоит в том, чтоб не отвлекаться ничем от служения Богу[11].

485. Нищета духовная — принадлежность сердца незлобивого[12].

486. Мир души — от повиновения сил ее уму[13].

---

[1] Слово 23. ‖ [2] Слово 23. ‖ [3] Слово 23. ‖ [4] Слово 23. ‖ [5] Слово 23. ‖ [6] Слово 23. ‖ [7] Слово 23. ‖ [8] Слово 23. ‖ [9] Слово 23. ‖ [10] Слово 23. ‖ [11] Слово 23. ‖ [12] Слово 23. ‖ [13] Слово 23.

487. Кротость является в терпении[1].

488. Милость сердца вынаруживается прощением обид и оскорблений[2].

489. Все исчисленные добродетели рождаются от отсечения воли падшего естества. Когда человек отречется от своей воли, тогда добродетели вступают в священный союз между собою; тогда приходит ум в устроение не колеблемое возмущениями[3].

490. Из всего Писания вижу, что требования Бога от человека сосредоточиваются в следующем: чтоб он смирялся пред ближним во всем, чтоб отсекал волю падшего естества во всем, чтоб непрестанно умолял Бога о помиловании, чтоб непрестанно умолял Бога подать ему руку помощи. Единственно эта рука может сохранить человека от усыпления, в которое он постоянно влечется недугом забывчивости; единственно эта рука может удержать ум от рассеянности и скитания повсюду. Падшее человеческое естество заражено лукавством и переменчивостию[4].

491. Все добродетели наши в Боге — отнюдь не наша собственность. Бог спасает нас; Он ниспосылает нам силу храниться от зла; Он покрывает нас Промыслом Своим и подает нам возможность пребывать в нестяжании; Он дарует нам обращение к Нему, и когда обратимся к Нему, это бывает последствием действия Его на нас; Он внушает нам благодарить Его, и благодарим Его по дару Его; Он ниспосылает в нас благодать, действием которой возбуждается в нас благодарение Богу; Он защищает нас от врагов наших демонов, исторгает нас из рук и челюстей их[5].

492. Расположение к спорам и распрям, или любопрительность, рождается от следующих пороков: от пустословия, от ухищренного многословия, от лицемерного слова, произносимого с целию человекоугодия, от дерзости, от двуличности, от желания настоять на своем слове. Этими пороками низвращается душа беспощадно. Она делается бесплодною от усвоения их себе[6].

493. Если человек не прольет пота в подвиге для снискания каждой добродетели, то он не возможет достигнуть в покой Сына Божия[7].

494. Братия! не нерадите о жительстве и спасении вашем; удостоверьтесь, что во всяком деле, в котором действует леность, действует и злоба. Берегитесь, чтоб не отняты были у вас срок и поприще, данные для покаяния прежде, нежели вы успеете

[1] Слово 23. ‖ [2] Слово 23. ‖ [3] Слово 23. ‖ [4] Слово 23. ‖ [5] Слово 23. ‖ [6] Слово 23. ‖ [7] Слово 23.

достичь в покой Сына Божия. Покой этот состоит в смирении, долженствующем обымать собою все поведение и все поступки инока, в незлобии, во всецелом отвержении ненависти, так, чтобы не ощущать ее ни к одному человеку, в воздержании от всякого действия, неблагоугодного Богу, в постоянном зрении грехов своих, в мертвости ко всякому злу. Обетование Бога не может быть ложным; если мы постараемся приобрести такое настроение, то Он будет присущ нам и укрепит нашу немощь по благости Своей[1].

495. Сказал некто из Отцов: «Если человек не стяжет веры в Бога, постоянного стремления к Богу, если не стяжет незлобия, не воздающего злом за зло, если не стяжет подвижничества, смирения, целомудрия, человеколюбия, отречения от мира, кротости, долготерпения, чистой молитвы с болезнию сердца, истинной любви, не зрящей *вспять*[2], терпения попускаемых скорбей, отвержения упования на свое добродетельное жительство, то не может спастись[3].

496. Человек! злобные враги твои не дремлют: они неусыпно заботятся о погибели твоей. Не вознеради, не попри твоей совести; никак не доверь себе, что ты достиг во что-нибудь угодное Богу: ты находишься еще в стране врагов твоих[4].

497. Благоразумное удручение себя подвигами изглаждает пороки, произведенные предшествовавшим нерадением[5].

498. Плач сердца исцеляет язвы, нанесенные сердцу внутренними врагами[6].

499. Совершенная любовь к Богу противостоит внутренним браням, поборая их волею Божиею и покоряя ей[7].

500. Чистота сердечная, побеждая брани сердечные, уготовляет сердце в место покоя Сыну Божию[8].

501. Целомудрием сохраняются в целости добродетели[9].

502. Духовный разум — и победитель и хранитель[10].

503. Обретший благодарение Богу во время нашедших на него искушений обращает нашедшие на него искушения в бегство[11].

504. Недоверие к подвигу твоему, что он благоугоден Богу, привлечет к тебе помощь Божию, которая будет охранять тебя. Вдавший сердце свое в благочестивое, истинное искание Бога не может даже помыслить, что он угоден Богу[12].

[1] Слово 23. ‖ [2] Лк. 9. 62. ‖ [3] Слово 24. ‖ [4] Слово 24. ‖ [5] Слово 24. ‖ [6] Слово 24. ‖ [7] Слово 24. ‖ [8] Слово 24. ‖ [9] Слово 24. ‖ [10] Слово 24. ‖ [11] Слово 24. ‖ [12] Слово 24.

505. Обличаемый совестию в чем-либо, принадлежащем падшему естеству, чужд свободы. Где обличение, там и обвинение; где обвинение, там нет свободы[1].

506. Когда, наконец, увидишь, что во время молитвы совесть не обличает тебя ни в одном виде греха, тогда это будет признаком, что ты точно получил свободу и по воле Всесвятого Бога взошел в святой покой Его[2].

507. Если усмотришь, что благой плод укрепился и плевелы вражеские не подавляют его, если супостаты точно побеждены и отступили от тебя не с коварством, что делается ясным из прекращения борьбы с чувствами, если облако осенило скинию, и *во дни солнце не ожжет тебя, ниже луна нощию*[3], если обретаются в тебе все принадлежности скинии, и она поставлена и хранится по воле Божией, то поистине дарована тебе победа Богом. Он, Сам Он осенил Свою скинию как принадлежащую Ему; Он предходит пред нею и предуготовляет ей приличное, безопасное место. Если Бог не остановится предварительно в том месте, в котором благоугодно Ему остановиться, то и скиния должна продолжать свое шествие. Так поведает Писание[4].

508. Человек находится в великой опасности, доколе не познает себя, доколе не уразумеет со всею точностию, что удалились из него все закоренелые противники и сквернители монашеского делания, возбуждающие в монахе действие ветхого естества. Мы нуждаемся, чтоб непрестанно преобладал над нами страх всеблагого Бога, чтоб неоскудно действовало в нас памятование благодеяний Божиих; мы нуждаемся, чтоб постоянно обладала сердцем нашим благодать Божия при посредстве святого смирения; мы нуждаемся прилежать всему, чем уготовляется и хранится это состояние, пребывая до конца жизни умом в трезвении и подвиге[5].

509. Кто судит ближнего, порицает брата, уничижает его в сердце, обличает его с гневом, говорит о нем худо при других, тот устраняет из себя милость и прочие честные добродетели, которыми обиловали святые. Таким поведением в отношении к ближнему уничтожается все достоинство подвигов и погубляются все благие плоды[6].

510. Говорящий, что он оплакивает согрешения свои, и продолжающий подвергаться им обманывает сам себя[7].

---

[1] Слово 24. ‖ [2] Слово 24. ‖ [3] *Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью* (Пс. 120. 6). ‖ [4] Слово 24. ‖ [5] Слово 24. ‖ [6] Слово 24. ‖ [7] Слово 24.

511. Усиливающийся безмолвствовать и вместе с этим не заботящийся об отсечении страстей своих страдает неведением в святом искусстве созидания добродетелей[1].

512. Оставивший попечение о грехах своих и принявший на себя попечение о исправлении других чужд молитвы, возносимой из всего сердца, чужд утешения, доставляемого Божественным разумом[2].

513. Мужество состоит в том, когда человек вооружится против прежде соделанных им грехов, молит Бога о даровании ему прощения в них, молит Бога, чтоб они не возобновлялись ни в уме его, ни в сердце, ни в действиях[3].

514. Если воспоминание о соделанных грехах не возобладает неоскудно сердцем и не отвратит взоров ума от всего, принадлежащего миру, то человек не возможет избавиться от насилия усвоенных им страстей, не возможет воздержаться от грехов, к которым привык, не возможет отвлечь помысл свой от осуждения созданий Божиих[4].

515. Приносящие истинное покаяние не занимаются уже осуждением ближних, они занимаются оплакиванием грехов своих[5].

516. Если грехи твои привлекут к себе все внимание твое, то этим отвлечешь себя от внимания грехам ближнего[6].

517. Воздающий злом за зло далеко устраняет от себя плач[7].

518. Далек от плача тот, кто вдается в мирские заботы с целию удовлетворения своему тщеславию[8].

519. Далек от плача последующий воле естества падшего[9].

520. Если плачущий скажет о ком-либо, что он хорош или худ, то одно суждение это уже служит для него стыдом и укоризною. Такое суждение обличает его, что он мог увидеть то, чего не должен бы видеть: человека грешнее себя. Покушение узнать о чем-либо, не касающемся собственно его, есть начинание, противное совести, признак незнания пути Божия, лукавое увлечение и пленение, не допускающее видеть грехов своих[10].

521. Если тебя поносят и ты заскорбишь от этого, то нет в тебе истинного плача[11].

522. Если подвергнешься убытку или лишишься каким-либо образом принадлежащих тебе вещей и опечалишься этим, то нет в тебе страха Божия[12].

[1] Слово 24. ‖ [2] Слово 24. ‖ [3] Слово 24. ‖ [4] Слово 24. ‖ [5] Слово 24. ‖ [6] Слово 24. ‖ [7] Слово 24. ‖ [8] Слово 24. ‖ [9] Слово 24. ‖ [10] Слово 24. ‖ [11] Слово 24. ‖ [12] Слово 24.

523. Если кто прославляет тебя и ты с услаждением принимаешь похвалу, то нет в тебе страха Божия[1].

524. Если скажут о тебе что несправедливо и ты смутишься, то нет в тебе страха Божия[2].

525. Если при разговоре с братиями ищешь, чтоб слово твое взяло верх над словами других, то нет в тебе страха Божия[3].

526. Если ты занимаешься посещением славных мира с намерением свести с ними короткое знакомство и дружбу, то нет в тебе страха Божия[4].

527. Если пренебрегут твоим словом и ты обидишься этим, то нет в тебе страха Божия[5].

528. Исчисленные признаки показывают, что жив ветхий человек в подвижнике, что обладает им, что не встречает себе сопротивления, что нет в подвижнике истинного плача[6].

529. Служитель Божий должен иметь очи духовные, ими увидеть себя и познать, что последующий воле падшего естества есть враг Божий по произволению[7].

530. Если будешь хранить заповеди Божии и совершать все дела твои в духовном разуме ради Бога; если уразумеешь, что невозможно угодить Богу достойно величию Его; если предложишь грехи твои взорам ума и будешь постоянно содержать пред ними, то найдешь в этом защиту против злохитрого врага, который усиливается низложить человека, склоняя его оправдывать себя; ты сохранишь в целости здание, устраиваемое плачем[8].

531. Не попусти сердцу твоему понадеяться, что ты одержал победу! Доколе человек не предстанет на Суд Божий, доколе не услышит окончательного определения о себе и не узнает, какое место назначено ему, дотоле служение его Богу находится под страхом, в положении нерешенном[9].

532. Печаль в разуме Божием, снедая сердце, удерживает чувства его от увлечения грехом, а трезвение противостоит лукавым помыслам и охраняет ум от движений небогоугодных[10].

533. Человек, доколе находится в теле, никак не должен и не может доверить себе. Он не способен к неизменяемости. Необходимо ему пребывать в непрерывающемся подвиге[11].

534. Блаженны те, которые не возложили упования на дела свои, которые уразумели величие Божие и сподобились исполнять в точности волю Божию. Познав свою немощь, они сосредоточивают

[1] Слово 24. ‖ [2] Слово 24. ‖ [3] Слово 24. ‖ [4] Слово 24. ‖ [5] Слово 24. ‖ [6] Слово 24. ‖ [7] Слово 24. ‖ [8] Слово 24. ‖ [9] Слово 24. ‖ [10] Слово 24. ‖ [11] Слово 24.

все подвиги свои в печаль покаяния: они оплакивают себя, оставя суетную и греховную заботу о всем, совершающемся в мире, который, как создание Божие, подлежит суду единого Бога[1].

535. Победа подвижника заключается в том, когда он предаст всего себя Богу и исполнением воли Его достигнет совершенства. Тогда имя его будет внесено в книгу жизни, Ангелы засвидетельствуют о нем, что он избежал князей воздушных, и сопричислится он к небесным блаженным духам. Но доколе продолжается борьба, дотоле человек находится в страхе и трепете. Не ведает он, победит ли сегодня, или будет побежден; не ведает он, что ожидает его на следующий день, победа ли, или побеждение[2].

536. Бесстрастие уже не подвержено колебанию от нападений врага. Оно прияло награду за борьбу — почесть победы. Оно пребывает в спокойствии и не боится разъединения трех частей, соединенных миром Божиим. Эти три части суть: дух, душа и тело. Когда эти три части действием Святого Духа составят из себя одно целое: тогда они уже не разделяются[3].

537. Не признавай себя умершим греху, когда видишь, что враг еще насилует тебя, будет ли это во сне, или в бодрственном состоянии[4].

538. *Искушение житие человеку на земли*, говорит Писание[5]. Бодрствуем ли или спим, враг не престает нападать на нас.

539. Сражающийся на позорище не воспевает победной песни прежде победы; и инок, страждущий под гнетом борьбы со грехом, не может быть спокойным и положиться на жительство свое, доколе протекает поприще[6].

540. Блаженны те очи, которых человек по причине смиренномудрия не дерзает возвести к Богу! Блаженны иноки, прилежащие врачеванию язв своих в духовном разуме, стяжавшие познание грехов своих, омывающие их слезами и просящие прощения у Бога[7].

541. Горе тем, которые тратят время на занятия суетные, считают себя безгрешными, попирают совесть, не произволяя прийти в умиление и не понимая, что презираемое ими, как мелочь, отнюдь не есть мелочь[8].

542. Земледелец признает потерянным всякое посеянное им семя, не принесшее плода; он тужит о труде и издержках невознагражденных. Подобно этому инок, хотя бы узнал все тайны и стя-

---

[1] Слово 24. ‖ [2] Слово 24. ‖ [3] Слово 24. ‖ [4] Слово 24. ‖ [5] Ср.: *Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?* (Иов. 7. 1). ‖ [6] Слово 24. ‖ [7] Слово 24. ‖ [8] Слово 24.

жал обширнейшее знание, хотя бы совершал великие знамения и исцеления телесных недугов, хотя бы возложил на себя разнообразный тягостнейший подвиг, хотя бы соблюдал строжайшее нестяжание и имел одежду, едва способную прикрыть наготу тела, но если не усмотрит в себе знамений Божественной любви, то находится еще под страхом. Он не умиротворился еще с совестию своею, он окружен еще врагами, ловцами, наветниками, он не узнал еще на опыте, что *любы николиже отпадает*[1].

543. О, сколько труден путь Божий! Сам Господь сказал: *узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало есть их, иже обретают его*[2]. Мы, ленивые, праздные, преданные плотским наслаждениям, полагаем свое спокойствие и благополучие в отвержении ига Христова[3].

544. Увидевший змея, или ехидну, или скорпиона, или какое другое ядовитое животное, бежит от него со страхом; безрассудная же и несчастная душа смотрит равнодушно на все, что наносит ей смерть, не удаляется, не убегает; напротив того, она услаждается всем этим, покоряет всему этому сердце свое. По этой причине она растрачивает земную жизнь на пустые занятия и выходит из нее, не принесши никакого благого плода[4].

545. Монашеская жизнь есть путь; цель пути — достижение покоя. На этом пути, на пути добродетелей, встречаются падения, встречаются враги, встречаются перемены; на нем бывают и обилие и умаление, и плоды, и бесплодие, и печаль и радость, и болезненное сетование сердца и спокойствие сердца, и успех и утраты. Но бесстрастие чуждо всего упомянутого. Оно не имеет никакого недостатка. Оно во Боге, и Бог в нем. Для бесстрастия нет врагов, нет падения. Не стужает ему ни неверие, никакая другая страсть. Оно не ощущает труда в хранении себя, его не беспокоит никакое пожелание; оно не страдает ни от какой брани вражеской. Велика слава его, достоинство невыразимо. Далеко отстоит от него всякое душевное устроение, возмущаемое какою-либо страстию. Оно есть то тело, которое восприял на Себя Господь Иисус; оно — та любовь, которую преподал Господь Иисус[5].

546. Невозможно уму, связанному попечениями суетного мира, служить Богу, как и Господь сказал: *не можете Богу работати и мамоне*[6]. Мамоною названы все вообще суетные занятия и каждое

[1] *Любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13. 8). Слово 24. ‖ [2] *...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7. 14). ‖ [3] Слово 24. ‖ [4] Слово 24. ‖ [5] Слово 25. ‖ [6] *Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6. 24).

из них в частности. Если человек не оставит их, то не возможет вступить в служение Богу[1].

547. В чем состоит служение Богу? не в чем ином, как в устранении из ума всего чуждого, когда славословим Бога. Да не будет в нас услаждения чем-либо земным в то время, как мы молимся Ему! да не будет в нас злобы в то время, как воспеваем Его! да не будет в нас ненависти к ближнему в то время, когда поклоняемся Ему! да не будет в нас лукавого рвения в то время, как устремляем ум наш к Нему! да не движется срамная похоть в членах наших в то время, когда занимаемся памятию Божиею. Всем этим душа омрачается, содержится в плену и, имея эти страсти в себе, не может приносить чистого служения Богу. Они возбраняют ей на воздухе, то есть, возбуждая помыслы и мечтания, не допускают ее предстать Богу и совершать таинственное служение Ему, молясь Ему от сладостного действия Божественной любви с услаждением сердца, в святой воле Божией, причем душа бывает просвещаема Богом. Не отсекая упомянутых страстей духовным разумом, ум находится постоянно в омрачении и не может преуспеть в Боге[2].

548. Невозможно возложить на себя подвига, которым отсекаются страсти, если не оставятся суетные попечения мира. Двух родов плотское мудрование содержит душу в плену. Одно из них действует на душу извне, связывая ее заботами о преуспеянии телесном посреди и по началам мира; другое действует внутри души, состоит из действия страстей и препятствует действию добродетелей. Душа не может увидеть действия страстей внутри себя, если предварительно не отложит деятельности по началам и посреди мира. По этой причине и определил Господь, что никто не может быть учеником Его, не отвергшись вполне воли падшего естества. Телесная, наружная деятельность по указанию плотского мудрования зависит от произвола, а внутренняя деятельность зависит от внешней. Научая нас, что воля падшего естества владычествует над тою и другою деятельностью, Господь наш Иисус Христос повелел отсекать волю. Ум умерщвляется в отношении к вечной жизни, доколе душа предается попечениям и делам мира; в это время страсти, сокровенно обитающие в душе, развиваются и усиливаются свободно. Если душа окажет повиновение учению Господа Иисуса, повелевающего отсечь все греховные и плотские хотения, то она возненавидит все дела по началам мира; тогда ум восстает с земли и от сна, пребывает в состоянии бодрствования и крепо-

---

[1] Слово 26. || [2] Слово 26.

сти, извергая из своего дома все страсти, внимая неоскудно душе и охраняя ее, чтоб она не возвращалась *вспять*, в объятия врагов своих[1].

549. Ум, воздвигнутый, приведенный в состояние бодрствования, заботится тщательно о душе и, постоянно охраняя ее, рождает от нее и воспитывает детей, вступает с нею в такое тесное общение, что ум и душа соделываются единым сердцем. Душа вступает в полное повиновение уму, который соделывается главою всего существа человеческого[2].

Здесь изложены самые глубокие психологические истины, которые иначе не могут быть объяснены, как опытно-христианским, святым подвижничеством. Это учение изложено и в XXI Беседе преподобного Макария Великого.

550. Когда душа вступит в повиновение уму, владычествующему ею в Господе, тогда соединенные воедино ум и душа приносят Богу молитвы чистые, тогда они славословят Господа во святыне сердца, тогда даруется им просвещение от Господа. Они — истинные поклонники, каких *ищет Отец, покланяющихся Ему духом и истиною*[3]. О них сказано: *вселюся в них и похожду*[4]. Им дано обетование: *аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего*[5].

551. Богу благоугодно, чтоб те, которые Ему Свои, были свободны как от внешних уз, налагаемых плотским мудрованием, так и от внутренних, сокровенных в душе. Те и другие цепи расторгнуты вочеловечением Господа, о имени Его, как Он и сказал: *будите во Мне, и Аз в вас*[6]. Брат! уразумей следующее: угодно Богу, чтоб, во-первых, мы пребывали в Нем всею деятельностию нашею; тогда и Он будет пребывать в нас, очистивших себя по силе нашей[7].

552. Невозможно, чтоб Христос пребывал в человеке вместе со грехом. Если вселился в тебя Христос, то умер в тебе грех[8].

553. Желающий узнать, вселился ли в него Христос, может узнать это из собственных своих помыслов. Доколе грех насилует сердце его в послушание себе, дотоле Бог не вселился в него и Дух Святой не обрел покоя в нем. Порядок дела таков: Бог вселяется

---

[1] Слово 26. ‖ [2] Слово 26. ‖ [3] *...Отец ищет... и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин. 4. 23, 24). ‖ [4] «*...вселюсь в них и буду ходить* [*в них*]» (2 Кор. 6. 16). ‖ [5] *...если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного* (Мф. 18. 19). ‖ [6] *Пребудьте во Мне; и Я в вас* (Ин. 15. 4). ‖ [7] Слово 26. ‖ [8] Слово 26.

в человека, если человек предварительно совершит требуемый Богом подвиг и стяжет жительство, соответствующее воле Божией; так же и человек вселяется в Бога, если душа освободится от страстей[1].

554. *Прилепляяйся сквернодейце,* говорит Апостол, *едино тело есть с блудодейцею: прилепляяйся же Господеви един дух есть с Господем*[2]. Под именем блудницы разумеется всякое пожелание падшего естества. Если душа возвысится превыше всех, сопротивляющихся ей на воздухе, то она пребывает в Боге и соделывается причастницею Духа Его; тогда исполняется над нею сказанное: *прилепляяйся Господеви един дух есть с Господем*; тогда Господь научает ее, как она должна молиться, поклоняясь Ему поклонением истинным и удовлетворительным, прилепляясь к Нему. Он пребывает в ней, даруя ей мир и постоянно содержа в мире, открывая в ней Свою славу и неизреченные дарования[3].

555. Душа рождается от Бога в новое существование сперва при посредстве Святого Крещения, а потом чрез наитие на нее Святого Духа, и говорит Писание: *рожденный от Бога не согрешает, и лукавый не прикасается ему*[4].

556. Постараемся исторгнуть и извергнуть из сердца нашего страсти, чтоб соделаться младенцами в отношении к злобе, по завещанию Евангелия[5]. Приложившие старание об уничтожении в себе страстей достигли святого, великого возраста. Соделавшиеся младенцами по злобе получают способность противоборствовать врагу как совлекшие с себя все, принадлежащее ему. Опять: эти младенцы соделываются отцами как достигшие совершенства. Им открываются и вверяются таинства, и они достигают в единение с собою и с Богом, премудрость, благость, чистоту, из которых составляется кротость. Достигшие этого состояния прославляют Христа в душах и в телах своих[6].

557. Настал на земле великий голод. Не предадимся унынию! будем непрестанно умолять благость Божию, чтоб она не попустила нам прельститься обольщениями врага и завистника, который с ожесточением совершает злодеяния, выжидает с упорством благоприятного для себя времени и случая, говоря сам в себе: «Если не сегодня, то завтра удастся мне; не отступлю, пока не одо-

[1] Слово 26. || [2] *...совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею. А соединяющийся с Господом есть один дух* с Господом (1 Кор. 6. 16, 17). || [3] Слово 26. || [4] *...рожденный от Бога, не грешит... лукавый не прикасается к нему* (1 Ин. 5. 18). Слово 26. || [5] Мф. 18. 1. || [6] 1 Кор. 6. 20. Слово 26.

лею его». Соответственно злохитрости и злонамеренности врага и мы будем молиться постоянно и неослабно, подражая святому Давиду, который молился так: *Господи Боже мой! призри, услыши мя, просвети очи мои, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой: укрепихся на него. Стужающии ми возрадуются, аще подвижуся*[1].

558. Если враги начнут одолевать нас, то будем взывать следующими словами: *Боже! кто уподобится Тебе? Не премолчи, ниже укроти, Боже: яко се, врази Твои возшумеша, и ненавидящии Тя воздвигоша главу. На люди Твоя лукавноваша волею, и совещаша на святыя Твоя. Реша: приидите и потребим я от язык, и не помянется имя Израилево ктому*[2].

559. Действующие в борьбе с врагами верою воодушевляют сердце свое мужеством, и прежде, нежели вступить в борьбу с врагом, они уже основали себя на святом камне, который — Христос[3].

560. Не предадимся унынию и расслаблению, если увидим, что враги окружили нас своими кознями и коварством. Сеть их и ловление состоят в том, что они усиливаются или потопить нас в лености, печали и недоумении, или погрузить в сладострастие, или возбудить к гневу на ближнего, когда он что-либо сделает противное нам; то они обольщают наш взор телесною красотою, то низводят нас вожделением вкусной пищи, то представляют язвительным слово, сказанное нашим ближним, то внушают оспорить слово ближнего, то подучают произносить суд над братиею и говорить: «Этот хорош, а этот не хорош». Не предадимся, повторяю, унынию и расслаблению, если отовсюду нападут на нас такие помыслы и воздействуют в нас такие влечения; напротив того, воззовем от всего сердца словами Давида: *Господь защититель живота моего. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое: аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю. Единою просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, и посещати храм святый Его. Яко скры мя в селении*

---

[1] *Призри, услышь меня, Господи, Боже мой! Просвети очи мои, да не усну я сном смертным; да не скажет враг мой: «я одолел его». Да не возрадуются гонители мои, если я поколеблюсь* (Пс. 12. 4–6). Слово 26. ‖ [2] *Боже! Не премолчи, не безмолвствуй и не оставайся в покое, Боже! ибо вот, враги Твои шумят, и ненавидящие Тебя подняли голову; против народа Твоего составили коварный умысел, и совещаются против хранимых Тобою; сказали: «пойдем и истребим их из народов, чтобы не вспоминалось более имя Израиля»* (Пс. 82. 2–5). Слово 26. ‖ [3] Слово 26.

Своем в день зол моих, покры мя в тайне селения Своего, на камень вознесе мя. И ныне вознесе главу мою на враги моя[1].

561. Употребим все зависящие от нас средства, чтоб стяжать трезвение ума. Трезвящийся ум внимает непрестанно душе, охраняет ее от мертвых дел, от всякого дела, противного естеству святому. Непрестанное внимание душе необходимо, потому что естество ее переменчиво[2].

562. Душа подобна железу, которое, будучи оставлено в небрежении, покрывается и повреждается ржавчиною, а будучи вложено в огонь, очищается. Доколе держат его в огне, оно само бывает как бы огнем; никто не может прикоснуться к раскаленному железу, как не может прикоснуться к огню. То же совершается и с душою. Доколе она пребывает при Боге, доколе умною и сердечною молитвою поучается в Боге, дотоле пребывает как бы раскаленною огнем, пожигая всех врагов своих, которые покрыли ее ржавчиною во время нерадения ее. Что совершает чувственный огнь с железом, то совершает Божественный огнь с душою: он очищает и обновляет ее, и душа, соединившись с Божественным огнем, уже не услаждается ничем, принадлежащим суетному миру, но почивает в своем естестве, в котором сотворена Богом, в которое удостоилась снова вступить возрождением[3].

563. Душа, уклонившаяся из непорочного естества своего, умирает. Душа, достигшая христианского совершенства, пребывает в этом естестве. Если ж она обратится к действиям, противным естеству, то умирает немедленно[4].

564. Удостоившиеся милости Божией и дарований Святого Духа смотрят на мир, как на темницу, в которой они заключены, и убегают общения с ним, как смерти. Такая душа не может полюбить мир, если б и захотела полюбить. Она помнит то состояние, в котором бедствовала прежде вступления своего в то состояние, в котором начала покоиться в Боге; она помнит, что сделал с нею мир, и то запустение, в которое привел он ее[5].

565. Если душа по святом Крещении будет снова порабощена диаволом, то он подвергает ее страшному уничижению, низлагая

---

[1] *Господь крепость жизни моей... Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться. Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его; ибо Он укрыл бы меня в скинии Своей в день бедствия, скрыл бы меня в потаенном месте селения Своего, вознес бы меня на скалу. Тогда вознеслась бы голова моя над врагами* (Пс. 26. 1, 3, 5, 6). Слово 27. ‖ [2] Слово 27. ‖ [3] Слово 26. ‖ [4] Слово 26. ‖ [5] Слово 26.

коварно во все скверны; он извергает из души образ и законы истинного Царя, заменяет их своим образом и своими законами, вводит душу в попечения века сего, вовлекает в нерадение и постыдные страсти, в исполнение воли демонов. Когда же благость святого и великого Царя Иисуса дарует душе покаяние, тогда душа оживляется радостию и покаянием отверзает вход в себя Царю Иисусу. Он, взошедши в душу, погубляет врага, истребляет мерзостный образ его и мерзостные законы, освобождает душу, поставляет в ней Свой святой образ, дает ей Свой святой закон, научает ее успешной борьбе с врагом, умиротворяет все чувства ее, и с этого времени начинает обитать в душе, как уже принадлежащей Ему[1].

566. Невозможно душе вступить в покой Сына Божия, если она не имеет образа Его. Никакой купец не принимает и не выдает монеты, не имеющей на себе царского изображения: не имеющие этого изображения монеты не влагаются в казнохранилище царское; так и душа, не запечатленная образом великого Царя, Иисуса Христа, не принимается Ангелами в общение их. Они отвергают ее, говоря: «Как войти тебе сюда, когда ты не имеешь на себе Царского образа»[2].

567. Знамение Царского образа есть любовь, как объявил это Сам Господь, сказав: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*[3]. Но Божественная любовь не может пребывать в нас, если душа будет разделяться и, ища Бога, не оставит пристрастия к миру. Душа не сподобится духовного преуспеяния в Боге, связавшись чем-либо, принадлежащим миру; она не преплывет волнующегося моря страстей, если будет иметь недостаток в какой-либо добродетели; ей не пройти сквозь облако лукавых духов, если она не отвергнет все суетные попечения и пристрастия. Когда разрушится малейшая часть стены города, обнесенного отовсюду стеною, то враги, тщательно наблюдающие за городом, усмотрев пролом, входят посредством его в город. Хотя бы стража и стояла при вратах города, но она не может уже защитить его; для этого необходимо исправление разрушившегося участка стены. Так и подвижник не способен противостать врагам, если им обладает какая-либо страсть; ему не достигнуть христианского совершенства[4].

568. Во Второзаконии заповедает Бог Израилю: *аще изыдеши ополчитися на враги твоя: да сохранишися от всякаго слова*

[1] Слово 26. ‖ [2] Слово 26. ‖ [3] *По тому узнают вас, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13. 35). ‖ [4] Слово 26.

и дела зла[1], то есть от всякого, какого бы то ни было удовлетворения страстям, и в свое время предастся враг твой в руки твои. Из иноплеменных народов, враждебных вам, *не оставите жива всякаго дыхания,* то есть не допускайте никакому наветующему вас греховному помыслу жить согласием и беседою с ним, *да не научат вас творити всякия мерзости своя, и согрешите пред Господем Богом вашим*[2]. Подвижнику, пришедшему в робость при виде страшных, исполинского росту врагов и сомневающемуся в победе над такими врагами, возвещает Бог: *не возможеши погубити их вскоре, да не будет земля пуста, и умножатся зверие дивии на тя: но помалу малу погубит Господь Бог твой языки сия от лица твоего*[3]. Между тем ты возрастешь числом, то есть обогатишься опытностию подвижничества. Часто повторяет Бог заповедание израильтянам, чтоб они не входили ни в какое дружественное сношение с народами ханаанскими, которых Бог вознамерился истребить с лица Земли Обетованной. Это заповедание относится к нам: им воспрещается всякое и самомалейшее увлечение и услаждение грехом[4].

569. Екклезиаст, научая нас, что малейшая страсть может разрушить все здание добродетелей, говорит: *мухи умершия изгоняют елея сладость*[5]. И пророк Иезекииль говорит: *аще совратится праведник от правды своея и сотворит неправду, вся правды его не помянутся*[6]. *Мал квас все смешение квасит,* сказал Апостол[7].

570. Все Писание убеждает нас тщательно рассматривать себя, чтоб мы, проводя подвижническую жизнь, не питали злобы и не гневались на ближнего, чем погубляется весь подвиг инока. За памятозлобие наше не будет помогать нам в борьбе с невидимым врагом Господь наш Иисус Христос. Он отвращается от того, кто не прощает ближнему. *Рабе лукавый,* говорит Он ему, *весь долг он отпустих тебе, понеже умолил Мя еси. Не подобаше ли и тебе помиловати клеврета твоего? И прогневався Господь его, предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой. Тако и Отец Мой Небес-*

---

[1] *Когда пойдешь в поход против врагов твоих, берегись чего худого* (Втор. 23. 9). ‖ [2] *...не оставляй в живых ни одной души... дабы они не научили вас делать такие же мерзости, дабы вы не согрешили пред Господом, Богом вашим* (Втор. 20. 16, 18). ‖ [3] *И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истребить их скоро, чтобы не умножились против тебя полевые звери* (Втор. 7. 22). ‖ [4] Слово 26. ‖ [5] *Мертвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника* (Еккл. 10. 1). ‖ [6] *Если праведник отступает от правды своей и делает беззаконие, и за то умирает, — то он умирает за беззаконие свое, которое сделал* (Иез. 18. 26). ‖ [7] *Малая закваска заквашивает все тесто* (Гал. 5. 9). Слово 26.

ный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их[1].

571. Брат! ежедневно рассматривай себя и раскрывай сердце твое пред Богом, чтоб уразуметь невидимых деятелей, живущих в сердце твоем. Нет ли в нем негодования или ненависти на брата, зависти, презрения к нему, не уничижаешь ли и не осуждаешь ли его за недостатки, которые представляются тебе в нем. Если найдешь такой яд в сердце твоем, то знай, что оно, будучи заражено им, не может благоугождать Богу[2].

572. Кто страшится геенны, тот да извергает из сердца все виды злобы, чтоб не пало на него от Господа грозное определение отвержения. Брат! внимай сердцу твоему, бодрствуй над ним, потому что неимоверная злоба врагов соединена с неимоверным коварством. Они никогда не спят! Будь убежден сердцем твоим в верности этого преподаваемого тебе сведения[3].

573. Человек доколе делает зло, не может делать добра, но может делать лишь зло под личиною добра[4].

574. Нет ничего, принадлежащего этому миру, что могло бы отлучить от любви Божией тех, которые возлюбили Бога всем сердцем и внимают себе. Внимай же себе, чтоб не вкралось в тебя что-либо враждебное и не отвлекло от любви к Богу. Таковы: пристрастие к деньгам, к имуществу, сластолюбие, ненависть, словом, все яды, которые вдыхает змей в сердца наши[5].

575. Живут змеи в сердцах тех, которые искушают Господа Иисуса. Искушающие Господа суть те, которые вопрошают о заповедях Его и не исполняют их, как и Писание говорит: *вопроси един от них законоучитель, искушая Его*[6].

576. Утверждай мужеством сердце твое, не предавайся унынию, говоря: «Как мне исполнить заповеди Господа, когда я грешник?» Если человек оставит грехи свои и обратится к Богу, то покаяние возрождает его в новую, духовную и святую жизнь[7].

577. Потщимся пребывать в объятиях покаяния и питаться млеком из святых сосцов его, чтоб оно воспитало нас. Презрим все видимое, чтоб млеко это усладилось в устах наших. Подчинимся

---

[1] *...«злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18. 32–35). Слово 25. ‖ [2] Слово 26. ‖ [3] Слово 26. ‖ [4] Слово 26. ‖ [5] Слово 26. ‖ [6] *И один из них, законник, искушая его, спросил* (Мф. 22. 35). Слово 26. ‖ [7] Слово 26.

его власти и его наставлениям, чтоб оно уврачевало нас. Если мы боремся со врагами, и они начнут низлагать нас по причине детского возраста нашего, то восплачем в объятиях покаяния, и оно умолит Отца нашего, чтоб Он защитил нас от насилия и обиды[1].

578. Отсечем вполне волю падшего естества и возлюбим странничество, чтобы оно спасло нас, как спасло Авраама. Вверимся рукам его, подобно Иакову, чтоб, подобно ему, получить благословение Отца[2].

579. Не дадим места унынию в сердцах наших, чтоб оно не отняло у нас возможности наследовать Землю Обетованную[3].

580. Возлюбим смирение и труд, и войдем в страну, кипящую медом и млеком, как вошел в нее Халев[4].

581. Не допустим угождения чреву и гортани изысканною и сладкою пищею, чтоб это не погубило нас, как погубило сынов Илия-первосвященника[5].

582. Возлюбим воздержание во всей полноте его, удручая подвигом наши члены и содержа в них мертвость от страстей, чтоб стяжать сердце мужественное против врагов наших, подобно великому пророку, Илии Фесвитянину[6].

583. Будем оказывать повиновение отцам нашим по Богу, отсекая пред ними волю нашу, — и стяжем истинное послушание. Когда же стяжем его, то почиет над нами благословение отцов, как почило оно на Елисее[7].

584. Будем исполнять неупустительно молитвенное служение наше, не склоняясь на представления лености, живущей в теле и предлагающей необходимость успокоить его. Уподобимся Даниилу, который решился лучше умереть, нежели оставить совершаемое им ежедневное молитвенное правило[8].

585. Бог всемогущ: любящих Его Он спасает от искушений, а лукавых предает погибели. Вера праведника в Бога претворяет зверей в агнцев[9].

586. Благословен Бог покаяния! и благословен Богу возлюбивший покаяние и подклонивший выю под иго покаяния! родится он Свыше в пакибытие совокуплением воли своей с волею Божиею[10].

587. Чтоб не прельститься и не впасть в руки врагов покаяния, человек нуждается в великом рассуждении, в отсечении всякого плотского похотения, в постоянном внимании себе, в трезвении во всех путях своих[11].

---

[1] Слово 26. ‖ [2] Слово 26. ‖ [3] Слово 26. ‖ [4] Слово 26. ‖ [5] Слово 26. ‖ [6] Слово 26. ‖ [7] Слово 26. ‖ [8] Слово 26. ‖ [9] Слово 26. ‖ [10] Слово 26. ‖ [11] Слово 26.

588. Кто оправдывает себя, тот отчуждает себя от покаяния[1].

589. Кто осуждает грешников, тот изгоняет из себя покаяние[2].

590. Кто презирает нерадивых, тот разрушает в себе покаяние[3].

591. О покаянии написано в притчах: *тесны стези дому ея: брашна же леностнаго не яде, сугуба одеяния сотвори мужу своему. Бысть яко корабль, куплю деющий издалеча: собирает себе богатство*[4]. На основании этих слов рассмотрим покаяние. Действия его подобны действию купца, который, нагружая корабль, слагает в него не один товар, но все, что признает доставляющим прибыток. Если видит другого купца, понесшего потери, то не подражает ему; он подражает тем купцам, которые обогатились. Всякое убыточное торговое предприятие он отвергает; все, доставляющее выгоду, старается усвоить себе, прибегая для этого и к займам. Он заботится покупать наиболее такой товар, который уже доставлял ему наибольшую прибыль. Он спрашивает обогатившихся и не завидующих ему, за какую цену можно купить и продать разные предметы торговли. Такой деятельности купца подобна деятельность души, желающей благополучно предстать Богу. Она не довольствуется каким-либо одним добрым делом; она старается исполнить все, споспешествующее намерению ее; она убегает от всего, наносящего ей вред. — Брат! соделавшись таинственным купцом Господа нашего Иисуса Христа, приложи все старание о купле Царя твоего, удаляясь от всего, приносящего убыток. Приносят убыток: слава человеческая, гордость, оправдывание себя, нерадение, злоречие, любостяжание, любопрение, самохвальство, мирские заботы. Все это вредно в купле Иисусовой, — и не возмогут благоугодить Иисусу те купцы Его, которые в товаре своем имеют и эти принадлежности[5].

592. Брат, тщательно рассматривай себя! рассматривай твои чувства, чтоб узнать, которые из них приносят плод по Богу и которые повинуются греху. Не восхищаются ли глаза твои как бы насильно к сладострастному воззрению? Язык твой не побеждается ли дерзостию? не услаждается ли сердце твое человеческою славою? не доставляет ли приятности слуху твоему злоречие, которому подвергается оскорбивший тебя? Все это крайне вредно для души[6].

---

[1] Слово 26. ‖ [2] Слово 26. ‖ [3] Слово 26. ‖ [4] *Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Она делает себе ковры; виссон и пурпур — одежда ее. Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой* (Притч. 31. 27, 22, 14). ‖ [5] Слово 26. ‖ [6] Слово 26.

593. *Глаголи Аарону,* первосвященнику, заповедует Бог: *всех, елика аще имут порок на себе, да не принесут Господеви, да не умреши*[1]. Под именем Аарона должно разуметь ум. Повелевается ему, прежде принесения в жертву, рассмотреть приносимое, чтоб не умереть, потому что демоны примешивают к нашему добру свою злобу, прикрыв ее оправданием. Смертию для ума служит то, когда он низойдет с высоты духовного разума в помышления, предлагаемые демонами, и покорится им. Последствием повиновения демонской правде и их помыслам бывает осквернение чувств[2].

594. Тщательное рассматривание себя составляет принадлежность возлюбивших Иисуса и возложивших свою надежду на Него. Души их соделываются невестами Небесного Жениха и украшаются всеми добродетелями. Святое Крещение возродило их в пакибытие, заменило в них естество ветхое естеством обновленным, а покаяние поддержало в них чистоту естества обновленного, соделало их девами, точно святыми, как забывшими все ветхое до такой степени, что ничто из ветхого даже не приходит им на память. К такой душе относятся слова Писания: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего. И возжелает Царь доброты твоея*[3]. Удивятся такой душе все небесные Силы; удивятся они чистоте, в которую облекло ее покаяние; удивятся они тому чудному единению с Господом, в которое введена душа покаянием. Они воскликнут в сретение такой душе: *кто сия восходящая,* убеленная и украшенная Братом своим, *посреди дщерей Его!*[4]

595. Постараемся всеусильно стяжать слезы и преуспеть мало-помалу в подвиге плача, чтоб посредством его совлечься деяний ветхого человека. При этом будем остерегаться от всего, приносящего вред душе. Тогда придет к нам от Бога любовь Его, отымет от нас образ человека перстного и поставит в сердце нашем свой святой образ. Тогда, очищенные от всякого порока, мы соделаемся достойными Господа[5].

596. С того времени, как поврежден грехом род наш, ни один человек не может быть без греха; но покаяние способно возвратить каждого человека в обновленное состояние, в состояние непорочности. На этом основании Писание произносит увещание ко всем

---

[1] *...объяви Аарону... на котором есть порок, не приносите* [*Господу*], *ибо это не приобретет вам благоволения* (ср.: Лев. 22. 18, 20). ‖ [2] Слово 26. ‖ [3] *Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей* (Пс. 44. 11, 12). ‖ [4] *Кто эта, восходящая... между девицами* (Песн. 3. 6; 2. 2). Слово 26. ‖ [5] Слово 26.

нам, чтоб мы оставили деятельность родоначальника нашего по плоти, преслушавшего заповедь, и вступили в деятельность Господа нашего Иисуса Христа. Деятельность эта изображена в святых заповедях Господа. Он совершил над нами неизреченную милость: принял на Себя рабство человека, и этим средством отворил рай, заключенный для человека. Он даровал человеку все святые Свои добродетели, даровал ему питаться плодами с древа жизни. Древо жизни — святая чистота. Эту чистоту Господь явил в Себе, устранив *Херувима и пламенное обращаемое оружие*[1], которыми возбранялся путь к древу жизни. Путь этот — уразумение святых слов Господа, которое дарует Он умам верных учеников Своих[2]. Он хранит их неусыпно; Он затыкает внутренний слух их от змея, и ни одно лукавое слово змея не проникает в сердце их; Он поддерживает в них памятование той горькой работы, в которой они томились до избавления своего, и это памятование удерживает их от дел, возвращающих в эту работу; Он возбуждает в них частое благодарение к Себе, Спасителю, искупившему их честною кровию Своею, загладившему на Кресте рукописание, которым они обрекались на вечное рабство, соделавшему их братиями и друзьями Своими, излиявшему на их благодать Святого Духа[3].

597. Великое таинство совершается в тех, которые уневестились Христу: они при посредстве возрождения соделываются принадлежащими существу Его, принадлежащими телу Его[4]. Он благоволил, чтоб человек был подобен Ему во всех отношениях. Ева из Адама; так и невесты Иисуса из Иисуса[5].

598. Подвергнем себя и нашу деятельность собственному суду прежде, нежели предстать на Суд Божий. Не будем последовать тем, которые исполняют плотские пожелания сердца; постараемся приобрести то богатство, которое может нам помочь в грозный час нужды, и презрим, как врага, богатство тленное, которое по необходимости должны будем оставить здесь. Уразумеем заблуждения тех, которые истратили все силы души и тела на снискание одного временного: они ушли отсюда, покинув все, и наследовали геенну. Они погибли, потому что не захотели последовать святым стопам Господа, не удостоились соделаться Его невестами[6].

599. Великая буря свирепствует на море житейском. Свергнем с себя все, принадлежащее суетному миру, и будем вопиять молитвою к Богу, чтоб не потонуть в яростных волнах этой бури. Если

---

[1] ...*Херувима и пламенный меч обращающийся* (ср.: Быт. 3. 24). ‖ [2] Лк. 24. 45. ‖ [3] Слово 26. ‖ [4] Рим. 12. 5; Еф. 5. 30. ‖ [5] Слово 26. ‖ [6] Слово 26.

человек не обнажится от привязанностей мирских извне и от страстей, которыми облечена душа его внутри, то он не возможет спастись от потопления в волнующемся море[1].

600. Если ум сохранит душевные чувства от плотских пожеланий, и столп видения его преведет чрез них душу, как провел израильтян чрез пустыню столп, который они видели облачным в течение дня и огненным ночью[2]; если столп этот отделит душу от скотоподобных похотений, как отделил полк израильский от полка египтян[3], то Бог воззрит гневно на буйное бесстыдство страстей, устремляющихся на душу и усиливающихся содержать чувство в грехе[4]. Он посылает помощь Свою уму, упражняющемуся непрестанно в сокровенном поучении, погубляет и уничтожает мгновенно всех врагов его[5].

601. Преподобного Исаии Отшельника Слово о страстях (19).

Благовременно могу и я воскликнуть с пророком Исаиею: *терпех яко раждающая, истреблю и изсушу вкупе: опустошу горы и холмы, и всяку траву их изсушу*[6]. Если ведаешь о себе, что открылся в тебе источник Святого Духа, то это служит признаком, что страсти, жившие в тебе, посохли и умерли. На это указывают слова Спасителя: *не зде или онде Царствие Божие, но внутрь вас есть*[7].

Некоторые любят много рассуждать о Царствии Божием, но пребывают в праздности и не делают того, что вводит в Царствие. Другие и подвизаются ради Царствия Божия, но остаются вне его, потому что подвиг их чужд духовного разума и бдительности над собою. Редко встречаются такие, над которыми бы совершилось слово Спасителя, которые бы стяжали Царство Божие внутри себя. На стяжавших это Царство низошел Святой Божий Дух; исполнилось на них сказанное евангелистом Иоанном: *даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плоския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася*[8]. Они освободились от горестей, постигших Еву вследствие поразившего ее определения: *в болезнех родиши чада*[9]. Они освободились от тяжких последствий приговора, произнесенного над Адамом: *проклята земля в делех твоих*[10]. В них

[1] Слово 26. ‖ [2] Исх. 13. 21, 22. ‖ [3] Исх. 14. 19, 20. ‖ [4] Исх. 14. 24. ‖ [5] Исх. 4. 27, 28. Слово 26. ‖ [6] *...терпел... как рождающая... опустошу горы и холмы, и всю траву их иссушу* (Ис. 42. 14, 15). ‖ [7] *«...оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17. 21). ‖ [8] *...дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились* (Ин. 1. 12, 13). ‖ [9] *...в болезни будешь рождать детей* (Быт. 3. 16). ‖ [10] *...Проклята земля за тебя* (Быт. 3. 17).

вселилась та радость, которая вселилась в благодатную Марию, когда Дух Святой низошел на Нее и сила Вышнего осенила Ее. Состояние скорбное соделалось жребием Евы и потомства ее; состояние радостное соделалось достоянием Марии и Ее потомства — христиан. Мы были прежде сынами Евы, и проклятие, которое пало на нее, мы видели на себе; мы познавали это проклятие из помыслов преступных, которые действовали на нас. В противоположность этому, мы познаем, что родились от Бога из живущих в нас помышлений Святого Духа и из страданий Христовых, если тело наше точно приобщилось им распятием себя. Сказал Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точию чим неискусни есте*[1]. Когда мы носили образ земного Адама, тогда познавали, что мы сыны его, по помыслам мерзостного плотского мудрования, жившего в нас и обладавшего нами, служащего выражением болезненности души, ее недугов, или, что то же, страстей. Носящие образ Небесного Человека, Господа нашего Иисуса Христа, уразумевают о себе, что они сыны Его, по Святому Духу, живущему в них.

Исаия возвещает: *страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом и поболехом, и родихом Дух спасения*[2]. Также читается в Екклезиасте: *якоже кости во чреве раждающия, тако путь Духа*[3]. Святая Дева, осененная Духом, зачала и носила во чреве вочеловечившегося Сына Божия; подобно этому те христиане, на которых низойдет благодать Святого Духа, таинственно зачинают и носят в сердцах Сына Божия действием Святого Духа. Говорит об этом Апостол: *да даст вам Бог силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеке, вселитися Христу верою в сердца ваша: в любви вкоренени и основани, да возможете разумети со всеми святыми преспеющую разум любовь Христову*[4]. *Имамы сокровище сие в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас*[5]. Достиг ли ты опытного познания следующих слов: *мы откровенным лицем славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся от славы*

---

[1] *Или не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас. Разве только вы не то, чем должны быть* (2 Кор. 13. 5). ‖ [2] Ср.: *были беременные, мучились, — и рождали как бы ветер; спасения не доставили земле, и прочие жители вселенной не пали* (Ис. 26. 18). ‖ [3] *...как [образуются] кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все* (Еккл. 11. 5). ‖ [4] *Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми... и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову* (Еф. 3. 16–19). ‖ [5] *Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу, а не нам* (2 Кор. 4. 7).

в славу, якоже от Господня Духа?[1] Также познал ли опытно слова: *мир Божий да водворяется в сердцах ваших?*[2] и: *Христос в вас*[3] и: *Бог рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших к просвещению разума славы Божия, о лице Иисус Христове?*[4] Исполнил ли ты следующее завещание Господа: *да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящии, и вы подобны человеком, чающим Господа своего?*[5] Позаботься, чтоб уста твои в страшный час суда Божия не связались внезапно молчанием, чтоб не прийти тебе в недоумение и не быть отлученным сверх чаяния от лика Святых. Знаешь ли наверно о себе, что сосуд твой достаточно наполнен елеем, подобно сосудам мудрых дев[6], что ты способен войти в чертог, что не останешься вне его? Ощутил ли ты, что дух твой, душа и тело соединились действием Святого Духа и воскресли непорочными от смерти вечной, будучи посещены Господом нашим Иисусом Христом? Вполне ли престала совесть обличать и осуждать тебя? Соделался ли ты младенцем, согласно повелению Спасителя, Который сказал: *оставите детей и не возбраняйте им приити ко Мне: таковых бо есть Царство Небесное?*[7] Если все это совершилось над тобою, то, находясь еще в теле, поистине ты соделался невестою Иисуса и Дух Его[8] вселился в тебя. Если же сказанное нисколько не известно тебе по самому опыту, то знай, что ожидают тебя бедствие и стенания горькие. Срам и бесчестие уже предварили тебя на Суде Христовом; подвергнешься им пред бесчисленным собранием святых Ангелов и человеков.

Ежедневно, вставая рано утром, дева заботится единственно о том, чтоб предстать прекрасною пред взоры жениха. Часто смотрится она в зеркало, рассматривает, нет ли какого недостатка на лице ее, который мог бы показаться неприятным жениху. Так и святые проводят и ночь и день в тщательном рассматривании своих дел и помышлений: они изучают себя, находятся ли под водительством Бога, под водительством Святого Духа, или нет. Брат! усердно подвизайся подвигом болезнующего сердца и подвигом

---

[1] *Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа* (2 Кор. 3. 18). ‖ [2] *И да владычествует в сердцах ваших мир Божий* (Кол. 3. 15). ‖ [3] Рим. 8. 10. ‖ [4] *...Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить* [*нас*] *познанием славы Божией в лице Иисуса Христа* (2 Кор. 4. 6). ‖ [5] *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи. И вы будете подобно людям, ожидающим возвращения господина своего* (Лк. 12. 35, 36). ‖ [6] Мф. 25. 4. ‖ [7] *...пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19. 14). ‖ [8] Гал. 4. 6.

тела в духовном разуме, чтоб получить радость вечную. Этой радости удостаиваются немногие! удостоились те, которые стяжали меч Духа и освободили душу и чувства от осквернения страстями. Силен Бог помиловать немощь нашу и сопричислить нас к святым Своим. Аминь.

1. Авва **Исидор,** пресвитер Скитский, принадлежал к первым монахам Скита и по времени и по преуспеянию[1]. Он говорил: «Мудрость святых состоит в познании воли Божией; человек, образ Божий и подобие, послушанием истине возвышается над всем. Не столько страшны все демоны, сколько страшно следование собственному сердцу, то есть своим помыслам, а не Закону Божию. При конце жизни своей человек восплачет о том, что не познал существенно христианства, не нашел пути святых, не подвизался на нем. Ныне время *сотворити Господеви*[2] спасение совершается во время скорби — как и Писание говорит: *в терпении вашим стяжите души ваша*[3]».

2. Брат спросил авву Исидора, пресвитера скитсткого: «Авва! отчего демоны так сильно боятся тебя?» Старец отвечал: «С того времени, как я сделался монахом, не допускаю гневу подняться до гортани моей».

3. Говорил авва Исидор: «Вот! совершилось сорок лет, как я не увлекся ни вожделением, ни гневом, хотя ощущаю пришествие греховных помыслов».

4. Он говорил: «Люта неистовая страсть сребролюбия. Объятая ею душа решается на всякое беззаконие, не знает насыщения страстию и ведется ею в глубину зла. Страсть эту должно отсекать в самом начале. Если же она возобладает нами, то не возможем преодолеть ее».

5. Он поведал о себе: «Однажды я пошел на торг продать немного сделанных мною корзин. Приметив, что по поводу продажи возникает во мне гнев, я оставил корзины и бежал».

6. Говорил авва Исидор: «Велика — высота смиренномудрия, глубока — пропасть высокоумия, и потому советую вам возлюбить первое, чтоб не впасть во второе».

7. Поведал авва Пимен об авве Исидоре. «Когда он поучал братию в церкви, то прежде всего говорил: *Оставите, и оставится вам*».

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [2] ...*Господу действовать* (Пс. 118. 126). ‖ [3] ...*терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19).

8. Некоторый брат сказал авве Пимену: «Помышления мои не допускают мне видеть грехов моих; но отцы понуждают меня помышлять о грехах моих». Авва Пимен в ответ поведал об авве Исидоре следующее: «Авва Исидор плакал обыкновенно тогда, когда ученик его находился в другой келлии. Однажды случилось, что ученик вошел к нему в то время, как авва плакал, и спросил его: “Авва! о чем ты плачешь?” Он отвечал: “Оплакиваю грехи мои”. Ученик сказал: “Авва! у тебя нет грехов”. Старец отвечал на это: “О, сын мой! если б Бог сделал явными грехи мои для всех, то для оплакивания их недостало бы ни двух, ни трех, ниже многих помощников”»[1].

9. Брат спросил авву Исидора скитского о помыслах блуда. Старец отвечал: «Когда придет блудный помысл, смущая душу и привлекая ее в беседу с собою, но не возможет привести ко греху на деле, тогда он только нарушает духовное делание; но муж трезвенный, отвергнув его от себя, немедленно обращается к молитве»[2].

10. Спрошенный о том же помысле, старец отвечал: «Если б мы не имели помышлений, то были бы подобны животным. Но как враг усиливается делать свое, так и мы должны исполнять свое. Будем усиленно молиться, и враг убежит. Пребывай в памяти Божией (в поучении), и победишь. Победа доставляется пребыванием в благом трезвении. Борись, и увенчаешься[3].

1. Авва **Исидор** Пилусийский говорил: «Добродетельная жизнь без наставления словом более наставляет, нежели наставление словом, которому не соответствует жизнь: жизнь назидает и молча, а слово без жизни, несмотря на сильное и блестящее изложение его, служит только в отягощение слышащим. Когда соединяются слово и жизнь, то они — венец любомудрия».

2. Об авве Исидоре, пресвитере, поведали: однажды пришел к нему брат и приглашал его на вечерю любви. Но старец не захотел идти и сказал: «Адам прельстился снедию и был изгнан из рая». Брат сказал ему на это: «Ты боишься даже выйти из келлии твоей?» Старец отвечал: «Да, боюсь, сын мой: потому что *диавол, яко лев рыкая, ищет кого поглотити*»[4].

3. Он говаривал часто: «Тому, кто предается пьянству, не избежать навета помыслов. Лот, убежденный дочерьми, упился вином, — и удобно вовлек его диавол в любодеяние».

---

[1] Patrolog. Tom XI, pag. 1039. ‖ [2] Pag. 1018. ‖ [3] Pag. 1019. ‖ [4] ...*диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5. 8).

4. Он говорил: «Преданный сластолюбию и сребролюбию не может жить богоугодно».

5. Он говорил: «Если желаешь спасения — делай все, что ведет к нему».

6. Он говорил: «Подвизаясь успешно в посте, не превозноситесь этим. Если же вы тщеславитесь постом вашим, то лучше бы было для вас есть мясо: не так вредно для монаха употребление мяс, как вредны гордость и надмение».

1. Говорил авва **Илия**: «Если вы увидите в ближнем какой-либо соблазн даже собственными глазами или услышите о нем, — не верьте. Храните вашу мысль от дурных мнений о ближнем, зная, что приносят их демоны, чтоб отвлечь ум от зрения своих согрешений и от устремления к Богу»[1].

2. Два брата, подвергшись нашествию помыслов, пришли к авве Илии для совета. Старец, увидев, что они дебелы телами, сказал как бы ученику своему: «Поистине, брат, стыжусь за тебя: ты откормил тело твое, как на убой. Мы пища червей! Смирение, бледность лица и сухость тела — украшение монаха»[2].

1. Авва **Ираклий** поведал: «Некоторый старец жил в идольском капище. Пришли к нему демоны, говоря: “Уйди из нашего места”. Старец отвечал: “У вас нет места”». Демоны начали разбрасывать его ветви; старец терпеливо собирал их. После этого демон, взяв его за руку, повлек из капища. Когда он дотащил старца до дверей, старец другою рукою уперся в дверь и воскликнул: «Иисусе! помоги мне! Демон тотчас убежал, а старец начал плакать. Господь сказал ему: «О чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о том, что демоны дерзают владеть человеком и так поступать с ним». Господь сказал ему: «Ты был нерадив. Когда же ты взыскал Меня, — видишь, как Я скоро предстал тебе»[3].

1. Старцы, собравшись, согласились между собою представить патриарху авву **Исаака** для рукоположения его во пресвитера. Авва, услышав об этом, бежал в Египет и скрылся на поле, в траве. Отцы поспешно отправились в погоню за ним. Так случилось, что они пришли на то же поле, на котором скрывался авва Исаак. Было уже поздно, наступила ночь, и старцы расположились тут для ночлега, а бывшего при них осла пустили на траву. Осел, ходя по полю,

[1] Алфавитный патерик. || [2] Patrolog. pag. 1028. || [3] Алфавитный патерик.

к утру пришел на то место, где скрывался авва, и стал над ним. И старцы, начав утром искать осла, вместе с ним нашли к удивлению своему и авву. Они хотели связать его; но он не допустил их до этого, сказав: «Я уже не убегу. На это есть воля Божия. Не уйти мне от нее, куда бы ни убежал».

2. Сказывали о авве Исааке, что он в хлеб свой примешивал пепел из служебного кадила.

3. Авва Исаак и авва Авраам жили вместе. Однажды авва Авраам, зашедши в келлию, застал авву Исаака плачущим и спросил его: «О чем ты плачешь?» Авва Исаак отвечал: «Как не плакать? отцы наши преставились, и не к кому сходить нам для совета. Денег, вырученных нами за рукоделие наше, недоставало нам для найма судов, на которых мы отправлялись к старцам! Теперь мы осиротели: плачу я об этом».

4. Однажды авва Исаак впал в тяжкий недуг и томился в нем продолжительное время. Брат приготовил для него вареную пищу и вложил в нее приправу. Старец не захотел вкусить этой пищи. Брат упрашивал его, говоря: «Авва! вкуси немного ради твоей телесной немощи». Старец отвечал: «Брат! истину говорю тебе: хотелось бы мне провести в этой болезни тридцать лет».

5. Авва Исаак сказал: «Никогда я не вносил в келлию мою помысла неприязненного на брата, оскорбившего меня; равным образом я старался, чтоб и брат не внес в свою келлию помысла неприязненного ко мне».

6. Сказывал авва Исаак, пресвитер Келлий: «Видел я брата, которому захотелось съесть колос пшеницы в то время, как он жал на поле. Брат сказал владельцу поля: “Позволь мне съесть один колос”. Владелец, услышав это, удивился и отвечал: “Авва! ты съешь свое, и меня ли ты спрашиваешь!” Так строго хранил брат свою совесть».

7. Некто из старцев поведал, что один из братий пришел в малом клобуке при авве Исааке в церковь Келлий. Старец выслал его из церкви, сказав: «Церковь эта принадлежит монахам, а ты мирянин, и не можешь быть здесь».

8. Авва Исаак говорил братиям: «Не приводите сюда детей: из-за них опустели в Ските три церкви».

9. Когда братия выходили на жатву, авва Исаак говорил им: «Уже не даю вам никакой заповеди, потому что вы не сохраняете заповеданного».

10. Когда настало время кончины аввы Исаака, — собрались к нему старцы и спросили его: «Авва! как проводить нам житель-

ство по отшествии твоем?» Он отвечал: «Вы видели, как я жил. Если хотите, то подражайте мне: храните заповеди Божии, и Бог пошлет вам благодать Свою, а место это сохранит. Если же не будете соблюдать заповедей Божиих, то не пребудете и на месте этом. И мы скорбели, когда умирали отцы наши. Но, соблюдая заповеди Божии и завещания отцов наших, прожили так, как бы в сожительстве с ними. И вы поступайте так, и спасетесь»[1].

Однажды авва Исаак Фиваидский пришел в общежитие. Увидев там брата, впавшего в грех, прогневался на него и повелел изгнать. После этого, когда Исаак возвращался в келлию свою, пришел Ангел Господень и, встав пред дверьми келлии, сказал: «Я не попущу тебе войти в келлию твою». Исаак начал просить Ангела, чтоб объявил ему вину его. Ангел отвечал: «Бог послал меня, сказав: "Поди и спроси у Исаака: куда повелел он поместить согрешившего брата, которого он осудил?"» Исаак немедленно принес покаяние, сказав: «Господи! я согрешил: прости меня». Ангел сказал ему: «Встань. Бог простил тебя. Но впредь не поступай так: не осуждай кого-либо прежде, нежели Господь осудит его». «Восхитили человеки суд и не предоставляют его Мне», — говорит Господь[2].

Поведали, что авва Аполлос имел ученика, по имени Исаака, который был обучен всякому благому делу и стяжал священное сердечное безмолвие. Соблюдал он его особенно во время приношения Святой Жертвы. Когда он шел в церковь, то не допускал никого приближаться к себе для беседы. Он держался правила: все хорошо в свое время, и ***время всякой вещи под небесем***[3]. Когда оканчивалось богослужение, — он, как бы гонимый огнем, спешил в свою келлию. Случалось, что после Божественной службы раздавали братии по сухарю и по чаше вина; но Исаак не брал никогда не потому, чтоб отвергал благословение братии, но удерживая в себе то безмолвие, в которое он настраивал себя во время богослужения. Постигла его болезнь, от которой он слег. Услышав об этом, братия пришли посетить его. Сидя у него, они спросили его: «Авва Исаак! почему ты уходишь так поспешно из среды собора братии по окончании богослужения?» Он отвечал: «Убегаю не вас, но злохитрости бесовской. Если кто имеет в руке зажженную свечу и остановится с нею на открытом воздухе, то свеча угаснет; так и ум освященного Святыми Тайнами омрачается, если он замедлит вне келлии»[4].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Patgolog. pag. 786 и 909. ‖ [3] ...***время всякой вещи под небом*** (Еккл. 3. 1). ‖ [4] Алфавитный патерик.

Святого отца нашего **Исаака Сирского** учение о молитве.

1. Понудь себя к непрестанному труду молитвы пред Богом в сердце, носящем помысл чистый, исполненный умиления, и Бог сохранит твой ум от нечистых и скверных помыслов[1].

2. Постарайся войти во внутреннюю клеть твою и узришь Клеть Небесную. И первая и вторая — одно: одним входом входишь в обе. Лествица в Небесное Царство находится внутри тебя: она существует таинственно в душе твоей. Погрузи сам себя в себя от греха, и найдешь в себе ступени, которыми возможешь совершить восхождение[2].

3. Начало помрачения ума, первый признак помрачения, усматриваемый в душе, состоит в лености к службе Божией и молитве. Другого пути к обольщению души нет, если она прежде не оставит этого подвига своего. Когда же она лишится помощи Божией: тогда она удобно впадает в руки супостатов своих[3].

4. Не будь безрассуден в прошениях твоих, чтоб не прогневать Бога неблагоразумием твоим. Будь премудр в молитве твоей, чтоб сподобиться славных даров. Испрашивай многоценное у Того, Кто чужд скупости, и получишь от Него многоценное, соответственно разумному желанию твоему. Соломон просил премудрости, а с нею получил и земное царство, потому что разумно просил у Великого Царя. Елисей просил сугубой благодати Духа в сравнении с тою, какую имел его учитель, и прошение его не осталось неисполненным. Просящий ничтожного у Царя честь его уничижает. Израильтяне просили ничтожного, и постиг их гнев Божий; они не занялись созерцанием дел Божиих и страшных чудес Его, а просили удовлетворения похотениям чрева: *еще брашну сущу во устех их, гнев Божий взыде на ня*[4].

5. Приноси Богу прошения твои сообразно величию Его, чтоб возвысилось пред Ним достоинство твое, и Он возрадовался бы о тебе. Если кто попросит у царя небольшое количество грязи, то не только обесчестит себя ничтожностию прошения как выказавший большое неразумие, но и царю нанесет оскорбление своим прошением. Так поступает и тот, кто в молитвах просит чего-нибудь земного. Ангелы и Архангелы — эти вельможи Небесного Царя — смотрят на тебя во время молитвы твоей, внимая тому, чего ты просишь у Владыки их; они удивляются и радуются, когда увидят, что составленный из земли, оставя плоть свою, просит небесного;

---

[1] Слово 2. ‖ [2] Слово 2. ‖ [3] Слово 2. ‖ [4] *...еще пища была в устах их, гнев Божий пришел на них* (Пс. 77. 30, 31). Слово 5.

напротив того, они огорчаются на того, кто, оставив небесное, просит своей грязи[1].

6. Не проси того у Бога, что Он Сам дает нам без прошения нашего, по Своему Промышлению, что дает не только Своим и возлюбленным, но и чуждым познания Его. *Молящеся,* говорит Он, *не лишше глаголите, якоже язычницы*[2]. Плотского *языцы ищут, вы же не пецытеся, что ясте, или что пиете, или во что облечетеся: весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех*[3]. Сын не просит хлеба у отца своего, но желает получить все, что ни есть важного и ценного в отцовском доме. По немощи человеческого разума заповедал Господь просить повседневного хлеба. Смотри же, что заповедано совершенным по разуму и здравым душою: оставление попечений о пище, питии и одежде. Если Бог промышляет о бессловесных животных, о птицах, о самых неодушевленных тварях, то несравненно более промышляет о нас. *Ищите прежде Царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам*[4].

7. Если молишься Богу о чем-либо и Он медлит услышать тебя, не скорби об этом. Ты не умнее Бога. Делается же это с тобою или потому, что ты недостоин получить просимое, или потому, что пути сердца твоего не соответственны, но противны с просимым тобою, или потому, что ты не достиг еще той меры, которая нужна для того, чтоб принять дарование, просимое тобою. Не должно нам преждевременно искать того, что свойственно при великом преуспеянии, чтоб дарование Божие, по причине скорости принятия его, не было пренебрежено. Все удобно достигаемое и утрачивается скоро. Все же обретенное с болезнию сердца хранится тщательно[5].

8. Если дела твои не благоугодны Богу, то не проси у него великих дарований, чтоб не прийти в положение человека, который искушает Бога. Молитва твоя должна быть сообразною с жительством твоим. Невозможно связанному земными искать небесных. Невозможно упражняющемуся мирским просить Божественного. Желание каждого человека выказывается его деятельностию. К чему устремлено его тщание, о том он должен подвизаться и в молитве. Желающий великого не должен упражняться в маловажном[6].

---

[1] Слово 5. ‖ [2] *А молясь, не говорите лишнего, как язычники* (Мф. 6. 7). ‖ [3] *...этого ищут язычники... не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом* (Мф. 6. 25, 26, 32). ‖ [4] *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 33). Слово 5. ‖ [5] Слово 5. ‖ [6] Слово 5.

9. Удерживающий уста от злоречия хранит сердце от страстей. Очищающий сердце от страстей ежечасно видит Господа[1]. Тот, у кого помышление (поучение)[2] всегда в Боге, отгоняет от себя бесов и искореняет семя злобы их. Сердце того, кто ежечасно возделывает душу свою, увеселяется откровениями. Кто сосредоточивает зрение ума своего внутрь себя, тот видит в себе зарю Духа. Возгнушавшийся всяким парением[3] видит Владыку своего внутри своего сердца. Если любишь чистоту, которою зрится Владыка всех, то не позволяй себе никаких пересудов и злоречия, даже не позволяй себе слушать кого-либо судящего или осуждающего братий[4].

10. Небо находится внутри тебя, если ты чист; в самом себе ты увидишь Ангелов и свет их, а с ними и в них и Владыку их[5].

11. Сокровище смиренномудрого внутри его: оно — Господь[6].

12. Страсти искореняются и отгоняются непрестанным поучением о Боге; это тот меч, который убивает их[7].

13. Желающий увидеть Господа внутри себя старается очистить сердце свое непрестанным памятованием Бога (памятию Божиею), таким образом он умом своим, по причине светлости очей его, будет непрестанно видеть Господа. Что приключается рыбе, вынутой из воды, то приключается и уму, оставившему памятование Бога и блуждающему в воспоминаниях мира сего. Насколько человек удаляется от сообращения с человеками, настолько сподобляется свободного доступа к Богу в уме своем. Насколько он отсекает от себя утешение мира сего, настолько сподобляется радости Божией во Святом Духе. Рыбы умирают от недостатка воды; так умирают в сердце инока духовные движения, рождающиеся от Бога, когда инок часто живет и обращается с мирянами[8].

14. Страшен бесам, возлюблен Богу и Ангелам Его тот, кто с горящею ревностию днем и ночью взыскует Бога в сердце своем и искореняет из него прилоги[9], посеваемые врагом[10].

15. Отечество (родная страна) у чистого душою — внутри его. Солнце, сияющее там, — свет Святой Троицы. Воздух, которым дышат жители, — Утешитель Всесвятой Дух. Совозлежащие — святые бесплотные существа. Жизнь, радость и веселие их — Христос,

---

[1] Умом, безвидно. ‖ [2] *Поучением,* или *памятию* Божиею, называют святые аскетические писатели какую-либо краткую молитву, или краткую мысль, в которой духовные подвижники стараются постоянно содержать свой ум. См. «Слово о поучении, или памяти Божией», «Аскетические опыты», т. 2. ‖ [3] *Парением* называют святые аскетические писатели рассеянность ума. ‖ [4] Слово 8. ‖ [5] Слово 8. ‖ [6] Слово 8. ‖ [7] Слово 8. ‖ [8] Слово 8. ‖ [9] Прилоги врага состоят из помыслов, мечтаний и ощущений греховных. ‖ [10] Слово 8.

Свет от Света Отца. Таковой и видением души своей увеселяется и удивляется красоте своей, которая во сто крат светлее светлости солнечной. Это — Иерусалим и Царство Божие, сокровенные внутри нас по слову Господа[1]. Эта страна — облак славы Божией, в который войдут одни чистые сердцем, чтоб увидеть лицо своего Владыки и озариться лучом света Его в духе своем[2].

16. Предающийся ярости и гневу, славолюбивый, лихоимец, чревоугодник, часто бывающий в обществе мирян, желающий, чтоб во всем исполнялась его воля, вспыльчивый, исполненный страстей, — все эти пребывают в смятении, как бы сражающиеся ночью в непроницаемой тьме, будучи вне страны жизни и света. Та страна предоставлена во владение милостивым, смиренномудрым, очистившим сердца свои[3].

17. Не может человек увидеть красоты, сокровенной внутри его, прежде, нежели уничижит всякую красоту извне себя и возгнушается ею. Он не может искренно воззреть к Богу, доколе не отречется совершенно от мира. Уничижающего и умаляющего себя упремудрит Господь. Отпадет от премудрости Божией тот, кто признает себя мудрым[4].

18. Насколько ум удаляется многословия, настолько просвещается в разборе помышлений. От многословия теряет эту способность и самый сильный ум.

19. Соделывающийся нищим в мирском отношении обогатеет в Боге, а друг богатых обнищает в отношении к Богу. Когда встанет на молитву целомудренный, смиренномудрый, гнушающийся дерзости, изринувший из сердца ярость, тогда видит он — я верую — в душе своей свет Святого Духа, ощущает в себе взыграние радости во светлости сияния света Его, увеселяется видением славы Его и изменением своим по подобию ее[5].

Так случилось со святым юношею, Георгием, при совершении им вечернего правила[6].

20. Сидящие во тьме! возвысьте главы ваши, да просветятся лица ваши светом. Изыдите из области страстей мира сего, и изыдет во сретение вам Свет, от Отца исходящий, и повелит служителям таинств Своих разрешить узы ваши, чтобы вы могли шествовать по стопам Его к Отцу[7]. Горе нам: чем мы связаны! от Кого

---

[1] Лк. 17. 21. ‖ [2] Лк. 9. 34. Слово 8. ‖ [3] Слово 8. ‖ [4] Слово 8. ‖ [5] 2 Кор. 3. 18. Слово 8. ‖ [6] Святого Симеона Нового Богослова Слово о вере. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [7] Ин. 11. 44.

отделены! отделены так, что не можем видеть славы Его! О, когда б расторглись узы наши! о, когда б мы взыскали и обрели Бога нашего[1].

21. Преданный суесловию и развлечению душою и телом — блудник; одобряющий его поведение и принимающий в таком поведении участие — прелюбодей, находящийся в общении с ним (из человекоугодия) — идолослужитель[2].

22. Всякая молитва, при которой не трудится тело, а сердце не придет в сокрушение, признается недозревшим плодом, потому что такая молитва без души[3].

23. Смотри, чтоб не оставить дела Божия ради лицеприятия человеку[4].

24. Сказал некоторый Отец: «Удивляюсь, слыша, что иные могут заниматься в келлиях своих рукоделием и вместе совершать правило свое без упущения и смущения». К этому присовокупил он слова, достойные замечания: «Истинно говорю: я, если схожу за водою, то уже чувствую расстройство в жительстве моем и в принятом для него порядке; уже этим наводится помрачение, препятствующее действию рассудительности моей»[5].

25. Всякая милостыня, или любовь, или милосердие, или что-либо иное, делаемое по видимому ради Бога, но препятствующее твоему безмолвию, обращающее око твое в мир, ввергающее тебя в попечение, отторгающее от памятования Бога, пресекающее молитвы твои, вводящее в тебя возмущение и непостоянство помыслов, возбраняющее тебе заниматься назиданием себя Божественным чтением, этим оружием против парений, ослабляющее хранение твое, понуждающее к выходам после затвора и к возвращению в общество человеков после уединения, возбуждающее на тебя погребенные страсти, разрешающее узы, которыми связаны чувства твои, воскрешающее твое умерщвление для мира, сводящее тебя от делания ангельского, сосредоточенного в попечении об одном, поставляющее тебя в разряд мирян, — да погибнет такая правда! Исполнение долга любви телесными услугами принадлежит к деятельности мирян или и иноков, но недостаточных, не пребывающих в безмолвии, или и безмолвствующих, но коих безмолвие соединено с сожительством с единомысленными братиями, а потому и с постоянными выходами из келлии и принятием братий в келлию. Для таких хорошо и достохвально (являть любовь к братии телесными делами)[6].

---

[1] Слово 8. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Слово 11. ‖ [4] Слово 12. ‖ [5] Слово 12. ‖ [6] Слово 13.

26. Действительно избравшим отшельничество от мира телом и умом, чтоб сосредоточить мысли свои в уединенную молитву при посредстве умерщвления ко всему преходящему, к видению предметов мира и к воспоминанию их, должно служить Христу не телесными делами и не наружною правдою с целию оправдаться ею, но умерщвлением, по слову Апостола, *удов* своих, *яже на земли*[1], жертвоприношением чистых и непорочных помыслов, этих начатков самовозделания, злостраданием телесным в терпении бед ради надежды на будущее. Монашеское жительство равночестно ангельскому. Не должно нам оставлять делания небесного и держаться делания вещественного[2].

27. Некоторый старец сказал: «Дивлюсь тем, которые смущают себя в деле безмолвия для того, чтоб услужить другим в телесном». — Опять сказал: «Не должно нам к делу безмолвия примешивать попечение о чем другом. Всякое дело да чествуется в своем месте, чтоб жительство наше не было смешанным. Имеющий попечение о многих делается рабом многих; оставивший же все и пекущийся о устроении души своей делается другом Богу. Смотри: подающих милостыню и исполняющих обязанность любви к ближним в телесном много и среди мира; делатели же благого безмолвия, посвятившие ему себя всецело, едва обретаются и редки. Кто же из творящих милостыню посреди мира, или правду служением тела, возмог достигнуть хотя одного из тех дарований, каких сподобляются от Бога жительствующие в безмолвии?» — Опять сказал: «Если ты мирянин, то пребывай в жительстве мирских добродетелей. Если же ты — монах, то сияй делами, которыми изяществуют монахи. Если ж захочешь упражняться в добродетелях того и другого жительства, то отпадешь от обоих. Дела монаха суть следующие: свобода от телесных занятий, телесный труд в молитвах и непрестанное сердечное памятование Бога (то есть память Божия, или поучение). Суди сам: возможно ли тебе, оставя это, удовольствоваться мирскими добродетелями?»[3]

28. *Вопрос.* Не может ли инок, злострадающий в безмолвии, стяжать эти два жительства, то есть с попечением о Боге иметь в сердце иное попечение?

Ответ. Если желающий жить в безмолвии, думаю я, не оставит всего и не сосредоточит всех попечений в попечение о единой своей душе, то не возможет жительством своим неоскудно удовлетворить деланию, свойственному безмолвникам, хотя б он поставил

---

[1] *...земные члены* (Кол. 3. 5). ‖ [2] Слово 13. ‖ [3] Слово 14.

себя вне житейских попечений. Тем более это случится с ним, когда он допустит себе попечение о ином. Господь, оставив Себе одних для служения Ему посреди мира и для попечения Его о чадах, других избрал для служения пред лицом Его. Можно видеть различие чинов не только при дворах земных царей, где постоянно предстоящие лицу царя и допущенные в его тайны славнее тех, которые употреблены для внешнего служения; это же усматривается и у Небесного Царя. Находящиеся непрестанно в таинственном общении и беседе с Ним молитвою какой стяжали свободный доступ к Нему! Каких сподобляются богатств небесных и земных, какую показывают власть над всею тварию! больше тех, которые служат Богу имением своим и житейскими попечениями, благоугождая Ему творением добрых дел, хотя и это велико и очень хорошо. И потому нам должно избирать в образец подражания не последних, скудных в Богоугождении, но святых страдальцев и подвижников, просиявших своим жительством, оставивших житейское и на земле возделавших Небесное Царство, тех, которые однажды и навсегда отринули земное и воздели руки к вратам Небесным[1].

29. Чем благоугодили Богу древние святые, проложившие нам путь этого жительства? Святой Иоанн Фивеянин, сокровищница добродетелей, источник пророчества, благоугодил Богу внутри затвора своего, услуживая ли братии телесно, или молитвою и безмолвием. Не прекословлю, что и первым способом многие благоугодили Богу, но недостаточнее благоугодивших молитвою и оставлением всего. Ясно, в чем должна заключаться помощь пребывающих в безмолвии и благоискусствующих в нем братии своей: во вспоможении нам душеспасительным словом во время нужды и в принесении за нас молитвы. За исключением сего, если какое-либо житейское воспоминание и попечение будут пребывать в сердце жительствующего в безмолвии, то это чуждо духовной мудрости. Сказанное в Писании: *воздадите кесарева кесареви, и Божия Богови*[2], ближнего ближнему и каждого принадлежащего ему[3], сказано не безмолвствующим, но живущим вне безмолвия. Проводящим жительство в чине ангельском, в попечении о душе, не заповедано благоугождать Богу попечением житейским, то есть заботиться о рукоделии, принимать от одних и подавать другим. И потому не должно иноку иметь попечение о чем-либо колеблющем ум и низводящем его от предстояния пред лицем Божиим[4].

---

[1] Слово 14. || [2] *...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22. 21). || [3] Рим. 13. 7. || [4] Слово 14.

30. Если кто в опровержение сего укажет на Божественного апостола Павла, что он работал своими руками и подавал милостыню, то мы скажем таковому, что один только Павел и мог поступать так; другого же подобного, которого бы доставало на все, как доставало Павла, мы не знаем. Покажи мне другого таковаго Павла, и я покорюсь тебе. Того, что бывает по смотрению Божию, не выставляй в правило для общей деятельности. Иное — дело благовествования, и иное — дело безмолвия. Ты же, если хочешь держаться безмолвия, будь подобен Херувимам, которые не заботятся ни о чем житейском, и не думай, чтоб кто иной существовал на земле, кроме тебя и Бога, к Которому устремлено все внимание твое, как ты научен Отцами, прежде тебя бывшими. Если кто не ожесточит своего сердца и с твердостию не удержит себя от милости, чтоб стать вдалеке от попечения о всем дольнем, и от того попечения, которое представляется принимаемым ради Бога, и от всякого житейского, и не пребудет в молитве, в одной молитве в определенные на то времена, то не возможет освободиться от смущения и попечения и пребывать в безмолвии[1].

31. Когда придет тебе помышление вдаться в попечение о чем-либо по поводу добродетели, отчего может расточиться тишина, находящаяся в твоем сердце, тогда скажи этому помышлению: хорош — путь любви и милости ради Бога; но и я ради Бога не желаю его. — «Остановись, отец, — сказал некоторый инок, — я ради Бога хочу последовать тебе». «И я ради Бога, — отвечал тот, — убегаю от тебя». — Авва Арсений ни с кем не беседовал ни для душевного назидания, ни для чего иного. Другой старец ради Бога беседовал в течение всего дня и принимал приходивших к нему всех странных; Арсений же вместо этого избрал молчание и безмолвие, и по этой причине он пребывал в беседе с Божественным Духом посреди моря настоящей жизни, которое преплывал в величайшей тишине на корабле безмолвия, как был показан в видении подвижникам, вопросившим об этом Бога. Крайний закон безмолвия — молчание о всем. Если же, живя в безмолвии, окажешься исполненным смущения, возмутишь тело делами рук твоих, а душу попечениями, какое тогда безмолвие при попечении о многом? возможно ли тогда угодить Богу? Суди сам. Нам противосовестно утверждать, чтоб можно было жительствовать в безмолвии должным образом, не оставив всего и не удалившись от всякого попечения[2].

[1] Слово 14. || [2] Слово 14.

32. Иное — сладость молитвы, и иное — видение молитвы. Второе ценнее первого настолько, насколько совершенного возраста человек ценнее несовершеннолетнего дитяти. Иногда услаждаются стихи во устах, и слова какого-либо стиха молитвы повторяются многократно (бесчисленно), не попуская молящегося насытиться и перейти к другому стиху. Иногда же от молитвы рождается некое видение, пресекает молитву уст, и соделывается молящийся в том видении исступленным от ужаса, как бы не существующим. Такое состояние называем видением молитвы, в котором не является никакого вида и зрака, или образа, представленных мечтанием, как то утверждают не знающие дела. И опять: в этом молитвенном видении имеются различные меры и разделения дарований. До пришествия в это состояние действует молитва; потому что еще не прекратились мысли, без прекращения которых не может прекратиться молитва и наступить состояние превыше молитвы: ибо движения языка и сердца в молитве суть ключи ее, а совершающееся после сего есть вход в клеть. Здесь да престанут действовать всякие уста и всякий язык, и сердце — этот хранитель помыслов, и ум — этот кормчий чувств, и мысль — эта скоро и повсюду летающая птица; всякое искусство и знание их да прекратятся; здесь да остановится ищущий: пришел Домовладыка[1].

33. Как вся сила законов и заповедей, данных Богом человечеству, имеет пределом чистоту сердца, так все образы (формы) и правила, в которых человеки приносят свои молитвы Богу, имеют, по учению Отцов, пределом своим чистую молитву. И воздыхания, и коленопреклонения, и моления из глубины сердечной, и сладчайшие плачи,— словом все образы молитвы, как я сказал, имеют своим пределом чистую молитву; до ощущения ее ум имеет власть действовать. Когда же ум переступит через сей предел и чистою молитвою войдет во внутреннюю клеть; тогда он не будет уже иметь ни молитвы, ни движений, ни плача, ни власти, ни самовластия, ни моления, ни желания, ни сочувствия к чему-либо, уповаемому в этой жизни или принадлежащему к будущей. По этой причине после чистой молитвы нет иной молитвы. Даже до сего предела, во всех ее движениях и образах, ум водится свободою самовластия, почему и ощущается в молитве подвиг. Совершающееся же по прешествии сего предела есть состояние исступленного удивления, а не молитва: потому что прекратились образы действия молитвы, наступило видение, и ум не молится молитвою.

[1] Слово 15.

Всякий образ молитвы совершается действием ума; когда же ум вступит в состояние духовное, тогда, в этом состоянии, не имеет молитвы. Иное — молитва, и иное — видение в ней, хотя молитва и есть начальная причина видения. Она есть сеяние, а видение — жатва, при которой жнец, соделавшись зрителем неизреченного видения, удивляется, как от малейших и нагих зерен, им посеянных, внезапно произросли такие прекрасные колосья. Таковой пребывает в своем видении вне всякого движения (действия)[1].

Божественный Григорий (Синаит) сказал божественному Максиму (Капсокаливи): «Умоляю тебя, скажи мне ясно: во время молитвы, когда ум восхитится к Богу, что видит он духовными очами? Может ли он и сердцем возносить молитву?» Святой Максим отвечал: «Никак не может. Когда во время молитвы придет благодать Святого Духа и обымет ум, тогда прекращается молитва: потому что ум бывает обладаем пришествием Святого Духа и не может приводить в движение сил своих, но бывает празден и покоряется только Святому Духу, куда изведет его Святой Дух, или в невещественный воздух Божественного и неизреченного Света, или в другое видение исступительное и не объяснимое словом, или в Божественное собеседование: то есть Утешитель, Святой Дух, по Своему хотению, подает каждому утешение самовластно по его достоинству. То, что я говорю, ясно усматривается на Пророках и Апостолах, сподобившихся видеть толикие видения, хотя человеки и насмехались, вменяя их прельстившимися и упившимися. Исаия говорит: *видех Господа на престоле высоце и превознесенне, и Серафими стояху окрест Его*[2]. Первомученик Стефан увидел небеса отверстыми и Сына Человеческого стоящим одесную Бога[3]. Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть различные духовные видения, которым некоторые не верят, никак не хотят признать их истинными, но признают прелестию и видящих считают прельстившимися. Очень удивляюсь, как эти, слепотствующие душою, не веруют благодати Духа, издревле предобетованной чрез Иоиля, который от лица Божия сказал: *излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут*[4]. Эту благодать и ныне подает Христос и будет подавать даже до кончины мира, по обетованию Своему, верным рабам Своим. Эта благодать, когда будет в ком, не показывает ему что-либо обычное или чувственное, принадлежащее миру сему, но тайно научает тому, чего прежде он никогда не видел и не воображал. Тогда тайно научается ум высоким и сокровенным таинствам, которых, по божественному Павлу, не может ни око человеческое видеть, ни ум постигнуть сам собою. Чтоб познать, как

---

[1] Слово 16. ‖ [2] *...видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном... Вокруг Него стояли Серафимы* (Ис. 6. 1–2). ‖ [3] Деян. 2. 17. ‖ [4] *...излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать* (Иоил. 2. 28).

видит их ум, внимай тому, что скажу: воск вдали от огня жесток и может быть взят руками, но будучи положен в огонь, растопляется, зажигается, горит, соделывается весь светом, изменяется в пламени сем, и невозможно ему не растопиться в пламени и не соделаться подобным воде. Так и человеческий ум, сам по себе, прежде соединения с Господом, рассуждает сообразно своей силе; когда же соединится с огнем Божества и Святым Духом, тогда бывает весь светом, воспламеняется во пламени Святого Духа, исполняется Божественного разума, и невозможно ему, во пламени Божества, иметь своих собственных помышлений и размышлять о чем-либо по произволу»[1].

34. Едва из тьмы человек найдется один, который бы исполнил, хотя и недостаточно, заповеди и постановления Закона и достиг в чистоту души: так разве один из тысячи найдется такой, который бы, при великом наблюдении над собою, достиг в чистую молитву и, расторгнув этот предел, получил таинство духовного видения. И чистой молитвы сподобились весьма немногие, но редкие. К таинству же, которое совершается после стяжания ее и находится на другом берегу Иордана[2], встречается достигнувший Божиею благодатию едва из рода в род[3].

35. Нечистота молитвы заключается в следующем: если в то время, когда ум приготовился принести Богу одно из вышеупомянутых движений своих, примесится к молитве какая-либо посторонняя мысль или мечтание о чем-либо, тогда такая молитва не называется чистою, потому что ум вознес ее на жертвенник Господень не от чистых животных. Сердце есть духовный жертвенник Божий[4].

36. Когда ум сподобится ощутить будущее блаженство, тогда забывает и самого себя и все здешнее; он уже не движется в чем-либо[5]. Посему с уверенностию можно сказать, что всякую добродетель и всякую деятельную молитву, совершаемую или телом или мыслию, уставляет и движет свободная воля чувствами; она движет и самый ум, этого царя страстей. Когда же восгосподствует управление и смотрение духа над умом, правителем помыслов и чувств, тогда отъемлется свободная воля у естества; тогда ум не руководит, а руководится. Где же тогда будет молитва, когда естество не может иметь власти над собою, но иною силою руководится в область неизвестного ему, ниже может дать движений мыслям по желанию своему, но обладается в то время пленившею

[1] Добротолюбие. Ч. 1. Извлечение из жизни преподобного Максима Капсокаливи. ‖ [2] Втор. 31. ‖ [3] Нав. 1. 2. ‖ [4] Слово 16. ‖ [5] То есть ни о чем не помышляет.

его силою и бывает ею водимо вне своего ощущения? Ниже воли имеет оно тогда, ниже ведает: в теле ли оно, или вне тела, по свидетельству Писания[1]. Может ли быть молитва у плененного таким образом и не ведущего себя?[2]

37. *Вопрос.* По какой причине эта неизреченная благодать, не будучи молитвою, носит имя молитвы?[3]

Ответ. Носит это имя от начальной причины: потому что она (благодать) подается достойным во время молитвы, молитву имеет своею начальною причиною, и только во время молитвы, по свидетельству Отцов, бывает посещение ее. Блаженное состояние носит имя молитвы, потому что ум вводится в это состояние молитвою и молитва служит причиною его, в другие же времена она не имеет места, как это явствует из Отеческих писаний, ибо знаем из жизнеописания святых, что многие из них, стоя на молитве, были восхищены умом.

Если кто спросит, почему только в это время ниспосылаются сии великие и неизреченные дарования, мы отвечаем: потому что в это время, более всякого другого времени, человек бывает сосредоточенным в самого себя и приуготовленным внимать Богу, желать и ожидать от Него милости. Какое другое имеется время, в которое бы человек находился столько уготованным и трезвящимся, как то время, в которое он намерен помолиться? Неужели к получению духовных дарований удобно то время, когда он спит или занят каким поделием, или возмущен умом? Святые, хотя и не имели праздного времени, будучи постоянно заняты духовным деланием, однако иногда они находятся и вне молитвенного настроения: часто они размышляют о чем-либо, относящемся к сей жизни, или занимаются созерцанием тварей и другим чем-либо полезным. Но во время молитвы все внимание и все силы ума направлены к единому Богу, и приносятся Ему моления от сердца со тщанием и постоянною теплотою. И потому в это время, в которое душа сосредоточена в единственном попечении, подобает изливаться на нее Божественной милости[4].

Употребленное в сих главах святым Исааком слово *видение* невозможно заменять словом *созерцание.* Созерцание зависит от произвола и свойственно всем человекам; оно может быть благодатным, когда действует

[1] 2 Кор. 12. 2. ‖ [2] Слово 16. ‖ [3] Состояние духовного видения, будучи плодом молитвы, называется иногда духовною молитвою, в отличие от душевной молитвы, которая может быть очень возвышенною, но находится во власти молящегося. ‖ [4] Слово 15.

в человеках благодатных. Благодатные видения святых чистотою ума, при действии самовластия, можно еще назвать созерцанием; но когда Дух Святой отверзает очи души для духовного видения, тогда нет места созерцанию. Тогда ум видит подобно тому, как чувственный глаз видит чувственные предметы. Например: можно созерцать могущество и премудрость Божию в видимой природе, но небеса отверстые и Иисуса, стоящим одесную Отца, Стефан первомученик видел. Апостол Павел видел рай и слышал неизреченные глаголы. Вифлеемские пастыри видели Ангелов и слышали их пение. Это уже не было созерцанием.

38. Господь сказал Адаму: *в поте лица твоего снеси хлеб твой.* Доколе? — *дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси*, которая *возрастит тебе терния и волчцы*[1]. Это — тайны деятельности, принадлежащей житию на земле, доколе человек живет на ней. Но с той ночи, в которую Господь пролил пот Свой, Он пременил пот, изведший терния и волчцы, на пот, изливаемый в молитве и в возделании правды. Пять тысяч и пятьсот с лишком лет Бог попустил Адаму потрудиться на земле, потому что дотоле *не у явися путь святых*[2]. *В последок дний*[3] Он пришел и заповедал человеческому самовластию заменить пот потом, повелев не прекращение пота, но изменение его: ибо Он умилосердился над нами, над продолжительностию нашего злострадания на земле. Если престанем проливать пот на земле, то по необходимости будем жать терние[4]. Самое оставление молитвы соделывает землю сердца вещественною (грубою), и она производит терние по естеству своему. Точно: страсти суть терние, прозябающее от семени, в нас находящегося. Доколе мы находимся в образе Адама, дотоле по необходимости имеем и страсти его. Невозможно земле пребывать в бездействии и не прозябать прозябений, свойственных естеству ее. Земля тела нашего есть порождение той земли, по свидетельству Бога, сказавшего: *земля*

[1] *...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят... терние и волчцы произрастит она тебе* (Быт. 3. 19, 18). ‖ [2] *...не открыт путь во святилище* (Евр. 9. 8). ‖ [3] *В последние дни* (Евр. 1. 2). ‖ [4] При весьма внимательной молитве бывает у подвижников и пот, не только когда они утруждают тело поклонами, но и когда совершают молитву стоя или сидя. Пот является при особенном внимании, при особенном сокрушении духа. Так, преподобный Пахомий Великий при келейных молитвах своих обливался слезами и потом (житие преподобного, Четьи-Минеи мая в 15 день). — Святейший Каллист, патриарх Константинопольский, говорит: «Иногда бывает в пришедших в такое состояние (в стяжавших сердечную молитву) и пот от великой теплоты, появляющейся в теле» (Добротолюбие. Ч. 4).

от неяже взят еси[1]. Та произращает терние, а словесная земля произращает страсти. Если Господь, бывший во всех различных действиях домостроительства Своего таинственным для нас образом, не престал от делания и труда до девятого часа пятка, чем таинственно изображается деятельность всей жизни нашей, а в субботу почил во гробе, то на чем основываются утверждающие, что в жизни сей есть суббота, то есть успокоение от страстей? О дне же воскресном высоко для нас и говорить. Наша суббота есть день нашего погребения: там действительно субботствует естество наше. Но доколе эта земля существует, дотоле ежедневно належит нужда исторгать из нее терние. При постоянстве этого труда оскудевает это терние; вполне и совершенно не очищается от него земля. Если это так и если от попущений себе на краткое время лености или малого нерадения это терние умножается, покрывает лицо земли, подавляет твое семя и соделывает труд твой как бы не бывшим, то следует из сего, что должно очищать эту землю ежедневно. Оставление этого труда производит множество терний[2].

«Желающий очистить свое сердце да разжигает его постоянно памятию Господа Иисуса, имея только это непрестанным поучением и занятием. Тем, которые хотят очиститься от своей гнилости, не должно иногда упражняться в молитве, а иногда оставлять это упражнение; напротив того, должно постоянно пребывать в блюдении ума и молитве, если б случилось быть когда и вне молитвенных храмов. Как хотящий очистить золото, если попустит и на короткое время угаснуть огню в горниле, то производит в чистящемся веществе остужение и затвердение: подобным образом и тот, кто иногда занимается памятованием Бога, а иногда оставляет это занятие, праздностию погубляет то, что мнит стяжать молитвою. Любодобродетельному мужу свойственно истреблять земляность сердца непрестанною памятию Божиею, чтоб злое мало-помалу уничтожалось огнем памятования о благе и душа возвратилась совершенно в естественную свою светлость с умноженною славою»[3].

39. *Вопрос.* Какое общее делание, объемлющее все частные делания жительства — безмолвия, чтоб тот, кто достиг этого делания, уразумел, что он достиг совершенства в сем жительстве?

Ответ. Когда кто сподобится непрестанного пребывания в молитве. Достигший этого достиг высшего предела всех

---

[1] *...из которой взят* (Быт. 3. 19). ‖ [2] Слово 19. ‖ [3] Гл. 52. Слово о безмолвии и молитве Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Добротолюбие. Ч. 2.

добродетелей и отселе делается жилищем Святого Духа. Если кто не приял действительно благодати Утешителя, тот не может со свободою и радостию совершать этого пребывания в молитве. Дух, как сказано, когда вселится в какого человека, то не престает от молитвы: ибо Сам Дух непрестанно молится[1]. Тогда и в сонном и в бодрственном состоянии молитва не прекращается в душе его: но употребляет ли он пищу и питие, спит ли, или что иное делает, даже при глубоком сне благоухание и испарение молитвы беструдно источаются из его сердца. Тогда эта молитва не разлучается с ним, но ежечасно она в нем и с ним. Таковая молитва, если умолкает извне человека, но опять она же совершает в нем служение свое тайно. Молчание чистых называет молитвою некто из мужей христосоносных: потому что помыслы их суть Божественные движения; движение же чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевается Сокровенный[2].

40. *Вопрос.* Что такое духовная молитва и каким средством сподобляется ее подвижник?

Ответ. Духовная молитва является в подвижнике тогда, когда к душевным движениям, за строгие целомудрие и чистоту, присоединится действие Святого Духа. Сподобляется ее один из бесчисленного множества человеков. Она — таинство будущего жительства и устроения, причем естество возвышается (из своего естественного состояния в вышеестественное) и пребывает чуждым всякого движения и памятования о здешнем. Тогда душа не молитвою молится, но ощущением ощущает духовные предметы будущего века, превысшие человеческого разума, понимаемые только силою Святого Духа. Такое состояние есть видение ума, а не движение и искание молитвы; но оно имеет молитву своею начальною причиною. Некоторые посредством сего достигли совершенства чистоты, и нет часа, в который бы внутреннее их движение не было в молитве. Когда ни приникнет Святой Дух, всегда обретает их в молитве, и от самой той молитвы изводит в видение, которое называется духовным видением: потому что они не нуждаются в продолжительной молитве, ниже в продолжительных стоянии и чине молитвословия. Им достаточно памяти Божией[3], и они тотчас бывают пленяемы любовию к Богу. Однако таковые не нерадят вовсе о предстоянии молитвы и, кроме непрестанной молитвы, предстоят и на той, которая совершается в определенные

---

[1] Рим. 8. 26. ‖ [2] Слово 21. ‖ [3] Выше объяснено, что разумеют аскетические Отцы под словом *память Божия.*

часы. Святой Антоний Великий, как видим из жизнеописания его, стоял на молитвословии девятого часа и был восхищен умом. Другой Отец простер руки, стоя на молитве своей, и пришел в исступление, в котором пребыл четыре дня. И иные многие во время молитвы своей от усиленной памяти Божией и от обильной любви к Богу пленялись и приходили в исступление. Сподобляется человек такой любви к Богу, когда совлечется греха внутри и извне хранением заповедей Господних, противных греху. Если кто возлюбит эти заповеди и будет исполнять их должным образом, тому сделается необходимым освободиться от многих человеческих дел, то есть совлечься тела и быть вне его, то есть вне зависимости от него, а не вне вещественной его сущности. В том, кто жительствует по образу Законодателя и исполняет на самом деле Его заповеди, грех не пребывает. Посему и Господь обетовал в Евангелии устроить обитель Свою в том, кто сохранит заповеди[1].

41. Тело, боящееся искушений, чтоб ему не подвергнуться утеснению и не лишиться своей жизни, делается другом греха. Посему Дух Святой повелевает ему умереть, ведая, что оно если не умрет, то не победит греха. Кто хочет, чтоб вселился в него Господь, тот понуждает тело свое служить Господу, трудиться в заповедях Духа, написанных у Апостола, и хранит душу свою от дел плотских, описанных Апостолом[2]. Тело, растворенное (смешанное) с грехом[3], упокоевается в плотских делах, и Дух Божий не почивает в плодах его. Когда же тело немоществует, изнемогая от поста и смирения, тогда душа укрепляется духовно молитвою[4].

42. В том, чтоб при молитвенном прошении своем утверждаться надеждою на Бога, заключается превосходная часть действия благодатной веры. Твердость этой веры в Бога не состоит в правом исповедании веры, но есть зрение душою истины Божией от силы жительства, хотя и рождается от первого второе. Когда в Святых Писаниях найдешь веру, соединенную с жительством, то разумей, что говорится о втором, а не о правом исповедании. Вера, подающая твердость надежды, никогда не бывает постижимою для некрещеных или растленных умом в отношении к истине. ***Извещение***[5] веры бывает открываемо высоким душою, по мере устроения нравов, по завещанию Господних заповедей[6].

---

[1] Слово 21. ‖ [2] Гал. 5. 19. ‖ [3] Проникнутое ощущениями греховными. Таковым обыкновенно соделывается тело от неги, покоя, обильного питания и рассеянной, невнимательной жизни. ‖ [4] Слово 22. ‖ [5] *Осуществление* (Евр. 11. 1). ‖ [6] Об этой вере сказал Пимен Великий: «Вера заключается в том, чтоб пребывать в смирении и творить милостыню». Слово 30.

43. В (молитвенном) делании рабов — нет мира мысли; нет в свободе чад — мятежного смущения. Обычно смущению отыскать вкус разума и уразумения (у молитвы) и пленять мысль в иное, подобно пиявице, выпивающей жизнь из тела вместе с кровию, которую она пьет из членов его. Смущение должно быть именуемо, если то возможно, колесницею диавола: потому что сатана, подобно правящему колесницею, имеет обычай восседать на ум и, взяв с собою собрание страстей, входить в окаянную душу, потоплять ее в смущение[1].

44. Произноси стихи псалмопения твоего, не как бы заимствуя слова из иного, и не прими намерения непрестанно умножать дело моления твоего, чтоб не лишиться совершенно умиления и радости в молитве: но говори эти слова в молении твоем как бы сам из себя, с умилением, с уразумеванием разума их, как истинно понимающий свое дело[2].

45. Если кто не прекословит помыслам, тайно всеваемым в нас врагом, но отсекает беседу с ними молением к Богу, это служит признаком, что ум того человека приял от благодати премудрость и его истинный разум освободил его от многих дел; обретением краткой стези, которой он достиг, он отклонил от себя продолжительное парение по долгому пути. Не во всякое время мы имеем силу воспрекословить всем помыслам, наветующим нас, и обуздывать их; напротив того, часто приемлем от них язвы, не исцеляющиеся в течение продолжительного времени. Знай, что (желая препираться с помыслами) ты вступаешь в борьбу с теми, которых опытность исчисляется шестью тысячами лет. А это (то есть с одной стороны, твое покушение препираться с помыслами, а с другой, их опытность) доставляет им возможность уготовиться и нанести тебе язву образом, превысшим твоих премудрости и разума. Если же ты и победишь их, то скверна помыслов оскверняет мысль твою и воня злосмрадия их долгое время пребывает в обонянии твоем. Употребив же первый способ, ты будешь свободен от всего этого и от страха: нет иной помощи кроме Бога[3].

46. Слезы в молитве суть знамение милости Божией, которой сподобилась душа покаянием своим, — знамение того, что она принята и начала входить в поле чистоты слезами. Если человек не пре-

---

[1] Слово 30. ‖ [2] Слово 30. ‖ [3] «Предательство бывает от нерадения. Не противоречь нападающим помыслам, потому что враги сего и желают и, видя противоречие, не престанут нападать; но помолись ко Господу, повергая пред Ним немощь твою, и Он поможет не только отогнать, но и совершенно упразднить их» (Преподобных Варсонофия и Иоанна ответ 91. Слово 30).

станет помышлять о преходящем и не отвергнет от себя надежду мира сего, если не зародится в мысли презрение к миру, не начнут в душе приготовляться благие напутствия к исходу ее и воздвигаться в ней помышления о том, что она должна встретить там, то очи не могут произвести слез. Слезы суть последствие непрестанного поучения, чистого и свободного от развлечения; суть следствие помыслов многих и частых, пребывающих неуклонно, воспоминаний тонких (духовных) о чем-либо, пребывающих в мысли и приводящих сердце к печали: от этого слезы умножаются и усиливаются[1].

47. Когда, пребывая в безмолвии, ты обратишься к рукоделию, то не возомни, чтоб заповедь Отцов могла служить покрывалом твоего сребролюбия. Рукоделие твое да будет малое, ради уныния твоего, не смущающее ума. Если же ты желаешь заняться рукоделием в большем размере для милостыни, то знай, что молитва в порядке добродетелей выше милостыни. Если же для потребностей тела твоего, то, если ты не ненасытен, достаточно тебе к удовлетворению потребности твоей того, что Бог посылает тебе Промыслом Своим. Ибо Бог никогда не оставлял делателей Своих, чтоб они имели недостаток в преходящем. *Ищите,* сказал Господь, *прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам*[2], прежде прошения вашего. — Некто из святых сказал, что правило жительства твоего не состоит в том, чтоб ты насыщал алчущих и чтоб келлия твоя была страннопримницею странников: потому что это — жительство мирских; они-то должны делать эти добрые дела, а не отшельники, свободные от видимых попечений и хранящие ум свой в молитве[3].

48. Душа, шествующая стезями жительства и путем веры и часто исполнявшая дело веры, если обратится к средствам разума, то немедленно начинает хромать в вере; в ней оскудевает духовная сила ее, являющаяся в чистой душе от различных заступлений (которыми Бог помогал этой душе) и пребывающая в ней прямотою и простотою ее во всех ее действиях. Душа, однажды навсегда предавшая себя Богу верою и стяжавшая многими опытами деятельное познание содействия Божия, уже не заботится о себе, но связуется удивлением и молчанием, не может возвратиться к средствам, которые представляет разум, и действовать ими, чтоб по причине их противного направления вере не лишиться промышления

---

[1] Слово 30. ‖ [2] *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 33). ‖ [3] Слово 30.

Божия, непрестанно втайне бдящего над нею и следящего за нею во всем, касающемся ее. Но та душа, которая возомнила о себе, что она силою разума своего достаточна промышлять о себе, обезумела. Те, в которых воссиял свет веры, уже не позволяют себе помолиться, ниже попросить у Бога: даруй нам сие или приими от нас это, и нисколько не пекутся о себе, потому что мысленными очами веры ежечасно видят Отеческий Божий Промысл, осеняющий их от того истинного Отца, Которого безмерно великая любовь превосходит всякое отеческое возлюбление, сильного и могущего более всех преизобильно споспешествовать нам более, нежели сколько мы просим, помышляем, разумеем[1].

49. Избрать благое хотение предпочтительно другим хотениям (желаниям) принадлежит человеку, а совершить избранное благое хотение принадлежит Богу. Посему человек нуждается в заступлении от Бога. По этой причине, когда появится в нас благое желание, тогда вслед за ним участим молитвы, молясь не только о заступлении, но и о том, чтоб даровано было различить, служит ли это благое желание наше к угождению Богу или нет. Не всякое благое желание входит в сердце от Бога; от Бога входит желание, приносящее пользу. Иногда человек желает доброго, но Бог не помогает ему: ибо приходят и от диавола некоторые желания, имеющие подобие добрых, и считаются полезными, но не соответствуют мере человека. Диавол, умышляя сделать человеку зло, приносит желание и понуждает усильно стремиться к исполнению его, между тем как человек не достиг еще соответствующего жительства, или то желание чуждо принятому человеком образу, или опять не наступило время, в которое можно б было исполнить или начать исполнение его, или для исполнения его человек недостаточен по разуму или по телу, или не способствуют к тому обстоятельства времени. Диавол всеми способами, под личиною добра, старается или смутить человека, или нанести вред его телу, или устроить тайную сеть в уме. Но мы, как я сказал, принесем учащенные и теплые молитвы о благом желании, явившемся в нас, и каждый из нас да скажет: «Господи! буди воля Твоя в совершении этого благого дела, которое я возжелал исполнить, если то угодно Твоей воле. Восхотеть добра — мне удобно, а исполнить доброе желание без дарования, ниспосылаемого Тобою, — невозможно, хотя и то и другое, *и еже хотети, и еже деяти*[2] — от Тебя, чтоб не без содействия Твоей благодати решиться мне на принятие этого

---

[1] Слово 25. || [2] *...и хотение и действие* (Флп. 2. 13).

подвигшегося во мне желания или убояться его». Таков должен быть обычай желающему (истинного) добра: содействовать молитвою рассуждению ума, в помощь этим рассуждению и мудрости, разделяющим истину от лжи. Благое рассуждается молитвами многими, деланием и хранением, непрестанным вожделением, частыми слезами и смирением, небесным заступлением, особливо когда этому благому противодействуют помыслы гордыни: ибо они препятствуют приблизиться к нам Божией помощи. Упраздняем мы их молитвою[1].

50. Благословенна честь Господа, отверзающего пред нами дверь, чтоб не было у нас прошений, кроме исходящих из стремления к Нему! Мы оставляем все, и душа исходит во искание единственно Его, так что нет у нее никакого попечения, которое бы ей возбраняло видение Господа. В какой мере, возлюбленные, ум оставляет попечение о всем видимом, печется и помышляет о уповаемых будущих соответственно возвышению своему над попечением о теле, в такой мере он утончевается и бывает прозрачен в молитве. В какой мере тело освобождается от уз вещества, в такой мере освобождается от них и ум. В какой мере ум освобождается от уз попечения о вещественном, в такой мере он стяжевает светлость. В какой мере он стяжевает светлость, в такой утончается и возвышается превыше помышлений века сего, запечатленного дебелостию. Тогда ум достигает видения о Боге, достойного Бога, а не подобного нашему видению[2].

Святой, смиренномудрый Исаак говорит, что видение о Боге, то есть доставляемое уму Божественною благодатию, не подобно тому видению, которое могут иметь все вообще человеки, естественно. Последнего рода видение может со справедливостию быть названо и созерцанием, и размышлением, и мечтанием, или фантазиею. Оно вполне зависит от произвола человеческого. Его часто называют вдохновением, но оно в таких случаях есть не что иное, как разгорячение. Из него написаны *Ода «Бог», Гимн «Богу»,* различные преложения псалмов и другие такого рода сочинения стихами и прозою. Видение, доставляемое благодатию, отнюдь не есть произвольное созерцание, отнюдь не есть созерцание: это в точном смысле видение, подобное видению чувственных очей, которые видят не вследствие произвола человеческого, но вследствие своего естественного устройства, независимо от воли человеческой. Так и ум, прозрев от осенения его Божественной благодатию, начинает внезапно смотреть духовно на предметы отвлеченные и чувственные, соответственно

---

[1] Слово 33. || [2] Слово 39.

произведенному в нем изменению и даровавшейся неожиданно, доселе неизвестной ему, способности, независимо от своего произволения.

51. Молитва требует обучения, чтоб долговременным пребыванием в ней ум упремудрился (молиться как должно). По нестяжании, избавляющем наши помышления от уз, молитва нуждается в долговременном пребывании в ней: ибо от продолжительного пребывания в ней ум приемлет обучение, познает способы отгонять от себя помыслы, научается многим опытом своим тому, чего не может принять от иного[1].

52. Каждое жительство заимствует преуспеяние свое от жительства, предшествовавшего ему, и предшествовавшее жительство совершается для приобретения того, что принадлежит жительству последующему. Молитву предваряет отшельничество. И самое то отшельничество нужно для стяжания молитвы, а молитва нужна для стяжания любви Божией, потому что молитвою обретаются причины любить Бога[2].

53. И то должно знать нам, возлюбленные, что всякая таинственная беседа, всякое благое попечение мысли о Боге, всякое духовное поучение (размышление) принадлежит к молитве и называется общим именем молитвы, упомянешь ли различные чтения, или гласные и устные славословия Бога, или печальное попечение о Господе, или поклонения тела, или стихословие псалмопения и все прочее подобное, доставляющее от обучения в нем чистую молитву, от которой рождается любовь к Богу. Любовь — от молитвы, а молитва — от пребывания в отшельничестве. В отшельничестве мы нуждаемся для того, чтоб иметь место для непрестанного поучения, наедине, о Боге. Отшельничество предваряется отречением от мира: ибо если человек сперва не отречется от мира и не освободится от всего, принадлежащего миру, то уединиться не может. Опять: отречение от мира предваряется терпением. Терпение предваряется ненавистию к миру. Ненависть к миру — страхом Божиим и вожделением Бога: ибо если сердце не устрашится геенны, то желание блаженства не приведет его к вожделению Бога и не возбудится в нем ненависть к миру. Если не возненавидит мира, то не потерпит быть вне покоя его. Если не предварит терпение во уме, то человек не возможет избрать в жительство себе места, исполненного лишений и не имеющего жителей. Если не изберет себе жизни отшельнической, то не может пребыть в молитве.

[1] Слово 39. || [2] Слово 39.

Если же не пребудет в непрестанном поучении о Боге, в разнообразных помышлениях, составляющих молитву, и в разных видах обучения ей, выше нами упомянутых, то не ощутит любви[1].

54. Любовь к Богу рождается от беседы с Ним; беседа с Ним (Богомыслие и молитвенное поучение) — от безмолвия; безмолвие — от нестяжания; нестяжание — от терпения; терпение — от ненавидения похотей; ненавидение похотей — от страха геенны и чаяния блаженств. Ненавидит же похоти тот, кто знает, какой плод бывает от них и что уготовляют они ему, какого блаженства он лишается из-за них. Таким образом, каждое жительство соединено с предшествовавшим ему и от этого предшествовавшего заимствует свое преуспеяние и возводит к иному жительству, высшему. Если одно из таковых жительств будет недостаточно само по себе, то не может состояться и узреться и то, которое ему последует[2].

55. Не признай праздностию умножение занятия молитвою непарительною (чуждою развлечения), сосредоточенною (внимательною) и продолжительною по той причине, что ты при этом уменьшил твое псалмопение. Возлюби более поклоны в молитве, нежели псалмопение. Если благопоспешится тебе молитва, то она заменяет собою правило, состоящее из молитвословий. Если во время совершения твоего молитвенного правила тебе будет дано дарование слез, то не признай наслаждение ими праздностию в отношении к твоему правилу: ибо благодать слез есть последствие полноты молитвенной[3].

56. Всякая молитва, приносимая тобою ночью, да будет пред очами твоими важнее всех дневных деяний. Не обременяй чрева твоего, чтоб не смутилась мысль твоя, чтоб ты, когда встанешь ночью, не был возмущен парением (развлечением мыслей) и не оказался исполненным женоподобного расслабления; не только это приключается (по обременении чрева пищею), но и душа твоя соделывается помраченною, помышления твои возмущенными, и ты никак не можешь по причине омрачения сосредоточить их в псалмопение твое, теряется в тебе вкус ко всему и не чувствуешь услаждения от стихов псалмопения твоего, тогда как ум обыкновенно, при легкости и светлости мыслей, со сладостию вкушает разнообразие псалмопения. Когда благочиние ночное будет возмущено, тогда ум бывает смущен и в дневном делании, пребывает в омрачении и чтением, по обычаю, не услаждается: потому что на помышления нападает как бы буря (и не престает волновать их), хотя бы

[1] Слово 39. ‖ [2] Слово 39. ‖ [3] Слово 40.

ум прибегал и к молитве и к поучению. Сладость, подаваемая подвижникам в течение дня, источается на ум чистый из света делания ночного. Каждый человек, не наученный опытами долговременного безмолвия, да не надеется постигнуть от себя (от одного уразумения своего) что-либо особенное о благах подвижничества, хотя бы он был и великим, и премудрым, и учителем, и имеющим много (других) добродетелей[1].

57. Немощь твою и невежество твое от искреннего сознания в них исповедуй Господу в молитве твоей в противодействие тонкому действию возношения, чтобы не быть тебе оставленным и не подвергнуться искушению сквернами. Блуд последует гордости, и возношению — прелесть[2].

Прелестию святые Отцы называют самообольщение, соединенное с обольщением, производимым бесами.

58. Христе, исполнение (полнота) истины! Истина Твоя да воссияет в сердцах наших, и да уразумеем шествовать путем Твоим по воле Твоей[3].

59. Когда посеется в тебе какой-либо лукавый помысл, или из числа таких, которые приходят издалека, или из числа таких, которые приходят по закону предприятия[4], и часто будет представляться уму твоему, тогда знай наверно, что он тайно уставляет сеть тебе. Но ты пробудись благовременно. Если же помысл принадлежит к десным и благим, то знай, что Бог хочет даровать тебе какой-либо образ (особенный способ) к получению живота вечного, и по сей-то причине такой помысл, вне обычая, движется в тебе непрестанно. Если же приходящий к тебе такой помысл — темен и ты приходишь в сомнение о нем, не постигая ясно, свой ли он, или тать, заступник ли, или наветник, скрывающийся под личиною благого, то уготовься относительно его немедленно прилежною, денно-нощною молитвою, со многим бдением. Не отринь его и не согласись с ним; но с теплотою и тщанием сотвори молитву о нем. Не умолкай, призывая Господа, и Он покажет тебе, откуда пришел этот помысл[5].

---

[1] Слово 40. ‖ [2] Слово 40. ‖ [3] Слово 40. ‖ [4] *Предприятием* называют святые Отцы, наставники монашества, явление в помысле, мечтании и ощущении преждесодеянных грехов. Как люта брань, причиняемая *предприятиями*, можно видеть в житии преподобной Марии Египетской (Четьи-Минеи, 1 апреля). «Избавь мя от многих лютых воспоминаний и предприятий» — молимся мы в конечной утренней молитве к Пресвятой Богородице (Канонник). ‖ [5] Слово 40.

60. Преуспеяние сердца состоит в непрестанном поучении его о надежде своей[1].

61. Любящий беседу со Христом любит быть уединенным. Любящий пребывать в обществе многих есть друг мира сего. Если любишь покаяние, то возлюби и безмолвие: ибо вне безмолвия не бывает совершенного покаяния[2].

62. И сие знай, о рассудительный, что не для изобильного совершения правил мы избираем уединенное с душами нашими жительство, безмолвие и затворничество: ибо известно, что жительство со многими более споспешествует совершению продолжительных и обильных правил, по причине телесного рвения. Если б нужны были продолжительные правила, то некоторые из Отцов не оставили бы собеседования и общения с человеками; напротив того, одни из них жили в гробах, другие избрали затвор в уединенном доме, — таким жительством приводя тело свое в особенное изнеможение, оставляя его не способным к исполнению своих правил, во всякой немощи и изнеможении; сверх того, они со сладостию терпели в течение всей своей жизни и тяжкие приключавшиеся им недуги, от которых не могли даже встать на ноги, чтоб принести обычную молитву или славословие устами; они не совершали ни псалмопения, ни иного чего, исполняемого телом. Телесною немощию и безмолвием они удовлетворялись вместо всех правил. Такой образ поведения они являли в продолжение всей жизни своей. И при всей этой мнимой праздности никто из них не пожелал оставить своей келлии и, по причине оставления правил своих, искать полноты где-либо вне и увеселяться в церквах гласами и служением других[3].

63. Некоторый из Отцов сказал: «Я стремлюсь в безмолвие для того, чтоб усладились мне стихи чтения и молитвы. Когда по причине сладости уразумения их умолкнет язык мой, то я впадаю как бы в некое усыпление, в сосредоточение в себе чувств и помышлений моих. Опять: когда в самом том безмолвии удалением от всего успокоится сердце мое от смущения, производимого воспоминаниями, тогда постоянно посылаются мне волны радости от глубоких помышлений, неожиданно и внезапно приходящих к услаждению сердца моего. Когда эти волны приближатся к кораблю души моей, тогда погружается она в истинные исступительные видения, при своем Богоугодном безмолвии соделываясь чуждою глаголам мира сего и животу плотскому»[4].

---

[1] Слово 41. ‖ [2] Слово 41. ‖ [3] Слово 41. ‖ [4] Слово 42.

64. Другой Отец сказал: «В сладостное делание себе избери всегдашнее бдение по ночам, которым все Отцы совлеклись ветхого человека и сподобились обновления ума. В эти часы душа ощущает бессмертную жизнь, ощущением ее совлекается одеяния тьмы и приемлет Святого Духа»[1].

65. О, какое доставляется наслаждение, как увеселяется, соделывается радостною и очищается душа, когда она возбуждается бодрствованием (трезвением) своим при чтении и молитве![2]

66. Святые не иначе дерзали на беседу с Богом и возвышали себя к сокровенным таинствам, как при немощи членов тела, при бледности лица, происходящих от труда алчбы, при безмолвии ума и отречении от всех земных помыслов. Когда осенит тебя сила безмолвия по многом времени пребывания твоего в келлии, при делании и труде, при внутреннем хранении, при устранении чувств от всяких внешних впечатлений, тогда прежде всего встретишь радость, от времени до времени являющуюся в душе твоей без посторонней причины, и тогда, по мере чистоты твоей, отверзаются очи твои к видению крепости твари Божией и красоты созданий. Когда ум будет наставлен удивлением, производимым этим видением, тогда единым деланием его, и днем и ночью, будет созерцание славных чудес в созданиях Божиих. По этой причине сладостию этого видения окрадывается у самой души сочувствие к страстям[3].

67. Любовь есть плод молитвы; любовь наставляет ум к вожделению видением своим, когда кто претерпит в молитве без уныния и молится только умом разжженно и с теплотою молчаливыми помышлениями. Молитва есть умерщвление мыслей о похотениях плотского жития. Прилежно молящийся равен умерщвляющемуся для мира. Ибо отречься от себя — значит терпеливо пребывать в молитве. Из сего следует, что любовь Божия обретается в отречении от души своей[4].

Того же святого Исаака Сирского, о милости.

68. Хочешь ли духом твоим вступить в общение с Богом, приняв ощущение той сладости, которая не порабощена чувствам? — Последуй милостыни. Когда она вселится в тебя, тогда образуется в тебе святая красота, которою человек уподобляется Богу. Милость, когда ею растворена вся деятельность, совершает в душе постоянное, всегда одинаковое общение со светлою славою Божества,

[1] Слово 42. ‖ [2] Слово 42. ‖ [3] Слово 42. ‖ [4] Слово 43.

а не по временам. Это духовное соединение есть незапечатленное памятование, возжигаемое в сердце горящею любовию, не имеющее расстояний, приемлющее силу к союзу от пребывания в евангельских заповедях, не чрез незаконное нарушение законов естества и не по законам естества[1].

69. Нет иной стези к духовной любви, которою начертывается в нас невидимый образ Божий, если прежде всего человек не начнет миловать по подобию Небесного Отца, явившего нам Свое совершенство в милости[2], как сказал нам Господь, заповедавший повинующимся Ему полагать милость в основание богоугодного жительства[3].

70. Стяжи мир в себе, и будут иметь мир с тобою небо и земля[4].

71. Покрой согрешающего, если это не приносит тебе вреда: этим ты ободришь его к покаянию и исправлению, а тебя будет поддерживать милость Владыки твоего. Немоществующих и опечаленных сердцем утверди словом и всеми средствами, находящимися в твоей власти, и та десница, которая носит все, будет поддерживать тебя. Прими участие трудом молитвы и скорбию твоего сердца в огорченных сердцем, и отверзется источник милости пред прошениями твоими[5].

72. Не променяй любви к брату твоему на любовь к какой-нибудь вещи: потому что любовию к брату ты стяжал внутри тебя Того, Кто драгоценнее всего в мире. Оставь малое, чтоб приобрести великое. Пренебреги излишним и ничего не значащим, чтоб приобрести многоценное. Будь умершим в жизни твоей, чтоб тебе не жить для смерти[6].

73. Душа милостивого сияет паче солнца и непрестанно увеселяется видением Божественных откровений[7].

74. На всех изливай милость твою и от всех будь далек по телу[8].

75. Некоторый брат был однажды обличен в том, что он не подал милостыни. Этот брат смело и с решительностию отвечал обличившему: «Монахи не должны подавать милостыни». Обличивший сказал ему на это: «Явно и очевидно, какой монах не подлежит обязанности подавать милостыню: это — тот, кто может открыто

[1] То есть сверхъестественно, от осенения естества Божественною благодатию. Чрезъестественными называются святыми Отцами те действия и состояния, которыми нарушаются законы естества незаконно, то есть при посредстве греха. ‖ [2] Слово 1. Мф. 5. 48; Лк. 6. 36. ‖ [3] Слово 1. ‖ [4] Слово 2. ‖ [5] Слово 2. ‖ [6] Слово 5. ‖ [7] Слово 8. ‖ [8] Слово 9.

сказать Христу слова Писания: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом*[1]. Это — тот, кто не имеет ничего на земле, не предается попечениям о теле, не занимает ума своего ничем видимым, не заботится стяжать что-либо, но если кто и даст ему что-нибудь, то берет только одно необходимое, не увлекаясь вниманием ни к чему излишнему, — кто жительствует подобно птице. На таком не лежит обязанность подавать милостыню: ибо как он будет подавать то, чего нет у него? Напротив того, заботящемуся о житейском, занимающемуся рукоделием, принимающему от других должно подавать милостыню. Нерадение о ней есть немилосердие, противное заповеди Господа. Если кто не приближается к Богу тайным подвигом, ниже знает служить Ему духом, притом не печется о явных, ему возможных добродетелях, то какая может быть надежда для таковаго к стяжанию жизни вечной? Таковой неблагоразумен»[2].

76. Брат! заповедаю тебе: на весах твоего рассуждения да препобеждает постоянно милостыня все прочие виды добра, доколе ты не ощутишь в себе той милостыни, которую имеет Бог к миру[3]. Милосердие да будет для нас зеркалом, и да возможем мы увидеть в себе (при посредстве милосердия) подобие и истинный образ совершенства, находящегося в естестве и существе Божием. Этими и таковыми понятиями просветимся и направимся чистым произволением к богоугодному житию. Жестокое и немилостивое сердце никогда не возможет очиститься. Милосердый человек есть врач души своей: он, как бы сильным движением ветра, изгоняет омрачение страстей из внутренности своей. Милость есть благой долг наш Богу по евангельскому слову жизни.

1. Говорил авва **Иперхий**: «Трезвенный инок проводит ночь и день прилежа молитвам, принуждая сердце проливать слезы и призывать милость с неба»[4].

2. Он говорил: «Как лев страшен для диких ослов, так страшен искусный монах для помыслов вожделения»[5].

3. Еще говорил: «Пост есть монашеская узда для греха: тот, кто отвергнет пост, соделывается конем, неистовящимся на блуд»[6].

4. Говорил: «Не удерживающий языка во время гнева не возможет удержать и страсти»[7].

5. Говорил: «Лучше есть мясо и пить вино, нежели злоречием снедать братию»[8].

[1] *...вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19. 27). ‖ [2] Слово 14. ‖ [3] Мф. 5. 45. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] Алфавитный патерик.

6. Говорил: «Иссушенное постом тело инока извлекает душу его из пропасти»[1].

7. Говорил: «Целомудренный монах будет почтен на земле, — увенчается на небе пред Всевышним»[2].

8. Говорил: «Монах, не удерживающий языка, никогда не возможет обуздать сладострастия»[3].

9. Говорил: «Злых слов да не износят уста твои: лоза не плодоприносит терний»[4].

10. Говорил: «Наговор змея вывел Еву из рая: таково и злоречие о ближнем. Оно губит душу слушающего, губит и душу говорящего»[5].

11. Говорил: «Мысль твоя да пребывает постоянно в Царстве Небесном, и вскоре наследуешь его»[6].

12. Говорил: «Сокровище монаха — послушание. Стяжавший послушание будет услышан Богом и со дерзновением предстанет Распявшемуся за нас: потому что Господь, распявшийся за нас, *послушлив был до смерти*»[7].

13. Говорил: «Сокровище монаха — произвольная нищета. Брат! сокровища твои скрой в небе: там наслаждение и слава бесконечны»[8].

14. Говорил: «Духовная песнь и поучение да пребывают непрестанно в устах души твоей, да облегчается ими тягость встречающихся напастей. Возьми пример с путешественника, труждающегося в дороге: если он, идя, поет, то этим скрадывается трудность путешествия»[9].

Здесь поучением названа умная молитва, а духовною песнию — также умная молитва, осененная и действуемая благодатию Божиею.

15. Говорил: «Нам должно приготовляться к перенесению напасти прежде пришествия напасти, чтоб оказаться искусными в то время, когда придет»[10].

16. Говорил: «Истинно премудр не тот, кто учит словом, но кто наставляет делом»[11].

17. Говорил: «Древо жизни, возрастающее до небес, — смиренномудрие»[12].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] *...быв послушливым даже до смерти* (Флп. 2. 8). Алфавитный патерик. ‖ [8] Алфавитный патерик. ‖ [9] Алфавитный патерик. ‖ [10] Алфавитный патерик. ‖ [11] Алфавитный патерик. ‖ [12] Алфавитный патерик.

18. Говорил: «Подражай смирением мытарю, чтоб не быть осужденным подобно фарисею; последуй кротости Моисея, чтоб избавиться окаменения сердечного и прийти к источникам вод»[1].

19. Говорил: «Сколько имеешь силы, потрудись в избавлении ближнего от греха его, не укоряя его за грех: и Бог не отвращается от обращающихся к Нему. Злоба и лукавство да не вкрадутся в сердце твое, чтоб ты имел возможность говорить: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим*»[2].

20. Говорил: «Жительством монах да уподобляется Ангелам: да сожигает он и истребляет в себе грех»[3].

Совершается это со всею ощутительностию умною молитвою, пребывание в которой со всею справедливостию может быть названо жительством ангельским.

Святые скитские Отцы произнесли пророчество о последнем роде. Они предложили вопрос: что сделали мы? Один из них, великий по жительству, авва **Исхирион**, сказал на это: «Мы соблюдали заповеди Божии». Отцы спросили: «Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?» Он отвечал: «Они будут иметь делание в половину против нашего». Отцы опять спросили: «А те, которые будут после них?» — «Эти, — отвечал авва, — отнюдь не будут иметь монашеского делания; но их постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших»[4].

Поведали ученики аввы **Ивиссариона** о жительстве его следующее: оно было подобно образу жизни, которую проводит птица небесная, рыба или какое-либо животное земное. Он провел все время жизни своей вне молв и попечений. Не заботился он о келлии; не привязался он душою ни к какому месту; не возжелал он насыщения пищею; не возжелал стяжания имений; не носил он с собою книг. Вполне свободный от всех телесных пристрастий, питаемый надеждою получения вечных благ, вознесенный на твердь веры, он пребывал постоянно в некоем священном исступлении. Он переходил с места на место, терпя и наготу, и холод ненастной погоды, и зной солнечный, находясь всегда под открытым небом. То скитался он по стремнинам пустынь, как путник, потерявший дорогу, то носился по обширной песчаной степи, как по морю. Если случа-

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик.

лось ему прийти в места, обитаемые человеками, к какому-либо общежительному монастырю единодушных братий, то он садился у ворот и предавался плачу, как бы пловец, выброшенный бурею на берег после кораблекрушения. Нередко кто-либо из братии выходил за монастырь и, найдя его сидящим у ворот, принимал за нищего, ходящего по миру и просящего милостыни. Умилосердившись над ним, брат подходил к нему и говорил ему: «О чем ты плачешь? если ты нуждаешься в чем, — мы дадим тебе все, что можем. Войди в монастырь, раздели с нами трапезу, утешься». Старец отвечал: «Невозможно мне войти под кров жилища человеческого, прежде нежели найду утраченные дом мой и имущество. Потерял я великое богатство по различным причинам. В дополнение ко всему напали на меня морские разбойники, я подвергся кораблекрушению, лишился славы своего рода, из знаменитых сделался презренным». Брат, приводимый в соболезнование старцу такими словами его, входил в монастырь и, взяв там укрух хлеба, выносил старцу; подавая ему, говорил: «Отец! прими это, а прочее, о чем ты поведал, знатность и богатство, силен Бог возвратить тебе». Но старец предавался еще большему плачу и рыданию. «Не осмеливаюсь сказать, — говорил он при этом, — возмогу ли найти потерянное. Подобает мне усердно подчиняться непрерывающимся страданиям, быть в ежедневной заботе по причине бесчисленных зол моих! Подобает мне окончить земное странствование в непрестанном скитании»[1].

Подвиг аввы Ивиссариона принадлежит к исключительным родам подвигов, на поприще которых выводятся Промыслом Божиим редкие, которым самопроизвольное подражание, без особенного призвания Божия, воспрещено.

1. Приснопамятный и блаженный отец наш **Иоанн Колов** — прозвание это дано преподобному по малому росту его и значит малый, — послушания воспитанник, оставил мир в юном возрасте. С родным братом своим Даниилом он удалился в Скит, где оба приняли монашество. Они поместились на жительство в одной келлии и подвизались в посте и молитве. По прошествии некоторого времени Иоанн сказал брату своему Даниилу: «Я решился нисколько не заботиться о теле, не хочу употреблять пищи и пития, приготовленных на огне, но хочу пребывать в этой пустыне без попечения, подобно бесплотному Ангелу». Сказав это, он тотчас снял бывшую на нем одежду и нагой вышел из келлии в пустыню. В эту

[1] Алфавитный патерик.

ночь случился сильный мороз. Не стерпев мороза, Иоанн возвратился в келлию к брату своему и начал стучаться в двери. Брат, желая вразумить его, долгое время не подавал голоса; потом сотворил молитву и сказал: «Кто там стучится так настойчиво в мои двери?» — Иоанн отвечал: «Это — я, брат твой Иоанн, не могу вынести мороза и возвратился послужить тебе». Даниил отвечал: «Не прельщай меня, демон! уйди: я не отворю тебе. Как смеешь ты говорить, что ты — мой брат? разве не знаешь, что брат мой — ангел, что он небрежет о теле, что не нуждается в пище? Уйди от меня!» Иоанн сотворил молитву и сказал: «Я — брат твой Иоанн! Ныне узнал, не стерпев мороза, что на мне плоть». Когда он покаялся, то брат отворил дверь и принял его в келлию, при этом сказав ему: «Брат! на тебе плоть: для нее ты должен трудиться о пище и одежде»[1].

2. После этого Иоанн поместился к некоторому великому старцу, родом из Фиваиды, по имени Памве, и предал себя в услужение ему. Старец учил его послушанию, а Иоанн дал обет повиноваться старцу во всем[2].

3. Однажды старец взял сухое дерево, воткнул его на горе и приказал Иоанну ежедневно поливать это сухое дерево ведром воды до того времени, как дерево принесет плод. Вода была далеко от них. Утром надо было идти за нею, чтоб принести к вечеру. По истечении третьего года дерево прозябло и принесло плод. Старец взял плод, принес в церковь к братии и сказал им: «Приступите, вкусите от плода послушания».

4. В некотором расстоянии от их келлии было кладбище. Там жила лютая гиена, умерщвлявшая человеков и скотов. Старец сказал Иоанну: «На кладбище я видел помет гиены: поди принеси его сюда». Иоанн сказал на это: «А что мне сделать, если гиена нападет на меня?» Старец, улыбнувшись, отвечал: «Если гиена нападет на тебя, то свяжи ее и приведи сюда». Вечером Иоанн пошел на кладбище; гиена напала на него. Он, по повелению старца, бросился, чтоб схватить ее; но она побежала от него. Иоанн погнался за нею, крича: «Остановись! отец мой повелел связать тебя». Она остановилась; Иоанн связал ее. Между тем старец сидел, ждал ученика. И вот! идет Иоанн, ведет за собою связанную гиену. Старец, увидев это, удивился; желая же смирить ученика и предохранить от превозношения, взял жезл и начал бить Иоанна, говоря: «Глупый; собаку ли ты привел сюда?» Старец развязал гиену и отпустил ее[3].

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик.

5. Памво имел и другого ученика, **Паисия**, впоследствии знаменитого отшельника в пустыне Нитрийской, чествуемого Церковию между великими святыми ее. Старец скончался блаженною кончиною. Оставшись после него, Паисий и Иоанн жили некоторое время вместе. В жительстве их начало проявляться разнообразие: почему Иоанн дал совет Паисию прибегнуть к Богу с прошением о даровании им извещения, какой род жизни каждому из них назначить благоугодно Богу. Они совершили всенощное бдение. К утру предстал им Ангел и повелел Иоанну пребывать на своем месте жительства и назидать братию, а Паисию удалиться в пустыню и там проводить жизнь отшельника[1].

6. Авва Иоанн Колов говорил: «Если царь захочет взять неприятельский город, то прежде всего пресекает подвоз в него съестных припасов; граждане, будучи утеснены голодом и чтоб не погибнуть от голода, покоряются. То же бывает с плотскими вожделениями: если человек будет проводить жительство в посте и голоде, — вожделения изнемогают в душе его»[2].

7. Он говорил: «Врата Божии — смирение. Отцы наши из среды многих уничижений вошли, радуясь, в храм Божий»[3].

8. Он говорил: «Я подобен человеку, который сидит под высоким деревом и видит, что приближается к нему множество зверей и змей; если он не может противостать им, то взлезает на дерево и спасается. Так и я, безмолвствуя в келлии моей, вижу злые помыслы, восстающие на меня; когда не могу противостать им, — прибегаю к Богу молитвою и спасаюсь»[4].

9. Он говорил: «Смиренномудрие и страх Божий выше всех добродетелей»[5].

10. Он говорил: «Оставив легкое бремя, то есть самоукорение, мы возложили на себя тяжелое — самооправдание»[6].

11. Авва Пимен поведал о авве Иоанне Колове следующее. Он умолил Бога, и отъяты были у него страстные вожделения. Он ощутил ненарушимое спокойствие. Тогда он пришел к некоторому отцу и сказал ему: «Вижу себя спокойным, не имеющим никакой брани». Старец отвечал ему: «Иди и умоли Бога, чтоб возвратились брани и то сокрушение сердца и смирение, которые ты имел прежде: по причине браней душа приходит в преуспеяние». Иоанн испросил у Бога возвращения браней, и когда пришли брани, то он

---

[1] Житие Паисия Великого. Четьи-Минеи, 19 июня. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик.

уже не молился об освобождении от брани, но говорил: «Господи! даруй мне терпение в брани»[1].

12. Авва Иоанн говорил: «Безмолвствовать в келлии, упражняясь в непрестанной памяти Божией, — то же, что быть заключенным в темнице. К такому жительству может быть отнесено изречение: *в темнице бех, и посетисте Мене*»[2].

13. Поведали об авве Иоанне: «Когда он возвращался с жатвы, то ходил сперва к старцам для молитвы и назидания; потом упражнялся в псалмопении; после этого переходил уже к молитве. Такую постепенность в занятиях находил он нужною для приведения ума в то состояние, в котором он находился до выхода из келлии»[3].

Тому, кто имеет умную молитву, должно постепенно возвращаться к ней после того, как случится подвергнуться развлечению.

14. Авва Иоанн Колов сказал: «Невозможно выстроить здания, начиная строить с крыши и продолжая постройку книзу; но должно строить, начиная с основания и подымаясь кверху. Его спросили: «Что должно разуметь здесь под основанием?» Он отвечал: «Основание — ближний, когда пользуем и приобретаем его: потому что на нем основаны все заповеди Христовы»[4].

15. Однажды некоторые из братий пришли испытать авву Иоанна Колова, зная о нем, что он не попускал себе развлечения и не говорил ни о чем житейском. Они сказали ему: «Этого лета был обильный дождь; пальмовые деревья напоены и дадут много ветвей; братия получат в большом количестве вещество для рукоделия». Авва Иоанн отвечал: «Подобным образом, когда Святой Дух низойдет в сердца святых, — они обновляются и пускают леторасли в страх Божий»[5].

16. Поведали о нем, что он однажды сшивал две корзины веревкою. Он уже сшил одну корзину, но приметил это только тогда, когда, работая, прикоснулся к стене: потому что ум его был в духовном видении, производимом благодатною умною молитвою[6].

17. Однажды авва Иоанн сидел у церкви. Братия окружили его и вопрошали о своих помыслах. Увидел это один из старцев и, побежденный завистию, сказал ему: «Иоанн! чаша твоя преисполнена чарования». Иоанн отвечал: «Точно так, авва! ты сказал это, видя одно внешнее: что сказал бы ты, если б увидел внутреннее!»

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] См.: ...*в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25. 36). Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик.

18. Состояние души, желающей приносить покаяние, авва Иоанн изображал следующею притчею: «В некотором городе была красавица — блудница, имевшая много любовников. Князь сделал ей предложение: "Обещайся жить целомудренно, и я согласен, чтоб ты была моею супругою". Она обещалась. Князь женился на ней и взял ее в свой дом. Узнав об этом, прежние любовники ее совещались между собою так: такой-то князь женился на ней и взял ее в свой дом. Если мы пойдем прямо в дом, то князь подвергнет нас пытке. Вот что сделаем: пойдем сзади дома и свистнем ей. Она узнает наш свист и выйдет к нам: тогда уже мы не будем виноваты. Так и сделали. Но она, услышав свист, заткнула уши, убежала во внутреннюю комнату и заперла за собою двери». Авва объяснял притчу так: «Блудница — душа; ее любовники — страсти; князь — Христос; внутренняя комната — вечная обитель; свистящие любовники — демоны. Если душа будет постоянно прибегать к Богу, то демоны и страсти, убоявшись, удалятся от нее»[1].

19. Спросили авву Иоанна Колова: «Что значит инок?» Он отвечал: «Понуждение себя на всякую заповедь Божию составляет отличительную черту инока. Жительствующий так — инок»[2].

20. Авва Иоанн говорил: «Кто крепче льва? но и он из-за чрева своего попадает в сеть; тогда вся сила его не служит ни к чему»[3].

21. Он говорил: «Отцы наши употребляли в пищу хлеб и соль. Они говорили: не попустим себе насыщения хлебом и солью. По этой причине они были сильны на дело Божие»[4].

22. Он говорил ученику своему: «Почтим Единого, и все будут почитать нас. Если же мы презрим этого Единого, то есть Бога, то нас презрят все, и мы погибнем»[5].

23. Он сказал: «Диавол начал уязвлять Иова, во-первых, с имения его. Когда увидел, что Иов не предался печали и не отлучился от Бога, то вторую язву нанес уже на тело. Но доблестный страстотерпец не согрешил даже словом уст своих: он имел Божественное сокровище внутри себя и по причине его непрестающее радование»[6].

24. Однажды авва Иоанн шел из Скита с другими братиями. Была ночь, и проводник их сбился с пути. Братия сказали авве Иоанну: «Авва! что делать нам? Брат сбился с пути: как бы нам не умереть, блуждая!» Старец отвечал: «Если скажем ему об этом, — он опечалится и будет стыдиться нас. Вот что сделаем: я скажусь

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик.

больным и откажусь от дальнейшего путешествия, и останусь здесь до утра». Он сделал так. Сказали и прочие: «И мы не пойдем далее, но побудем при тебе». Они просидели на месте до утра и брата не обличили[1].

25. Был в Скиту некоторый старец, сильный в телесном подвиге, но не сведущий в рассматривании помыслов. Он пошел к авве Иоанну Колову попросить его о недуге забвения. Выслушав учение об этом предмете, старец возвратился в свою келлию и забыл сказанное ему аввою Иоанном. Опять пошел он к авве, спросил его о том же, выслушал то же учение, возвратился в свою хижину и опять забыл сказанное ему. Таким образом много раз ходил он к Иоанну и каждый раз, по возвращении в келлию, побеждаем был забвением. После этого, увидевшись со старцем, он сказал ему: «Знаешь ли, авва? я опять забыл, что говорил ты мне; но чтоб не беспокоить тебя, я уже не приходил к тебе». Тогда авва Иоанн сказал ему: «Зажги свечу». Он зажег. Авва Иоанн сказал: «Принеси еще других свеч и зажги от нее». Когда старец сделал это, авва Иоанн спросил его: «Убавился ли свет первой свечи от того, что ею зажжены многие свечи?» Старец отвечал: «Нет». Иоанн сказал на это: «Подобен первой свече Иоанн: если и весь Скит обратится ко мне, то не умалит благодати Христовой. Приходи ко мне, когда хочешь, без всякого сомнения». За терпение обоих Бог отъял забвение от сердца старцева. — Таков был образ действования скитских Отцов: они споспешествовали преуспеянию тех, которые стремились к нему и понуждали себя к добродетели[2].

26. Брат спросил авву Иоанна: «Что мне делать? часто приходит ко мне один из братии и берет меня на работу, а я грешен и силами телесными немощен: это обстоятельство поставляет меня в затруднительное положение. Как мне поступать в этих случаях, чтоб не нарушить заповеди?» Старец дал ему следующий ответ: «Халев сказал Иисусу Навину: *четыредесяти бех лет, егда Моисей, раб Господень,* из пустыни *посла мя и тебе в землю сию, и ныне се, ми днесь осмьдесят и пять лет.* Как тогда, *тако и ныне могу входити и исходити на брань*[3]. Так и ты, если в силах входить и выходить, — выходи; если же не можешь так поступать, — сиди в келлии твоей и оплакивай грехи твои. Когда будут заставать тебя плачущим, то не будут понуждать к выходам»[4].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] *Я был сорока лет, когда Моисей, раб Господень, послал меня в Кадес-Варни осмотреть землю... Теперь, вот, мне восемьдесят пять лет, но и ныне я столько же крепок... чтобы воевать и выходить и входить* (Нав. 14. 7–11). ‖ [4] Алфавитный патерик.

27. Некоторый старец пришел в келлию аввы Иоанна и застал его спящим. Ангел стоял близ его и веял над ним. Старец увидел это и ушел. Когда авва встал, то спросил ученика своего: «Не приходил ли сюда кто в то время, как я спал?» Ученик отвечал: «Приходил такой-то старец». И уразумел авва Иоанн, что этот старец равен ему по духовному преуспеянию и что он видел Ангела[1].

28. Поведал авва Иоанн: некоторый духовный[2] старец жил в затворе и был знаменит в городе, и в окрестности имел великую славу. Ему было открыто: один из святых приблизился к кончине: «Поди, простись с ним прежде его отшествия». Старец сказал сам в себе: «Если я пойду днем, то стечется ко мне народ и окажет мне великую почесть: лучше пойду вечером; тьма скроет меня от всех». При наступлении вечера, с намерением утаиться, он вышел из келлии, — и вот! явились два Ангела с пылающими светильниками, посланные от Бога, чтоб освещать путь старцу. Сбежался весь город на это зрелище. Сколько думал старец избежать славы, столько был прославлен! Исполнились над ним слова Писания: *всяк смиряяй себе вознесется*[3].

29. Некоторый из Отцов сказал об авве Иоанне: «Кто подобен Иоанну, который смирением своим повесил весь Скит на малом персте своем?»[4]

30. Однажды авва Иоанн сидел в Скиту. Братия, обступив его, вопрошали его о помыслах своих. Увидел это один из старцев и, побежденный завистью, сказал ему: «Иоанн! ты подобен блуднице, которая украшает себя и умножает число любовников своих». Иоанн обнял его и сказал: «Истину говоришь, отец мой»[5].

31. Один из учеников аввы Иоанна спросил его: «Не возмущаешься ли ты в душе твоей?» Старец отвечал: «Нет! и в душе я таков, каков по наружному поведению»[6].

32. Авва Иоанн был *духом горящий*[7]. Некоторый брат, пришедши к нему, похвалил его рукоделие. Авва, занимавшийся в то время плетением веревки, промолчал. Посетитель повторил похвалу. Авва опять промолчал. И в третий раз пришедший брат похвалил рукоделие. Тогда авва сказал ему: «Приходом твоим ты удалил Бога от меня»[8].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Духовным называют Отцы достигшего в меру христианского совершенства. ‖ [3] *Всякий унижающий себя возвысится* (Лк. 14. 11). Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Рим. 12. 11. ‖ [8] Алфавитный патерик.

33. Авва Иоанн сделал вопрос: «Кто продал Иосифа?» Один из монахов отвечал: «Братия его». Старец возразил: «Не братия, а смирение. Он мог бы объявить, что он брат их, и воспротивиться продаже. Но он умолчал, и продало его смирение; потом оно же сделало его обладателем Египта»[1].

34. Авва Иоанн говорил: «Хотя мы — иноки и очень уничижены пред человеками, но имеем упование, что Бог почтит нас»[2].

35. Однажды авва Иоанн находился в церкви и вздохнул, не заметив, что брат стоял сзади его. Увидев его, Иоанн поклонился ему, сказав: «Прости меня, авва! я еще не обучен монашеским правилам»[3].

Так древние иноки опасались обнаружить себя.

36. Однажды, во время жатвы, авва Иоанн, услышав, что один брат говорит гневно и скорбно с ближним своим, — оставил жатву и поспешно удалился.

37. Авва Иоанн поведал: «Однажды я шел по скитской дороге с своим рукоделием. Встретившись с хозяином верблюдов и вступив в разговор с ним, я заметил, что словами его могу быть приведен в гнев, — и немедленно бежал, оставив тут и корзины мои»[4].

38. Сказывали о авве Иоанне, что он, пришедши в церковь Скита и услышав там, что некоторые из братий спорили между собою, возвратился к келлии своей, обошел ее три раза и после этого взошел уже в нее. Видели это некоторые из братий и спросили его: почему он поступил так. Он отвечал: «Мой слух был запечатлен словами спора: я прохаживался, чтоб очиститься и уже в безмолвии сердца взойти в келлию»[5].

39. Авва Иоанн сказал: «Если человек имеет в душе своей залог Божественный, то может безмолвствовать в келлии своей. Также может пребывать безвыходно в келлии и тот, кто не имея Божественного залога, имеет залог мира сего. Не может пребывать в келлии не имеющий ни Божия залога, ни залога мира сего»[6].

Это значит: упражняющийся в умной молитве и плаче удовлетворяется и дорожит безмолвием келлии; можно дорожить пребыванием в келлии по причине какого-либо пристрастия, например, по причине пристрастия к рукоделию с сребролюбивою целию. Без этих залогов пребывание в келлии невыносимо.

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик. || [6] Алфавитный патерик.

40. Однажды брат пришел в келлию аввы Иоанна Колова для духовной беседы. Когда настал вечер, — брат хотел возвратиться. Но душеполезная беседа продолжилась, и незаметно для них наступило утро. Авва встал, чтоб проводить брата; но беседа продлилась до шестого часа. Авва ввел опять брата в келлию; они разделили трапезу; после нее брат ушел[1].

41. Сказывали о авве Иоанне, что плату, получаемую им за жатву, он приносил в Скит, говоря: «Мои вдовицы и сироты — все в Скиту»[2].

42. Авва Иоанн Колов был в великом преуспеянии умной молитвы и переходил от нее в состояние духовного видения. Однажды брат пришел к нему взять корзины. Он вышел к нему и сказал: «Брат! чего ты хочешь?» Брат отвечал: «Мне нужны корзины, авва». Старец вошел в келлию, чтоб вынести корзины, и, забыв о них, сидел. Брат опять постучался, и когда старец вышел, то напомнил ему о корзинах. Старец взошел в келлию, и опять сидел, забыв о корзинах. Брат постучался в третий раз. Старец вышел к нему и говорит: «Чего хочешь ты, брат?» Брат отвечал: «Корзин, авва». Старец взял его за руку, ввел в келлию, сказав: «Если тебе нужны корзины, — возьми и иди! мне недосуг»[3].

43. Однажды хозяин верблюдов пришел к авве Иоанну, чтоб взять его корзины и увезти их, куда следовало по назначению. Авва взошел в келлию, чтоб вынести ему корзины, и, взяв одну корзину, забылся, потому что ум его был восхищен к Богу. Хозяин верблюдов опять обеспокоил его, постучавшись в двери. Авва вышел к нему; но, возвратясь в келлию, опять забылся. Хозяин верблюдов постучался в третий раз. Авва вышел к нему, и, возвращаясь в келлию, твердил: «Корзины — верблюд, корзины — верблюд». Твердил он это, чтоб снова не забыться.

44. Поведали о нем: «От необыкновенного соединения с Богом умною молитвою он не оставил ее и тогда, не поколебался, когда однажды диавол, приняв образ змея, обвился около его тела, пожирал его плоть и выкидывал ее ему на лицо»[4].

45. Однажды в Скиту несколько старцев вкушали вместе пищу. В числе их был и авва Иоанн Колов. Некоторый пресвитер, муж великой святости, встал, чтоб подать трапезовавшим по чаше воды. Но из уважения к пресвитеру никто не согласился принять от него, кроме Иоанна Колова. Старцы удивились и сказали ему: «Как ты,

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик.

меньший всех, осмелился принять услужение от пресвитера?» Он отвечал: «Когда я встаю подавать чашу, то радуюсь, если все примут ее, как получающий большую *мзду*[1]: по этой же причине теперь и я принял чашу, желая доставить ближнему мзду. Как бы он не огорчился, если б никто не принял от него»[2].

46. Авва Иоанн Колов сказал: «Желаю, чтоб человек был причастником всех добродетелей. Ежедневно, вставая рано утром, полагай начало всякой добродетели и сохраняй заповеди Божии с великим терпением, со страхом Божиим и долготерпением, в любви Божией, с великим тщанием по душе и телу, со многим смирением, в постоянном сокрушении сердца, во многих молитвах и молениях, соединенных с воздыханиями, в чистоте, в обуздании языка и очей, в безгневном терпении оскорблений, в мире душевном, не воздавая злом за зло, в невнимании порокам других, в непревозношении собою, но в признании себя худшим из всех творений, в отречении от всего плотского и от всех жительствующих по плоти, в распятии, в борьбе с греховными начинаниями, в смирении духа, в благом произволении и в воздержании духовном, в посте, в плаче, в духовном рассуждении, в целомудрии, в настроении сердца благостию ко всем и в безмолвии, в труде рукоделия, в ночных бдениях, в алчбе и жажде, в холоде и наготе, в подвиге, в затворе, как бы во гробе, как бы уже умерший или ожидающий ежедневно смерти»[3].

47. Можно с достоверностию предполагать, что преподобный Кассиан Римлянин в следующих двух повестях говорит о Иоанне Колове: «Авва Иоанн, настоятель великого общежития и многочисленного братства, посетил авву Паисия, проведшего сорок лет в отдаленнейшей пустыне. Находясь с Паисием в ближайших отношениях, Иоанн спросил у него, как у прежнего товарища своего по монашескому новоначалию, что особенно исполнил он, пользуясь уединением пустыни, в течение столь продолжительного времени, не тревожимый никем из братий? Авва Паисий отвечал: “Солнце не видело меня ядущим”. “А меня гневающимся”, — сказал на это Иоанн»[4].

В слове о авве Филимоне упоминается о лавре Иоанна Колова, бывшей в Скиту[5]. В этой лавре преимущественно жительствовали безмолвники; но жили в ней и новоначальные иноки, приготовлявшиеся к безмолвию, как видно из жития Арсения Великого.

---

[1] Мф. 10. 42; Мк. 9. 41. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Cassiani lib. V. Cap. XXVII. Достопамятные сказания о авве Кассиане. ‖ [5] Добротолюбие. Ч. IV.

48. Когда авва Иоанн отходил из этой жизни, отходил в радости, как бы возвращаясь на родину, — смятенные братия окружали одр его. Они начали убедительно просить его, чтоб он в духовное наследство оставил им какое-либо особенно важное наставление, которое споспешествовало бы им к удобнейшему достижению христианского совершенства. Он воздохнул и сказал: «Никогда я не исполнял моей воли и никого не учил тому, чего сам прежде не сделал»[1].

1. Авва **Иоанн**, бывший игуменом в Раифе, говорил своим инокам: «Дети мои! как бежали мы от мира, так бежим и от плотских вождолений; уподобимся отцам нашим, проводившим здесь жительство в строжайшем безмолвии и подвижничестве; не оскверним, дети мои, этого места, которое отцы наши очистили от бесов»[2].

2. Он говорил: «Что может грех там, где покаяние? какое может иметь преуспеяние любовь там, где гордыня»[3].

3. Он говорил: «Я видел старцев, которые прожили здесь до семидесяти лет, употребляя в пищу лишь финики и зелень»[4].

4. Он говорил о себе, что провел в Раифской пустыне семьдесят шесть лет, подвергшись многим тяжким и лютым искушениям от бесов[5].

5. Он говорил: «Здесь место иноков, а не торговцев»[6].

Авва **Иоанн**, живший в горе, называемой Каламон, имел сестру, которая с детства посвятила себя святому подвижничеству. Она воспитала брата своего, этого авву Иоанна, и внушила ему, чтоб он, оставив суету мира, принял монашество. Вступив в монастырь, он не выходил из монастыря в течение двадцати четырех лет и не виделся с сестрою своею. Она же очень желала видеть, почему часто писала и посылала к нему письма, в которых просила посетить ее прежде исшествия ее из тела, чтоб ей утешиться в любви Христовой присутствием его. Иоанн извинялся, не желая выйти из монастыря. Честная раба Божия, сестра его, опять написала ему письмо, в котором было сказано: «Так как ты не хочешь прийти ко мне, — необходимо мне придти к тебе, чтоб по прошествии столь долгого времени я удостоилась поклониться святой любви твоей». Иоанн, прочитав это, очень опечалился и так рассуждал сам с собою: «Если

---

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [5] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [6] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания.

я позволю сестре моей прийти ко мне, — это даст повод и прочим родственникам и знакомым моим навещать меня». Он решился — лучше сам посетить сестру. Он пошел к ней, взяв с собою двух братий, иноков своего монастыря. Когда они пришли к дверям уединенного дома, в котором жила сестра, — Иоанн сказал громким голосом: «Благословите! примите странников!» На голос вышла сестра его с другою рабою Божиею, отворила дверь и не узнала брата своего. Он узнал ее, но не сказал ни слова, чтоб она не узнала его по голосу. Монахи, бывшие с ним, сказали ей: «Просим тебя, госпожа и мать, повели нам дать воды для утоления жажды, потому что мы устали от пути». Им подана была вода, и они пили. Потом, сотворив молитву, возблагодарив Бога и простившись с рабою Божиею, возвратились в монастырь. По прошествии нескольких дней Иоанн опять получает от сестры письмо, в котором она приглашает его прийти к ней для свидания прежде кончины ее и для совершения молитвы в ее келлии. Он написал ей ответ и послал его с монахом монастыря своего. В ответе было сказано: «По благоволению и милости Христа моего я приходил к тебе, и никто не узнал меня. Ты сама выходила к нам, подала мне воды; я принял ее из рук твоих и пил, и, возблагодарив Господа, возвратился в монастырь. Довольно для тебя, что ты видела меня. Более не стужай мне, но моли о мне непрестанно Господа нашего Иисуса Христа»[1].

1. Авва **Иоанн,** евнух, будучи еще новоначальным, спросил некоторого старца: «Как могли вы совершать дело Божие с удобством, между тем как мы и с трудом не можем совершать его». Старец отвечал: «Причина заключается в том, что мы признавали дело Божие главным делом, а попечение о потребностях тела — делом второстепенным; у вас же заботы о потребностях тела считаются главным делом, а дело Божие — делом второстепенным. Потому-то тщетен труд ваш. Чтоб устранить учеников Своих от такой неправильной деятельности, Спаситель сказал им: *маловери! ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*[2].

2. Авва Иоанн говорил: «Великий отец наш Антоний сказал: Я никогда не предпочитал пользы своей пользе брата моего»[3].

Авва **Иоанн** из Келлий поведал: «В Египте была блудница необыкновенной красоты, очень богатая. Ее посещали люди знатные.

[1] Patrolog. pag. 760. ‖ [2] *...маловеры! Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 30, 33). Алфавитный патерик. ‖ [3] Достопамятные сказания.

Однажды она пришла к церкви и хотела войти в нее: но иподиакон, стоявший у дверей, не допустил ее, сказав: “Ты недостойна войти в дом Божий, потому что ты в нечистоте”. Блудница настаивала, чтоб ей дозволен был вход, а иподиакон не допускал ее. Они начали спорить. Епископ, услышав шум, вышел к дверям. Блудница сказала ему: “Иподиакон не пускает меня в церковь”. Епископ отвечал ей: “Невозможно войти тебе, потому что ты в нечистоте”. Пораженная этим, блудница воскликнула: “Отселе я уже не буду блудодействовать”. Епископ сказал на это: “Если ты принесешь сюда имение твое, то поверю, что престанешь от греха”. Блудница принесла пред епископа имущество свое: он бросил его в огонь. После этого блудница, обливаясь слезами, вошла в церковь и сказала: “Если здесь так поступлено со мною, то что было бы там?” — Она принесла покаяние и соделалась сосудом избранным»[1].

1. Некто из старцев поведал об авве **Иоанне** Персянине, что он, по изобилию в нем Божественной благодати, достиг совершенного незлобия. Жил он в Аравии Египетской. Однажды он занял у брата золотую монету и купил на нее льна для своего рукоделия. После этого пришел к нему другой брат и начал просить его, говоря: «Дай мне, авва, немного льна: я сделаю себе левитон». Авва радостно дал ему. Потом пришел к нему еще другой брат и также просил его: «Дай мне немного льна на полотенце». Старец дал и этому. И иным многим, просившим у него, давал с радостию: потому что был крайне прост сердцем. Пришел наконец к нему и ссудивший его золотою монетою, желая получить ее обратно. Старец сказал ему: «Я схожу и принесу ее тебе». Не нашедши, у кого бы занять монету, он пошел к авве Иакову, заведывавшему раздаянием милостыни, с тем, чтоб попросить у него златник для возвращения брату. Идя к авве Иакову, он увидел на дороге лежащий златник. Авва Иоанн не прикоснулся к нему, но, сотворив молитву, возвратился в келлию. Брат опять пришел, прося возвращения долга. «Я забочусь об этом», — отвечал старец и опять пошел к авве Иакову. На дороге он увидел златник на том же месте, на котором он был и прежде: сотворив молитву, старец возвратился в келлию. Брат пришел и в третий раз, прося златника обратно. Старец отвечал ему: «Непременно схожу и принесу тебе». Он пошел на то место, где прежде нашел монету: она лежала там же. Сотворив молитву, он взял ее, принес к авве Иакову и сказал ему: «Авва! идя к тебе,

[1] Достопамятные сказания.

я нашел на дороге этот златник: окажи любовь, повести в окрестности, не потерял ли кто его? если найдется потерявший, отдай ему». Авва Иаков ходил три дня и объявлял о найденном златнике; но не нашлось никого, кто бы потерял златник. Тогда старец сказал авве Иакову: «Если никто не потерял этого златника, то отдай его такому-то брату: я должен ему. Я шел к тебе просить милостыни, чтоб отдать долг, и нашел этот златник». Удивился авва Иаков, что старец, будучи должен и нашедши монету, не взял ее тотчас и не отдал долга. Было достойно удивления в авве Иоанне и следующее: если кто приходил к нему взять что-либо взаймы, то он не давал из своих рук просившему, а говорил ему: «Поди, возьми, что нужно тебе». Когда взявший приносил взятое, то старец говорил: «Положи на свое место, откуда ты взял». Если же кто не возвращал долга, то старец и не напоминал о нем[1].

2. Поведали о авве Иоанне Персянине: когда пришли к нему злодеи — он принес умывальницу и умолял их о дозволении умыть им ноги. Злодеи устыдились, начали просить у него прощения и раскаиваться в своей злонамеренности[2].

1. Авва **Иосиф** безмолвствовал в пустыне нижнего Египта, прилежащей городу Панефосу. Он был из первых граждан города Тмуя, имел ученость мира сего и знал хорошо греческий язык[3].

2. Авва Пимен спросил авву Иосифа: «Научи меня: как мне сделаться монахом?» Старец отвечал: «Если хочешь обрести покой в этом и в будущем веке, то при всяком случае говори себе: я — кто? и не осуждай никого»[4].

3. Брат вопросил авву Иосифа, говоря: «Что мне делать? Я не могу ни поститься, ни работать, ни подавать милостыни». Старец отвечал ему: «Если не можешь совершать ни одной из упомянутых тобою добродетелей, то по крайней мере храни совесть и свою и ближнего твоего от всякого зла, — и спасешься: Бог ищет от души безгрешия»[5].

4. Поведал некоторый брат: «Пришел я однажды в нижнюю Гераклию к авве Иосифу. В монастыре его было великолепное древо — смоковница. При наступлении утра он сказал мне: “Поди, покушай плодов смоковницы”. Была тогда пятница; я не исполнил сказанного старцем, чтоб не нарушить церковного постановления о посте. После этого умолял я его, говоря: “Бога ради объясни мне твой

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Cassiani collat. XVI, cap. 1. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик.

поступок. Ты повелел мне с утра употребить пищу, а я по причине поста не сделал этого, — и стыдно мне тебя! недоумеваю, в каком разуме дал ты мне, старец, приказание употребить пищи и что хотел выразить этим?" Авва отвечал: "Отцы сначала говорят братиям слово наиболее в виде испытания, а не прямо. Когда же увидят, что они исполняют и извращенное приказание, то уже не испытывают их неправильными приказаниями, но наставляют истине, убедившись в их послушании"»[1].

Такой образ действования не должен быть допущен в наше время по скудости преуспеяния в наставниках и по скудости благого произволения во вступающих в монастырь. Почтим благоговейным созерцанием свободу в действовании древних иноков, родившуюся от великого преуспеяния! почтим ее благоговейным уклонением от подражания ей, в сознании нашего недостаточества!

5. Авва Лот, посетив авву Иосифа, сказал ему: «Отец мой! по силе моей я исполняю малое молитвенное правило, соблюдая умеренный пост, занимаюсь молитвою, поучением и безмолвием, стараюсь наблюдать чистоту, не принимая греховных помыслов: что надлежит мне еще сделать?» Старец встал и простер руки к небу: персты его соделались подобными десяти возжженным светильникам. Он сказал авве Лоту: «Если хочешь, — будь весь, как огнь. Не возможешь соделаться монахом, если не будешь пламенеть весь, как огнь»[2].

Благодатное осенение умной молитвы, при котором инок начинает ощущать в себе веяние необыкновенной тишины, стяжавает опытное познание сердечного безмолвия, с особенным удобством отталкивает приближающиеся к нему греховные помыслы и ощущения, — есть первая степень преуспеяния в умной молитве. На ней не должно останавливаться подвижнику: должно, при помощи плача, стремиться к большему преуспеянию, которому нет предела. Умная молитва — жилище Небесного Царя: в этом дворце чертогам нет числа; за великолепными и обширными чертогами следуют другие, более великолепные и обширные чертоги.

6. Брат спросил авву Иосифа: «Если настанет гонение, куда лучше бежать, в мир или в пустыню?» Старец отвечал: «Поди туда, где живут православные, и поместись близ них»[3].

7. Брат хотел выйти из общежительного монастыря и избрать жительство отшельника. Он открыл намерение свое авве Иосифу

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

и просил у него совета. Старец сказал ему: «Живи там, где видишь, что нет ничего вредного для души твоей, и где ты можешь пребывать в мире». Брат отвечал: «Я мирствую и в общежитии, и в отшельничестве». Старец сказал на это: «Положи помыслы твои как бы на весы, и где видишь больше пользы для души твоей, где достигаешь большего смирения, там и живи»[1].

8. Один из старцев пришел к другому старцу, возлюбленному своему, чтоб вместе с ним посетить авву Иосифа. Пришедший сказал хозяину: «Прикажи ученику твоему, чтоб он приготовил в дорогу с нами осла». Хозяин отвечал: «Пригласи его, и он сделает по желанию твоему». «А как его зовут?» — спросил пришедший. «Не знаю», — отвечал хозяин. «Сколько времени живет он с тобою, что ты еще не знаешь имени его?» — опять спросил пришедший. «Два года», — отвечал хозяин. На это сказал пришедший: «Если ученик твой при тебе живет два года и ты не знаешь имени его, то зачем мне узнавать имя его для одного дня»[2].

Древние иноки-безмолвники, храня со всевозможным тщанием безмолвие души, крайне охранялись от любопытства, от всякого излишнего знания, могущего нарушить безмолвие сердца и прервать его таинственную беседу с Богом. Этому должны подражать по нашим силам и мы, иноки последнего времени, чтоб получить возможность хоть несколько сосредоточиваться в себя для умной молитвы. Ученик великого скитского безмолвника, аввы Филимона, поведал: «Когда я уходил из келлии на какое-либо служение, авва никогда не спрашивал меня: куда и для чего идешь? Опять, когда я возвращался, он никогда не спрашивал: где был и что делал? Однажды я отлучился в Александрию по делу монастырскому, оттуда переехал на корабле в Константинополь для исправления церковных потребностей, занялся там посещением благоговейных братий, потом возвратился в Александрию, не дав о себе никакого известия служителю Божию. Пробыв довольно времени в Александрии, я возвратился к нему в Скит. Он, увидев меня, обрадовался, приветствовав меня и сотворив молитву, сел, но отнюдь ни о чем не спросил меня: потому что умом пребывал в духовном видении, в которое возводит и в котором почти постоянно содержит истинного безмолвника умная молитва»[3].

9. Поведали: «Когда авва Иосиф Панефосский кончался, — сидели у него старцы. Посмотрев на дверь, он увидел диавола, сидев-

[1] Алфавитный патерик. || [2] Достопамятные сказания. || [3] Слово об авве Филимоне. Добротолюбие. Ч. 4.

шего у двери. Тогда, подозвав к себе ученика своего, авва сказал ему: "Подай жезл: он думает, что я состарился и не могу управиться с ним". Ученик исполнил это: авва взял жезл, и старцы видели, что диавол, в подобии собаки, пробрался в дверь и исчез»[1].

Авва **Иеракс** жил в Нитрийской пустыне. Однажды пришли к нему бесы в образе Ангелов; искушая его, они сказали ему: «Еще пятьдесят лет тебе жить: как выдержишь такое продолжительное время в этой страшной пустыне?» Он отвечал им: «Огорчили вы меня, назначив мне жить немного лет: я приготовился к терпению на двести лет». Услышав это, бесы удалились, испуская вопли[2].

1. Поведали о авве **Кронии**, что он принадлежал к числу старейших учеников Антония Великого. Ему было сто десять лет. Он стяжал и удержал до старости такое смирение, что, наставляя других, постоянно укорял себя[3].

2. Брат вопросил авву Крония: «Что делать мне с забывчивостию, которая пленяет ум мой и столько обладает мною, что я по причине ее впадаю в грехи?» Старец отвечал ему: «По причине порочного жительства сынов Израиля иноплеменники пленили кивот Господень, увезли с собою и поставили в храме Дагона, бога своего. Тогда Дагон пал на лицо свое пред кивотом Господним». Брат спросил: «Что означается этим?» Старец отвечал: «Если забывчивость возобладает умом человека на основании причин, производящих эту забывчивость, то она приводит и к явному исполнению требования страстей. Если ум, отвергнув основания, на которых зиждется забывчивость, обратится к Богу и взыщет Его, воспоминая о разлучении души с телом и о последующем за этим разлучением Суде, то забывчивость немедленно оставляет человека и совершенно исчезает. Этому научает и Писание. *Егда вазвратився воздохнеши*, говорит оно, *тогда спасешися и уразумееши, где еси был*»[4].

3. Брат вопросил авву Крония: «Каким деланием достигает человек смиренномудрия?» Старец отвечал: «Страхом Божиим». Брат снова спросил: «Каким деланием приходит человек в страх Божий?» Старец отвечал: «По мнению моему, должно отрешиться от всего, возложить на себя телесные труды и всеусильно содержать в себе памятование о исходе души из тела»[5].

---

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик.

При таком памятовании о смерти телесный подвиг получает значение деятельно выражаемого, а потому весьма действительного покаяния.

4. Брат сказал авве Кронию: «Скажи мне назидательное слово». Авва отвечал ему: «Когда Елисей пришел к соманитянке, то нашел ее чуждою сношений с кем-либо; по пришествии же пророка она зачала и родила сына». Брат спросил: «Какое значение имеют эти слова». Старец отвечал: «Когда душа пребывает в трезвении, хранит себя от вражеского искушения и не исполняет своих похотений, тогда приходит к ней Дух Божий, – и она, быв бесплодною в своем одиночестве, получает способность зачать и родить»[1].

5. Сказал авва Кроний: «Если б Моисей не привел овец своих к подошве горы Синайской, то не увидел бы огня в купине». Брат спросил: «Что означается таинственно купиною?» Старец отвечал: «Купиною означаются телесные подвиги, по свидетельству Писания, которое говорит: *подобно есть Царствие Небесное сокровищу, сокровену на селе*[2]. Брат сказал на это: «Следовательно, без телесного подвига человек не возможет достичь никакого благодатного состояния!» Старец отвечал: «Об этом ясно свидетельствует Писание. *Взирающе,* говорит оно, *на началника веры и совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащия Ему радости, претерпе крест*[3]. И Давид говорит: *аще дам сон очима моима, и веждома моима дремание*[4].

6. Авва Кроний[5] поведал: «Авва Исидор Пелусийский рассказывал нам следующее: “Во время пребывания моего на Синайской горе был там брат очень подвижной жизни, притом весьма красивый собою. В церковь приходил он в ветхой короткой келейной мантии, которая была вся в заплатах. Видя его в таком одеянии посреди множества братий, однажды я сказал ему: “Брат! ты видишь, что все братия присутствуют в церкви в приличном одеянии, подобно Ангелам: почему же ты приходишь всегда в такой одежде?” Он отвечал: “Авва! прости меня: у меня нет другой одежды”. Я пригласил его в мою келлию, дал ему левитон и все, в чем он нуждался. С этого времени он одевался подобно прочим братиям, и был вид его, как вид Ангела. Встретилась отцам нужда послать к императору десять братий по некоторому делу. В число отправляемых

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] *Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле* (Мф. 13. 44). ‖ [3] *Взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест* (Евр. 12. 2). ‖ [4] *Не дам очам моим и веждам моим дремания* (Пс. 131. 4). ‖ [5] Этот Кроний, очевидно, жил очень спустя после первого Крония, ученика Антония Великого.

отцы включили и этого брата. Услышав об этом, он пал пред отцами и сказал им: “Простите меня ради Господа! я раб одного из тамошних вельмож: если он узнает меня, то снимет с меня монашество и принудит снова вступить в услужение к себе”. Отцы, поверив сказанному, оставили его. Впоследствии же сделалось известным от некоторого посетителя, коротко знавшего этого брата, что в мирской жизни он имел сан епарха, но сказал так о себе, чтоб остаться в неизвестности и чтоб не произвести молвы между человеками”. — С такою тщательностью избегали отцы славы мира сего и удобств временной жизни»[1].

1. Поведал авва Пимен о авве **Коприи**: он достиг такого преуспеяния, что будучи болен и лежа неподвижно на постели, воссылал благодарение Богу за болезнь и постоянно отсекал свою волю. Приходившим к нему братиям он советовал переносить скорби с благодарением Бога и говорил: «Блажен, кто переносит скорби с благодарением»[2].

2. Однажды скитские братия собрались для рассуждения о Мелхиседеке; пригласить же авву Коприя в собрание свое позабыли. Спустя несколько времени они позвали его и предложили ему вопрос о Мелхиседеке. Коприй трижды положил руку на уста, говоря при каждом разе: «Горе тебе, Коприй! горе тебе, Коприй! горе тебе, Коприй! ты оставил делание, заповеданное тебе Богом, и исследуешь то, чего Он не требует от тебя». Братия, услышав это, разошлась по келлиям.

Авва **Кир** дал совет брату, боримому блудными помыслами и мечтаниями, убегать общества женщин и прилежнее заниматься молитвою.

Учащенная, внимательная молитва, при удалении от знакомства и свиданий с женщинами, есть средство сильное и действительное против блудной брани.

1. Брат спросил авву **Ксоя**: «Если я выпью три чаши вина, — не много ли этого?» Авва отвечал: «Если нет диавола, то не много; если же он тут, то много. Вино — враг монахов, живущих по Богу».

Виноградное вино в жарких климатах имеет совсем иное значение, нежели в климате умеренном. В жарком климате употребление вина

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик.

часто бывает необходимостию. Диавол понуждает употреблять вино для наслаждения и по прихоти. По этому признаку познается его присутствие и действие. От такого употребления вина проистекает многообразный вред, особливо возбуждаются страсти, блудная и гневная. Монаху дозволяется употребление вина только в случаях нужды. При представившейся нужде, должно обдумать, точно ли это — нужда? не прикрывается ли личиною нужды пожелание? По требованию истинной нужды монаху разрешается употребление вина умеренное, чтоб вино подействовало только на желудок, а никак не на голову.

2. Некоторый из отцов поведал о авве Ксое Фивейском следующее. Ходил он однажды на Синайскую гору. Возвращаясь оттуда, он встретился с братом, который, воздыхая, сказал ему: «Авва! страждем от бездождия». Старец отвечал: «Почему вы не молитесь и не просите Бога?» Брат сказал: «И молимся, и просим; но дождя нет». «Видно, вы молитесь не усердно, — отвечал на это старец, — хочешь ли увериться, что это так?» С этими словами он простер руки к небу, начал молиться, и дождь пошел немедленно. Брат, увидев это, пришел в величайшее удивление, пал на лицо свое пред старцем, а старец очень поспешно удалился. О случившемся брат рассказал всем; все, слышавшие, прославили Бога[1].

1. Сказал авва **Лонгин**: Как мертвец не ест, так и смиренный не может осудить человека, хотя бы даже видел его поклоняющимся кумирам»[2].

2. Он сказал: «Молчание приводит к плачу, а плач очищает ум и соделывает его безгрешным»[3].

3. Авва Лонгин имел обильное умиление при совершаемых им молитве и псалмопении. Ученик его однажды сказал ему: «Таково ли духовное правило, чтоб инок всегда плакал при совершаемых им молитвах?» Старец отвечал ему: «Истинно так, сын мой: таково правило, требуемое Богом. Бог сотворил человека не для плача, но для радости и веселия, чтоб он прославлял Бога чисто и безгрешно, как прославляют Его Ангелы; но человек, извергшись в падение, понуждался в плаче. Где нет греха, там нет нужды в плаче»[4].

4. Вопросил авва Лонгин, в новоначалии своем, авву Лукия о трех помыслах, сказав, во-первых: «Хочу быть странником». Старец отвечал: «Если не удержишь языка твоего, то не возможешь

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик.

быть странником, куда бы ты ни пошел». Потом сказал Лонгин: «Хочу есть чрез день». На это отвечал старец Лукий: «Сказал пророк Исаия: *аще слячеши яко серп выю твою, ниже тако наречеши пост приятен*[1]. Все внимание обрати на то, чтоб воздерживаться от порочных мыслей». В-третьих, сказал Лонгин: «Хочу удалиться от человеков». Старец отвечал: «Если прежде не приведешь себя в правильное настроение, пребывая между человеками, то не возможешь стяжать его, живя наедине»[2].

1. Авва **Макарий Великий** говаривал скитской братии, когда распускал собрание их: «Убегайте, братия». Один из старцев сказал ему: «Отец! куда бежать нам далее этой пустыни?» Тогда Макарий положил перст на уста свои и сказал: «Этого убегайте». Сказав, он пошел в келлию и, затворив двери, пребывал один[3].

2. Он сказал: «Совершенство доставляется тем, когда не осуждаем никого, ниже в чем малейшем, а осуждаем только себя, и когда претерпеваем досаждения (оскорбления)».

3. Он сказал: «Если хочешь спастись, то будь мертв, не принимая ни бесчестия человеческого, ни чести (то есть не сочувствуя им и не трогаясь ими), подобно мертвым, и возможешь спастись»[4].

4. Говорили о авве Макарии, что он был как Бог земной: потому что как Бог покрывает мир, так и он покрывал недостатки братии, видя, как бы не видя, и слыша, как бы не слыша[5].

5. Говорил авва Макарий: «Истинный монах тот, кто во всем побеждает себя. Если, исправляя ближнего, движешься на гнев, то исполняешь свою страсть. Для спасения ближнего не должно губить себя»[6].

6. Отцы Нитрийской горы послали к великому отцу Макарию в Скит (пустыня Скит была по соседству с пустынною горою Нитрийскою) с следующим приглашением: вместо того чтоб подыматься к тебе всему иноческому населению горы, умоляем тебя прийти к нам, чтоб мы увидели тебя прежде, нежели ты отойдешь ко Господу. Когда Макарий пришел в гору, стеклось к нему все многочисленное братство. Старцы просили его, чтоб он сказал назидательное слово братии. Он, прослезившись, сказал им: «Братия! очи ваши да испустят слезы прежде отшествия вашего туда, где слезы

[1] Ср.: *...когда гнет голову свою, как тростник... Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу?* (Ис. 58. 5). ‖ [2] Алфавитный патерик. О отце Лонгине. ‖ [3] Алфавитный патерик. О преподобном Макарии Великом. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Patrolog. pag. 775.

наши будут жечь наши тела». Все заплакали и, пав ниц, сказали: «Отец, молись за нас»[1].

7. Авва Макарий Великий обрел в глубокой пустыне двух отшельников, достигших христианского совершенства и превосшедших естество, так что они даже не нуждались в одежде. Он спросил у них: «Как возмогу быть истинным монахом?» Они отвечали: «Если человек не отречется от всего, принадлежащего миру, то он не может быть монахом». Святой Макарий сказал им: «Я немощен и не могу проводить такого жительства, какое проводите вы». На это они отвечали: «Если ты немощен, то безмолвствуй в келлии твоей, оплакивая грехи твои».

8. Однажды, когда святой Макарий сидел в келлии своей, — предстал ему Ангел, посланный от Бога, и сказал: «Макарий! не бойся нападения невидимых врагов, потому что наш благий Владыка не отступит от тебя и не престанет поддерживать тебя. Мужайся, укрепляйся, храбро побеждай начала и власти противные; но деланием твоим не превозносись, чтоб Божественная помощь не оставила тебя, чтоб ты не пал падением дивным». Блаженный Макарий отвечал, обливаясь слезами: «Чем превозноситься мне, когда душа моя, подобно развратной блуднице, питается смрадом нечистых помышлений, приносимых бесами»[2].

В такое глубокое смирение приведен был преподобный глубоким самовоззрением, которое доставлено было ему его умным деланием. В себе он увидел падение человека и его общение с демонами. Это духовное видение его изображено с необыкновенною ясностию и подробностию в его беседах.

9. Божественный Макарий от трудов постничества, от многих и различных браней имел измененным самое тело, которое походило на тень[3].

10. Однажды авва Макарий, ходя по пустыне, нашел лежавший на земле человеческий череп. Когда авва прикоснулся пальмовою палкою, которая была у него в руке, к черепу, — череп издал из себя голос. Старец сказал ему: «Кто ты?» Череп отвечал: «Я был жрецом идолопоклонников, которые жили в этом месте, а ты — авва Макарий, имеющий в себе Святого Духа Божия; когда, умилосердясь над теми, которые находятся в вечной муке, ты молишься о них, то они получают некоторое утешение». Старец спросил: «В чем состоит это утешение?» Череп отвечал: «Сколько отсто-

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

ит небо от земли, столько огня под ногами нашими и над нашими головами. Мы стоим посреди огня, и никто из нас не поставлен так, чтоб видел лицо ближнего своего». Тогда старец, обливаясь слезами, сказал: «Горе тому дню, в который родился человек, если только таково утешение в муке!» К этому старец присовокупил: «Есть ли мука, более тяжкая этой?» Череп отвечал: «Ниже нас мука больше». Старец сказал: «Кто в ней?» Череп: «Нам, не ведавшим Бога, оказывается хотя некоторое милосердие; но те, которые познали Бога и отреклись от Него, и не исполняли воли Его, находятся ниже нас». После этой беседы старец предал череп земле[1].

Здесь указывается на отвержение деятельности по заповедям Евангелия как на отречение от Христа.

11. Брат просил авву Макария сказать ему слово спасения. Старец сказал: «Должно убегать людей, пребывать в келлии, непрестанно плакать о грехах, воздерживать язык и чрево: это выше всех добродетелей»[2].

12. Однажды авва Макарий, идя в Нитрийскую гору в сопровождении ученика своего, повелел этому ученику идти несколько впереди себя. Ученик, ушедши на некоторое расстояние вперед, повстречался с идольским жрецом, который куда-то очень спешил, неся большой отрубок дерева. Ученик воскликнул ему: «Куда бежишь, демон?» Жрец, рассердившись, прибил его жестоко, оставил едва дышавшим, и снова поспешно продолжал путь свой. Прошедши немного, он встретился с блаженным Макарием, который приветствовал его так: «Здравствуй, трудолюбец, здравствуй!» Жрец, удивившись, отвечал: «Что нашел ты во мне доброго, чтоб приветствовать меня?» Старец сказал: «Сделал я тебе приветствие, потому что увидел тебя трудящимся и заботливо спешащим куда-то». Жрец на это: «От приветствия твоего я пришел в умиление и понял, что ты — великий служитель Бога; напротив того, другой, не знаю какой, окаянный монах, повстречавшись со мною, обругал меня; за то я и прибил его». С этими словами он пал к ногам Макария, обнял их и воскликнул: «Не оставлю тебя, доколе не сделаешь меня монахом». Они пошли вместе. Дошедши до того места, где лежал избитый монах, они подняли его и отнесли на руках в церковь, потому что он не мог идти. Братия горы, увидев, что жрец идольский идет вместе с блаженным Макарием, очень удивились этому. Жрец принял христианство, а потом

[1] Patrolog. pag. 1013. || [2] Patrolog. pag. 801.

и монашество; наставленные примером его, многие из идолопоклонников обратились к христианству. По этому случаю сказал авва Макарий: «Слово гордое и злое направляет к злу и добрых людей, а слово смиренное и благое обращает к добру и злых людей»[1].

1. Сказал авва **Матой**: «Предпочитаю правило легкое, но постоянно совершаемое, правилу трудному в начале, но скоро потом оставляемому»[2].

2. Он сказал: «Человек чем более приближается к Богу, тем более видит себя грешным»[3].

3. Он говорил: «Когда я был молод, то полагал, что делаю, может быть, что-либо доброе; теперь, состарившись, вижу, что не имею ни одного доброго дела»[4].

1. Брат пришел в скит к отцу **Моисею** и просил у него назидательного слова. Старец сказал ему: «Поди, пребывай в твоей келлии, и келлия научит тебя всему»[5].

2. Он сказал: «Те из нас, которые были побеждены плотскою страстию, не обленимся приносить покаяние и оплакивать себя, прежде нежели постигнет плач, имеющий объять нас по причине осуждения нашего. Когда же плачем, не будем возвышать глас воздыхания, да не уведает шуйца, что творит десница. Шуйца есть тщеславие»[6].

3. Брат спросил авву Моисея: «Что должен делать человек при всякой случающейся с ним напасти или при нашествии всякого вражеского помышления?» Старец отвечал: «Должен плакать пред благостию Божиею, что она помогла ему, и вскоре ощутит спокойствие, если будет молиться разумно»[7].

4. Брат вопросил авву Моисея: «Что помогает человеку во всяком труде его?» — Старец сказал: «Бог, потому что говорит Писание: *Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело*»[8].

5. И еще брат спросил: «Что происходит от пощения и бдения, совершаемых человеком?» Старец сказал: «Они укрощают тело и смиряют душу, как говорит Писание: *виждь смирение и труд мой,*

[1] Patrolog. pag. 784. ‖ [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о отце Матое. ‖ [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о отце Матое. ‖ [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о отце Матое. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] *Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах* (Пс. 45. 2). Алфавитный патерик.

и остави вся грехи моя[1]. Если душа принесет эти плоды, то Бог милует ее ради их»[2].

6. Сказал старец: «Когда раб возложит укоризну на себя (обвинит себя) и скажет: *я согрешил,* — немедленно господин его милует его»[3].

7. Сказал авва Моисей: «Если будем внимательны к своим грехам, то не будем смотреть на грехи ближнего. Безумно — оставить своего мертвеца и идти плакать над мертвецом ближнего»[4].

8. Он сказал: «Умереть для ближнего значит: ощущать грехи свои и не помышлять ни о ком другом, хорош ли он или худ. — Не делай никому зла и ни о ком не мысли зла в сердце твоем. Не презирай того, кто поступает худо. Не входи в общество с человеком, вредящим своему ближнему, и не радуйся с тем, который делает зло другому. Не укоряй никого, но говори: Бог знает каждого. Не соглашайся с клеветником, не забавляйся его злоречием; но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего своего. Вот что значит не осуждать, по Писанию: *не судите, да не судими будете*[5]. Не имей вражды ни с кем, и не питай вражды в сердце твоем, не ненавидь и того, кто враждует на ближнего своего. В этом-то и состоит мир. Утешай себя тем, что труд — кратковременен, а упокоение за него вечно, по благодати Бога-Слова»[6].

Авва **Мегефий** говорил: «Прежде, когда мы собирались друг к другу и беседовали о пользе душевной, укрепляя друг друга, — мы уподоблялись стройным полкам и восходили на небо. Ныне, когда собираемся, чтоб злословить друг друга, — мы нисходим во ад»[7].

Сказал авва **Нестерон** Великий: «Старайся ежедневно представлять себя Богу чуждым греха. Молись Богу так, как бы ты видел Его: потому что Он точно видит тебя»[8].

1. Сказал авва **Ор** ученику своему: «Убегающий от вещества приближается к невещественному; собирающий же вещи отлучает себя от невещественного»[9].

2. Авва Ор говорил: «Венец монаха — смиренномудрие»[10].

---

[1] *...призри на страдание мое и на изнеможение мое, и прости все грехи мои* (Пс. 24. 18). ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Достопамятные сказания. Об авве Моисее, гл. 16. ‖ [5] *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7. 1). ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] Алфавитный патерик. ‖ [9] Алфавитный патерик. ‖ [10] Алфавитный патерик.

3. Авва Ор говаривал ученику своему Павлу: «Наблюдай и наблюдай за собою, чтоб никогда не приносить чужих речей в эту келлию», то есть в келлию, в которой безмолвствовал авва Ор. Существенно нужно для безмолвника, по возможности, совершенное уклонение от вмешательства, даже вниманием ума и участием сердца, в дела сего мира и в чужие дела[1].

4. Об авве Оре сказывали, что он никогда не лгал и не божился, никому не желал зла и без крайней нужды не говорил[2]. Этого правила в поведении держались все святые иноки.

5. Авва Сисой сказал авве Ору: «Дай мне наставление». Авва Ор спросил его: «Имеешь ли ты доверенность ко мне?» Авва Сисой отвечал: «Имею». Тогда авва Ор сказал ему: «Иди, исполни то, что видишь во мне». «Что же я должен видеть в тебе, отец?» — спросил авва Сисой. Старец сказал ему: «Я почитаю себя худшим всех людей»[3].

6. Авва Ор говорил: «Злословие есть смерть души»[4].

7. Еще говорил: «Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй в ней никого, кроме себя, и говори: это случилось со мною за грехи мои»[5].

1. Авва **Пимен Великий** выразил с детства особенное расположение к монашеству как к духовной науке, как к науке из наук. Тщательное изучение глубоких изречений этого Отца, облеченных в необыкновенную простоту слова, доказывает, что он достиг самого правильного самовоззрения. Достигал он его при свете Евангелия, стяжал он его при свете благодати Святого Духа, обильно осенившей его блаженный подвиг. При посредстве этого подвига он увидел в себе падение человечества, состояние общения и плена, в которых оно находится по отношению к падшим духам, увидел в себе погибель человечества, необходимость Искупителя и что этот Искупитель есть Господь и Бог наш Иисус Христос. Понуждая падшее естество к исполнению евангельских заповедей, преподобный Пимен опытно узнал, что исполнение этих заповедей, противное и враждебное падшим воле и разуму человеческим, исцеляет наше естество от недуга и заразы, произведенных в нем падением, исцеляет с тою решительностию и силою, которая свойственна одному Божественному врачевству. Никакое человеческое нравоучение, никакая человеческая мудрость не могут произво-

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Достопамятные сказания. || [4] Достопамятные сказания. || [5] Достопамятные сказания.

дить такого действия на человека, не могут производить тени того действия, какое производят евангельские заповеди, когда человек исполняет их. Они изменяют ум, сердце, тело. В эту великую тайну проник преподобный Пимен, по всей справедливости названный Великим. Он посвятил всего себя, все силы души и тела разумному монашескому подвигу, деланию душевному, дав значение подвигу телесному настолько, насколько он необходим для содействия подвигу душевному, отнюдь не в ущерб второму, отнюдь не для собственного его достоинства. С самоотвержением, с попранием правды своей и человеческой, с решительным невниманием к мнению человеческому Пимен всецело стремился к исполнению правды Божией, откровенной во Евангелии. Он устранял от себя и от ближних, прибегавших к его советам, все, чем нарушается правильность самовоззрения, даруемого истинным смирением, которым преисполнено и дышит евангельское учение. Без правильного самовоззрения воззрение на ближних, на самые добродетели, на подвиг иноческий, на христианство не может не быть ошибочным или недостаточным в большей или меньшей степени. Это докажется опытно многими случаями, которые здесь упомянутся, в которых проявлялось разногласие между Пименом Великим и некоторыми современными ему отцами, святыми по жизни. Правильность и верность подвига, которого неуклонно держался преподобный Пимен, засвидетельствованы Богом, излившим на Пимена величайшие благодатные дары. Изречения его, его образ мыслей всегда всеми святыми иноками признавались драгоценным, бесценным сокровищем, духовным заветом и наследием православному монашеству. Святой Пимен имел какую-то особенную природную основательность ума, чуждую легкомыслия, имел какое-то природное благоразумие, чуждое высокомудрия: эта черта заметна и в преподобном Феодосии Печерском.

2. Авва Пимен жил в V веке. В это время монашество в Египте достигло величайшего развития и совершенства. Еще дитятею Пимен беседовал с величайшими Отцами и напоявался их учением. Посещал он преподобного Павла, бывшего в дружеских отношениях с знаменитым Нитрийским подвижником пустынножителем Паисием Великим. Отрок возгорелся желанием видеть Великого и просил Павла доставить ему это. Павел затруднялся. «Ты молод, дитя, — говорил он Пимену, — и мы приходим к Великому безмолвнику не без предварительного обсуждения и лишь по существенной нужде». Пимен просил по крайней мере дозволения

сопутствовать Павлу с условием, что он не обеспокоит Великого, не войдет к нему в келлию, а удовлетворится тем, что, стоя вне, услышит звук его голоса. На таком условии Павел согласился взять отрока. Они пришли к Паисию; Павел взошел в келлию, а Пимен остался вне. Паисий, приняв с любовию Павла, немедленно спросил о Пимене и повелел ввести его к себе. Когда вошел Пимен к Великому, Великий заключил его в свои объятия, благословил и сказал Павлу: «Поверь мне, возлюбленный Павел, что это дитя спасет души многих и многие при посредстве его сподобятся райских обителей: с ним рука Божия»[1].

3. Не видно, чтоб преподобный Пимен в новоначалии своем находился в послушании у какого-либо старца; видно то, что он тщательно руководствовался советами многих великих иноков, которыми в те благословенные времена обиловал Египет. Однажды он пошел к некоторому старцу с намерением вопросить его о трех помыслах. Пришедши к старцу, он забыл один из трех помыслов. После беседы с старцем Пимен возвратился к своей келлии; только что он взялся за ключ, чтоб отпереть келлию, как вспомнил то, о чем забыл сказать старцу. Оставив ключ в двери, он возвратился к старцу. Старец спросил о причине столь скорого возвращения. «Я взялся за ключ, — сказал Пимен, — чтоб отпереть келлию, и вспомнил о забытом помысле: почему, не отворив келлии, возвратился». Расстояние между келлиями было очень значительное. Старец сказал ему: «Ты пастырь Ангелов, имя твое прославится во всей земле Египетской»[2].

Пимен — греческое слово, значит *пастырь*.

4. Рассказывали об авве Пимене, что он безмолвствовал в Скиту с двумя братиями своими по плоти. Меньший оскорблял его. И сказал Пимен другому брату: «Меньший брат возмущает наше безмолвие: встанем, уйдем отсюда». Не сказав ничего меньшему брату, они ушли. Брат, заметив, что они долго не возвращаются, вышел из келлии посмотреть, где они, и увидел, что они уже далеко. Тогда с криком побежал он вслед за ними. Авва Пимен сказал брату, шедшему с ним: «Пождем брата, потому что он трудится». Они остановились. Меньший брат, настигши их, спросил: «Куда идете вы, оставя меня?» Старец отвечал ему: «Мы уходим от тебя, потому что ты разрушаешь наше жительство». Меньший брат ска-

[1] Четьи-Минеи. Житие преподобного Паисия Великого, 19 июня. ‖ [2] Достопамятные сказания.

зал на это: «Истинно, истинно говорю вам: куда вы ни пойдете, пойду и я с вами». Старец, видя незлобие его, сказал другому брату: «Он поступает так не намеренно; но враг употребляет его в свое орудие». И возвратились они в свою келлию[1].

5. Меньший брат аввы Пимена, Паисий, завел знакомство с некоторыми монахами из других келлий, в противность желанию Пимена. Пимен пошел к авве Аммону и сказал ему: «Мой брат Паисий завел знакомство с посторонними лицами, от чего я не имею покоя». Авва Аммон отвечал ему: «Пимен! и еще ли ты жив? поди пребывай в келлии твоей, и имей в сердце твоем, что протек уже год, как ты в могиле»[2].

6. Однажды Паисий поссорился с одним из посетителей своих и подрался с ним до пролития крови. Авва Пимен сидел тут и не сказал им ни слова. В это время взошел к ним авва Анув, старший между братиями по годам, и, увидев случившееся, обратился с упреком к авве Пимену за то, что Пимен не позаботился о примирении поссорившихся. Пимен отвечал: «Они братия, и помирятся». Анув повторил упрек; тогда Пимен отвечал: «Я положил в сердце моем, что меня здесь не было»[3].

7. После того как авва Пимен и авва Анув удалились в пустыню,— мать их пожелала видеть их: она часто приходила к их келлии и уходила, не достигнув желаемого. Высмотрев удобную минуту, она неожиданно явилась пред ними в то время, как они шли в церковь. Увидев ее, монахи поспешно возвратились в келлию и заперли за собою дверь. Она встала перед дверьми и с плачем призывала их. Тогда авва Анув подошел к авве Пимену и сказал: «Что делать нам с материю нашею, которая плачет у дверей?» Авва Пимен пошел к дверям: услышав, что она продолжает плакать, он, не отворяя дверей, сказал ей: «Зачем ты так кричишь и так плачешь, будучи уже истощена старостью?» Она, узнав голос сына, закричала еще сильнее, говоря: «Потому что я хочу видеть вас, сыновей моих! Что из того, если увижу вас? Не я ли мать ваша? Не я ли родила вас? Не я ли вскормила вас сосцами моими? Я уже вся в сединах! Когда я услышала твой голос,— возмутилась вся внутренность моя!» Пимен сказал ей: «Здесь ли хочешь видеть нас или в будущем веке?» Она отвечала: «А если здесь не увижу вас, сыновей моих, то увижу ли там?» Пимен: «Если с благодушием откажешься от свидания здесь, то наверно увидишь там». Этими

---

[1] Алфавитный патерик. О авве Ануве. || [2] Алфавитный патерик. О авве Ануве. || [3] Алфавитный указатель.

словами она утешилась и пошла с радостию, говоря: «Если наверно увижу вас там, то здесь уже не хочу видеть»[1].

8. Паисий, брат аввы Пимена, нашел небольшой сосуд с златницами. Он сказал старшему брату своему Ануву: «Ты знаешь, что слово аввы Пимена очень жестоко: пойдем, выстроим себе келлию в другом месте и будем безмолвствовать спокойно». Авва Анув отвечал ему: «Нам не на что выстроить келлию». Тогда Паисий открыл ему о своей находке. Это очень опечалило авву Анува, который понял, что находка может быть причиною душевной погибели для Паисия. Однако он сказал: «Пойдем, выстроим келлию на той стороне реки». Авва Анув взял у Паисия сосуд с златницами и завил в куколь свой. Когда они переправлялись чрез реку и были на средине ее, — авва Анув представился, что он запнулся, и выронил сосуд с златницами в реку. Сделав это, он начал скорбеть, а авва Паисий утешал его, говоря: «Не скорби, авва, о златницах: пойдем опять к брату нашему». Они возвратились и жили в мире[2].

9. Брат попросил наставления у аввы Пимена. Старец сказал ему: «Доколе котел разогрет горящим под ним огнем, дотоле не дерзает прикасаться к нему ни муха, ни какое другое пресмыкающееся. Когда же котел остынет, тогда свободно садятся на него все гады. Подобное этому совершается и с иноком. Доколе инок пребывает в духовном делании, дотоле враг не находит возможности победить его».

Таково свойство умной молитвы: она, наполняя человека, заграждает вход в него всем греховным помыслам. Когда же ум делателя впадает в расслабление и уныние, тогда греховные помыслы входят удобно, побеждают и увлекают подвижника. По этой причине особенно важно для подвижника умной молитвы постоянно хранить ум в бодрости, в трезвении, не позволяя себе ничего такого, что приводит ум в расслабление, — ни многословия, ни многопопечительности, ни развлечения и рассеянности, ни излишества в пище, питии и сне, ни внимания к делам человека и мира сего.

10. Преподобный Пимен Великий говаривал: «Монаху всего нужнее иметь постоянно трезвящийся ум»[3].

11. Он говорил: «Начало зол — молва»[4].

---

[1] Patrolog. pag. 792, 869. ‖ [2] Алфавитный патерик. О авве Ануве. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик.

Молвою названы здесь рассеянность, многословие и пустословие, многопопечительность, выходы из келлии, — состояние, противоположное безмолвию, состояние, которым уничтожается трезвение и самовоззрение.

12. Однажды авва Исаак сидел у аввы Пимена. В это время раздался голос петуха, и спросил авву Пимена авва Исаак: «Авва! здесь есть петухи?» Пимен отвечал ему: «Исаак! зачем ты принуждаешь меня говорить об этом? ты и подобные тебе слышат петухов, а тому, кто трезвится, нет дела до них»[1].

Таково свойство умного делания: им постепенно усиливается трезвение, и самовоззрение, наконец, достигает такой степени, что делатель теряет сочувствие ко всему вещественному, окружающему его. Он, слыша, не слышит и, видя, не видит того, что делается вокруг его.

13. Авва Пимен, авва Анув и прочие братия их, числом пять, сыны одной матери, приняли монашество в Скиту. На эту пустыню сделало нападение варварское племя Мазики; они разорили хижины монахов и умертвили многих из отцов. В числе убитых был и преподобный Моисей Мурин. Пимен и братия его спаслись бегством из Скита. Они пришли в место, называемое Ференуф, и все семь остановились на время там в опустевшем идольском храме, с намерением обсудить избрание места для постоянного жительства. При этом авва Анув сказал авве Пимену: «Сделай милость, ты и братия, исполните мою просьбу: в течение этой недели будем жить каждый отдельно в молчании, не сходясь для беседы». Авва Пимен отвечал: «Сделаем по желанию твоему». Они и поступили так. В храме стояла каменная статуя. Анув, вставая ежедневно рано утром, кидал камнями в лицо статуи, а вечером подходил к ней и просил прощения. Так делал он в течение всей недели. В субботу братия сошлись вместе, и сказал авва Пимен авве Анову: «Видел я, авва, что ты в течение этой недели кидал каменьями в лицо статуи, а потом поклонялся ей и просил у нее прощения: верующий во Христа не должен кланяться идолу». Старец отвечал: «Сделал это я для вас. Когда, как вы видели, я кидал камнями в лицо статуи, произнесла ли она что? рассердилась ли она?» Авва Пимен отвечал: «Нет». Анув: «Опять, когда я просил у нее прощения, смутилась ли она? сказала ли: не прощаю?» Авва Пимен отвечал: «Нет». На это сказал авва Анув: «Так и мы, семь

[1] Алфавитный патерик.

братьев, если желаем проводить жительство вместе, — будем подобны этой статуе, которая от оскорблений, нанесенных ей, не возмущается гневом, а при смирении, оказываемом пред нею, не тщеславится и не надмевается. Если же вы не хотите вести себя таким образом, — вот! четверо врат у этого храма: пусть каждый идет, куда хочет, и выбирает место для жительства, какое хочет». Братия пали ниц пред аввою Анувом, дали обещание поступать по его совету и пребыли вместе в великом смирении и терпении многие годы, с одною целию стремления к христианскому совершенству. В ночи они спали *четыре* часа, *четыре* часа проводили в псалмопении и *четыре* в рукоделии. Днем они занимались попеременно молитвою и рукоделием до *шестого* часа, выделывая разные вещи из пальмовых ветвей. До *девятого* часа занимались чтением, а после этого приготовляли себе пищу, собирая некоторые полевые травы. «Впоследствии, — рассказывал авва Пимен, — мы провели все время жизни нашей в труде, подчиняясь распоряжениям аввы Анува. Одному из нас он поручил хозяйство наше: мы ели то, что было предлагаемо нам; никто из нас не позволял себе сказать: дай мне чего-нибудь другого, или: я этого не хочу. Таким образом мы провели всю жизнь нашу в безмолвии и мире»[1].

Жительство свое проводил Пимен Великий в среде небольшого общежития, состоящего из родных братьев его. Находясь постоянно с ними, он уединялся в себе и достиг совершенства постоянным и усиленным трезвением, устраняя все препятствия, которыми могло бы нарушиться его делание. Очень верное средство к сохранению сердечного мира и безмолвия и неразлучной с ними умной молитвы преподает святой Апостол: *друг друга тяготы носите,* говорит он, *и тако исполните закон Христов*[2]. Люди наиболее устремляются в противное этому состояние: они ищут от ближних неопустительности и совершенства в добродетели, несвойственных и невозможных человеку, притом имея о добродетели самое недостаточное, даже превратное понятие. Такое безрассудное стремление не допускает сердцу погрузиться в самовоззрение и истинное смирение, из которых истекают умная молитва и сердечное безмолвие; такое безрассудное стремление содержит сердце в непрестанном возмущении и приносит уму множество чуждых смысла помыслов и мечтаний. *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов.*

В обширной пустыне Скит совмещалось разнообразное жительство иноческое. Там были и общежития, и жительство вдвоем или втроем,

[1] Patrolog. pag. 804, 955, 1057. || [2] *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6. 2).

называемое *царский путь*, и отшельничество, или жительство наедине. Из оставшихся повестей о Пимене Великом очевидно, что по духовному преуспеянию он первенствовал между братиями, что для духовного назидания стекались иноки к нему, хотя он, постоянно смиренномудрый, отдавал преимущество по всем отношениям старшему своему брату авве Ануву. В этих повестях имеется основание к догадке, что по времени Пимен стал во главе своего общежития, вероятно, по смерти Анува. В повестях келлия Пимена Великого иногда называется монастырем, чем означается вообще уединенное помещение.

14. По разорении Скита варварами Пимен с братиями своими жил в разных местах. Об одном из таких мест братия его сказали ему: «Уйдем отсюда, потому что здешние монастыри смущают нас и мы губим души наши. К тому же и дети плачем своим нарушают наше безмолвие». Авва Пимен отвечал: «Вы хотите бежать отсюда, чтоб не слышать ангельских голосов!»[1]

Таков плод умного делания. Оно, исцеляя мало-помалу греховную заразу сердца, изменяет отношение его к окружающим предметам и обстоятельствам. Сердце начинает смотреть на все из своего смирения и из своей благости, из своего самоотвержения, из своей мертвости для мира, из своей жизни в Боге.

15. Однажды пришли пресвитеры в тот монастырь, в котором имел жительство авва Пимен. По этому случаю вошел к нему авва Анув и сказал ему: «Не пригласить ли теперь пресвитеров в нашу келлию?» Сделав этот вопрос, он стоял долго; но Пимен ничего не отвечал ему, и он вышел огорченный. Сидевшие у Пимена спросили его: «Отец! отчего ты не отвечал ему?» На это Пимен сказал им: «Это дело не относится до меня, потому что я умер. Умерший не говорит. Не вменяйте меня, что я живу с вами здесь»[2].

Делатель умной молитвы теряет способность к занятиям вещественным по причине утраты сердечного сочувствия к ним и по причине необыкновенно развитого сочувствия к духовному миру, вход в который — самовоззрение.

16. Однажды местный правитель взял под стражу одного из сродников аввы Пимена. Другие сродники пришли к авве и просили его, чтоб он сходил к правителю и походатайствовал за заключенного. Авва отвечал им: «Дайте мне сроку три дня, и тогда я схожу».

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик.

В течение этих трех дней он молил Бога так: «Господи! не дай мне успеха в этом деле: иначе не попустят меня пребыть в месте этом, непрестанно вовлекая в мирские попечения». По прошествии трех дней он пришел к правителю для ходатайства о сроднике своем. Правитель сказал ему: «Авва! за разбойника ли ты просишь?» Получив такой ответ, старец возрадовался, что не дано ему было Богом успеха в этом деле[1].

«Всякая милостыня, — говорит святой Исаак Сирский безмолвнику, — или любовь, или милосердие, — словом, все, что по видимому признается делом ради Бога, но отвлекает от безмолвия, обращает внимание твое к миру, ввергает тебя в попечение и заботы, прерывает в тебе память Божию, прерывает твои молитвы, вводит в твои помыслы мятеж и разнообразное колебание, препятствует тебе заниматься чтением Божественных Писаний, ослабляет твое охранение, вынуждает тебя, после входа твоего в затвор, к выходам из него и после удаления от людей к общению с людьми, возбуждает от сна погребенные в тебе страсти, разрешает узду, которою обузданы твои чувства, воскрешает твое умерщвление для мира, сводит тебя с высоты делания ангельского к добродетелям человеческим, — все это, все эти правды да погибнут. Исполнение долга любви к ближним в удовлетворении их телесным потребностям принадлежит к деланию мирян или и иноков, недостаточных для совершенного безмолвия, но при безмолвии своем пребывающих в общении с ближними, постоянно позволяющих себе выходы из келлии и прием в келлию посетителей. Это — отнюдь не делание истинных безмолвников»[2]. Невозможно удовлетворять обоим деланиям: телесному служению ближним и служению молитвою и преподаванием слова Божия, как это сказали святые Апостолы[3]. Они, предоставив другим попечение о телесных нуждах братства, избрали для себя пребывание в молитвах и слове Божием. Точно так поступали и иноки, достигшие высокого духовного преуспеяния. Общий порядок для иночествующих заключается в том, чтоб новоначальные исполняли евангельские заповеди телесно, постепенно приобучаясь и к духовному исполнению их, а преуспевшие исполняли духовно, восходя от самовоззрения и опытного самопознания к опытному Богопознанию и стяжевая живое Слово Божие соединением молитвою в один дух с Богом. Только такое слово может приносить существенную пользу ближним, изменять и обновлять души их своею благодатною силою и жизнию. Здесь это сказано для объяснения монашеского жительства. Если Паисию, современнику и родному брату Пимена, казались слова и дела его жестокими, тем удобнее могут они показаться такими в наше время, когда духовные

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Слово 13. ‖ [3] Деян. 6. 2, 4.

добродетели забыты, попраны, осмеяны, когда воздано поклонение одним добродетелям телесным, совершаемым в духе мира, противоположном и враждебном Евангелию. Далее увидим, какими изумительными дарами Святого Духа запечатлено и засвидетельствовано мудрование и жительство Пимена. Засвидетельствовано оно Самим Богом.

17. Впоследствии другой правитель страны, наслышавшись о блаженном Пимене, захотел видеть его и послал к нему нарочного, прося позволения посетить его. Это очень опечалило Пимена. Он размышлял сам с собою. «Если знатные особы начнут приветствовать и уважать меня, явно, что множество людей из народа начнет стекаться ко мне, а этим по необходимости возмутится мое безмолвие и в нем сокровенное умное делание, причем не неудобно, по действу лукавого демона, отступить от меня благодати смирения, которое я старался стяжать от юности моей с великим трудом при помощи Божией, а мне — увязнуть в сетях тщеславия». Рассудив так, он отказался от свидания с правителем и не принял его. Огорчился на это правитель и сказал своим окружающим: «То, что я не удостоился видеть человека Божия, приписываю своим грехам». Однако не оставило правителя сильнейшее желание увидеть святого мужа каким бы то ни было образом. Он придумал следующее средство для доставления себе этого свидания: велел схватить сына сестры блаженного Пимена и посадить его в тюрьму, чтоб по этому обстоятельству старец или принял правителя к себе, или сам пришел к правителю для ходатайства о племяннике. При этом правитель сказал приближенным своим: передайте святому старцу, чтоб он не огорчался моим поступком, потому что племянник его тотчас будет выпущен из тюрьмы, если старец придет ко мне; вина племянника, впрочем, такова, что он не может быть выпущен из тюрьмы, не подвергшись наказанию». Мать юноши, сестра святого Пимена, услышав это, пошла в пустыню, где жил брат ее, встала перед дверьми его келлии, прося его с плачем и рыданием, чтоб он пошел к правителю и попросил его о сыне ее. Но блаженный Пимен не только не отвечал ей ничего, но даже не отворил дверей и не вышел к ней. Тогда она стала осыпать его ругательствами. «Жестокий, — вопияла она, — нечестивец, железносердечный! как тебя не склоняет к милосердию столь горький плач мой? У меня один сын, и тот находится в опасности подвергнуться смерти!» Тогда старец велел брату, который прислуживал ему, сказать ей: «Пимен детей не родил, и потому не имеет скорби о них». Правитель,

услышав это, сказал друзьям своим: «Передайте ему, чтоб он, по крайней мере, написал письмо ко мне, и я отпущу племянника его». Тогда, будучи уговорен многими, старец написал к правителю следующее: «Да повелит благородие твое тщательно исследовать вину заключенного, и, если он сделал что, достойное смерти, пусть умрет, пусть насильственною смертию очистит в нынешнем веке свое преступление, чтоб избежать вечной муки в геенне. Если же он не сделал ничего достойного смертной казни, то учини о нем распоряжение, указываемое законами». Правитель, получив это письмо, тотчас выпустил юношу из тюрьмы[1].

18. Однажды значительное число старцев пришло к авве Пимену. Один из его родственников имел сына, у которого от действия болезни, причиненной диаволом, искривилось лицо и поворотилось назад. Отец отрока, увидев множество старцев, пришел с сыном к келлии старца и сидел вне ее, плача. Один из старцев случайно вышел из келлии, и увидев его, спросил: «О чем ты плачешь?» «Я — родственник аввы Пимена, — отвечал плакавший человек. — Видишь, какая напасть случилась с сыном моим! Я намеревался было привести его к старцу, но побоялся: потому что он даже не хочет видеть нас. И теперь, если узнает, что я здесь, то пошлет прогнать меня. Увидев, что вы собрались сюда, и я осмелился прийти. Авва! окажи мне милость, как знаешь: введи дитя с собою в келлию, и помолитесь о нем». Старец взял отрока, вошел с ним в келлию и совершил дело с благоразумием. Он не подвел отрока прямо к отцу Пимену, но начал с младших старцев, подводя к каждому из них и прося оградить крестным знамением. Когда все по порядку знаменовали его, тогда старец, подведя уже ко всем, после всех подвел и к авве Пимену. Авва не хотел допустить его к себе; но старцы начали просить, говоря: «Что сделали все, то сделай и ты». Тогда авва Пимен, вздохнув, встал и помолился, сказав: «Боже, исцели создание Твое, да не обладает им враг!» И знаменовал его крестным знамением. Отрок немедленно исцелился, и отдан отцу здоровым[2].

19. Поведал авва Иоанн: пришли мы однажды из Сирии к авве Пимену, желая спросить его о *нечувствии* сердца. Старец не знал по-гречески, а переводчика в то время не случилось. Видя нашу печаль, старец внезапно начал говорить на греческом языке: «Вода по свойству своему мягка, а камень тверд; но если над камнем висит желоб, то вода, стекая по нем каплями на камень, мало-помалу про-

[1] Patrlog. Pag. 750 и 807. Также: Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик.

бивает камень. Так и Слово Божие мягко, а сердце наше жестко; но если человек часто слышит Слово Божие, то сердце его отверзается к принятию в себя страха Божия»[1].

Последние две повести помещены здесь после тех повестей и изречений преподобного Пимена, в которых изображено умерщвление его в отношении к миру, долженствующее показаться странным плотскому мудрованию, и пред повестями и изречениями, преимущественно изображающими духовный подвиг преподобного Пимена. Великие благодатные дарования — достояние одних великих Отцов, вынаруженные в Пимене насилием обстоятельств, доказывают, как благоугодны были Богу настроение, образ мыслей и жительство этого инока, — вместе служат свидетельством, сколько правилен и основателен был его духовный подвиг. Тем особенно важен этот подвиг, что он удобоприложим к жительству современных иноков, как был удобоприложим к жительству иноческому всех времен. Неоцененный подвиг! существенный подвиг! он сосредоточивает делание инока внутри его, и потому при всех разнообразных обстоятельствах и положениях может быть неотъемлемою собственностию инока.

20. Брат спросил авву Пимена: «Что должно мне помышлять, безмолвствуя в келлии?» Старец отвечал: «Я подобен человеку, погрязшему в болоте по шею, с бременем на шее — и вопию к Богу: помилуй меня»[2].

Этим изречением изображается внутреннее делание Пимена Великого. Все оно совокупилось в молитвенный плач[3]. Помилуй меня! Это выражение внедрившегося в душу плача. Плач, когда достигнет развития своего, не может облекаться в многомыслие и многословие: он довольствуется для выражения необъятного духовного ощущения самою краткою молитвою.

21. Пимен Великий говаривал братии своей: «Уверяю вас: куда ввергнут сатану, туда ввергнут и меня»[4].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Учение о плаче аввы Пимена помещено в первой части «Аскетических опытов», также в последней главе четвертого тома «О покаянии и плаче». Здесь невозможно было не поместить его, иначе система духовного подвига, которым подвизался преподобный, не могла бы быть вынаружена с должною ясностию. Далее увидим, что все наставления его инокам ведут к доставлению правильного самовоззрения, к устранению всего, что отвлекает от этого самовоззрения, из которого истекает истинное покаяние и истинная молитва, примиряющая и соединяющая человека с Богом. ‖ [4] Алфавитный патерик.

Это изречение — плод духовного видения отверженных духов и того общения, в которое человек вступил с ними при посредстве своего падения. Открылось это видение преподобному от глубокого, правильного самовоззрения, в которое он был возведен Словом Божиим, своим умным деланием и Божественною благодатию.

22. Сказывал авва Исаак: «Однажды я сидел у аввы Пимена и увидел, что он пришел в исступление». Я поклонился ему до земли, прося сказать мне, где он был? Принужденный объявить тайну свою, он сказал: «Мой ум был при Кресте Спасителя в те минуты, когда при Кресте стояла Богоматерь Мария и плакала; мне бы хотелось так плакать всегда»[1].

Возлюблен был плач преподобному Пимену! Сперва плач очищает от грехов, потом начинает восхищать очищенного по временам в духовные видения[2], изменяя ум, изменяя чувства душевные и телесные благодатным изменением, необъяснимым в среде плотского мудрования, превысшим всех состояний, свойственных естеству падшему. Слезы кающегося, приносящего покаяние от сознания грехов, сопряжены с горечью сердца, с болезненным действием на тело; слезы очищенного и приносящего покаяние от обилия смирения — сладостны для души, сообщают питание самому телу. Святый Исаак Сирский называет помышления и ощущения, от которых изливаются эти слезы и которыми они сопутствуются, страною радости. Они изменяют самый наружный вид лица человеческого. Входит подвижник в слезы утешения, в слезы — свидетели милости Божией слезами горькими раскаяния во грехах, слезами болезнования о греховности своей, о своем падении, о порабощении духам отверженным, о общении с ними, о отчуждении от Бога, о усвоении вражды к Богу[3].

23. Брат вопросил авву Пимена о том, какое делание должно иметь иноку. Авва отвечал: «Авраам, когда пришел в Обетованную землю, то купил себе гроб и с гроба начал вступать во владение Обетованною землею». Брат спросил: «Какое значение имеет гроб?» Авва отвечал: «Это — место плача и рыдания».

Каждому иноку должно устроить свое жительство так, чтоб это жительство имело качество жительства во гробе. Этого можно достигнуть удалением от свободного обращения, от ненужных выходов из келлии, от празднословия и многословия, от внимания к чужим делам, в особен-

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Святого Григория Двоеслова Беседы на 4-й и 5-й стихи сороковой главы пророка Иезекииля. ‖ [3] Слово 21 и святого Петра Дамаскина.

ности от осуждения и злоречия, от праздности, мечтательности и суетных размышлений. Удаление от этих видов греха дает возможность сосредоточиваться в себе и заниматься внимательною молитвою. Внимательная молитва рождает умиление, плач и слезы.

24. Брат спросил авву Пимена: «Что делать мне со страстями моими, возмущающими меня?» Старец сказал: «Будем всеусильно плакать пред благостию Божиею, доколе она не сотворит милости с нами»[1].

25. Брат спросил авву Пимена: «Что делать мне со грехами моими?» Старец сказал: «Желающий избавиться от грехов избавляется от них плачем, — и желающий не впадать вновь в грехи плачем избегает от впадения в них. Это — путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые сказали: плачьте! другого пути, кроме плача, нет»[2].

26. Авва Пимен сказал: «Плач — сугуб: делает и хранит»[3].

27. Однажды авва Пимен шел с аввою Анувом в окрестностях города Диолка. Увидев там женщину, терзающуюся и горько плачущую над могилою, они остановились послушать ее. Потом, несколько отошедши, встретили прохожего, и спросил его святой Пимен: «Что случилось с этой женщиною? Отчего она так горько плачет?» Прохожий отвечал: «У ней умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских пожеланий своих и не стяжет такого плача, то он не может быть монахом. Все житие монаха — плач».

Это значит: не стяжавши плача, невозможно сосредоточиться и уединяться в себе, невозможно стяжать истинного сердечного безмолвия, освобождающего от всех страстей. Монах — значит *уединенный*, и тот только истинно уединен, кто уединен сам в себе.

28. Брат спросил авву Пимена о монашеском делании. Старец сказал: «Когда Бог посетит нас призывом в вечность: тогда что озаботит нас?» Брат отвечал: «Грехи наши». Старец сказал: «Итак, войдем в келлии наши; уединившись в них, воспомянем грехи наши, и Господь послушает нас».

Здесь говорится о воспоминании о грехах, соединенном с плачем о них.

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

29. Когда скончался авва Арсений Великий, — святой Пимен, при вести о этой кончине, прослезившись, сказал: «Блажен, авва Арсений! потому что ты плакал о себе в жизни сей! Невозможно не плакать или здесь произвольно, или невольно в адских муках».

30. Сказал авва Пимен Великий: «Давид написал Иоаву (своему военачальнику, осаждавшему столицу аммонитян): *укрепи брань твою на град, и раскопай и*[1]. Также Иоав говорил своим воинам: *Мужаимся и укрепимся о людех наших и о градех Бога нашего, и Господь сотворит благое пред очима Своима*[2].

Первое сказано о том, чтоб мы с постоянством боролись против греха, несмотря на неудачи и поражения в этой борьбе. Второе сказано о том, чтоб мы мужественно очищали наши свойства от примеси греха и старались освободиться из порабощения греху, несмотря на всю трудность этого подвига.

31. Брат сказал авве Пимену: «Вижу, что где бы я ни был, обретаю помощь». Старец сказал: «Тем, которые имеют меч в руках своих, Бог помогает во время всей жизни. Если будем храбры: то Он сотворит с нами милость»[3].

32. Авва Пимен сказал: «Не открывай совести твоей тому, к кому не извещается сердце твое»[4].

33. Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать со смущениями, возмущающими меня?» Старец сказал ему: «Будем плакать всеусильно пред благостию Божиею, доколе Бог не сотворит милости с нами»[5].

34. Авва Пимен сказал: «Когда Давид боролся со львом, то ухватывал его за гортань. И мы, если удержим гортань и чрево, то победим невидимого льва»[6].

35. Еще сказал: «Лукавство человеков (то есть бесов) сзади их сокрыто; по этой причине нужно сердечное трезвение»[7].

36. Авва Пимен сказал: «Три главные делания необходимы: бояться Бога, молиться и делать добро ближнему»[8].

37. Еще сказал: «*Отврати очи твои еже не видети суеты*[9]: потому что освобождение очей убивает душу»[10].

---

[1] *...усиль войну твою против города, и разрушь его* (2 Цар. 11. 25). ‖ [2] *...будь мужествен, будем стоять твердо за народ наш и за города Бога нашего, а Господь сделает, что Ему угодно* (2 Цар. 10. 12). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] Алфавитный патерик. ‖ [9] *Отврати очи мои, чтобы не видеть суеты* (Пс. 118. 37). ‖ [10] Алфавитный патерик.

38. Еще сказал: «Как оруженосец царя предстоит ему всегда готовым, так душе должно быть всегда готовою противостать бесу блудному»[1].

39. Брат спросил авву Пимена, говоря: «Что делать мне? Я борим блудною и гневною страстями». Старец отвечал: «В разрешение этого вопроса Давид сказал, что он льва поражал и умерщвлял, а медведя удавлял[2]. Это значит: гнев должно отгонять и истреблять, а плотское вожделение удавлять воздержанием»[3].

40. Сказал авва Пимен: «Писание говорит: *яже видеста очи твои, глаголи*[4], а я говорю вам: если и руками вашими осязаете что, то и о том не свидетельствуйте». В подтверждение этому авва привел следующий случай: «Некоторый брат был обманут таким образом: он увидел ближнего своего грешащим с женою. Долгое время он боролся с своим помыслом. Наконец, победившись, подошел к ним и толкнул их ногою, говоря: "Перестаньте!" Тогда оказалось, что это были два пшеничные снопа, лежавшие один на другом»[5].

41. Вопросили некоторые из отцов авву Пимена, говоря: «Если мы увидим брата согрешающего, должны ли сказать ему об этом?» Старец отвечал им: «Что касается до меня, то если встретится мне нужда идти мимо и увижу его грешащим, — пройду мимо, ничего не говоря ему»[6].

42. Пришли некоторые старцы к авве Пимену и сказали ему: «Если мы увидим брата дремлющим в церкви, то велишь ли возбудить его, чтоб он не дремал на бдении». Он сказал им: «Что касается до меня, то я, если увижу брата моего дремлющим, — положу голову его на колени мои и успокою его»[7].

43. Брат вопросил авву Пимена: «В чем состоит покаяние во грехе?» Старец отвечал: «В том, чтоб более не делать этого греха. Непорочные и праведные потому и названы так, что оставили грехи свои и сделались праведными»[8].

44. Опять сказал: «Все, что выше сил (меры) — от бесов»[9].

45. Он же, будучи спрошен, что значит сказанное в Писании: *причастник аз есмь всем боящимся Тебе,* сказал: «Дух Святой говорит это о Себе»[10].

46. Некоторый брат пришел к авве Пимену и в присутствии многих, сидевших тут, похвалил другого брата, сказав, что он ненавидит

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] 1 Цар. 17. 35. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] ...*скажут... которого видели глаза твои* (Притч. 25. 7). ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] Алфавитный патерик. ‖ [9] Алфавитный патерик. ‖ [10] Алфавитный патерик.

лукавство. Авва Пимен спросил его, что значит ненавидеть лукавство? Брат пришел в затруднение, не находя что отвечать, поклонился старцу, говоря: «Объясни мне это». Старец сказал: «Ненавидение лукавства состоит в том, когда кто возненавидит грех свой и оправдает брата своего»[1].

47. Другой брат спросил авву Пимена о искушении от помыслов. Он сказал: «Находящегося в этом положении можно уподобить человеку, имеющему огонь по левую сторону себя и сосуд с водою по правую: когда он возгорится огнем, то берет воды из сосуда и погашает огонь. Огонь — семя врага, а вода — повергает себя пред Богом»[2].

Этот способ борьбы против греховных помыслов очень действителен и может быть употребляем, когда монах находится один в своей келлии. Его употребляла с полным успехом преподобная Мария Египетская[3].

48. Он сказал: «Мы и братия — как две картины. Когда человек рассматривает, осуждает и укоряет себя, тогда возвышается пред ним достоинство брата его; когда же человек признает достоинства в себе, тогда брат его представляется ему недостаточным»[4].

49. Опять сказал: «Если будем искать покоя, то он будет убегать от нас, если же будем убегать от покоя, то он погонится за нами»[5].

50. Опять сказал: «Если уничижишь себя, то найдешь покой: потому что укоряющий себя сохраняет терпение во всех случаях»[6].

51. Сказал авва Пимен: «Мы впадаем во многие искушения по той причине, что не сохраняем нашего чина. Не видим ли, что жена хананейская приняла данное ей имя и что Спаситель утешил ее?[7] Также не видим ли, что Авигея сказала Давиду: *во мне неправда моя*[8], и что Давид, услышав эти слова, возлюбил ее. Авигея — образ души, а Давид — Бога: если душа укорит (осудит, обвинит) себя пред Богом, то Бог возлюбит ее»[9].

52. Брат спросил авву Пимена: «Что такое — *высокое*?» «Оправдание, — отвечал старец. — Перестань оправдывать себя, и успокоишься»[10].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Житие преподобной Марии. Четьи-Минеи, 1 апреля. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Мф. 15. 27 и след. ‖ [8] *...на мне грех* (1 Цар. 25. 24). ‖ [9] Алфавитный патерик. ‖ [10] Алфавитный патерик.

53. Авва Пимен сказал авве Исааку: «Отвергни оправдания, и будешь спокоен в краткие дни земного странствования твоего»[1].

54. Авва Пимен сказал: «Человек нуждается в смиренномудрии и страхе Божием всегда, как в дыхании, входящем и исходящем ноздрями его»[2].

55. Он сказал: «Пребывающий с братиями своими должен быть подобным каменному истукану: подвергаясь укоризнам, он не должен гневаться; будучи прославляем, он не должен возноситься»[3].

56. Авва Пимен сказал: «Если человек достигнет того состояния, о котором Апостол сказал: *вся чиста чистым*[4], то увидит себя худшим всей твари». Брат сказал ему: «Как мне признавать себя худшим убийц?» Старец отвечал: «Если человек достигнет душевного устроения, указанного Апостолом, и увидит человека, сделавшего убийство, то скажет: он сделал этот грех однажды, а я убиваю ежедневно (себя и других грехами)»[5].

57. Брат спросил о том же авву Анува, пересказав ему слова аввы Пимена. Авва Анув сказал: «Если человек дойдет до состояния такой чистоты и увидит грехи брата своего, то праведность его поглотит их». Брат спросил: «Какая праведность?» Старец отвечал: «Всегдашнее обвинение самого себя».

58. Авва Пимен сказал: «Воля человека (пожелания его, самая сила желания, поврежденная падением) есть медная стена между им и Богом; она — камень, противобиющий (воле Божией). Если человек оставит волю свою, то этим он говорит деятельно: *Богом моим прейду стену. Бог мой, непорочен путь Его*[6]. Но когда оправдание будет содействовать воле, тогда развращается (уклоняется с пути Божия) человек и погибает»[7].

59. Брат спросил отца Пимена: «Я нашел место, имеющее все удобства для монашеской жизни; благослови мне поместиться там на жительство». Старец сказал: «Поместись там, где ты не будешь приносить вреда брату твоему»[8].

60. Сказал авва Пимен: «Учить ближнего столько же противно смиренномудрию, как и обличать его»[9].

61. Он сказал: «Полезно удаляться от причин ко греху. Человек, находящийся близ повода ко греху, подобен стоящему у края глубокой ямы, и враг удобно ввергает его в нее, когда только захочет.

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] *Для чистых все чисто* (Тит. 1. 15). ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] *...с Богом моим восхожу на стену. Бог! — Непорочен путь Его* (Пс. 17. 30, 31). ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] Алфавитный патерик. ‖ [9] Алфавитный патерик.

Удаленный же от поводов ко греху подобен стоящему вдали от ямы: когда враг повлечет его к яме, то он имеет время и возможность воспротивиться, воззвать к Богу, и Бог поможет ему»[1].

Причины греха, или поводы ко греху, по мнению святого Исаака Сирского, суть: жены, вино, имущество, власть и тому подобное. Это, говорит святой Исаак, не суть собственно грехи, но они приводят ко грехам[2].

62. Авва Пимен, однажды идя во Египте, увидел женщину, сидящую на гробе и горько плачущую. При этом он сказал: «Если со всего мира соберутся к этой женщине утешающие, то не отвлекут ее от плача: так и монах всегда должен иметь в себе плач»[3].

63. Сказал авва Пимен: «Если б не пришел Навузардан (начальник телохранителей Вавилонского царя Навуходоносора), то храм Господень не был бы сожжен. Так, если не придет телесный покой, то ум не подвергнется побеждению в брани с невидимым врагом»[4].

64. Сказали авве Пимену о некотором монахе, что он не пьет вина. На это авва сказал: «Монаху отнюдь не должно пить вина»[5].

65. Авва Пимен сказал: «Если не отъято будет насыщение хлебом, то душа никаким иным средством не может быть приведена к смирению»[6].

66. Поведал авва Пимен, что брат спросил авву Памво: «Полезно ли хвалить ближнего?» И что старец отвечал на это: «Полезнее ничего не говорить о нем»[7].

67. Он сказал: «Если человек будет помнить сказанное в Писании: *от словес своих оправдишися и от словес своих осудишися*[8], то найдет, что лучше молчать, нежели говорить»[9].

68. Сказал авва Пимен: «Когда дымом прогонятся пчелы от улья: тогда обирают сладкий плод трудов их. Так и плотское успокоение изгоняет страх Божий из души и губит всякое благое делание ее»[10].

69. Брат спросил авву Пимена: «Если я увижу согрешение брата моего, то полезно ли скрыть это согрешение?» Старец сказал ему: «Когда мы прикрываем согрешения братии, Бог покрывает наши согрешения; когда же мы обнаружим согрешение брата, тогда и Бог откроет согрешения наши»[11].

[1] Слово 56. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] *...от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься* (Мф. 12. 37). ‖ [9] Алфавитный патерик. ‖ [10] Алфавитный патерик. ‖ [11] Алфавитный патерик.

70. Брат сказал авве Пимену: «Если я увижу брата, о котором я слышал, что он находится в падении, то неохотно принимаю его в келлию свою, а брата, имеющего доброе имя, принимаю с радостию». Старец отвечал ему: «Если ты делаешь добро брату доброму, то для падшего сделай вдвое, потому что он немоществует. В некотором общежитии жил отшельник, по имени Тимофей. Настоятель общежития, узнав, что один из братии подвергся искушению, спросил совета у Тимофея, что делать с падшим братом? Отшельник присоветовал выгнать его из обители. Когда выгнали брата, его брань (страстное возмущение, действовавшее в нем) перешла к Тимофею, и он пришел в опасное положение. Тимофей понял причину явления брани и начал с плачем взывать к Богу: "Согрешил я: прости мне!" И был к нему глас: "Тимофей! знай, что Я попустил тебе искушение именно за то, что ты презрел брата во время искушения его"»[1].

71. В некотором общежитии один из братии подвергся греховному искушению. Жил в тех местах отшельник, не выходивший из келлии много лет. Отец общежития пришел к старцу и поведал ему о брате, подвергшемся искушению. Старец повелел изгнать его из обители. Брат, вышедши из общежития, зашел в некоторую пещеру и там предался плачу. Случилось проходить тут братиям, шедшим к отцу Пимену. Они услышали плач брата и, вошедши в пещеру, нашли его в великой скорби. Они упрашивали его, чтоб он шел с ними вместе к отцу Пимену; но он не захотел, а сказал: «Оставьте меня, пусть умру здесь». Братия, пришедши к отцу Пимену, сказали ему об этом. Авва упросил их сходить к брату и сказать ему: «Авва Пимен зовет тебя». Брат пришел к нему. Увидев его очень печальным, старец встал, заключил его в свои объятия, обошелся с ним очень приветливо и упросил его вкусить с ним пищи. Между тем авва Пимен послал одного из живших при нем братий к отшельнику с следующим приглашением: «С давних лет желаю видеть тебя, слышав о тебе; но по общей лености нашей мы доселе не виделись друг с другом. Ныне по устроению воли Божией и по встретившейся нужде прийти тебе сюда, приди, и увидимся». Этот отец никогда не выходил из келлии своей. Услышав такое приглашение, он сказал сам себе: «Если б Бог не возвестил старцу, то он не послал бы за мною». Он встал и пришел к авве Пимену. Они радостно приветствовали друг друга и сели. Пимен сказал старцу: «На некотором месте жили два человека, и оба имели

[1] Алфавитный патерик.

по мертвецу. Один из них оставил своего мертвеца и пошел плакать над мертвецом другого». Эти слова привели старца в умиление; он вспомнил о поступке своем, а авва Пимен сказал ему: «Высокий, высокий! Ты на небе, а я на земле»[1].

72. Сказал авва Пимен: «Многие говорят о совершенстве, но малые достигают его на самом деле».

73. Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать? Я, безмолвствуя в келлии, не могу прийти в спокойное состояние?» Старец сказал ему: «Не укоряй, не осуждай, не злословь никого, и Бог даст тебе покой: ты будешь безмолвствовать, не тревожимый смущениями»[2].

74. Сказал авва Пимен: «Хранение себя, тщательное внимание к себе во всех случаях и рассуждение суть три орудия, которыми душа изработывает свое спасение»[3].

75. Сказал авва Пимен: «Человека согрешающего и кающегося предпочитаю человеку не согрешающему и не кающемуся. Первый имеет мысль благую, признавая себя грешным, а второй имеет мысль ложную и душепагубную, признавая себя праведным»[4].

76. Брат сказал авве Пимену: «Смущаюсь и хочу оставить место жительства моего». Старец спросил его: «По какой причине?» Брат отвечал: «Потому что доходит до меня слух о некотором брате, наносящий вред душе моей». Старец сказал: «Слух, дошедший до тебя, — несправедлив». Брат сказал: «Отец! будь уверен, что справедлив, потому что брат, передавший мне его, верен». Старец сказал: «Он неверен! Если б был верен, то не передавал бы злого слуха». Брат отвечал: «И я, собственными глазами моими, видел соблазн». Услышав это, старец посмотрел на землю и, подняв с нее небольшой сучок, спросил: «Это что?» Брат сказал: «Это сучок». Потом посмотрел старец на потолок хижины и, указав на поперечное бревно, на котором держался потолок, спросил: «А это что?» Брат отвечал: «Это бревно». Старец сказал ему: «Положи в сердце твоем, что твои грехи подобны бревну, а грехи брата твоего подобны этому малому сучку»[5].

77. Некоторый брат из тех мест, где имел жительство отец Пимен, пошел однажды на чужую сторону. Там он посетил некоторого отшельника, которого очень любили и к которому приходили многие. Брат рассказал ему обо отце Пимене. Старец, услышав об образе жизни его, возжелал видеть его. Когда брат возвратился в Еги-

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик.

пет, спустя несколько времени отшельник поднялся со своей стороны и пришел в Египет к брату, который был у него, потому что этот брат сказал ему о своем месте жительства. Брат, увидев его, очень обрадовался неожиданному пришествию его. Отшельник сказал брату: «Окажи любовь, отведи меня к отцу Пимену». Брат взял его с собою и пошел с ним к старцу, которого предупредил о посетителе, сказав: «Это великий муж, очень любимый и очень почитаемый в стране своей. Я сказал ему о тебе, и он пришел, желая видеть тебя». Старец принял его с радостию, и по взаимном приветствии они сели. Посетитель начал говорить из Писания о предметах духовных и небесных. Но авва Пимен отвратил от него лицо свое и не отвечал ему. Тот, увидев, что старец не говорит с ним, огорчился и, вышедши из келлии, сказал приведшему его брату: «Напрасно совершил я такой дальний путь! Я пришел к старцу, а он не хочет и говорить со мною». Брат взошел к отцу Пимену и сказал ему: «Авва! ради тебя пришел этот великий муж, пользующийся такою славою в своем месте. Почему же ты не говоришь с ним?» Старец отвечал ему: «Он из высоких, и говорит о небесном, а я из нижних, и говорю о земном. Если б он начал говорить со мною о душевных недугах, то я отвечал бы ему; но он говорит о духовном, а я этого не знаю». Брат пошел к странному отцу и сказал ему: «Старец не любит говорить из Писания, но кто говорит с ним о страстях, тому он отвечает». Посетитель пришел в умиление, возвратился к старцу и сказал ему: «Авва! что делать мне? меня побеждают плотские вожделения». Старец, обратясь к нему с радостным лицом, сказал: «Ныне благословенно твое пришествие! отверзи уста твои об этих предметах, и исполнись благ!» Отшельник, получив великое назидание, говорил: «Точно! это истинный путь». Он возвратился в страну свою, благодаря Бога за то, что сподобился видеться с таким святым[1].

78. Сказал авва Пимен: «Что пользы — созидать домы для других, а свой разорить»[2].

79. Сказал: «Что пользы — предпринять изучение художества, и не научиться ему?»[3]

80. Брат сказал авве Пимену: «Я сделал великий грех и хочу приносить покаяние в течение трех лет». Авва Пимен сказал ему: «Этого много». Брат: «Итак, в течение одного года». Старец: «И этого много». Тогда брат сказал: «Отцы уставляют на покаяние сорок дней». Старец отвечал: «Много и этого. Я убежден, что

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик.

если согрешивший покается от всего сердца и уже не будет более впадать в тот грех, то Бог примет покаяние его в три дня»[1].

81. Авва Исаия спросил авву Пимена о блудных помыслах, и сказал ему авва Пимен: «Если сундук, наполненный платьем, будет оставлен и платье в нем не будет пересматриваемо, то оно в течение года истлеет. То же бывает и с помышлениями: если внушаемого ими мы не будем исполнять на самом деле, то и самые помышления в течение года истлеют и исчезнут»[2].

82. Тот же опять спросил его о том же. Отец сказал ему: «Если кто, набрав змей или скорпионов, вложит их в сосуд и залепит, то они в течение года умрут. Так и злые помышления, прозябающие от демонов, уничтожаются терпением»[3].

83. Авва Иосиф спросил его: «Как должно поститься?» Отец Пимен сказал: «Я предпочитаю употребляющего пищу ежедневно, но несколько не досыта». Опять спросил его авва Иосиф: «Когда ты был молод, то не употреблял ли пищу чрез день?» Старец отвечал: «Употреблял однажды в три дня и в четыре, и в неделю; но старцы, как сильные, испытали все это и, признав полезнейшим ежедневное употребление пищи, но не досыта, предали нам царский путь, как удобнейший»[4].

84. Брат вопросил авву Пимена: «Что делать мне со смущением, объемлющим меня?» Старец отвечал: «При лодках употребляется бечева (длинная веревка) с лямкой[5]. Когда не случится попутного ветра, тогда лодочники употребляют бечеву и, надевши лямки на груди свои, тянут лодку, пока Бог не пошлет попутного ветра. Если же видят, что подымается буря, тогда, вышедши из лодки на берег, вбивают в него кол, к которому привязывают лодку, чтоб она не опрокинулась. Кол означает самоукорение (осуждение, обвинение себя)»[6].

85. Сказал авва Пимен: «Не избирай для жительства твоего такого места, в котором усмотришь, что некоторые будут иметь зависть к тебе; в противном случае ты лишишься преуспеяния»[7].

86. Брат вопросил его, говоря: «Отец! если человек впадет в какое-либо согрешение и потом снова обратится к добродетельной жизни, то будет ли прощено ему Богом согрешение его?» Старец отвечал: «Бог заповедал человекам поступать так; тем более

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Лямкою называется широкий кожаный пояс, который перекидывается через грудь. К этому поясу прикреплена бечева; тянущие лодку по реке обыкновенно упираются рукою в лямку и таким образом приводят в движение судно. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик.

Сам Он поступит так. Он заповедал апостолу Петру прощать брату своему *седмьдесят крат седмерицею*»[1].

87. Брат вопросил отца Пимена: «Что значит *гневаться на брата всуе?*»[2] Старец отвечал ему: «Суетным (неправильным и неправедным) признается гнев за всякую обиду, какою бы ни обидел тебя брат твой, даже если бы он выколол у тебя правый глаз или отсек у тебя правую руку и ты на него прогневался, то прогневался бы *всуе*. На того имеешь право разгневаться, кто захочет отлучить тебя от Бога»[3].

88. Брат спросил его: «Отчего побеждается помыслами душа моя?» Старец отвечал: «По этой причине и говорит Апостол, что *в велицем дому не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни. Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце, на всякое дело благое уготован*»[4]. Брат спросил: «Как это объясняется?» Старец сказал ему: «Это объясняется так: дом — весь мир, сосуды — человеки; златые сосуды суть совершенные человеки, серебряные суть преуспевшие, деревянные и глиняные суть те, которых духовное делание очень мало. *Кто очистит себе от сих*, то есть от осуждения, даже и самомалейшего, тот соделывается сосудом *в честь, благопотребным своему Владыце, уготованным на всяко дело благое*»[5].

Такое объяснение дал великий отец монаху безмолвнику из глубокого знания деятельности безмолвника. Жизнь безмолвника, по наружности, — непорочная и святая, располагает к строгому суждению о ближних человека, еще не обновленного Божественною благодатию. Представляясь такою для поверхностного и невежественного суждения, эта жизнь в сущности — иная. Она преисполнена тяжких искушений от нашествия греховных помыслов, мечтаний и ощущений; она преисполнена невидимых согрешений, уклонений и падений. Это естественное последствие падения, объемлющего все человечество; это допускается Промыслом Божиим для охранения вступивших в безмолвие и обучающихся в нем от превозношения и для научения их смирению, на котором одном зиждется и может быть воздвигнуто духовное преуспеяние[6]. Угнетаемый искушениями, бедствующий в мысленных волнах безмолвник, постоянно прибегая к милосердию Божию, стяжавает убеждение, что вся надежда спасения его заключается единственно в милосердии Божием, в Искупителе,

[1] *...до седмижды семидесяти раз* (Мф. 18. 22). ‖ [2] Мф. 5. 22. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] *А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные... Итак, кто будет чист от его, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело* (2 Тим. 2. 20, 21). ‖ [5] 2 Тим. 2. 20, 21. ‖ [6] Преподобный Нил Сорский. Слово 3.

стяжавает сердечный залог милосердия к ближним. Он познает, что долг его — сострадать братии, подвергающейся разнообразным согрешениям, а не осуждать их. Для суждения грехов человеческих имеются иные служения; служения безмолвника — плач пред Богом и ходатайство о своих грехах и немощах, о грехах и немощах всего человечества. Доколе сердце безмолвника не освободится от осуждения ближних, доколе он не погрузится в благость и не облечется ею[1], дотоле оно не возможет освободиться от ожесточения и пребывать в умилении, которым побеждаются все бесовские помыслы.

89. Сказал авва Пимен: «*Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже*[2]; потому что олени пожирают в пустыне много змей; потом, когда змеиный яд произведет в них сильный жар, они стремятся к водам и питием воды утоляют жар, произведенный ядом змей. Так и монахи, живущие в пустыне, горят от яда злых демонов и жаждут наступления субботы и недельного дня, чтобы приступить к источникам воды, то есть к Телу и Крови Господа, чтоб очиститься от горьких напоений врага»[3].

90. Авва Пимен сказал: «Полезна опытность, потому что она делает человека искусным»[4].

91. Он сказал: «Человек — тот, ко познал себя»[5].

92. Еще сказал: «Человек, учащий и не исполняющий на деле того, чему он учит, подобен колодцу, который напоявает и очищает всех, а себя не может очистить, но остается со всеми нечистотами и грязью, которые попадали в него»[6].

93. Опять сказал: «Иной человек представляется молчащим, но сердце его осуждает других. Труды таковото тщетны. Другой с утра до вечера говорит и вместе пребывает в молчании, потому что говорит одно полезное для души»[7].

94. Сказал: «Равны следующие три: когда кто безмолвствует правильно, когда кто болен и благодарит Бога, когда кто находится в нелицемерном послушании. У этих трех — одно делание»[8].

95. Опять сказал: «Злоба злобы не уничтожает. Но если кто делает тебе зло, тому ты делай добро, чтоб добрым делом уничтожить злобу»[9].

96. Он сказал: «Не монах тот, кто ропщет; не монах тот, кто воздает зло за зло; не монах тот, кто гневается»[10].

---

[1] Кол. 3. 12. || [2] *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!* (Пс. 41. 2.) || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик. || [6] Алфавитный патерик. || [7] Алфавитный патерик. || [8] Алфавитный патерик. || [9] Алфавитный патерик. || [10] Алфавитный патерик.

97. Брат сказал авве Пимену: «Мне очень стужают помыслы, и я бедствую от них». Старец вывел его из келлии на воздух и сказал ему: «Распростри полы одежды твоей и удержи ветры». Брат отвечал: «Я не могу сделать этого». И сказал ему старец: «Если не можешь сделать этого, то не можешь возбранить и помышлениям, чтоб они не приходили; но твое дело — противиться им»[1].

98. Спросили преподобного Пимена Великого: «Что есть вера?» Он отвечал: «Вера состоит в том, чтоб жить во смирении и творить милость»[2].

99. Авва Пимен говорил: «Всякое телесное упокоение (нега, наслаждение) мерзостно пред Богом»[3].

100. Авва Пимен сказал: «Один брат спросил авву Алония, что значит уничтожать себя. Старец сказал: "Вменять себя худшим бессловесных, зная, что они не подлежат осуждению"»[4].

101. Брат сказал авве Пимену: «Дай мне наставление». Старец отвечал: «У Отцов все дела сопровождались плачем»[5].

102. Он сказывал: «Если какой брат приходил к авве Иоанну Колову, то авва внушал ему любовь, о которой говорит Апостол: *любы долготерпит, милосердствует*[6], и проч.»[7].

103. Авва Пимен говорил: «*Болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*[8]. Если кто услышит огорчительное слово и, будучи в состоянии отвечать таким же словом, преодолеет себя и не скажет или, если кто, будучи обманут, перенесет это и не станет мстить обманщику, тот полагает душу свою за ближнего»[9].

104. Сказал авва Пимен: «Употребляй все усилия, чтоб никому не делать зла и иметь чистое сердце ко всем человекам»[10].

105. Авва Пимен говорил: «Если будешь соблюдать молчание: то найдешь покой везде, где бы ты ни жил»[11].

106. Он сказал: «В какое бы затруднительное положение ты ни пришел, победа в нем — молчание»[12].

107. Он сказал: «Земля, на которой Господь заповедал исключительно приносить Ему жертвы, есть смиренномудрие»[13].

---

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [5] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [6] *Любовь долготерпит, милосердствует* (1 Кор. 13. 4). ‖ [7] Алфавитный патерик. ‖ [8] *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15. 13). ‖ [9] Алфавитный патерик. ‖ [10] Алфавитный патерик. ‖ [11] Алфавитный патерик. ‖ [12] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [13] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания.

108. Преподобный Пимен Великий сказал: «Трезвение, сердечное безмолвие и рассуждение — вот три делания души»[1].

Под именем безмолвия сердечного здесь разумеется умная молитва, совершаемая с сочувствием и соучастием сердца, не нарушаемая рассеянностию и мечтательностию.

109. Брат спросил авву Пимена: «Каким образом должен человек проводить свое жительство?» Старец отвечал: «Видим Даниила, на которого не нашлось другого обвинения, кроме обвинения в служении Богу»[2].

110. Авва Пимен сказал: «Нестяжание, терпение и рассуждение суть три делания безмолвной жизни, как и Писание говорит: *Аще будут сии трие мужи среди ея, Ное и Даниил и Иов, тии во правде своей спасутся*[3]. Ной изображает собою нестяжание, Иов — терпение, Даниил — рассуждение. Если эти три делания будут в человеке, то Бог будет обитать в нем»[4].

111. Авва Пимен сказал: «Если человек не возненавидит двух страстей, то не возможет быть свободным от мира». Его спросили: каких? Он отвечал: «Телесного упокоения и суетной славы»[5].

Телесным упокоением называются аскетическими Отцами все роды телесного наслаждения и неги, а суетною славою — похвала от человеков.

1. Просил авва Феодор Фермейский наставление у аввы **Памво**. После продолжительного молчания Памво сказал Феодору: «Феодор! иди, стяжи милость и получишь дерзновение пред Богом»[6].

2. Сказал авва Памво: «Если будешь иметь сердечное трезвение, то возможешь спастись»[7].

3. Однажды архиепископ Феофил посетил Скит. Братия собрались к нему и сказали авве Памво: «Скажи папе назидательное слово, которое бы принесло ему пользу». Старец отвечал: «Если молчание мое не принесет ему пользы: то не принесет пользы и слово мое»[8].

Сказал авва **Павел** Скитский: «Вижу себя утопшим в грязи по выю и плачу перед Иисусом моим, говоря: помилуй меня»[9].

---

[1] Pag. 856, cap. 12. || [2] Pag. 856, cap. 13. || [3] *И если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, — то они праведностью своею спасли бы только свои души* (Иез. 14. 14). || [4] Pag. 856, cap. 14. || [5] Pag. 856, cap 15. || [6] Алфавитный патерик. || [7] Алфавитный патерик. || [8] Алфавитный патерик. || [9] Алфавитный патерик.

Блаженной памяти **Павел** Простой, ученик аввы Антония, поведал отцам следующее. Однажды пришел он в монастырь для посещения и наставления братий. После обычных взаимных приветствий они пошли в церковь Божию к молитвенному правилу. Блаженный Павел, остановясь у входа, смотрел на каждого входящего в церковь, внимал тому душевному расположению, с которым каждый входил: он, по особенному дару благодати Божией, видел состояние души каждого подобно тому, как мы друг у друга видим лица. Все входили со светлыми и веселыми лицами, с каждым шел Ангел, радуясь о нем; но одного из братий увидел Павел с лицом черным; все тело его было темно; с обеих сторон держали его демоны и влекли к себе, вдевая узду в его ноздри; святой Ангел, печальный и плачущий, следовал издалека. Проливая слезы и часто ударяя себя рукою в грудь, Павел сидел у дверей церковных и горько рыдал о том, кого он увидел в таком душевном состоянии. Некоторые из братий, увидев внезапную перемену в старце, его слезы и рыдание, и полагая, что он увидел что-либо достойное сожаления во всем обществе их, упрашивали его сказать им о причине плача; предлагали ему войти с ними в церковь; но Павел не принял предложения их и, отказавшись войти в церковь, сидел у дверей и горько оплакивал виденного им. По окончании непродолжительного церковного молитвословия[1], Павел опять внимательно смотрел на выходящих, чтоб видеть, в каком душевном состоянии каждый выйдет из церкви. И вот! видит он, что муж, у которого прежде лицо было черным и все тело темным, выходит из церкви с лицом светлым; тело его было чисто, демоны, которые прежде держали его, шли вдали; возле же него шел Ангел в веселии и радости о нем. Павел пришел в восторг от радости и, благословляя Бога, взывал: «О неизреченное милосердие Божие и благость! о божественная милость и неисчислимые щедроты!» Поспешно взошел он на возвышенное место и громким голосом сказал: «Придите, видите дела Господа, как они страшны, как они достойны всякого удивления! Придите, видите Того, Кто хочет всем человекам *спастись и в познание истины придти!*[2] Придите, поклонимся и припадем пред Ним, и скажем: Ты один можешь отпущать грехи!» На голос Павла стеклось все братство монастыря, желая услышать,

---

[1] В египетских монастырях общественное богослужение отправлялось дважды в день и состояло из протяжного чтения двенадцати псалмов; в субботу и воскресенье совершалась Божественная литургия. Краткость общественных молитвословий восполнялась непрестанною молитвою, которая тщательно наблюдалась и в келейном безмолвии, и при всех монастырских занятиях. || [2] *...спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2. 4).

что он скажет. Когда пришли все, Павел поведал виденное им, когда братия входили в церковь, и после, когда выходили. И спросил он мужа сказать причину, по которой Бог даровал ему такое внезапное изменение. Обличенный Павлом, брат открыто поведал всем окружавшим его: «Я — грешник, и в течение продолжительного времени, доселе, жил, предаваясь любодеянию; ныне, вошедши в святую Божию церковь, услышал глас читаемого пророка Исаии, правильнее же — глас Бога, говорившего чрез пророка: *Измыйтеся, и чисти будете: отымите лукавства от душ ваших пред очима Моима: научитеся добро творити. И аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю, и аще хощете и послушаете Мене, благая земли снесте*[1]. Я, — продолжал он, — приведен был этими словами в необыкновенное умиление и, воздохнув от глубокого сознания в греховности моей, возопил мысленно к Богу: “Боже, *пришедый в мир грешники спасти!*[2] соверши на самом деле со мною, грешным и недостойным, то, что Ты обетовал ныне чрез пророка Твоего. Вот! ныне же даю Тебе обещание, исповедуя его сердцем и утверждая словом, что уже не буду более делать этого греха, что отрицаюсь от всякого беззакония и послужу тебе отселе чистою совестию. Господи! от сего дня и часа прими меня, приносящего покаяние и припадающего Тебе, отрицающегося от всякого греха”. Дав эти обеты, я вышел из церкви, положив завет в душе моей не делать ничего неблагоугодного пред очами Господа». Услышав это, все братия воскликнули к Господу громким голосом, говоря: «*Возвеличишася дела Твоя, Господи: вся премудростию сотворил еси*»[3]. Христиане! познавая из Священного Писания и Божественных откровений великую благость Божию к тем, которые благоговейно обращаются к Нему и покаянием очищают преждесодеянные грехи свои, познавая, что они не только не подвергаются казням за эти грехи, но и наследуют вечные блага, — не будем отчаяваться в спасении нашем. Бог, как чрез Исаию Пророка обетовал тех, которые погрязли в грехи, снова омыть, убелить, подобно овечьей шерсти и снегу, и исполнить небесными благами горнего Иерусалима, так опять и чрез пророка Иезекииля с клятвою удостоверяет нас: *Живу Аз, глаголет Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему*[4].

---

[1] *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния от очей Моих; научитесь делать добро... Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю... Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли* (Ис. 1. 16–19). ‖ [2] 1 Тим. 1. 15. ‖ [3] *...многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро* (Пс. 103. 24). ‖ [4] *...живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33. 11). Patrolog. pag. 985–988.

Брат спросил авву **Руфа**: «Какое значение безмолвия, и какая польза от него?» Старец отвечал ему: «Безмолвие есть уединенное пребывание в келлии своей с разумом (разумное, а не безрассудное) и страхом Божиим, в памятовании Бога (в различных видах молитвы), в удалении от памятозлобия и высокоумия (эти две страсти очень борют безмолвника, основываясь первая на второй). Такое безмолвие рождает все добродетели и охраняет инока от всех разжженых стрел врага, не допуская уязвляться ими. Истинно, истинно, говорю: стяжи, брат, такое безмолвие. Памятствуй о смерти твоей, потому что *не веси в кий час тать приидет*[1]. Бодрствуй над душою твоею»[2].

1. Сказал авва **Сисой** Великий: «Будь обесчещен (то есть с полным терпением и охотно переноси бесчестия), вполне отвергнись своей воли, отвергни все, что приводит к попечениям мира сего и к рассеянности, и найдешь спокойствие»[3].

2. Брат спросил авву Сисоя: «Отчего не отступают от меня страсти?» Старец отвечал: «Залоги их находятся в тебе; выдай им залоги их, и они удалятся»[4].

Залоги страстей суть причины их. Так, причина действия страсти блудной — угождение плоти, осуждение ближних. Преставший угождать плоти и осуждать ближних стяжавает силу побеждать блудную страсть.

3. Брат спросил авву Сисоя: «Намереваюсь хранить мое сердце». Старец отвечал ему: «Как возможем охранять наше сердце, когда язык наш подобен отверстым дверям»[5].

4. Брат сказал авве Сисою: «Усматриваю, что память Божия (умная молитва) постоянно пребывает во мне». Старец сказал: «Это невелико, что ум твой постоянно направлен к Богу; велико то, когда увидит себя худшим всякой твари»[6].

Старец сказал так по той причине, что истинное действие умной молитвы всегда основано на глубочайшем смирении и проистекает из него. Всякое иное действие умной молитвы неправильно, ведет к самообольщению и погибели.

---

[1] Ср.: Лк. 12. 39. *Не знаешь, в какой час придет вор.— Ред.* || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик. || [6] Алфавитный патерик.

5. Некоторый брат усильно просил авву Сисоя сказать ему назидательное слово, и авва сказал: «Пребывай трезвенно (бодрствуя над собою) в келлии твоей и мысленно представь себя Богу (предстань Богу, ощутив Его присутствие) со многими слезами, в сокрушении духа, и найдешь покой»[1].

6. Брат спросил авву Сисоя о монашеском жительстве. Авва отвечал: «Пророк Даниил сказал о себе: *хлеба вожделеннаго не ядох*[2]. Монашеское жительство требует непременно отвержения всех плотских наслаждений; при них оно состояться не может».

7. Сказал авва Сисой: «Какое бы ни случилось искушение с человеком, он должен предавать себя воле Божией и исповедывать, что искушение случилось за грехи его. Если же случится что доброе, должно говорить, что оно устроилось по Промыслу Божию».

8. Некоторые спросили авву Сисоя: «Если брат подвергнется падению, должно ли ему каяться в течение года?» Он отвечал: «Жестоко — слово это». Они сказали: «Итак, в течение шести месяцев». Он отвечал: «Много». Они предложили «сорок дней», а он и этот срок назвал излишним. Они сказали: «Сколько же ты назначишь? и то скажи: если падет брат и случится вечеря любви, должно ли ему прийти на эту вечерю?» Старец отвечал им: «Нет! он должен приносить покаяние в течение нескольких дней. Верую Богу моему: если брат будет приносить покаяние от всего сердца своего, то в три дня примет его Бог»[3].

9. Брат сказал авве Сисою: «Авва! что делать мне? я пал». Старец отвечал: «Встань». Брат сказал: «Я встал и опять пал». Старец отвечал: «Снова встань». Брат: «Доколе же мне вставать и падать?» Старец: «До кончины твоей»[4].

10. Авва Иосиф спросил авву Сисоя: «В какое пространство времени человек может искоренить свои страсти?» Старец сказал: «Ты хочешь знать о времени (о годах)?» «Да»,— отвечал Иосиф. Старец сказал ему: «В то время, в которое восстанет какая-либо страсть, искореняй ее»[5].

11. Брат спросил авву Сисоя: «Как мне проводить жизнь? как спастись? как угодить Богу?» Старец отвечал: «Если хочешь угодить Богу, то исступи из мира, отделись от земли, оставь тварь, приступи к Творцу, совокупи себя с Богом молитвою и плачем, и обретешь покой в этом и в будущем веке»[6].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] *Вкусного хлеба я не ел* (Дан. 10. 3). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик.

12. Брат спросил у аввы Сисоя, как ему жить. Старец отвечал: «То, чего ты ищешь, обретается строжайшим безмолвием и смирением»[1].

13. Брат спросил авву Сисоя: «Что приводит к смиренномудрию?» Старец сказал ему: «Когда кто будет подвизаться, чтоб признавать каждого человека лучшим себя, то этим доставится ему смиренномудрие»[2].

14. Поведал один из старцев: «Просил я авву Сисоя сказать мне назидательное слово; он сказал мне: "Монах мнением о себе должен быть ниже идолов". Я возвратился в хижину мою и, не поняв, что бы значило быть ниже идолов, по прошествии года опять пришел к старцу и сказал ему: "Что значит быть ниже идолов?" Старец сказал мне: "Писание говорит о идолах, что они *уста имут, и не глаголют, очи имут, и не видят, уши имут, и не слышат*[3]: таким должен быть и инок. Идолы суть мерзость: и монах да думает о себе, что он мерзость"»[4].

15. Некоторый мирянин шел с сыном своим к авве Сисою в гору аввы Антония. На пути сын умер. Отец не смутился, но с верою отнес его к авве и припал к ногам его вместе с сыном, как бы кланяясь ему, чтоб получить благословение. Потом отец встал и, оставив отрока при ногах аввы, вышел из келлии. Старец, полагая, что отрок продолжает поклонение, и не зная, что он умер, сказал ему: «Встань и поди отсюда». Отрок немедленно встал и вышел вон. Отец, увидев его, удивился; вошедши в келлию, он поклонился авве до земли и сказал ему о случившемся. Старец, услышав это, опечалился, потому что не хотел совершать знамений, а ученик его запретил мирянину сказывать кому-либо о совершившемся чуде до смерти старца[5].

16. Авва Аммон сказал авве Сисою: «Когда читаю книги, хочу замечать мудрые изречения, чтоб иметь их в памяти на случай нужды». Старец отвечал ему: «Это не нужно! Нужно стяжать чистоту ума и говорить из этой чистоты, возложившись на Бога»[6].

1. Авва **Силуан** однажды, в присутствии бывших у него братий, пришел в исступление и пал ниц на лицо свое. После продолжительного времени он встал и предался плачу. Братия начали успокаивать его, говоря: «Что с тобою, отец?» Но он молчал и плакал.

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] *...есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат* (Пс. 134. 16, 17). ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик.

Они упрашивали его дать им ответ, и он сказал: «Я был восхищен на Суд и видел, что многие из нашего иноческого чина шли в муку, а многие из мирян шли в Царство Небесное». И плакал старец, не хотел выходить из келлии своей, хотя упрашивали его выйти. Когда же он выходил, то покрывал куколем лицо свое, говоря: «Зачем мне смотреть на этот временный свет, в котором нет ничего полезного для меня?»[1]

2. Когда авва Силуан жил в горе Синайской (первоначально он жил в египетском Ските), ученик его Захарий, однажды уходя на работу, сказал старцу: «Пусти воду в сад для напоения его». Старец вышел из келлии, покрыв куколем лицо свое так, чтоб видеть только стопы ног своих. В это время посетил его некоторый брат и, увидев его издали, наблюдал, что он делает, потом, подошедши к нему, сказал: «Отец! для чего ты, занимаясь напоением сада, покрыл лицо твое куколем?» Старец отвечал ему: «Чтоб не видеть деревьев, и чтоб это не отвлекло ум мой от его делания»[2].

3. Однажды вошел к авве Силуану ученик его Захария и нашел его в состоянии исступления; руки его были простерты к небу. Затворив дверь, Захария вышел. Потом он приходил в шестом и девятом часу и находил старца в том же положении. В десятом часу он опять пришел и нашел его погруженным в молчание. «Отец! что с тобою?» — спросил его Захария. Старец отвечал: «Сегодня мне непоздоровилось». Тогда Захария пал к ногам его и, обняв их, так говорил ему: «Не оставлю тебя, доколе ты не поведаешь мне виденного тобою». Старец сказал ему: «Я был взят на небо и видел славу Божию; там стоял я доселе, а теперь отпущен»[3].

4. Один из отцов рассказывал: «Однажды я беседовал с аввою Силуаном и внезапно увидел, что лицо его и тело озарились светом, как у Ангела; я пал ниц от этого видения»[4].

5. Однажды вопросили авву Силуана: «В чем заключается твое делание, за которое ты получил такую благодать?» Он отвечал: «Я никогда не попускал войти в сердце мое помыслу, прогневляющему Бога»[5].

6. Он сказал: «Когда стоишь, совершая твои молитвы, — ум твой да внимает силе слов, и думай, что ты предстоишь Богу, истязующему сердца и утробы. Когда восстанешь от сна, прежде всего прославь Бога устами твоими, потом начни правило твое легко и тихо,

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик. || [5] Алфавитный патерик.

вспоминая греховность твою и воздыхая о ней, также ожидающую тебя вечную муку»[1].

7. Еще сказал: «Возлюби смирение Христово и старайся соблюдать во внимании ум твой во время молитвы; где бы ты ни был, не выказывай себя остроумным и учительным, но будь смиренномудр, и Бог дарует тебе умиление»[2].

8. Говорили об авве Памво: «Как Моисей получил образ славы Адамовой, когда прославилось лицо[3] его, так и у аввы Памво лицо сияло как молния. Таковы же были авва Силуан и авва Сисой»[4].

1. Некоторый брат пришел к авве **Серапиону**. Старец предложил ему, по принятому между монахами обычаю, сотворить молитву; но брат отказался, называя себя грешным, недостойным и самого монашеского образа. Старец хотел умыть ему ноги; но он не допустил, отказавшись теми же словами. Авва предложил ему разделить с собою трапезу. Когда они вкушали пищу, старец начал с любовию говорить ему: «Сын мой! претерпевай пребывание в хижине твоей и внимай себе и деланию твоему, потому что хождение с места на место не принесет тебе такой пользы, какую принесет безмолвие». Брат, услышав это, огорчился и так изменился в лице своем, что огорчение его не могло укрыться от старца. Тогда авва Серапион сказал ему: «До сего времени ты называл себя грешником и говорил о себе, что ты недостоин и жизни, а только что я с любовию сказал о полезном для тебя, как ты и разгневался! Если хочешь стяжать истинное смирение, то приучайся мужественно претерпевать наносимые оскорбления от других, а пустым смиреннословием не облекайся». Брат, выслушав это, просил у старца прощения, сознаваясь в ошибочности своего поведения, и пошел от него, получив большую пользу[5].

2. Сказал авва Серапион: «Как телохранители царя, предстоя ему, не могут оглядываться ни направо, ни налево, так и человек, предстоя Богу и ощущая страх Его, не может ни на что иное обращать внимания»[6].

1. Сказал авва **Стратигий**: «Претерпевайте пребывание в келлии, безмолвствуя, охраняя ум от греховных и пустых помыслов, молясь непрестанно, возлагая надежду вашу на Бога, и Он даст вам разум Свой (духовный) и просветит ваш ум»[7].

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Исх. 34. 29. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] Алфавитный патерик.

2. Он сказал: «Если хотите спастись, то убегайте от человеков»[1].

3. Он сказал: «Бежим мира и всего принадлежащего миру, потому что время наше приближается»[2].

4. Он сказал: «Сколько будем плакать и раскаиваться о том, что ныне не плакали и не приносили покаяния!»[3]

5. Он сказал: «Не будем любить похвалы и не будем порицать сами себя»[4].

6. Он сказал: «Великие и чудные Отцы наши были пастырями многих, а я, страстный, не могу быть пастырем и одной овцы — самого себя, но всегда снедают меня звери»[5].

7. Опять сказал: «Будь привратником сердца твоего, чтоб не входили в него чуждые; постоянно говори приходящим помыслам: *наш ли еси, или от сопостат наших*»[6].

8. Опять сказал: «Бесовское коварство и дело — внушать нам отчаяние после того, как они вовлекут нас в грех, чтоб отчаянием погубить нас окончательно. Если бесы говорят о душе: *когда умрет и погибнет имя его?*[7] — то душа, если она пребывает во внимании и трезвении, отвечает им следующими словами: *не умру, но жив буду и повем дела Господня*[8]. Бесы, будучи наглы и бесстыдны, опять влагают нам: *превитай по горам, яко птица*; но мы должны говорить им: *ибо Той Бог мой и Спас мой и защититель мой, и не подвижуся и не преселюся*»[9].

9. Брат спросил старца: «По какой причине я осуждаю братию?» Старец отвечал: «Потому что ты еще не познал себя самого; видящий себя не видит недостатков брата»[10].

1. Амма **Сарра** была борима бесом блуда в течение тридцати лет и никогда не помолилась о том, чтоб брань отступила от нее, но молила только Бога даровать ей мужество и терпение в брани[11].

2. Поведали о блаженной деве Сарре, что она в течение шестидесяти лет, живя над рекою, ни разу не выглянула, чтоб посмотреть на реку[12].

Для безмолвника очень важно воздержание от любопытства, запечатлевающего душу впечатлениями мира сего, вводящего в него рассеянность и развлечение, которые наветуют и повреждают его молитву.

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] *...наш ли ты, или из неприятелей наших?* (Нав. 5. 13). ‖ [7] *...«когда он умрет и погибнет имя его?»* (Пс. 40. 6.) ‖ [8] *Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни* (Пс. 117. 17). ‖ [9] Ср.: *Только он — твердыня моя и спасение мое, убежище мое: не поколеблюсь* (Пс. 61. 7). ‖ [10] Алфавитный патерик. ‖ [11] Алфавитный патерик. ‖ [12] Алфавитный патерик.

Сказывали о **скитянах** (монахах египетского Скита), что они, когда какая-либо добродетель их делалась известною, уже не признавали ее добродетелию, но как бы грехом[1].

Так опасны для подвижника тщеславие, человекоугодие и лицемерство! так слабо зараженное грехом сердце человеческое!

1. Брат спросил авву **Тифоя**: «Какой путь ведет к смирению?» Старец отвечал: «Путь к смирению есть воздержание, молитва и признание себя ниже всякой твари»[2].

2. Однажды авва Тифой сидел в келлии своей; при нем был брат, сожительствовавший ему. Авва Тифой, находясь в духовном упоении, воздохнул, забыв, что брат при нем. Оглянувшись и увидев брата, он поклонился ему, сказав: «Брат! прости меня: я еще не монах, потому что воздохнул при тебе»[3].

Так преподобные иноки боялись являтельства и охранялись от тщеславия, столько близкого к добрым делам, совершаемым явно.

Из келейных писем святого **Тихона Воронежского**.

1. Священное Писание — слово Божие. Оно говорит тебе, как говорит и всякому человеку. Оно дано тебе для получения вечного спасения; почему ищи спасения твоего в Слове Божием — Священном Писании. Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи Слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?[4]

2. В Священном Писании изображен превысший всякого изображения Бог, чтоб мы познали Его, насколько и как Он даровал нам познавать Его; в Священном Писании изложена всесвятая воля Бога, чтоб мы исполняли ее; в Священном Писании описан ветхий и новый человек, или погибающий и спасающийся, показаны — путь, ведущий ко спасению, и путь, ведущий к погибели. В Священном Писании увидишь, что должно встретить каждого человека после его смерти в вечности[5].

3. Первейшее и самонужнейшее дело для каждого христианина есть стяжание вечного спасения. Нужны нам во время земного странствования нашего одежда, пища, питие, жилище и другие

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Достопамятные сказания. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Том 14, письмо 1. ‖ [5] Том 14, письмо 1.

подобные потребности; но спасение нужнее всего: оно так нужно, что все временное в сравнении с ним — ничто. Все имеет тот, кто стяжал спасение; ничего не имеет тот, кто не стяжал спасения, хотя бы весь мир принадлежал ему[1].

4. *Кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?*[2] *Спасение едино есть на потребу!* спасение есть та *благая часть, яже не отъмется от души*[3], стяжавшей его![4] Все вещественное, что ни имеем, что ни приобретем во время земной жизни, все оставим в день смерти; оставим в день смерти, оставим навсегда родственников, друзей, богатство, почести, оставим самое тело наше. Вечное спасение или вечная погибель, они одни, пребудут нашим достоянием, пойдут с нами в вечность, там получат полное развитие, доставят нам или некончающееся блаженство или некончающееся бедствие[5].

5. Главнейшим делом, главнейшими заботами для каждого христианина да будут дело спасения, заботы о снискании спасения. Занимающийся спасением своим из такого сердечного залога спасется, потому что всесильный Бог, благодатию Своею, поможет ему спастись[6].

6. Уверь себя, что Бог присутствует на всяком месте. Он видит всякое дело, начинание и помышление твое, слышит всякое слово твое. Он вписывает подробно и с точностию в книгу Свою все поведение твое, объявит тебе его в день Суда твоего и воздаст тебе по поведению твоему. *Обличу тя*, говорит Он чрез Пророка, *и представлю пред лицем твоим грехи твоя*[7]. Водрузи это в памяти твоей, и будешь обновляться ежедневно. Мы нуждаемся насильно усваивать себе самые осязательные и очевидные истины: мы отравлены грехом; мы находимся в состоянии пагубного самообольщения, отчуждились от спасительной истины[8].

7. Уверь себя, что подвергнутся вечной муке нечестивые и нераскаянные грешники, что наследуют вечное блаженство праведники и покаявшиеся грешники[9].

8. Уверь себя, что ты умрешь, умрешь непременно. Видишь, как почивших братий твоих выносят из жилищ их, выносят одинаково из смиренной хижины и из великолепного чертога, одинаково предают земле? Это непременно последует и с тобою: *земля еси,*

[1] Мф. 16. 26. ‖ [2] *...какая польза человеку, если он приобретет мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16. 26). ‖ [3] Ср.: *...одно только нужно... которая не отнимется* (Лк. 10. 42). ‖ [4] Том 14, письмо 1. ‖ [5] Том 14, письмо 1. ‖ [6] Том 14, письмо 1. ‖ [7] *...и представлю пред глаза твои грехи твои* (Пс. 49. 21). ‖ [8] Том 14, письмо 1. ‖ [9] Том 14, письмо 1.

и в землю пойдеши![1] Все мертвецы оставили все, что ни имели; оставишь и ты. Когда они приблизились к часу смерти, тогда поняли, что все в этом мире *суета, сует суетствий*, то есть суета в самом сильном значении этого слова. И ты поймешь это по необходимости, когда наступит час смерти твоей. Лучше понять это благовременно и, сообразно такому понятию, направить деятельность свою! При пришествии смерти никто и ничто не может оказать вспоможения тому, к кому пришла она, — ни домашние, ни друзья, ни высокий сан, ни громкий титул, ни множество подчиненных, ни множество богатства. Смерть — и неумолима, и неотразима. Не хотят ближние умирающего отпустить его, и он не хочет оставить их и все земное, к чему пристрастился и природнился долгим навыком, но воля и рука смерти могущественнее его воли и усилий, воли и усилий всех человеков: против воли своей и против воли ближних своих умирающий оставляет всех и все, увлекается насильно в неизвестную вечность. Тщетны — слезы! тщетны — рыдания! тщетны — вопли! тщетны — стоны и терзания! Так умерли все умершие; так умрешь и ты. — При наступлении смертного часа воскресает в памяти умирающего вся протекшая жизнь его; готов для него Суд нелицеприятный, долженствующий решить его участь на вечность; страшный трепет и недоумение объемлют его. Таково будет и твое положение, когда, окончив свое земное странствование, вступишь на грань, отделяющую временное от вечного, тленное от нетленного.

9. *Блажен умирающий о Господе*[2]: когда он при смерти оставит все, тогда преизобильно соединится с Господом, источником и сокровищницею всех благ, потому что во время земной жизни он оставлял все, чтоб приобрести Господа. Благоугождай Богу отныне, как тщательно благоугождает раб владыке своему, чтоб тогда, по разлучении души твоей от тела, Он признал тебя рабом Своим, простер к тебе Свою всемогущую десницу, избавил душу твою от врагов твоих — демонов, которые устремятся на тебя, подобно лютым зверям, чтоб похитить тебя и низвести в темницы и огнь ада[3].

10. Возлюбленный! непрестанно вспоминай, постоянно помни час смерти твоей. Страшен этот час не только для грешных, но и для святых. Святые проводили всю жизнь свою в размышлении о смерти; взоры ума и сердца их то устремлены были во врата вечности, в необъятное пространство, начинающееся за этими вратами,

[1] *...прах ты, и в прах возвратишься* (Быт. 3. 19). ‖ [2] *...блаженны... умирающие в Господе* (Апок. 14. 13). ‖ [3] Том 14, письмо 1.

то обращались к греховности своей, смотрели туда, как бы в темную бездну; из сердца сокрушенного, из сердца болезнующего проливали они теплейшие и непрестанные молитвы к Богу о помиловании[1].

11. Обратись от суеты и самообольщения, обратись к истине! обратись от греха и мира к Богу! обратись от временного к вечному! Отвергши все пустые занятия и наслаждения, приступи к Слову Божию, держись этого спасительного, животворящего слова: оно просветит тебя и будет руководствовать к вечному блаженству[2].

12. Познай и убедись, что роскошь, пиры, увеселения, игры, рассеянная жизнь, — словом все, что носит наименование суеты и мира, что озабочивает и поглощает всю жизнь человека, все время его, все силы и способности души и тела, есть не что иное, как обольщение и козни сатаны, вымышленные и устроенные для обольщения человеков. Если не познаешь этого и не убедишься в этом произвольно из Слова Божия, то познаешь и убедишься невольно при наступлении смерти. Кто чего не изучает, тот того и не знает. Кто о великом мало старается или вовсе не старается, тот считает это великое маловажным, малозначащим, ничтожным. Не знают христиане христианства оттого, что не изучают его; не обращают они никакого внимания на искупление человечества вочеловечившимся Богом, попирают это великое дело Божие, потому что не заботятся и не думают о своем спасении. Пренебрегая великими дарами Божиими, они всецело предаются суетности, которая — прелесть, в которой нет ничего существенного. Возгорится гнев Божий на таких христиан! отраднее будет идолопоклонникам и магометанам в день Суда Божия, нежели таким христианам![3]

13. Если хочешь, чтоб вечное спасение было твоим главным делом, будь посреди этого мира как странник и пришлец.

14. Пред потопом люди ели, пили, женились, посягали, и все помышления их устремлены были на угождение плотским пожеланиям их; нечаянно пришла вода и погубила всех. Так и ныне люди пьют, едят, гуляют, женятся, посягают, вдались в разнообразнейшую рассеянность, не обращая внимания на дела Господни и суды Его. И нечаянно возгласит архангельская труба: *се грядет Судия: возстаните, мертвии, идите на суд*. По этому бесстрашному и плотскому образу жизни заключаем, что близок день Господень[4].

---

[1] Том 14, письмо 1. ‖ [2] Том 14, письмо 1. ‖ [3] Том 14, письмо 1. ‖ [4] Мф. 24.

15. Не обольщайся богопознанием и богопочитанием нынешних христиан, у которых на языке исповедание Бога, а в сердце безбожие. Показывай богопознание и богопочитание твое делами твоими, а не одними словами[1].

16. Мир — не иное что, как *похоть плотская и похоть очес, и гордость житейская*; все это заключается в сердце. Надо все это выгнать из сердца, чтоб оно просветилось, потому что мир и духовное просвещение сердца противны друг другу. Надо одному выйти вон, чтоб поместилось другое, и чем более будет выходить мир, тем более будет просвещаться сердце[2].

17. Чтоб познать Бога, нужно откровение Свыше. Слово Божие проповедует Бога, но без Бога познать Бога не можем. Слеп и темен наш разум: нуждается в просвещении от Самого Того, Который из тьмы производит свет. И потому надо Слову Божию внимать, но просвещения просить от Самого Бога. Тьму надлежит прогнать вышеестественным светом. Святое Писание есть светильник, но только открытое, внутреннее око может видеть свет этого светильника. Слепой не видит света: надо иметь открытые глаза. По этой причине пророк молится: *открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего*[3].

18. Отрекшиеся от мира хотя и азбуки не знают, но мудрейшими бывают, Божиим просвещаемы светом, паче тех, которые все Писание знают, но ищут в мире сем прославиться. Святое Писание дано нам от Бога ради нашего спасения и прославления имени Божия; ради того должно его читать и поучаться и внимать. А когда ради православия нашего читаем и тщимся его знать, то оно не только не в пользу, но во вред будет нам[4].

19. Всякое дарование Божие обращается нам во вред, когда от него не Божией, но нашей славы ищем[5].

20. Помни: Бога без Бога познать не можем, и чем кто более Бога познает, тем более смиряется, боится и любит Его[6].

21. Думай и постоянно держи в памяти, что Бог есть твой Бог, Творец, Господь, Царь и Промыслитель; хотя и всех Он есть Бог и хотя всем равно повелевает уклоняться от зла и творить благое, но принимай, как бы повеление то тебя одного касалось. Тогда с помощию Его породится в тебе новое движение и новый дух; и чем чаще в этом размышлении и поучении будешь поучаться, тем день

---

[1] 1 Тим. 3 и пр. Том 15, письмо 25. ‖ [2] Том 15, письма 31 и 32. ‖ [3] *Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего* (Пс. 118. 18). ‖ [4] Том 15, письмо 32. ‖ [5] Том 15, письмо 32. ‖ [6] Том 15, письмо 32.

от дня большее усердие к Богопочитанию и благочестию внутри себя почувствуешь. Но везде нужна молитва: мы без Бога и размышлять о Боге по-надлежащему не можем[1].

22. Беззаконное и бесстрашное житие есть знак безбожия, кроющегося внутри сердца. Таковой говорит в сердце своем: *несть Бог*[2]. Таковые *Бога исповедуют ведети, делы же отмещутся Его*[3].

23. Люди, желая сделать беззаконие, ищут сокровенных мест: блудники и воры ищут ночи и тьмы; лихоимцы и мздоимцы берут мзду тайно; лукавцы, хитрецы, льстецы, лицемеры и злобные внутри себя скрывают зло свое; и все дела темные соделывают делатели их во тьме, как сыны тьмы. *Всяк бо делаяй злая ненавидит света и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть*[4]. Все таковые люди ищут укрыться, но обманываются, бедные[5].

24. Кто хочет Христа принять в сердце свое, тому надо очистить себя истинным покаянием: от Закона Божия познать свои грехи и очистить их покаянием, жалением и сокрушением сердца, а наиболее просить очищения их от Бога, и тогда придет к нему Христос, Сын Божий, с Своим Евангелием и им подаст утешение не мира сего, но такое, какого мир не может приять... Покаемся и мы и признаем себя не достойными ничего; и Христос Бог, как человеколюбец, удостоит нас милости Своей: Он на смиренных призирает и подает им благодать Свою[6].

Сердце у человека — одно: когда оно ищет временного, тогда забывает о вечном; когда же обращается к вечному и углубляется в нем, тогда забывает о временном и нерадит о нем. Двояких попечений, о временном и вечном, — двоякой любви, к временному и вечному, в сердце быть не может. Непременно обладает им одно из двух: или временное, или вечное[7].

Смерть невидимо ходит за человеком. Там постигает она его, где он вовсе не чаял ее; тогда постигает его, когда он не ожидал; так постигает, как он никогда не предполагал. Будь всегда таким, каким желаешь быть при кончине. Размышляй об этом, внимай себе, и не захочешь ни чести, ни славы, ни богатства, ни каких других преимуществ и наслаждений мира. Думай, что умрешь сегодня или завтра; тогда вся суета исчезнет из сердца твоего. Что в чести, славе, богатстве и преимуществах тому, кто находится при кончине? Предлагай ему царство, предлагай золотые

---

[1] Том 15, письмо 34. ‖ [2] ...*«нет Бога»* (Пс. 13. 1). ‖ [3] *Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит. 1. 16). ‖ [4] *Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы* (Ин. 3. 20). ‖ [5] Том 15, письмо 40. ‖ [6] Том 15, письмо 70. ‖ [7] Письмо 24.

горы, — он не обратит никакого внимания на эти предложения. Одна у него мысль, одна у него забота: как бы отойти отсюда с надеждою спасения и блаженства. Стяжи отныне такое настроение и ты: каждый день твоей жизни признавай последним днем ее и ожидай, что Господь твой призовет тебя. При таком настроении ничто в мире не будет тебе казаться привлекательным, и, если будешь постоянно стоять на этой страже и бдеть, то скончаешься благополучно.

Ныне, во время земной жизни, часто нисходи умом во ад, чтоб не низойти туда навечно душою и телом.

1. Некоторый брат пришел в Хермейскую гору к авве **Феодору**, старцу, великому по жизни и добродетелям, и сказал ему: «Отец! что мне делать? душа моя погибает». Старец на это: «Почему так, сын мой?» Брат отвечал: «Когда я проводил жизнь мирянина, — много постился и упражнялся в бдениях, имел обильные слезы и умиление, ощущал в себе ревность; ныне же, когда отрекся мира и сделался иноком, не вижу в себе ни одной добродетели». Старец сказал ему: «Поверь мне, сын, то, в чем ты преуспевал в мирской жизни, преуспевал по причине гордыни и похвалы человеческой; они споспешествовали тебе, тонко действуя в тебе. Делание твое неприятно было Богу, и диавол пренебрегал тобою, не воздвигая против тебя браней и не препятствуя такому преуспеянию твоему; ныне же, видя, что ты вышел на войну против него, он вооружился против тебя. Но Богу угоднее один псалом, ныне произносимый тобою со смирением, нежели тысяча псалмов, которые ты произносил, находясь в мирской жизни; также приятнее Ему нынешний незначительный пост твой всенедельного поста, которым ты постился, находясь в мирском житии». Брат сказал на это: «Отец! ныне я вовсе не пощусь: все добродетели взяты от меня!» Старец: «Брат, довольно тебе того, что имеешь: терпи с благодарением, и будет тебе благо». Но брат настаивал на своем: «Точно, — говорил он, — погибла душа моя». Тогда старец сказал: «Брат! опасаясь, чтоб не ослабить твое смиренномудрие, я не хотел говорить тебе того, что вижу себя вынужденным высказать по причине состояния уныния, в которое ты приведен диаволом. Выслушай внимательно слова мои. Мнение твое, что ты имел добродетели, пребывая в мирской жизни, принадлежит к отраслям гордости: так и фарисей погубил все свои добрые дела. Теперь же, когда ты думаешь, что решительно не имеешь ни одного доброго дела, — этой одной смиренной мысли уже достаточно для твоего спасения: так был оправдан и мытарь, не сделавший ни одного доброго дела.

Грешный или ленивый человек, сокрушенный и смиренный сердцем, угоднее Богу человека, делающего много добрых дел и зараженного по причине их самомнением». Брат, услышав это, ощутил в душе своей утешение и разрешение недоумения своего. Он поклонился старцу до земли и сказал: «Ныне, при посредстве твоем, спасена душа моя»[1].

2. Авва Феодор Фермейский сказал: «Человек, пребывающий в делании покаяния и исполняющий заповеди духовно, не обязывается исполнять их телесно»[2].

Так, пребывающий в безмолвии и оплакивающий грехи свои уже не должен, оставляя келлию и делание покаяния, посещать болящих, заключенных в тюрьмах и так далее.

3. Один из отцов, пришедши к авве Феодору, сказал ему: «Такой-то брат возвратился в мир, оставив иночество». На это авва Феодор отвечал: «Этому ли удивляешься? тогда удивись, когда кто возможет избежать из челюстей врага»[3].

4. Авва Феодор говорил: «Превосходнейшая из добродетелей добродетель — никого не презирать»[4].

5. Он говорил: «Человек, познавший сладость келлии, убегает ближнего, хотя любит и почитает его»[5].

6. Он сказал: «Если я не отсеку от себя человекоугодливость, то она не даст мне быть монахом»[6], то есть жить уединенно, безмолвствовать.

1. Авва **Феодор** Енатский сказывал: «В Келлиях жил некоторый брат, имевший дар умиления и слез. Случилось, что в один день, от особенного сердечного сокрушения, ему пришло множество слез. Увидев это, брат сказал сам себе: “Поистине, это — знак, что близок день смерти моей”. Когда он помышлял это, — слезы умножались: он опять говорил себе: “Точно! приблизилось время моего переселения”, — и плач его усиливался с каждым днем. Ощутив душевную пользу от этого поведания, мы спросили старца: “Отчего слезы не всегда приходят сами собою, но иногда добываются с большим трудом?” Старец отвечал: “Слезы подобны ненастью и дождю, а монах подобен делателю. Когда он увидит дождь, то должен озаботиться, чтоб ни малейшая часть его не погибла, но чтоб он весь взошел в сад и напоил его. Истину говорю вам, дети

[1] Пролог. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Достопамятные сказания. || [5] Достопамятные сказания. || [6] Достопамятные сказания.

мои, нередко выпадает во всем лете один дождливый день, действует благотворнее всех прочих дней и спасает все; и потому, когда заметим пришествие его,— воспрянем, сохраним особенное трезвение, упразднимся в прилежных молитвах к Богу, потому что не знаем, придет ли еще когда слезный дождь". Опять спросили мы отца: "Как возможет человек сохранить слезы, когда они придут?" Старец отвечал: "Прежде всего он должен в тот день и в то время не выходить к иному брату, должен охраниться от излишнего употребления пищи, а сердцем отнюдь не помыслить, что он плачет,— должен прилежать молитве и чтению; впрочем, когда плач придет к нам, тогда он сам укажет на то, что возбуждает, и на то, что препятствует пришествию его"»[1].

2. Опять он говорил: «Верую, что Бог причислит к мученикам того человека, который благим произволением предается деланию плача: пролияние слез Бог примет от него как пролияние крови»[2].

3. Он поведал и следующее: «Наставник мой, в течение всей жизни своей, постоянно любил уходить в дальнюю пустыню и там безмолвствовать. Однажды я сказал ему: "Зачем ты убегаешь в пустыни? живи близ людей и получишь большую награду от Бога". Старец отвечал: "Поверь мне, сын мой, доколе человек не будет равен Моисею и не наречется сыном Божиим, дотоле не может жить посреди людей с пользою для души своей. Я — сын Адамов! подобно отцу моему, который, увидев плод, не воздержался от него, я, когда вижу плод, преподающий грехи, немедленно побеждаюсь желанием его и, вкусив его, умираю. По этой причине отцы наши убегают в пустыни и там умерщвляют лакомство, не находя той пищи, от которой рождаются греховные страсти"»[3].

Авва **Феона** сказал: «Нас пленяют плотские похоти по той причине, что ум наш утратил видение Божественное»[4].

Видение Божественное рождается от внимательной молитвы, особенно умной.

1. Архиепископ **Феофил** посетил однажды гору Нитрийскую, и пришел к нему авва горы. Архиепископ сказал ему: «Какое делание, по твоему опытному сознанию, есть высшее на иноческом пути?» Старец отвечал: «Повиновение и постоянное самоукорение

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] Алфавитный патерик. || [3]Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик.

(обвинение и осуждение себя)». Архиепископ сказал: «Иного пути, кроме этого, нет»[1].

2. Архиепископ Феофил говорил: «Какой обымет нас страх и трепет, в какое вступим трудное положение, когда душа будет разлучаться с телом! Тогда придет к нам многочисленное воинство противных сил, князья тьмы, злобные миродержцы, начала и власти духа, враждебного Богу; они по праву овладевают душою, произвольно подчинившеюся им, представляя ей все грехи, сделанные ею в ведении и неведении, от юности и до конца жизни. Все дела ее предстанут ей и обличат ее. Сверх того, каким — представь себе — трепетом будет объята душа, доколе не произнесется над нею решительное определение и не совершится определение ее? Это время — время тесноты, время недоумения. Лицом к лицу против сил неприязненных встанут силы святые, выставляя благие дела души, в противоположность выставляемым врагами грехам. Представь же себе, какой страх и трепет мучат душу, находящуюся посреди этих, друг другу противных, доколе суд над нею не будет решен праведным Судиею! Если душа окажется достойною милости Божией, то бесы посрамляются; она приемлется Ангелами. Тогда душа успокаивается и будет жить по Писанию: *яко веселящихся всех жилище в Тебе*[2]. Тогда исполнятся слова Писания: *отбеже болезнь, печаль и воздыхание*[3]. Тогда освободившаяся душа восходит в ту неизглаголанную радость и славу, в которой водворится. Если же душа будет застигнута в нерадивой жизни, то услышит ужасный глас: *да возьмется нечестивый, да не видит славы Господни*[4]. Тогда постигает ее день гнева, день скорби, день тьмы и мрака. Преданная во тьму кромешную и осужденная в вечный огнь, она будет терпеть наказание в бесконечные веки. Где будет тогда радость мирская? где тщеславие? где роскошь? где наслаждение? где величание? где нега? где пышность? где богатство? где благородство? где отец? где мать? где брат? кто возможет избавить от мук душу, горящую в огне и терпящую ужасные мучения? Если так, то как свято и благочестиво должно быть наше житие? какую любовь должны мы стяжать? Какою должна быть наша жизнь, каким обращение с ближними, каким — поведение, каким — прилежание, какою — молитва, каким — постоянство? *Сих чающе*, говорит Апостол, *потщим-*

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] *И поющие и играющие, — все источники мои в тебе* (Пс. 86. 7). ‖ [3] *...печаль и воздыхание удалятся* (Ис. 35. 10). ‖ [4] *...не будет взирать на величие Господа* (Ис. 26. 10).

ся нескверни и непорочни тому обрестися в мире[1], чтобы удостоиться нам услышать глас Господа, говорящего: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира*[2] во веки веков. Аминь»[3].

3. Спросила амма Феодора у архиепископа Феофила: «Какое значение имеет изречение Апостола: *искупующе время*?»[4] Он отвечал: «Это значит, что вся земная жизнь наша подобна производству торговли. Например: когда настанет время, в которое посыплются на тебя поношения, — ты искупи это время смиренномудрием и приобрети для себя пользу (прибыль, барыш). Таким образом все противное и неприязненное нам может обратиться, если захотим, в пользу нам»[5].

1. **Амма Феодора** сказала: «Постарайтесь взойти тесными вратами. Как дерева не могут принести плода, если не подвергнутся зиме и снегу: так и для нас эта жизнь зима и снег, и если не подвергнемся многим скорбям и напастям, то не возможем наследовать Царство Небесное»[6].

2. Она сказала: «Душеполезно безмолвствовать, как и Писание говорит: муж же мудр безмолвие водит[7]. Надо знать следующее: если кто начнет безмолвствовать, то немедленно приходит лукавый, наводит на душу тягость, разленение, малодушие, множество помыслов, а на тело болезни и лютое изнеможение, расслабление колен и всех членов; он заставляет говорить безмолвника: я немощен и не могу совершать моего молитвенного правила. Но если безмолвник будет мужествен, то все козни врага рассыплются. Некоторый безмолвствовавший инок только что начинал свое молитвенное правило, как схватывала его лихорадка с ознобом и жаром, причем являлась сильная головная боль. Монах, когда это делалось с ним, говорил сам себе: "Вот! уже я болен к смерти: встану же, прежде нежели смерть постигла меня, совершу мое молитвенное правило". Этими словами он понуждал себя и исполнять свое правило. С окончанием правила отступала от него болезнь.

При помощи этого же помысла брат боролся и с унынием; неопустительно совершая свое правило, он победил уныние»[8].

---

[1] *...ожидая сего, потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире* (2 Пет. 3. 14). ‖ [2] *...«приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»* (Мф. 25. 34). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] *...дорожа временем* (Еф. 5. 16). ‖ [5] Алфавитный патерик. ‖ [6] Алфавитный патерик. ‖ [7] *...разумный человек молчит* (Притч. 11. 12). ‖ [8] Алфавитный патерик.

3. Амма Феодора поведала: «Некоторый инок, одолеваемый множеством скорбей, сказал сам себе: уйду отсюда. С этими словами он начал одевать сандалии на ноги и внезапно увидел в углу келлии другого человека, который также обувался и который сказал ему: «Из-за меня ли ты выходишь отсюда? вот! во всяком месте, куда бы ты ни пошел, я уже буду прежде тебя»[1].

[1] Алфавитный патерик.

ИЗРЕЧЕНИЯ

старцев, преимущественно Египетских, особливо же старцев Скита, которых имена не дошли до нас

1. Моли Бога, чтоб Он даровал сердцу твоему плач и смирение; постоянно устремляй взоры твои на грехи твои, и не будешь осуждать других; повинуйся всем; не имей дружбы ни с женщиною, ни с отроком, ни с еретиком. Отвергни дерзость (свободное обращение), удерживай язык и чрево и воздерживайся от вина. Если кто будет говорить с тобою о чем, — не спорь с ним. Если он говорит справедливо, — вырази свое согласие; если же несправедливо, — скажи ему: «Ты знаешь, что говоришь». Не войди в спор с ним по поводу того, что он говорит, и сохранишь дух твой в мире[1].

2. Страх Божий, смирение, скудость в жизненных потребностях и плач да сожительствуют тебе[2].

3. Брат спросил старца: «Каким образом страх Божий входит в человека?» Старец отвечал: «Если человек стяжет смирение и нищету и не будет осуждать ближнего, то страх Божий войдет в него»[3].

4. Жительство монаха должно заключаться в труде, послушании, умной молитве, в устранении от себя осуждения, злоречия и ропота. Говорит Писание: *Любящии Господа, ненавидите злая*[4]. Жительство монаха заключается в том, чтоб не вступать в общение с неправедным, чтоб не видеть зла, чтоб не любопытствовать, не разузнавать, ниже слышать о действиях ближнего; чтоб не похищать чужого — напротив, давать свое; чтоб не гордиться сердцем, не лукавствовать мыслию, чтоб не наполнять чрева, чтоб во всем поведении руководствоваться благоразумием. В этом — монах[5].

---

[1] Vitae Patrum, Patrologiae, tom LXXXIII, pag. 857, cap. 23. || [2] Pag. 858, cap. 20. || [3] Pag. 857, cap. 19. || [4] *Любящие Господа, ненавидьте зло!* (Пс. 96. 10.) || [5] Pag. 887, cap. 22.

5. Всего, что не любишь сам, того не делай другим. Не любишь, чтоб тебе говорили неприятное, не говори неприятного другим. Не любишь, чтоб тебя оклеветывали, не оклеветывай других. Не любишь, чтоб кто злоречил, бесчестил тебя, похищал твое или делал тебе что подобное, и ты ничего такого не делай никому. Если кто возможет сохранить эти слова, — они достаточны для его спасения[1].

6. Сказала старица игумения: «Многие, живя в горе и занимаясь делами мира сего, погибли. Лучше жить в обществе человеческом и безмолвствовать по духу, нежели жить отшельником при мирском расположении духа»[2].

7. Если б возможно было при пришествии Господа после Общего Воскресения, уничтожиться от страха душам человеческим, то весь мир вымер бы по причине ужаса и трепета. Точно, каково увидеть небеса разверзающимися, являющегося прогневанного, негодующего Бога, бесчисленное воинство Ангелов и весь, воедино собранный, род человеческий! По этой причине мы должны проводить жительство с тщательнейшим бодрствованием над собою, как долженствующие дать отчет Богу в каждом движении нашем[3].

8. Брат спросил старца: «Отчего мое сердце жестоко, и я не боюсь Господа?» — Старец отвечал: «Думаю: если человек будет содержать в сердце *самоукорение*, — стяжет страх Божий». Брат спросил: «Что значит самоукорение?» — Старец сказал: «Самоукорение состоит в том, чтоб человек всегда укорял душу свою, говоря ей: помни, что тебе подобает предстать Богу. Говори и это: что мне и человекам? Уповаю: если кто пребудет в самоукорении, тот стяжет страх Божий»[4].

9. Увидел старец смеющегося и сказал ему: «Пред лицом неба и земли подобает нам дать отчет Богу во всей нашей жизни, и ты смеешься»[5].

10. Как тень от тела нашего последует за нами повсюду, так повсюду мы должны иметь с собою плач и сокрушение духа[6].

11. Брат сказал старцу: «Авва! скажи мне душеполезное слово». Старец отвечал: «Когда Бог поразил казнями Египет, — не было ни одного дома, в котором бы не раздавался плач»[7].

12. Другой брат просил того же у другого старца. Старец сказал: «Мы должны постоянно плакать. Некоторый старец скончался и по

---

[1] Pag. 857, cap. 21. ‖ [2] Pag. 860, cap. 14. ‖ [3] Pag. 866 и 864, cap. 21. ‖ [4] Pag. 864, cap. 22. ‖ [5] Pag. 864, cap. 33. ‖ [6] Pag. 864, cap. 24. ‖ [7] Cap. 25.

прошествии нескольких часов опять пришел в себя. Мы спрашивали его: "Авва, что ты видел там?" Он, плача, поведал нам: "Я слышал жалобный голос, вопиющий непрестанно: горе мне! горе мне!" И мы должны взывать так всегда и плакать»[1].

13. Некоторый брат спросил старца: «Душа моя желает слез, как вижу старцев, проливающих слезы, но слезы не приходят, и смущается душа моя: отчего это?» — Старец сказал: «Сыны Израилевы после путешествия, продолжавшегося сорок лет, вошли в Обетованную Землю. Слезы — Земля Обетованная. Если войдем в нее,— не будем страшиться браней. Но Богу благоугодно удручать душу скорбями, чтоб она непрестанно желала войти в эту землю»[2].

14. Святого старца спросил брат: «Что должен делать человек при всяком встречающемся ему искушении и при всех приносимых врагом помыслах?» Отвечал старец: «Он должен плакать пред благостию Божиею, и она приблизится и поможет ему, как говорит Писание: *Господь мне помощник и аз воззрю на враги моя*»[3].

15. Подобает монаху иметь ненависть ко всякому упокоению здешней жизни, как то: к наслаждениям телесным, к чревоугождению, к почестям от человеков,— и дарует нам Господь Иисус небесные почести, успокоение в жизни вечной и славную радость со Ангелами Своими[4].

16. Естественно человеку чувствовать позыв на пищу; однако должно употреблять пищу необходимую к поддержанию жизни, а не по страсти и не для пресыщения. Естествен человеку сон, но не до сытости и изнеженности тела, чтоб мы могли смирять страсти и порочные стремления тела. Сытость сна соделывает тупым и ленивым дух человека и его умственные способности; бдение, напротив того, утончевает и очищает их. И святые Отцы сказали, что святое бдение очищает и просвещает ум. Естественно и гневаться человеку, но не в возмущении страсти. Пусть он гневается на себя и на свои пороки: тем удобнее возможет исправлять себя и отсекать страсти[5].

17. Брат спросил старца: «Каким образом душа любит нечистоту?» — Старец отвечал: «Душа вожделевает многих плотских страстей, но дух Божий воздерживает это вожделение ее. И потому мы должны плакать и наблюдать за вожделениями нашими. Видим, что Мария, когда наклонилась, взглянула во внутренность

[1] Cap. 26. || [2] Pag. 864, cap. 27. || [3] *Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих* (Пс. 117. 7). Pag. 805. || [4] Pag. 793, cap. 1. || [5] Pag. 740, cap. 2.

гроба Господня и плакала, — Господь призвал ее: то же бывает и с душою»[1].

18. Приучи мало-помалу сердце свое говорить о каждом брате: *поистине он лучше меня.* Таким образом мало-помалу приучишься считать себя грешнейшим всех человеков. Тогда Святой Дух, вселившись в тебя, начнет жить с тобою. Если же укоришь человека, то отойдет от тебя благодать Божия и дастся тебе дух во осквернение плоти, ожесточится сердце твое, удалится умиление, и ни одному из духовных благ не будет места в тебе.

19. Хорошо воздевать руки горе и молить Бога, чтоб Он даровал душе по исходе ее из тела безвредно прейти воздушные мытарства и сохраниться от воздушных бесов.

20. Нет ничего хуже греховного навыка. Зараженный греховным навыком нуждается во многом времени и труде, чтоб освободиться от него. И многие потрудились много, но немногие получили время на совершение труда, будучи скоро пожаты смертию. Бог один знает, что сотворит с ними в день Суда.

21. Бог истяжет с инока-подвижника полное нестяжание и до малой вещи; и малая вещь с пристрастием может повредить и отлучить ум от поучения в Иисусе и от плача.

22. Горе тебе, душа! ты привыкла только вопрошать о Слове Божием и слушать его; но из того, что слышишь, ничего не исполняешь на самом деле. Горе тебе, тело! ты познало, что повреждает тебя, и всегда ищешь того же наслаждения и насыщения. Горе юному, насыщающему чрево свое и повинующемуся во всем воле своей! тщетны и бесплодны исшествие из мира и отречение от мира по одной наружности.

23. Сидя в келлии твоей, имей память Божию на всякий час, и вселится в тебе страх Божий; исторгни из души твоей всякое прегрешение, всякую злобу и беззаконие.

24. Имеющий страх Божий имеет сокровище, исполненное благ: страх Божий хранит человека от греха.

25. Если тело твое немощно, то соразмерь силе его правило и пост твой, чтоб не впасть в болезнь, по причине которой будешь искать себе подкрепления и отяготишь братию служением тебе. Если смущают тебя скверные помыслы, не скрывай их, но тотчас сказывай духовному отцу твоему и обличай их. Чем более скрывает человек помыслы свои, тем более они умножаются в нем, укрепляются и твердеют.

---

[1] Pag. 1019, cap. 27.

26. Как змей, когда выйдет из норы своей, то немедленно бежит, так и лукавый помысл, будучи обличаем, скоро погибает. Как червь поедает дерево, так и утаиваемый лукавый помысл погубляет сердце. Исповедающий помышления свои скоро исцелится, а скрывающий их заражен гордостию.

27. Если имеются гробы на том месте, где ты пребываешь, то ходи туда часто и присматривайся к лежащим в гробах, в особенности же тогда, когда беспокоит блудная брань.

28. Если узнаешь, что брат отходит ко Господу, то поди и пробудь у него тот день, чтоб увидеть, как душа разлучается от тела. Если кто будет просить тебя помолиться о нем, отвечай ему: «Брат! Бог, ради молитв святых угодников Своих, да помилует и меня и тебя по воле Своей».

29. Если случится когда отяготиться пищею, то понудь себя на телесные труды, чтоб прежде ночи облегчилось чрево и ты не узрел мечтаний и привидений греховных. Будь твердый борец против диавола: если он ударит тебя в одну сторону, ударь ты его в другую; если он увлечет тебя в излишнее насыщение пищею, отягчи его бдением; если он отягчит тебя сном, сокруши его трудом телесным; если он прельстит тебя тщеславием, — ты смири себя каким-либо образом. И то знай, что ни о чем столько не скорбит сатана и ничем столько не прогоняется и обезоруживается, как тем, когда человек любит смирение и бесчестие.

30. Юный! беги от вина, как от змея. Если случится немного выпить ради любви, то никак не пей лишнего. Если звавший будет и заклинать тебя и кланяться тебе, — не обращай внимания на эти заклинания; весьма часто сатана внушает понуждать юных на вино. Знает лукавый, что вино и жены отлучают инока от Бога.

31. Если будешь на пути, странствуя, и никто тебя не примет: то не оскорбись этим. Скажи сам себе: «Если б я был достоин, то Бог устроил бы мне успокоение и наставил кого-либо принять меня».

32. Если кто позовет тебя на трапезу любви и посадит на последнем месте, то не оскорбись на него в помышлении твоем. Скажи себе: «Я недостоин этого». Говорю тебе, что ни бесчестие, ни какая-либо скорбь не приходят человеку иначе, как по попущению Божию, на искушение и ко исправлению человека или за грехи его. Кто не помышляет таким образом, тот не верует, что Бог — праведный Судия.

33. Если жительствуешь в пустыне, то наблюдай за умом твоим, чтоб не поругались тебе бесы, влагая помышления и говоря: ты

хорошо живешь, и вот уже избавился от оклеветания, удалился от человеков, от глаголания и слышания, и совершаешь твое малое правило. Если будешь помышлять это, то Бог возьмет помощь Свою от тебя, и тогда познаешь свою немощь. Говори себе всегда: «Горе мне! телом нахожусь в пустыне, а умом скитаюсь в мире; человеки думают, что провожу жительство отеческое, а я всякий день совершаю неподобное по лености моей и оскверняюсь помышлениями, утрачиваю напрасно все время во сне, в употреблении пищи и пития».

34. Если услышишь о ком-либо, что он укорял тебя, и он придет к тебе, — ты не обличи его, но возвеселись с ним; яви лицо твое ему приятным, да обрящешь дерзновение в молитве твоей.

35. Если придет к тебе брат, — устрани плач от лица твоего и скрой его в сердце твоем, доколе не отпустишь от себя брата твоего. Тогда опять возложи плачь на лицо твое: бесы страшатся, видя с тобою плач.

36. Если настоятельствуешь над братиею, то наблюдай за собою, чтоб, владея ими и повелевая ими, не вознестись сердцем твоим над ними. Только по наружности показывай власть, а в душе считай себя рабом и худшим всех.

37. Если впадешь в грех и, оставив его, начнешь каяться и скорбеть, то наблюдай за собою, чтоб не престать тебе скорбеть и воздыхать ко Господу даже до дня смерти твоей. Если же не будешь скорбеть, то скоро впадешь в тот же ров: скорбь по Бозе за грехи есть крепкая узда для души и не попускает ей пасть.

38. Внимай себе и увидишь следующее: когда Бог умилостивляется над душою твоею и посылает ей умиление, тогда сатана воспоминает тебе некоторые дела по келлии твоей, говоря: это дело нужно, соверши его ныне; или иди, посети брата твоего, — он болен; и другое подобное влагает в ум твой. Лукавый делает все это, чтоб воспрепятствовать тебе вне попечений насытиться сладостным плачем. Если же человек уразумеет кознь сатаны и будет хранить себя, внимая и молясь прилежно о душе своей, если будет прилежать с усердием молитве, тогда немедленно последует искушение или от человеков, или от бесов. Сатана особенно борет жестоко тех человеков, которые его борют хорошо, и побуждает их на гнев и ярость, потому что ярость и гнев более всего отгоняют плач и умиление, искореняют смирение из души. Случается иногда, что в то время, как ты сидишь в келлии твоей, обступят тебя злые помышления и бесы, как звери лютые; ты же не убойся их, — немедленно

встань мужественно и молись усердно Богу; проходись немного по двору; они, не терпя молитвы, разойдутся от тебя.

39. Если хочешь иметь плач, то возлюби нищету и смирение, и не желай иметь хороших вещей в келлии твоей. Когда душа захочет чего-либо и не находит его, то воздыхает и смиряется; тогда Бог утешает ее и дарует многое умиление. Душа, когда вкусит сладости Божией, — получает ненависть даже к той одежде, которую ты носишь, к самому телу своему. Говорю я тебе, чадо: если не омерзеет человеку тело его, как враг и супостат, так, чтоб ни в чем не делать ему угождения, то он не может освободиться от сетей вражиих. Диавол употребляет плоть как сеть для иноков, особливо для юных.

40. Восстав от сна, во-первых, прославь Бога устами твоими, потом немедленно начни правило твое, состоящее из положенного тебе псалмопения и молитвы, со вниманием, со многим смирением и страхом Божиим, как бы предстоя Самому Богу и Ему говоря слова молитвы. Ум на что направится с утра, тем занимается весь день, как жерновный камень, мелющий в продолжение всего дня то, что всыплют в него с утра, — будет ли то пшеница, будут ли то плевелы. Постараемся всегда с утра влагать пшеницу, чтоб враг не всыпал плевелов. Если ты видел во сне мечтание женских лиц, то остерегись днем размышлять о виденном: такое размышление оскверняет душу и причиняет ей смерть. Когда ляжешь на одр, помяни гроб твой, в котором будешь лежать, и скажи себе: не знаю, встану ли завтра или нет, — и прежде сна твоего помолись Богу довольно со всяким смирением и умилением; тогда ложись на одр, внимательно наблюдая, чтоб не помышлять ничего скверного, чтоб отнюдь не вспоминать жен, хотя бы и святых. Усни, занимаясь молитвою, размышляя о дне Суда, в который ты имеешь предстать Христу и дать отчет во всяком деле, слове и помышлении. О чем размышляет человек пред сном, о том мечтает и ночью во сне, или о добром, или о злом. Есть духи нечистые, занимающиеся именно тем, чтоб пребывать при человеке, когда он ляжет на одре своем, и приносить ему воспоминание о женщинах. Также и святые Ангелы соприсутствуют иноку и предохраняют его от сетей вражиих, будучи именно на сие назначены Богом. Когда скажет тебе сердце ночью или днем: встань и помолись Богу, — разумей, что святой Ангел соприсутствует тебе, и он-то есть говорящий: встань и помолись. Если встанешь, то и он встанет с тобою на молитву, укрепляя тебя в подвиге и отгоняя от тебя злого духа, обольщающего тебя и,

как льва, рыкающего на тебя. Если же не встанешь, то он немедленно отступит от тебя, и тогда впадешь в руки врагов твоих. — Если занимаешься вместе с братиею работою, то не покажи им, что ты сделал больше их; в противном случает потеряешь мзду свою. — Сохраняй себя от многословия: молчание в разуме — благо. Если говоришь много, и все доброе, но к доброму примешивается и злое. Наблюдай за собою строго в произносимых тобою словах, чтоб после не раскаиваться. Если занимаешься каким-либо рукоделием в келлии, и придет время молитвы, не скажи: сперва окончу дело; но немедленно встань и помолись прилежно, чтоб Господь исправил житие твое, сохранил тебя от врагов видимых и невидимых, сподобил Царства Небесного.

41. Инок, вкушая пищу с братиею, должен всегда смотреть вниз на землю, а не на лица человеков, в особенности юных. Да устремляет он ум свой непрестанно к Богу: мы причиняем великую скорбь диаволу, когда внимает горе, Богу и Отцу нашему.

42. Кающийся должен удалить себя от мира, жить вдали от других один, трудясь в безмолвии, оплакивая грехи свои, очищая ум от мыслей мира сего и наблюдая над собою, чтоб никому не досадить, никого не оскорбить, но себя смирять, оскорблять, непрестанно осуждать, укорять и обличать, пребывать в болезни сердечной, утеснении многом, в сокрушении сердца, умоляя Бога и прося у Него милости.

43. Брат спросил старца: «Как приходит плач?» Старец сказал ему: «Плач приходит от размышления о грехах своих, в которые впал человек в жизни сей, и как он будет отвечать Богу. Ищущему прийти в плач также должно непрестанно вспоминать о смерти и о вечной муке, о родителях своих и прочих знакомых, скончавшихся, где они ныне?»

44. Смирение спасло многих и без труда; свидетели этому мытарь и блудный сын, сказавшие несколько слов Богу и получившие спасение. Труды человека, если он не имеет смирения, погубят его; многие великими трудами пришли в гордость и, как фарисей, погибли.

45. Тонкоиспытные беседы о Боге и чтение тонких исследований о Боге иссушают слезы и прогоняют от человека умиление. Читающий же жития и изречения Отцов просвещает свою душу.

46. Постом усмиряется тело, бдением очищается ум, безмолвием приносится плач; плачем доставляется иноку совершенство и безгрешие.

47. Враг влагает иноку излишнюю скорбь и молву при недостатке в нужных потребностях. Тебе известно, какую имеешь естественную силу; почему не ищи для себя по причине лености и сластолюбия всякого рода брашен; будучи здоров, не доставляй себе всего, чего ни пожелаешь. Вкушая посылаемое тебе Богом, воздавай Ему хвалу на всякий час, говоря: «Пищу употребляю не монашескую и имею всякий покой; дел же монашеских не совершаю». Вменяй себя как не инока, укоряй себя, что носишь чуждый себе образ, и имей непрестанно в сердце твоем печаль и смирение.

48. Если хочешь говорить о согрешении брата, то говори бесстрастно, или чтоб исправить его, или чтоб доставить пользу другим. В противном случае, и говоря без сих побудительных причин, ты не избегнешь наказания Божия: сам впадешь непременно в те же или худшие согрешения, будешь лишен Божией помощи и посрамишься, обличаемый другими.

49. Бог не увеселяется никакою добродетелию столько, как когда кто впадет в какую-либо скорбь и терпеливо переносит ее до конца с благодарением. Равным образом, от больного Бог не истязует поста или подвига телесного, — требует от него только терпения, благодарения и умной молитвы, состоящей в том, чтоб иметь ум всегда направленным к Богу. Пост и телесные труды совершаются человеком для обуздания нечистых страстей, а телесная болезнь выше и крепче поста, подвига и телесного труда; поэтому с немощного не спросится поста и труда телесного; он только должен непрестанно благодарить Бога и молить Его, чтоб даровал ему терпение.

50. Брат спросил старца: «Отец! скажи мне, какие должен я совершать добродетели, чтоб исполнить волю Божию?» Старец сказал: «Сын мой! если хочешь исполнить волю Божию, — отвращайся от всякой неправды, не воздавай зла за зло, укоризны за укоризну, клятвы за клятву; но воспоминай Господа, сказавшего: не осуждайте, чтоб не быть осужденными; оставляйте, и оставится вам; милуйте, и будете помилованы. Надо быть твердо убежденным, что очи Господа, бесконечно светлейшие солнца, смотрят неуклонно на сынов человеческих и ничто не утаивается от них, ни мысль, ни мечта, ни сердечное, какое бы то ни было, ощущение. Всем нам подобает предстать Суду Христову, и каждый примет по делам своим. По этой причине мы должны работать Господу со страхом и трепетом, со всяким благоговением, как Он Сам заповедал и Апостолы научили. Будем оставлять земные занятия для

занятия молитвою, будем претерпевать в посте и молитве, молясь всевидящему Богу, чтоб Он не ввел нас в напасть. — Брат спросил старца: «Каким образом мирские люди, живущие посреди мира и принадлежащие ему, презирая пост и молитвы, насыщаясь всякого рода брашнами, проводящие жительство по своим пожеланиям, в клятвах и клятвопреступлениях, не падают, не окаявают себя, как грешных, не отлучают себя от причащения Святых Христовых Таин? А мы, пригвожденные к постам, бдениям, молитвам, сухоядению, лишенные всякого плотского упокоения, плачем и рыдаем, и говорим: мы погибли, мы утратили Царство Небесное, мы соделались повинными геенне?» Старец, вздохнув, отвечал: «Правильно сказал ты, что они не падают: упав однажды дивным и лютым падением, они ниже могут восстать, ниже имеют, куда упасть. И диавол нисколько не нуждается бороться с лежащими ниц и никогда не восстающими. Монахи, напротив того, иногда побеждают, иногда побеждаются; падают и восстают; их оскорбляет диавол, и они оскорбляют диавола; с ними борется диавол, и они борются с диаволом. Миряне, подвергшись первому падению, по многому неведению даже не знают, что они пали. Однако ведай, сын, что не только я и ты, мнимые монахи, нуждаемся в непрестанном трезвении и плаче, но и великие подвижники нуждаются в них. Услышь следующее духовное рассуждение: ложь — от диавола; страстное воззрение на женщину вменено Богом в любодеяние; гнев на ближнего причислен к убийству; за каждое праздное слово обетовано воздаяние. Кто же таковый человек и где его найти, который бы не ведал лжи, не был искушен вожделением ни одного лица, никогда не прогневлялся на ближнего напрасно, в котором бы не нашлось празднословия, который не нуждался бы в покаянии? Знай: если кто не предаст себя всем напастям, которые попустит ему Бог, в мнении о себе смиренном и уничиженном, если не повергнет себя пред всеми на попрание, обидимый и оскорбляемый всеми, если не претерпит всего этого с радостию, силою молитвы, ради Бога, если не устранит себя от человеческой славы, чести и похвалы, от сладостных брашен и напитков, то не возможет достигнуть совершенства»[1].

51. О брани, воздвигаемой помышлениями, предлагающими любодеяние, некоторый старец сказал: «Отшельник спящий! хочешь ли спастись? Поди — трудись; поди — вступи в страдальческий подвиг; поди — ищи, и обрящешь; бди в молитвах, стучись ими в двери

[1] Пролог, 22 мая.

милосердия Божия, и эти двери отверзутся тебе. Воины мира сего, получая многие раны, стоят, не отступая назад; подвергшись поражениям, многие из них наконец одержали победу мужественным терпением над побеждавшими их и получили венцы. Случается, что одного поборют два; но он, ободрившись, внезапно преодолевает обоих. Смотри — какое мужество выказывается в сражениях по плоти! И ты встань, ободрись, а Бог победит за тебя врагов твоих»[1].

52. Другой старец сказал о той же брани любодеяния: «Боримый любодеянием подобен человеку, который идет мимо торжища или корчемницы, обонявает различные яства, вареные и жареные. Кто хочет, входит туда и ест; а кто не хочет, тот проходит мимо, услышав мимоходом только запах. Так и ты отвергни от себя смрад скверных помыслов и, встав, помолись, говоря: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги мне и прогони борющих меня врагов.* Так поступай и по отношению ко всем прилогам и мыслям диавольским. Мы не можем воспретить греховным помыслам, чтоб они не приходили к нам, но можем противиться им»[2].

53. Принимающий в себя блудные помыслы и порабощающийся им страждет это от лености своей. Если б мы были убеждены с достоверностию в том, что Бог живет в нас, то не влагали бы в себя чуждых сосудов. Владыка наш Христос, живущий в нас и сожительствующий нам, смотрит на жительство наше; почему и мы, нося Его в себе и умственно взирая на Него верою, не должны пребывать в небрежении и лености, но должны стяжавать освящение, как и Он свят. Станем на камне, и сокрушится лукавый. Не предайся двоедушию, и не будет иметь крепости для действования против тебя враг твой. С мужеством воспевай: *Надеющийся на Господа яко гора Сион, не подвижится во век живый во Иерусалиме*[3].

54. Помысл любодеяния хрупок, подобно папирусу[4]. Когда он будет вложен в нас, но мы, не согласившись с ним, отвергнем его, то он удобно сокрушается. Если же, когда он посеется в нас, будем наслаждаться им, беседуя с ним, то он делается как бы железным и тогда уже трудно прогнать его. Следовательно, нужно наблюдать за помыслами, потому что для тех, которые соглашаются с блудными помыслами и услаждаются ими, нет надежды спасения; напротив того, те, которые не соглашаются с ними, но противятся со всевозможным усилием, молясь против них, получают венцы от Бога[5].

---

[1] Pag. 877, cap. 15. ‖ [2] Pag. 877, cap. 16. ‖ [3] *Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется, пребывает вовек* (Пс. 124. 1). Pag. 877, cap. 17. ‖ [4] Папирус — растение, из которого прежде делали бумагу. ‖ [5] Pag. 882, cap. 33.

55. Брат вопросил старца, говоря: «Отец! что должно мне делать? меня беспокоит блудная страсть». Старец сказал ему: «От этого помысла должно храниться со всевозможным усилием, потому что впадению в блуд часто последует отчаяние. Как корабль, носимый бурею и волнами, если потеряет кормило, то хотя и подвергается значительному бедствию по этой причине, однако еще продолжает плавать на поверхности вод; так же если переломится его мачта или потерпит какое-либо подобное этому повреждению, все еще остается надежда спасения для корабля: так и инок, беспокоимый другими страстями, надеется преодолеть их покаянием. Если же корабль погрязнет на дно моря, тогда нет уже ему надежды спасения: то же случается и с иноком, когда он впадет в страсть самим делом и когда овладеет им отчаяние».

56. Сказал старец: «Многие и различные роды блудных дел, как сказал Апостол: *Блуд же и всяка нечистота и лихоимство ниже да именуется в вас, якоже подобает святым*»[1]. И говорил старец: «Блуд есть грех, совершенный телом. Нечистота есть осязание любострастное своего и чужого тела, также смехотворство и свободное обращение с другими. Инок должен сохранять непрерывное трезвение, чтоб не ослабеть во внимании, чтоб страсти не нанесли ему какого-либо вреда».

57. Сохрани до смерти то, что скажу тебе, — и спасешься. Первое: понудь себя к поучению в псалмах: это соблюдет тебя от пленения вражеского. Не оставляй правила твоего, чтоб не впасть в руки врагов твоих и чтоб они не поругались тебе. Возлюби всякое злострадание в терпении, и смирятся в тебе страсти твои. Строго наблюдай за собою, чтоб не вменить себя в чем-либо: от этого начнешь плакать о грехах своих. Соблюдай себя от лжи: она изгоняет из человека страх Божий. Исповедуй твоему духовному отцу все помышления твои и дела, соделанные тобою, и помощь Божия осенит тебя. Понудь себя на рукоделие твое, и страх Божий вселится в тебя. Хранись, чтоб не говорить много с женщинами, в особенности с юными, да и не много говори, лишь по крайней нужде. Не имей любви с юным братом. Храни очи свои, чтоб не воззреть на свое тело, когда снимаешь с себя одежды. Не живи в том месте, где ты согрешил пред Богом впадением в блуд, потому что в этом месте покаяние будет для тебя неудобно. Соблюди это заповедание, и верую Богу, спасешься.

---

[1] *А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым* (Еф. 5. 3).

58. Соль — от воды; но когда прикоснется к воде, тает и пропадает. Так и инок: он рожден от жены, но если прикоснется жене, тает, погибает и умирает смертию душевною, если не покается.

59. Брат вопросил старца: «Авва! что мне делать? Я скорблю при продаже рукоделия». Старец отвечал: «Авва Сисой и прочие Отцы продавали свое рукоделие, и это не зазорно. Когда продаешь, скажи однажды цену сосуда и, если хочешь, сто убавить от цены — это твоя воля. Поступая таким образом, будешь спокоен»[1].

60. Тот же брат сказал тому же: «Если я получаю откуда-либо нужное мне, в таком случае велишь ли мне заниматься рукоделием?» Старец сказал: «Если имеешь откуда-либо нужное тебе, то и в таком случае не оставляй рукоделия своего; делай, сколько можешь, только не вдаваясь душою в попечение»[2].

61. Если желаешь получить Царствие Небесное, — возненавидь все земные имения, потому что если будешь сластолюбив и сребролюбив, то не возможешь жить по Богу.

62. Для истинно любящего нестяжание кажется тяжкою одежда, которую он носит, и чаша, которою он пьет воду, — столько он любит беспопечение: ум его занят небесными видениями и размышлением о них.

63. Кто не возненавидит вполне имения своего, тот не возможет возненавидеть душу свою, по заповеди Господа, изображенной в Евангелии.

64. Если ты отрекся мира, то исключительно имей попечение о деле спасения, чтоб тебе найти искомый бисер. Из отрекшихся мира и оставивших мирскую жизнь иные оставили воинство, иные расточили имение убогим, но впоследствии, будучи порабощены своею волею, по причине этого порабощения отпали упования. Ничего нет лютее, как держаться своей воли и жить не по воле Божией. Пристрастные к своей воле вышли из мира сего лицемерно широкими вратами; но посредством малых дверец, то есть посредством воли своей и исполнения похотений своих, очутились опять внутри мира и не возмогли получить Царствия Небесного.

65. Говорили старцы: «Древние отцы не скоро переселялись с места жительства своего; если же переселялись, то по следующим трем причинам: 1) если кто гневался на них напрасно и они не могли примирить его к себе при всем употребляемом старании к примирению; 2) если кого многие прославляли; 3) если случалось кому

[1] Pag. 890. || [2] Pag. 890.

несчастие впасть в любодеяние. По этим трем причинам они оставляли место своего жительства[1].

66. Брат спросил старца: «Авва! что мне делать? я прихожу в уныние от пребывания в келлии моей наедине. Старец отвечал: «Это оттого, что ты еще не узрел ни воскресения, которое надеемся получить, ни мучения в огне неугасаемом. Если бы ты увидел их, то терпел бы, не расслабляясь, и тогда, когда бы келлия твоя была полна червей и ты стоял бы в них по шею»[2].

67. Некоторому великому старцу, проходившему великие подвиги, братия говорили: «Авва! перестань заниматься столь великими трудами, потому что ты уже пришел в изнеможение». Он отвечал им: «Поверьте мне, чада, что и Авраам, увидя великие дарования, уготованные святым, трудящимся Бога ради, будет каяться о том, что он мало подвизался в этой жизни»[3].

68. Говорили Отцы: «Если случится тебе скорбь на том месте, где ты живешь, то не оставляй места во время скорби. Если же поступишь иначе, то куда ни пойдешь, везде найдешь то, от чего бежишь. Претерпи, доколе не пройдет скорбь; тогда поди, куда хочешь, чтоб отшествие твое не причинило соблазна другим и не произвело смущения в живущих в том месте, откуда выходишь»[4].

69. Брат вопросил старца, говоря: «Что делать мне, авва, я не делаю ничего доброго в иночестве моем, но пребываю в лености, ем, пью, сплю, утопаю в скверных мыслях и в развлечении, переходя от дела к делу, от помышлений к помышлениям». Старец сказал ему: «Пребывай в келлии твоей, безмолвствуя и внимая себе, и исправляй по возможности правило твое. Бог благоволит о сем малом делании, совершаемом тобою ныне, так же как благоволил о правиле, совершаемом великим Антонием в пустыне. Верую Богу, что пребывающий в пустыне или келлии ради имени Божия, соблюдая свою совесть, и тот будет в месте отца Антония»[5].

70. Говорили Отцы: «Инок должен до смерти бороться с демоном расслабления и уныния, в особенности же во время молитвы. Если, с помощию Божиею, он исполнит это, то да внимает себе и соблюдает ум свой от помыслов гордыни, потому что говорит Писание: *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии.* Ничего невозможно совершить без помощи Божией. Господь сказал: ***Без Мене не можете творити ничесоже***[6]. Помышляй в себе,

[1] Pag. 900, cap. 26. ‖ [2] Cap. 28. ‖ [3] Cap. 29. ‖ [4] Pag. 901, cap. 32. ‖ [5] Cap. 34. ‖ [6] *...без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15. 5).

что ты земля и пепел, и не возносись мыслию своею: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.*

71. Как древо, пересаждаемое часто с места на место, не может принести плода, так и инок, переходящий часто с места на место[1].

72. Келлия инока подобна печи Вавилонской, в которой три отрока обрели хлад духовный, или подобна столпу облачному, из которого Моисей говорил с Богом[2].

73. Если будешь одержим телесною болезнию, то не малодушествуй по причине этого. Если Господу Богу угодно, чтоб ты немоществовал по телу, то ты — кто, чтоб тебе огорчаться этим? Не Бог ли промышляет о тебе во всем? Неужели ты живешь без Него? И потому: переноси болезнь терпеливо и проси Бога, чтоб Он даровал тебе полезное, то есть чтоб совершалась над тобою воля Его, а ты безмолвствуй в терпении, питаясь тем, что доставится любовию[3].

74. Человеческое покровительство уничтожает все духовное достоинство в монахе и соделывает его вполне бесплодным, если он возложит упование свое на это покровительство[4].

75. Или, бегая, бегай от человеков, или наругайся миру и человекам, принадлежащим миру, в большей части случаев представляя себя юродивым[5].

Объяснение значения, в котором аскетические Отцы употребляли выражение *поругаться* миру, можно видеть в жизнеописании преподобных Симеона и Иоанна[6].

76. Не осуди падшего в любодеяние, если ты чист; потому что, осуждая его, ты, подобно ему, преступаешь закон. Сказавший *не прелюбодействуй* — сказал также: *не осуждай*[7].

77. Недостаточно одних слов для Богоугождения и назидания человеков; нужны дела. Но у человеков нынешнего времени наиболее одни слова. Бог же требует дел, а не одних слов бесплодных[8].

78. Если кто живет в каком-либо месте и не приносит плода, свойственного этому месту, то самое место изгонит его вон как не приносящего плода, требуемого местом[9].

79. Если сделает кто какое дело, последуя своей воле, а потом узнает, что это дело противно воле Божией, то ему должно, как поступившему неправильно в неведении, возвратиться на путь

---

[1] Pag. 902, cap. 36. || [2] Pag. 902, cap. 38. || [3] Pag. 904, cap. 45. || [4] Pag. 909, cap. 23. || [5] Pag. 909, cap. 24. || [6] Четьи-Минеи, 21 июля. || [7] Pag. 911, cap. 10. || [8] Pag. 927, cap. 77. || [9] Pag. 927, cap. 79.

Божий. Кто же упорно держится своей воли, противной воле Божией, не хочет послушаться других, но признает знающим себя: тот не возможет возвратиться на путь Божий[1].

80. Спросили старца: «Что значит путь тесный и прискорбный?»[2] Он отвечал: «Путь тесный и прискорбный состоит в том, чтоб человек отвергал греховные помышления свои и отсекал свою волю ради воли Божией. В этом заключается то, что сказали о себе Апостолы: *Се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом*»[3].

81. Как чин монашеский честнее мирских, так монах странствующий должен служить зеркалом для монахов местных[4].

82. Сказали Отцы: «Если подвижник останется на жительство в таком месте, в котором живут нерадивые, то он лишится возможности преуспевать, неприметным образом нисходя к образу жизни, которым окружен. Крепость подвижника заключается в постоянном усилии, чтоб подвиг его не уменьшился. Если же ленивый будет жить с подвижником, то преуспеет; если же не преуспеет, то, по крайней мере, не низойдет к большему нерадению»[5].

83. Человек, имеющий одни слова, но не имеющий дел, подобен древу, имеющему листья, но не имеющему плодов. Древо, покрытое плодами, украшается и зелению листьев. Так и душеназидательное слово истекает само собою из человека, имеющего добрые дела[6].

84. Осуждаемся мы не за то, что входят в нас помышления греховные, но за злоупотребление ими. По причине помышлений подвергаемся кораблекрушению, и по причине помышлений получаем венцы[7].

85. Не имей близких и частых сношений с мирянами, не имей знакомства с женщиною, не имей свободного обращения с отроком[8].

86. Брат вопросил старца: «Что делать мне? многие помышления беспокоят меня и не знаю, каким образом отразить их». Старец отвечал: «Не борись против всех помыслов, но против одного: потому что все помышления у каждого монаха имеют одну какуюлибо главу. Необходимо рассмотреть, в чем состоит эта глава, и бороться против нее, тогда подавятся и остальные, зависящие от нее помышления»[9].

87. О греховных помышлениях сказал некоторый старец: «Умоляю вас, братия! будем подавлять греховные помышления в самом начале их, подобно тому, как подавляем греховные дела»[10].

---

[1] Pag. 927, cap. 80. ‖ [2] Мф. 7. 14. ‖ [3] Pag. 927, cap. 81. ‖ [4] Cap. 82. ‖ [5] Pag. 927, cap. 83. ‖ [6] Pag. 928, cap. 86. ‖ [7] Cap. 86. ‖ [8] Cap. 87. ‖ [9] Pag. 928, cap. 88. ‖ [10] Cap. 89.

88. Некоторый брат спросил старца: «Как обрести мне Бога? постом ли, или трудами, или бдениями, или милосердием?» Старец отвечал: «Исчисленными тобою добродетелями и рассуждением. Истинно говорю тебе: многие удручили подвигами плоть свою, но, сделав это без рассуждения, отошли из здешней жизни без всякого плода, без всякого приобретения. Наши уста смердят от поста; все Писание мы знаем наизусть; песнопения Давида столько усвоили мы себе, что они сделались как бы нашим произведением; но не имеем того, чего Бог требует от нас, — смирения»[1].

89. Брат сказал некоторому Отцу: «Если случится мне отяготиться сном и я просплю время псалмопения моего, то душа моя, объятая стыдом по этому поводу, уже не хочет исполнять дела своего». Старец сказал на это: «Если случится тебе проспать даже до рассвета, — и в таком случае, когда проснешься, встань, затвори дверь и окна твои, соверши твое правило, потому что Писание говорит от лица человека Богу: *Твой есть день и Твоя есть ночь*[2]. Бог славословится во всякое время»[3].

90. Иной человек, употребив много пищи, еще чувствует позыв на пищу, а иной насыщается немногим количеством пищи; большую имеет мзду тот, кто, поев много, пребывает еще не насытившимся, нежели тот, кто, поев мало, чувствует себя насыщенным[4].

91. Если случится между тобою и ближним какое-либо неприятное слово и ближний начнет отказываться от этого слова, утверждая, что он не говорил его, то не войди в словопрение с ним, не скажи: *ты сказал*, потому что он этим очень смутится[5].

92. Монах не должен даже слушать злоречия, не должен говорить худое о ком бы то ни было, не должен соблазняться ни на кого[6].

93. Если брату, безмолвствующему в келлии, взойдет на сердце какое-либо слово, а брат, обращая это слово в уме своем, не возможет постигнуть слова по причине высоты его и не будет научен Богом, то приступают демоны и превращают пред безмолвником значение слова, как хотят[7].

Замечание — очень важное! Апостол воспрещает *мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати*[8]. Нарушение этого завещания непременно вводит в заблуждение высокоумия и самомнения, в область демонов и в подчинение им. По этой причине для монаха часто бывает очень полезным отречение от знания, не существенно нужного для спасения,

---

[1] Cap. 91. ‖ [2] *Твой день и Твоя ночь* (Пс. 73. 16). ‖ [3] Pag. 931, cap. 98. ‖ [4] Cap. 99. ‖ [5] Cap. 100. ‖ [6] Cap. 102. ‖ [7] Pag. 931, cap. 104. ‖ [8] ...*не думайте* [*о*] [*себе*] *более, нежели должно думать* (Рим. 12. 3).

льстящего более одной любознательности, сводящего с тесного пути смиренномудрия на широкий путь высокомудрия.

94. Сказал старец: «Прежде, когда мы собирались вместе для беседы и говорили о полезном для душ наших, то подымались выше и выше, восходили на небо. Ныне, сходясь, занимаемся пересудами и злоречием, влечем один другого в пропасть»[1].

95. Если наш внутренний человек трезвится, то это трезвение может охранять и внешнего человека. Если же мы не имеем внутреннего трезвения (умной молитвы), то постараемся всеусильно наблюдать за языком нашим[2].

96. Необходимо заботиться о стяжании духовного делания (умной молитвы)[3].

97. Непрестанно должно иметь монаху занятие в келлии своей: если монах упражняется в деле Божием, то диавол, приходя к нему по временам, не находит в нем удобного пристанища для себя. Подобно этому, когда диавол возобладает монахом и поработит его себе, приходит часто Святой Дух к монаху, но, не находя в нем места, по причине порочности его, отходит[4].

98. Сказали старцы: «Если увидишь юношу, последующего своей воле и восходящего на небо, то возьми его за ногу и низвергни на землю, потому что такое восхождение на небо пагубно для него»[5].

99. Пророками написаны книги; после пророков пришли Отцы наши, совершили на деле многое, написанное в пророчествах, и, описав деятельность свою, оставили эти писания для наставления наследникам своим. Наступило нынешнее поколение: оно переписало эти писания на бумаге и пергамине и положило на окна без всякого употребления[6].

100. Говорил старец: «Куколь, который носим, есть образ невинности, клобук на голове и плечах есть знак креста; пояс, которым опоясываемся, есть знак мужества. Итак, будем проводить жительство соответственно значению одеяния нашего: мы никогда не впадем в расслабление, если будем ревностно исполнять требуемое одеянием нашим»[7].

101. Монах должен ежедневно утром и вечером исследовать самого себя, что сделано им согласно и несогласно воле Божией. Поступая таким образом, монах должен проводить жизнь свою в покаянии. Так жил авва Арсений[8].

---

[1] Pag. 931, cap. 105. ‖ [2] Pag. 931, cap. 106. ‖ [3] Cap. 107. ‖ [4] Cap. 108. ‖ [5] Pag. 932, cap. 111. ‖ [6] Pag. 933, cap. 114. ‖ [7] Pag. 933, cap. 115. ‖ [8] Pag. 938, cap. 39.

102. Потерявший золото или серебро может найти вместо потерянного другое[1].

103. Воин и охотник, отправляясь на дело свое, не думают, ни тот, ни другой, получат ли они раны, или останутся невредимы: но каждый из них подвергает опасности жизнь для своей цели. Таков должен быть и монах[2].

104. Никто не может повредить тому, кто находится возле императора: так и сатана нисколько не может повредить нам, если дух наш будет прилеплен к Богу. Говорит Писание: *обратитеся ко Мне, и обращуся к вам*[3]. Но так как мы часто увлекаемся превозношением, — враг легко низвергает окаянные души наши в плотские скверные страсти[4].

105. Брат сказал некоторому старцу: «Никакой брани не вижу в моем сердце». Старец на это: «Ты подобен четверовратной храмине; всякий, хотящий войти в тебя, входит, откуда бы он ни пришел, и всякий, хотящий выйти, выходит, куда хочет, а ты не понимаешь, что делается в тебе. Если б твои двери затворялись и запирались и ты не позволил бы посредством их входить в тебя помышлениям греховным, тогда бы ты увидел стоящих вне и борющихся с тобою»[5].

106. Некоторому старцу говорили помышления его: оставь сегодня; завтра займешься принесением покаяния. Он отвечал помышлениям: «Нет! сегодня займусь принесением покаяния, а завтра — что Господь устроит по воле Своей»[6].

107. Если не будем осторожно вести себя по внешнему человеку, то не возможем сохранить и внутреннего человека[7].

108. Три силы сатаны предшествуют всем грехам: первая — забвение, вторая — нерадение, третья — греховное вожделение. От забвения рождается нерадение, от нерадения — преступное вожделение; человек, увлеченный греховным вожделением, падает. Если ум столько будет трезвен, что воспротивится забвению, то он не впадет в нерадение; если не вознерадит, то не подчинится вожделению; если не подчинится вожделению, то никогда не падет, вспомоществуемый благодатию Христовою[8].

109. Постарайся приучиться молчанию, не помышляй ни о чем суетном, занимайся внимательно в страхе Божием поучением твоим (умною молитвою) и в бодром состоянии, и успокаиваясь сном. Совершая это, не убоишься нападения лукавых[9].

---

[1] Pag. 939, cap. 40. ‖ [2] Pag. 939, cap. 41. ‖ [3] *...обратитесь ко Мне... и Я обращусь к вам* (Зах. 1. 3). ‖ [4] Pag. 939, cap. 42. ‖ [5] Cap. 43. ‖ [6] Cap. 44. ‖ [7] Cap. 45. ‖ [8] Pag. 939, cap. 46. ‖ [9] Cap. 47.

110. Сказал старец некоторому брату: «Диавол есть враг твой, а ты — дом. Враг не престает бросать в тебя всякий сор, какой бы ни нашел, ввергая в тебя всевозможные нечистоты. Но ты тщательно извергай из себя влагаемое им; если же вознерадишь, то дом твой наполнится сором и тебе невозможно будет войти в него. С самого начала, когда диавол начнет засорять тебя, ты постепенно выкидывай сор, и дом твой пребудет чистым благодатию Христовою»[1].

111. Когда завяжут животному глаза, тогда оно ходит по колесу мельничному; если же не завязать ему глаз, то оно не будет ходить по колесу; таким образом и диавол, если возможет закрыть очи у человека, то ввергает его во все виды греха. Когда у человека глаза открыты, он удобно избегает козней диавола[2].

112. Брат, безмолвствовавший в келлии, пришел к одному из Отцов и исповедал ему о побеждении своем помыслами. Старец сказал на это: «Ты поверг на землю великое оружие — страх Божий — и взял в руки слабую тростниковую ветвь — препирательство с греховными помышлениями! Оставь ее, вооружись огненным мечом — страхом Божиим, и когда приблизятся к тебе греховные помышления, то огонь страха Божия попалит их, как хворост. Страсти не могут преодолеть тех, которые имеют в себе страх Божий»[3].

113. Если прежде не возненавидишь, то не возможешь возлюбить. Если не возненавидишь грех, то не возможешь быть делателем правды, как говорит Писание: *уклонися от зла, и сотвори благо*[4]. Для всего этого требуется произволение. Адам, находясь в раю, преступил заповедь Божию, а Иов, сидя на гноище, сохранил ее: из этого следует, что Богом взыскуется от человека благое произволение, чтоб человек постоянно сохранял в себе благое произволение[5].

114. Прилежная молитва скоро исправляет ум[6].

115. Как невозможно видеть лицо свое в возмущенной воде, так невозможно и душе, если она не очистится от чуждых помышлений, достичь духовной молитвы[7].

Духовною молитвою называется молитва благодатная, когда ум, по причине чистоты своей и всецелого устремления к Богу, сподобится соединиться Святому Духу и вступить под водительство Святого Духа[8].

---

[1] Cap. 48. ‖ [2] Pag. 939, cap. 49. ‖ [3] Pag. 949, cap. 53. ‖ [4] *Уклоняйся от зла, и делай добро* (Пс. 36. 27). ‖ [5] Pag. 910, cap. 54. ‖ [6] Pag. 943, cap. 12. ‖ [7] Cap. 13. ‖ [8] Святой Исаак Сирский. Слово 16.

116. Говорили старцы: «Если брат имеет доверенность к старцу и вдаст себя ему в послушание, с такого брата уже не взыскивается исполнение заповедей Божиих по его разумению, но он должен отречься от всей воли своей пред своим духовным отцом: повинуясь во всем, он не может согрешить пред Богом»[1].

117. Сказал старец: «Бог требует от христиан, чтоб каждый из них повиновался Священному Писанию, из Писания почерпал образы (форму) для слов и дел своих и единомудрствовал с православными пастырями и Отцами»[2].

118. Говорили старцы: «Бог ничего так не требует от новоначальных в монашеском жительстве, как подвига послушания»[3].

119. Старец сказал: «Когда придет тебе помышление гордости или превозношения, — ты исследуй совесть твою: сохраняешь ли все Божественные заповеди? любишь ли врагов твоих? радуешься ли, когда возвышается и прославляется человек, действующий против тебя? огорчает ли тебя унижение его? Признаешь ли себя *рабом неключимым*[4]? признаешь ли себя грешнейшим всех грешников? Если же, в противоположность этому, ты находишься в таком настроении, что готов всех учить и исправлять, то знай, что это настроение духа разрушает все твои добродетели»[5].

120. Не вознеси сердца твоего над братом твоим, что ты выше его, трезвеннее, воздержнее, разумнее; будь покорен благодати Божией в духе нищеты и нелицемерной любви; не будь напыщен духом гордости, чтоб не потерять тебе труда твоего; будь осолен духовною солию во Христе[6].

121. Почитаемый и похваляемый превыше достоинства своего терпит от этого вред. Но тот, кого человеки вовсе не хвалят, прославится Богом[7].

122. Брат спросил старца: «Хорошо ли постоянно пребывать в покаянии?» Старец отвечал: «Видим, что когда Иисус, сын Навинов, пал лицом на землю, тогда явился ему Бог»[8].

123. Старец на вопрос, почему так беспокоят нас бесы, отвечал: «Потому что мы отвергли оружие наше, самоукорение, смирение, нищету и терпение»[9].

124. Старец на вопрос, в чем заключается смирение, отвечал: «В том, если простишь брату, согрешившему против тебя, прежде нежели он попросит у тебя прощения»[10].

---

[1] Pag. 950, cap. 12, ‖ [2] Pag. 950, cap. 13. ‖ [3] Cap. 15. ‖ [4] См.: *...рабы, ничего не стоящие* (Лк. 17. 10). ‖ [5] Pag. 963, cap. 54. ‖ [6] Cap. 55. ‖ [7] Pag. 964, cap. 56. ‖ [8] Cap. 57. ‖ [9] Cap. 58. ‖ [10] Cap. 60.

125. Во всяком искушении не обвиняй человеков, но единственно себя самого, говоря: «Это случилось со мною за грехи мои»[1].

126. Сказал старец: «Никогда я не нарушал моего чина, *не ходих в высоких паче мене*; постоянно углубленный в смирение, я никогда не подвергался смущению; все помышления мои сосредоточивались в молитве к Богу, чтоб Он совлек с меня ветхого человека»[2].

127. Некоторый брат спросил старца: «Что есть смирение?» Старец отвечал: «Смирение состоит в том, чтоб делать добро тем, которые делают нам зло». Брат возразил: «Если человек не достиг той меры, чтоб мог исполнить это, — что ему делать?» Старец сказал: «Да бегает людей, избрав в свой подвиг молчание»[3].

128. Говорили старцы: «Когда подвергаемся искушениям, тогда должны более смиряться, потому что Бог, зная немощь нашу, покроет нас. Если будем возноситься, то Бог отымет от нас помощь Свою и мы погибнем»[4].

129. Сказал старец: «Лучше люблю побеждение со смирением, нежели победу с гордостию»[5].

130. Не имей презрения к предстоящему тебе, потому что не знаешь, на ком почивает Святой Дух, на нем ли или на тебе. Предстоящим называю того, кто служит тебе[6].

131. Брат спросил старца: «В чем заключается преуспеяние человека?» Старец отвечал: «Преуспеяние человека заключается в смирении. Сколько кто погрузится в смирение, столько возвысится в преуспеянии»[7].

132. Сказал старец: «Если кто, смиряясь, скажет *прости меня,* тот опаляет демонов-искусителей»[8].

133. Сказал старец: «Если стяжешь молчание, не подумай, что ты стяжал какую-либо добродетель, но скажи: я молчу, потому что недостоин говорить»[9].

134. Сказал старец: «Лучше желаю учиться, нежели учить». Также сказал: «Не начни учить преждевременно, иначе во все время жизни твоей пребудешь недостаточным по разуму»[10].

135. Некоторый старец, будучи спрошен, что есть смирение, отвечал: «Смирение — дело великое и Божественное. Путь же к смирению состоит в том, чтоб человек возложил на себя иго телесных трудов, чтоб считал себя грешником, чтоб признавал себя низшим всех». Брат спросил: «Что значит быть *низшим всех*?» Старец отвечал: «Быть низшим всех — значит не обращать внимания на

[1] Cap. 61. ‖ [2] Pag. 964, cap. 62. ‖ [3] Cap. 63. ‖ [4] Pag. 965, cap. 67. ‖ [5] Pag. 966, cap. 74. ‖ [6] Cap. 75. ‖ [7] Pag. 966, cap. 77. ‖ [8] Pag. 967, cap. 78. ‖ [9] Cap. 79. ‖ [10] Cap. 81.

согрешения ближних, взирать непрестанно на свои согрешения и непрестанно молиться Богу»[1].

136. Брат сказал старцу: «Укажи мне на какое-либо дело, исполняя которое я мог бы при посредстве его стяжать жизнь». Старец на это: «Переноси благодушно, если возможешь, оскорбления. Подвиг этот велик, он выше всех добродетелей»[2].

137. Кто терпеливо переносит презрение, бесчестие и убыток, тот может спастись[3].

138. Не имей короткого знакомства с настоятелем и частых свиданий с ним: из этого рождается дерзость и желание начальства[4].

139. Некоторому старцу сказали о том, что иные сподобляются видеть Ангелов. На это старец сказал: «Блаженны те, которые непрестанно видят грех свой»[5].

140. Спросил некто старца: «Почему имеющиеся ныне между монахами подвижники не получают благодатных даров подобно древним?» Старец отвечал: «Потому что тогда была любовь, и каждый подымал ближнего своего вверх; ныне любовь охладела и каждый влечет ближнего своего вниз. По этой причине мы не удостаиваемся получить благодати».

141. Сказал старец: «Я никогда не желал дела, полезного мне и неполезного брату моему, верую, что приобретение брата моего есть мое приобретение»[6].

142. Слова Писания *за три нечестия Тирова и за четыре не отвращуся его*[7] имеют следующее значение: помышлять о грехе, соглашаться с помышлением, выражать словом греховное помышление; четвертое же — исполнить это помышление делом. В последнем случае уже не отвращается гнев Божий[8].

143. Писание говорит: *праведник яко финикс* (пальма) *процветет*[9]. Этим изречением изображается, что плод добрых дел высок, прям и сладок. В пальме одна сердцевина, и вся внутренность ее белая: то же обретаем и в праведнике. У него несложное, простое сердце, всецело устремленное к Богу. Белизне тела пальмы подобно в нем осияние веры. Все делание праведного — внутри его сердца; там и меч его для сражения с диаволом[10].

144. Суманитяныня приняла Елисея по той причине, что не имела расположения пристрастного ни к какому человеку. Суманитя-

---

[1] Cap. 82. ‖ [2] Pag. 967, cap. 83. ‖ [3] Cap. 84. ‖ [4] Cap. 85. ‖ [5] Pag. 968, cap. 87. ‖ [6] Pag. 977, cap. 24. ‖ [7] *...за три преступления Тира и за четыре не пощажу его* (Амос. 1. 9). ‖ [8] Pag. 993, cap. 4. ‖ [9] *Праведник цветет, как пальма* (Пс. 91. 13). ‖ [10] Pag. 993, cap. 6.

ныня есть образ души, а Елисей есть образ Святого Духа. Когда душа отступит от смешения с миром и его попечений, тогда приходит к ней Дух Божий, и она, доселе бесплодная, соделывается способною к чадорождению[1].

145. Некоторый брат спросил старца, должно ли ему употреблять пищу вместе с братиями, которых он намеревается посетить? «Вместе с женщиною, — сказал старец, — не позволяй себе употреблять пищу»[2].

146. Сказал старец: «Человек, имеющий смерть пред очами, постоянно побеждает уныние»[3].

147. Хранящий в душе своей памятозлобие подобен тому, кто хранит огнь в соломе[4].

148. Спросил брат старца: «Что значат грехи?» Старец отвечал: «Грехи значат, когда человек свои нарушения закона считает за ничто и покушается учить других. Такому сказал Господь: *Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего*»[5].

149. Говорили старцы: «Когда Моисей входил в облако, то говорил с Богом; когда же выходил из облака, то говорил с народом; так и монах, когда находится в келлии своей, то беседует с Богом; когда же выйдет из келлии, то приступают к нему демоны»[6].

150. Сказал старец другому старцу, имевшему любовь и занимавшемуся страннoприимством как монахов, так и мирян: «Лампада светит многим, но для этого нужно, чтоб ее светильня была возжжена»[7].

151. Некоторый брат спросил старца: «Авва! окажи любовь, дай мне наставление, что мне собрать в юности моей, чтоб иметь в старости?» Старец отвечал: «Или приобрести Христа, и Он будет промышлять о тебе, или деньги, чтоб тебе не бедствовать от нищеты. От тебя зависит избрать или Господа Бога, или мамону»[8].

152. В Писании не сказано о нищем Лазаре, чтоб он имел какую-либо добродетель: видно только то, что он никогда не роптал на богача, но с благодарением носил бремя нищеты своей. За это Лазарь принят на лоно Авраама[9].

153. Нам не должно иметь никаких помышлений, кроме помышлений страха Божия. Если кто принужден будет озаботиться

[1] Pag. 994, cap. 7. ‖ [2] Pag. 1018, cap. 19. ‖ [3] Pag. 1019, cap. 22. ‖ [4] Cap. 25. ‖ [5] *Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, [как] вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7. 5). Pag. 1019, cap. 28. ‖ [6] Pag. 1020, cap. 33. ‖ [7] Pag. 1025, cap. 2. ‖ [8] Pag. 1029, cap. 3. ‖ [9] Pag. 1030, cap. 1.

о потребностях тела, никак не должен попустить себе размышления об этом прежде времени[1].

154. Гнев возбуждается по четырем причинам: по причине скупости, выражающейся в даянии и принимании, и похищении чужого; и если кто любит защищать собственное мнение; и если кто хочет удостоиться почестей; и если кто хочет быть учителем, думая о себе, что он разумнее всех. Гневом омрачается ум человека в следующих четырех случаях: если человек имеет ненависть к ближнему своему, если ставит его за ничто, или если завидует ему, или если худо говорит о нем. В доказательство этого привожу изречение святого евангелиста Иоанна Богослова: *ненавидяй брата своего во тме есть, и во тме ходит, и не весть, камо идет, яко тма ослепи очи ему*[2]. Страсть гнева выражается четырьмя образами: во-первых, в сердце, во-вторых, на лице, в-третьих, языком, в-четвертых, делом. Если кто возможет перенести зло настолько, чтоб оно не вошло в сердце, то страсть гнева не изобразится и на лице. Если ж она у кого выразится на лице, тот да сохранится, чтоб не выразить ее языком. Кто выразит ее языком, тот по крайней мере да удержится, чтоб не выразить ее на деле, да потщится немедленно извергнуть из сердца. Человеки бывают трех устроений по отношению к страсти гнева. Кто произвольно не делает вреда никому, не поносит противников своих и щадит ближнего своего, тот действует по естеству, обновленному Христом. Кто другим не вредит, но вместе не хочет, чтоб и ему делали зло, тот подобен Адаму. Кто же вредит другим, кто бесчестит ближних, кто вводит их в напасти, или кто требует лихвы, тот подобен диаволу[3].

155. Насколько человек погрузится в смирение, настолько преуспеет и вознесется. Гордость, если б приблизилась к небу, то низводится даже до ада; так, напротив, смирение, если б низошло до ада, — оттуда возводится даже до неба[4].

156. Подвиг без смирения суетен. Смирение — предтеча любви. Как Иоанн был предтечею Иисуса и всех привлекал к Иисусу, так и смирение привлекает к любви, то есть к Самому Богу, потому что Бог есть любовь[5].

157. Некоторый брат спросил у старца: «Что есть смирение?» Старец отвечал: «Древо жизни, возрастающее до небес»[6].

---

[1] Pag. 1030, cap. 2. ‖ [2] *А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза* (1 Ин. 2. 11). ‖ [3] Pag. 1030, cap. 1. ‖ [4] Pag. 1036, cap. 5. ‖ [5] Pag. 1036, cap. 7. ‖ [6] Pag. 1036, cap. 8.

158. Некоторого старца спросили: «Каким образом душа может стяжать смирение?» Он отвечал: «Если она будет смотреть только на свои грехи». Этот старец говорил: «Совершенство человека — смирение»[1].

159. Некоторый брат сказал старцу: «Помышление мое говорит мне, что я хорош». Старец отвечал: «Невидящий грехов своих всегда признает себя хорошим (благим); тому же, кто видит свои грехи, не может прийти помышление, что он хорош: потому что он признает себя таким, каким видит. Нужно много трудиться каждому, чтоб увидеть себя: нерадение, неведение и расслабление ослепляют очи сердца»[2].

160. Монах тогда сделается свободным от всего, когда прилежит единственно благим деланиям (иноческому умному деланию). Диавол, приходя к нему и находя его в занятии благим деланием, не находит себе места в нем и отступает от него. Если же монах занят чем-либо суетным и греховным, то диавол начинает часто приходить к нему, нападает на него, низвергает в худшее[3].

161. Великий старец сказал: «Нисколько не преуспевает и не стяжевает постоянного, истинного покаяния тот монах, который в течение нескольких дней подвизается, а потом впадает в расслабление, потом снова подвизается и снова позволяет себе нерадение»[4].

162. Человек дотоле трудится, доколе стяжет в себе Христа. Однажды навсегда стяжавший Его уже находится вне опасности. Однако ему предоставляется трудиться, чтоб он, вспоминая подвиг в состоянии смущения от страстей, всячески охранял себя, страшась потерять плод толиких трудов. И сынов Израиля Бог водил по пустыне в течение сорока лет, чтоб они, вспоминая тяжесть путешествия, не захотели возвратиться назад[5].

163. Некоторый брат спросил старца: «Каким образом трудятся ищущие получить прощение в грехах своих?» Старец отвечал: «Прежде нежели осенит их благодать, которая подвизается и своим подвигом заменяет их подвиг, они находятся в труде; бледностию покрыты лица их. Цветут уже те, которых осенила благодать Христова за совершенное ими покаяние; души их находятся в радости; лица их светлы, как солнце, когда оно не закрыто облаками и сияет. Когда солнце покроется облаками, тогда погода делается пасмурною; такою делается и душа, когда помрачают ее страсти

[1] Pag. 1036, cap. 10. ‖ [2] Pag. 1038, cap. 4. ‖ [3] Pag. 1049, cap. 3. ‖ [4] Pag. 1039, cap. 1. ‖ [5] Pag. 1050, cap. 1.

и искушения. Душа, очищенная благодатию Божиею, сияет, по свидетельству Писания: *велия слава его спасением Твоим*»[1].

164. Тот же старец сказал: «Святые мужи хотя и трудятся здесь; однако имеют и некоторый покой, потому что они свободны от попечений сего мира»[2].

165. Монаху не должно любопытствовать, каков тот или как живет другой; потому что такими изысканиями и таким любопытством он отвлекается от молитвы в рассеянность и многословие. По этой причине молчание лучше всего[3].

166. Великий старец имел обычай говорить ученику своему: «Если понуждаешь себя к молчанию, то не думай, что совершаешь добродетель, но признавай себя недостойным говорить»[4].

167. Брат спросил старца: «Отец, доколе должно сохранять молчание?» Старец отвечал: «До того времени, как спросят тебя. Если будешь молчалив, то во всяком месте сохранишь мир душевный»[5].

168. Странничество ради Бога хорошо, когда ему споспешествует молчание, потому что странничество, соединенное с свободным обращением, не есть странничество[6].

169. Брат спросил великого старца: «Бог, на всем пространстве Писания, обетовал блага душе; каким же образом душа не хочет пребывать в добре, этом условии получения благ, но уклоняется в преступления, в падения и нечистоту?» Великий отвечал: «Не вкусивший еще сладости небесной, влагающей всецелое стремление к Богу в сердце, обращается к нечистотам. Но кто может открыто сказать о себе: *скотен бых у Тебе, и аз выну с Тобою*?»[7]

170. На пути, по которому ходят и ездят, не растет никакой травы, хотя бы тут и посеяны были семена, так как это место непрестанно утаптывается; и в нас не возрастают добродетели, когда мы преданы развлечению, будучи попираемы развлечением, производимым тленными страстями. Устранись от всякого парения, тогда увидишь добродетели возрастающими в тебе.

171. Некоторый брат пошел к искусному старцу и сказал ему: «Авва! я скучаю, пребывая в пустыне». Старец сказал ему: «Чадо! живи и безмолвствуй в келлии твоей; молись часто, и Бог поможет тебе, подаст силу и спокойствие».

172. Брат спросил старца: «Хорошо ли жить в пустыне?» Старец сказал: «Сыны Израилевы, когда оставили дела египетские и вышли

---

[1] *Велика слава его в спасении Твоем* (Пс. 20. 6). Pag. 1050, cap. 2. || [2] Cap. 3. || [3] Cap. 2. || [4] Pag. 1051, cap. 1. || [5] Cap. 3. || [6] Pag. 1051, cap. 3. || [7] *...как скот был я пред Тобою. Но я всегда с Тобою* (Пс. 72. 22, 23).

в пустыню, тогда узнали, как должно бояться Бога. Равным образом и корабли, доколе находятся среди волн моря, остаются без производства купли; когда же придут в пристань, тогда производят торговлю. Так и инок, если не претерпит в одном месте, то не получит познания истины: Бог предпочел молчание всем делани-ям. *На кого воззрю,* говорит Писание, *точию на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих*».— Брат сказал: «Как возможет кто жить наедине?» Старец отвечал ему: «Воин, если прежде не будет подвизаться со многими, то не возможет научиться искусству побеждать и бороться с супостатом на поединке; так и инок, если не научится прежде жить с братиею и не навыкнет искусству, как отгонять помыслы и блюсти ум свой, то не возможет жить наедине и сопротивляться всем помыслам». Опять брат вопросил старца: «Что должен делать человек, чтоб стяжать добродетели?» Старец отвечал: «Если кто хочет научиться какому-либо художеству, тот оставляет всякое другое дело, внимает только одному этому художеству и пребывает при учителе своем, смиряясь и повинуясь со многим терпением; таким образом он научается художеству. Так и инок, если не оставит попечений человеческих, не уничижит и не смирит себя так, чтоб никогда не думать о себе, что он лучше кого или равен кому, то не может стяжать ни одной, ниже малейшей добродетели. Если же смирит себя во всяком деле, тогда добродетели приходят сами собою и бывают крепки».

173. Согрешивший должен отлучить себя от всякой любви человеческой, доколе не известится, что Бог принял его покаяние: любовь мира сего отлучает от любви Божией.

174. Как кто-либо, умерший в городе, уже более не слышит ни голоса, ни молвы, ни беседы человеческой, но, однажды умерши, уходит в другое место, где нет ни голосов, ни молвы, так и инок, облекшись в святой образ и отрекшись сего мира, должен оставить родителей своих и сродников, уйти в место, где нет ни развлечения, ни смущения, производимых суетным миром. Если же он, отрекшись, не уйдет из города своего или села, то уподобляется мертвецу, лежащему в храмине и смердящему, от которого отвращаются и которым гнушаются обонявающие зловоние его. Бог отвращается от иноков, живущих в миру с родителями и сродниками.

175. Мясо, если не будет хорошо посолено, то согнивает, и все отвращают от него лица свои, чтоб не обонять его запаха; так и инок, прилепляющийся к земным вещам, вдающийся в развлечение мира

и не пребывающий в своей келлии, что ограждало бы его страхом Божиим, согнивает, как не осоленный: отвращается от него Бог и Ангелы Его. Когда же инок прибегнет к Богу, отвратится от мирской молвы и уверит себя, что Бог может пропитать его, тогда посылается ему духовная соль, приходит к нему Дух Божий, всеблагой и человеколюбивый, и страсти бегут от него.

176. Не должно иноку входить в попечение о садах благоветвенных, о источниках благоструйных, о огородах со всяким овощем, о покоях украшенных; не должно быть ему торговцем; не должно ему занимать ум свой стадами овец и чредами волов; напротив того, он должен иметь житие безмолвное, ангельское; должен непрестанно славословить и благодарить Бога; проходить путь жизни сей странником; быть чуждым всякой плотской любви. Если же, ослабев, он приблизится к плотским вещам, то не возможет быть возлюбленным Богу, ниже избежать поношения человеческого. Будут тревожить его споры о нивах, о селах, о межах, о границах, о красных зданиях, о вертоградах, о властях и началах. Все это бывает причиною его смущения: и раб он стад, и печалится о повреждении огородов и садов, и умножить их желает. Таким образом, он пребывает всегда в смущении от многого развлечения и всегдашней молвы, и должен он призывать князей к себе на помощь для уставления своих желаний. Какая польза иноку, отрекшемуся сего мира, опять развлекаться предметами мира? Сказал Апостол: *никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет*[1]. Итак, оставим греховный сребролюбивый нрав и все, что погружает и потопляет ум наш, низводя душу во дно адово; отложим бремя греховное, чтоб и кормчий — ум наш с пловцами — помыслами — возмог безмолвно достигнуть пристанища.

Это наставление относится к частной жизни инока, а не к хозяйству общежительных монастырей, которое, впрочем, должно удовлетворять нуждам монастыря, а не прихотям и тщеславию[2].

177. Если часто отверзаются двери в покое, то удобно выходит из него теплота. Так и душа, когда будет много говорить, хотя бы говоримое было и доброе, теряет теплоту свою дверями слова. Почему хорошо и полезно молчание в разуме, когда занимается помышлениями премудрыми и душеспасительными.

---

[1] *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтоб угодить военачальнику* (2 Тим. 2. 4). ‖ [2] Преподобный Нил Сорский. Предание.

Очевидно, здесь предлагается умное делание, в котором главное место занимают умная молитва и плач сердца при воспоминании о смерти, о Суде Божием, о вечной муке ада и о вечном блаженстве рая.

178. Брат вопросил старца: «Как должно безмолвствовать в келлии своей?» Старец отвечал ему: «Безмолвствовать в келлии своей значит повергать себя ежечасно пред Богом, наблюдать за помыслами, всеваемыми от врага; в этом состоит бегство от мира». Брат спросил: «Что есть мир?» Старец отвечал: «Мир состоит в деянии нижеестественном и в исполнении своей воли; мир — когда кто печется о теле более, нежели о душе, и хвалится имением. Сказал Апостол, возлюбленный ученик: *не любите мира, ни яже в мире*».

179. Безмолвствующий должен ежечасно истязывать себя: прешел ли он удерживающих его на воздухе? освободился ли от них, находясь еще в теле? или еще в чем повинуется и работает им и еще не освобожден?

180. Старец сказал: «Желающий безмолвствовать должен поселиться или в пустыню, или в лавру, где много братий. Если же он поселится в месте близком и малоудаленном, то впадает в большое развлечение. Когда кто, посетив такое место, и, не имея где успокоиться, придет к нему и скажет: *мне негде успокоиться*, а также и многие будут приходить и говорить так, то от пришествия странных по необходимости безмолвствующий инок будет впадать в развлечение. Если ж будешь жить близ других братий, то и в таком случае, когда не примешь странника, мысль твоя пребудет без смущения, потому что он может найти себе успокоение у другого брата. И так во множестве братий ты будешь иметь покой и возможность сохранить безмолвие свое о Господе.

181. Пребывать в келлии и воспоминать непрестанно Бога — вот темница! О ней-то сказано: *в темнице бех, и посетисте Мене*[1].

182. Брат вопросил старца: «Что есть молчание? и какая его польза?» Старец сказал ему: «Молчание состоит в том, чтоб пребывать в келлии со страхом и разумом Божиим, отвращаясь злопомнения и высокоумия. Такое молчание рождает прочие добродетели и соблюдает инока от разжженных стрел вражиих, не допуская его быть уязвленным ими. О безмолвие — лествица к небу! О безмолвие — мать умиления! О молчание — просвещение души! О молчание — собеседование Ангелам! О молчание — озарение сердца! О молчание — родитель всего доброго, крепость для поста,

[1] См.: *...в темнице был, и вы пришли ко мне* (Мф. 25. 36).

узда для языка, воздержание для чрева! О безмолвие — праздность, способствующая заниматься молитвою и чтением! О безмолвие, пекущееся только о себе, всегда беседующее со Христом, непрестанно имеющее пред очами смерть и соблюдающее светильник неугасающим. Любя безмолвие, мы непрестанно поем: *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!*»[1]

183. О умном делании двенадцати отшельников.

Однажды мудрые, святые и духовные отшельники, числом двенадцать, сошлись вместе и просили друг друга поведать, какое каждый из них имеет поучение в келлии своей и каким духовным деланием объемлется ум.

Первый, который был и старейшим между ними, сказал: «Братия! я, с того времени, как начал безмолвствовать, вполне распял самого себя для всех внешних дел, вспоминая изречение Писания: *расторгнем узы их и отвержем от нас иго их*[2]. Как бы устроив стену между умом моим и деяниями вещественными, я сказал самому себе: как тот, кто окружен отвсюду стеною, не видит стоящих вне, так и ты не обращай внимания ни на что внешнее, ежедневно содержа себя в надежде Божией. К греховным помышлениям и греховным вожделениям имей такой залог сердечный, как бы к породе змей и скорпионов. Если когда почувствую, что они начинают возникать в сердце моем, то устремляюсь против них с решительным противоречием и с гневом, истребляю их и не престаю гневаться на тело и душу мою, чтоб они не сделали чего-либо неправедного».

Второй: «Я сказал сам себе в тот день, как отрекся от земли: сегодня ты возрожден; сегодня ты начал служить Богу; сегодня отказался от здешней жизни; будь же ежедневно странником, ожидая на следующий день освобождения. Это завещаю я себе ежедневно».

Третий: «Я восхожу рано к Богу моему: воздавая поклонение Ему, я повергаюсь на лицо мое и исповедую согрешения мои. Совершив поклонение Богу, я обращаюсь с молитвою к Ангелам, прося их, чтоб они умоляли Бога о мне и о всем создании. Исполнив это, я иду к адской бездне и делаю то, что делали иудеи, приходя в Иерусалим, терзая себя, проливая слезы и испуская стенания о падении отцов своих; так и я, осматривая падение человечества и последствия этого падения, удручаю мое тело и плачу с плачущими».

Четвертый: «Я расположением души моей подобен сидящему на горе Елеонской с Господом и учениками Его. Я сказал сам себе:

---

[1] Пс. 107. 2. || [2] *«Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их»* (Пс. 2. 3).

не будь знаком ни с кем знакомством по плоти, но будь непрестанно с учениками Господа и подражай небесному жительству их; сиди у ног Иисуса, как сидела у них Мария, внимая словам Его. *Будите совершени,* говорит Он нам, *якоже Отец ваш Небесный совершен есть*[1], *и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*[2]».

Пятый: «Я смотрю на Ангелов, восходящих и нисходящих для призвания душ из этой жизни в вечность, и непрестанно ожидаю кончины моей, говоря: *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое*»[3].

Шестой: «Я законоположил себе ежедневно слышать слова Господа, которые — представляется мне — Он говорит: Подвизайтесь ради Меня, и Я упокою вас; немного поборитесь здесь с грехом, и узрите спасение Мое и славу Мою; если вы любите Меня, если вы — сыны Мои, обратитесь с молитвою к Отцу; если вы — братия Мои, потерпите ради Меня что-нибудь, как Я потерпел за вас многое; если вы — овцы Мои, последуйте страданиям Господа вашего».

Седьмой: «Я тщательно поучаюсь в вере, надежде и любви и непрестанно собеседую с собою о них, чтоб по причине надежды всегда радоваться, по причине любви никому не нанести оскорбления, по причине веры пребывать в мужестве».

Осьмой: «Я пребываю в ожидании диавола, рыкающего и ищущего кого поглотить[4]; стараюсь усмотреть его душевными очами на всех путях его и призываю в помощь против него Господа Бога моего, чтоб козни диавола оставались без последствий и он не возмог бы ничего совершить, особливо в боящихся Бога».

Девятый: «Я ежедневно созерцаю духовный храм духовных добродетелей и Господа славы посреди их, разливающего на них сияние. Вышедши из этого храма, восхожу на небо, созерцаю удивительную красоту Ангелов, внимаю хвалениям и сладчайшим песнопениям, которые они непрестанно воссылают Богу, наслаждаюсь звуками и гласами и изяществом славословия, и невольно приходит на память изречение Писания: *Небеса поведают славу Божию, творение руку Его возвещает твердь*[5]. Тогда все, что на земле, вменяю в пепел, в смрадную нечистоту».

Десятый: «Я созерцаю Ангела-хранителя моего, присутствующего со мною, и храню себя, вспоминая сказанное в Писании: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не*

[1] *...будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный* (Мф. 5. 48). ‖ [2] *...и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11. 29). ‖ [3] Пс. 107. 1. ‖ [4] 1 Пет. 5. 8. ‖ [5] *Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь* (Пс. 18. 2).

подвижуся[1]. Таким образом я пребываю исполненным страха к Ангелу-хранителю моему как находящемуся на страже путей моих, как ежедневно восходящему к Богу с подробным отчетом о делах и словах моих».

Одиннадцатый: «Я как бы олицетворяю добродетели, как то: воздержание, чистоту, благость, любовь; они как бы присутствуют во мне и окружают меня; затем, куда ни пойду, говорю сам себе: *где спутницы твои*? Имея их всегда с собою, не впадай в двоедушие и малодушие; говори и делай одно угодное им, чтоб они нашли в тебе успокоение себе и после смерти твоей засвидетельствовали об этом пред Богом».

Двенадцатый сказал: «Вы Отцы, имея небесное жительство, имеете и мудрость небесную. Что дивного? Вы вознесены деланием вашим и *ищете вышних*. Добродетелию вашею вы преселены с земли; вы всецело отделились от нее. Что сказать мне? Если скажу, что вы земные Ангелы и небесные человеки, то не погрешу. Духовных состояний ваших я не достоин; куда ни пойду, вижу, что грехи мои всегда предшествуют мне и окружают меня со всех сторон. И потому я присудил себя во ад, сказав себе: будь с теми, с которыми ты достоин быть, к которым ты сопричислишься по прошествии краткого времени. Вижу во аде одни стенания и непрестающие слезы, горечи которых никто не может передать словами. Вижу там скрежещущих зубами, страждущих всем телом, объятых трепетом с головы до ног, — и, упав лицом на землю, объемля персть, умоляю Бога, чтоб не допустил меня опытно узнать положение адских узников. Вижу и огненное море, кипящее, неизмеримое, волнующееся и ревущее; огненные волны, кажется, восходят до небес. Вижу в этом страшном море бесчисленное множество ввергнутых в него человеков; их голоса слились в один голос, в один вопль, в одно рыдание; такого рыдания и вопля никто никогда не слыхал на земле. Все эти человеки горят подобно тростнику и плевелам, но милосердие Божие отвращается от них за неправды их. Тогда я оплакиваю весь род человеческий, которому не дерзает никто говорить о спасении, который не внимает никому, потому что весь мир лежит во зле. Это составляет поучение для ума моего! духовное делание мое есть плач, по завещанию Господа[2]. Признаю себя недостойным неба и земли и пребываю в состоянии, которое изображено Писанием: *быша слезы моя хлеб день и нощь*[3]».

---

[1] *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь* (Пс. 15. 8). ‖ [2] Мф. 5. 4. ‖ [3] *Слезы... были для меня хлебом день и ночь* (Пс. 41. 4).

Таково было собеседование двенадцати премудрых и духовных Отцов[1].

Состояние в духовном отношении каждого из этих двенадцати Отцов было состояние духовного видения, являющееся в христианине по очищении его от страстей. Вводится человек в это состояние Божественною благодатию. Состояние духовного видения сокрыто от плотских умов непроницаемою завесою; отъемлется постепенно эта завеса покаянием. Если б кто захотел взойти в духовное видение собственным усилием, не свергнув с себя предварительно грязное и зловонное рубище страстей, тот сделается только мечтателем, льстящим себе и обманывающим себя в свою погибель. Духовное состояние двенадцатого отшельника принадлежит к низшим духовным состояниям, по закону видений, изложенному в писаниях святых Отцов[2]; по этому же закону должно непременно предуготовиться таким состоянием, пройти чрез него к состояниям высшим, к которым возводит благодать Божия ученика своего по мере очищения его.

Заключение

В изречениях Отцов подробно изложено учение о плаче; глубокий плач слышится во всех изречениях Отцов: познали они, что человек — изгнанник с неба, что земля — страна его ссылки, что предоставлено ему кратковременное пребывание в этой стране для покаяния. Если человек удовлетворит цели, с которою он срочно помещен на землю, если удовлетворит он относительно себя цели Бога; то возвратится в свое отечество — Небо, возвратится на беспредельную вечность. Если же он сгубит положение и время, данные ему для покаяния, сгубит легкомысленно и преступно, сгубит, употребив на занятия суетные и на служение греху, то низвергнется навечно в ад. Выйдут узники адские из подземных темниц на Страшный Суд Христов, увидят славу Божию, увидят славу и блаженство святых Божиих и снова возвратятся в ад. Уже не выйдут они из него никогда, — будут проводить в нем жизнь, худшую смерти.

Удалились Отцы в пустыни, чтоб удалить себя от заразительных впечатлений мира. Удалились Отцы в пустыни; оттуда яснее

[1] Pag. 1061. || [2] Святой Петр Дамаскин. О осьми умных видениях. Книга 1.

увидели самообольщение и ослепление мира, которых не видят сыны мира, вращающиеся среди него и обманываемые им. Надо стать на вершине горы, чтоб обозревать равнины, разостланные у подошвы ее. Удалились Отцы в пустыни; там всецело погрузились в покаяние. Покаяние составляется из исполнения всех евангельских заповедей. Евангельские заповеди возможно исполнять точно и богоугодно — только из сердца сокрушенного и смиренного. Дух жительства по евангельским заповедям — покаяние. Когда покаяние вселится в глубину сердца, тогда оно преобразуется в плач. Плач этот — плач духа. Плач этот вместе и молитва. Ум молится словами; сердце молится плачем. Не восплачет сердце, если не умилится от слов молитвы: не стяжет ум внимательной молитвы; если сердце не будет содействовать и вспомоществовать ему плачем. Такой плач слышится в изречениях пустынных Отцов, возбуждает в внимательном читателе сочувствие, возбуждает и молитву и плач.

Оставим все суетное, чтоб наследовать плач и молитву ума, спутницу плача, — чтоб посредством плача и молитвы обрести утешение, обетованное Спасителем. Путь к плачу — евангельские заповеди. Плод заповедей — молитвенный плач. Обымет он всю жизнь инока, тщательного делателя евангельских заповедей, — введет его, еще во время земного странствования, в Царство Небесное, сокровенное внутри нас, а по окончании земного странствования — в горнюю страну вечного блаженства. Эта страна по преимуществу называется Небесным Царством: в ней блаженствуют всецело блаженством неземным, — блаженствуют и сокровенным блаженством внутренним, которое у каждого свое, и блаженством общим, наружным, по влиянию обстановки, всецело святой, возбуждающей постоянно и питающей постоянно совершенное блаженство, никогда и ничем не нарушаемое[1]. Эта страна — наследство тех, которые раскроют в себе, во время земной жизни, духовное Небесное Царство.

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 58.

ПОВЕСТИ
из жития старцев, преимущественно Египетских, которых имена не дошли до нас

1. В царствование императора Феодосия жил близ Константинополя некоторый монах в маленькой келлии, вне города, невдалеке от врат, из которых императоры обыкновенно выезжали за город для прогулки. Феодосий, услышав, что тут живет монах-затворник, никуда не выходящий из келлии, начал при прогулке направляться к этому месту. Последовавшим за ним придворным он приказал не приближаться к келлии монаха, — подъехал к ней один и постучался в дверь. Встал монах, отворил ему дверь, но не узнал, что это был император, потому что император, чтоб не быть узнанным, снял с себя царский венец. После обычной молитвы оба они сели, и спросил император монаха: «Как живут святые Отцы в Египте?» Монах отвечал: «Все молят Бога о спасении вашем». Между тем император внимательно осматривал самую келлию. В ней он не увидел ничего, кроме немногих сухих хлебов в корзинке, которая висела на веревке, прикрепленной к потолку. Император сказал: «Авва! на благословение предложи мне пищу». Монах вложил поспешно в сосуд соли и сухарей, влил воды, и они вместе употребили эту пищу; затем монах подал чашу воды императору, который и выпил ее. Тогда Феодосий сказал: «Знаешь ли, кто я?» Монах отвечал: «Не знаю, кто ты, господин». Император: «Я Феодосий, император, пришел к тебе попросить молитв твоих». Монах, услышав это, пал ему в ноги. Император продолжал: «Блаженны вы, монахи, свободные от мирских забот! вы наслаждаетесь спокойною и безмолвною жизнью; попечение ваше только о спасении душ ваших, о достижении жизни вечной, о получении наград небесных. Будь уверен в справедливости слов моих: я рожден от царя и царствую; но никогда не вкусил пищи с такою приятностью, как

теперь». После этого император поклонился с особенным уважением монаху и вышел от него. В ту же ночь раб Божий начал так размышлять сам с собою: «Мне уже не подобает оставаться в этом месте; теперь, следуя примеру императора, пойдут многие ко мне не только из народа, но и придворные, и сенаторы не преминут воздавать мне почесть, как служителю Божию. Хотя они будут делать это ради имени Божия, однако я боюсь за себя, чтоб лукавый диавол не обольстил меня неприметным образом, чтоб я не стал находить удовольствия в приеме знатных особ, чтоб сердце мое не усладилось их похвалами и уважением ко мне, чтоб не потерять мне смирения». Человек Божий, рассмотрев все это, бежал оттуда в ту же ночь и прибыл в Египет, в пустыню к святым Отцам[1].

Обратим должное внимание, возлюбленнейшие братия, на ту ревность, с которою служитель Божий озаботился о сохранении в себе добродетели — смирения.

2. Во внутренней пустыне жил некоторый старец, удручавший себя в течение многих лет воздержанием и всеми духовными подвигами. Пришли к нему некоторые братия и, удивившись его жительству, сказали ему: «Отец! как ты переносишь это сухое, бесплодное и неудобное место?» Старец отвечал им: «Весь труд всего времени, которое живу здесь, не может сравняться с одним часом вечных мук геенны. Подобает нам в краткое время этой жизни подчиниться труду и измождить страсти нашего тела, чтоб обрести некончающееся успокоение в будущей и вечной жизни»[2].

3. Некоторый игумен имел в управлении своем десять монахов. Один из этих монахов был очень нерадив; он нисколько не заботился о своем спасении: ел безвременно, пил без воздержания, языка отнюдь не обуздывал. Старец часто увещевал, умолял его, говоря: «Брат! имей попечение о душе твоей, потому что ты умрешь, и если будешь жить так нерадиво, то пойдешь в вечную муку». Брат постоянно оказывал непослушание старцу и не внимал словам его. Из среды такой жизни он был восхищен смертию. Игумен очень печалился о нем, зная, что он жил в великой лености и небрежении. Подвигнутый скорбию об участи брата, игумен начал молиться о нем Богу, говоря: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, открой мне о душе брата!» Так молился он долго. Однажды, стоя на молитве, пришел он в исступление и увидел огненную реку, а в ней множество

[1] Patrologia Latina. Tom. LXXIII, verba Seinorum, Liber cap. III, pag. 570, cap. 19. Liber V, pag. 965, cap. 66. || [2] Pag. 740, cap. 3.

человеков, опаляемых огнем и испускающих стоны, а посреди них и своего монаха, который стоял в пламени по шею. Игумен сказал ученику: «О брат и сын мой! не умолял ли я тебя позаботиться о душе твоей именно по той причине, чтоб ты не подвергся мучению?» Брат отвечал: «Возношу хвалы Богу за то, что по молитвам твоим голова моя по крайней мере имеет отраду»[1].

4. Был некоторый игумен, отец общежительного монастыря, святой по жизни, украшенный всеми добродетелями, милостивый к нищим. Он молился Богу, говоря: «Господи! знаю, что я грешен, но надеясь на Твою благость, уповаю спастись ею. Умоляю эту благость Твою, Владыко, не разлучи меня с духовною семьею моею и в будущий век, но сподоби чад моих со мною вечной жизни!» Часто повторял святой эту молитву. На эту молитву Господь даровал решение следующим образом: в другом монастыре, находившемся не в дальнем расстоянии от их монастыря, был праздник. Приглашен был на праздник игумен с монахами его. Он не хотел было идти, но пошел, услышав во сне глас, сказавший ему: «Поди на праздник. Только пошли учеников твоих вперед себя, а сам иди один сзади их». Когда настало время, монахи его пошли на обед; дорогою они увидели посреди нее лежащего нищего, расслабленного и в ранах. Они спросили о болезни его; он со слезами отвечал им: «Я был болен, а здесь напал на меня зверь; изломав меня, он ушел, и некому взять меня и отнести в село». Они сказали: «Мы пеши, ничего не можем сделать тебе, потому что с нами нет осла». Сказав это, они оставили его и ушли. По прошествии короткого времени пришел игумен, увидел нищего, который лежал и стонал. Узнав о причине такого положения его, он спросил: «Не проходили ли здесь монахи незадолго предо мною и не видали ли тебя?» Нищий отвечал: «И стояли надо мною, и расспросили о случившемся со мною, и ушли, сказав: мы пеши, — ничего не можем сделать тебе». Игумен сказал: «Если возможно тебе, то пойдем вместе потихоньку». Нищий отвечал: «Не могу идти». Игумен сказал: «В таком случае я возьму тебя на плечи мои и с Божиею помощию донесу до селения». Нищий начал отговаривать его: «Отец! как тебе одному нести меня? Путь далекий, но поди туда и пошли за мною». Игумен отвечал: «Жив Господь Бог мой! не оставлю тебя!» С этими словами он возложил нищего на плечи и понес. Сперва он чувствовал тяжесть ноши по обыкновенному весу человека; потом тяжесть уменьшилась, а потом и еще уменьшилась, почти

[1] Пролог, 18 сентября.

сделалась нечувствительною. Игумен недоумевал, что делается, как вдруг тот, кого он нес, сделался невидим. И последовал глас к игумену: «Ты постоянно молишься о учениках твоих, чтоб они сподобились жизни вечной, но дела у тебя одни, а у них — другие. Если хочешь, чтоб прошение твое было исполнено, убеди их поступать так, как поступаешь ты. Я — Судия праведный: воздаю каждому по делам его»[1].

5. Как не все новоначальные иноки имеют одинаковую ревность духа, не все одинаково обучены благонравию и монашеским правилам, так и не все старцы имеют в одинаковой степени совершенство и опытность. Богатство старцев составляют не седые власы, но плоды обучения в новоначалии, плоды трудов, понесенных в жительстве. *Яже в юности не собрал еси*, говорит Писание, *то како можеши обрести в старости твоей*[2]. *Старость бо честна, не многолетна, ниже в числе лет изчитается. Седина же есть мудрость человека, и возраст старости житие нескверно*[3]. Почему мы должны подражать или последовать жительству, должны принимать и усваивать себе предание и наставления не всех старцев, которых голова покрыта сединами, для которых служит свидетельством лишь одна долголетняя жизнь, но только тех, о которых достоверно узнаем, что они в юности отличались жительством, достойным похвалы, что они руководствовались в образовании своем не самочинием и пустым гордостным самомнением, но воспитаны по преданию отеческому. Многие — к сожалению, они составляют большинство — состарились в теплохладности[4] и нерадивости, усвоенных ими с юности, но пользуются уважением и доверенностию других не по причине нравственной зрелости, а по причине прожитых ими многих годов. Справедливо может отнестись к ним обличение Господа чрез Пророка: *Снедоша чуждии крепость его, сей же не разуме: и седины явишася на нем, он же не позна*[5]. Такие старцы предоставляют вниманию новоначальных не праведность жизни, не назидание словом или примером, достойным подражания, но одно многолетие. Коварный враг — диавол — употребляет седины таких старцев к обольщению юных, выставляя юным на вид вышеупомянутое общее уважение, которым пользуются эти старцы; с утонченною хитростию он старается примером этих старцев обмануть

---

[1] Пролог, 24 сентября. || [2] *Чего не собрал ты в юности, — как же можешь приобрести в старости твоей?* (Сир. 25. 5). || [3] *...не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости* (Прем. 4. 8–9). || [4] Апок. 3. 15, 16. || [5] *Чужие пожирали силу его и он не замечал; седина покрыла его, а он не знает* (Ос. 7. 9).

и ниспровергнуть даже таких новоначальных, которые способны к достижению совершенства и по собственному настроению и при правильном руководстве; или же он усиливается ввести, при посредстве наставлений и заповеданий, даваемых этими старцами, в нерадение, в душевный недуг, в смертоносное отчаяние. Желая дать опытное доказательство словам моим, излагаю пред вами вкратце недавнее событие. К некоторому старцу, коротко известному нам, отнесся юный инок, очень ревностный по жительству, с целию преуспеяния своего и исцеления. С простотою исповедал он старцу, что его беспокоят плотское вожделение и дух любодеяния; он надеялся найти в молитвах старца утверждение подвигу своему и врачевание от полученных язв. Старец начал упрекать его самыми жестокими словами, объявляя ему, что он, допустив себе искушение таким порочным вожделением, сделался недостойным имени монаха, а достойным всякого презрения; вместо утешения, он нанес ему столь тяжкую язву упреками, что монах вышел из келлии старца в величайшем унынии, в смертельной печали, в отчаянии. Угнетенный тоскою, углубленный в помышления уже не об уврачевании страсти, но об удовлетворении ее, он шел; внезапно встречает его авва Аполлос, опытнейший между старцами. По чертам лица и отчаянному виду юноши угадав о внутреннем смущении и тяжком унынии, которыми втайне волновалось сердце, авва Аполлос спросил о причине такого состояния. Несмотря на то, что вопрос был предложен в самых мягких выражениях, юный монах не мог произнести ни одного слова в ответ старцу. Поняв еще яснее, что не без важного основания юноша прикрывает молчанием горькую печаль, которая, несмотря на молчание уст, живо изображалась на лице, авва начал настоятельнее убеждать его, чтоб он открыл причину своего душевного расстройства. Вынужденный убеждениями, монах исповедал, что идет в мирские селения, как неспособный, по определению такого-то старца, к монашеской жизни; не имея возможности обуздать похотений плоти подвигом и не находя врачеваний против действий ее, он решился, оставя монастырь, возвратиться в мир и жениться. Святый Аполлос постарался смягчить его самым милостивым словом, уверяя, что и его самого ежедневно беспокоят нечистые помышления и ощущения: тем естественнее подвергаться им человеку юному. По этой причине никак не должно предаваться отчаянию, не должно удивляться, как бы чему необычайному, усиленному действию брани, в которой получается победа не столько подвигом, сколько милостию и благодатию

Господа. Старец упросил молодого монаха, чтоб он возвратился в келлию и потерпел хотя один день, а сам поспешно пошел в обитель упомянутого старца. Когда он приблизился к этой обители, то распростер руки горе и произнес следующую молитву, сопровождая ее слезами: «Господи! Ты — един полновластный Владыка над тайными силами и немощами человека! Един Ты Врач благий, врачующий непостижимо! Обрати брань этого юноши на этого старца, чтоб он научился, хотя в старости, снисходить немощи подвизающихся и соболезновать удобопреклонности юных к страстям». Когда он, воздыхая, окончил молитву, — видит мрачного эфиопа, стоящего против келлии старца и направляющего против него огненные стрелы. Уязвленный ими, старец выскочил из келлии, начал бегать туда и сюда, как бы сумасшедший или пьяный, то входил в келлию, то выходил, уже не мог оставаться в ней спокойно и, наконец, возмущенный, пошел тем же путем, на который направил молодого монаха. Авва Аполлос, увидев, что старец пришел в положение безумного и беснующегося, поняв, что стрелы диавола, направленные в него, вонзились в его сердце, произвели в нем омрачение ума и невыносимое страстное возмущение в чувствах, подошел к нему и сказал: «Куда ты так спешишь? Что заставляет тебя забыть степенность, столько приличествующую старцу, и так быстро бежать в беспокойстве, подобно мальчику?» Старец, объятый стыдом, не мог дать никакого ответа вопросившему: его обличала совесть, его обличал наружный вид, данный ему порочным возмущением: он понял, что страстное вожделение его сердца угадано, что тайны его открыты авве. «Возвратись, — продолжал тогда святой Аполлос, — в келлию твою и пойми, что до сего времени диавол или не знал тебя, или презирал. Ты не удостоился сопричислиться тем, которые своим преуспеянием и тщаливостию возбуждают диавола ежедневно бороться и сражаться с ними. После стольких лет, проведенных в молитве, одной стрелы врага, направленной в тебя, ты не мог отразить. Что говорю «отразить»? Ты не мог претерпеть в течение одного дня. Господь попустил тебе подвергнуться этому искушению для того, чтоб ты, по крайней мере в старости твоей, из собственного опыта научился сострадать немощам ближних и снисходить удобопреклонности юных к страстям. Ты, приняв новоначального монаха, угнетенного нападением диавола, не только не утешил, но даже ниспроверг в погибельное отчаяние. Ты предал его в челюсти врага на бедственное снедение. Диавол, без сомнения, не сделал бы на юношу такого жестокого

нападения, какого он до сих пор не наносил тебе, пренебрегая тобою, если бы не заметил в душе юноши благого залога, если б не позавидовал преуспеянию, которое ожидает юношу на поприще монашества. Он поспешил предупредить и превратить это преуспеяние огненными стрелами своими! Очевидно, что он признавал сильным того, на кого рассудил направить сильную брань! Научись собственным опытом сострадать подвизающимся, не низвергать искушаемых в погибель отчаяния, не приводить их в смущение жестокими словами. Их должно ободрять милостивым словом утешения, последуя заповеданию премудрейшего Соломона: *избави ведомыя на смерть и искупи убиваемых*[1]. Должно помнить образ поведения Спасителя, о Котором сказано: *трости сокрушенны не преломит, и лена внемшася не угасит*[2]. Должно просить у Господа благодати, получивший которую радостно воспевает: *Господь, Господь дает мне язык научения, еже разумети, егда подобает рещи слово*[3]. Никто не мог бы ни избегнуть козней врага, ни погасить или даже воздержать естественного плотского вожделения, подобного огню пылающему, если б благодать Божия не помогала немощи нашей, не покрывала и не защищала нас. Теперь окончилось это спасительное смотрение о нас, которым Бог благоволил освободить юношу от пагубного разжжения, а тебя научить состраданию ближним и тому, сколько сильны могут быть вражеские искушения; умолим же Бога общими молитвами, чтоб Он повелел удержать бич, который благоволил употребить для душевной пользы твоей, и чтоб угасил росою Святого Духа Своего огненные стрелы диавола, которым попустил уязвить тебя по моему ходатайству. *Той бо болети творит, и паки возставляет: порази, и руце Его изцеляет*[4]. *Господь смиряет и высит, мертвит и живит, низводит во ад и возводит*[5]». По молитве аввы Аполлоса Господь отъял искушение с тою же скоростию, с которой попустил его[6].

Повествование это заимствовано из собеседования преподобного Кассиана Римлянина с преподобным Моисеем, иноком египетского Скита. Наставление, в которое вошла повесть, делает старец, преподобный Мои-

[1] *Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?* (Притч. 24. 11.) ‖ [2] *Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит* (Мф. 12. 20). ‖ [3] *Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего* (Ис. 50. 4). ‖ [4] *Ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют* (Иов. 5. 18). ‖ [5] *Господь... унижает и возвышает, Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит* (1 Цар. 2. 7, 6). ‖ [6] Cassiani Collatio II, cap. XIII.

сей, преподобному Кассиану и другу его Герману, тогда — новоначальным инокам; написано оно преподобным Кассианом, жившим во второй половине четвертого и в первой половине пятого веков. Это время было самое цветущее время для монашества в Египте. Там первым монашеским местом была пустыня Скит, в недальнем расстоянии от Александрии. В Скиту жили монахи, особенно обиловавшие даром духовного рассуждения, по свидетельству Кассиана[1], достигавшие высокого духовного преуспеяния преимущественно пред прочими монастырями Египта, по свидетельству святого Иоанна Лествичника[2]. Свидетельствуют это и дошедшие до нас письменные памятники. Преподобный Арсений Великий называл Скит столицей монашества, уподобляя отношение Скита к монашеству отношению Рима ко вселенной[3]. Обиловавшие даром рассуждения старцы и при посредстве его руководившие новоначальных к духовному преуспеянию с особенным успехом, по причине особенного благоразумия в руководстве назывались *искусными*. Выражение *искусный* и *искусство* и поныне осталось в монастырях: им изображается благоразумие отдельного иноческого характера, приобретенное чистотою жизни, изучением Священного Писания и писаний Отеческих, опытностию — благоразумие, осененное Божественною благодатию. В цветущие времена монашества было много неискусных старцев, пользовавшихся громким именем святости, прославленных, с одной стороны, невежеством, а с другой — сатаною, который употребляет таких старцев в свое орудие для погубления монахов и монашества. Указание преподобного Моисея на последнее обстоятельство достойно полного внимания: им обнаруживается образ действия падших духов, непостижимый для людей, не осененных Божественною благодатию. К системе действия духов всегда принадлежало распространение злых слухов об истинных рабах Божиих и необыкновенных похвал о служителях сатаны, прикрытых личиною служителей Божиих. То и другое вполне явствует из учения Спасителя: *Блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческаго ради. Горе, егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их*[4]. «Пастыри, — говорит святитель Тихон Воронежский, — тщащиеся о спасении душ человеческих, подлежат злоречию и гонению злых людей; сатане дело их неприятно, и потому он изощряет на них языки злых людей и гонит их»[5]. Против Самого Спасителя диавол действовал распространением злых слухов[6]. Напротив того, как говорит

[1] Collatio I, cap. I. ‖ [2] Лествица. Слово 27. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] *Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали со лжепророками отцы их* (Лк. 6. 22, 26). ‖ [5] Том 15, письмо 103. ‖ [6] Ин. 7. 12; Мф. 28. 13–15.

святой Ефрем Сирский, при появлении антихриста диавол немедленно огласит его по вселенной великолепною, восторженною молвою и приготовит общество человеческое к принятию его, насеяв в этом обществе самое благоприятное мнение распространением благоприятных слухов[1]. Это сказано в предостережение новоначальных иноков при избрании ими старца. Не должно увлекаться мнением человеческого общества, хотя бы это мнение было мнением значительнейшего большинства; должно руководствоваться светом Священного Писания и писаний Отеческих. Великое бедствие — впасть по причине неведения и легкомыслия под руководство лжеучителя: *слепец слепца аще водит, оба в* погибельную *яму впадут*, сказал Господь[2].

6. Ученик некоторого святого старца был борим духом любодеяния, но, при помощи благодати Божией, мужественно противостоял скверным и нечистым помышлениям сердца своего, очень прилежа посту, молитве и рукоделию. Блаженный старец, видя усиленный подвиг его, сказал ему: «Если хочешь, сын, я помолюсь Господу, чтоб Он отъял у тебя брань». Ученик отвечал: «Отец! хотя я и тружусь, но вижу и чувствую в себе благой плод: по причине этой брани я пощусь более, и более упражняюсь в бдениях и молитвах. Но прошу тебя: моли милосердого Господа, чтоб дал мне силу выдерживать брань и подвизаться законно». Тогда святой старец сказал ему: «Теперь я узнал, что ты с верностию понял, что этой невидимою бранию с духами при посредстве терпения совершается вечное спасение души твоей. Так и святой Апостол сказал: *Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия: не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление Его*»[3].

7. Поведали братия, что они шли однажды в селение, будучи посланы своим аввою, и на старшего из них нападал бес до пяти раз, чтоб ввергнуть его в грех блуда. Брат подвизался против помысла в течение нескольких часов, отражая его молитвою. Они возвратились к отцу своему. Лицо искушенного брата было смущено; он пал в ноги отцу своему, говоря: «Помолись о мне, отец, я впал

---

[1] Слово 106 по славянскому переводу. — О действии демонов чрез распространение слухов и молвы в народе упоминается в житии священномученика Киприана, епископа Антиохийского. Четьи-Минеи, 2 октября. || [2] *...если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф. 15. 14). || [3] *Подвигом доброты я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его* (2 Тим. 4. 7, 8). Pag. 743, cap. 8.

в блуд». И рассказал отцу, как он боролся с помыслами. Старец был прозорлив: он увидел на главе брата пять венцов, и сказал ему: «Ободрись! когда ты пришел ко мне, то я увидел на тебе венцы, ты не был побежден, — напротив того, ты победил, не исполнив на деле того, что предлагал помысл»[1].

8. Некоторый брат был очень борим нечистым духом любодеяния. Встав ночью, он пошел к некоторому святому старцу, опытному в подвижнической жизни, — и исповедал ему о том нападении, которому он подвергся от духа любодеяния. Старец, услышав это, утешал его, наставляя добродетели терпения словом духовным на основании Писания, которое говорит: *Мужайтеся, и да крепится сердце ваше, вси уповающии на Господа*[2]. Брат возвратился в келлию свою, и вот искушение напало на него с новою силою. Он устремился снова к вышеупомянутому старцу. Старец опять поучал его выдерживать брань терпеливо, не предаваясь унынию; он говорил: «Верь, сын мой, что Господь Иисус Христос ниспослал тебе помощь с небесе святаго Своего и ты можешь преодолеть эту страсть». Брат, ободренный увещеванием святого старца, возвратился в келлию свою, и опять искушение начало сильно возмущать его сердце. Немедленно, в тот же час ночи, он возвратился к старцу и упрашивал его, чтоб он тщательнее помолился о нем Господу. Старец сказал: «Не устрашись, сын мой, не послабляй помышлениям твоим, не скрывай их, — нечистый дух, будучи посрамлен, отступит от тебя. Ничто так не сокрушает силы демонов, как исповедание святым и блаженным Отцам нечистых помышлений. Сын! *мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа*[3]. Где жесточе сражение, там славнее венец. *Еда не может*, говорит святой пророк Исаия, *рука Господня спасти? Или отягчил есть слух Свой, еже не услышати?*[4] Пойми, сын, что на борьбу твою взирает Господь и приуготовляет тебе за сражение с диаволом венец в вечности. Утешает нас Священное Писание, говоря: *Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие*»[5]. Брат, услышав это, утвердил свое сердце в Господе, — не захотел уже возвратиться в свою келлию, а остался жить при старце[6].

9. Некоторого брата беспокоил дух любодеяния. Он пошел к весьма опытному старцу и просил его, говоря: «Блаженнейший

---

[1] Пролог, 29 июля. ‖ [2] *Мужайтесь, и да укрепляется сердце ваше, все надеющиеся на Господа!* (Пс. 30. 25.) ‖ [3] *...мужайся, и да укрепляется сердце твое, и надейся на Господа* (Пс. 26. 14). ‖ [4] *Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасать, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать* (Ис. 59. 1). ‖ [5] *...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14. 22). ‖ [6] Pag. 743, cap. 9.

отец! прими на себя труд: помолись за меня; очень стужает мне страсть любодеяния». Старец согласился и начал прилежно денно-нощно молить о нем милосердого Господа. По времени опять пришел к нему брат и снова просил молитвы, более усиленной. Опять старец молился о нем, молился еще усерднее. И в третий раз пришел монах к нему с тою же просьбою; потом начал приходить часто, повторяя просьбу. Старец, видя это, очень опечалился и удивился, почему Господь не внимает молитве его. На следующую ночь Господь открыл ему, что монах этот объят недугом нерадения, что он по причине расслабленного произволения своего услаждается плотскими вожделениями сердца. Душевное состояние монаха было показано святому старцу таким образом: увидел он, что монах этот сидит, а дух любодеяния играет пред ним, принимая различные женские образы, созерцанием которых монах услаждается. Увидел он и то, что Ангел Господень присутствовал тут и приходил в величайшее негодование на монаха за то, что этот не вставал, не повергался в молитву пред Богом, но более и более услаждался помышлениями и мечтаниями греховными. Таково было откровение, дарованное святому старцу. Он понял, что молитвы его не услышаны по вине и нерадению просившего молитв монаха. Когда монах снова пришел, старец сказал ему: «Брат! в действии страсти любодеяния ты виноват, потому что услаждаешься скверными помышлениями. Невозможно отступить от тебя нечистому духу любодеяния по молитве других, молящихся Богу о тебе, если ты сам не возложишь на себя подвига, постов, молитв, многих бдений, молясь с плачем, чтоб Господь наш Иисус Христос излил на тебя милосердие Свое, послал тебе в помощь благодать Свою, при содействии которой возможно будет тебе противиться греховным помыслам. И врачи, составляющие лекарства для тел человеческих и употребляющие их против болезней, хотя бы сделали все зависящее от них с величайшим тщанием, но нисколько не успеют, несмотря на свою тщательность и заботы, если больной не захочет воздержаться от вредных яств и от всего, что противодействует врачеванию. То же совершается и при врачевании недугов души. Хотя бы святые Отцы — эти врачи духовные — со всем тщанием, со всем усердием умоляли милосердого Господа, Спасителя нашего, за тех, которые просят помочь им молитвами; но молитвы святых не принесут им никакой пользы, если они сами будут пребывать в нерадении и расслаблении, нисколько не помышляя о спасении души». Брат, услышав это, умилился и, по наставлению старца, начал удру-

чать себя постами, молитвами и бдениями, чем привлек к себе милость Божию: дух нечистой страсти отступил от него.

10. Некоторый пресвитер из Келлий[1], имевший дар прозорливости, однажды, идя в церковь для совершения Божественной службы, увидел вне келлии, в которой жил некоторый брат, множество демонов, принявших вид женщин и другие разные соблазнительные образы (виды). Они говорили непотребности, насмехались, ликовали. Старец, воздохнув, сказал сам в себе: «Этот брат предался лености, и потому лукавые духи окружили его и имеют его игралищем своим». Совершив Божественную литургию, на обратном пути он зашел к брату в его келлию и говорит ему: «Брат! я имею скорбь; но верую Богу моему, что Он избавит меня от скорби, если ты сотворишь молитву о мне». От этих слов брат пришел в умиление и сказал старцу: «Отец! я недостоин молиться о тебе». Но старец начал упрашивать его, говоря: «Не уйду от тебя, доколе ты не дашь мне слова творить по одной молитве за меня каждую ночь». Брат обещал исполнить требование старца. Так поступил старец, желая ввести его в начало богоугодного жительства и преподать ему совершение молитв при наступлении каждой ночи. В первую же ночь брат встал, чтоб сотворить молитву о старце. По окончании ее он умилился и сказал сам себе: «О окаянная душа! о старце ты сотворила молитву, а о себе почему не молишь Бога?» И немедленно сотворил и за себя одну молитву. Таким образом он провел всю неделю, творя одну молитву за себя, а другую за старца. В воскресный день старец, идя опять в церковь, опять увидел демонов, стоящих вне келлии брата скучными. Старец понял, что молитва брата привела в скорбь бесов; он вошел к брату и упросил его присовокупить к первой молитве за него и вторую на каждую ночь. Брат сотворил две молитвы о старце и, опять смирившись, сказал сам себе: «О окаянная душа! приложи и за себя другую молитву». Так провел он всю неделю, совершая по четыре молитвы на каждую ночь. Опять пришел старец и увидел бесов унылыми и молчащими. Возблагодарив Бога, он вошел к брату и сказал ему, чтоб он приложил еще одну молитву за него. Брат, приложив молитву за старца, приложил и за себя и совершал на всякую ночь по шести молитв. И опять пришел старец к брату. Тогда бесы разгневались на старца за спасение брата, а старец, прославив Бога, вошел к брату и научил его не лениться, но непрестанно молиться

[1] Келлиями называлась отдельная пустыня, соседняя Скиту, в которой множество иноков безмолвствовали, живя в отдельных келлиях.

Богу. После этого старец возвратился к себе, а демоны, видя, что брат непрестанно молится и подвизается, отступили от него, будучи прогнаны Божиею благодатию[1].

11. Скитский пресвитер (иеромонах и настоятель одной из четырех церквей египетского Скита) провел, по случаю, ночь у некоторого старца. Увидев подвижническое жительство старца и учеников его, пресвитер спросил его: «Имеете ли какие откровения от Бога?» Старец отвечал: «Не имеем». Тогда сказал пресвитер: «Мы совершаем непродолжительные молитвословия, и Бог открывает нам все тайны, а вы несете такой подвиг бдения, пощения, безмолвия, и говоришь, что Бог не открывает вам никаких тайн: это оттого, что вы питаете греховные помышления в сердцах ваших, они отлучают вас от Бога, и Бог не открывает вам тайн Своих». Отцы, услышав это, удивились и говорили друг другу: «Скверные мысли отлучают от Бога».

12. В горе аввы Антония безмолвствовали семь монахов. Поочередно один из них, когда поспевали финики, стерег их от птиц. Между монахами был старец. Когда приходила его очередь стеречь финики, он исполнял это, восклицая: «Удалитесь от сердца моего греховные помыслы, а от фиников птицы»[2].

13. Поведали нам святые старцы следующее: некоторый монах, живший в пустыне Скита, пришел посетить святых Отцов, живших в месте, называемом Келлии, где множество монахов жило в отдельных келлиях. Так как в то время не случилось келлии, в которой бы он мог побыть, — один из старцев, имея другую келлию не занятую, предоставил ее скитянину, говоря: «Успокойся на время в этой келлии, пока не найдется, где бы тебе побыть». К скитянину начали ходить многие из братий, желая слышать от него слово о спасении вечном, потому что он имел духовную благодать преподавать Слово Божие. Увидел это старец, предоставивший ему келлию, и уязвился завистию; он начал негодовать и говорить: «Столько времени я живу в этом месте, а ко мне не приходят братия, разве очень редко, и то в праздничные дни; к этому же льстецу почти ежедневно приходит множество братий». Затем он отдал такое приказание ученику своему: «Поди, скажи ему, чтоб он вышел из келлии, потому что она мне нужна». Ученик, пришедши к скитянину, сказал ему: «Отец мой послал меня к твоей святыне; передай ему через меня о себе; он слышал, что ты болен». Тот возблагодарил, говоря: «Моли Бога о мне, отец мой: я очень страдаю

[1] Алфавитный патерик. || [2] Pag. 993, cap. 3.

желудком». Ученик, возвратясь к старцу, сказал: «Очень просит твою святыню, чтоб ты потерпел его два дня, в которые он мог бы приискать себе келлию». По прошествии трех дней старец опять послал ученика к скитянину, говоря: «Поди, скажи ему, чтоб он вышел из моей келлии; если он и еще будет отсрочивать выход свой, я приду сам и жезлом моим выгоню его из келлии моей». Ученик пошел к скитянину и сказал ему: «Отец мой очень озаботился, услышав о твоей болезни; он послал меня узнать, чувствуешь ли себя лучше?» Тот отвечал: «Благодарю, владыко святой, любовь твою! ты так озаботился о мне! за молитвы твои чувствую себя лучше». Ученик, возвратясь, сказал старцу своему: «И теперь просит твою святыню, чтоб ты подождал до воскресного дня; тогда он немедленно выйдет». Наступил воскресный день, — скитянин спокойно оставался в келлии. Старец, воспламененный завистию и гневом, схватил жезл, пошел, чтоб побоями выгнать скитянина из келлии. Видя это, ученик подошел к старцу и говорит ему: «Если повелишь, отец, я пойду вперед тебя и посмотрю: может быть, пришли к нему для посещения некоторые братия, которые, смотря на тебя, могут соблазниться». Получив дозволение, ученик пошел вперед и, войдя к скитянину, сказал ему: «Вот, отец мой идет, чтоб посетить тебя. Поспеши выйти ему навстречу и поблагодари его, потому что он делает это по побуждению великой сердечной благости и любви к тебе». Скитянин немедленно встал и в веселии духа пошел навстречу. Увидев старца, прежде нежели старец приблизился, пал перед ним на землю, воздавая поклонение и благодарение, говоря: «Да воздаст тебе Господь, возлюбленнейший отец, вечными благами за келлию твою, которую ты мне предоставил ради имени Его! да приуготовит тебе Христос Господь в Небесном Иерусалиме между святыми Своими славную и светлую обитель!» Старец, услышав это, умилился сердцем и, кинув жезл, устремился в объятия скитянина; они дали друг другу целование о Господе, и пригласил старец гостя в свою келлию, чтоб вместе вкусить пищу при благодарении Бога. Наедине старец спросил ученика своего: «Скажи мне, сын, передавал ли ты брату те слова, которые я приказывал передать ему». Тогда ученик открыл ему истину, говоря: «Скажу тебе, владыко, правду: по преданности моей, которою я обязан тебе как отцу и владыке, я не осмелился сказать ему того, что ты приказывал, и ни одного из слов твоих не передал». Старец, услышав это, пал к ногам ученика, говоря: «От сего дня ты — мой отец, а я — твой ученик: потому что Христос Господь избавил и мою

душу и душу брата от греховной сети при посредстве твоего благоразумия и действий, исполненных страха Божия и любви». Господь даровал благодать Свою, и они все пребыли в мире Христовом, доставленном верою, святыми попечениями и благонамеренностию ученика, который, любя старца своего совершенною во Христе любовию, очень боялся, чтоб духовный отец его, увлеченный страстию зависти и гнева, не впал в проступок, долженствующий уничтожить все труды его, подъятые с юности в служении Христу для получения награды в вечной жизни[1].

14. Некоторый брат жил в общежитии, в послушании, и был любим пятью братиями, а нелюбим одним братом. Вследствие нерасположения одного брата он вышел из того монастыря и перешел в другой. Здесь полюбили его восемь братий, а два возненавидели. Он вышел из этого монастыря, вступил в третий, в котором семь братий были расположены к нему, а пять не расположены. Брат убежал и оттуда. Он пришел к некоторому монастырю и, прежде нежели войти в него, сел и так рассуждал сам с собою: «Если я буду повиноваться помыслу своему, то не достанет мест во вселенной для переходов моих, почему отныне даю обещание терпеть». Потом он вынул бумагу и написал на ней вопрос себе: «Ты вышел из нескольких монастырей, не терпя ропота и укорений; здесь будут делать тебе неприятностей больше, нежели в тех монастырях. Вспомни все поводы, побудившие тебя выходить: все эти поводы ты найдешь и здесь; будешь ли терпеть?» В ответ он написал: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божия, буду терпеть». Записку свил он в свиток, вложил в свой пояс и, помолившись, вошел в монастырь. По прошествии короткого времени он услышал ропот братий на себя, он огорчался; тогда вынимал записку и прочитывал написанный в ней обет свой: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божия, буду терпеть». При этом он говорил себе: «Ты дал обещание Богу: проси же у Него помощи». Таким образом брат получал утешение. Невидимый враг, возмущенный терпением брата, внушил прочим монахам пытливую мысль: узнать, что прочитывает брат утешающее его. Они начали говорить: «Пришлец-монах — волшебник: прочитывает что-то и избавляется от смущения». Наконец они пошли к игумену и сказали ему: «Мы не можем жить с этим братом: он колдун, носит в поясе обаяние; если хочешь иметь его в монастыре, то отпусти нас из монастыря». Игумен был муж духовный. Зная смирение брата, он понял, что сказанное ему было сказано по зависти,

[1] Pag. 755, cap. 27.

внушенной диаволом, и потому отвечал монахам: «Подите, помолитесь, и я помолюсь, а по истечении трех дней дам ответ вам». Однажды, когда брат спал, игумен тихо расстегнул пояс его и прочитал записку; потом положил ее на свое место и застегнул пояс. После трех дней монахи пришли к игумену и спросили его: «Скажи нам, как ты хочешь поступить с волхвом?» Игумен отвечал: «Позовите его». Когда он пришел, игумен сказал ему: «Зачем ты соблазняешь братию?» Брат отвечал: «Согрешил, простите меня, и помолитесь за меня». Игумен, обратясь к братии, спросил: «В чем приносили вы жалобу на него? что он сделал?» Монахи отвечали: «Он волхв, у него в поясе колдовство». Игумен сказал брату: «Покажи свое колдовство». Брат отвечал: «Я согрешил, прости меня». Игумен сказал на это: «Возьмите у него колдовство его». Брат не давал расстегнуть пояса своего, но это сделали и вынули записку. Записку отец отдал диакону и велел прочитать вслух всем, говоря: «Да постыдится диавол, учащий человеков колдовству». Когда же прочитано было написанное в записке: ***во имя Иисуса Христа, Сына Божия, терплю***, тогда постыжены были братия. Они поклонились игумену до земли, говоря: «Мы согрешили, прости нас». Отец сказал им: «Что кланяетесь вы мне? поклонитесь Богу, и поклонитесь в ноги брату этому». А брату сказал: «Помолись за них, чтоб им прощен был грех». И помолился брат за братий Богу[1].

15. Некоторый старец жил в монастыре вне Александрии. Старец этот был очень вспыльчив и малодушен. Некоторый юный монах, наслышавшись о нем, дал обет пред Богом, говоря: «Господи! за все злое, соделанное мною, я пойду и буду жить с этим старцем, претерпевая от него все и служа ему, как раб». Так и поступил он: пошел к старцу и начал жить с ним. Старец поступал с ним, как с псом, ежедневно издеваясь над ним. Бог призрел на терпение брата. После шести лет жизни его со старцем он увидел во сне некоего страшного с великим свитком в руке. Явившийся сказал ему, что половина написанного на свитке изглаждена, и сказал: «Вот, половину твоего долга изгладил Владыка! Позаботься и о прочем». По соседству их жил другой старец духовный и слышал всегда, как малодушествует старец и оскорбляет брата, как брат кланяется ему в ноги, а старец не прощает. Встречая молодого монаха, духовный старец говаривал ему: «Что чадо? как прошло сегодня? приобрели ли мы что? изгладили ли что из свитка?» Брат, зная, что старец духовен, не скрывал от него тайн своих, но отвечал: «Да, отец, сегодня

[1] Пролог, 15 февраля.

мы немного потрудились». Когда же он проводил день спокойно, не будучи ни обруган, ни оплеван, ни бит, ни изгнан, то приходил к духовному старцу вечером, плача и говоря: «Увы, авва! нынешний день был несчастлив: ничего не приобрели мы, провели день спокойно». По прошествии других шести лет брат скончался. И поведал духовный старец, что он видел брата предстоящим Богу в лике мучеников, с великим дерзновением молящегося Богу о старце своем, говорящего в молитве: «Господи! как Ты помиловал меня при посредстве его, так помилуй и его по благости Твоей и ради меня, раба Твоего». По истечении сорока дней брат взял к себе и старца в место упокоения. Вот, какое дерзновение имеют к Богу терпящие скорби ради Его. — Брат! испытывай себя ежедневно, рассматривая пред Богом сердце твое и исследывая, что находится в нем? Не находится ли в нем уничижение ближнего, или ненависть, или злоречие, или зависть, или подозрение и соблазн? Внимай себе, чтоб не был насеян какой-либо яд греховный в сердце твое. Помяни сказавшего: ***аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их***, то Отец Мой Небесный предаст такого мучениям[1]. Кто страшится впадения в геенну, тот извергает всякий вид лукавства из сердца своего, чтоб этот вид лукавства не соделался причиною низвержения его в геенну. Внимай себе, чтоб что-либо греховное не отвлекло тебя от любви к Богу[2].

16. Некоторый старец безмолвствовал наедине в келлии своей. Он прожил в ней много лет, никогда не оставляя покаяния. Говаривал он всегда: «Этот век дан Богом для покаяния. Если истратим его попусту, живя худо, то очень будем жалеть о нем; но не найдем его вторично»[3].

17. Некоторый старец, подвижник, жил в пещере и имел такое трезвение, что всегда, на всяком месте, даже вне келлии, часто поверял ум свой, говоря: «Что, где мы?» Если находил он ум свой в славословии Бога и молитве, то говорил: «Хорошо, хорошо». Если же находил его занимающимся каким-либо посторонним предметом, то укорял, говоря: «Возвратись немедленно на дело свое». И следующее всегда говаривал себе этот старец: «Близок час отшествия моего, но еще не вижу в себе ничего доброго»[4].

18. Поведал нам некоторый ученик об отце своем: «Он в продолжение двадцати лет не спал, лежа на ребрах своих, но спал, сидя

---

[1] *...если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18. 35, 34). ‖ [2] Пролог, 28 июля. ‖ [3] Отечник. Рукопись. ‖ [4] Отечник. Рукопись.

на том стуле, на котором он занимался работою. Употреблял он пищу во второй, третий и пятый день. Я сказал ему: "Авва! для чего ты так поступаешь?" Он отвечал мне: "Я представляю пред очами моими Суд Божий, и, видя его, не могу переносить сего видения". Однажды мы совершали правило; я читал псалмы и от забвения пропустил одно слово в псалме, не обратив на это внимание. Когда мы окончили службу, старец сказал мне: "Я, совершая мое служение, представляю себе, что предо мною горит огонь, почему ум мой не может уклониться направо или налево; где же был твой ум, когда ты читал псалмы и пропустил слово псалма? Разве ты не знаешь, что, молясь, стоишь пред Богом и говоришь Богу?" Опять однажды вышел старец ночью и нашел, что я сплю посреди двора келлии; он остановился недалеко от меня и начал плакать, говоря: "Где мысль его, что он спит так спокойно"»[1].

19. Брат безмолвствовал в некотором монастыре, и молитва его постоянно состояла в следующем: «Господи! нет во мне страха Твоего: пошли мне или тяжкий недуг, или напасть, чтоб хотя таким образом пришла окаянная душа моя в страх Твой. Знаю, что грех мой сам по себе непростителен: много согрешил я пред Тобою, Владыко, согрешил много и тяжко; но ради милости Твоей, по святой воле Твоей, прости мне грех мой. Если же и этого не может быть, то помучь меня здесь, чтоб здешними муками была несколько ослаблена мука будущая. Начни казнить меня отселе, Владыко, казнить не в гневе Твоем, а в человеколюбии». Брат провел целый год, молясь таким образом в сокрушении и смирении сердца, в строгом посте. Между тем постоянно соприсутствовала ему мысль: какое значение имеют слова Господа *блажени плачущии, яко тии утешатся*[2]. Однажды, когда брат, объятый печалию, по обычаю сидел на земле и плакал, напал на него тонкий сон. Явился ему Христос, воззрел на него милостиво и сказал тихим голосом: «Что с тобою? о чем ты плачешь?» Брат отвечал Господу: «Господи! я пал». Явившийся сказал на это: «Восстань». Брат отвечал, сидя на земле: «Не могу встать, если Ты не прострешь руки Твоей и не восставишь меня». Господь простер руку и воздвиг его. Явившийся опять сказал тихо: «Что ты плачешь, о чем скорбишь?» Брат отвечал: «Господи! как мне не плакать и не скорбеть, когда я столько прогневал Тебя?» Тогда явившийся простер руку Свою, приложил ладонь к сердцу брата и, погладив его сердце, сказал ему: «Не скорби: Бог поможет тебе. Я уже не буду карать тебя, потому что ты сам наказал себя. Ради

[1] Отечник. Рукопись. ‖ [2] *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5. 4).

тебя Я пролил кровь Мою: пролию и человеколюбие Мое на всякую душу, приносящую покаяние». Брат, пришедши в себя по окончании видения, ощутил сердце свое исполненным неизъяснимой радости и приял извещение, что Бог сотворил милость с ним. Прочее время жизни своей он провел в великом смирении, славословя Бога, и отошел к Богу в этом настроении исповедания[1].

20. Некоторый брат, приняв монашество, поместился на жительство в горе Нитрийской. По соседству с его келлиею была келлия другого брата, и слышал этот брат, что сосед его ежедневно оплакивал грехи свои. Когда долго не приходили к нему слезы, он обличал душу свою, говоря ей: «Что не плачешь ты, окаянная, и не рыдаешь? Если ты не хочешь плакать, то я заставлю тебя плакать». С этими словами он брал лозу и бил себя ею по обнаженному телу, доколе не появлялись слезы. Живший близ его брат удивлялся этому и молил Бога открыть ему, хорошо ли поступает так мучащий себя. В одну ночь он увидел во сне брата, увенчанного венцом и стоящего в лике мучеников, причем некоторый муж приблизился к видевшему сон и сказал: «Насладись зрением на доблественного мученика. И ты пострадай ради Христа, и сподобишься одного венца с мучениками»[2].

21. Некоторый брат, подвижник, совершал молитвенное правило вместе с другим братом и, побеждаемый слезами, оставлял стихословие псалмов, предавался плачу. Однажды второй брат спросил первого: «По причине какого помышления, приходящего тебе на правиле, ты плачешь так горько?» Первый отвечал: «Прости меня, брат! Когда встану на правило, всегда стою как бы перед судьею моим, а себя вижу обвиненным и истязуемым судьею, который говорит: “Зачем ты согрешил?” Я не нахожу слов для ответа, заграждаются уста мои, оставляю стихословие и предаюсь плачу. Прости меня! я смущаю тебя, и если хочешь, будем совершать правило порознь. Второй брат отвечал: «Нет, отец! если я и не плачу, но смотря на тебя, окаяваю себя». Бог, видя смирение второго брата, даровал и ему плач[3].

22. Два брата отреклись от мира и, уйдя в Нитрийскую гору, пребывали в послушании. Бог дал им дарование слез. Однажды некоторый святой старец увидел в видении обоих братьев: они стояли на молитве, держали в руках написанные бумаги и поливали их слезами. У одного из них написанное удобно измывалось, — у другого с трудом, и виделось написанным как бы бледными чернила-

[1] Пролог, 26 февраля. ‖ [2] Пролог, 18 сентября. ‖ [3] Пролог, 29 мая.

ми. Старец помолился Богу, чтоб видение было объяснено ему; Ангел Господень предстал старцу и сказал: «Написанное на бумагах, которое ты видел, это — грехи их. Один согрешил по естеству, и потому написанное измывается удобно; другой же впал в грехи нечестия и осквернился чрез естество, почему и нуждается в большем труде для покаяния». С того времени старец постоянно говаривал этому брату: «Потрудись, брат! Бледное измывается с трудом». Впрочем, старец не открывал ему видения до смерти его, чтоб не охладить усердия его, а только говорил: «Потрудись, брат! Бледное измывается с трудом»[1].

23. Некоторый старец пребывал с учеником в горе Антония Великого. Однажды он пошел в Египет для исправления нужд своих, взяв с собою и ученика. Пришедши в город и пробыв там неделю, они увидели, что жители того города, мужчины и женщины, рано утром выходят на гробы и оплакивают мертвецов своих даже до третьего часа (то есть девятого утра). Смотря на это, старец сказал ученику своему: «Брат! видишь ли, как рано они начинают плач свой? поверь мне: если и мы не будем поступать так, то наследуем вечную погибель». Возвратившись в келлию, они устроили себе гробы в значительном расстоянии один от другого, ежедневно выходили на гробы и, сидя у них, каждый оплакивал душу свою, как оплакивают мертвеца. Если когда после утрени ученик засыпал, — старец будил его, говоря: «Брат! встань: уже с час времени, как те, которых мы видели, плачут на гробах». Брат постоянно жаловался старцу: «Отец! у меня жестокая душа: не могу плакать». Старец отвечал ему: «Понуждай себя, чадо, потерпи некоторое время в труде над собою; Бог, видя труд твой, пошлет благодать Свою и поможет тебе, тогда уже будешь плакать без труда. Говорю тебе, сын мой, когда сердце будет уязвлено стрелою, то уже нет для него исцеления. Точно так, когда Бог уязвит сердце плачем, то болезненное чувство уже не отступает от сердца: сердце пребывает болезнующим до наступления смерти. Имеющий сердце, уязвленное плачем, куда бы он ни пошел, всюду носит с собою плач и болезнь. Делает ли он какое дело, ест или пьет, или спит, при всех этих занятиях душа его непрестанно имеет занятием своим плач». Однажды старец, увидев, что ученик его насытился пищею по случаю некоторых посетителей, сказал ему наедине: «Брат! разве ты не знаешь, что плач подобен возжженному светильнику: если не будешь тщательно охранять его, он тускнет и угасает. Плач истребляется

[1] Отечник. Рукопись.

излишеством в пище; отходит он от лишнего успокоения сном. Клевета и злоречие уничтожают его; многословие губит его; всякое телесное наслаждение растлевает его. Любящий Христа должен уделять часть Христу от всякой вещи». — Брат спросил: «Отец! что значит уделять часть Христу?» Отвечал старец: «Если у тебя чистый хлеб, то сбереги его для больных, а сам употребляй тот хлеб, который хуже. Если у тебя хорошее вино, то влей в него немного кислого ради Христа, Который ради тебя вкусил уксусу. Если употребляешь плоды или ягоды, не насыться ими, но оставь что-нибудь для нищих, говоря: это — часть Христова. Если подушка под головою у тебя мягка, отвергни ее, и положи под голову камень. Если будет холодно в твоей келлии, потерпи, скажи сам себе: у иных вовсе нет келлии. Если кто нанесет тебе огорчение, помолчи ради Христа, помыслив себе: и Христа оскорбляли ради меня. Если варишь себе пищу, то не вари вкусной, чтоб не возобладала тобою страсть сластолюбия. Живи в подвиге и смирении, всегда поминая, как жили святые. Если придет смерть и застанет нас в смирении и плаче, то мы вступим смертию в вечное успокоение. Если предложит тебе помысл приготовить в праздник пищу получше, не послушай этого помысла, чтоб не проводить праздника, подражая жидам: они празднуют во множестве брашен; монах должен праздновать во множестве плача, слез и умиления. Если услышишь, что кто-нибудь ненавидит и поносит тебя или клевещет на тебя, то пошли к нему подарок, соразмерный силе твоей, чтоб и тебе с дерзновением сказать в день Суда: оставь мне, Владыко, долги мои, как и я оставил должникам моим. Когда придут к тебе посетители, — ты, увидев их издалека, встань на молитву и скажи: Господи Иисусе Христе, избави нас от злоречия и от осуждения ближних! после этого прими их с любовию, угости чем можешь и, побеседовав с братиею благочестно, отпусти их с миром. — Если хочешь стяжать плач, то понудь себя, чтоб все вещи твои и все принадлежности келлии твоей были смиренны, подобны имуществу нищих, просящих хлеба. Если стяжешь книги, не украшай их блестящим переплетом. Не надевай новой одежды, доколе не износишь старой; не развесь платка у пояса: щегольством отгоняется плач и умиление. Если увидишь у брата какую келейную принадлежность или какое-либо земледельческое орудие и оно полюбится тебе, — удержи сердце твое и научи его отнюдь не любить ничего иного, кроме Христа. Если поленишься встать ночью к утрени, не дай пищи телу твоему, потому что говорит Писание: *праздный да не яст*. Истину говорю

тебе: если мирской человек украдет что, то это вменяется ему в вину; так Бог поставит в вину всякому иноку, если инок не по причине послушания или болезни, или великого труда упустит какую-либо церковную службу. Однако и от больного и от трудящегося требуется молитва умная, могущая совершаться и без участия тела. Хранись от злоречия: злоречие — смерть души. Если брат принесет тебе подарок в знак любви и ты знаешь, что он беднее тебя, то воздай ему подарком большей цены; если же не имеешь чем воздать, поклонись брату до земли и скажи ему: прости меня Господа ради; я нищ, а Господь воздаст тебе мзду за любовь твою. Если слышишь или читаешь поведание о житиях святых Отцов, то и ты начни жить подобно им, призывая имя Господа, чтоб Он укрепил тебя. С постоянством пребывай в добрых делах, которые ты начал, воссылая хвалу Богу; если же оставишь какое дело по немощи,— сознай твою немощь, уразумей твое окаянство, смири твою мысль и непрестанно обличай душу твою по поводу начатых и неоконченных добрых дел твоих. Если ты впал в плотские грехи, не вспоминай и не размышляй, каким образом ты сделал их, потому что таким воспоминанием и размышлением осквернится душа. Моли о грехах твоих Христа, говоря: Господи! Ты знаешь грехи мои, и Ты, если хочешь, можешь очистить их, а я не смею помышлять о них. Если живешь в пустыне и уразумеешь, что Бог посещает тебя благодатию Своею, то да не вознесется сердце твое, напротив того, скажи: Бог, видя расслабление и немощь мои, творит милость Свою со мною, чтоб я не ослабел окончательно, но терпеливо пребывал в подвиге. Если же превознесешься даром благодати Божией, то Бог отнимет от тебя дар. Если брань любодеяния разжигает сердце твое, то разыщи начало брани, разыщи, на чем основывается она, с чего началась, и исправься. Брань любодеяния восстает в человеке от многоядения, от многопития, от многого сна, от превозношения и величания, когда кто мнит о себе, что он лучше братий, что благоговейно служит Богу, что проводит целомудренную жизнь, когда осуждает других и считает их грешными. Без этих причин брань любодеяния не восстает в человеке. Если удержишь чрево, не будешь осуждать никого из согрешающих, не будешь думать о себе, что хорошо живешь или что дела твои благоугодны Богу, то брань любодеяния отступит. Живи по возможности в нищете и скудости и помогай неимущим и нуждающимся»[1].

---

[1] Отечник. Рукопись. Пролог, 10 февраля. Здесь сокращено.

Плач и слезы свойственны пребывающим в нищете и имеющим в сердце залог милости ко всем ближним, без исключения и различия.

24. Некоторый старец, подвижник, имел учеником ленивого брата, который, видя старца постящегося и неядущего по шести дней, сказал ему: «Отец! некто сказал, что многое пощение приводит в гордость». Старец отвечал ему: «Если будем разуметь так, то уже ни леность ли или небрежение приводят в смирение? Не надо ли идти отсюда в город, жениться, есть мясо и пить вино? Горе нам, чадо! мы поруганы и обольщены врагом нашим! Вместо того чтоб принимать и усваивать это обольщение, говори во всяком деле твоем и ежечасно: ныне, если Бог посетит меня смертию, что мне будет от праведного Судии? И внимай, что скажет в ответ совесть твоя. Если она осуждает тебя в чем или обличает по отношению к какому-либо делу в высокоумии, то немедленно оставь такое дело, возьмись за другое, которым уповаешь благоугодить Богу. Инок-делатель ежечасно должен быть готов на исшествие в путь свой, в тот путь, который предлежит душе по разлучении ее с телом. Ешь ли, или пьешь, или что другое делаешь, говори в себе непрестанно: если теперь позовет меня Господь, что будет? И наблюдай, какой ответ даст тебе совесть твоя: постарайся сделать то, что она тебе скажет. Если направишься на великое пощение, бдение, подвиги и труды, потом ослабеешь в них, то не малодушествуй, но начни снова, и не преставай так поступать даже до дня смерти твоей. В каком делании отойдешь, в таком и будешь судим: или в пощении, бдении и труде, или в лености, почему ты должен всякий час, год, месяц и неделю рассматривать себя, в какой добродетели ты сделал успех, — в бдении ли, в посте ли, в молитве ли, или в безмолвии, в особенности же преуспел ли в смирении. Истинное преуспеяние души состоит в том, чтоб ежедневно делаться покорнее Богу и говорить себе: каждый человек лучше меня. Без этой мысли, если кто и чудеса творит и мертвых воскрешает, — далече отстоит от Бога. Если пойдешь вопросить о чем какого-либо старца и он по молитве велит тебе сесть, скажи ему со смирением: "Отец! скажи мне слово о спасении и о жизни вечной, как приобрести их, и помолись за меня, потому что я имею много грехов". Более этого не говори, если он о чем сам не спросит. Если брат поверит тебе свою тайну, а другой будет заклинать тебя, чтоб ты открыл эту тайну ему, смотри, не объяви тайны брата своего, не убойся заклинания: заклинающий сам понесет грех своего заклинания. Если не имеешь умиления в душе, то разумей, что имеешь величание в сердце твоем

или побеждаешься многоядением: то и другое не допускают душу прийти в умиление. Если оскудеют у тебя телесные потребности, — не скажи человеку: дай мне; напротив того, возложи на Господа попечение твое и не оставляй Бога, и *Той тя препитает*. Просящий у человеков не верует, что Бог может ему помочь. Когда человек сам собою даст или принесет тебе что, — прими с благодарением, если нуждаешься, как посланное от Бога; если же не нуждаешься, то никак не принимай: может быть, и враг тебя искушает, чтоб ты принял то, в чем не нуждаешься. Приучи себя не смотреть на чье-либо тело, если же можно, то ниже на свое. Если Бог даст тебе плач и умиление, то, плача, не помышляй в себе, что ты делаешь что-либо великое, — тем более смиряйся и укоряй себя. Когда Бог видит, что человек хвалится о слезах в сердце своем, тогда взимает от него плач, и бывает сердце его жестоко как камень: Бог оставляет его, чтоб он смирился и познал всю немощь. Если не имеешь смирения в душе, то стяжи телесное; от тела оно перейдет к душе. Если вопрошаешь о чем-либо твоего отца и слышишь от него слово Божие, то постарайся исполнить то, что ты услышал; если же вскоре ослабеешь или забудешь и не исполнишь, то не преставай по этому поводу вопрошать: вопрошающий, слышащий и неделающий зазирает себе и смиряется, а от сего получает некоторую милость от Бога. Невопрошающий не слышит, не прислушивается, не смиряется, не обретает милости. Если похвалит тебя человек в лицо, — ты немедленно вспомни грехи твои и скажи ему: "Брат! ради Господа не хвали меня: я окаянен и недостоин похвалы". Если хвалящий тебя человек знаменитый, то скажи так: "Прости меня, владыко!" А в себе молись Богу, говоря: Господи! покрой и избавь меня от ложной похвалы человеческой. Если впадешь в любодеяние и будет близко место жительства того лица, с которым ты пал, то уйди из этого места, потому что, живя в этом месте, не будешь иметь возможности покаяться. Если видишь собственными твоими очами брата блудодействующим или соделывающим другой какой грех, то не осуди его, но помолись Богу о нем, говоря: Господи! сохрани брата моего и меня от обольщения демонами! К этому присовокупи: проклят будь ты, диавол! это твое дело; брат мой не сделал бы его сам по себе, — и наблюдай сердце твое, чтоб оно не осудило брата и не отступил от тебя Святой Дух. Если пред тобою брат будет оклеветывать брата: то не скажи и ты: да, точно так; но или молчи, или скажи: брат! я сам грешен: будучи в числе осужденных, никак не могу судить другого. Так спасешь и себя и душу говорящего с тобою

от осуждения. Если впадешь в болезнь и попросишь у кого какой вещи, тебе нужной, а он не даст тебе просимого, то не опечалься на него в сердце твоем, напротив того, скажи: если б я был достоин получить, Бог вложил бы в сердце брату моему, и он дал бы мне. По отношению к принятию монашествующие разделяются на три чина. Отцы наши, достигшие совершенства, не скоро принимали от кого что-либо. Средние не просили ни у кого ничего; если же кто от себя давал им, то принимали с благодарением, как посланное от Бога. Мы же, если недостаточны в силах, чтоб трудами приобретать нужное себе, то просим со смирением, зазирая себя непрестанно и укоряя как немощных. — Когда Бог пошлет плач и умиление душе твоей или на краткое время, или на многие дни, тогда оставь всякое рукоделие, пребывай в том плаче и умилении, как в делании самонужнейшем. Может быть, близок день твоей смерти, и по этой причине Бог послал тебе плач и умиление, чтобы посредством их ты обрел милость. Как диавол, видя приближающийся конец жития человеческого, особенно старается погубить человека, так и Бог при кончине посылает какое-либо особенное средство к спасению»[1].

Очевидно, что тот пост и те подвиги приводят в гордость, которые совершаются напоказ человекам или с гордою целию достичь высокого духовного состояния. Подвиги в разуме приводят к смирению. Приводят подвиги к смирению, когда совершаются с целию покаяния, с целью обуздания страстей своих. Святые Отцы, достигши сверхъестественного благодатного состояния, проходили сверхъестественные подвиги; вообще древние иноки, при крепости телосложения, которой ныне не встречается, были способны к усиленным подвигам. Мы не можем иметь таких подвигов; но подвиг, соответствующий силам и обуздывающий страсти, возможен и для нас. Такой-то подвиг и есть подвиг существенно полезный, существенно нужный.

25. Некоторый монах имел сестру по плоти, монахиню. Услышав, что она больна, он пришел в монастырь ее, чтоб посетить болящую. Она была раба Божия, великая в святом подвижничестве. Не допуская мужчин к свиданию с собою, она отказалась принять и брата, чтоб не дать повода мужчинам входить в женский монастырь. Монахиня приказала сказать монаху: «Иди, господин брат, в келлию свою, и молись о мне: по благодати Бога и Спасителя нашего увижу тебя в будущем веке, в Царстве Господа нашего Иисуса Христа»[2].

---

[1] Отечник. Рукопись. || [2] Pag. 760, cap. 33; pag. 872, cap. 51.

26. Монах встретился на пути с монахинями. Увидев их, он свернул с дороги в сторону. Тогда игумения сказала ему: «Если б ты был совершенный монах, то, увидев нас, не увидел бы в нас женщин»[1].

27. Два брата, монахи, пришли в соседний город, чтоб там продать работу свою целого года, и остановились в гостинице. По продаже рукоделия один пошел закупить нужное для них, а другой остался в гостинице и по наущению диавола впал в любодеяние. Уходивший брат, возвратясь, сказал оставшемуся: «Вот! мы запаслись всем нужным,— возвратимся в келлию». Другой брат отвечал: «Я не могу возвратиться». Когда же брат начал упрашивать его, чтоб он возвратился, говоря: «Почему тебе не возвратиться в келлию?» Этот исповедал ему грех свой. «Я, — сказал он, — когда ты ушел от меня, впал в любодеяние, и потому не хочу возвратиться». Брат, желая приобрести и спасти душу брата, сказал ему с клятвою: «И я, отлучившись от тебя, подобным образом впал в любодеяние; однако воротимся в келлию и вдадимся в покаяние. Богу все возможно: возможно Ему даровать нам прощение за покаяние наше и избавить муки в огне вечном, казней во аде и тартаре, где нет места покаянию, где огнь неугасающий и жестокие пытки находятся в непрестанном действии». Они возвратились в келлию свою. Потом пошли к святым Отцам, пали к стопам их, стеня и воздыхая, проливая обильные слезы, исповедали им падение, которому подверглись. Святые старцы наставили их на делание покаяния и дали заповеди, которые они исполнили тщательно. Несогрешивший брат приносил покаяние, как бы сам согрешил, за согрешившего, по великой любви, которую имел к нему. Господь призрел на подвиг любви: открыл святым Отцам тайну, и что, за любовь того, кто не согрешил, а подверг себя труду покаяния для спасения брата, даровано прощение и согрешившему. В этом событии исполнились слова Писания: *мы должни есмы по братии души полагати*[2].

28. В некотором общежительном монастыре был монах, уже старый и самой благочестивой жизни. Сокрушенный тяжким, невыносимым недугом, он провел долгое время в великих страданиях. Братия не могли придумать, чем помочь ему в болезни его, потому что тех средств, которые требовались для врачевания его, не было в монастыре. Услышала некоторая раба Божия о затруднительном

---

[1] Pag. 872, cap. 62. || [2] ...*мы должны полагать души свои за братьев* (1 Ин. 3. 16). Pag. 745, cap. 12.

положении болящего и начала просить отца киновии (общежительного монастыря), чтоб дозволил ей взять болящего в свою келлию, находившуюся в городе. Она намеревалась ухаживать за ним, а более желала сделать это по той причине, что в городе удобнее было получать нужное для него по болезни. Отец приказал братиям отнести болящего в келлию рабы Божией. С великим уважением она приняла старца, начала служить ему ради имени Господня и для стяжания награды в вечности, которую она веровала получить от Христа, Спасителя нашего. По прошествии трех лет и более служения ее неблагомыслящие люди, сообразно собственному нравственному расстройству, начали выражать подозрение о чистоте отношений старца к служившей ему деве. Услышал это старец и молил Господа Иисуса Христа так: «Ты, Господь Бог наш, един ведающий все, видишь множество болезней недуга моего и нищеты моей и милостиво взираешь на горестное положение, в которое привела меня немощь моя, угнетающая меня столь долгое время и столь сокрушившая меня, что сделалось мне необходимым служение этой рабы Твоей, служащей мне ради имени Твоего. Воздай ей, Господь и Бог мой, достойную награду в вечной жизни, как Ты благоволил обетовать эту награду во благости Твоей тем, которые ради имени Твоего будут услуживать нищим и немощным». Когда приблизился день кончины его, сошлись к нему очень многие святые Отцы и братия из монастыря, и он сказал им: «Прошу вас, владыки, отцы и братия: по кончине моей возьмите жезл мой и воткните его в насыпь могилы моей. Если он пустит корни и даст плод, то знайте, что совесть моя чиста в отношении к рабе Божией, служившей мне. Если же жезл не оживет, — знайте, что я осквернился падением». Человек Божий скончался. Тогда, по завещанию его, отцы воткнули жезл на могиле его, и жезл ожил, пустил листья, а в свое время принес и плод. Все удивились и прославили Бога. К созерцанию чуда стекались многие даже из соседних стран и возвеличивали благодать Спасителя. «И мы видели это деревцо, — свидетельствуют писатели повести, — и благословили Господа, покрывающего Божественным Промыслом Своим всех служащих Ему в простоте и истине»[1].

Событие это показывает, как опасно легкомысленное суждение и осуждение ближних по поверхностному взгляду на действия их, по взгляду, исходящему наиболее из собственной испорченности. Осуждая по видимому

[1] Pag. 753, cap. 24.

грешника, легко можно осудить святого и праведника. Этому подверглись многие, забывшие повеление Господа, заповедавшего тщательный суд прежде осуждения[1], заповедавшего заключать о людях по *плодам их*[2], а не по наружной обстановке, воспретившего судить *по лицу*, по поверхностному взгляду: *не судите на лица, но праведный суд судите*[3].

29. Брат пошел почерпнуть воды из реки. Там он встретился с женщиною, мывшей белье, и пал с нею в блуд. По совершении греха он взял водонос с водою и пошел в келлию. Бесы напали на него и начали сильно возмущать помыслами, говоря: «Зачем ты идешь в келлию? тебе нет спасения! возвратись в мир!» Брат понял, что они хотят совершенной погибели его; он отвечал помыслам: «Откуда вы пришли? зачем смущаете меня, стараясь привести в отчаяние? Я не согрешил; повторяю вам: я не согрешил». Отразив таким образом помыслы, брат пришел в келлию свою и продолжал безмолвствовать в ней по-прежнему. Случившееся Бог открыл одному из старцев, соседу брата, возвестив, что этот брат пал и в самом падении одержал победу. Старец пришел к брату и спросил его: «Как ты поживаешь?» Он отвечал: «Хорошо, отец!» Старец опять спросил его: «Не случилось ли с тобою на этих днях чего неприятного?» — «Ничего», — отвечал брат. Тогда старец сказал о бывшем ему откровении. Брат рассказал ему случившееся. Старец, выслушав поведание брата, сказал: «Поистине, рассуждение твое сокрушило всю силу вражию».

30. Некоторый монах обитал в пустыне. Была у него знакомая в мирском быту, даже родственница, — женщина молодая. После многих лет она узнала о местопребывании монаха и, научаемая диаволом, пошла в пустыню отыскивать его. Нашедши его, она вошла в келлию его, и представив ему, что она родственница, осталась у него. Он пал с нею в грех. В той же пустыне жил другой монах. С этим случилось следующее: когда приходило время трапезы, кувшин с водою, который приготовлялся для пития, опрокидывался сам собою и вся вода выливалась на землю. Это повторялось несколько дней. Он рассудил сходить к вышеупомянутому первому монаху и сказать ему о том, что делается с кувшином и водою. На пути, когда смерклось, он вошел на ночлег в древний разрушенный идольский храм, — и слышит, демоны говорят между собою: «В эту ночь, — говорили они, — мы повергли такого-то монаха

[1] Мф. 23. 23. ‖ [2] Мф. 7. 20. ‖ [3] *Не судите по наружности, но судите судом праведным* (Ин. 7. 24).

в любодеяние». Слыша это, он удивлялся. Когда рассвело, он достиг келлии монаха, нашел его погруженным в глубокую печаль и сказал ему: «Брат! как быть мне? когда лишь захочу вкусить пищи, кувшин, который употребляю для воды, опрокидывается и вода проливается». — Первый монах отвечал: «Ты пришел ко мне спросить о кувшине, который опрокидывается, и о воде, которая проливается, а я спрашиваю тебя: что делать мне? в эту ночь я впал в любодеяние». Отвечал второй монах: «И я это узнал». «Откуда ты мог узнать?» — «Вошедши дорогою на ночлег в идольский храм, я слышал, что демоны говорили о твоем падении и хвастались им; то очень опечалило меня». Первый монах сказал: «Я ухожу отсюда и иду в мир». Второй начал упрашивать его, говоря: «Не делай этого, возлюбленный брат! напротив того, перенесши терпеливо искушение, останься в этом месте. Женщину вышлем: пусть идет в свое место. Очевидно, что искушение устроилось злохитростию лукавого диавола, тем более нужно, чтоб ты пребыл здесь до конца жизни, подвизаясь душою и телом, умоляя при содействии внутреннего сердечного плача и слез благость Господа и Спасителя нашего, чтоб обрести тебе милосердие в страшный день великого Суда Божия»[1].

Так! страсти в нас. Это надо знать и знать. Уходя в пустыню, мы уносим туда страсти с собою. В пустыне, не находя пищи, умучиваемые и усмиряемые подвигом, они действуют слабее, — зато становятся утонченнее. При малейшей неосторожности, когда явится соблазн, они действуют с особенною силою и с особенным лукавством. Необходимо для подвижника совершенное недоверие к себе, к непоколебимости своей воли, к бесстрастию своему. Удалившемуся от соблазнов должно бояться их более, нежели вращающемуся среди соблазнов. В сердце нашем может произойти внезапно самое страшное, самое чудовищное изменение. Искушения не престают стужать даже лежащему на смертном одре, — отступают, когда душа оставит тело.

31. Брат спросил старца, говоря: «Авва! что мне делать? мне всегда стужают помыслы любодеяния и не дают успокоиться ни на один час; от этого очень скорбит душа моя». Старец отвечал: «Наблюдай за собою, чадо! Когда бесы всевают страстные помышления в ум твой, — ты не принимай их и не беседуй с ними. Обычно бесам непрестанно приходить к нам и неупустительно стараться в чем-либо уловить нас; но они не имеют возможности принудить нас насильствен-

[1] Pag. 747, cap. 14.

но: в твоей власти принимать или не принимать их». Брат сказал на это старцу: «Что мне делать, авва! я немощен: похоть одолевает меня». Старец: «Внимай себе, чадо, и познавай пришествие демонов. Когда они начинают лишь говорить с тобою, не отвечай им, но встав, пади лицом на землю и молись, говоря: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги мне и помилуй меня». Брат сказал ему: «Авва! я принуждаю себя, но пребываю в нечувствии, и нет умиления в сердце моем; я не ощущаю силы слов». Старец отвечал: «Ты только говори слова эти, а Бог поможет тебе, как сказал авва Пимен и многие другие Отцы, что обаятель, когда производит обаяние, не знает силы произносимых им слов, но змея, когда слышит эти слова, то сила слов на нее действует, она повинуется и усмиряется; так и мы, хотя не знаем силы того, что произносим, но бесы, слыша произносимое нами, отходят со страхом»[1].

32. Некоторый брат, пребывавший в Енате, монастыре Александрийском, впал в грех, и от сильной печали бесы привели его в отчаяние. Но он, как искусный и опытный подвижник, увидев себя побежденным скорбию, начал понуждать себя к благому упованию и говорил: «Верую щедротам Божиим, что Бог сотворит со мною милость». Когда он так говорил, то бесы возражали: «Почему ты знаешь, что Бог сотворит с тобою милость?» Он отвечал им: «Вы кто? что вам за дело, сделал ли я или не сделал? Вы сыны тьмы и геенны и наследники погибели. Если Бог милостив и благ, то вам что до этого?» Таким образом, бесы, будучи посрамлены братом, отступили от него без всякого успеха. Брат упованием на милость Божию и помощию Божиею пришел к покаянию и спасся[2].

33. Брат был борим блудом и пошел к старцу, прося его, чтоб он помолился Богу о освобождении его от брани. Старец сжалился о брате и молился о нем Богу в продолжение семи дней. Когда на восьмой день брат, по данному ему приказанию, пришел к старцу, то старец спросил его: «Брат! как твоя брань?» Он отвечал: «Отец! мне нисколько не сделалось легче». Старец, услышав это, удивился и опять ночью начал молиться о брате. Тогда предстал ему диавол и сказал: «Поверь мне, старец, — в первый день, когда ты стал молиться Богу за него, я тотчас отступил от него, но он имеет собственного беса и собственную брань от гортани и чрева своего; уже в этом я не виноват! Он сам себе причиняет брань тем, что ест, пьет и спит без меры, сколько хочет: по этой причине брань беспокоит его»[3].

[1] Отечник. Рукопись. || [2] Отечник. Рукопись. || [3] Отечник. Рукопись.

34. Некоторый брат рассказывал нам: «Некогда случилось, что меня смущали помыслы вожделения жены так, что я не знал, что делать от напора их и от ночных мечтаний. Когда я был уже близок к тому, чтоб оставить пустыню и возвратиться в мир, пришел мне помысл идти во внутреннюю пустыню для посещения старцев. Я немедленно пошел, и в продолжение двадцати дней посещал святых Отцов, состарившихся в пощении, между которыми нашел величайшего и искуснейшего по рассуждению и подвигам святого авву Памву; ему осмелился я исповедать брань мою. Старец сказал мне: "Не удивляйся случившемуся с тобою; ты страждешь это не от расслабления, но от подвига, что доказывается тем, что живешь в месте скудном жизненными потребностями и лишенном общения со многими человеками. Блудная брань бывает троякая: 1-е она восстает на нас, когда тело пользуется здоровьем; 2-е от прежде бывших дел и помышлений; 3-е от зависти бесов и от других причин. Ты видишь меня, как я стар; семьдесят лет живу в келлии этой в попечениях о спасении моем. В таковой старости поныне претерпеваю искушения и напасти". И говорил он мне, уверяя в справедливости поведания своего клятвою: "Поверь мне, чадо, что в продолжение двенадцати лет не оставлял меня блудный бес ни днем, ни ночью, непрестанно нападая скверными помышлениями и мечтаниями, и говорил я сам в себе: Бог отступил от меня, и потому побеждаюсь страстями. Я решился лучше умереть, нежели оскверниться плотскою страстию; пошел в пустыню с намерением предать себя на снедение зверям и, нашедши там логовище медведя, вошел в логовище, и, раздевшись донага, повергся на землю с тем, чтоб звери, когда придут, съели меня. К вечеру пришли звери, обнюхали меня с ног до головы, и в то время, как я думал, что они съедят меня, они пошли от меня, ничем не повредив меня. Уразумев, что Бог помиловал меня, я возвратился в свою келлию. По прошествии краткого времени опять начал меня беспокоить бес блудный, так что я от великой скорби и печали впал в хулу. Враг же, увидев меня в смущении, превратился в некоторую девицу, ефиоплянину, которую я видел некогда на жатве, собиравшую колосья, и, пришедши ко мне, сел на колени мои и так помрачил меня, что мне показалось, что я совокупился с нею. Очень опечалившись, в ярости, ударил я ее по щеке, и тотчас она исчезла; от удара этого я не мог в продолжение двух лет поднести руки моей к устам по причине лютого смрада. В то время, как я предавался крайнему малодушию и терял благонадежие, опять пошел в пустыню и,

нашедши малую змею, взял ее и приложил к тайным моим членам, чтоб она уязвила и я умер. Я приставил к ним главу змеи, но она не тронула их, — и вот — слышу голос, говорящий мне: "Памва, иди в келлию твою и отселе будь спокоен: Я предоставил тебе искуситься с тою целию, чтоб ты не высокомудрствовал о себе и не мнил, что можно сделать что-либо доброе без помощи Божией; познай немощь твою и не уповай на подвиг твой, но прибегай к помощи Божией". Удовлетворившись таким образом, я возвратился в келлию, и с того времени не беспокоила меня брань; я пребывал в мире, возлагая на Бога печаль мою"»[1].

35. Сказывали о некотором старце, что он, идя однажды дорогою, нашел след женский и засыпал его землею, помыслив, чтоб кто-либо из братии, увидев этот след, не получил брани[2].

36. Некоторый брат имел брань любодеяния; вставши, он пошел к некоторому старцу и сказал ему о своих помыслах. Старец сделал ему наставление и, утешив, отпустил с миром. Брат, почувствовав пользу, возвратился в свою келлию, — но вот! опять брань пришла к нему. Он сходил опять к старцу, и таким образом поступал несколько раз. Старец не оскорбил его, но говорил на пользу ему, наставляя его не только не вдаваться в расслабление, но, напротив, приходить к нему каждый раз, когда враг начнет стужать, для обличения врага. «Таким образом, — сказал старец, — враг, будучи обличаем, отступит от тебя: ничто так не противно духу любодеяния, как когда открывают дело его, и ничто не приносит ему такой радости, как когда скрываем приносимые им помыслы»[3].

37. Были два монаха, родные братия по плоти и братия по духу. Против них кознодействовал лукавый диавол с целию разлучить их друг от друга каким бы то ни было образом. Однажды к вечеру, по обычаю их, младший брат засветил лампаду и поставил ее на подсвечнике. По злонамеренному действию демона упал подсвечник, и лампада погасла. Лукавый диавол устраивал этим повод к ссоре между ними; старший брат вскочил и в ярости начал бить младшего. Этот упал ему в ноги и уговаривал своего родного брата так: «Успокойся, владыко мой: я снова засвечу лампаду». По той причине, что он не отвечал гневными словами, лукавый дух, будучи посрамлен, тотчас отступил от них. В ту же ночь дух этот отправился к князю демонов и известил его, что «он ничего не мог сделать этим монахам по причине смирения того монаха, который поклонился в ноги брату и просил у него прощения. Бог, видя

[1] Отечник. Рукопись. ‖ [2] Отечник. Рукопись. ‖ [3] Отечник. Рукопись.

смирение его, излил на него благодать Свою, и я чувствую, что жестоко мучаюсь и терзаюсь, не успев разлучить их друг от друга». Все эти слова слышал жрец идольский, пребывавший в том месте. Страх Господень и любовь к Иисусу Христу объяли его. Он понял, что поклонение идолам есть великое обольщение и погибель для душ, оставил все, поспешно пришел в монастырь к святым Отцам и пересказал им, что злобные демоны говорили между собою. Наставленный учением святых Отцов вере в Господа Спасителя, он принял Святое Крещение, а потом и монашество; при помощи и содействии благодати Божией соделался искуснейшим монахом: столько преуспел в кротости и смирении, что все удивлялись его величайшему смирению. Он говорил, что смиренное настроение души уничтожает всю силу противников наших — диаволов. Сам Господь наш Иисус Христос при посредстве смирения восторжествовал над диаволом и сокрушил силу его. К этому присовокуплял, что он часто слышал демонов, разговаривающих между собою. Между прочим они говорили: «Когда мы возбуждаем сердца человеческие к гневу, тогда, если кто из человеков выдержит терпеливо злословие и бесчестие и обратится к средствам, доставляющим мир, говоря: я согрешил, — тотчас чувствуем уничтожение всей нашей силы, и поступающих так осеняет благодать Божественного всемогущества»[1].

Такое действие смирения против гнева, раздражения и злобы ощущают все иноки, проводящие внимательную жизнь по заповедям Евангелия и борющиеся со страстями своими. Но те, которые последуют влечению страстей своих, удовлетворяют требованиям их, — не знакомы с блаженными опытами, доставляемыми последованием учению Евангелия: они *ходят*, то есть проводят жительство, *во тьме* нравственной, которая предшествует тьме адской, предызображает ее и служит для нее залогом.

38. Два брата были во вражде между собою. Во время гонения на христиан их схватили по причине святой веры и, подвергнув многим мучениям, посадили в тюрьму. Один из них сказал другому: «Брат! нам должно примириться и не гневаться одному на другого, потому что завтра мы должны умереть и пойдем предстать Господу». Но другой брат отказался от примирения. На другой день их вывели из тюрьмы, чтоб отсечь им головы. Брату, желавшему примирения, была прежде отрублена голова: он в вере отошел ко Господу. Другой же, не хотевший примириться, отрекся от Христа.

[1] Pag. 748, cap. 18.

Мучитель сказал ему: «Почему ты не отвергся вчера, прежде пытки, чтоб избежать ран, а отвергся сегодня?» Он отвечал: «Я преступил заповедь Господа моего: не примирился с братом моим. За это Бог оставил меня и отъял от меня помощь Свою. Лишенный ее, я отрекся от Христа»[1].

39. Между святыми старцами был муж великий, которому Христос даровал такую благодать, что он, по действию Святого Духа, видел то, чего другие не видят. Он сказывал, что однажды сидели многие братия, разговаривая между собою. Когда разговор шел душеспасительный и приводимы были для назидания изречения из Священного Писания, тогда стояли между братиями святые Ангелы; на лицах их сияла радостная улыбка; они с удовольствием внимали беседе о Господе. Когда же разговор переходил к предметам суетным, Ангелы огорчались и тотчас уходили далеко от беседующих, в среде которых появлялись нечистейшие кабаны, покрытые струпами, и вращались кругом их. Это были демоны: они принимали вид кабанов и увеселялись пустословием и многословием монахов. Увидев это, блаженный старец ушел в свою келлию и в продолжение всей ночи плакал и рыдал; стенания и слезы изливались из сердца его о горестном недуге падения нашего. Он увещевал и наставлял отцов и братий по монастырям, говоря: «Охраняйтесь, братия, от многословия и суетных бесед, от которых рождаются для души вред и погибель; мы не понимаем, что чрез такие беседы соделываемся ненавистными Богу и Ангелам Его. Говорит Писание: *от многословия не избежиши греха*![2] Многословие расслабляет душу и ум наш, вносит в них пустоту»[3].

Монахам нашего времени должно читать и перечитывать эту повесть.

40. Несколько монахов, вышедши из хижин своих, собрались вместе и беседовали о благоверии, монашеском подвижничестве и о средствах Богоугождения. Из числа беседующих два старца увидели Ангелов, которые держали монахов за мантии их и похваляли беседовавших о вере Божией; старцы умолчали о видении. В другой раз монахи сошлись на том же месте и начали говорить о некотором брате, впавшем в согрешение. Тогда святые старцы увидели смердящего, нечистого кабана и, уразумев согрешение

---

[1] Отечник. Рукопись. ‖ [2] *При многословии не миновать греха* (Притч. 10. 19). ‖ [3] Pag. 762, cap. 36.

свое, открыли прочим о видении Ангелов и о видении кабана. При этом старцы рассуждали между собою, что каждый из нас должен соединиться духом воедино с ближним своим, — с его плотию, со всем человеком, во всем сострадать ему, во всем сорадоваться, все скорбное для ближнего оплакивать. Просто сказать: быть в отношении к нему, как бы была у него с ближним его одна общая плоть, одна общая душа; скорбеть, когда случится с ним печаль, как о самом себе. И Писание свидетельствует, что мы — едино тело о Христе; также оно говорит, что у множества веровавших в Господа было одно сердце и одна душа[1].

41. Один из старцев сделался болен и в течение многих дней не мог употреблять никакой пищи. Ученик его убедительно просил его, чтоб он позволил приготовить для него немного киселя. Старец согласился. У них был сосуд с медом и другой, подобный, сосудец с маслом, выжатым из льняного семени; масло это уже протухло и не годилось ни для какого употребления, разве для лампады. Брат по ошибке положил в приготовленную им пищу масло, полагая, что кладет мед. Старец отведал, не сказав ничего, но молча стал есть. Когда была подана третья перемена, старец сказал ученику: «Сын! я не могу более есть». Этот, желая, чтоб он еще поел, сказал: «Авва! кисель хорош, и я поем его». С этими словами он отведал, — и понял сделанную им ошибку. Он пал к ногам старца, говоря: «Увы мне, авва! я убил тебя. Какой грех возложил ты на меня, ничего не сказав мне!» Отвечал ему старец: «Не огорчайся! если б благоугодно было Богу, чтоб я вкусил хорошей пищи: то ты положил бы меду, а не того, что положил»[2].

42. Некоторый брат вопросил старца, говоря: «Отец! что мне делать! я не могу преодолеть помышлений». Старец отвечал: «Я никогда не подвергался нападению помышлений». — Соблазнился брат, — пошел к другому старцу, говорит ему: «Вот что сказал мне такой-то старец! я соблазнился на него, потому что сказанное им неестественно человеку». Второй старец отвечал: «Не без причины сказал тебе это слово человек Божий; поди и со смирением попроси, чтоб он объяснил тебе сказанное им». Брат возвратился к первому старцу и сказал ему: «Авва! прости меня: я поступил безрассудно, что ушел от тебя, не простившись с тобою. Но объясни мне, прошу тебя, каким образом ты пребываешь без борьбы с помыслами?» Старец отвечал: «С того времени, как я — монах, не вкусил я досыта ни хлеба, ни воды, ни сна, — и это не попусти-

[1] Деян. 4. 32. Пролог, 29 мая. || [2] Pag. 767, cap. 51.

ло меня до такой борьбы с помыслами, о какой ты спрашивал». Брат вышел от старца, получив помощь от его слова[1].

43. Некоторый брат приходил в келлию великого старца и крал у него жизненные припасы. Старец видел это. Он не обличил брата, но занялся более рукоделием, говоря: «Думаю,— этот брат нуждается». И нес старец тяжкую скорбь, терпя большой недостаток в хлебе. Когда старец кончался, — братия окружили его. Он, увидев между ними брата, который постоянно крал у него хлеб, сказал ему: «Подойди ко мне, брат!» Брат исполнил это. Тогда старец схватил руки его, начал целовать их, говоря: «Благодарю эти руки! при посредстве их я надеюсь войти в Царство Небесное». От этих слов брат умилился, принес покаяние, соделался строгим монахом по примеру старца, действий которого он был очевидцем[2].

44. Некоторый брат тем был веселее духом, чем более бесчестили его и насмехались над ним. Он говорил: «Бесчестящие нас и насмехающиеся над нами доставляют нам средства к преуспеянию, а похваляющие нас вредят душам нашим. Говорит Писание: *людие мои! Блажащии вас, льстят вы*»[3].

45. Другой старец, когда был обижен кем, спешил — если обидевший был близко — сам воздать ему за зло добром; если же жил далеко, то посылал ему чрез других подарки.

46. Два старца жили в одной келлии, и никогда не возникало между ними ни малейшего неудовольствия. Видя это, один сказал другому: «Поссоримся и мы, хотя однажды, как ссорятся люди». Другой отвечал: «Я вовсе не знаю, каким образом может породиться ссора». Первый сказал: «Вот, я поставлю посреди нас глиняную посуду и скажу: *она моя*, а ты скажи: *она не твоя, а моя*. Из этого родится спор, а из спора — ссора». Сговорившись так, они поставили посуду посреди себя, причем один сказал: «Она — моя». Другой отвечал: «А я полагаю, что она — моя». Первый опять сказал: «Не твоя она, но моя». Тогда второй отвечал: «А если она — твоя, то возьми ее». Таким образом, они не могли достичь до того, чтоб поссориться[4].

Вот плод жительства по евангельским заповедям и навыка к смирению. Сердце, стяжавшее этот навык, — не способно к сварливости и ссорам: оно готово на все уступки для избежания спора и ссоры.

---

[1] Pag. 770, cap. 62. ‖ [2] Pag. 773, cap. 74. ‖ [3] Ср.: *Народ Мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение, и путь стезей твоих испортили* (Ис. 3. 12). ‖ [4] Pag. 777, cap. 96.

47. Некоторый брат, живя в общежительном монастыре и часто побеждаясь гневом, сказал сам себе: «Пойду в пустыню: может быть, там, не имея с кем ссориться, успокоюсь от страсти». Он вышел из монастыря и стал жить один в пустыне. Однажды он наполнил водою сосуд свой и поставил его на землю. Сосуд внезапно опрокинулся. Во второй раз случилось то же. В третий раз кувшин также опрокинулся: монах, рассердясь, схватил кувшин, ударил о землю. Кувшин разбился. Возвратясь к себе, брат начал размышлять о случившемся и понял, что враг поругался над ним. Тогда он сказал: «Вот! я — один; однако побежден страстию гнева. Возвращусь в монастырь: видно — везде нужны борьба с самим собою и терпение, в особенности же — помощь Божия». И, встав, возвратился монах в обитель свою[1].

Святые наставники монашества строго воспрещают монахам, в которых сильно действует гнев, жительство наедине, в пустыне или в затворе. От уединенного жительства гневная страсть усиливается и возрастает; в общежитии она врачуется[2], но единственно при условии: если монах решится каждый раз, когда он увлечется гневом и вспыльчивостию, просить прощения и раскаиваться, а не оправдывать себя и не обвинять других.

48. Брат спросил старца: «Благослови мне иметь у себя две златницы по немощи тела моего». Старец, видя произволение его, что он желает удержать их у себя, сказал: «Имей». Брат возвратился в келлию, — и начали тревожить его помышления, говоря: «Как ты думаешь? благословил ли тебя старец иметь деньги или нет?» Встав, пришел он опять к старцу и так спросил его: «Ради Бога, скажи мне истину, потому что помышления смущают меня по поводу двух златниц». Старец отвечал: «Я видел твое произволение иметь их, почему и сказал тебе: *имей их*, хотя и неполезно иметь более, нежели сколько нужно для тела. Две златницы составляют надежду твою, как бы Бог не промышлял о нас. Но легко может случиться, что ты утратишь их, тогда погибнет и надежда твоя. Возложи надежду твою на Бога, потому что Он печется о человеках»[3].

Священное Писание называет сребролюбие идолослужением: сребролюбие переносит любовь сердца (в вере и надежде) от Бога к деньгам, соделывает деньги Богом, — истинного Бога уничтожает для человека. У сребролюбца нет Бога. Бог сребролюбца — капитал его. Нестяжание есть один из обетов монашества; нестяжанием и девством или непороч-

[1] Pag. 778, cap. 98. || [2] Лествица. Слово 8. Преподобный Кассиан, о гневе. Добротолюбие. || [3] Pag. 773, cap. 69.

ным вдовством монах отличается от мирянина, обязанного соблюдать все заповеди Христовы наравне с монахом; отвержение нестяжания есть отвержение монашества, — есть попрание обетов, данных при пострижении в монашество. Бог обетовал воздать каждому человеку по делам его. Это с особенною ясностию исполняется над сребролюбцами. Соделавшись чуждыми Бога произвольно, ради сребролюбия, они невольно расстаются с идолом своим — капиталом, по общему, всем известному, неизвестному для сребролюбца, закону смерти, — нередко и прежде смерти. Они переходят в вечность с одним отчаянием. Замечено, что монахов-капиталистов постигает наиболее внезапная смерть, или вовсе лишая их покаяния, или похищая в таком душевном расстройстве, что покаяние их ограничивается одним мертвым, поверхностным соблюдением формальности. Душа, заблаговременно умершая для истинного Бога, признавшая богом идола, не способна выразить своей жизни в Боге покаянием. Оставленный умершим поклонником своим, идол соделывается предметом соблазна и многообразного повода ко греху для предъявляющих право на обладание идолом; оставивший землю идолопоклонник, не взявший с собою ничего в вечность, продолжает жить на земле злодеяниями, источающимися обильно из оставленного им капитала. — Монахи-капиталисты! послушайтесь Господа Бога вашего, призывающего вас к спасению из пропасти, в которой вы погрязли! послушайтесь, доколе имеете время для послушания! Послушайтесь для того, чтоб соделать капиталы ваши неотъемлемою собственностию вашею: *дадите милостыню, сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех: идеже бо сокровище ваше будет, ту и сердце ваше будет*[1], в верный залог или вашего вечного блаженства, или вашего вечного бедствия.

49. Некоторый монах в Нитрии, более бережливый, нежели скупой, забыв, что за тридцать серебреников продан был Господь наш Иисус Христос, накопил сто златниц, занимаясь тканием полотна. Монах умер — златницы остались. Монахи собрались для совещания, что делать с деньгами; там жило около пяти тысяч монахов, каждый в отдельной келлии. Одни присуждали раздать деньги нищим, другие — отдать в церковь, некоторые — передать родственникам. Но Макарий, Памво, Исидор и другие святые старцы, по действию обитавшего в них Святого Духа, определили: похоронить деньги вместе с господином их, и при этом сказать почившему: *сребро твое да будет с тобою в погибель*[2]. Это событие навело такой ужас и страх на всех монахов Египта, что с того времени они

---

[1] *...давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах... Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет* (Лк. 12. 33, 34). ‖ [2] *...серебро твое да будет в погибель* (Деян. 8. 20).

признавали за тяжкий проступок иметь в запасе даже одну златницу. Действие могло показаться жестоким, но деятели были лишь орудиями Святого Духа[1].

Тяжким, по видимому слишком жестоким было поражение внезапною смертью Анании и Сапфиры за сребролюбие[2]. Но деятелем был Святой Дух,— и пред Его действием должно умолкнуть всякое человеческое суждение, не способное быть судьею никакого дела Божия. Действия неограниченного, всесовершенного Бога естественно не подлежат и не могут подлежать суду ограниченного человека. В первенствующей Церкви, когда благодать Духа действовала с особенным обилием и очевидностию, наказания виновных пред Святым Духом были быстрее и очевиднее. Так, по повествованию преподобного Кассиана, святой старец египетского Скита Моисей за одно противоречие Духоносному Макарию Великому подвергся тотчас беснованию[3]. Наказания и казни существуют и ныне. Ныне долготерпение Божие, Его милость к нам, немощным и страстным, предоставляет нам более времени на рассматривание нашего поведения под водительством Слова Божия на покаяние; но пребыванию в ожесточении и нераскаянности непременно последует наказание и казни.

50. Некоторый монах имел брата мирянина, бедняка, и все, что вырабатывал, отдавал брату бедняку; но этот беднел тем более, чем более подавал ему монах. Видя это, монах пошел к некоторому старцу и рассказал ему о случающемся. Старец отвечал: «Если хочешь послушать меня,— более ничего не давай ему, но скажи ему: “Брат! когда у меня было, я давал тебе: теперь ты трудись, и что выработаешь, отдавай мне”. Все, что он ни принесет тебе, принимай от него и передавай какому-либо страннику или нуждающемуся старцу, прося, чтоб они помолились о нем». Монах поступил по этому наставлению: когда пришел к нему брат-мирянин, — он сделал так, как заповедано было старцем, и мирянин ушел от него печальный. Но вот по прошествии некоторого времени приходит и приносит из сада несколько овощей. Монах, приняв их, отдал старцам, прося их, чтоб молились за брата его. Когда они приняли это приношение, мирянин возвратился в дом свой. Несколько спустя опять принес он овощей и три хлеба; монах, приняв их, поступил, как и в первый раз, а мирянин, получив благословение, ушел. В третий раз он принес уже много съестного припаса, и вина, и рыбы. Монах, увидев это, удивился и, созвав нищих, угостил их трапезой. При этом сказал он мирянину: «Не имеешь ли нужды в несколь-

[1] Pag. 810, cap. 27. || [2] Деян. 5. || [3] Collatio VII, cap. 27.

ких хлебах?» Тот отвечал: «Нет, владыко! Прежде, когда я брал у тебя что-либо, — оно входило как огонь в дом мой и пожирало его; ныне же, когда не принимаю от тебя ничего, имею все с избытком, и Бог благословил меня». Монах пошел к старцу и пересказал ему все случившееся. Старец сказал ему: «Разве ты не знаешь, что имущество монаха — огонь? Куда оно входит, там пожигает все». Брату твоему полезно от труда своего творить милостыню, чтоб за него молились святые мужи. Таким образом он наследует благословение и умножится имущество его»[1].

51. Пришел однажды в Скит неизвестный важный человек. Он принес с собою много золота и просил настоятеля пустыни раздать золото братиям. Пресвитер отвечал: «Братия не нуждаются в этом». Но как принесший был очень важная особа и убедительно просил о исполнении его желания, то пресвитер предложил ему поставить ящик с златницами при входе в церковь, а братиям сказал: «Кому нужно, пусть возьмет денег из ящика». Никто из братий не прикоснулся к златницам, даже никто не взглянул на них. Старец сказал вельможе: «Бог принял твое приношение; поди, раздай златницы нищим». Вельможа ушел с большой пользой для души своей[2].

52. Некто принес старцу денег, говоря: «Вот тебе на твои потребности: ты состарился и болен», был он покрыт проказою. Старец отвечал: «Ты пришел отнять у меня Питателя моего, питающего меня уже в течение шестидесяти лет? Столько провел я времени в недуге моем и не нуждался ни в чем, потому что Бог доставлял мне все нужное и питал меня». Старец не согласился взять деньги[3].

53. Прибыли однажды некоторые греки в египетский город Острацин с намерением подать милостыню. Они пригласили к себе экономов церкви для указания им лиц, нуждающихся наиболее. Экономы привели их к прокаженному. Греки стали давать ему милостыню, но он не хотел принять, говоря: «Вот! я имею немного пальмовых ветвей, из которых плету веревки, и этим питаюсь». Потом повели их к келлии вдовы, у которой были дочери. Когда они постучались в двери, подошла к дверям одна из дочерей; она была в рубище, едва покрывавшем наготу. Матери не было дома: она вышла куда-то по требованию ремесла своего; занималась она печением хлебов. Греки стали давать дочери одежду и деньги, но она не хотела принять, говоря, что мать приходила и говорила ей: «Будь покойна: я, по благоволению Божию, нашла работу на этот день, от которой будем иметь пропитание». Когда пришла мать, греки просили

[1] Pag. 946, cap. 13. ‖ [2] Pag. 891, cap. 19. ‖ [3] Pag. 891, cap. 20.

ее, чтоб она приняла милостыню; но она не захотела принять, — сказала: «Мой промыслитель — Бог, а вы сегодня хотите отнять Его у меня!» — Греки, видя такую веру, прославили Бога[1].

Таково было настроение христиан первых веков христианства! не только монахи, но и жившие посреди мира христиане жили для вечности, а не для времени: все попечение их было устремлено к Богоугождению; на временное и вещественное они обращали внимание самое скудное.

54. Некоторый старец подвергся тяжкому искушению от помыслов. Искушение продолжалось десять лет. Он пришел уже в отчаяние и говорил сам себе: «Погубил я душу мою! как решительно погибший возвращусь в мир!» Когда он совсем вышел, пришел к нему голос: «Десятью годами борьбы твоей ты увенчан. Возвратись в место твое: Я избавлю тебя от всякого злого помышления». Возвратившись немедленно, он пребыл в начатом монашеском подвиге. Не должно отчаиваться по причине борьбы, причиняемой нашествием помыслов. Если противимся ревностно помыслам, то борьба с ними сплетает нам тем светлейшие венцы[2].

55. Два родные брата по плоти вступили в монастырь. Один из них был великий подвижник, другой имел великое послушание. Когда авва приказывал ему: сделай это, он делал, и опять: сделай другое, и он делал. По причине такого послушания своего, он был похваляем братиями монастыря. Подвижник заразился завистию к нему. «Искушу я ныне, — говорил он сам с собою, — брата моего, имеет ли он истинное послушание». Пришедши к авве, он сказал ему: «Отпусти брата моего со мною: мне нужно сходить в такое-то место». Авва согласился. Путешествуя вместе, они пришли к реке, в которой было множество крокодилов. Подвижник, желая искусить брата, сказал: «Спустись в реку и переправься чрез нее». Он спустился, и пришли крокодилы, начали лизать тело его, а ему не сделали никакого вреда. Подвижник, увидя это, сказал брату: «Выйди из воды; пойдем далее». Продолжая путь, они нашли мертвое тело, лежавшее на дороге. Подвижник сказал брату: «Если б мы имели с собою что-нибудь из старого платья, то покрыли бы им мертвеца». Младший брат отвечал: «Помолимся, может быть, Бог воскресит его». Когда они встали на молитву, — воскрес мертвец, а подвижник похвалился, говоря: «Подвижничество мое было причиною воскресения мертвеца». — Бог открыл все авве монастыря, как подвижник искушал брата крокодилами и как воскрес мерт-

[1] Pag. 891. ‖ [2] Pag. 780, cap. 104.

вец. Когда они возвратились в монастырь, авва сказал подвижнику: «Зачем ты поступил так с братом своим? Знай, что послушание его было причиною воскресения мертвеца»[1].

56. Некоторому старцу, пустыннику, доставлял потребности житель селения. Однажды случилось, что поселянин замедлил несколько дней, и у старца оказался недостаток в необходимом: он не имел ни нужного для рукоделия, ни съестных припасов. Это опечалило его. Не имея ни работы, ни средств к пропитанию, он сказал ученику своему: «Сходишь ли в селение позвать поселянина, обыкновенно доставляющего нам все нужное?» Ученик отвечал: «Сделаю, отец, как повелишь». После этого разговора они долго ждали и терпели недостаток, а служитель не приходил, почему старец опять сказал ученику: «Сходишь ли в селение и приведешь ли поселянина?» Ученик отвечал: «Сделаю то, что велишь». Так отвечал брат, потому что боялся идти в селение по причине соблазна; вместе с тем он обещался идти, чтоб оказать послушание отцу. Знал это и старец, но, стесняемый нуждою, сказал ученику: «Уповаю на Бога отцов наших, что Он покроет тебя от всякого искушения». По совершении молитвы он отпустил его. Брат пришел в селение, отыскал дом, в котором жил служивший им поселянин, постучался в двери. Случилось, что тогда никого не было в доме, кроме дочери поселянина. Она отворила дверь, и брат начал расспрашивать ее об отце, почему он запоздал столько дней приходом. Она пригласила монаха войти в дом, вместе с тем схватила его за руку и влекла насильно. Он противился; но она пересилила его и ввела за собою в дом. Монах, увидя, что его влекут ко греху и что помышления его склоняются к тому же, восстенал из глубины сердца и возопил к Богу: «Господи! ради молитв отца моего, пославшего меня, спаси меня в этот час!» Лишь сказал он это, — оказался внезапно стоящим у реки близ монастыря своего и возвратился к отцу своему неоскверненным[2].

57. Некоторый из святых старцев послал ученика своего почерпнуть воды. Колодезь был в очень дальнем расстоянии от келлии старца. Ученик, пошедши за водою, забыл взять с собою веревку, на которой спускался кувшин в колодезь. Заметил он это, когда уже пришел к колодцу, и очень опечалился, потому что далеко было до их келлии. Не знал он, что ему делать, куда идти, а возвратиться в келлию без воды не хотелось. Тогда, в великом огорчении, он встал на молитву и со слезами сказал: «Господи! умилосердись надо

[1] Pag. 788, cap. 145. || [2] Pag. 788, cap. 414.

мною по великой милости Твоей. Ты сотворил небо и землю, море и все, что в них, Ты един сотворил все чудное: умилосердись надо мною ради служителя Твоего, который послал меня». Окончив молитву, он воскликнул: «Колодезь! колодезь! раб Христов, отец мой, послал меня почерпнуть воды». Немедленно вода поднялась вверх до устья колодца; брат наполнил кувшин свой водою и возвратился в келлию, славословя всемогущего Бога, а вода в колодце опять спустилась на свой обычный уровень[1].

58. Некоторый юноша имел намерение отречься от мира. Часто он решался на это; но помышления отвлекали его, опутывая разными житейскими заботами: он был богат. Однажды он вышел с решимостию отречься от мира. Демоны окружили его и подняли густую пыль пред лицом его. Видя это, он разделся, кинул свою одежду в сторону и, обнаженный, побежал в монастырь. Бог открыл об этом некоторому старцу, сказав: «Встань, и прими воина моего». Старец встал, встретив обнаженного. Узнав причину обнажения, он удивился и дал юноше монашеское одеяние. — Когда к этому старцу приходили братия вопрошать о разных условиях монашеской жизни, — старец давал им ответы; когда же они вопрошали об отречении от мира, тогда говорил им: «Об этом спрашивайте брата, потому что я не достиг степени самоотвержения его».

59. Один из старцев Скита послал ученика своего в Египет привести верблюда, чтоб отвезти в Египет сделанные им корзины. Когда ученик вел верблюда, другой старец, встретившись с ним, сказал: «Если б я знал, брат, что ты идешь в Египет, то я попросил бы тебя привести и для меня другого верблюда». Брат передал это своему старцу. Этот, движимый великою любовию, сказал ученику: «Поди, сын мой, отведи верблюда к нему и скажи: “Мы еще не готовы: исполни нужду твою”. Ты же поди с этим верблюдом в Египет и снова приведи к нам его, чтоб отвезти и наши сосуды». Брат поступил так, как было приказано ему, — пошел к другому старцу и сказал ему: «Отец мой говорит: так как мы еще не готовы, — возьми верблюда и исполни твою нужду». Старец навьючил верблюда и пошел в Египет. Там, когда он снял с верблюда поклажу, брат взял верблюда, чтоб опять отвести его в Скит. Отправляясь в путь, он сказал старцу: «Молись о мне». Старец спросил его, куда идет он. «Иду в Скит, — отвечал брат, — чтоб привезти сюда и наши корзины». Старец, услышав это, пришел в умиление, пожалел о случив-

[1] Pag. 756, cap. 28.

шемся и сказал со слезами: «Простите меня, сладчайшие! любовь ваша похитила плод у меня»[1].

60. Другой старец, когда сделал свои корзины и уже перевязал их веревками для отправки, услышал, что сосед его говорил: «Что мне делать? торговый день приблизился, а мне нечем связать корзин моих». Старец немедленно развязал собственные корзины, а веревки принес к соседу, говоря: «Вот! эти — излишние у меня. Возьми и перевяжи ими корзины твои». По великой любви он сделал так, чтоб дело брата было окончено; его собственное дело осталось неоконченным[2].

61. Близ некоторого общежительного монастыря жил отшельник, совершавший многие добродетели. К нему пришли однажды некоторые монахи из общежития, почему он принужден был разделить с ними трапезу поранее, не в обычный час свой. По окончании трапезы братия сказали ему: «Ты несколько скорбишь, авва, что сегодня вкусил пищи не в обычный час твой?» Он отвечал им: «Я прихожу в смущение тогда, когда поступаю по своей воле»[3].

62. Были два брата: один из них был старец, другой — молодой. Старец предложил молодому жить вместе, и просил его об этом. Молодой отвечал: «Я — грешен: мы не можем жить вместе». Старец сказал: «Можем». И снова просил его о том же. Старец был самой чистой жизни и не хотел слышать, чтоб монах имел когда-либо помышление лукавое. Молодой сказал ему: «Дай подумать в течение этой недели, и потом опять поговорим». Когда, по прошествии недели, старец пришел к нему, — он, желая испытать старца, сказал: «Авва! на этой неделе я впал в великое искушение». Старец спросил: «И хочешь покаяться?» Когда молодой выразил желание покаяния, старец сказал: «Половину этого греха я принимаю на себя». Тогда молодой сказал: «Теперь можем оба жить вместе». И они пребыли вместе до переселения своего в вечность[4].

63. Некоторый брат сказал старцу: «Авва! вот я часто вопрошаю святых Отцов, чтоб они сказали мне наставление для спасения души моей, и что ни скажут они мне, ничего не помню». У старца были два пустые кувшина; старец сказал брату: «Поди, возьми один из этих сосудов, налей в него воды, вымой, воду вылей, и сосуд, кверху дном, поставь на свое место». Сделал это брат однажды, и, по повелению старца, в другой и третий раз. Тогда старец сказал ему: «Принеси оба сосуда сюда». Когда брат принес, старец спросил

[1] Pag. 789, cap. 146. || [2] Pag. 790, cap. 147. || [3] Pag. 791, cap. 150. || [4] Pag. 791, cap. 152.

его: «Который из двух сосудов чище?» Брат отвечал: «Тот, в который я наливал воду и который мыл». На это старец сказал: «Так и та душа, сын мой, которая часто слышит слово Божие, хотя не удерживает в памяти ничего из слышанного, однако более очищается, нежели та, которая никогда не вопрошает и не слышит слова Божия»[1].

64. Брат спросил старца: «Если брат должен мне немного денег: то дозволишь ли мне попросить у него возвращения их?» Старец: «Скажи ему однажды со смирением». Брат: «Если я скажу ему однажды и он ничего не даст мне, тогда что мне делать?» Старец: «Более одного разу не проси». Брат: «И что ж мне делать, когда я не могу победить помышлений моих, понуждающих беспокоить брата о возвращении денег?» Старец: «Предоставь помышлениям твоим стужать тебе, но ты никак не опечаль брата твоего, потому что ты — монах»[2].

65. Некоторый брат спросил старца: «Как ты думаешь, авва? святые мужи познают ли пришествие Божественной благодати, когда она осенит их?» — Старец отвечал: «Не всегда». Ученик некоторого великого старца погрешил в чем-то; прогневанный старец сказал ему громким голосом: «Поди, умри». Тут же упал ученик и умер. На старца напал ужас; он с великим смирением начал умолять Бога: «Господи Иисусе Христе! воскреси его: уже впредь я не произнесу безрассудно такого слова». Когда он помолился, тотчас воскрес ученик его[3].

66. Некоторый брат желал удалиться в пустыню; но родная мать его противилась этому. Он говорил матери: «Мать! отпусти меня, потому что я хочу спасти душу мою». Мать, не имея возможности удержать его, отпустила. Он, пришедши в пустыню, сгубил в нерадении всю жизнь свою. Между тем мать его умерла. По прошествии некоторого времени и сам он сделался болен, пришел в самозабвение и, восхищенный на Суд, нашел тут мать свою в числе судимых. Она, увидев его, удивилась и сказала: «Что это значит, сын? и ты пришел на это место осужденных! Где же слова твои, которые ты повторял мне всегда: хочу спасти душу мою». Устыдился он, услышав это, — стоял, не имея что отвечать. И вот, раздался голос, повелевающий возвратить его, а взять другого брата из общежительного монастыря. Возвратившись в себя, он поведал присутствовавшим все, что видел и что слышал. В подтверждение слов своих он просил, чтоб кто-нибудь сходил в общежительный монастырь и посмо-

[1] Pag. 798, cap. 178. || [2] Pag. 797, cap. 170. || [3] Pag. 772, cap. 67.

трел, скончался ли тот брат, о призыве которого он слышал. Посланный нашел, что так. Видевший видение, выздоровев, заключил себя в затвор, в котором пребывал неисходно, помышляя о спасении своем, принося покаяние и оплакивая свое прежнее поведение в состоянии небрежения. Умиление достигло в нем величайшего развития. Многие уговаривали его несколько снизойти себе, чтоб не подвергнуться какому-либо повреждению от непрестанного плача; но он не соглашался на это, — говорил: «Если я не мог вынести обличения матери моей, то как вынесу обличение и муки в день Суда, в присутствии Христа и Ангелов Его»[1].

67. Некоторый брат, преимущественно преуспевший в смирении, проводил уединенную жизнь в Египте. У него была в городе сестра — блудница, погубившая многие души. Старцы часто уговаривали этого брата, и едва могли уговорить его, чтоб он сходил к сестре для отвращения ее увещаниями своими от разливаемой ею греховной пагубы. Когда он приближался к месту жительства ее, один из знакомых, увидев его, поспешил войти к ней прежде и известил ее о пришествии брата из пустыни. Услышав это, она, вне себя от радости, оставила любовников своих, которых в то время угощала, с открытою головою выбежала навстречу брату. Когда она увидела его и хотела заключить в свои объятия, он сказал ей: «Сестра моя любезнейшая! пощади душу твою, потому что многие погибают чрез тебя. Рассуди: какие муки уготованы тебе, если не прибегнешь немедленно к покаянию». Она содрогнулась, сказала ему: «А ты знаешь ли наверно, что еще есть для меня какая-нибудь надежда спасения?» Он отвечал: «Если б ты только пожелала, то и доселе есть тебе надежда спасения». Она упала к ногам брата и просила его, чтоб он увел ее с собою в пустыню. «Поди, — сказал он, — покрой голову твою и следуй за мной». «Пойдем скорее! — отвечала она. — Лучше мне пройти между толпою людей безобразною и с открытою головою, чем возвращаться в работный дом греха». Во время пути брат поучал ее покаянию. Увидя идущих навстречу монахов, он сказал ей: «Сойди с дороги на короткое время, пока монахи пройдут: не все же знают, что ты мне сестра». Она сделала это. Монахи прошли, и он позвал сестру свою: «Пойдем, — сказал он, — будем продолжать путь наш». Она не отвечала ему. Брат осторожно подошел к ней и нашел ее умершею, а оконечности ног ее были в крови, потому что она была без обуви. Тогда, плача и рыдая, возвестил он старцам о случившемся. Они рассуждали

[1] Pag. 880, cap. 216.

между собою о спасении ее и были несогласны. Но Бог открыл одному из старцев, что покаяние блудницы принято, потому что она отвергла всякое попечение о всем, принадлежащем миру сему, пренебрегла всем для исцеления язвы своей, тяжко воздыхала о грехах своих и оплакала их[1].

68. Три благочестивые, внимающие своему спасению мужа приняли монашество. Один избрал в делание себе — примирять ссорящихся; другой — посещать больных; третий ушел на безмолвие в пустыню. Первый, заботясь прекращать распри между человеками, не мог примирить всех тех, которых примирял. Побежденный унынием, он пришел к тому, который в свою добродетель избрал служение больным, но и того нашел также малодушествующим, признавшим, что исполнение принятой им добродетели превышает его силы. Сговорившись между собою, они пошли повидаться с третьим товарищем своим, удалившимся в пустыню. Пришедши, они поведали ему о смущении своем и просили сказать, что ему доставлено пустынножительством. Помолчав немного, он налил воды в лохань и сказал им: «Поглядитесь в воду». Она была возмущена. По прошествии некоторого времени он опять сказал им: «Теперь поглядитесь в воду, потому что она устоялась». Взглянув в воду, они увидели в ней лица свои, как в зеркале. Тогда он сказал им: «Подобное этому совершается с человеком, когда он находится посреди человеков, — не может видеть грехов своих по причине возмущающего его непрестанного развлечения; когда же он удалится в уединение, особливо в уединение пустыни, тогда усматривает свои согрешения»[2].

Опасно, душепагубно возлагать на себя исполнение возвышенных добродетелей преждевременно, не достигши соответствующего им преуспеяния. Между добродетелями имеются и матери и дщери; если кто устремится к стяжанию матерей прежде стяжания дщерей, того умерщвляют эти добродетели душевною смертию, то есть производят в нем душевное расстройство. Святые Отцы повелевают скорее оставлять такие добродетели, иначе расстройство разовьется и преобразится в погибель[3]. Очевидно, что произвольное посещение больных не по послушанию, не под руководством опытного наставника, особливо же примирение ссорящихся, будучи великими добродетелями, никак не соответствуют новоначальным монахам. Для совершения их предварительно нужно собственное, значительное духовное преуспеяние. Возложившие на себя, по неведению и слепой ревности, возвышенное делание и заметившие, что оно превышает силы их,

[1] Pag. 808, cap. 217. || [2] Pag. 860, cap. 16. || [3] Святой Исаак Сирский. Слово 72.

приносит им вред, должны остановить его и перейти к жительству, соответствующему способностям и душевному возрасту. Иногда подвиг очень ярок, очень живописен, но приносит не спасение, а погибель; иногда подвиг столько лишен живописи, что даже кидает темную тень на подвижника, а польза от него и существенна и обильна.

69. Однажды старец пришел к старцу. Хозяин сказал ученику своему: «Приготовь нам немного чечевицы и намочи сухарей». Ученик сделал это. Между тем старцы занялись духовною беседою и пребыли в ней до шестого часа (двенадцатого по полуночи) следующего дня. Старец-хозяин опять сказал ученику: «Сын! приготовь нам немного чечевицы». Ученик отвечал: «Она приготовлена еще вчера». Старцы встали, вкусили пищи[1].

Из этой повести видны: крепость телосложения древних иноков и то духовное состояние, которого они достигали. Способно к подобным действиям гордостное разгорячение и несчастное самообольщение. Они-то ныне и встречаются почти исключительно в облачении необыкновенного подвига для усиления собственной прелести и для обольщения ближних. Мир любит это. Тем более нужна осторожность для читателей повести, которая предложена к духовному созерцанию и назиданию смирением, — не к безрассудному, греховному, гордостному подражанию, не к повреждению себя.

70. Брат принес свежих хлебов в келлию свою и пригласил старцев к обеду. Употребив по укруху хлеба, они остановились. Брат, зная их усиленное воздержание, начал упрашивать их со смирением, говоря: «Ради Бога употребите сегодня пищи до сытости». И употребили они еще по укруху хлеба. Вот! истинные монахи, постящиеся в простоте сердца, приглашенные именем Божиим, употребили пищи более, нежели сколько желали употребить»[2].

Египетские монахи употребляли сушеный хлеб, который заготовлялся на целый год[3]; этим объясняется угощение свежим хлебом.

71. Некоторый старец долго жил в пустыне. Случилось, что пришел к нему брат, который нашел его больным. Брат умыл лицо старца, приготовил ему покушать из припасов, которые принес с собою. Старец, увидевши это, сказал: «Поверь, брат! я забыл о том, что люди имеют попечение о пище». Брат поднес ему и чашу вина. Старец, увидев это, заплакал и сказал: «Я думал, что умру, не пивши вина»[4].

[1] Pag. 871, cap. 56. ‖ [2] Pag. 872, cap. 64. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [4] Pag. 873, cap. 66.

72. Брат шел дорогою, имея при себе и мать свою, уже старицу. Они пришли к реке; старица не могла перейти чрез реку. Сын поднял мантию и обвил ею руку свою, чтоб как-нибудь не прикоснуться к телу матери, и таким образом перенес ее чрез реку. Мать, приметив это, сказала ему: «Для чего ты обернул руку?» Он отвечал: «Тело женщины — огонь». От прикосновения к нему может прийти в душу мою воспоминание о других женщинах[1].

73. Некоторого брата беспокоила страсть любодеяния: днем и ночью он ощущал в сердце своем как бы жало огненное. Но брат боролся, не уступая помыслам и не соглашаясь с ними. По прошествии многого времени отступила от него страсть, не преодолев его по причине трезвения его. И немедленно воссиял свет в сердце его[2].

74. В одном из египетских общежитий был юноша, грек, который не мог погасить пламени плотского вожделения никаким воздержанием, никаким усиленнейшим подвигом. Когда было сказано об этом искушении отцу монастыря, — он употребил для спасения юноши следующий способ. Старец приказал одному из братий, мужу важному и суровому, чтоб он затеял с юношей ссору, осыпал его ругательствами и, по нанесении оскорблений, пришел жаловаться на него. Это было исполнено; были призваны свидетели, которые дали свидетельство в пользу мужа. Юноша, видя, что он оболган, начал плакать. Ежедневно он воздыхал, ежедневно проливал слезы; будучи преисполнен огорчения, он пребывал один, лишенный всякой помощи, он лежал у ног Иисуса. В таком положении он провел целый год. По прошествии года старец спросил юношу о помышлениях, которые прежде беспокоили его, не стужают ли они ему доселе? Юноша отвечал: «Отец! мне житья нет! до блуда ли мне?» Таким образом, искусством духовного отца юноша преодолел страсть любодеяния и спасся[3].

75. Брат был борим любодеянием. Встав ночью, он пошел к старцу, исповедовал ему помышления свои. Старец утешил его. Успокоясь этим утешением, брат возвратился в келлию свою. И вот! опять дух любодеяния начал искушать его. Он снова пришел к старцу. Это повторялось часто. Старец не огорчил его, но говорил полезное душе его; говорил: «Не уступай диаволу и не расслабляйся душою. Напротив того, каждый раз, как нападет на тебя демон, приходи ко мне: обличаемый, он отступит. Ничто столько не огорчает и не ослабляет демона любодеяния, как исповедание приносимых

[1] Cap. 68. || [2] Pag. 876, cap. 12. || [3] Pag. 810, 820.

им искусительных помышлений и мечтаний; напротив того, ничто так не увеселяет его, как когда эти помышления скрываются и утаиваются». Ободренный старцем, брат приходил к нему одиннадцать раз, обличая помышления свои. Наконец брат сказал старцу: «Окажи любовь, авва: еще скажи мне слово назидания». Старец сказал: «Поверь мне, сын мой: если б Бог попустил помышлениям, которые стужают мне, перейти к тебе, то ты не понес бы их, но непременно ниспровергся». Когда старец сказал это, — искушение блудною страстию отступило от брата ради смирения старца[1].

76. Сказывали о некотором старце, что он вступил в Скит, имея с собою сына-младенца, только что отнятого от груди. Воспитанный в монастыре, сын не знал, что существуют женщины. Когда он возмужал, демоны показывали ему ночью образ женщин. Он сказал это отцу, который удивился. Однажды он пошел с отцом в Египет и, увидя женщин, сказал отцу: «Авва! вот те, которые приходили ко мне ночью в Скиту». Отец отвечал: «Это — мирские монахи: у них свой наружный вид, а у отшельников — свой». И дивился старец, каким образом в Скиту демоны могли показать образы женщин. Они поспешно возвратились в келлию свою.

77. Некто пришел в Скит, чтоб быть монахом. При нем также был сын-младенец, лишь отнятый от груди. Когда сын достиг юношеского возраста, демоны начали нападать на него и беспокоить его. Он сказал отцу: «Пойду в мир, потому что не могу выдерживать плотского вожделения». Отец утешал его. По прошествии некоторого времени опять говорит юноша отцу: «Я не в силах выдерживать вожделения: отпусти меня; пойду в мир». Отец отвечал: «Еще однажды послушай меня. Возьми с собою сорок хлебов и пальмовых ветвей на сорок дней и пойди во внутреннюю пустыню: там пробудь сорок дней, и воля Божия да будет». Послушавшись отца, юноша встал и ушел в пустыню; он остался там и проводил время в подвиге и работе, плетя веревки из сухих пальмовых ветвей и питаясь сухим хлебом. Когда он пробыл там двадцать дней, — увидел внезапно, что некоторое привидение диавольское приближается к нему: оно остановилось близ его в подобии женщины ефиоплянини, неприятнейшей наружности и смердящей; не будучи в состоянии переносить смрада ее, он отталкивал ее от себя. Она сказал ему: «Я — та, которая представляюсь сладкою в сердцах человеческих; но по причине послушания твоего и подвига твоего Бог не дозволил мне обольстить тебя, явил тебе зловоние мое».

[1] Pap. 876, cap. 13.

Он встал, воссылая благодарение Богу, возвратился к отцу и сказал ему: «Уже не хочу идти в мир, я узнал действие диавола и зловоние его». Открыто было и отцу о всем этом; он отвечал сыну: «Если б ты пробыл все сорок дней во внутренней пустыне и вполне сохранил заповеданное мною, то увидел бы еще больше»[1].

78. Однажды брат пришел к некоторому старцу и говорит ему: «Брат мой уходит туда и сюда: я огорчаюсь этим». И просил его старец, говоря: «Потерпи великодушно, брат: Бог, видя труд терпения твоего, воззовет брата твоего к тебе. Невозможно суровостию и жестокостию воздержать кого-либо от увлечения, потому что демон не изгоняет демона; скорее воззовешь ты его благостию. И Бог наш привлекает к Себе людей благостию». При этом он рассказал ему следующее: в Фиваиде были два брата. Один из них подвергся брани любодеяния и сказал другому: «Возвращаюсь в мир». Другой заплакал и сказал ему: «Не допущу тебя возвратиться в мир, потерять труд и девство твое». Но первый не соглашался, говоря: «Не останусь здесь, — иду. Или иди со мною, и я возвращусь, или решительно оставь меня, и я останусь навсегда в миру». Второй брат посоветовался об этом с некоторым великим старцем, который сказал ему: «Поди с ним, и ради труда твоего Бог не попустит ему низвергнуться в падение». Второй брат пошел в мир с первым. Когда они пришли в некоторое селение, Бог за труд второго брата, который пошел с первым по любви и невольно, отъял вожделение от первого брата; он сказал второму: «Возвратимся в пустыню. Вот! я представляю себе, что я уже согрешил с женщиною: какую же я получил из этого пользу?» Они возвратились в келлию, не подвергшись душевному бедствию[2].

79. Брат спросил старца: «Что делать мне? убивают меня нечистые помышления». Старец отвечал: «Женщина, когда хочет отнять от груди сына, помазывает сосцы чем-нибудь горьким. Младенец привлекается по обычаю к сосцам, но, почувствовав горечь, отвращается от них. И ты примешай горечь в помышления твои». Брат спросил: «Что такое горечь, которую я должен примешивать?» Старец отвечал: «Воспоминание о смерти и о тех муках, которые приготовлены для грешников в будущем веке»[3].

80. Два монаха, по причине воздействовавшего в них вожделения, оставили пустыню и женились. По прошествии некоторого времени они сказали друг другу: «Какую выгоду получили мы из того, что отвергли ангельский образ и повергли себя в эту нечистоту,

[1] Pag. 879, cap. 23. || [2] Pag. 880, cap. 28. || [3] Pag. 883, cap. 30.

после которой должны наследовать огнь вечный и вечную муку? Возвратимся в пустыню и принесем покаяние в согрешении нашем». Пришедши в пустыню, они просили отцов, чтоб приняли исповедание их в проступке и покаяние. Отцы заключили их в затвор на годичное время и подавали каждому хлеб и воду мерою. По наружному виду оба монаха были подобны друг другу. Когда окончился срок покаяния, они вышли из затвора. Один был бледен и очень печален; другой — светел и весел. Отцы, увидев это, удивились, потому что оба брата получали пищу и питие равные. Они спросили того, который был изможден и печален: «Какими помышлениями ты занимался в затворе твоем?» Он отвечал: «Я представлял себе адские муки, которым я должен подвергнуться за сделанное мною зло, и от ужаса *прильпе кость моя плоти моей*»[1]. Спросили они у другого: «Ты что помышлял в келлии твоей?» Он отвечал: «Воссылал благодарение Богу за то, что Он извлек меня из нечистоты мира сего и из мук будущего века, что воззвал меня в это ангельское жительство; непрестанно вспоминая о Боге моем, я веселился». И сказали Отцы: «Пред Богом равно покаяние обоих»[2].

81. Некоторого брата демоны искушали страстию. Приняв образ прекрасных женщин, они непрестанно в продолжение сорока дней нападали на него и влекли к скверному смешению. Он мужественно боролся с ними и не допустил себе побеждения. Бог призрел на благий подвиг его и вознаградил дарованием такой чистоты, что с того времени он не ощущал в себе никакого действия плотских вожделений.

82. Сказывал о себе один из Фиваидских старцев, что он — сын жреца идольского. Быв дитятею, он сиживал в храме и видел отца своего, приносящего жертвы идолам. Однажды, после того как отец вышел из храма, сын вошел тайно в храм и увидел там сатану. Сатана сидел на троне; многочисленное воинство предстояло ему. И вот! приходит один из князей его, поклоняется ему. Сатана спросил его: «Откуда ты?» Князь отвечал: «Я был в такой-то стране, возбудил там войну и большое смятение, произвел кровопролитие и пришел возвестить тебе». Сатана спросил: «Во сколько времени сделал ты это?» Он отвечал: «В тридцать дней». Сатана велел бить его бичами, сказав: «Только-то сделал ты в такое продолжительное время!» — И вот! другой пришел и поклонился ему. Сатана спросил: «Откуда ты?» Демон отвечал: «Я был в море, воздвиг бурю, потопил корабли, умертвил множество людей и пришел возвестить

[1] *...кости мои прильпнули к плоти моей* (Пс. 101. 6). ‖ [2] Pag. 883, cap. 34.

тебе». Сатана спросил: «Во сколько времени сделал ты это?» Он отвечал: «В двадцать дней». Сатана повелел и этого бить бичами, сказав: «Почему ты в столько дней сделал так мало?» — И третий пришел и поклонился ему. И этому он сказал: «Ты откуда?» Демон отвечал: «Я был в таком-то городе; там праздновалась свадьба: я возбудил ссоры и произвел большое кровопролитие; сверх того, убил самого жениха и пришел возвестить тебе». Сатана спросил: «Во сколько дней ты сделал это?» Демон отвечал: «В десять». Сатана повелел и этого, как действовавшего неревностно, бить бичами. И еще один демон пришел поклониться ему. Сатана спросил: «Откуда?» Демон отвечал: «Из пустыни. Исполнилось сорок лет, как там борюсь с одним из монахов, и едва одержал над ним победу: вверг его этою ночью в любодеяние». Сатана, услышав это, встал с трона, начал целовать демона, — сняв царский венец, который был на главе его, возложил на голову демона и посадил его возле себя на престоле, сказав: «Ты совершил великое и славное дело». — Увидев и услышав это, сын жреца сказал сам себе: «Чин монашеский, должно быть, имеет великое значение». Он принял христианство и вступил в монашество[1].

83. Некоторый монах был борим вожделением. Случилось ему прийти в одно из сел Египта. Там он увидел дочь жреца идольского, полюбил ее и предложил отцу отдать ее за него в замужество. Жрец отвечал: «Не могу отдать ее за тебя, не спросив бога моего». И пришедши к демону, которому он поклонялся, сказал ему: «Вот! некоторый монах пришел ко мне, хочет жениться на дочери моей: отдать ли ее за него?» Демон отвечал: «Спроси его: отречется ли от Бога своего, от крещения и от обетов монашества?» Жрец, пришедши к монаху, сказал ему: «Отрекись от Бога твоего, от крещения и от обетов монашества, — я выдам за тебя дочь мою». Монах согласился, — и немедленно увидал, что из уст его вышло подобие голубя и возлетело на небо. Жрец пошел к демону и сказал ему: «Вот! он обещал исполнить все три условия». Диавол отвечал жрецу: «Не отдавай ему дочери твоей в жены, потому что Бог его не отступил еще от него, но и доселе помогает ему». Жрец, пришедши к брату, сказал ему: «Не могу отдать тебе дочери, потому что Бог твой доселе помогает тебе и не отступил от тебя». Услышав это, брат сказал сам себе: «Я, несчастный, отрекся от Бога, от крещения и от обетов монашества, а всеблагой Бог доселе помогает мне, окаянному! Если Бог оказывает мне такую милость, зачем же мне отступать от Него?»

[1] Pag. 885, cap. 39.

Очувствовавшись и опомнившись, он пришел к некоторому великому старцу и поведал ему случившееся. Старец сказал ему: «Останься со мною в пещере и пробудь в посте целые три недели, а я буду молиться Богу за тебя». И подвизался старец за брата, молясь Богу и говоря: «Господи! умоляю Тебя: даруй мне эту душу и прими покаяние ее». И услышал Бог молитву старца. Когда исполнилась первая неделя, старец пришел к брату и спросил его: «Видел ли ты что-нибудь?» Брат отвечал: «Да, я видел голубя стоящим в высоте небесной над головою моею». Старец сказал ему: «Внимай себе и молись Богу тщательно». По прошествии второй недели старец опять пришел к брату и спросил его: «Видел ли ты что-либо?» Брат отвечал: «Видел, что голубь ниспустился даже до головы моей». Старец заповедал ему: «Трезвись и молись». Когда исполнилась третья неделя, старец опять пришел к брату и спросил: «Еще не видел ли ты чего?» Брат отвечал: «Видел, что голубь спустился и стал над головою моею; я протянул руку, чтоб удержать его, а он вспорхнул и вошел в уста мои». Старец возблагодарил Бога и сказал брату: «Вот! Бог принял покаяние твое. Отселе внимай себе и тщательно заботься о спасении твоем». Брат отвечал: «Отселе я пребуду с тобою до смерти»[1].

84. Однажды в Скиту сделано было для братии угощение. Одному из присутствовавших старцев подали чашу вина. Он отказался выпить ее, сказав подавшему: «Унеси от меня эту смерть». Прочие, участвовавшие в трапезе, увидев это, также не стали пить вина[2].

85. В другой раз принесен был в Скит сосудец с вином от начатков с тем, чтоб братиям было подано каждому по одной чаше. Один из братии, входя в трапезу и заметя, что подают вино, возвратился и побежал крытым ходом. Ход провалился. Прочие братия, услышав стук, побежали, чтоб увидеть случившееся: они нашли брата лежащим, едва дышащим, и начали укорять его, говоря: «Поделом тебе! за твое тщеславие!» Но авва, утешая его, сказал: «Оставьте сына моего: он сделал доброе дело. Жив Господь! во времена мои не будет возобновлен ход: пусть все знают, что в скиту из-за чаши вина провалился крытый ход»[3].

86. Настоятель Скита пошел однажды к Александрийскому архиепископу. Когда он возвратился в Скит, братия спросили его: «Что — город?» Он сказал им: «Поверите мне, братия, что, кроме епископа, я не видал там ни одного человека». Услышав это, они удивились и сказали: «Что же сделалось, думаешь, с прочим

[1] Pag. 884, cap. 38. ‖ [2] Pag. 871, cap. 54. ‖ [3] Pag. 871, cap. 54.

множеством народа?» Пресвитер вывел их из недоумения, сказав следующее: «Я понудил себя не взглянуть ни на одного человека». Братия получили назидание от этих слов, которыми изображалось особенное хранение очей[1].

87. Поведали об одном старце, что однажды ему захотелось огурца. Он взял огурец, повесил его пред глазам своими. Не попустив желанию победить себя и не прикоснувшись к огурцу, старец укорял себя и приносил покаяние в самом пожелании[2].

Свойство пожеланий человеческих таково, что необходимо научиться побеждению их на мелочах. Приучившийся побеждать мелочные пожелания обуздает и великие. Побеждающийся малыми пожеланиями победится непременно и великими. Невозможно преодолеть ни страсти вожделения, ни страсти гнева, не научившись побеждать вообще все пожелания, чем исключительно исправляется испорченность воли.

88. Один из старцев был очень болен; из внутренности его выходило много крови. Один из братий принес сухих смокв, сделал похлебку, спустил в нее смоквы, принес к старцу и просил его вкусить, говоря: «Покушай, это будет очень полезно тебе». Старец посмотрел на него пристально и сказал: «Истину говорю: желал бы я, чтоб Бог попустил мне страдать в этой болезни еще другие тридцать лет». И никак не согласился старец, будучи в такой болезни, хотя немного вкусить приятной пищи. Брат отнес приготовленное им в свою келлию[3].

Опыт самоотвержения, воздержания и крепости древних.

89. Был некоторый отшельник в нижнем Египте, пользовавшийся известностию, потому что он безмолвствовал наедине в келлии в пустынном месте. По действию сатаны некоторая женщина развратного поведения, услышав об отшельнике, сказала юношам, знакомым своим: «Что дадите вы мне, и я низложу отшельника вашего?» Они условились вознаградить ее щедро. Она вышла вечером; как бы сбившись с дороги, пришла к келлии отшельника, постучалась в дверь. Он вышел; увидев ее, смутился и спросил ее: «Каким образом пришла ты сюда?» Она, заплакав притворно, отвечала: «Сбилась с дороги и пришла сюда». Умилосердившись над нею, он ввел ее в сени, которые были пред келлией, а сам вошел в келлию и запер за собою дверь. Но окаянная начала кричать: «Авва! здесь съедят меня звери!» Он опять смутился, но вместе боялся суда

[1] Pag. 871, cap. 55. ‖ [2] Pag. 872, cap. 60. ‖ [3] Pag. 873, cap. 65.

Божия за поступок жестокий, и говорил сам себе: «Откуда пришла мне эта напасть?» Отворивши дверь, он ввел ее в келлию. Тогда диавол начал стрелами вожделения разжигать сердце его к ней. Поняв, что тут действует диавол, отшельник сказал сам себе: «Путь врага — тьма, а Сын Божий — свет». С этими словами он зажег лампаду. Чувствуя, что вожделение воспламеняется более и более, сказал: «Так как удовлетворяющие вожделениям пойдут в муку, — испытай себя, можешь ли выдержать огнь вечный». С этими словами он наставил один из ручных пальцев на огонь лампады. Палец начал гореть, но он не чувствовал боли по причине необыкновенного воспламенения плотской страсти и до дневного рассвета сжег себе все пальцы у руки. Окаянная, увидев, что делает отшельник, от ужаса как бы окаменела. Рано утром пришли упомянутые юноши к отшельнику и спрашивали его: «Приходила ли сюда вечером поздно женщина?» Он отвечал: «Приходила. Вот она; спит там». Юноши, подошедши к ней, нашли ее мертвою и сказали: «Авва! она умерла». Тогда он, раскрыв малую мантию, в которой был, показал им свои руки, говоря: «Вот что сделала мне эта дщерь диавола: она сгубила все пальцы мои». И рассказав им все происходившее, присовокупил: «Но Писание говорит: не воздавай злом за зло». Помолившись, он воскресил умершую. Воскресшая покаялась и провела благочестиво остаток жизни своей[1].

Невидимые враги для усиленной, невидимой брани наиболее избирают ночь. В таких случаях очень полезен свет от лампады или, что еще лучше, от свечей. По причине действия зрения и доставляемого этим действием развлечения душа избавляется от исключительного, сосредоточенного действия на нее бесовских помыслов и мечтаний, действие которых, естественно, ослабляется развлечением.

90. Рассказывали старцы следующее о некотором садовнике, который, обрабатывая сад свой, все выработанное раздавал на милостыню, а у себя удерживал только необходимое для пропитания. Впоследствии сатана вложил в его сердце помысл: «Накопи себе сколько-нибудь денег, чтоб было тебе на нужды твои, когда состареешься или подвергнешься болезни». Он начал копить и накопил монетами глиняный сосуд. После этого случилось ему заболеть: начала гнить у него нога. Накопленные деньги он издержал на врачей; но врачи не могли оказать ему никакой помощи. Посетил его опытнейший врач и сказал ему: «Если не решишься отрезать ноги

[1] Pag. 883, cap. 37.

твоей, то она вся сгниет». Вследствие этого назначен день для отсечения ноги. В предшествовавшую этому дню ночь он опомнился, начал приносить покаяние в своем поступке, воздыхать и плакать, говоря: «Помяни, Господи, милостыни, которые я прежде подавал, когда работал в моем саду и выработанные деньги употреблял на служение больным». Когда он говорил это, предстал ему Ангел Господень и сказал: «Где деньги, накопленные тобою? где избранный тобою предмет твоей надежды?» Садовник, поняв тогда, в чем заключалось согрешение его, сказал: «Господи! я согрешил. Прости меня: с этого времени не буду более делать этого». Тогда Ангел прикоснулся к ноге его, и она тотчас исцелилась. Врач, согласно сделанному условию, пришел с железными инструментами, чтоб отсечь ногу, и не нашел дома садовника. На вопрос его: «Где садовник?» Сказали ему: «С раннего утра ушел работать в сад». Врач пошел в сад и, увидя садовника копающим землю, прославил Бога, мгновенно даровавшего исцеление от болезни, неисцелимой средствами человеческими[1].

91. Сказал некоторый старец: «Когда попустится искушение человеку, то со всех сторон умножаются напасти, чтоб он впал в малодушие и ропот». При этом старец рассказал следующую повесть: «Некоторый брат безмолвствовал в келлии, и нашло на него искушение: никто не хотел принимать его в келлию к себе; если кто встречался с ним, — отворачивался и на приветствие не отвечал приветствием; если он нуждался в хлебе, — никто не ссужал его; когда возвращались братия с жатвы, никто не приглашал его, как это было в обычае, к трапезе. Однажды он пришел с жатвы и не было у него ни одного хлеба в келлии; но брат принес, как приносил и во всех подобных случаях, благодарение Богу. Бог, видя терпение его, отъял искушение, — и вот, кто-то постучался в двери. Это был неизвестный человек из Египта, он привел верблюда, навьюченного хлебами. Брат, увидя это, заплакал и сказал: "Господи! недостоин я потерпеть и малой напасти". По прошествии искушения братия сделались приветливыми к нему и в келлиях и в церкви, начали его приглашать к себе для утешения пищею»[2].

92. Некто, увидев брата, с особенным усердием несущего гроб с мертвым телом, сказал ему: «Умерших ли носишь? лучше сделаешь, если будешь носить живых, потому что *миротворцы сынове Божии нарекутся*»[3].

---

[1] Pag. 892, cap. 21. ‖ [2] Pag. 897, cap. 22. ‖ [3] ...*миротворцы... будут наречены сынами Божиими* (Мф. 5. 9). Pag. 1032, cap. 1.

93. Некоторый брат жил в общежитии, и все обвинения, которые возлагали на него братия, даже обвинения в любодеянии, принимал на себя. Некоторые из братий, не зная подвига его, начали роптать на него, говоря: «Сколько он наделал зла и не хочет даже работать!» Настоятель, зная подвиг его, говорил братиям: «Для меня приятнее одна циновка работы этого брата, сделанная со смирением, нежели все ваши, сделанные с гордостию». Чтоб доказать судом Божиим, каков этот брат, авва велел принести циновки работы братий и циновку работы обвиненного брата; потом развели огонь, и авва положил в огонь все циновки. Работа роптавших братий сгорела, но циновка брата осталась неповрежденною. Братия, увидев это, умолкли, просили прощения у брата и отселе считали его отцом своим[1].

94. Некоторый брат спросил старца: «Что делать мне? Помышления мои не допускают меня ни одного часа пробыть в келлии». Старец отвечал: «Сын мой! Возвратись в келлию твою, займись рукоделием, непрестанно молись Богу, возложи смущающие тебя помышления на Господа и не попусти кому-либо и чему-либо обольстить тебя и склонить к оставлению келлии». К этому присовокупил старец следующее: «Жил в миру юноша, имевший отца и желавший быть монахом. Он много просил отца, чтоб отпустил его в монастырь, но отец не соглашался; впоследствии отец, упрошенный близкими друзьями, согласился. Юноша, оставив родительский дом, вступил в монастырь; постригшись в монашество, он начал исполнять монастырские послушания со всею удовлетворительностию и ежедневно поститься; потом начал употреблять пищу однажды в два дня, наконец — однажды в неделю. Настоятель монастыря, видя это, удивлялся и благословлял Бога за воздержание и подвиг его. После некоторого времени юный монах начал убедительно просить настоятеля, чтоб отпустил его на отшельничество в пустыню. Авва сказал ему: “Сын! отвергни это помышление, ты не можешь выносить тяжкого подвига отшельнической жизни, в особенности же искушений и злохитростей диавола; если последует с тобою искушение, некому будет там успокоить тебя и избавить от возмущений, которые нанесет тебе враг”. Но монах начал еще усиленнее просить об увольнении. Авва, видя, что нет никакой возможности удержать его, сотворил молитву и отпустил его. При этом монах сказал настоятелю: “Позволь, авва, кому-либо показать мне, куда я должен направиться”. Авва послал с ним двух

[1] Pag. 967, cap. 86.

монахов монастыря своего. Они проходили по пустыне день и два, — ослабели от зноя и, кинувшись на землю, лежали. На них напал тонкий сон, и вот, прилетел орел и, ударяя их крыльями, разбудил. Потом орел отлетел от них и сел в виду у них на земле. Они встали и, смотря на орла, сказали молодому монаху: "Вот Ангел твой: вставай и последуй за ним". Он встал, простился с братиями и последовал за орлом. Он прошел до того места, на котором сидел орел: тогда орел тотчас поднялся, перелетел на пространство одной стадии и опять сел; подобным образом и брат последовал за ним. Орел опять поднялся и отлетел недалеко, а брат шел за ним. Это продолжалось в течение трех часов. Наконец орел свернул направо, в сторону, и уже более не показывался. Монах последовал за ним и в сторону; увидев неожиданно три пальмовые дерева, источник воды и малый вертеп, сказал он сам себе: "Вот место, которое приготовил мне Господь". Он вошел в пещеру и начал безмолвствовать в ней, употребляя в пищу финики, а в питие воду из источника; прожил он тут шесть лет отшельником, никого не видя. И вот однажды приходит к нему диавол в виде старца, аввы; лицо у него было страшное. Брат, увидевши его, испугался, пал лицом на землю и начал молиться, потом встал. Диавол сказал: "Помолимся, брат, еще". Они помолились, и когда окончили молитву, диавол спросил его: "Сколько времени живешь ты здесь?" Он отвечал: "Шесть лет". Диавол сказал: "Ты сосед мой! а я только четыре дня тому как узнал, что ты живешь здесь. Моя келлия недалеко отсюда; одиннадцать лет я не выходил из нее, — вышел только сегодня, узнав, что ты живешь по соседству. При таком известии я подумал сам с собою: схожу к этому человеку Божию и побеседую с ним о пользе душ наших. Скажу ему и то, что отшельничество наше не приносит нам никакой пользы, так как мы не причащаемся святых Тела и Крови Христовых, что я боюсь, чтоб нам не сделаться чуждыми Христу, если мы удалимся от этого Таинства. Да будет тебе известно, брат, что в трех милях отсюда есть монастырь, имеющий пресвитера: сходим туда в воскресный день или после двух недель, причастимся Телу и Крови Христовым и возвратимся в наши келлии". Совет диавола понравился брату. Когда наступил воскресный день, диавол опять пришел, говоря: "Пойдем, пора". Они отправились и пришли в вышеупомянутый монастырь, где был пресвитер; вошедши в церковь, стали на молитву. По окончании молитвы брат оглянулся и, не видя того, кто привел его, помышлял сам в себе: "Куда он ушел? не за какою ли нуждою?" И долго ожидал его, но он не

приходил. Потом вышел из церкви, начал искать его. Не нашедши, стал спрашивать у братии того монастыря: "Где тот авва, который вошел со мною в церковь?" Они отвечали: "Мы не видали никого; видели только тебя одного". Тогда брат понял, что это был демон, и сказал сам себе: "Смотри, с какою хитростию диавол извлек меня из келлии моей! Но что до этого, я пришел для доброго дела; причащусь Тела и Крови Христовых и возвращусь в келлию мою". По совершении Литургии в церкви, когда брат хотел возвратиться к себе, остановил его авва того монастыря, сказав: "Не отпущу тебя! прежде раздели трапезу с нами". По окончании трапезы брат возвратился в свою келлию. — И вот опять пришел к нему диавол в образе мирского молодого человека, начал осматривать его с головы до ног и говорить: "Это — он самый!" Потом снова начал осматривать его. Брат спросил его: "С чего ты так смотришь на меня?" Он отвечал: "Думаю, что ты не узнаешь меня. Впрочем, как и узнать после столь продолжительного времени! Я — сосед отца твоего, сын такого-то. Как же! Твой отец не так ли-то называется? А имя матери твоей не такое ли было? Сестра твоя так-то называлась; твое прежнее имя было такое. Матерь и сестра твои умерли уже более трех лет тому назад, а отец умер только что ныне и сделал тебя наследником своим, говоря: кому мне оставить имущество мое, как не сыну моему, мужу святому, который оставил мир и проводит отшельническую жизнь ради Бога. Ему предоставляю все блага мои. Потом, обратясь к нам, сказал: "Если кто из вас имеет страх Божий и знает, где находится сын мой, пусть известит его, чтоб он пришел сюда, принял имущество и раздал его нищим за свою душу и за мою". Многие отправились отыскивать тебя, но не нашли, а я, пришедши сюда по делам своим, узнал тебя. Не медли! Поди, продай все и исполни волю отца твоего». Брат отвечал: "Мне не следует возвращаться в мир". Диавол сказал: "Если не пойдешь, имущество пропадет, а ты дашь ответ пред Богом. Что говорю тебе худого, когда говорю: поди и раздай имение нищим и сиротам, как благой распорядитель, чтоб блудницы и развратные люди не расхитили оставленного бедным? Что отяготительного в том, если ты пойдешь и, во исполнение воли отца твоего, подашь милостыню ради спасения души твоей, — потом воротишься в келлию? Что говорить более?" Обольстив брата, диавол возвратил его в мир; он проводил его до города и тут оставил. Монах хотел войти в дом отца своего так, как уже умершего, и вот! сам отец его выходит к нему навстречу. Увидев его, отец не узнал и громким голосом спро-

сил его: “Ты — кто?” Монах смутился и не мог отвечать ничего. И начал отец его допрашивать, откуда он. Тогда монах в смущении сказал: “Я сын твой”. Отец возразил на это: “По какой причине ты возвратился сюда?” Монах постыдился объяснять истинную причину своего возвращения, но сказал: “Любовь к тебе заставила возвратиться, потому что я очень жалел о тебе”. Он остался в отцовском доме; по прошествии некоторого времени впал в любодеяние и подвергся тяжкому наказанию от отца своего. Несчастный! он не обратился к покаянию, но остался в мире. По этой причине я говорю, братия, что монах никак не должен оставлять келлии своей, кто бы ни советовал ему это»[1].

В повести два обстоятельства достойны особенного внимания: усилие диавола извлечь монаха из его келлии и преждевременное вступление монаха в жительство отшельническое, для которого он не созрел. На отшельника диавол подействовал явно: на монахов, живущих в общежитии, он действует помыслами, но действие, в сущности, — одно и то же. Чтоб извлечь отшельника из келлии, диавол употребил самые благовидные предлоги: точно такие же, чтоб извлечь монаха из келлии и из монастыря, приучить к выходам и скитанию, диавол употребляет самые благовидные предлоги; он губит, предлагая по видимому спасение, — ввергает в тяжкие грехи, предложив живописно обильное добро[2]. Первый выход отшельника не был сопряжен с душевным бедствием, чтоб показать безвредность выходов и отъять у души спасительную для нее осторожность: точно так же и при первых выходах монаха из келлии и монастыря укрывается невидимым врагом от очей ума опасность такого поведения, чтоб тем удобнее вовлечь в навык к выходам, особливо к скитанию, и тем вернее ввергнуть в душевное расстройство. По этой причине повсюду в учении Отцов встречается настоятельное убеждение монахам, чтоб они приобучались к терпеливому пребыванию в монастыре и келлии, стараясь как можно умерять и сокращать свои выходы в мир, не делать их по самочинию и прихоти. — На жизнь отшельническую в пустыне или затворе решались некоторые иноки или по особенному призванию Божию, или вследствие указания своего духоносного наставника, признавшего их способными к такой жизни по благодатному воззрению на их душевное устроение. Самовольное избрание этого рода жизни, равно как и избрание по совету или скудоумному, или недобросовестному, всегда сопровождалось бедствиями. И при призвании Божием отшельничество и затвор составляют подвиг самый трудный, вводят в единоборство с отверженными духами; но призвавший Бог, на основании, известном единому Ему, поддержи-

[1] Pag. 897, cap. 24. || [2] Преподобный авва Дорофей. Поучение.

вает Сам избранника Своего. При самомнении, которым непременно заражены души избирающих высокое жительство самочинно, особливо с нарушением послушания, с упорным, страстным увлечением, диавольское искушение, так сказать, призывается, а помощь и покров Божии отталкиваются. Подчинившись диавольским помыслам и воле диавола в душе своей, невозможно противостать ему в явной борьбе; не узнав диавола в принесенных им помыслах и во внутреннем начинании, невозможно узнать в привидении, когда оно явится. Отцы решительно сказали, что безмолвие убивает не созревших для него[1]. Бесчисленные опыты доказывают справедливость приговора. Чтоб короче ознакомить возлюбленных братий с образом действий диавола, действующего под личиною благовидности, с злохитростию его, которою он мог бы обольстить и святых Божиих, если б не покрывала их десница Божия, приводим искушение, постигшее преподобного Петра Афонского. Этот великий муж в мирском быту был военачальником, призван к монашеству дивными судьбами Божиими, потом призван к жизни отшельнической на горе Афонской, до вступления в эту жизнь имел уже дар чудотворения, по вступлении вынес тяжкую борьбу с бесами, вышел из этой борьбы победителем. После всего этого диавол покусился обмануть и погубить преподобного следующим образом: он принял вид одного из тех домашних Петра, которые состояли при нем в мирском быту, когда он был военачальником, и пришел к нему. Афонская гора, покрытая лесами, изрытая пропастями, в то время была необитаема. Демон припал к ногам преподобного, приветствовал его, потом сел близ него, начал плакать пред ним и говорить: «Мы слышали, владыко наш, что ты был взят в плен, отведен в Самару, посажен в мрачную темницу, — что Бог, по молитвам святителя Николая, избавил тебя и привел в области Греческие. Все мы, домашние твои, плача и рыдая, искали тебя повсюду, обошли многие города и селения, расспрашивая о тебе. Не нашедши тебя, мы вдались прилежным, слезным молитвам к святителю Николаю, чтоб открыл нам о тебе, в каком месте ты, сокровище наше, пребываешь. И не презрел нашего моления скорый помощник всем, святой Николай, но открыл нам все о тебе. Мы, рабы твои, возрадовались, а я, предваряя всех, пришел к тебе, моему господину. Иди же в дом твой, чтоб увидели тебя все, желающие видеть лицо твое, и прославится ради тебя Бог, избавивший тебя чудесно из плена и оков. О безмолвии же нисколько не беспокойся: там есть монастыри и уединенные пустыни, удобные для отшельников; ты изберешь место по твоему благоусмотрению. Рассуди сам здраво, что приятнее Богу: отшельничество ли в горах и каменных пещерах, приносящее пользу только себе, или жительство богоугодного, боговдохновенного мужа посреди многих, многих обращающего к Богу

[1] Лествица. Слово 27.

и наставляющего на путь спасения. Поистине приятнее второе, по свидетельству Самого Бога, начертанному в Священном Писании: *изводяй честное от недостойнаго, яко уста Моя будет.* Сам знаешь, как много в городе нашем заблуждающихся во тьме страстей и нуждающихся в лице, могущем привести их к покаянию. Тебе уготовится великое воздаяние от Бога, если ты, господин мой, придешь и обратишь их к Богу. И нас, любящих тебя всем сердцем, за что так презираешь, устраняясь от нас и скрываясь в этой пустыне?» Когда демон говорил это и многое этому подобное, — святой начал несколько колебаться в душе, но сказал в ответ: «В это место я приведен не человеком и не Ангелом, но Самим Богом и Божиею Материю: если не последует их воли и повеления, чтоб я вышел отсюда, то я не выйду». Демон, услышав это, исчез. — По прошествии семи лет диавол снова покушался обольстить преподобного: явился ему в виде светлого Ангела, называл себя архистратигом Господа, объявлял повеление от лица Господня, доказывая истину слов своих чудом, чтоб Петр оставил гору, шел в мир для утверждения и пользы многих; услышав ответ, подобный первому, он исчез[1]. Святые могли отражать нападения врага единственно по милости Божией, содействием благодати Божией, живущей в святых и просвещающей их: как выдержать эти нападения при одной слепой самонадеянности, при решительном скудоумии, при самомнении, которое всегда льстит себе и обманывает себя? Как выдержать эти нападения, находясь по внутреннему человеку во мраке духовном, в плену и порабощении у диавола? — Нелишним будет заметить, что правда плотского мудрования, проповедуемая духами, тождественна с правдою, проповедуемою враждебным Богу миром, противоположна правде евангельской.

95. Некоторый старец безмолвствовал в пустыне. Келлия его стояла далеко от воды, за двадцать миль. Однажды, идя за водою, он устал и сказал сам себе: «Что за нужда мне переносить этот труд? перемещусь и буду жить близ этой воды». Когда он так размышлял, — оглянулся назад и увидел кого-то последующего за ним и замечающего следы его. Старец спросил его: «Кто ты?» — «Я — Ангел Господень, — отвечал тот, — послан исчислять шаги твои, чтоб за каждый шаг ты получил мздовоздаяние». Старец, услышав это, немедленно укрепился духом и уже терпеливо переносил отдаленность келлии своей от воды[2].

96. Некоторый брат, будучи тревожим помыслами, понуждавшими его выйти из монастыря, открыл это авве своему. Авва сказал ему: «Поди, безмолвствуй и отдай тело твое в залог стенам

[1] Четьи-Минеи, 12 июня. ‖ [2] Pag. 900, cap. 31.

келлии твоей с уговором, что ты не выйдешь из нее, а на помышления твои не обращай никакого внимания: пусть они беспокоят тебя сколько хотят; только ты не извергни тело твое из келлии твоей»[1].

97. Некоторый брат был борим в течение девяти лет помышлениями своими, чтоб он вышел из иноческого общежития, в котором находился, и ежедневно он брал кожицу, на которой спал, чтоб выйти. Когда наступал вечер, он говорил: «Завтра выйду отсюда». При наступлении же утра он говорил помышлениям: «Понудим себя пробыть здесь сегодня ради Господа». Когда исполнились девять лет, что он отлагал день за день исшествие свое, Господь отъял от него искушение его.

98. Некоторый брат, подвергшись искушению и смущению, оставил исправление монашеского правила, и когда хотел опять положить начало исправлению правила, — встречал препятствие от смущения и говорил сам себе: «Когда же я возвращусь к тому состоянию, в котором был прежде?» И, унывая, он не находил в себе сил, чтоб начать монашеский подвиг. Он пошел к некоторому старцу, поведал ему о совершающемся с ним. Старец, выслушав скорбь брата, сказал ему следующую притчу: «Некоторый человек имел землю, которая по небрежению его обратилась в неудобную, поросши волчцами и терниeм. Впоследствии он нашел нужным возделать ее и сказал сыну своему: “Поди, очисти принадлежащее нам поле это”. Сын пошел. Когда он обозрел поле, то увидел, что оно поросло множеством плевелов и терния. Упав духом, он сказал сам себе: “Когда искореню весь этот сор и очищу землю?” С этими словами он лег на землю и предался сну; так поступал он в течение многих дней. После этого пришел отец посмотреть, что сделано, и увидел, что ничего не сделано. Он сказал сыну: “Почему ты до сих пор ничего не сделал?” Юноша отвечал отцу: “Я пришел было на работу, но, увидев множество волчца и терния, отказался от исполнения работы; от смущения повергся на землю и спал”. Тогда отец сказал ему: “Сын! если бы ты каждый день обрабатывал такое пространство земли, какое занимаешь лежа на ней, то работа твоя подвигалась бы мало-помалу и ты бы не оказался преслушным мне”. Услышав это, юноша поступил по наставлению отца: в короткое время поле было очищено и обработано. Так и ты, брат, мало-помалу входи в подвиг и не унывай, а Бог благодатию Своею возведет тебя в прежнее состояние твое». Услышав это, брат

[1] Pag. 902, cap. 37.

ушел и, терпеливо пребывая в келлии, поступал так, как научен был старцем. Обретши мир душевный, он преуспевал о Господе Иисусе Христе[1].

99. Некоторый старец часто подвергался болезни. Случилось ему в течение одного года не болеть; старец очень скорбел об этом и плакал, говоря: «Оставил меня Господь мой и не посетил меня».

100. В Фиваиде некоторый старец безмолвствовал в вертепе. У него был ученик, подвижник. Старец имел обычай по вечерам поучать ученика и делать ему душеполезные наставления; после наставления он молился и отпускал ученика спать. Случилось, что посетили их некоторые благочестивые миряне, которым было известно великое воздержание старца; получив от него утешение, они ушли. По отшествии их, вечером, старец опять сел по обычаю и занялся поучением и наставлением брата. Во время беседы напал на него сон, а брат стоял, ожидая, чтоб старец проснулся и сотворил по обычаю молитву над ним. Старец не просыпался. Ученик, сидя долго, был побеждаем помышлениями потихоньку уйти и лечь спать; но он понудил себя, противостал помышлению и остался. После этого сон начал склонять его, но он не ушел. До семи раз повторилось с ним такое колебание, но он с твердостию воспротивился ему. По прошествии уже полуночи проснулся старец и, увидев ученика сидящим близ себя, сказал: «Отчего ты до сих пор не ушел?» Ученик отвечал: «Оттого, отец, что ты не отпустил меня». Старец: «Почему ты не разбудил меня?» Ученик: «Я не осмелился толкнуть тебя, чтоб не обеспокоить тебя». Они встали и начали отправлять утреню; по окончании утрени старец отпустил ученика. Оставшись один, старец пришел в исступление. И вот некто показывает ему место прославленное, в нем трон и над троном семь венцов. Старец спросил того, кто показывал ему это: «Кому все это принадлежит?» Тот отвечал: «Ученику твоему даровал Бог и место это и трон за его жительство; эти же семь венцов он заслужил в эту ночь». Услышав это, старец удивился; весь трепетный, позвал он ученика и спрашивал его: «Скажи мне, что сделал или что помышлял ты ночью». Брат, не зная за собою никакого дела, не находил, что сказать, и потому отвечал старцу: «Прости меня, отец! я ничего не сделал». Старец, думая, что он не говорит по смирению, сказал: «Поверь, я не успокоюсь, если не скажешь мне, что сделал или что помышлял ты ночью». Брат, не зная за собою никакого дела, не находил, что сказать, и потому отвечал

[1] Pag. 903, cap. 40.

старцу: «Прости меня, отец! я ничего не сделал, разве только то, что до семи раз был склоняем помышлениями уйти и лечь спать, но не пошел, потому что не был отпущен тобою по обычаю». Старец, услышав это, тотчас понял, что ученик столько раз был увенчан Богом, сколько раз противостал помышлениям. Он ничего из виденного не возвестил брату, чтоб не нанести ему вреда, но поведал это духовным отцам. Научимся, что за победу и над малыми помышлениями Бог венчает нас. Благо человеку понуждать себя ради Бога во всяком деле: *Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищают е*[1].

101. Некоторый старец-отшельник сделался болен. Он не имел при себе никого, кто бы послужил ему, — и потому вставал с одра и употреблял в пищу то, что мог найти в келлии своей. Так прошло много дней, и никто не пришел посетить его. Когда исполнилось тридцать дней и никто не приходил к нему, Господь послал Ангела Своего для служения ему. Так протекли еще семь дней; тогда вспомнили о нем отцы и сказали друг другу: «Пойдем, навестим такого-то старца: может быть, он болен». Когда они пришли и постучались в дверь, — Ангел отступил от него. Старец же из келлии закричал им: «Братия! уйдите отсюда». Они сняли двери с крючьев, вошли и спрашивали его, отчего он кричал. Он отвечал: «Тридцать дней я томился в болезни, и никто не посетил меня; и вот уже семь дней, как прислуживает мне Ангел, посланный Господом, а когда вы пришли, — он отступил от меня». Сказав это, он почил в мире. Братия удивились и прославили Бога, говоря: «Господь не оставляет уповающих на Него»[2].

102. Брат спросил некоторого старца: «Если я, живя в каком-либо месте, подвергнусь смущению, не буду иметь с кем посоветоваться и кому открыть о страсти, стужающей душе моей, тогда что делать мне?» Старец отвечал: «Веруй в Бога: Он пошлет Ангела Своего и благодать Свою; Он Сам будет для тебя утешением, если ты будешь просить Его в сокрушении духа». Старец присовокупил к этому следующее: «Слышал я, что в Скиту случилось нечто подобное. Там был брат, подвергавшийся искушению, и не имел он доверенности к кому-либо, чтоб открыть о своей тайной борьбе. Он приготовил с вечера мантию свою, чтоб уйти оттуда: и вот ночью явилась ему благодать Божия в образе девицы, утешила его, сказав: "Никуда не уходи, но пребывай здесь со мною, потому что

[1] *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11. 12). Pag. 904, cap. 43. ‖ [2] Pag. 904, cap. 44.

не будет никакого худого последствия из того, чему ты подвергся". Он поверил словам ее, остался, и тотчас исцелилось сердце его»[1].

103. Однажды в Келлиях справляли праздник, и братия трапезовали в церкви. В трапезе участвовал некоторый брат, который сказал прислуживавшему при трапезе: «Я не ем ничего вареного». Служитель трапезы подозвал к себе помощника своего и при всем многочисленном братстве сказал: «Этот брат не ест вареного, принеси ему соли, чтоб посыпать участок хлеба его». Тогда один из старцев встал и сказал брату: «Полезнее было бы тебе сегодня употребить мясо в келлии твоей, нежели услышать такое слово о себе пред всем братством»[2].

104. Брат, воздерживавшийся от пищи и не евший хлеба, пришел к некоторому старцу. В это же время пришли к старцу странники; для них старец сделал немного кашицы. Когда сели вкушать пищу, воздерживающийся брат поставил пред собою одним моченый горох и ел его. Когда встали из-за стола, старец отвел брата в сторону и наедине сказал ему: «Брат! если ты придешь к комулибо, не обнаруживай пред ним жительства твоего; если же хочешь никогда не нарушать принятых тобою обычаев, то пребывай в келлии и не выходи никуда». Брат признал справедливость слов старца, и с того времени, когда приходил к братии, уже следовал общему порядку жительства[3].

105. Однажды старцы пришли в Александрию, куда пригласил их архиепископ Феофил, чтоб в присутствии их совершить молитву и разрушить храмы язычников. Когда они вкушали пищу за одним столом с архиепископом, поданы были телячьи мяса; они ели их, ничего не рассуждая. Архиепископ, взяв кусок мяса, подал старцу, возлежавшему подле него, говоря: «Этот кусок хорош: кушай, авва». Старцы отвечали: «До сих пор мы думали, что едим овощи: если же это мясо, то мяса мы не можем есть». И они не стали есть предложенной им мясной пищи[4].

106. В некотором общежитии были два брата высокой жизни, удостоившиеся видеть каждый друг над другом благодать Божию. Случилось, что один из них вышел однажды в субботу из монастыря и увидел человека, ядущего рано. Он сказал ему: «В этот час ты уже ешь!» В следующий день отправлялась по обычаю Божественная литургия. Другой брат взглянул на этого брата, — увидел, что данная ему благодать отступила от него, и опечалился. Когда они пришли в келлию, первый брат сказал второму: «Отчего я не видел

[1] Pag. 905, cap. 47. ‖ [2] Pag. 909, cap. 21. ‖ [3] Pag. 909, cap. 22. ‖ [4] Pag. 872, cap. 63.

над тобою благодати, как прежде? что сделал ты?» Второй отвечал: «Не знаю за собою никакого греха ни в деле, ни в помышлении». На это первый: «Не произнес ли ты какого небогоугодного слова?» Второй, припомнив случившееся в субботу, сказал: «Да, вчера увидел я кого-то употребляющего пищу рано и сказал: с этого часа ты уже ешь в субботу! В этом грех мой; но потрудись со мною две недели, и будем просить Бога, чтоб Он простил меня». Они сделали так. И по прошествии двух недель увидел первый брат благодать Божию, возвратившуюся на брата своего. Они были утешены Богом, единым благим, и вознесли Ему благодарение[1].

В конце прошедшего столетия жил в Валаамском монастыре старец Ксенофонт, обращенный в сына Церкви из закоренелого раскольника и учителя раскольников видением Небесных Сил во время Божественной литургии, которую совершал в Невской Лавре иеромонах. Возвратившись в лоно Церкви, Ксенофонт, как великий подвижник, отправился на жительство в Валаамский монастырь. Там — подобно двум инокам, о которых говорит повесть,— он сделался постоянным зрителем благодати Божией в различных проявлениях при совершении Божественной литургии. Однажды приехали в Валаамский монастырь и вошли в церковь во время службы финляндцы — лютеране, весьма неопрятные. Ксенофонт соблазнился на них и уничижил их в помысле своем. Благодать немедленно скрылась. Старец понял причину этого и начал приносить покаяние пред Богом. Чрез месяц, не ранее, Ксенофонт снова сделался зрителем проявлений благодати Божией[2].

107. В Ските, когда священнослужители совершали Божественную литургию, нисходило подобие орла на приношение. Это явление видели одни священнослужители. Случилось, что один из братий попросил у иеродиакона некоторой вещи. Диакон отвечал, что ему недосуг. После этого на литургии не явилось по обычаю подобие орла, и сказал иеромонах иеродиакону: «Мы в чем-либо согрешили, или ты, или я; отступи от святой трапезы, и если явится óрлее подобие, то ясно будет, что оно не являлось ради тебя». Когда диакон отступил,— орел немедленно низошел. По окончании Богослужения иеромонах спросил диакона: «Что сделал ты?» Диакон отвечал: «Не знаю за собою никакого согрешения. Разве то, что приходил ко мне брат и просил чего-то, а я отказал ему, сказав, что мне не время». Иеромонах сказал на это иеродиакону: «Не сходил

[1] Pag. 911, cap. 12. ‖ [2] Рукопись Валаамского монастыря, написанная со слов Ксенофонта.

орел, потому что брат был огорчен тобою». Диакон пошел к брату и испросил у него прощения[1].

108. Один из святых Отцов, увидев брата в делах нерадения, горько заплакал. «Увы мне! — сказал он, — как брат грешит сегодня, так я буду грешить завтра». Потом, обратясь к ученику своему, присовокупил: «В какой бы тяжкий грех ни впал брат в твоем присутствии, не осуди его; но имей залог в сердце твоем, что ты грешишь более его, хотя бы он был и мирянин, исключая тех случаев, когда им произнесено богохульство, принадлежащее ереси»[2].

109. К некоторому отшельнику приходил пресвитер из ближней церкви и преподавал ему Святые Тайны. Кто-то, пришедши к отшельнику, наговорил ему на пресвитера, и когда пресвитер по обычаю пришел, чтоб преподать Святые Тайны отшельнику, отшельник, объятый соблазном, не отворил ему дверей. Пресвитер, увидев это, ушел. И вот! последовал к отшельнику голос: «Восхитили себе человеки суд Мой». После этого отшельник пришел в исступление: он увидел как бы златый колодезь и золотой сосуд, и золотую вервь, и воду особенно хорошего достоинства. Увидел он при этом какого-то прокаженного, который черпал воду и наполнял ею сосуд. Отшельник пожелал пить, но не мог потому именно, что черпавший был прокаженным. И опять был к нему голос: «Почему ты не пьешь этой воды? Что за дело до того, кто бы ни черпал ее? он только черпает и наливает в сосуд». — Отшельник, пришедши в себя и рассмотрев значение видения, призвал пресвитера и, как прежде, просил его преподать ему Святое Причащение.

110. Брат безмолвствовал в келлии своей. Демоны, приняв вид Ангелов, хотели обольстить его: они приходили к нему, будили его, показывали ему свет и приглашали к Божественной службе. Брат пошел к некоторому старцу и сказал ему: «Авва! Ангелы приходят ко мне и приглашают к Божественной службе». Старец сказал: «Не слушай их, сын: это — демоны, и когда они придут будить тебя, скажи им: "Я, когда мне захочется, встану"». Получив такое наставление, брат возвратился в келлию. На следующую ночь демоны, по принятому ими обычаю, опять пришли будить его. Но он отвечал так, как было заповедано ему, говоря: «Я, когда захочу, встану, а вас не слушаю». Они возразили: «Этот злой старик, лицемер, сбил тебя с толку! К нему приходил брат, прося денег взаймы; деньги у старца были, но он обманул брата, говоря, что у него нет денег, и не дал

[1] Алфавитный патерик, буква Д. ‖ [2] Pag. 1039, cap. 3.

брату: из этого пойми, что он лицемер». Брат встал рано утром, пошел к старцу и пересказал ему слышанное от бесов. Старец сказал на это: «Что у меня были деньги — правда, а что я не дал брату, просившему в заем, то поступил так, зная, что причиню вред душе его, если дам. Я признал за лучшее нарушить одну заповедь, чтоб исполнением ее не впасть в нарушение десяти; из этого нарушения могло бы произойти значительное смущение, причиною которого были бы деньги, если бы я дал их. А ты не слушай демонов, которые хотят обольстить тебя». Утвержденный словами старца, брат ушел в свою келлию[1].

Никак не должно увлекаться добродетелями, которые предлагаются демонами, как бы эти добродетели ни были возвышенны и блестящи. Все, предлагаемое демонами, должно отвергать, без всяких исключений. Произвольное повиновение демонам, хотя бы оно совершилось по их приглашению и настоянию, подчиняет человека демонам, лишает человека духовной свободы, соделывает его орудием их. Великое бедствие — поработиться демонам и сделаться орудием их! Бедствие, объемлющее мир и не понимаемое миром.

111. Некоторый из отцов рассказывал о некотором великом старце, что он, если приходили просить у него назидательного слова, говаривал с великим дерзновением: «Вот! я принимаю на себя лицо Бога и сажусь на престол суда. Чего желаешь ты? Скажешь: помилуй меня. Отвечает тебе Бог: если ты хочешь, чтоб Я помиловал тебя, — ты помилуй братьев твоих, и Я помилую тебя. Если ты хочешь, чтоб Я простил тебя, — ты прости ближнему твоему. За Богом ли дело? Нет, за нами; мы должны пожелать спасения».

112. Сказывали об одном старце в Келлиях, что он был великий подвижник. Когда он занимался деланием своим, случилось другому, также святому мужу, прийти к келлии его, и услышал пришедший, стоя вне, что старец препирается с помышлениями своими и говорит: «Доколе я буду для этого одного слова забывать все, что знаю?» Стоявший вне дверей сначала думал, что старец спорит с каким-либо посетителем; он постучался в дверь с намерением примирить несогласных между собою. Вошедши в келлию, видя, что в ней нет никого, и будучи коротко знаком с старцем, спросил его: «С кем спорил ты, авва!» Он отвечал: «С помышлениями моими. Четырнадцать книг я выучил наизусть, услышал ничтожное слово вне келлии; когда же, возвратясь в келлию, захотел

[1] Pag. 992, cap. 93.

упражняться в деле Божием, все, выученное наизусть, как бы перезабыл, и только одно то слово, которое я слушал вне келлии, приходит мне на память в час служения моего. По этой причине я препирался с помышлениями моими».

Искушение, не известное людям развлеченным, известное инокам, проводящим внимательную жизнь! в особенности известно оно подвижникам, занимающимся умною молитвою. Ничтожное слово, ничтожный предмет из области мира, враждебного Богу, резко напечатлеваются в душах чистых: часто не могут изгладить впечатления, грязного и пагубного, ни потоки слез, ни усиленный подвиг, ни обширные познания в богословии, ни продолжительное время. Всем монахам должно хранить себя тщательно, особливо же затворникам и отшельникам.

113. Братия общежительного монастыря пришли в пустыню, остановились у одного из отшельников, который принял их с радостию; видя их уставшими от трудного пути, он предложил им трапезу прежде установленного часа, по обычаю отшельников. Предложил он им все, что было у него в келлии, и успокоил их. Когда смерклось, прочитали двенадцать псалмов, так, как и ночью. Старец не спал, и слышит, что они говорят между собою: «Отшельники утешают себя в пустыне более, нежели мы в общежитиях». Рано утром, когда они встали, чтоб идти к другому отшельнику, соседу, старец сказал им: «Приветствуйте его от меня и скажите: “Не поливай овощей”». Они пришли к соседу и передали слова отшельника, у которого ночевали. Второй отшельник понял значение слов старца и оставил посетителей без пищи до позднего вечера. Когда смерклось, он отправил продолжительное служение Богу, по окончании которого сказал: «Сократим немного ради вас, потому что вы устали от пути». Потом сказал: «Мы не имеем обычая употреблять пищу ежедневно, но ради вас вкусим немного». И предложил им сухой хлеб и соль, прибавив немного уксусу в соль посетителей. Встав, они занялись псалмопением, продолжавшимся до утра. Потом отшельник сказал: «Ради вас не совершаем правила нашего в полноте его, чтоб вы отдохнули: ведь вы путешествуете». Когда рассвело, они хотели уйти; но отшельник остановил их, сказав: «Погостите несколько времени; дня три побудьте с нами по обычаю, который ведется у отшельников». Братия, увидев, что он не отпускает их, бежали тайно[1].

114. Однажды монахи из Египта пришли в Скит для свидания со старцами этой пустыни. Увидя, что они измождены голодом

[1] Pag. 930, cap. 97.

и от великого воздержания едят поспешно, соблазнились. Настоятель понял это. Он не захотел отпустить египетских братий, не исцелив их. С этою целию он отдал приказание в церкви народу — народом названы здесь монахи по многочисленности их — сказав: «Братия! попоститесь, и продолжите воздержание ваше». Посетители египтяне хотели уйти, но настоятель остановил их. С первого срока они уже почувствовали изнеможение, потому что им предлагали пищу однажды в двое суток; живущие же в Скиту употребляли пищу однажды в неделю. Когда наступила суббота, сели египтяне за трапезу вместе со старцами. Египтяне начали торопливо есть; тогда один из скитских старцев удержал руку одного из них, говоря: «С тихостию кушай, как приличествует монаху». Египтянин оттолкнул руку старца, сказав: «Оставь меня! я умираю, не евши ничего вареного в течение целой недели». Старец на это заметил: «Если вы, вкушая пищу через день, так изнемогли, то зачем вы соблазнились на братий, которые каждую неделю проводят в таком воздержании?» Они просили прощения и ушли, получив назидание и умиротворение[1].

В этой повести представлена с ясностию степень воздержания древних, которая, как и другие телесные подвиги, была возможна им по крепости телосложения, которою пользовались все вообще. В начале нынешнего столетия еще были в России подвижники и подвижницы, впрочем, весьма, весьма немногие, выдерживавшие целонедельное неядение. Соответственно этому они нуждались в самом кратком сне, в ничтожной одежде и летом и зимою. Духовное делание и духовное преуспеяние много зависят от телесной крепости[2]. В образец того, как различествуют телосложение древних людей и потребности его от телосложения новейших и его потребностей, приведем в пример преподобного Досифея, который изображается слабым по сложению, изнеженным по воспитанию, болезненным юношей. Этот болезненный и слабый юноша, очень воздержный в пище, — он и до вступления в монастырь назван постящимся, — употреблял в обед, кроме другой пищи, одного хлеба шесть аптекарских фунтов или пять с половиною обыкновенных[3]. Этого количества достаточно для двух самого сильного телосложения людей нашего времени.

115. Некоторый брат, отрекшись от мира и вступив в монашество, немедленно заключил себя в затвор, говоря: «Хочу быть безмолвником». Соседи, старцы, услышав это, пришли к нему,

---

[1] Pag. 932, cap. 109. || [2] Святой Исаак Сирский. Слово 58. И в других словах святого встречается эта мысль. || [3] Житие преподобного Досифея. Поучения преподобного Досифея. Издание 1856 года. Москва.

вывели его из затвора, заставили обойти все братские келлии и принести покаяние пред каждым братом, говоря: «Простите меня! я — не безмолвник, но только что получил начатки монашества»[1].

116. Брат сказал некоторому великому старцу: «Авва! мне бы хотелось найти старца по воле моей и жить с ним!» Старец отвечал на это: «Хорошо желание твое, владыко мой!» Брат, не поняв слов старца, подумал, что старец признал мнение его правильным и утвердил его. Старец, заметив это, сказал ему: «Так-то! если найдешь старца, соответствующего воле твоей, то намереваешься жить с ним? Значит: желаешь не того, чтоб тебе последовать воле старца твоего, но чтоб старец последовал воле твоей, и в этом надеешься найти преуспеяние». Тогда брат понял свою ошибку и, встав, пал в ноги старцу, принося покаяние и говоря: «Прости меня! я очень тщеславился, думая, что я хорошо сказал, между тем как ничего хорошего не было ни в словах моих, ни в мысли»[2].

117. Некоторый брат, живший в келлиях, намочил в воде свои пальмовые ветви, и когда сел плести веревки, сказало ему помышление его, чтоб он пошел к такому-то старцу для посещения. Потом, передумав сам в себе, сказал: «Пойду чрез несколько дней». И опять говорило ему помышление его: «Если же старец в это время умрет, тогда что сделаешь? Пойду сейчас же и поговорю с ним, тем более что время летнее». И опять сказал он сам в себе: «Но теперь некогда». И снова помышление говорило ему: «Когда приладишь тростниковые палки к циновкам, тогда уже будет время». И опять сказал он сам в себе: «Когда употреблю в работу эти пальмовые ветви, тогда пойду». Против этого снова возразило помышление его: «Но сегодня хороша погода». С этими словами он встал, оставил приготовленные к работе пальмовые ветви неупотребленными и пошел, взяв мантию свою. По соседству его жил некоторый старец, муж прозорливый; увидев, что брат идет поспешно, он закричал ему: «Пленник! пленник! куда бежишь? подойди ко мне». Когда он подошел, старец сказал ему: «Возвратись в келлию твою». Брат рассказал старцу о приливе помышлений, которому он подвергся, и, просвещенный учением старца, возвратился в свою келлию. Вошедши в нее, он пал на лицо свое и приносил покаяние. Когда он поступил так, — внезапно демоны закричали громким голосом: «Победил нас, монах, победил нас!» Циновка, на которой он лежал, превратилась в пепел, как бы сожженная огнем, а демоны исчезли в образе дыма. Таким образом брат научился познавать козни их[3].

[1] Pag. 932, cap. 110. ‖ [2] Pag. 932, cap. 112. ‖ [3] Pag. 910, cap. 51.

Демоны стараются ввести человека в общение с собою и в подчинение себе не всегда явно греховными помышлениями; они внушают первоначально действия, не имеющие в себе по видимому ничего предосудительного, часто по видимому добрые, а потом уже, получив влияние и власть над человеком, ввергают его в беззакония, которые, таким образом, суть последствия первоначального последования внушениям демонов. Это показывает, как тесен и прискорбен мысленный путь, с каким трезвением должно шествовать по нему.

118. Однажды некоторый старец пришел в Синайскую гору. Когда он уходил оттуда, встретился с ним на пути брат и, воздыхая, сказал ему: «Авва! мы в скорби по причине засухи: дождя нет у нас». Старец сказал ему: «Отчего вы не молились и не просили дождя у Бога?» Брат отвечал: «И молились и прилежно просили у Бога, но дождя нет». Старец сказал: «Полагаю: не тщательно молились. Хочешь ли знать, что это так? Встанем вместе на молитву». С этими словами он простер руки к небу и помолился. Дождь пошел тотчас. Брат, увидевши это, испугался и поклонился в ноги старцу, а старец немедленно бежал оттуда[1].

119. Брат посетил старца и, уходя от него, сказал ему: «Авва! прости меня: я помешал тебе совершать правило твое». Старец отвечал: «Мое правило — принять тебя по заповеди странноприимства и отпустить с миром»[2].

120. Рассказывали о некотором старце, жившем в Сирии близ дороги. Делание его состояло в том, что он во всякое время дня и ночи принимал всякого монаха, приходившего из пустыни, и с любовию предлагал ему трапезу. Однажды пришел к нему отшельник. Старец просил его вкусить пищи; но отшельник отказался, сказав: «Сегодня я пощусь». Поститься значило тогда вовсе не употреблять пищи. Старец огорчился и сказал: «*Не отврати лица твоего от отрока твоего*[3], и не презри мною, убедительно прошу тебя. Помолимся Богу! Вот древо: последуем воле того из нас, по молитве которого наклонится древо». Отшельник преклонил колена и помолился, но не последовало ничего. Потом преклонил колена и старец-странноприимец; вместе с этим тотчас наклонилось древо. Увидев это, они возрадовались и прославили Бога[4].

121. Однажды два брата пришли к некоторому старцу. Старец этот не имел обычая употреблять пищу ежедневно. Увидев братьев, он принял их с радостию и сказал сам в себе: «Пост имеет свою

[1] Pag. 943, cap. 14. || [2] Pag. 945, cap. 7. || [3] См.: *Не скрывай лица Твоего от раба Твоего* (Пс. 68. 18). || [4] Pag. 945, cap. 9.

награду». Потом присовокупил: «Употребляющий пищу ради любви совершает две добродетели: отсекает свою волю и исполняет заповеди странноприимства»[1].

122. Был в Египте старец, живший в пустынном месте; вдали от него жил другой старец — манихей, которого принадлежавшие к его секте называли пресвитером. Манихей, желая посетить лицо одного с ним заблуждения, отправился к нему; его застигла ночь в том месте, где жил православный и святой муж. Манихей хотел постучаться в двери старцевой келлии и попроситься на ночлег, но затруднялся: он понимал, что старец знает о ереси его, и потому смущался помышлением, предполагая отказ в приеме. Нужда заставила постучаться. Старец отворил дверь, узнал его, принял радостно, угостил трапезой и уложил спать. Манихей, улегшись, размышлял о приеме, удивлялся, говоря сам в себе: «Он не выразил никакого подозрения по отношению ко мне! Поистине он раб Божий». Встав рано утром, манихей упал к ногам старца и сказал: «С этого часа и я — православный, и не отступлю от тебя». Он остался жить при старце[2].

123. Некоторый монах, фивеянин, получил от Бога благодать служения, по действию которой он всем нуждающимся доставлял потребное им. Случилось однажды, что в некотором селении он сделал вечерю любви для бедных, и вот приходит к нему для получения милостыни женщина в самой ветхой одежде. Монах, увидев ее в таких рубищах, спустил руку свою в мешец, чтоб дать ей много, но рука сжалась, и он вынул мало. Пришла к нему и другая, хорошо одетая: посмотрев на одежду ее, монах спустил руку с намерением дать мало, но рука разверзлась и захватила много. Он справился о обеих женщинах и узнал, что та, которая была в хорошем платье, принадлежала к числу почетных лиц и пришла в бедность, а одета была хорошо ради родственников своих; первая же облеклась в рубище с целию выманить большую милостыню[3].

Подобную благодать Божию имел Симеон, ради Христа юродивый: он пребывал в нищете и наготе, а раздавал нуждающимся в значительном количестве золото, не получая этого золота ни от кого[4]. Служение монаха, упоминаемого в повести, было вверено ему Божественною благодатию; оно отнюдь не было произвольным; не было оно и обычным в монашестве. Это — подвиг исключительный, по призванию и благодати: он никак не может служить образцом для подражания. Не призванный

[1] Pag. 945, cap. 10. || [2] Pag. 945, cap. 11. || [3] Pag. 945, cap. 12. || [4] Четьи-Минеи, 21 июля.

для исключительного подвига обязан проводить жительство по общим правилам монашества.

124. Говорил некоторый старец: «Часто случается, что иной делает много добра, но диавол влагает в сердце его мелочную расчетливость в ничтожных вещах, чтоб похитить у него ту награду от Бога, которой заслуживал бы он за все дело. Однажды, когда я был в Оксиринхе и сидел в гостях у некоторого пресвитера, подававшего много милостыни, пришла к нему вдова и просила немного пшеницы. Он сказал ей: “Поди принеси четверик, — я отмерю тебе”. Она принесла. Он, смерив рукою четверик, сказал ей: “Слишком велик!” Эти слова заставили вдову покраснеть. Когда она вышла, я спросил его: “Авва, ты дал пшеницу взаймы вдове или нет?” Он отвечал: “Нет! подарил”. Я сказал на это: “Итак, если ты все отдал даром, то для чего позволил себе в мелочи быть расчетливым и привел вдову в смущение?”»[1]

125. Некоторый старец жил с другим братом на правах общежития. Старец был очень милосерд. Случился голод, и начали некоторые приходить к ним для получения милостыни. Старец давал хлеба всем, приходившим к нему. Брат, увидев это, сказал старцу: «Дай мне мою часть из хлебов и делай из своей, что хочешь». Старец разделил хлебы и по обычаю своему продолжал подавать милостыню из своей части, — а к нему прибегали многие, услышав, что он подает всем. Бог, видя расположение воли его, благословил хлебы. Брат, взявший свою часть и не дававший никому ничего, издержал хлебы, доставшиеся на его долю, и сказал старцу: «Так как у меня осталось очень мало хлебов,— прими меня снова в общежитие с тобою». Старец отвечал: «Как хочешь, пожалуй». И снова начали жить они по общежительному уставу. Опять наступило время скудости в жизненных припасах, и опять нуждающиеся стали приходить к старцу за милостынею. У них самих оказался недостаток в хлебе; брат заметил это, и вот приходит бедный, просит подаяния. Старец сказал брату: «Дай ему хлеба». Брат отвечал: «Авва! у нас уже нет хлебов». Старец сказал на это: «Поди поищи». Брат пошел, отворил дверь в чулан, в котором они обыкновенно хранили хлеб, и увидел, что чулан наполнен хлебами. Он испугался и подал хлеб нищему: таким образом, узнав веру и добродетель старца, он прославил Бога[2].

126. Один из монахов Скита, отправляясь на жатву, зашел к некоторому великому старцу и спросил его: «Авва! я отправляюсь на

---

[1] Pag. 946, cap. 14. || [2] Pag. 947, cap. 15.

жатву: скажи, как мне вести себя?» Старец отвечал: «Если я что скажу тебе, окажешь ли ты повиновение мне?» Брат: «Да! я послушаюсь тебя». Старец сказал: «Если ты хочешь послушаться меня, то поди, откажись от жатвы; потом приди ко мне, и я скажу, что тебе делать». Брат отказался от жатвы и пришел к старцу. Старец сказал ему: «Поди в келлию твою и пятьдесят дней сряду употребляй в пищу лишь хлеб и соль однажды в день, потом опять приди, и я дам тебе наставление, как вести себя». Брат поступил так и опять пришел к старцу. Старец, зная, что этот монах — муж подвига, рассказал ему, как должно безмолвствовать в келлии. Брат возвратился в келлию свою, пал лицом на землю, и три дня и три ночи плакал в присутствии Божием. После этого помышления говорили ему: «Ты возвысился! ты соделался велик!» Монах, обуздывая эти порочные помышления, со смирением обращал взор ума на согрешения свои и говорил: «Вот здесь — все согрешения, соделанные мною». Когда же приходило ему помышление, что он много пренебрегал заповедями Бога, и склоняло его к унынию, — то он говорил сам себе: «Исполню малое служение мое Богу моему, и верю, что Он сотворит милость со мною». Когда он таким образом побеждал помышления, внушаемые лукавыми духами, — духи явились ему наконец очевидно, говоря: «Ты привел нас в недоумение». Монах спросил: «Чем?» Духи отвечали: «Когда мы превозносим тебя, ты прибегаешь к смирению; когда же мы приносим тебе наше смирение, тогда ты возвышаешь себя»[1].

И демоны имеют свое смирение. Такого смирения требовал от Богочеловека сатана, обещая вознаградить за это смирение обильным излиянием земных почестей и благ. Возвел диавол Господа *на гору высоку, показа Ему вся царствия вселенныя в часе времянне. И рече Ему диавол: Тебе дам власть сию и всю славу их, яко мне предана есть, и емуже аще хощу, дам ю: Ты убо аще поклонишися предо мною, будут Тебе вся*[2]. Точно так мучители упрекали святых мучеников в гордости, требовали от них смирения, заключавшегося в согласии на поклонение идолам и в отречении от Христа, обещали за такое смирение вознаградить обилием земных благ[3]. Точно такое смирение требует мир, действующий по началам и в духе миродержца: это смирение он любит, прославляет, осыпает своими суетными наградами. Мир ненавидит смирение Христово, а святые Божии столько

---

[1] Pag. 50, cap. 14. ‖ [2] *...на высокую гору... показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими* [*царствами*] *и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое* (Лк. 4. 5–7). ‖ [3] Четьи-Минеи, многие жизнеописания святых мучеников.

ненавидели смирение бесовское, что подчинялись всем неудобствам и лишениям, всем бедствиям, лишь бы не подчиниться этому смирению, они предпочитали смерть насильственную и поносную согласию на бесовское смирение. В этом смирении — отречение от Бога. Смирение, проповедуемое плотским мудрованием, лицемерством, пустосвятством, есть смирение бесовское. Проводящим иноческую жизнь диавол внушает свое смирение, чтоб посредством его ввести их в уныние, в расслабление, в отчаяние. Это понятие необходимо для современных иноков: оно наставит их отличать демонское смирение от смирения Христова, которого учитель — Христос, которое, сосредоточивая надежду человека во Христе, чуждо отчаяния, которое никогда не является в блеске и преуспеянии мира, но всегда пребывает под знамением Креста Христова, ненавидимое, гонимое, попираемое видимыми и невидимыми представителями мира.

Обратимся к повести. Духоносный старец быстро возвел в высокое духовное преуспеяние подчинившегося ему брата, основав это преуспеяние на решительном самоотвержении. Монахи бесплодной пустыни Скитской жили в совершенной нищете. Когда в Египте поспевал хлеб, требовавший множества рук для уборки, скитские монахи нанимались для этой работы и получали плату наиболее зерном. Полученное зерно мололи, разом пекли из всей муки хлебы, сушили их и питались ими в течение всего года; мягкого хлеба в Скиту не было[1]. То, что монах по повелению старца не пошел на жатву, по повелению чуждому, по наружности смысла поставлявшему монаха в затруднительнейшее положение по годичному продовольствию его, — было делом великого самоотвержения. Подражание таким вышеестественным действиям мужей духоносных невозможно для тех, которые не достигли равного им христианского совершенства. Впрочем, тщеславие и слепое разгорячение покушаются на подражание к верной погибели своей и ближних.

127. Некоторый мирянин, имевший трех сынов, отрекся от мира и пришел в монастырь, оставив сыновей в городе. Когда он совершил три года в монастыре, начали помышления его приносить ему частое воспоминание о сыновьях. Он очень тосковал о них, тем более что не сказал авве при вступлении в монастырь, что у него есть сыновья. Авва, увидев его печальным, спросил его: «Что с тобою? отчего ты так печален?» Он открыл ему, что у него три сына в городе и что ему хотелось бы привести их в монастырь. Авва дозволил ему сделать это. Пришедши в город, он узнал, что двое из сыновей его уже умерли, остался один. Взяв его с собою, он возвратился в монастырь. Аввы он не нашел в монастыре. На вопрос

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 55.

его, где авва, братия сказали: «Он пошел в хлебню». Брат, взяв сына своего, пошел туда же. Авва, увидев его, приветствовал и, взяв приведенного им сына, обнял его; потом сказал отцу: «Любишь ли его?» Отец сказал: «Да!» Авва опять сказал ему: «Очень любишь его?» «Да», — отвечал отец. Тогда сказал авва: «Итак, если любишь его, то возьми и кинь его в печь». Печь была полна огня. Отец взял сына, бросил его в пылающую печь, — и печь тотчас наполнилась вместо огня прохладною росою[1].

Что послушание древних иноков было дивным даром благодати Божией, а не следствием произволения человеческого, объяснено в советах для душевного делания, глава 12, о жительстве в послушании у старца[2].

128. Некоторый старец сказал: «Тот монах, который от души предает себя повиновению духовному отцу, большую имеет мзду, нежели тот, кто живет отшельником в пустыне». К этому он присовокупил: «Один из отцов сказывал, что он видел четыре чина в небе: первый чин состоял из больных, благодарящих Бога; второй — из занимающихся странноприимством и тщательным служением ближним; третий — из жительствующих в пустыне, лишенных человеческого общества; четвертый — из тех, которые повинуются духовным отцам и находятся в послушании у них ради Бога. Чин проходящих послушание украшался золотою цепью и венцом и имел большую славу, нежели три первые чина. Я сказал тому, кто показывал мне все это: «Почему этот чин, меньший других, имеет большую славу, нежели другие?» Он отвечал мне: «Потому что занимающиеся странноприимством делают это по собственной воле». Подобным образом вступившие в отшельническую жизнь в пустыне по собственной воле оставили общество человеческое. Но чин, предавший себя послушанию, находится в совершенной зависимости от Бога и от духовных отцов, почему и имеет большую славу». Благое дело — послушание, проходимое ради Бога! Наследуйте, хотя отчасти, о чада, эту добродетель! Послушание — спасение для всех верующих. Послушание — родительница всех добродетелей. Послушание — дверь в Царство Небесное. Послушание отверзает небеса и возвышает человеков от земли. Послушание сожительствует Ангелам. Послушание — пища всех святых: воспитанные им, как млеком, они при посредстве его достигли совершенства[3].

[1] Pag. 95, cap. 10. || [2] V том сочинений епископа Игнатия, изд. 1886 г., гл. 12. «Приношение современному монашеству». || [3] Pag. 952, cap. 19.

129. Некоторый старец пребывал в пустыне отшельником и помышлял сам в себе, что он совершен в добродетелях. Он молил Бога, говоря: «Покажи мне, в чем заключается совершенство души: и я исполню это». Богу благоугодно было смирить помышления его, почему и сказано было ему: «Поди к такому-то архимандриту и сделай все то, что бы он ни приказал тебе». Бог открыл и архимандриту о пришествии к нему отшельника прежде, нежели этот пришел, причем повелел: «Вот! такой-то отшельник придет к тебе: скажи ему, чтоб он взял плеть и пошел пасти свиней твоих». Пришел отшельник в монастырь, постучался во врата; его ввели к архимандриту. Приветствовав друг друга, они сели. И сказал отшельник архимандриту: «Скажи, что мне сделать, чтоб спастись?» Архимандрит спросил: «Исполнишь ли то, что бы я тебе ни приказал?» Отшельник отвечал: «Исполню». На это архимандрит сказал: «Возьми длинную плеть, — поди, паси свиней». Отшельник немедленно исполнил это. Знавшие его прежде и слышавшие о нем, когда увидели, что он пасет свиней, говорили между собою: «Видели ли вы великого отшельника, о котором шла такая молва? он сошел с ума! он взбесился! он пасет свиней!» Бог, видя его смирение, и что он терпеливо перенес бесчестие человеческое, повелел ему снова возвратиться в свое место[1].

130. Человек, мучимый бесом и точивший во множестве пену от действия жившего в нем демона, ударил по щеке старца-отшельника; старец подставил ему другую щеку. Демон, не вынесши действия смирения, тотчас вышел из беснующегося[2].

131. Брат спросил старца: «Если кто из братий принесет мне помышления извне: то позволишь ли, авва, сказать мне ему, чтоб он не сообщал мне суетных мыслей, или нет?» Старец отвечал: «Не делай этого». Брат: «Почему?» Старец: «Потому что мы сами не можем исполнить того, что потребуем от ближнего. Сказав ближнему, не делай этого, может быть, сами впоследствии сделаем это. Брат сказал: «Как же должно поступить?» Старец отвечал: «Если сохраним молчание, не отвечая ничего, то этот способ по отношению к ближнему достаточен»[3].

132. Брат спросил старца: «Какое существенное значение странничества?» Он отвечал: «Знаю брата, наблюдающего странничество. Он находился в церкви; там отправлялась вечеря любви; он сел за трапезу, чтоб учредиться пищею с братиею. Некоторые сказали о нем: “Этот зачем здесь?” А ему сказали: “Встань и выйди

[1] Pag. 963, cap. 52. ‖ [2] Pag. 963, cap. 53. ‖ [3] Pag. 964, cap. 59.

вон". Он встал и вышел. Другие огорчились тем, что его выгнали, и позвали его назад. После этого один из братий спросил его: "Что помышлял ты и что у тебя было на сердце, когда тебя сперва выгнали и потом снова позвали?" Он отвечал: "Положил в сердце моем, что я равен псу, который выходит, когда его выгоняют, а когда призывают, приходит"»[1].

133. Однажды к некоторому старцу в Фиваиде пришли посетители; они имели с собою беснующегося, которого привели с тем, чтоб старец исцелил его. Долго упрашивали они старца, и он сказал демону: «Выйди из создания Божия». Демон отвечал: «Выйду; но прежде дай ответ на мой вопрос: кто — козлища, и кто — агнцы». Старец отвечал: «Козлища — такие, как я, а кто — овцы, о том знает Бог». Демон, услышав это, воскликнул громким голосом: «Выхожу по причине твоего смирения!» И вышел немедленно[2].

134. Некоторому брату явился диавол, преобразившись в Ангела света, и сказал ему: «Я Архангел Гавриил, послан к тебе». Старец на это отвечал: «Смотри! не к кому ли другому ты послан? потому что я недостоин того, чтобы посылались ко мне Ангелы». Диавол тотчас исчез. — Старцы говорили: «Если и поистине явится к тебе Ангел, не прими его легковерно, но смирись, говоря: я, живя во грехах, недостоин видеть Ангелов»[3].

135. Поведали о другом старце, что он безмолвствовал в келлии своей, претерпевая искушения бесовские. Ему очевидно являлись бесы, но он презирал их. Диавол, видя, что он побежден старцем, явился ему и сказал: «Я — Христос». Старец закрыл глаза. Диавол повторил ему: «Я — Христос; зачем закрыл ты глаза?» Старец отвечал: «Я не желаю видеть Христа здесь, но в будущей жизни». После этого диавол уже не являлся[4].

136. Демоны, желая обольстить другого старца, сказали ему: «Хочешь ли видеть Христа?» Он отвечал им: «Анафема вам и тому, о ком вы говорите. Я верую в моего Христа, Который повелел: *Аще рекут вам: се зде Христос, или онде: не имите веры*[5]. После этих слов старца демоны тотчас исчезли[6].

137. Поведали о некотором старце, который провел семьдесят недель в посте, употребляя пищу однажды в неделю. Он просил у Бога, чтобы открыто было ему значение некоторого изречения в Священном Писании; но Бог не открывал ему. Видя это, старец

---

[1] Pag. 964, cap. 64. || [2] Pag. 964, cap. 65. || [3] Pag. 965, cap. 68, 69. || [4] Pag. 965, cap. 70. || [5] *...если... скажет вам: «вот здесь Христос», или «там», — не верьте* (Мф. 24. 23). || [6] Pag. 966, cap. 71.

сказал сам в себе: «Вот! я подъял немалый труд, и ничего не успел: пойду же к брату моему и спрошу у него». Когда он вышел из келлии и запер за собою дверь, послан был к нему от Господа Ангел, который сказал ему: «Семьдесят недель, проведенные тобою в посте, не приблизили тебя к Богу; теперь же, когда ты смирился и вознамерился идти для вопроса к брату твоему, я послан к тебе истолковать значение изречения». Исполнив это, Ангел отступил от него[1].

138. Некоторый брат спросил старца: «Если я живу с другими братиями и вижу что-либо неприличное, должен ли я сказать им об этом? как ты посоветуешь?» — «Если эти братия — старшие тебя или сверстники, то найдешь большее спокойствие, если промолчишь; если поступишь так же и по отношению к младшим,— будет вернее». Брат сказал: «Что же делать мне, отец! возмущается во мне дух мой». Старец отвечал: «Если смущаешься, то предостереги их однажды со смирением. Если не послушают тебя, то повергни душевный подвиг твой пред лице Божие, и Сам Бог утешит тебя: сущность служения Богу заключается в том, чтоб повергаться с самоотвержением пред Богом и отрицаться от своей воли. Внимай себе, чтоб жительство твое было по Богу. Сколько понимаю: хорошо — молчать; в молчании — смирение»[2].

139. Братия пришли к некоторому святому старцу, безмолвствовавшему в пустынном месте, и увидели вне монастыря его мальчиков, пасущих скот и произносящих неприличные слова. Повидавшись со старцем, исповедав ему помышления свои и ощутив душевную пользу от его наставлений, братия сказали: «Авва! почему ты позволяешь этим мальчикам быть близ тебя и кричать непристойно?» Старец отвечал: «Поверьте мне, братия,— бывают дни, что порываюсь запретить им, но останавливаю себя, говоря: если я не снесу этого малого беспокойства, то как снесу большее искушение, если попустит его Бог на меня? По этой причине ничего не говорю им, чтоб образовался во мне навык терпеливо переносить случающееся»[3].

140. Некоторый брат был в скорби на другого брата, который, узнав об этом, пришел для примирения к первому брату. Первый не отворил ему дверей. Второй пошел к некоторому старцу и пересказал ему о случившемся. Старец отвечал: «Посмотри — нет ли этому причины в сердце твоем? не признаешь ли себя правым в сердце твоем? не имеешь ли намерения обвинить брата своего,

[1] Pag. 966, cap. 72. ‖ [2] Pag. 966, cap. 76. ‖ [3] Pag. 971, cap. 14.

а себя оправдать? По этой причине Бог не коснулся сердца его, и он не отворил тебе дверей. Но то, что скажу тебе, верно: хотя бы он был виноват пред тобою, положи в сердце твоем, что ты виноват пред ним, и оправдай брата своего; тогда Бог вложит в сердце его желание примириться с тобою». При этом старец поведал брату следующее событие: «Были два благочестивые мирянина; согласившись между собою, они приняли монашество. Поревновав исполнить евангельское слово, но не по разуму его, они оскопили себя как бы ради Царства Небесного. Архиепископ, узнав об этом, отлучил их от Церкви. Они, думая, что сделали хорошо, пришли в негодование против него, сказали: "Мы ради Небесного Царства скопили себя, а он отлучил нас! пойдем в Иерусалим! будем просить суда у архиепископа Иерусалимского". Они отправились, представили дело на рассмотрение архиепископу Иерусалимскому. Он отвечал им: "И я отлучаю вас". Огорченные, они пошли с жалобою к архиепископу Антиохийскому, но и этот также отлучил их. Тогда сказали они друг другу: "Пойдем в Рим к папе: он защитит нас от всех этих". Они прибыли к архиепископу Рима и объяснили ему свой поступок, говоря: "Мы пришли к тебе, потому что ты — старший всех". Он сказал им: "И я отлучаю вас; вы впали в заблуждение". Отлученные всеми, они пришли в уныние и сказали друг другу: "Эти епископы стоят один за другого и согласны между собою, как имеющие нужду в таких отношениях по съездам их на соборы. Но пойдем к человеку Божию, святому Епифанию, епископу Кипрскому: он пророк и не приемлет лица человеческого". Когда они приближались к городу, в котором епископствовал Епифаний, открыто было ему о них: и он выслал к ним навстречу и сказал: "Не входите в этот город". Тогда они возвратились и сказали: "Поистине виноваты мы; зачем же оправдываем себя? Положим, что те отлучили нас несправедливо; неужели поступил так и этот пророк? Ведь Бог открыл ему о нас". И очень упрекали они себя за сделанное ими. Сердцеведец, увидя, что они искренно обвинили себя, открыл об этом епископу Епифанию. Он опять послал к ним, велел привести их к себе, утешил, принял в общение. Написал он и к архиепископу Александрийскому: "Прими сынов твоих, потому что они принесли истинное покаяние"».— Старец, рассказывавший это событие, присовокупил: «В том заключается здравие человека и того хочет от него Бог, чтоб человек возлагал вину на себя и повергался в покорности пред Богом». Брат, услышав это, поступил по слову старца, пошел к брату, постучался в дверь. Тот, только что понял пришествие его, отворил тотчас дверь и, пре-

жде нежели пришедший попросил прощения, обнял его от души, и водворился между ними величайший мир[1].

141. Однажды пришли разбойники в монастырь старца[2] и сказали ему: «Мы хотим унести все, что у тебя есть в келлии». Он отвечал: «Если хотите, чада, то возьмите». Они взяли все, найденное ими, и ушли; но не догадались взять мешочка, который был спрятан. Старец, взяв мешочек, поспешно пошел вслед за разбойниками, кликнул их и сказал им: «Чада! возьмите забытое вами в келлии». Они, удивившись терпению старца, принесли назад в келлию все имущество его, принесли покаяние и говорили друг другу о старце: «Он — истинный человек Божий».

142. Сказывали о некотором старце, что при нем жил юноша. Старец, увидев однажды, что юноша делает что-то неполезно для души своей, сказал ему: «Не делай этого». Юноша не послушался. Старец, видя это, отложил попечение о нем, предоставив ему свой суд над собою. Юноша запер двери келлии, в которой были хлебы, оставил старца без пищи в течение трех дней, и не сказал ему старец: «Где ты? что делаешь вне келлии?» У старца был сосед, который, узнав, что юноша ушел, сделал немного кашицы и подавал старцу чрез стену, прося, чтоб старец вкусил, и говоря: «Что юноша делает так долго вне келлии?» Старец отвечал: «Когда он удосужится, то возвратится»[3].

143. Некоторые философы захотели однажды испытать монахов. Увидев монаха в мантии и хорошо одетого, они сказали ему: «Ты! поди сюда». Монах оскорбился грубым призывом и отвечал им жестко. Потом случилось проходить мимо них старцу-монаху, мужу великому, из простолюдинов. Они сказали ему: «Ты, монах, злой старец, поди сюда». Он подбежал к ним. Они ударили его по щеке; он подставил другую щеку. Тотчас философы встали, поклонились ему и сказали: «Ты — истинный монах». Они посадили его посреди себя и сказали: «Что делаете вы более нас в этой пустыне? Вы поститесь, и мы постимся; вы обуздываете тело ваше подвигами, и мы обуздываем; что ни делаете вы, мы все то делаем; следовательно: что делаете вы, живя в пустыне, лишнего в сравнении с нами?» Старец отвечал: «Мы пребываем в уповании на благодать Божию и храним наш ум». Они сказали: «Мы этого не можем». И отпустили его, назданные его словом[4].

---

[1] Pag. 968, cap. 88. || [2] Монастырем называлась в древности не только обитель многих монахов, но и обитель или келлия отшельника с ее пристройками. || [3] Pag. 972, cap. 15. || [4] Pag. 972, cap. 16.

Вот образчик обычаев древнего образованного человеческого общества! Святой Иоанн Златоуст, описывая необыкновенную роскошь отделки домов в его время, рассказывает следующую повесть: некоторый философ приглашен был в дом к одной из современных знаменитостей. Дом блистал мрамором и другими украшениями; пол был устлан коврами. Гость, вошедши в дом, плюнул в лицо хозяина; на вопрос этого о причине наглого поступка он отвечал, что имел необходимость исполнить естественную нужду, и, найдя в доме повсюду изящество, был вынужден избрать лицо хозяина[1].

144. Некоторый старец имел весьма искусного ученика. Однажды, огорчившись на ученика, он выгнал его вон из келлии. Ученик, вышедши из келлии, сел у дверей ее в ожидании. Старец отворил дверь, увидел ученика и начал просить у него прощения, говоря: «Ты — отец мой! твоим смирением и терпением побеждено мое малодушие; войди в келлию, и отселе будь моим старцем и отцом, а я буду новоначальным и учеником твоим, потому что дела твои выше моей старости»[2].

145. Некоторый старец был подвергнут пьянственной страсти. Ежедневно выделывал он по циновке, продавал эту циновку в соседнем селении и деньги, вырученные за нее, пропивал. К старцу присоединился на жительство некоторый брат, который также выделывал по циновке ежедневно. Старец брал и эту циновку, продавал и пропивал деньги, вырученные за обе циновки, а брату приносил самое малое количество хлеба уже поздно вечером. Так поступал старец в течение трех лет, и брат не говорил ему ничего. По прошествии трех лет брат сказал сам в себе: «Я наг и терплю большой недостаток в хлебе: встану, уйду отсюда». Другое помышление говорило в нем: «Куда мне идти? Останусь здесь: я вступил в общение со старцем ради Бога». Когда он помыслил это, немедленно явился ему Ангел Господень и сказал: «Никуда не ходи, потому что завтра придем за тобою». При наступлении назначенного дня брат просил старца: «Не уходи сегодня никуда; потому что за мною придут мои и возьмут меня». Когда настал час, в который старец имел обычай уходить в селение, — он сказал брату: «Не придут сегодня, сын мой, потому что уже поздно». Брат отвечал: «Непременно придут», — и посреди этих переговоров брат скончался мирно. Старец заплакал, говоря: «Увы мне, сын мой! много лет живу я в нерадении, а ты в короткое время

[1] Chrysostomi opera omnia, tom IX, in epist. ad. Rom homilia. XI. || [2] Pag. 972, cap. 17.

спас душу твою терпением». С этого дня старец начал весьма трезвую и добродетельную жизнь[1].

146. Некоторый старец в Скиту был болен и пожелал съесть немного свежего хлеба. Это услышал один из подвижников-братий; он взял мантию свою, положил в нее сухой хлеб, пошел в Египет, там променял сухой хлеб на свежий и принес старцу. Братия, увидавши свежий хлеб, удивились, а старец не хотел вкусить его, говоря: «Это — кровь брата». Но братия упрашивали старца, говоря: «Ради Бога вкуси, чтоб не осталась тщетною жертва брата». Будучи упрошен, старец вкусил[2].

147. Однажды три брата отправились на жнитво и нанялись выжать пространство определенной меры. Один из них, с первого дня почувствовав себя больным, возвратился в свою келлию. Два остались жать. Сказал один из них другому: «Брат! ты видишь, что третий брат наш впал в болезнь; воодушевись ревностию — воодушевляюсь и я ею — в надежде на Бога, за молитвы брата нашего, вдвоем сделаем дело, за которое взялись трое, выжнем участок». Когда таким образом они выжали все пространство, которое обязались выжать, и пришли получать плату за труд свой, то пригласили заболевшего брата, сказав ему: «Приди, брат, получи плату за труд твой». Он отвечал им: «Какую плату получать мне, когда я не жал?» Они сказали на это: «Твоими молитвами совершена жатва: итак, приди, получи плату». Из этого у них родился спор. Он говорил: «Не возьму денег, потому что я не работал». Они не хотели успокоиться, если он не возьмет своей части. Не согласившись, все трое пошли судиться к некоторому великому старцу. Первый брат говорил старцу: «Мы пошли втроем жать в поле некоторого владельца за плату. Когда пришли на место жатвы, я в самый первый день сделался болен и возвратился в келлию мою, не будучи в состоянии даже в течение одного дня принять участие в работе; ныне они принуждают меня, говоря: брат, приди, получи плату за работу, которой я не работал». Другие два брата говорили: «Точно, мы пошли жать, и взялись выжать пространство, которое нам отмеряли. Если б мы жали и все трое, то лишь с великим трудом могли бы выжать такой участок; за молитвы же этого брата мы двое выжали его скорее, нежели могли бы выжать трое, почему и сказали ему: приди, получи следующую тебе плату, а он не хочет сделать этого». Старец, услышав такой спор, удивился и сказал одному из своих монахов:

---

[1] Pag. 972, cap. 18. ‖ [2] Pag. 976, cap. 17.

«Ударь в било[1], чтоб братия, находящиеся по келлиям, сошлись все сюда». Когда они пришли, старец сказал им: «Придите, братия, услышьте сегодня праведный суд». Потом пересказал им все, слышанное от братий, пришедших судиться, и присудил первого брата взять следующую ему плату, употребить ее по своему усмотрению. И вышел этот брат печальным: он плакал, как бы совершено было над ним неправосудие[2].

148. Поведал некоторый старец: «Отцы наши имели обычай посещать келлии новоначальных братий, вступавших в жизнь отшельническую, и наблюдали, чтоб кто-нибудь из них не подвергся умоповреждению от демонских искушений. Если когда находили кого поврежденным, они приводили его в церковь, ставили чашу с водою и совершали молитву о подвергшемся искушению. После этого все братия умывали руки в воде и обливали этою водою брата, подвергшегося искушению, и брат тотчас очищался от впечатления, произведенного искушением[3].

149. Брат сказал некоторому старцу: «Если увижу брата, о котором я слышал что-нибудь худое, то не могу принудить себя, чтоб ввести его в мою келлию; если же увижу хорошего брата, — ввожу его охотно». Старец: «Если делаешь добро доброму брату — этого мало: сделай сугубое добро тому, который подвержен немощи».

150. Некоторый брат прислуживал некоторому отцу. Случилось, что на теле старца образовалась рана, из которой разливалось большое зловоние. Брату, который прислуживал, говорило помышление его: «Уйди отсюда, потому что ты не можешь выносить смрада, который издает из себя гнойная рана». Брат, чтоб подавить помышление, принес сосуд с водою, вымыл ею рану старца и сохранил эту воду в сосуде. Каждый раз, когда ему хотелось пить, он пил из сосуда. Помышление снова начало стужать ему, говоря: «Если не хочешь уйти, то по крайней мере не пей этого смрада». Но брат подвизался, выдерживал предпринятое и пил воду, которою омывал рану. Бог, видя труд и любовь брата, обратил смешение из воды и из гноя раны в чистейшую воду, а старцу даровал исцеление невидимым врачевством[4].

151. Говорили о некотором великом Скитском старце: каждый раз, когда братия строили келлию, он выходил с радостию и, заложив основание, не уходил до окончания келлии. Однажды он вышел

---

[1] Било — деревянная доска, в которую ударяют палкою. Било заменяло собою колокола в пустынях, оно употреблялось и в некоторых российских пустынных обителях. ‖ [2] Pag. 967, cap. 20. ‖ [3] Pag. 977, cap. 21. ‖ [4] Pag. 977, cap. 25.

на построение келлии очень печальным. И спросили его братия: «Авва! отчего ты печален?» Он отвечал им: «Разорится это место, чада. Я видел, что огонь возгорелся в Скиту; но братия потушили его. Огонь опять возгорелся, и опять братия потушили его. В третий раз огонь возгорелся, объял весь Скит, и уже не могли погасить его. По этой причине я печален»[1].

152. Был некто великий между прозорливцами. Он утвердительно говорил: «Благодать, которую я видел осеняющею при крещении, видел также при пострижении, когда кто принимает ангельский образ»[2].

153. Поведали о некотором старце, что он молил Бога о том, чтоб показаны были ему демоны. Ему последовало откровение: «Ты не нуждаешься в том, чтоб видеть их». Но старец продолжал просить о том же, говоря: «Господи! Ты можешь покрыть меня благодатию Твоею от вреда при видении демонов». Бог отверз очи старца: он увидел демонов, которые наподобие пчел окружали человека, скрежеща на него зубами, а Ангелы Божии возбраняли им[3].

154. Некоторому старцу дана была благодать видеть сокровенное. Он сказывал: «Я видел в общежительном монастыре, что один из братий занимался в келлии умною молитвою, а пришедший демон стоял вне келлии. Доколе брат занимался умною молитвою, демон не мог войти в келлию; но только что брат перестал заниматься ею, — демон вошел».

155. Поведал некоторый старец: «Два брата жили по соседству его: один — странный, другой — туземец. Иноземец жил немного нерадиво; туземец был великий подвижник. Настало время, — и иностранец скончался в мире. Прозорливый старец, сосед их, увидел множество Ангелов, сопровождающих душу его. Когда он приблизился ко входу в небо, сделан был о нем вопрос; но пришел свыше глас: «Ясно, что он был немного нерадив, но за странничество его отворите ему вход в небо». После этого скончался и туземец, и пришли к нему все знакомые его. Упомянутый старец, увидев, что Ангелы не пришли для сопровождения души его, удивился. Падши на лицо свое пред Богом, он сказал: «Почему иноземец, живший нерадивее, сподобился такой славы, а этот, будучи подвижником, не удостоен ничего подобного?» И последовал старцу глас: «Подвижник, умирая, видел плачущих родственников своих, и этим утешена была душа его, а странник, хотя был нерадив, но не видел никого из своих; находясь в таком состоянии, он плакал, и Бог утешил его»[4].

---

[1] Pag. 993, cap. 5. ‖ [2] Pag. 994, cap. 9. ‖ [3] Pag. 994, cap. 11. ‖ [4] Pag. 995, cap. 12.

156. В пустыне Никополиса жил отшельник, а прислуживал ему мирянин, весьма благочестивый. В городе жил богач, утопая во грехах. Настало время, — умер этот богач; сошелся весь город и с епископом своим для сопровождения тела, которому предшествовали возжженные свечи. Свидетелем похорон был прислуживавший отшельнику. По обычаю, он понес хлебы в пустыню и нашел, что отшельника съел зверь. Он пал на лицо свое пред Господом, говоря: «Не встану с земли, доколе Бог не покажет мне, что это значит? Один, утопавший во грехах, похоронен с таким великолепием; другой, служивший Тебе и день и ночь, подвергся такой смерти!» И вот явился ему Ангел от Господа. Ангел сказал: «Грешник, о котором ты говоришь, имел немного добрых дел, принадлежавших веку сему, и получил награду за них здесь, но зато там не обрел никакого упокоения. Отшельник же был украшен всеми добродетелями, но, как человек, имел за собою немного погрешностей и наказание за них понес здесь, чтоб предстать пред Бога чистым». Утешенный этими словами, благочестивый мирянин пошел в дом свой, прославляя Бога о судьбах Его, *яко праведны суть*[1].

157. Некоторый старец Скита пришел в Теренуф и тут остановился для отдыха. Братия, видя, что он изможден постным подвигом, поднесли ему немного вина. Другие, узнав о пришествии его, привели к нему человека, одержимого бесом. Демон начал злословить старца, крича: «К этому винопийце привели вы меня!» Старец по смирению своему не хотел изгнать беса, но по причине произнесенного злословия сказал демону: «Верую Христу моему, что ты выйдешь прежде, нежели я окончу питие этой чаши». Старец начал пить, а демон закричал: «Опаляешь меня!» И прежде нежели старец кончил чашу, демон вышел из бесноватого по благодати Христовой[2].

158. Сказывали о некотором брате, что он жил отшельником в пустыне и в течение многих лет был обольщаем демонами, думая, что это были ангелы. По временам приходил к нему для посещения отец его по плоти. Однажды отец, отправляясь к сыну, взял с собою топор с намерением на обратном пути набрать для себя небольшое количество дров. Один из демонов, предупреждая пришествие отца, явился к сыну и сказал ему: «Вот диавол идет к тебе в подобии отца твоего с целию убить тебя; у него и топор с собою. Ты предупреди его, вырви топор у него и убей его». Отец пришел по обычаю, а сын, схватив топор его, нанес ему удар и убил его. Немедленно напал нечистый дух на отшельника и удавил его[3].

[1] Pag. 995, cap. 13. ‖ [2] Pag. 1003, cap. 16. ‖ [3] Pag. 1022, cap. 37.

Многие из прельщенных бесами совершили ужаснейшие преступления, особливо убийства и самоубийства. Явной бесовской прелести подвергались и подвергаются наиболее отшельники и затворники.

159. Два великие старца шли по пустыне, соседней со Скитом. Они услышали тихий говор кого-то из-под земли и увидели небольшую пещеру; вошедши в пещеру, они нашли старицу, святую деву: она лежала больною. Старцы, не найдя ничего в пещере, кроме болящей, спросили ее: «Старица! Когда пришла ты сюда, и кто прислуживает тебе?» Она отвечала: «Тридцать восьмой год я живу в пустыне, в этой маленькой пещере, служа Христу и находясь в полном довольстве: в течение этих годов, до сего дня, не видела человека; вас же послал Бог, чтоб вы похоронили тело мое». Сказав это, она почила в мире. Отцы прославили Бога и, предав тело земле, возвратились в свои келлии[1].

160. Поведали о некотором старце, что он вышел в пустыню, облаченный в одну льняную одежду. Проходив по пустыне три дня, он взошел на камень, увидел под камнем зеленеющуюся траву и человека, подобного зверю. Сошедши тихонько с камня, он схватил этого человека: то был нагой старец; он вырвался из рук схватившего и побежал. Брат побежал за ним и кричал вслед его: «Подожди меня, потому что я бегу за тобою ради Бога». Тот, обратясь к нему, отвечал: «И я ради Бога убегаю от тебя». Брат скинул с себя льняную одежду и продолжал бежать за старцем. Старец, увидя, что он сбросил с себя одежду, остановился и стал ожидать его; когда же он приблизился, сказал ему: «Ты отверг вещество мира, и я остановился, чтоб дождаться твоего прихода». Брат просил его сказать слово спасения. Старец сказал: «Убегай людей, молчи — и спасешься»[2].

161. Некоторый старец пришел однажды в город для продажи корзин своего рукоделия. Распродав их, он сел — так случилось ненамеренно — у входа в дом некоторого богатого человека, который уже умирал. Сидя тут, старец увидел черных коней, на которых были черные и страшные всадники. Каждый из этих всадников имел огненный жезл в руке. Когда они достигли до дверей дома, соскочили с лошадей, оставили их у входа, а сами поспешно вошли один за другим в дом. Умирающий богач, увидя их, воскликнул громким голосом: «Господи! помоги мне». А они сказали ему на это: «Теперь-то вспомнил ты о Боге, когда солнце померкло для

[1] Pag. 1008, cap. 9. ‖ [2] Pag. 1008, cap. 10.

тебя? Почему же до сего дня не взыскал ты Его, доколе светил для тебя день? Но ныне, в этот час, уже нет тебе части ни в надежде, ни в утешении»[1].

162. Некоторый великий старец ходил по пустыне и увидел двух Ангелов, сопутствовавших ему, одного с правой, другого с левой стороны. Ходя таким образом, они нашли труп, лежавший на дороге. Старец заткнул ноздри свои, чтоб не слышать смрада; то же сделали и Ангелы. Когда они отошли несколько далее, старец сказал Ангелам: «Неужели и вы обоняли смрад?» Они отвечали: «Нет! подражая тебе, мы заткнули ноздри: зловония этого мира мы не ощущаем; но тот смрад, который испускают из себя души грешников, мы обоняем»[2].

163. Воин спросил старца: «Приемлет ли Бог покаяние?» Старец много говорил ему об этом назидательного и наконец присовокупил: «Скажи мне, любезнейший, если твой плащ будет изрублен мечами врагов, кидаешь ли ты его?» Воин отвечал: «Нет! починив, снова употребляю его». На это старец сказал: «Если ты бережешь свое платье, то неужели Бог не будет милостив к созданию Своему»[3].

164. Некоторый брат, подвергаясь бесчестию от другого брата, пришел и сказал об этом старцу. Старец отвечал ему: «Успокой помышления твои тем, что брат не хочет наносить тебе бесчестий, но твои грехи подвергают тебя бесчестию. Во всяком искушении, случающемся с тобою, никого не обвиняй, но всегда говори: это случилось со мною за грехи мои»[4].

165. Некоторый старец пришел к другому старцу и сказал ему: я умер для мира. Первый отвечал на это: «Не доверь себе, доколе душа твоя не разлучилась с телом. Ты говоришь: я умер; но диавол жив: козни его бесчисленны»[5].

166. Не в дальнем расстоянии от пустыни, прилежащей к долине, орошаемой рекою Нилом, находится много монастырей; в каждом монастыре живут многие сотни монахов, которых все тщание заключается в том, чтоб проводить жительство под управлением аввы, ничего не делать по своему произволу, но во всем зависеть от его власти и указания. Если кто из монахов поревнует жительства более возвышенного, тот перемещается в пустыню на отшельничество, но не иначе как с соизволения своего аввы, потому что у них первая добродетель — послушание. Тем, которые удалились на

[1] Pag. 1012, cap. 14. ‖ [2] Pag. 1014, cap. 18. ‖ [3] Pag. 1019, cap. 30. ‖ [4] Pag. 1031, cap. 2. ‖ [5] Pag. 1055, cap. 5.

жительство в пустыню по повелению аввы, доставляется из монастыря хлеб и что-либо еще из пищи. Случилось, что в те дни, как я пришел в один из упомянутых монастырей, авва послал хлеб с двумя отроками одному из отшельников, недавно отшедшему в пустыню и поставившему себе хижину не более как в шести милях от монастыря. Старшему из отроков было пятнадцать, младшему двенадцать лет. Когда они возвращались назад, встретил их аспид[1] необыкновенной величины; они нисколько не испугались его, а он, как бы заговоренный обаянием, пришел к ногам их и подклонил им свою лазуревую шею. Младший из отроков схватил аспида рукою, завернул в мантию и понес с собою; потом, вошедши в монастырь как бы победителем, развернул мантию и не без тайного тщеславия выложил зверя пред братиями. Когда все превозносили веру и добродетель дитяти, авва, руководствуясь высшим суждением, сделал сильный выговор отрокам за то, что они огласили совершенное Богом чрез них, и обоих наказал розгами, охраняя юность от превозношения, вразумляя их, что чудо было следствием силы Божией, а не их веры, научая их служить Богу смирением, а не превозношением чудесами и добродетелию, потому что лучше немощная совесть, нежели тщеславная добродетель. Отшельник, услышав об этом, и о том, что дети подверглись опасности от встречи с змеем, а сами заслужили большое наказание за победу над ним, просил авву, чтоб ему отселе ни хлеба, ни какой другой пищи не присылали. Таким образом уже протекло восемь дней, в которые человек Божий подчинил себя опасности голода. Горели члены его тела от поста, но ум, устремленный к небу, не ослабевал; тело изнурялось неядением, — вера пребывала непоколебимою. Между тем Святой Дух известил авву, чтоб он посетил ученика. Авва пошел к нему с чувством благочестивой заботливости узнать, чем питается подвижник благочестия, не захотевший, чтоб человеки приносили ему хлеб. Отшельник, увидя, что идет к нему сам старец, поспешно вышел ему навстречу, воздал благодарение и повел в свою хижину. Когда они вошли в келлию оба вместе, увидели корзину из пальмовых ветвей, наполненную теплыми хлебами; она висела, прикрепленная к перекладине. Во-первых, они услышали запах теплых хлебов; когда же взяли хлебы в руки, — хлебы оказались как бы только что испеченными, но по наружному виду это не были хлебы египетские. Оба, приведенные в ужас, признали дар небесный; отшельник утверждал, что дар ниспослан по причине пришествия

[1] Род змеи самой ядовитой.

аввы, — авва приписывал ниспослание дара вере и добродетели отшельника. Оба насладились в великой радости вкушением небесного хлеба. Авва, возвратясь в монастырь, пересказал это братиям; от поведания аввы души всех монахов возгорелись такою ревностию, что все переселились бы немедленно в пустыню, в священное уединение[1].

167. Посетил я пустыню в расстоянии от Нила почти на двенадцать миль. Один из братий, твердо знавший местность, руководил меня. Мы пришли к некоторому старцу-отшельнику, жившему при подошве горы; там, а это в тех местах величайшая редкость, был колодезь. Старец имел вола, которого труд состоял единственно в том, что он приводил в движение машину из колес, поднимавшую воду вверх, потому что колодезь, сказывали, имел более тысячи футов глубины. Был тут и огород, обиловавший множеством овощей, в явное противоречие пустынной природе, где повсюду голый песок, где все выжжено солнцем, где никакое семя не может пустить корня. Искусство святого мужа, его общий труд с животным совершили это, можно сказать, чудо: учащенное поливание водою доставило песку такую тучность и силу, что и живость зелени и плодородие садика видели мы достойными удивления. Огородом пропитывались и вол и господин его; и нам предложил святой трапезу из разных овощей. После ужина, при наступлении вечера, он пригласил нас пройти к пальмовому дереву, отстоявшему от его келлии почти на две мили; плоды этого дерева он употреблял в пищу. В пустыне, хотя изредка, встречаются финики; производит ли их исстари почва, или зарождаются они от действия солнечных лучей, не знаю. Может быть, Бог, провидевший, что впоследствии некоторые святые будут обитать в этой пустыне, приготовил пальмы для питания рабов Своих; приводит к такой мысли то, что в большей части сокровенных пустынь этой страны растут пальмы, производящие множество фиников, между тем как плодоносных деревьев других пород вовсе не имеется. Приведенные хозяином нашим к пальме, мы нашли при ней льва. Увидев его, я и брат из монастыря, руководитель мой по пустыне, испугались, а святой свободно подошел ко льву; хотя с трепетом, но и мы последовали за святым. По его повелению зверь тихо отошел и стал, ожидая, доколе старец наберет плодов с ветвей дерева. Когда он наполнил руку плодами, зверь подбежал, принял пищу кротко, скромнее

[1] Из поведания Постумиана о посещенных им монастырях египетских. Севера Сулпиция, dialogus 1. Pag. 848, 849.

всякого домашнего животного. Употребив ее, он ушел; смотря на это, мы все еще дрожали от страха, и заключили из созерцаемого нами зрелища и о силе веры старца и о нашей немощи[1].

168. Видели мы и другого чудного мужа. Он жил в маленькой пещере, в которой возможно было помещаться только одному человеку. К нему во время его трапезы обыкла приходить волчица, и редко когда зверь этот ошибался, не попадал в обычный час употребления пищи. Ожидала волчица всегда у входа в пещеру столь долго, доколе пустынник не выносил ей остатков от трапезы своей; тогда она лизала его руки и уходила, как бы исполнив долг свой и получив утешение. Случилось, что святой отлучился на довольно продолжительное время из пещеры, провожая посетителя — брата, и возвратился только к ночи. В этот промежуток приходила волчица к обычному часу трапезы. Ощутив, что келлия пуста, что господин ее находится в отсутствии, она вошла в пещеру, тщательно отыскивая обитателя. В пещере висела корзинка из пальмовых ветвей с пятью хлебами. Из этих хлебов один волчица достала и съела; затем, совершив преступление, ушла. Пустынник, возвратившись, увидел, что корзинка повреждена и что недостает одного хлеба. По оставшимся крохам от съеденного хлеба он легко угадал виновного. Справедливость подозрения подтвердилась последствиями: в следующие дни волчица не приходила по обычаю своему, не решаясь в сознании дерзновенного поступка прийти к тому, кому она нанесла оскорбление. Прерванное знакомство с воспитанницею огорчало пустынника. Призванная его молитвами, она, по прошествии семи дней, возвратилась и села по обычаю пред пещерою в то время, как пустынник употреблял пищу. Однако смотрите, какова была стыдливость кающейся! Волчица не осмелилась подойти так близко, как подходила прежде, но сидела вдали, опустив глаза в землю по причине глубокого стыда, чем ясно выражала, что просит прощения. Пустынник, сжалившись над нею, приказал ей подойти ближе и, ласково погладив рукою по голове печальную, угостил ее удвоенным количеством хлеба. Получив прощение, волчица развеселилась и снова начала исполнять принятую ею на себя обязанность — посещать пустынножителя. Воззрим и в этом отношении на силу Христа, Которому повинуется все, даже лишенное разума, пред Которым укрощается все зверское: волчица находится в услужении! волчица сознается в согрешении воровством! волчица подчиняется действию стыда по

[1] Sulp. dial. 1, cap. 7, pag. 849.

причине сознания! призванная, она приходит, подставляет голову, понимает, что ей подано прощение, подобно тому, как ощутила стыд от впадения в погрешность. Это — Твоя сила, Христос! Это Твои чудеса, Христос! Тебе принадлежат дивные дела, совершаемые служителями Твоими во имя Твое! То достойно неутешного плача, что звери ощущают Твое величие, — не ощущают его человеки![1]

169. В пустыне обитали многие, не имея никакого крова, ниже шалаша: они-то по преимуществу и назывались *отшельниками*. Они питаются корнями трав и не имеют постоянного местопребывания, но переходят с одного места на другое с целию избежать посещений человеческих. Одного из проводивших жительство по такому уставу попытались навестить два монаха из Нитрии, несмотря на дальнее расстояние страны, в которой он находился, от Нитрии; решились они на это по той причине, что прежде, живя в монастыре, он был их знакомым и другом, также потому, что слышали о его добродетели. Искав его долго и много, в седьмой месяц труда своего они наконец нашли его в глубине пустыни, сопредельной Мемфису, где, по словам его, он жил уже двенадцать лет. Хотя он избегал встречи со всеми человеками, но не скрыл себя от знакомых братий и не отказался провести с друзьями три дня. В четвертый день, когда они уходили, а он провожал их, увидели идущую навстречу им львицу удивительной величины. Зверь, хотя встретил трех, но не затруднился избрать того, кто был нужен ему: львица упала к ногам отшельника, приглашая его последовать за нею. Она то шла вперед, то внезапно останавливалась и смотрела на монахов, из чего легко было понять ее желание, чтоб отшельник последовал за нею. Таким образом она привела их к своей пещере, где кормила пятерых уже взрослых львят, которые, родившись слепыми, остались слепыми навсегда. Мать, вынося их по одному из пещеры, полагала к ногам отшельника. Тогда святой догадался, чего просит у него львица, и, призвав имя Христа, возложил руки на закрытые глаза львят: они тотчас освободились от слепоты; открывшимся глазам зверей явился свет, которого они столь долго были лишены. Братия, посетив отшельника, которого желали видеть, возвратились в монастырь с обильным плодом труда своего и поведали монашескому обществу виденную ими славу Христа и веру Его угодника[2].

170. Был в этих странах и другой отшельник, живший в окрестностях Сиены. В первое время своего помещения в пустыне, пита-

[1] Sulp. dial. 1, cap. 8, pag. 820. || [2] Sulp. dial. 1, cap. 9.

ясь травами и кореньями трав — песчаная почва производит самые сладкие и благовонные травы — и будучи несведущ в выборе, он часто подвергался болезни желудка. Нелегко и было различать достоинство корней по запаху: одинаково были они сладки; но в некоторых из них таился смертоносный яд. От такой пищи у отшельника начала повреждаться внутренность, сделались во всем мучительные боли, последовала частая рвота, желудок ослабел; он не смел уже ничего употребить в пищу, получив чувство опасения ко всем травам и корням. Наступил седьмой день неядения, отшельник едва дышал, как приходит к нему птица, называемая казуар. Когда птица приблизилась, отшельник кинул ей связочку трав, собранных им прежде, но которой он не смел прикоснуться. Птица, отбрасывая в сторону ядовитые травы, выбрала для своей трапезы безвредные. Таким образом, святой муж, наставленный, что он может вкушать и что должен отвергать, избег и опасности голодной смерти и отравления ядовитыми травами[1].

171. Сообщаю вам два великие, невероятные чуда, совершенные послушанием.

Некоторый брат, отрекшись от мира и пришедши в монастырь с великою ревностию, просил о принятии его в братство. Авва начал представлять ему многие препятствия к удовлетворению прошения его: и тяжесть трудов, которые несет братство, и жестокость своего управления, которого ничье терпение вынести не может. Он советовал брату избрать какой-либо другой монастырь, в котором устав для жительства легче, а не брать на себя того, чего выполнить не может. Эти угрозы не имели никакого действия на брата; напротив того, он начал обещать такое беспредельное послушание во всем, что соглашался идти в огонь, если авва прикажет то ему. Услышав такое обещание, авва не остановился испытать его и приказал ему войти в огромную печь, которую тогда топили, приготовляя для печения хлебов. Брат, нисколько не отлагая исполнение повеленного и нисколько не рассуждая, вскочил в средину пламени. Пламень немедленно побежден был столь дерзновенною верою, как некогда верою еврейских отроков: он погас; жар в печи тотчас уничтожился. А тот, кто вошел в пламень и о котором полагали, что сгорел, был как бы орошен прохладною росою, к удивлению всех. Что удивительного, Христе, если Твоему воину не коснулся огонь, когда авва, движимый Духом Божиим, не остановился дать такое жестокое повеление, а ученик не остановился оказать повиновение этому повелению!

---

[1] Sulp. dial. 1, cap. 10.

В этот же монастырь к тому же авве пришел другой брат, прося быть принятым. В первое условие ему предложен закон повиновения. Когда он обещал совершенную покорность во всем, — авва — у него был у руках случайно стираксовый сухой жезл — воткнул этот жезл в землю и приказал вновь пришедшему поливать его водою, доколе сухой жезл не прозябнет, что противоестественно. Исполняя тяжелое законоположение настоятеля, брат приносил ежедневно на плечах своих воду, которую должно было доставать за две мили в реке Ниле. Протек год, труд трудящегося не прекращался, о плоде труда не могло быть и надежды, но добродетель послушания продолжала свой подвиг. И следующий год протек в тщетных трудах брата. В продолжение третьего года, когда брат ни днем, ни ночью не преставал от поливки, жезл прозяб. Я сам видел деревцо, образовавшееся из этого жезла; оно стоит поныне у входа в монастырь, свидетельствуя зеленеющими ветвями, что заслуживает послушание, чтó может вера[1].

172. Некоторый молодой человек, очень богатый, славного рода, имевший супругу и младенца сына, состоял в сане трибуна в отряде войск, находившихся в Египте. При частых походах против племени бисмеев он имел случай ознакомиться с пустынею, видел многие хижины святых, услышал слово спасения от блаженного пустынножителя Иоанна. Он не затруднился оставить суетные почести и воинство по плоти, пришел в пустыню, в короткое время достиг совершенства во всех родах добродетелей. Могущественный в пощении, высокий смирением, твердый верою, он легко мог бы сравняться с древними монахами ревностию к добродетели. Но ему пришло помышление, насеянное диаволом, что он поступит правильнее, если возвратится в отечество и озаботится о спасении единственного сына, супруги и всего дома, что это будет пред Богом приятнее, нежели удаление его одного из мира, соединенное с небрежением о спасении своих. Обольщенный призраком ложной праведности, он оставил келлию и начатое жительство отшельника, пробыв в пустыне четыре года; на пути он зашел для рассуждения и совещания о своем намерении в соседний монастырь, в котором жило многочисленное братство. Все, в особенности авва монастыря, порицали его замысел; но он не мог или не захотел отвергнуть помышления, глубоко насадившегося в его душу; увлекаемый несчастным упрямством, вышел из монастыря, оставив братство в великой печали. Едва он отошел на такое пространство, что скрыл-

[1] Sulp. dial. 1, cap. 12, 13, pag. 824.

ся от них из виду, как подвергся беснованию, начал точить пену из уст и терзать себя зубами. Его принесли в тот же монастырь братия на плечах своих. Так как не было возможности управиться с нечистым духом, вошедшим в него, — по необходимости заковали его в цепи, соединив цепью руки с ногами. Казнь, заслуженная беглецом! По прошествии двух годов он освободился от нечистого духа по молитве святых и немедленно возвратился в пустыню, которую оставил, будучи сам исправлен и служа примером для других, чтоб никто не дерзал оставить однажды принятого монашеского жительства по увлечению призраком ложной праведности или по необдуманному пожеланию и зловредному легкомыслию[1].

173. Мы знали некоторого брата, который происходил по мнению сего века от знатнейшей фамилии. Отец был комитом[2] и необыкновенно богат. Сын оставил родителей и с великою ревностию прибежал в монастырь. Старец, чтоб испытать его смирение, немедленно приказал ему возложить на плечи свои десять больших корзин, в продаже которых тогда и не настояло надобности, носить по улицам города и продавать. К поручению присовокуплено было условие, с целию долее удержать новоначального в таком положении, чтоб он не продавал всех корзин разом, если б кто и пожелал купить их все, но продавал по одной. Брат исполнил это со всею покорностию; поправши всякий стыд ради любви ко Христу, он возложил корзины на плечи свои; нося их по улицам, продавал так, как ему было приказано, и вырученные деньги принес в монастырь[3].

174. Брат принес авве Иоанну в пустыне Скит весьма хороших смокв из Ливии Мареомийской. Авва немедленно послал их с двумя юношами к некоторому отшельнику, жившему во внутренней пустыне, в то время больному. Местопребывание отшельника отстояло от церкви на восемнадцать миль. Юноши, взяв плоды, пошли к келлии упомянутого старца; внезапно сделался густейший туман, и они потеряли дорогу. Весь день и всю ночь пробегали они по обширному пространству пустыни, но никак не могли отыскать келлии болящего. Ослабев по причине усталости и голода, они преклонили колени на молитву и в молитве предали души свои Господу. Долго искали их по следам, которые в этих песчаных местах

[1] Sulp. dial. 1, cap. 15, pag. 824. || [2] Комита сделали греки из латинского (comes), по-русски: спутник, товарищ. Этот сан тождествен и по значению своему и по самому названию с нынешним званием генерал-адъютанта. На французском языке комит — comte, что равносильно немецкому графу. || [3] Cass. lib. IV, cap. 29, pag. 833.

напечатлеваются, как на снегу, и остаются неизглажденными до того времени, как занесет их тонкий песок, удобно переносимый с места на место дыханием самого легкого ветра. Юноши были найдены в том положении, в каком они молились, и при них смоквы, которые они несли, нетронутыми. Они избрали лучше предать души, нежели нарушить верность, употребив что-либо в пищу без повеления аввы; они захотели лучше расстаться с временною жизнию, нежели нарушить заповедание старца[1].

175. Некоторый брат шел по пустыне. День склонялся уже к вечеру. На дороге случилась пещера; брат вошел в нее, чтоб провести ночь. По обычаю он занялся псалмопением; наступила полночь. По окончании бдения он присел, чтоб дать отдых телу; внезапно он начал видеть бесчисленные полки демонов, которые отовсюду стекались в пещеру: густыми толпами шли они, одни впереди своего князя, другие сзади его. Князь был и выше всех ростом, и страшнее взором. Он сел на возвышеннейшем троне и начал подвергать строгому рассмотрению дела каждого из демонов; повелевал изгонять с великим бесчестием от лица своего тех, которые не возмогли обольстить своих противников; называл их нерадивыми, упрекая с страшною яростию за то, что они растратили и продолжительное время и труд бесполезно. Напротив того, тех, которые успели обольстить порученных им человеков, он превозносил величайшими похвалами, как храбрейших ратоборцев, служащих образцом для всех, — и вторили все демоны князю общим восторгом и восклицаниями. Между прочими духами пришел в великом веселии некоторый злейший дух, возвещая с великим торжеством, называя монаха, коротко известного всем, и уверяя, что он его поверг этою ночью в блудное падение, боровшись с ним постоянно в течение пятнадцати лет. Собрание, выслушав эту весть, предалось необузданной радости, а князь превознес демона величайшими похвалами. Стало рассветать, и все множество демонов исчезло из взоров монаха. Монах сомневался в справедливости поведанного нечистым духом, помня определение Евангелия, что диавол *во истине не стоит, яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи*[2]. По этой причине он пошел в Пелузию, где жил брат, о обольщении которого заверял нечистый дух. Там был и другой брат, очень знакомый странствовавшему монаху. Монах осведомился у этого брата и узнал, что

[1] Cass. lib. V, cap. 40, pag. 839. || [2] *...не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* (Ин. 8. 44).

в ту самую ночь, в которую страшный демон возвестил князю своему о гибели несчастного, — этот оставил свой монастырь и в соседнем селении впал в любодеяние. Услышав это, странствовавший монах восстенал и восплакал[1].

176. Поведал некоторый старец, удостоившийся быть епископом города Оксиринха, следующее, как бы слышанное от иного, случившееся же с ним самим. «Рассудилось мне однажды посетить внутреннюю пустыню, соседнюю с оазисом, на котором живет племя мазиков, в предположении найти и увидеть какого-либо служителя Христова. По прошествии четырех дней издержались мои съестные припасы. Я остановился, не зная, что делать; но вскоре, положившись на Бога, решился продолжать путешествие. Ходил я в течение других четырех дней без пищи. После этого тело мое не могло уже выносить поста и вместе труда пути: я ослабел и лег на землю. Тогда пришел некто и коснулся перстом губ моих, подобно тому, как врач помазывает примочкою глаз; тотчас я укрепился, укрепился столько, что, казалось, нисколько не путешествовал и нисколько не терпел голода. Ощутив возвращение сил, я встал и продолжал путешествие по пустыне. По прошествии четырех дней снова изнемог от усталости; когда же воздел руки к небу, опять явился тот муж, который укрепил меня в первый раз, опять провел перстом как бы черту по устам моим и опять обновил во мне силы. По прошествии семнадцати дней пребывания моего в пустыне я нашел хижину, при ней пальмовое дерево и стоящего мужа, которому головные волосы служили одеждою. Страшен был вид его. Увидев меня, он встал на молитву. Когда я заключил молитву словом *аминь*, он познал, что я человек, взял меня за руку и спрашивал: "Каким образом пришел ты сюда? все ли, принадлежащее миру, сохраняется доселе? продолжаются ли доселе гонения на христиан?" Я отвечал: "За молитвы истинных служителей Господа Иисуса Христа странствую по этой пустыне; что же касается до гонения, то оно прекращено властию Христовою. Теперь ты расскажи мне, прошу тебя, каким образом ты пришел сюда?" Он, плача и воздыхая, начал говорит мне: "Я был епископом. Когда наступило гонение, я подвергся многим пыткам; впоследствии, не вынесши мук, я принес жертву идолам; опомнившись, познал преступление мое и предал самого себя смерти в этой пустыне; живу здесь сорок девять лет, исповедуясь Богу и умоляя Его отпустить мне грех мой. Бог даровал мне пропитание от этой пальмы, но я не был

[1] Cass. coll. VIII, cap. 16.

утешен дарованием прощения до сорок восьмого года, а в этот год извещен о прощении". Договаривая это, он внезапно встал, поспешно вышел из хижины и пребыл долгое время в молитве, — вероятно, он увидел пришедшие за ним Небесные Силы. Окончив молитву, он подошел ко мне. Я взглянул на лицо его и затрепетал от страха: лицо его сделалось как бы огненным. Но он сказал мне: "Не бойся. Бог послал тебя для того, чтоб ты совершил погребение мое и предал тело мое земле". Едва окончил он эти слова, как лег и, протянув руки и ноги, скончался. Разорвав пополам верхнюю одежду мою, половину оставил я себе, а другою половиною, обернув святое тело, похоронил его в земле. После погребения его немедленно посохла пальма и развалилась хижина. Я много плакал, умоляя Бога, не благоволит ли Он даровать мне эту пальму, чтоб остальное время жизни моей я мог провести на этом месте. Прошение мое не было исполнено, и сказал я сам себе: "Нет на это воли Божией". В молитве совершил я обратный путь к жилищам человеческим, и вот, явился мне тот муж, который дважды провел черту по губам моим; он укрепил меня, и таким образом я имел возможность возвратиться к братиям, которым я рассказал это, убеждая их не приходить в отчаяние, но обретать Бога покаянием»[1].

177. Поведал некоторый старец: «Была девица очень преклонных лет, преуспевшая в страхе Божием. Я спросил ее, что привело ее к монашескому жительству. Она, прерывая слова воздыханиями, рассказала мне следующее: "Мои родители, достоуважаемый муж, скончались, когда я находилась в детском возрасте. Отец был скромный и тихого нрава, но слабого и болезненного телосложения; он жил столько погруженный в заботу о своем спасении, что едва кто изредка видел его из жителей одного с ним селения. Если иногда он чувствовал себя поздоровее, то приносил в дом плоды трудов своих; большую же часть времени он проводил в посте и в страданиях. Молчаливость его была такова, что не знавшие могли счесть его немым. Напротив, того мать моя вела жизнь рассеянную в высшей степени и столько развратную, что подобной ей женщины не было во всей стране. Она была столько обильна в речах, что, казалось, все существо ее составлял один язык. Беспрестанно она затевала ссоры со всеми, проводила время в пьянстве с самыми невоздержными мужчинами. Она расточила все, принадлежавшее дому; весьма значительное имущество не удовлетворяло нуждам нашим, а ей было передано отцом распоряжение домом.

[1] Pag. 1010, cap. 12.

Столько злоупотребляла она телом своим, оскверняя его нечистотами, что немногие из этого селения могли избежать блудного совокупления с нею. Она никогда не подвергалась никакой малейшей боли, но со дня рождения и до старости пользовалась совершенным здоровьем. Так текла жизнь родителей моих. Отец мой, истомленный продолжительною болезнию, скончался. Едва он скончался, как помрачился воздух, пошел дождь, засверкала молния, загремел гром, в течение трех дней и трех ночей непрерывно продолжался ливень. По причине такой непогоды замедлилось его погребение на три дня, так что жители села покачивали головою и, удивляясь, говорили: "Этот человек столько был неприятен Богу, что даже земля не принимает его для погребения". Но чтоб тело его не предалось разрушению в самом доме и тем не сделалось невозможным пребывание в нем, похоронили его кое-как, несмотря на то, что непогода и дождь не переставали. Мать моя, получивши большую свободу по смерти отца, с большим исступлением предалась злоупотреблению телом и, сделав дом наш домом разврата, проводила жизнь в величайшей роскоши и в увеселениях. Когда настала смерть ее, то она сподобилась великолепного погребения; самый воздух, казалось, принял участие в провождении тела ее. По кончине ее я осталась в отроческих летах, и уже телесные вожделения начали действовать во мне. Однажды вечером я начала размышлять, чью жизнь избрать мне в образец подражания: отца ли, который жил скромно, тихо и воздержно, но всю жизнь свою не видел ничего доброго для себя, всю ее провел в болезни и печали, а когда скончался, то земля даже не принимала тела его; если б такое жительство благоприятно было Богу, то по какой причине отец мой, избравший это жительство, подвергся толиким бедствиям? Лучше жить, как жила мать, сказало мне помышление мое, предаться вожделению, роскоши, плотскому сладострастию. Ведь мать моя не упустила никакого скверного дела! она провела всю жизнь свою в пьянстве, пользуясь здоровьем и счастием. Что же? мне следует жить, как жила мать! лучше верить собственным глазам и тому, что очевидно, лучше наслаждаться всем, нежели верить невидимому и отказываться от всего. Когда я, окаянная, согласилась в душе моей избрать жизнь, подобную жизни матери моей, настала ночь, я уснула. Во сне предстал мне некто высокий ростом, взором страшный; грозно взглянул на меня, гневно и строго спросил он у меня: "Исповедуй мне помышление сердца твоего". Я, испугавшись его, не смела и взглянуть на него. Еще более громким голосом повторил

он приказание, чтоб я исповедала, какое жительство мне понравилось. Растерявшись от страха и забыв все помышления мои, я сказала, что не имела никаких помышлений. Но он напомнил мне все, о чем я размышляла в тайне души моей. Обличенная, я объяснила причину этих помышлений. Он сказал мне: "Поди и увидай обоих, и отца и мать твоих, — потом избери жизнь по желанию твоему". С этими словами он схватил меня за руку, повлек. Привел он меня на большое поле, красоты неизреченной, со многими садами и плодовитыми разнообразными древами, ввел меня в эти сады. Там встретил меня отец, обнял, поцеловал, назвал своею дочерью. Я заключила его в объятия свои и просила, чтоб мне остаться с ним. Он отвечал: "Ныне это невозможно; но если последуешь стопам моим, то придешь сюда по прошествии непродолжительного времени". Когда я опять начала просить о том, чтоб остаться, показывавший мне видение снова схватил меня за руку, повлек и сказал: "Поди, я покажу тебе и мать твою, как горит она в огне, чтоб знать тебе, по жизни которого из родителей твоих направить жизнь твою". Поставив меня в доме мрачном и темном, где живет скрежет зубов и горе, он показал мне печь, горящую огнем, и кипящую смолу; какие-то страшилища стояли у устья печи. Я взглянула во внутренность печи и увидела в ней мать мою: она погрязла по шею в огне, скрежетала зубами, горела огнем; тяжкий смрад разливался от червя неусыпающего. Увидев меня, она воскликнула с рыданием, назвала дочерью: "Увы мне, дочь моя! Страдания эти — последствия собственных дел моих. Воздержание и все добродетели казались мне достойными посмеяния; я думала, что жизнь моя в сладострастии и разврате никогда не кончится; пьянство и объядение я не признавала грехами. И вот! я наследовала геенну, подверглась этим казням за краткое наслаждение грехами; за ничтожное веселие расплачиваюсь страшными муками. Вот какую получаю награду за презрение Бога! Объяли меня всевозможные, бесконечные бедствия. Ныне время помощи! ныне вспомни, что ты вскормлена грудью моею! ныне воздай мне, если ты получила от меня когда-либо что-либо! Умилосердись надо мною! жжет меня этот огонь, но не сожигает. Умилосердись надо мною, дочь моя, подай мне руку твою и выведи меня из этого места". Когда я отказывалась это сделать, боясь тех страшных стражей, которые тут стояли, — она снова начала вопить со слезами: "Дочь моя! помоги мне. Не презри плача твоей родной матери! Вспомни болезни мои в день рождения твоего! Не презри меня! погибаю в огне геенском". Ее

вопль извлек у меня слезы: я также начала стенать, испускать вопли и рыдания. Эти вопли и рыдания разбудили моих домашних; они достали огня и спрашивали меня о причине столь громкого стенания. Я поведала им видение мое. Тогда я избрала последовать жизни отца моего, будучи удостоверена, по милосердию Божию, какие муки уготованы для произволяющих проводить порочную жизнь»[1].

178. Поведал старец: «Епископу некоторого города возвестили, что из числа замужних жен-христианок две ведут развратную жизнь. Опечалило епископа это известие; подозревая, что, может быть, и другие ведут себя подобным образом, он обратился с молитвою к Богу, прося разрешение недоумению, чего и удостоился. После Божественного страшного жертвоприношения, когда присутствовавшие приступали один за другим к принятию Святых Таин, епископ видел на лице каждого состояние души его, каким она подвержена грехам. Лица грешных мужей видел он черными, как бы выгоревшими от зноя; глаза у них были красные, кровавые. У других людей были лица светлые, а одежды яркой белизны. Тело Господа одних, принимавших его, сожигало и опаляло; других просвещало, соделывало подобными свету: входя в уста, оно разливало свет по всему телу. Между этими мужами были и пустынножители, и проводившие жизнь супружескую. После мужчин начали приступать женщины. И между ними увидел епископ одних с черными лицами, с красными, кровавыми глазами, других с лицами белыми и светлыми. Между прочими женами подошли и те две, которые были обвинены пред епископом: тем большее обратил он на них внимание. Он увидел, что они приступают к Святому Таинству с светлыми и честными лицами, облеченные в мантии необыкновенной белизны. Когда они сделались причастницами Таинства Христова, то как бы осветил их свет. Снова обратился епископ к молитве, умоляя Бога о объяснении показанного ему в откровении. Ему предстал Ангел Господень и повелел о всем предложить себе вопросы. Святой епископ немедленно спросил о двух женщинах, справедливо ли или несправедливо они были обвинены. Ангел отвечал, что все, сказанное о них, сказано верно. Тогда епископ возразил Ангелу: “Каким же образом, когда они причащались Тела Христова, лица их сияли, на них были белые мантии, и от всего образа их исходил немалый свет?” Ангел сказал: “По той причине, что они раскаялись в поступках своих и отступили от них; они

---

[1] Pag. 995, cap.15.

посредством слез, воздыханий и исповеди соделались достойными Божественного дара; вдобавок дали обещание, если получат прощение в прежних грехах, никогда не позволять себе порочного поведения. За это они удостоились Божественного изменения, разрешены от грехов, отселе живут воздержно, благочестно и праведно". Епископ удивлялся не столько изменению жен — это случается со многими, — сколько дару от Бога, Который не только избавил их вечной муки, но даже сподобил благодати. Ангел сказал ему: "Справедливо удивляешься, как человек! Но Господь и Бог наш и ваш по естеству Своему благ и милосерд. Он оставляющих свои греховные деяния и приступающих к Нему посредством исповеди не только избавляет вечной муки, но и удостаивает почестей. Так Бог возлюбил мир, что Сына Своего Единородного дал за него[1]. Сын Божий, когда люди были врагами Его, благоволил умереть за них[2]: тем более освободит их от адских казней, когда они сделались Его домочадцами и приносят покаяние в совершенных ими проступках; Он предоставит им наслаждение блаженством, которое Сам приуготовил для них[3]. Знай то, что никакие согрешения человеческие не побеждают милосердия Божия, если только человеки посредством покаяния очистят преждесодеянные грехи добрыми делами. Всеблагой Бог знает немощь вашего рода, крепость страстей, силу и хитрость диавола, — прощает, как сынам, человекам, впадающим в согрешения, ожидает исправления их, долготерпя им. Когда они обращаются и умоляют благость Его, снисходит, как немощным, разрешает мучение их и дарует блага, приготовленные праведным"». — Епископ опять сказал Ангелу: "Прошу тебя: объясни мне и значение различных видов, которые принимаются лицами согрешающих различно, чтоб я, узнав это, вполне освободился от неведения". Ангел сказал ему: "Те, у которых лица светлы и радостны, живут в воздержании, чистоте и правде, скромны, сострадательны и милосерды. Те же, у которых лица черны, преданы любодеянию и прочим беззакониям. Те, у которых глаза были красными и кровавыми, живут в злобе и неправде, любят обманывать, лукавствовать, хулители и человекоубийцы". — Ангел присовокупил: "Помогай тем, которым желаешь спасения. Для того именно удостоена услышания молитва твоя, чтоб, просвещенный видением, ты объяснял ученикам твоим грехи, чтоб исправлял их наставлениями и увещаниями, усвоял их, посредством покаяния, умершему ради их и воскресшему из мертвых Господу Иисусу

[1] Ин. 3. 16. ‖ [2] Рим. 5. 8. ‖ [3] Ин. 14. 3.

Христу. По степени сил, усердия и любви к твоему Господу заботься о всех их, чтоб они обращались от грехов своих к Богу, сказывая им открыто, каким подвержены они грехам, и уговаривая, чтоб по причине их не отчаивались в спасении своем. Когда они будут приносить покаяние и обращаться к Богу, — получат спасение душам своим и обилие будущих благ. Ты же, подражая Господу твоему, Который оставил небо и сошел на землю для спасения человеков, получишь величайшую награду"»[1].

Условие, которое предлагается в Евангелии и в Отеческих писаниях, условие, при котором покаяние приемлется и кающемуся даруется прощение, повторено и здесь. Условие действительности покаяния заключается в том, чтоб кающийся оставил смертные грехи свои и более не впадал в них.

[1] Pag. 998, cap. 16.

ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА

Деятельные и Богословские главы

1) Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь, — нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость и, в то время как ничего не имеется, быть уверенну, что всем обладаешь, — особенно же (она есть) стяжание неисследимого богатства познания Христа и взирание на все видимое, как на прах или дым.

2) Вера во Христа есть не то только, чтоб небречь о приятностях жизни, но и то, чтоб терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение, в печалях, скорбях и неприятных случайностях, пока возблаговолит Бог призреть на нас, — подражая Давиду, который говорит: *терпя потерпех Господа и внят ми*[1]. [То есть: терпя скорби, я уповал, что Господь поможет мне; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи от Него, призрел на меня и явил мне милость Свою.]

3) Предпочитающие в чем-либо родителей своих заповеди Божией веры во Христа не имеют. Конечно, и собственная совесть их обличает их в таком неверии, если только совесть жива в них. Ибо истинно верующих отличительный знак есть ни в чем никогда не преступать заповеди великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

4) Вера во Христа, истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это

---

[1] *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне* (Пс. 39. 2).

сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожительницею себе, тот преболезненно взыщет узнать, каково будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишить себя настоящего (т. е. благ и вещей мира сего). Ибо обладаемый пристрастием к чему-либо из сего последнего, даже самому ничтожному, не может стяжать совершенного познания о том, первом. Даже когда бы, по смотрению Божию, вкусил он сколько-нибудь такого познания, то — если тотчас не оставит того, пристрастием к чему одержим, и не предастся всецело стяжанию сего единого познания, не позволяя себе даже думать о чем-либо другом, кроме его, — взято будет от него и это познание, какое мнится он имети.

5) Отречение от мира и совершенное из него удаление, — если восприимем при сем и совершенное отрешение от всех житейских вещей, нравов, воззрений (принципов) и лиц, с отвержением тела и воли своей, в короткое время великую принесет пользу тому, кто с таким жаром ревности отрекся от мира.

6) Имея в намерении удалиться из мира, смотри не вдавай души своей в плотские утешения, в начале, пока еще живешь и вращаешься в мире, хотя бы все сродники и друзья понуждали тебя к тому. Это им демоны внушают, чтоб погасить теплоту сердца твоего, — чрез что, если и не воспрепятствуют они исполнению твоего намерения, то всячески охладят и ослабят его.

7) Когда ты мужественно будешь отказываться от всех удовольствий житейских и держать себя чуждым всякого утешения, тогда демоны, возбудив сострадание в родных, заставят их плакать и рыдать о тебе пред лицом твоим. Что это истинно так есть, сие познаешь из того, что когда ты останешься непоколебим и при этом искушении, то тотчас увидишь, как родные твои возгорятся яростию и ненавистию против тебя, отвратятся от тебя, как от врага, и смотреть на тебя хотеть не будут.

8) Видя скорбь о себе родителей, братьев и друзей, посмевайся демону, разнообразно сим способом против тебя вооружающемуся; но поспеши и удалиться со страхом, прилежною докучая Богу молитвою сподобить тебя поскорее достигнуть в пристанище доброго отца, в коем сей упокоил бы душу твою, утружденную и обремененную, ибо житейское море представляет много бедственного и крайне пагубного.

9) Желающий возненавидеть мир из глубины души должен возлюбить Бога и память о Нем стяжать непрестанную, ибо ничто другое, как сие, не побуждает с радостию оставить все и отвращаться от того, как от уметов.

10) Ни по благословным, ни по бессловесным причинам не оставайся долго в мире, но как только позван будешь, спеши послушаться. Ибо ничему другому не радуется так Бог, как нашей скорости (в исполнении воли Его), так как лучше скорое послушание с бедностию, нежели медлительность со множеством имений.

11) Если мир и что в мире преходит все, а Бог нетленен и бессмертен, то радуйтесь все, которые ради Его оставили тленное. Тленно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствие и наслаждение греховное есть тля. Одни заповеди Божии свет суть и жизнь, — и так всеми именуются.

12) Если, брате, пламенем ревности о спасении объятый, бегом притек ты в киновию или к духовному отцу, то когда будет предлагать тебе он или сподвизающиеся тебе братия бани или брашна или другие какие утешения в упокоение плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готов (желай, ищи, стремись) к пощению, к злостраданию (произвольным лишениям), к крайнему воздержанию. Если отец твой о Господе повелит тебе дать некое утешение телу, послушай его, отсекая и в этом собственную волю свою; а если нет, то с радостию исполняй терпеливо, что делать произвольно восхотел ты (т. е. всячески воздерживаться от всего). Соблюдая сие, будешь всегда во всем как постящийся и воздерживающийся, и своей воли по всему отрекшийся. И не это только, но и сущий в сердце твоем пламень, все презирать тебя понуждающий, сохранишь ты неугасимым.

13) Когда демоны, сделав все с своей стороны, не успеют расстроить наше по Богу намерение или воспрепятствовать исполнению его, тогда привходят они в притворяющихся благочестивыми (братий) и посредством их покушаются воспрепятствовать начавшим уже подвизаться в добрых подвигах их. И, во-первых, будто любовию и состраданием движимые, советуют им не чуждаться телесных утешений, чтоб и тело, говорят, не изнемогло и самим не впасть в уныние. Потому вызывая их на бесполезные беседы, целые дни попусту проводить в них заставляют. Затем, если кто из ревностных послушает их советов и станет подобен им, то они начинают смеяться над тем, будто радуясь его погибели; если же не

послушает их слов, но сохранит себя чуждым всего, себе внимающим и бездерзновенным (скромным и робким пред всеми), то подвигаются на зависть и вооружаются против него, употребляя все способы, чтоб изгнать его даже из монастыря, ибо для бесчестного тщеславия несносно видеть, как у него пред глазами хвалят истинное смирение.

14) Томится болезненно тщеславный, видя, как смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилостивляет, и людей подвигает к невольной похвале.

15) После того, как предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чужд всему, что принес совне, — вещи ли то какие или деньги. Почему ничего не делай с ними без его воли и ничего не проси себе у него из того, ни малого, ни большого; разве только сам он, по собственному произволению, или тебе велит взять что, или собственноручно даст тебе то.

16) Без воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню из принесенных тобою денег; но и чрез посредника какого не домогайся взять у него что-либо из них. Ибо лучше быть и именоваться нищим и странным, нежели расточать и раздавать бедным деньги, когда ты еще новоначальный. Все предать в волю духовного отца своего, как в руку Божию, есть дело совершенной веры.

17) Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебе быть палимым жаждою, пока духовный отец твой, сам в себе подвигнут будучи, не велит тебе это сделать. Утесняй себя и нудь во всем, уговаривая себя такими словами: «Если хощет Бог и достоин будешь напиться, то Он откроет всеконечно отцу твоему сказать тебе: “Напейся”». И тогда напьешься с чистою совестию, хотя бы это было и не вовремя.

18) Некто, опытом познавший духовную пользу и неложную стяжавший веру, предлагая Бога свидетелем истины, сказал: «Я положил в себе такой помысл, чтоб никогда не просить у отца моего ни есть, ни пить и вообще ничего другого не принимать, пока Бог не внушит ему приказать мне это. И, действуя так, я никогда, — говорит, — не был тщетен в надежде моей».

19) Действенную стяжавший веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть самого Христа и, бывая с ним или последуя ему, верует несомненно со Христом быть и Ему последовать. Таковой никогда не пожелает беседовать с кем-либо другим и не предпочтет что-либо из мирских вещей памяти и любви Его. Ибо что

лучше или что полезнее, в настоящей и в будущей жизни, того, чтоб быть со Христом? Что прекраснее или слаще созерцания Его? Если же и беседы от Него сподобляется кто, то, конечно, почерпает из нее жизнь вечную.

20) Благорасположенно любящий тех, которые его поносят и обижают, и причиняют ему ущерб, и молящийся о них в короткое время достигает великого преспеяния. Ибо когда так бывает в чувстве сердца, тогда это благонастроенного сим образом вводит в бездну смирения и изводит из него источники слез, в которых погружается вся троечастность души (т. е. разумная, желательная и раздражительная ее силы), — возводит ум на небо бесстрастия и делает его созерцательным, — вкушением же тамошних благ располагает вменять в уметы все блага настоящей жизни и самую пищу и питие принимать не в сладость и не так часто.

21) Не от дел только злых должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободным и от помыслов и мыслей противных (заповедям и воле Божией), — и всегда быть занятым в себе душеспасительными и духовными воспоминаниями, пребывая беспопечительным о вещах житейских.

22) Как тот, кто обнажил все тело свое, если оставит при сем глаза свои закрытыми каким-либо покровом и не захочет взять свой покров и сбросить, не может от одного этого обнажения прочего тела видеть свет, так и тот, кто оставил все свои и вещи, и деньги, избавился и от самих страстей сих, если не освободит при сем и ока души своей от воспоминаний житейских и помышлений худых, никогда не увидит умного света, Господа нашего Иисуса Христа и Бога.

23) Что покров, на глаза наложенный, то помыслы мирские и воспоминания житейские для ума, или ока души. До тех пор, пока попустим им быть, ничего не увидим; когда же изгоним их памятию о смерти, тогда узрим свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

24) Кто слеп от рождения, тот не может знать силу пишемого, ни верить тому; но если он когда-либо сподобится прозреть, то станет сосвидетельствовать, что пишемое и читаемое истинно.

25) Видящий чувственными очами знает, когда бывает день и когда ночь, а слепой не знает ни того, ни другого. И духовно прозревший и зрящий умными очами, если после того, как повидит истинный и незаходимый свет, по нерадению и беспечности опять

возвратится к прежнему ослеплению и лишится света, то, находясь в благочувствии, добре чувствует лишение сего света, и от чего случилось с ним такое лишение не неведает; но пребывающий от рождения слепым (духовно) ничего такого не знает ни по опыту, ни по действу, — разве слухом что услышит и узнает о том, чего никогда не видал, и станет рассказывать о том другим, хотя ни он, ни слышащие ничего верно не знают о тех вещах, о коих разговаривают.

26) Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными.

27) Оставим все земное, — не богатство только и золото и другие вещи житейские, но и самое похотение к ним совершенно изгоним из душ наших. Возненавидим не только удовольствия тела, но и бессловесные движения его и постараемся умертвить его трудами и подвигами: ибо чрез него возбуждаются похоти и приводятся в дело. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бывает мертвою, — труднодвижною или и совсем неподвижною на всякую заповедь Божию.

28) Как пламень огня всегда поднимается вверх, особенно когда станешь ворочать вещество, в котором возгорелся и горит огонь, так и сердце тщеславного не может смиряться. Но как только скажешь ему что для его пользы, он более и более воздымается; если его обличают и вразумляют, он противоречит сильно; если хвалят и привечают, он напыщается зле.

29) Человек, научившийся противоречить, сам для себя есть обоюдоострый меч: он убивает душу свою, не сознавая того, и делает ее чуждою жизни вечной.

30) Противоречивый подобен тому, кто произвольно предается противникам царя своего, врагам. Противоречие есть удочка, имеющая затравою правдословие (защиту правды, себя-оправдание, самозащиту), которым, будучи прельщаемы, проглатываем мы удочку (крючок удильный) греха. Так обыкновенно похищается такая бедная душа за язык и гортань духами злобы. И то воздымается горе, то погружается в хаотическую бездну греха и осуждается вместе с ниспадшими с неба.

31) Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болит от этого сердцем, о том ведомо да будет из сего, что он носит древнего

змия в недрах своих. Если он станет молча переносить наносимое ему или противоотвечать с великим смирением, то сделает сего змия немощным и расслабленным (и совсем убьет). А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостию, то станет придавать силы змию — изливать яд в сердце свое и немилосердо пожирать внутренности свои; так что змий тот, будучи таким образом каждодневно усиливаем, поглотит, наконец, самое намерение бедной души его исправить себя и держать исправною в добрых порядках жизни, и силу к тому отымет. И станет таковой после сего жить греху и совсем мертвым быть правде.

32) Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтоб вместо евангельского диавольскому не научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых — худые; от худых же семян и произрастения бывают всегда худые.

33) Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания св. Отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, — и затем согласное с писаниями усвоять и удерживать в мысли, а несогласное — рассудив добре — отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей.

34) Всякий невидящий (слепой духовно), если берется руководить других, есть прелестник, и последующих ему ввергает в ров пагубы, по слову Господа: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут*[1].

35) Слепой в отношении к одному (Богу), — слеп и весь в отношении ко всему; и видящий в едином (Боге) — в видении есть всего; между тем он и отстоит от видения всего, и бывает в видении всего, есть вне всего видимого. Будучи так в Едином, видит он все, и во всем будучи, не видит ничего из всего. Видя во Едином, чрез Него видит и себя, и все, и всех; и будучи сокрыт в Нем, ничего из всего не видит.

36) Кто во внутреннем своем умном, или духовном, человеке не облекся во образ Господа нашего Иисуса Христа, Небесного Человека и Бога, с чувством и сознанием, тот кровь только есть и плоть и не может посредством слова только восприять чувство духовной

[1] *...если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф. 15. 14).

славы, подобно тому как и слепые от рождения не могут познать, что такое есть свет солнца, из слов только о нем.

37) Кто слышит так и видит, и чувствует, тот знает силу того, что говорится, как уже облекшийся во образ небесного и пришедший *в мужа совершенна, в меру возраста, исполнения Христова*[1]. Будучи таковым, может он добре руководить на пути заповедей Божиих и стадо Христово. А кто не знает этого и не таков есть, в том, очевидно, чувства души непросвещены и нездравы. И ему гораздо лучше быть руководимым, нежели руководить с опасностию для других и себя.

38) Напряженно внимающий своему учителю и руководителю, как Богу, противоречить не может. Кто думает и говорит, что имеет то и другое (т. е. что он и внимает отцу своему, как Богу, и противоречит), тот да ведает, что находится в заблуждении: ибо не знает, какое расположение к Богу имеют люди Божии.

39) Кто верует, что в руке пастыря его находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть.

40) Пока не состоится решение над подсудимым, ему дается слово самооправдания, — говорить судье о том, что наделал; по раскрытии же дел его и произнесении над ним решения судии он уже ни мало ни много не противоречит тем, кои наказывают его (во исполнение приговора).

41) Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния — монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть, можно ему говорить что против, одно по неведению, другое по замышлению скрыть иные свои дела. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов уже нельзя ему никогда противоречить своему по Богу судье и владыке, даже до смерти. Ибо монах, вступивший в сие судилище и в начале обнаживший сокровенности сердца своего, с самых начатков жизни здесь носит, если имеет здравый смысл, убеждение, что он достоин бесчисленных смертей, но верует, что чрез свое послушание и смирение избавится от всякого мучения и наказания, если, конечно, истинно знает силу таинства сего.

42) Кто неизгладимо сохраняет сие в уме своем, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Ибо впадающий при сем в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю еще живой

[1] *...в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4.13).

бедственно низводится в глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокоривый сын погибели.

43) Умоляю тебя, взявшего на себя иго послушания, часто обращать сие в мысли своей и со всяким старанием подвизаться, чтоб не попасть, как сказано, в ад на муки вечные; но всякий день так молиться тепло Богу и говорить: «Боже и Господи всяческих, имеющий власть над всяким дыханием и всякою душою, Един могущий уврачевать меня, услыши моление мое, и гнездящагося во мне, бедном, змия, наитием Всесвятаго Духа Твоего, умертвив, истреби. Научи и настрой меня, нищаго и обнаженнаго от всякой добродетели, припадать к стопам отца моего, и его святую душу расположи к состраданию и милостивости ко мне. Даруй, Господи, смирение в сердце мое и помыслы, подобающие грешнику, положившему каяться Тебе. Не остави вконец душу, единожды сочетавшуюся Тебе, Тебя исповедавшую, Тебя вместо всего мира избравшую и всему предпочетшую. Ты ведаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злой обычай мой полагает тому препятствие. Но Тебе, Владыко, возможно все, невозможное для людей».

44) Те, которые во дворе благочестия со страхом и трепетом положили доброе основание веры и надежды и ноги свои незыблемо утвердили на камне послушания духовным отцам, слушая заповедуемое ими, как из уст Божиих, и на сем основании послушания без колебаний в смирении души устрояя исполнение того, — скоро преуспевают. И исправляется в них великое и первое дело, состоящее в том, чтоб отвергнуться себя самих. Ибо исполнение чужой, а не своей воли не только самоотвержение душевное укореняет, но и умертвие всему миру производит.

45) Тому, кто прекословит отцу своему, сорадуются демоны; тому же, кто даже до смерти смиряется пред ним, удивляются Ангелы. Ибо таковой дело Божие совершает, уподобляясь Сыну Божию, Который исполнил послушание Отцу Своему *даже до смерти, смерти же крестныя.*

46) Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем-либо чувственном омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а всаждает в нее болезненное томление сердечное. Отсюда жесткость и нечувствие безмерное; а чрез это демоны обыкновенно отчаяние наводят на взявшихся жить духовно.

47) Когда случится с тобою таковое, монаше, ты же между тем находишь в душе своей ревность и великое желание совершенства, так что сильно стремишься исполнить всякую заповедь Божию, не погрешить даже в праздном слове и нисколько не отстать от древних святых, ни в деянии, ни в ведении, ни в созерцании, но видишь, что тебе препятствует в этом враг, всевая плевелы малодушия и не попуская тебе воспарить на такую высоту святости тем, что наводит расслабление чрез возметание помыслов страшливых такими внушениями, — невозможно тебе спастись среди мира и неопустительно исполнять все заповеди Божии; тогда ты, седши в угол, одиноко, сожмись и собери помыслы свои, — и дай благой совет душе своей, сказав ей: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Спасение лица моего* не дела мои, а *Бог мой* есть[1]. Кто оправдится от дел закона? И Царепророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живый*[2]. Но верою, какую имею в Бога моего, надеюсь спасенным быть по неизреченному благоутробию Его даром. Ступай прочь с глаз моих, сатана! Господу Богу моему поклоняюся и от юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же от меня. Бог, создавший меня по образу и подобию Своему, да сокрушит тебя.

48) Бог от нас, человеков, не требует ничего другого, кроме одного того, чтоб мы не грешили. Но это не есть исполнение закона, а только ненарушимое хранение образа и горнего достоинства, в коих, стоя по естеству и нося светло-осиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими и знаменуемся светом познания Бога (по слову: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи*[3].

49) Расслабление и тягота телесная, пребывающие в душе от лености и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда почасту появляться начинают в сердце помыслы страхования и хулы, и искушаемый демоном расслабления и уныния нередко от робости не может войти в обычное место молитвы и предается лености, а нередко испытывает нападки неуместных помышлений о Творце всяческих. Итак, зная причину, откуда это тебе нашло, поспеши войти в обычное место

[1] *Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего* (Пс. 41. 6). ‖ [2] *...не оправдается пред Тобой ни один из живущих* (Пс. 142. 2). ‖ [3] *...Яви нам свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4. 7).

молитвы твоей и, падши пред человеколюбивым Богом, молись со стенаниями сердечными, в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния и от помыслов злых. И вскоре дано будет тебе освобождение от них, если будешь толкать (в двери милосердия Божия) притрудно и неотступно.

50) Кто стяжал чистое сердце, тот победил страхование. А кто еще очищает его, тот иногда побеждает его, а иногда сам бывает побежден им. Кто же совсем не подвизается (о сей чистоте), тот *или* всеконечно ниспал в состояние нечувствия и, как друг страстей и бесов, при тщеславии болезнуя еще и самомнением, *мнит себе быти что, ничтоже сый*[1],— *или* есть раб, преданный в руки страхования, и, как младенчествующий умом, трепещет и боится страха там, где для боящихся Бога нет страха, ни страхования.

51) Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, равно как и угроз злых людей, но, будучи весь как пламень некий и огнь палящий, когда даже проходит по скрытным и неосвещенным местам, обращает в бегство демонов, которые больше, чем он от них, бегут от него, чтоб не быть опаленными от исходящего из него пламеневидного луча божественного огня.

52) Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей. Имея внутри себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, он силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным. Он ходит среди их, как гигант среди обезьянок, или лев, рыкающий среди псов и лисиц, уповая на Господа, твердостию мудрования своего изумляет их, ужасает смыслы их, поражая их словом премудрости, как жезлом железным.

53) Не только безмолвник или послушник, но и игумен, настоятель над многими,— и он, все устрояя, должен быть беспечален, т. е. свободен от печальной заботы о житейских потребностях. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками заповеди Божией, которая говорит: *не пецытеся душею вашею, что ясте, или что пиете, или во что облечетеся, всех бо сих языцы ищут*[2]. — И еще: зрите, *да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими*[3].

[1] *...почитает себя чем-нибудь, будучи ничто* (Гал. 6. 3). || [2] *...не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить... во что одеться. ...Всего этого ищут язычники* (Мф. 6. 25, 32). || [3] *...чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими* (Лк. 21. 34).

54) У кого помысл занят попечением о житейских вещах, тот несвободен: ибо попечение о них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он заботится о них или для других. Свободный же от сего ни для себя, ни для других не печется о житейском, будь он епископ, или диакон, или игумен. Но и праздным он никогда не бывает, и ни о чем, даже самом последнем и ничтожном, никакого небрежения не оказывает; а богоугодно все делая и устрояя, о всем беспечален пребывает, — и это на всю жизнь.

55) Смотри, не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое; почему поопасись, как бы не случилось, что, взявшись за это, ты свой дом разорить разоришь, но и того дом построить отнюдь не можешь.

56) Если не стяжал ты совершенного беспристрастия к житейским вещам и деньгам, то не желай, чтоб тебе поручена была экономия (смотрение за этими вещами и распоряжение ими по обители), чтобы не быть плененным ими и, вместо воздаяния за труд служения обители, не подпасть осуждению за воровство и святотатство. Если же будешь принужден настоятелем взять сие дело, то веди его так, как бы ты обращался с палящим огнем. Расстроивай и самый первый прилог помысла (о чуждоприсвоении) исповедию и покаянием, и молитвою настоятеля сохранен будешь невредимым.

57) Не сделавшийся бесстрастным не знает даже, что есть бесстрастие, и не верит, чтоб был кто-либо такой на земле. Ибо тому, кто сам не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощил за эту, воистину блаженную, жизнь, — как подумать, что другой кто сделал это, чтоб стяжать бесстрастие? Таким же образом и тот, кто мнится иметь Духа Святаго ничего не имея, когда слышит, что действия Духа Святаго явно познаваемы бывают в тех, кои имеют Его, никак тому не верит, равно как и тому, что есть кто-либо и в настоящем роде равный Апостолам Христовым и всем от века святым, подобно им движимый и воздействуемый Божественным Духом, или в видении Его бывающий, с сознанием того и чувством. Ибо всякий по собственному своему состоянию судит и о том, что касается ближних, — по тому, т. е., каков сам, по добродетели ли сказать или по грехам.

58) Иное есть бесстрастие души и иное бесстрастие тела. То (душевное) и тело освящает своим собственным сиянием

и светоизлиянием Духа; а это одно само по себе ни на что не полезно для того, кто стяжал его.

59) Как тот, кто из последней бедности обогащен царем и возведен в светлый сан, облечен им в блестящее одеяние и определен стоять пред лицом его, — и самого царя с вожделением видит и как благодетеля чрезмерно любит, и на одеяние, в кое облечен, весело смотрит, и сан свой сознает, и данное ему богатство знает, так и монах, который, истинно, оставив мир и все мирское, приступил ко Христу и, влеком будучи добрыми чувствами, восшел на высоту духовного созерцания чрез исполнение заповедей, — и Самого Бога непрелестно созерцает, и совершившееся в нем изменение ясно видит. Ибо всегда видит осиявающую его благодать Святого Духа, именуемую и одеянием, и царскою багряницею, — чем наипаче для верующих есть Сам Христос Господь, так как верующие в Него облекаются в Него.

60) Многие сами читают Божественные Писания, другие слушают читающих оные; но не многие бывают в силах правильно уразуметь значение и смысл читаемого. Иные полагают, что читаемое в Писаниях Божественных — невозможно; иные, почитая прямой смысл пишемого неудобоприемлемым, берутся истолковывать то по-своему, и истолковывают зле. Что сказано о настоящем времени, о том судят, что оно будет иметь место в будущем; а что сказано о будущем, то понимают, как сбывшееся уже, или сбывающееся каждый день. Таким образом, у них нет правильного суждения и истинного распознания отличий в вещах Божеских и человеческих.

61) На всех верных должны мы смотреть, как на одного, и думать, что в каждом из них пребывает Христос, и такое любовное иметь к нему расположение, чтоб быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто-либо зол, но всех видеть добрыми, как сказано. Хотя увидишь кого боримым страстьми, не брата, а страсти ненавидь, борющие его. А когда увидишь такого, над которым тиранствуют похоти и недобрые привычки, имей к нему еще большее сострадание, чтоб иначе и самому не быть искушенным подобно ему, — как изменчивому и состоящему под влиянием изменчивого вещества.

62) Если кто фальшив от лицемерия или по делам виновен, или немного уязвлен какою-либо страстию, или несколько неисправен в каком-либо отношении по нерадению, то такой не приемлется

в число исправных во всем, но, как непотребный и неискусный на доброе, отметается, чтобы он не произвел разрыва в союзе, которому должно пребывать неразрывным, и разделения между теми, которые должны пребывать нераздельными, тех и других ввергнув в печаль, — так как те, кои впереди (преуспевают), станут болезненно печалиться о тех, кои позади их, а сии — о разлучении с теми, кои упредили их.

Примечание. Перевод делается по тексту греческого Добротолюбия. Место темно. Новогреческий перевод делает ему такой перифраз, со *чтобы*: «чтоб не сделал он того, что связь цепи расторгнется, когда ее натянуть, т. е. чтоб не причинил он расторжения единения братий в то время, когда они вдадутся в большие подвиги добродетелей, не произвел разделения между братиями, которые должны пребывать нераздельными, и не стал причиною печали для обеих частей, так как те, которые идут впереди, т. е. преуспевают в добродетели, станут печалиться о тех, кои оказались позади, а оставшиеся назади станут печалиться о разлучении с первыми».

63) Как тот, кто на пламень разжженной печи набрасывает землю, угашает оный, так и житейские попечения и всякий вид пристрастия к чему-либо, даже последнему и ничтожному, истребляют возжегшуюся вначале теплоту сердца.

64)* Кто с радостию и с совершенным чувством отрекся от всего внешнего, от вещей, разумею и людей, и забыл все сие, преходя, как стену, всякое пристрастие к тому (оставляя позади себя), тот чужд мира и всего, что в мире, и, в собранности держа ум свой, в одном поучается всегда — в памяти и помышлении о смерти. Почему и печется всегда о том, что касается Суда и воздаяния, весь пленен бывает сим и, как узами, окован, внедряя неизреченный страх в сердце свое такими помыслами и углублением в них.

65) Кто вселит во глубине сердца своего страх Суда, тот является на зрелище мира, как некий осужденник, закованный в цепи, почему пребывает объят страхом, как бы был схвачен палачом немилостивым и влеком на место казни, не думая ни о чем другом, кроме страданий и терзаний, какие имеет претерпеть от мук в вечном огне. Это чувство мук хранится неизгладимо в сердце его страхом, породившим его, и (вместе с ним) не дает ему заботиться о чем-либо человеческом, так как он всегда находится в таком состоянии,

* Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолюбии.

как бы был повешен на крест и чувствовал во всей силе болезни и страдания крестной смерти, — что и не попускает ему ни внимать лицу чьему-либо, ни думать о чести или бесчестии человеческих. От всей души почитая себя достойным всякого презрения и бесчестия, и внимания не обращает он на поношения и унижения, какие ему делают.

66) Всяким яством и питием и украшением гнушается чреватый страхом смерти; и в удовольствие ни хлеба не ест, ни воды не пьет, доставляя телу только потребное, сколько нужно для поддержания жизни; всякой воли своей отвергается и бывает рассудительным рабом, исполняя все, что ни приказывают ему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этих сказаниях изображено древнее монашество как бы на картине. Старцы-повествователи изобразили с простотою и верностию как изумительное духовное совершенство иночества первых веков христианства, так и разнообразные увлечения многих членов его немощию растленного падением естества. И при верности, соединенной с простотою, которыми отличается эта живопись, — положение древнего монашества, будучи отделено от нас пространством многих веков, остается не довольно ясным, как бы здание, отделенное от взоров густым туманом.

От зрелища, представляемого древностию, обратимся к зрелищу, представляемому современностию. Что должны сказать мы о себе? как жить, как действовать нам? Ответ на эти вопросы находим у древних иноков: они предвозвестили о нашем положении; они и предначертали образ действования в этом положении. «В последнее время, — сказал один из них, — те, которые поистине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать посреди их знамений и чудес, как в настоящее время. Они пойдут путем делания, *растворенного смирением,* и в Царствии Небесном окажутся большими Отцов, прославившихся знамениями»[1]. Какое основательнейшее наставление, какое утешение для нас в этих пророческих словах знаменоносного и духоносного Отца! По причине умножения соблазнов, по причине всеобщности и господства их, по причине забвения евангельских заповедей и пренебрежения ими всем человечеством — необходимо для желающего спастись удаление от общества человеческого в уединение, наружное и внутреннее. По причине иссякновения благодатных руководителей, по причине умножения лжеучителей, обманутых бесовскою прелестию и влекущих весь мир в этот обман, необходимо *жительство, растворенное смирением,* необходимо точнейшее

[1] 4-й Ответ преподобного Нифонта.

жительство по евангельским заповедям, необходимо соединение молитвы с плачем о себе и о всем человечестве, необходима осторожность от всякого увлечения разгорячением, думающим совершать дело Божие одними силами человеческими, без действующего и совершающего Свое дело — Бога. *Спасаяй да спасет свою душу*, сказано остатку христиан, сказано Духом Божиим. Себя спасай! блажен, если найдешь одного верного сотрудника в деле спасения: это — великий и редкий в наше время дар Божий. Остерегись, желая спасти ближнего, чтоб он не увлек тебя в погибельную пропасть. Последнее случается ежечасно. Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтоб по возможности избегнуть влияния его. «Ныне почти нет истинного благочестия,— говорит уже святитель Тихон за сто лет пред сим,— ныне — одно лицемерство»[1]. Убойся лицемерства, во-первых, в себе самом, потом в других; убойся именно потому, что оно — в характере времени и способно заразить всякого при малейшем уклонении в легкомысленное поведение. Не подвизайся напоказ человекам, но втайне для твоего спасения, пред очами Бога,— и очистится твое поведение от лицемерства. Не осуждай ближних, предоставя суд над ними Богу,— и очистится сердце твое от лицемерства. Преследуй лицемерство в себе, изгоняя его из себя; уклонись от зараженных им масс, действующих и намеренно и бессознательно в направлении его, прикрывающих служение миру служением Богу, искательство временных благ искательством благ вечных, прикрывающих личиною святости порочную жизнь и душу, всецело преданную страстям.

[1] Том 14, письмо 13.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Агиографические, апологетические и литературно-поэтические сочинения святителя Игнатия Брянчанинова

Святитель Игнатий Брянчанинов в Николо-Бабаевском монастыре (1861–1867)

Кончина святителя Игнатия

Александр Стрижёв

Агиографические, апологетические и литературно-поэтические сочинения святителя Игнатия Брянчанинова

В «Приложении» к пятому тому публикуется большой массив его рукописных произведений, хранящихся в архивах страны. В научный и историко-богословский оборот вводятся материалы, пополняющие сведения о деятельности Святителя на спасительном поприще пастырского служения, обогащая представления о великом подвижнике Божием как со стороны внутрицерковной, так и со стороны литературно-нравственной и общественной.

Огромное влияние авторитета святителя Игнатия на общественное мнение в масштабах страны уже чувствовалось людьми в его эпоху, в наш же неспокойный век оно востребовано процессом духовного возрождения всей нации, насильственно отторгнутой от живительных источников Православия.

Раздел «Агиографические и апокрифические сочинения» открывается обстоятельным житийным очерком, посвященным схимонаху Феодору, его доблестям и немощам, проявленным на путях искания истины и стяжания в сердце Христовых заповедей. Послушник Димитрий Брянчанинов повествует о жизни подвижника, начиная с его ранних лет, когда он оставил торговые обороты отца ради добродетелей и жизни в Боге. Послушание инока счастливо началось под руководством преподобного Паисия Величковского, великого старца и мудрого наставника монашествующих, управлявшего Свято-Вознесенским Нямецким монастырем в Молдавии. Здесь новоначальный пустынножитель овладевал средствами очищать сердце от скверных помыслов, научался тщательному хранению чувств и сердечному плачу — непременным дарам умного делания. Чтение святоотеческих книг, переписывание уставным

письмом переводов Исаака Сирина, сделанных боговдохновенно самим старцем Паисием, молитвенное устроение и стремление к безмолвию закалили и умудрили подвижника, постепенно подготовили его к постригу в великий ангельский образ — схиму. После кончины старца Паисия схимонах Феодор вернулся из Молдавии в Россию для строгого монастырского устроения в возрождающихся обителях. Ревностный Нямецкий воспитанник побывал в Белобережской и Новоезерской обителях, впрочем, нигде долго не задерживаясь. Чрезмерные его старания нередко оканчивались томлением духа, вспышкой неуживчивости. А ведь в обителях необходимо единение: вся братия — едино сердце, едина душа. Умозрительные и нравственные скитания довели схимонаха Феодора до гранитного острова Валаама, оглашаемого Божественным славословием аскетов-пустынножителей. Здесь, в скитах, за угрюмыми утесами искал себе подвижник безмолвного уединения и, конечно, находил, как обретал отраду для души в единомыслии со своими духовными друзьями, старцами Леонидом и Клеопой. Но смятение и в гранитной твердыне настигало о. Феодора, оно-то и вывело его за пределы Валаама в Александро-Свирский монастырь. В путешествиях ему сопутствовал о. Леонид. В 1819 г. в полуночном краю, где при почти несветимом солнце свирепствует зимний холод, где люди трудом и молитвой воздвигают величественные монастыри и на оселке умного делания оттачивают восприимчивость характера подражать доблестям духовным, они нашли себе безмолвное пристанище. В Александро-Свирском монастыре и скончался схимонах Феодор 7 апреля 1822 г., 66 лет от роду, полностью испив страдальческую Чашу Христову.

Очерк печатается согласно рукописи автора, с сохранением всех его постраничных примечаний и характерных особенностей написания некоторых слов («прикащицкое место», «поткнувшись» и др.).

Важен и следующий материал раздела — вероучительная беседа святителя Игнатия «Лютеранизм». Построен текст на вопросах и ответах, существенно разъясняющих заблуждения Лютера, взявшегося своим учением опровергнуть искажения латинян, а в результате умножившего их заблуждения, отдалив тем самым Германию от истинной Христовой Церкви. Лютеранизм с самого начала осенялся политикой и зыбким знанием Писания, реформатор отвергал свидетельствование веры добрыми делами и суемудро дерзнул утверждать, что душа не оскверняется греховным телом. Перечис-

ляя ложные представления Лютера, искажающие евангельские заповеди, святитель Игнатий особо выделяет еретические по своей сути лжеучения, отвергающие основы святоотеческого учения и Святые Христовы Таинства. Так, критикуя латинян, Лютер усилил их заблуждение об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына, еще больше отторг своих последователей от Христовой Церкви. Не признавая или извращая Святые Таинства, Лютер не признавал и апостольского установления о епископстве, допуская в священстве самочиние, произвольное толкование Писания, отвергая почитание святых икон и святых мощей, молитвенного призывания угодников Божиих и Самой Богородицы. В этой связи святитель Игнатий приводит слова Афанасия Великого: «Кто все это не соблюдает, тот погибнет навсегда». Лишь непорочная Восточная Церковь в цельности и полноте соблюдает все догматы и обряды, потому-то она и есть единая Церковь Христова. Катехизическая беседа Святителя все это излагает в емких и отточенных формулировках, убедительных и непримиримых в отношении еретических учений извратителей Истины.

В разделе «Литературно-поэтические сочинения. Заметки о творчестве» публикуется вдохновенный текст «Воспоминания о Бородинском монастыре», увидевший свет еще при жизни Святителя: впервые напечатан в журнале «Библиотека для чтения» за 1847 год. Произведение невелико, зато преисполнено поэзией и насыщено яркими образами. Посвящено настоятельнице Спасо-Бородинского монастыря Марии (Маргарите Тучковой), а также сестрам обители, решившим отказаться от мира ради молитвенной памяти павших на бранном поле. Здесь «камень скорби земной отвален от сердца» и с помощью Божией каждодневно совершается подвиг самоотвержения. «Воспоминание о Бородинском монастыре» пополнило сокровищницу отечественной поэзии о ратных и молитвенных подвигах русских людей.

Другие сочинения этого раздела печатаются на основе авторской рукописи «Поэтическая тетрадь», хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (Ф. 550), и рукописного фонда П. П. Яковлева (Ф. 425) Российской государственной библиотеки.

Вдохновенная проповедь архимандрита Игнатия «Благополучный день», сказанная им во дворце Великой Княгини Марии Николаевны 15 июня 1848 г. после молебна по случаю обретения ею частицы мощей Преподобного Сергия, также обладает высокими

литературными достоинствами — образным строем речи и духовным пафосом, так необходимыми для проникновенного слова к предстоящим в торжественный день.

Трактат «Христианский пастырь и христианин художник» — запечатленная беседа настоятеля Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия с композитором Михаилом Глинкой, в ней затронуты богословские аспекты искусства, связанные с изображением добра, удовлетворением требований нашего духа, что достигается лишь стяжанием совершенного блаженства. Одаренные талантами люди зачастую растрачивают их на изображение страстей человеческих, о чем по истощении собственных сил и жалеют запоздало. Художнику надо стремиться к познанию Бога, его цель — обогащать евангельским образом мыслей свой ум и евангельскими ощущениями — свое сердце. Только по достижении этой цели сочинитель озарится святым вдохновением и творения его облагоухает святая благодать. Эти мысли пастыря Христова чрезвычайно важны для определения творческой позиции художника в наше время, когда злое начало в искусстве крикливо главенствует и в живописи, и в музыке, и в словесности. Божия красота — в добром начале, и беспретткновенный поворот к нему освежит творческие силы, поможет воспрянуть утомленным душам, и благоговение, соединенное с живым явлением величия Божия, остановит ложное движение ума.

Свой взгляд на характер искусства Святитель подкрепил собственными поэтическими творениями, включив их в состав «Аскетических Опытов». Его стихотворения в прозе — поистине шедевры в этом жанре, и они издавна полюбились благочестивым читателям. В настоящем томе дано еще несколько образцов такого рода брянчаниновских текстов. Среди них имеются и рифмованные его стихотворения, может быть не столь совершенные, как поэтические этюды, но все же вполне удачные. Сам Святитель эти стихи свои не включал в избранное, но берег и даже переписывал в особую тетрадь. Ведь при его требовательности к писательскому мастерству, к точной передаче на письме собственной мысли и художественного образа кое-что и не попадало в разряд окончательно обработанных текстов.

Значительный интерес представляют педагогические «Уроки словесности», рассчитанные на преподавание грамматики в духовно-учебных заведениях. Основные понятия словесности Святитель определяет предельно кратко, но всесторонне, иллюстрируя примерами из нравственного поучения. Он настаивает,

чтобы в учебниках не содержалось ничего ущербного и языческого, ничего, что мешает возрастанию души. Этого же принципа необходимо придерживаться и при создании учебников для светских училищ. Из всех русских грамматик, созданных к тому времени, начиная с Ломоносовской, святитель Игнатий за основу берет лишь одну — «Грамматику» А. Х. Востокова, как итоговую и во многом образцовую. Но и в нее он вносит существенные поправки к правилам и характеристикам. Его «Уроки словесности», по существу, готовая вводная глава для образцового учебника по грамматике и стилистике, причем весь материал продуман и написан безупречно. Педагогические воззрения Святителя — отдельная тема, и ее можно раскрыть лишь в свете всего духовно-нравственного его учения.

В этой связи исключительно важно понять суть брянчаниновского отзыва на выход в свет книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В письме к своей духовной дочери, бывшей ученице Гоголя М. П. Вагнер, архимандрит Игнатий, в ту пору настоятель Троице-Сергиевой пустыни, пишет, что автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» с горячностью сердца обратился к Богу, но для религии этого мало. Надо познать истину без примеси всего ложного и поддельного, надо по Евангелию выправлять свои мысли и чувствования, только тогда вступишь в чистоту. Но для писателя и этого мало: ему необходимо, чтобы чистота оживлялась, вдохновлялась и просвещалась Духом Святым; без этого вдохновение издает и свет и тьму. Гоголь, узнав мнение духовного лица, сослался на состояние умов современного ему общества, прозябающего в неверии, но в целом он согласился с замечаниями архимандрита Игнатия. В нашем издании дан подлинный текст письма, к нему подверстан еще и развернутый комментарий известного гоголеведа И. А. Виноградова, специально изучавшего этот вопрос. Конечно же, отзыв Святителя совсем не филологического, а целиком духовно-нравственного характера и во многом относится к учительно-нравственной и воспитательной проблеме.

Материалы раздела замыкает специальная статья «Святитель Игнатий и проблема творчества». Ее автор — известный литературовед, доктор филологических наук А. М. Любомудров.

Отдельным разделом в Приложении публикуется запись о достопримечательном видении паломника Сергиевой пустыни. Рассказан сон лично архимандриту Игнатию. Во сне том представлена картина мытарств душ нечестивых людей, живших в окаянстве.

Картина страшная: души те извивались над пропастью и падали под хохот бесов. Между тем души праведников высоко поднимались к небу, вызывая беспокойство вражьей силы. А когда на мытарствах оказалась душа Архимандрита, то небесное облако расступилось, и в нем показался Преподобный Сергий в сиянии необыкновенного света и посреди необыкновенного сада. Он-то и принял с радостью Архимандрита в свои небесные обители за то, что достойно послужил Богу, и за то, что оправдал заботу о нем самого Сергия, чью земную обитель Архимандрит так долго покоил. Сказание, несомненно, с биографическим подтекстом, повествует о конкретном сне конкретного человека. При жизни Святителя оно не подлежало публикации, а теперь, после его прославления, приобрело особый пророческий оттенок.

Жизнь схимонаха Феодора[1]

Полезно и приятно рассматривать прошедшее: время, уничтожая влияние пристрастий, обнаруживает и мрачность зла, и свет добродетели. Таким образом деяния предков соделываются лучшим наставлением для потомков. Вот цель, с которою предлагается здесь жизнеописание схимонаха Феодора.

Он родился в 1756 году в городе Карачеве Орловской губернии от благочестивых и правоверных родителей, принадлежавших к купеческому сословию. Потеряв отца в младенчестве, был отдан материю в дом Карачевского протоиерея для обучения Российской грамоте и церковному пению. Дитя, руководимое добродетельным протоиереем, ходило часто в церковь, читало нравоучительные книги, и, мало-помалу знакомясь с Богом, возлюбило Бога. Когда Феодор достиг юношеского возраста, родительница взяла его обратно к себе в дом, и он должен был по ее приказанию заниматься торговлею. Но любовь Божия и любовь мирская не могут жить вместе в сердце человеческом; не может оно работать в одно время двум господинам — Богу и миру: если одного возлюбит, то о другом нерадети начнет[2].

Так случилось и с Феодором: занимаясь торговлею в продолжение двух лет, он не мог к ней привыкнуть. И потому оставляет родительский дом и, никому не открыв своего намерения, уходит в Площанскую пустыню, лежащую в 80 верстах от Карачева. Обителью управлял добродетельный и довольно искусный старец Серапион; братия в ней была благонравна и чин церковного служения стройный. Однако мать Феодорова скоро узнала о его местопребывании; водимая родительскою любовию, столько естественною, она спешит в пустыню, видит там сына, принуждает его возвратиться в Карачев и заниматься опять торговлею. По времени он уходил в другую пустыню — Белые берега; но и здесь был отыскан и возвращен в Карачев к своей лавочке.

---

[1] ОР РГБ. Ф. 425 (П. П. Яковлев). К. II. Ед. хр. № 9. Л. 16 об. || [2] Мф. 6. 24.

Утомленный препятствиями, думая, что намерение его монашествовать Богу неугодно, Феодор решился пещись о своем спасении посреди мира. Он принимал странных, подавал милостыню нищим, услуживал больным, ходил в церковь почти ко всякой службе и занимался чтением Отеческих книг. Между тем в городе открылось выгодное прикащицкое место у некоторой вдовы — женщины престарелой и простодушной; на оное приглашен был Феодор, и, поелику хозяйка сама не могла заниматься торговыми оборотами, то все управление дел [было] вручено ему. Вдова была матерью четверых дочерей, уже взрослых. Юноша, обращаясь беспрестанно с женским полом, ощутил в сердце порочную страсть... Не станем оком любопытства измерять глубину его падения. Скажем только, что, вступая в брак, он принес в сие новое состояние и некоторую укоризну в совести. Движимый раскаянием, сопровождаемым глубокою печалию, он удваивает прежнее усердное служение странным и прочие добрые дела, которые во время расстройства душевного были им почти забыты. Но печаль не престает снедать его сердце. Что ж делает Феодор? — Решается на поступок необыкновенный и, по общественному порядку, неправильный. Он отправляется для богомолья в Киев, взяв с собою денег четыре рубля с полтиною, и, поклонившись мощам угодников Печерских, идет к тогдашним границам с Польскою Подолиею, переходит оные и устремляется в Молдавский Свято-Вознесенский Нямецкий монастырь.

Сей монастырь находится ниже Ясс, в 120 верстах от оных, при подошве Карпатских гор. В нем было тогда около 700 братий из различных народов, а настоятелем — россиянин, уроженец Полтавский, архимандрит Паисий Величковский, имевший большие природные способности и превосходное монашеское образование. Сначала он безмолвствовал в Афонской Горе с другим единомудренным братом, отыскивал в тамошних библиотеках Отеческие книги и прочитывал их с глубоким вниманием. Чем более вникал он в сии книги, тем более убеждался в необходимости умного делания, которое предписано нам во Святом Евангелии, которым занимались все святые и без которого, как говорит великий Варсонофий, суетны подвиги телесные. Паисий, возложась на помощь Божию, занялся умным деланием, и так успел в оном, что удостоился благодатных даров, подобно монахам древних времен; в особенности раскрылось в нем отличное дарование руководить ближних к духовной жизни. Многие Афонские иноки начали с ним советоваться и получали

пользу; от сего возрастала к нему доверенность и число приверженных. Доверие мало-помалу превратилось в безусловное послушание. Тогда необходимость принудила Паисия и чад его составить правильное общество по уставам иноческим, для чего с дозволения турецкого правительства они переселились из Святой Горы в Молдавию, сперва в запустевший монастырь Драгомирну, а оттуда в Нямецкий. Порядком и добродетельною жизнию братии обитель Нямецкая напоминала общежития Тавенисиотские и киновии Феодосия и Саввы. Паисий был полезен не только для одного монастыря своего, но и для Церкви. Он перевел с еллино-греческого на славянский язык многие Отеческие книги, как то: Добротолюбие, святого Исаака Сирианина, святого Симеона Нового Богослова, Варсонофия Великого, Иоанна Лествичника. Сии переводы, хотя по древнеобразному слогу и затруднительны, но тем драгоценны, что с чрезвычайною точностию выражают деятельные мысли Отцов и сохраняют всю силу подлинников.

Когда Феодор пришел в Молдавию, Паисий был уже лет весьма преклонных. Изможденный трудами и болезнями, он редко выходил из келлии. Приближенные его не соглашались принять Феодора по многочисленности братства и по затруднительному содержанию. Странник находился в крайности: деньги, при нем бывшие, истощились; летнее платье, в котором вышел из Карачева, обветшало от путешествия; наступила зима. Он было решился идти обратно в Россию и просил, чтобы допустили его по крайней мере принять благословение старца. Сие позволено; Паисий, увидев рубище и жалостное положение юноши, прослезился, утешил его, присовокупил к своему стаду, строго запретив, чтоб впредь никому не отказывали без его сведения.

В обители находилось шесть духовников; каждый имел у себя назначенное число братий, которых он обязан был исповедывать, наставлять в духовной жизни и помогать им в сердечных бранях. Из сих духовников опытнейшим почитался иеросхимонах Софроний, по кончине Паисия управлявший Нямецким монастырем. Софронию был вручен Феодор для душевного назидания, а для трудов монастырских определен в хлебню. В общежительном монастыре печение хлебов есть тяжелое послушание по многолюдству братии и по обычаю общежитий предлагать пищу всем богомольцам, коих иногда бывают тысячи. Проведши несколько дней в хлебне, Феодор видит сон: ему представился широко разложенный огонь, пред коим стояло множество людей, как будто приго-

товленных к истязанию. В числе прочих был и он. Внезапно явились некоторые необыкновенные мужи, похитили его из среды множества и ввергнули в пламя. «Отчего бы, — размышлял он, — из толикого числа я один брошен в сей свирепый огнь?» — «Так угодно Богу», — отвечали мужи. Сие сонное видение Феодор рассказал старцу Софронию, который истолковал оное следующим образом: обширным пламенем означается горнило искушений, куда ввергаются иноки, отлучающиеся мира, дабы работать единому Господу. В обители Нямецкой сохранялся обычай древних времен, по которому всякий, вновь вступающий в монастырь, должен был исповедать духовнику все грехи, соделанные от младенчества. И в самом деле, весьма прилично начинать поприще покаяния и плача о грехах исповеданием грехов; притом наставник, узнав наши слабости и поползновения, удобнее может нас исправлять, предохранять и руководить. По сему обычаю Нямецкого монастыря Феодор исповедал старцу Софронию все грехи, соделанные во всю жизнь, и был отлучен на пять лет от причащения Святых Христовых Таин. Феодор впоследствии сказывал: «С таким тщанием исповедывал меня старец, что сия первая исповедь продолжалась более часа».

Когда усмотрели в Феодоре б́ольшую горячность к подвигам, то перевели его из хлебни в пчельник, над которым главный надзор имел весьма строгий старец. Здесь, кроме телесных трудов, должно было переносить частые укоризны. В сем послушании он находился два года; потом сделали его помощником в просфорне в монастыре Секуле, который стоит от Нямецкого в 12 верстах, и от оного тогда зависел, так [же,] как и многие другие скиты и пустыни. Одна из таковых пустыней была на потоке Поляна Ворона в 5 верстах от скита того же имени. В ней жили два друга: иеросхимонах Николай и схимонах Онуфрий, уроженцы Черниговские, привлеченные из России в Молдавию слухом о высоких достоинствах Паисия. Они шли путем царским, что в монашеском смысле означает благоразумную умеренность в подвигах и взаимный совет двух или трех иноков, вместе безмолвствующих. Таковое название почерпнуто из слов Царя верных и Царя всех Господа Иисуса Христа: *Идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*[1]. Николай наблюдал в постоянном молчании за своим сердцем; Онуфрий по благословению настоятеля принимал братий, приходивших к нему для душевного назидания. Оба старца были уже в летах;

[1] Мф. 18. 20.

а Онуфрий притом чувствовал большую слабость и боль в желудке, который он расстроил в юности неумеренным постом. Архимандрит обратил внимание на старость и болезненное состояние Онуфрия и, дабы оказать ему вспоможение, повелел молодому, наделенному хорошею телесною силою Феодору переселиться в пустыню на поток Поляну Ворону и услуживать старцам.

Таким образом Феодор переходит от послушания к послушанию. До сих пор он упражнялся в телесных трудах и повиновался телесно, то есть в телесных трудах следовал не своей, но ближнего воле; теперь он начал знакомиться с послушанием духовным, то есть мыслить и чувствовать не по своей воле, но по указанию ближнего. Если телесное послушание затруднительно и болезненно, то сколь труднее и болезненнее оного послушание мысленное и духовное? Если первое делает человека благонравным, то второе не сделает ли его святым? В наши времена известно более послушание первого рода; а святые Отцы заповедуют и похваляют более послушание второго рода, от коего первое само по себе истекает. Они его называют духовным мученичеством, распятием своей воли, скорейшим, удобнейшим, правильнейшим путем к достижению святыни, последованием Спасителю, Который был послушлив до смерти, *смерти крестныя*. От сего послушания рождается болезненное сердечное чувство, называемое плачем, и мысль в сердце, постепенно охладевая ко всему временному, начинает непрестанно притекать и припадать к Богу, в чем и состоит начало истинного умного делания.

Пустынное уединение доставило Феодору возможность исповедывать все помыслы и чувствования старцу Онуфрию, который имел о нем отеческое попечение. Узнав собственным опытом, что неумеренное воздержание столь же вредно, как и невоздержание, он убеждал ученика своего не возлагать упования единственно на телесный подвиг, но, обременяя тело умеренно, все старание обращать к очищению сердца, из коего, по слову Спасителя, исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, татьбы и прочее зло, оскверняющее человека (Мк. 7). Сии пустынники имели прекрасный обычай приобщаться ежемесячно Святых Христовых Таин, для чего они ходили в скит. Когда однажды по сей причине Феодор пошел в скит, — напали на их пустыню разбойники, похитили небольшое количество съестных припасов и прибили обоих старцев столь жестоко, что они едва могли выздороветь чрез продолжительное время. Потом Феодор занемог сильною горячкою, был

почти на краю гроба и с трудом пришел в прежние силы. Промысл Божий посылает скорби рабам своим и скорбями искушает их верность.

Протекли 5 лет по пришествии Феодора на поток Поляну Ворону, и старец Онуфрий, отягченный летами и болезнями, скончался. Кончина его была довольно тяжелая: 12 часов он томился и произносил как бы ответы на различные вопросы. Некоторые опытные старцы предполагали, что попущено было ему грозное истязание за излишнюю строгость над теми, кои советовались с ним о своих душевных недугах. Когда же чрез 3 года, по тогдашнему обычаю Нямецкого монастыря, осмотрели его тело, то нашли главу и перси нетленными во свидетельство спасения. По смерти Онуфрия Феодор жил в пустыне с Николаем полгода; потом переместились они оба в Нямецкий монастырь.

Около сего времени переведена архимандритом Паисием книга святого Исаака Сирианина, которую Паисий по ее духовному достоинству называл избранным златом. В ней с особенною ясностию и подробностию изложено, каким образом душа очищается Христовыми заповедями, каким образом Благодать Божия Сама Собою вселяется в чистые души и ознаменовывает свое вселение различными действиями, как то: непрестанною молитвою, всегдашними слезами, необыкновенною радостию, не зависимыми от внешних обстоятельств. Паисий весьма желал распространения сей книги, ибо большая часть монахов нынешнего времени, не зная, что в науке монашества есть свое введение, начало, средина и конец, тотчас ищут раскрыть в себе благодатные действия (как будто Бог подчинен воле человеческой!), не позаботясь наперед сделать сердце способным к приятию Божества. От сего неправильного действования, основанного на ложных понятиях, обыкновенно рождаются двух родов последствия: или бесплодность, или плоды ложные вместо плодов истинных.

Братия Нямецкой обители по доверенности к настоятелю и по собственному признанию с большим усердием переписывали книгу святого Исаака Сирианина. Николай и Феодор также переписали оную для себя уставным письмом. Паисий, желая оказать услугу и Российскому монашеству, приказал Феодору вторично переписать упомянутую книгу с особенным тщанием на хорошей бумаге и отправил оную к Высокопреосвященнейшему Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, убеждая его, дабы повелел оную напечатать и разослать по монастырям Рос-

сийским. Неизвестно, получена ли сия книга Архипастырем. Впоследствии некоторый богобоязливый житель Москвы дарит Феодора книгою, в которой сей узнает сочинение святого Сирианина, им переписанное для Высокопреосвященнейшего Гавриила по повелению Паисия и подписанное рукою сего старца.

Между тем безмолвный Николай начал весьма ослабевать от старости и болезней. Он чувствовал необыкновенный холод во всем теле и большую часть времени проводил на постели. Феодор служил ему с особенным усердием, целовал его руки и ноги и, раскрывая свои недра, оными согревал охладевшие члены старца. Николай умер весьма тихо в объятиях Феодора, и когда чрез три года осмотрели умершего, то нашли его совершенно нетленным. Феодор, продолжая заниматься различными трудами, жил в Нямецком монастыре до 1801 года. Вслед за Николаем скончался архимандрит Паисий, коего преемником в управлении избран старец Софроний, лишенный зрения и согбенный под бременем лет, но богатый духовными дарованиями. Сей новый настоятель весьма любил Феодора и, видя его ревность к подвигам иноческим, постриг его в схиму.

В 1801 году вступил на престол Российский Государь Император Александр Павлович. Милостивый Манифест, им обнародованный, дозволял свободное возвращение в Россию бежавшим из оной. Сие дозволение Российского Монарха подало мысль архимандриту Софронию, родом также россиянину, пересадить несколько лоз из Нямецкого виноградника в отечество, дабы и отечество воспользовалось духовными трудами и дарованиями Паисия. В числе прочих назначено и Феодору оставить Молдавию. Какие же богатства понес с собою инок сей из Нямецкой обители? Какое направление получил он от жительства с Паисием?

Природа одарила Феодора здоровым и крепким телосложением, которое при содействии горячего нрава обыкновенно располагает человека к деятельности и подвигам. И Феодор любил нестяжание до нищеты, бдение, продолжительные стояния на молитве, труды телесные, пост, строго наблюдая оный и в качестве и количестве пищи. Притом ему известно было, что очищается душа единственно заповедями Христовыми, а не телесными трудами, кои, утомляя плоть, облегчают нам исполнение заповедей Христовых. И потому с большим усердием ходил за больными, принимал странных и совершал прочие дела милосердия. Еще в нем было важное достоинство: он выдержал жестокую войну

с плотскою страстию и, получив опытность в сей войне, мог пользовать других советами.

Многие Российские монастыри отставали благоустройством от Нямецкого: в них и церковное Богослужение совершалось с меньшею стройностию, и относительно пищи делались от устава некоторые, впрочем малозначащие, отступления, и самые монахи недовольно имели понятия о истинной духовной жизни, занимаясь почти исключительно телесными трудами. Кажется, такое состояние некоторых монастырей и монахов российских, с которыми встретился Феодор по возвращении из Молдавии, имело не безвредное влияние на Феодора, жившего продолжительное время в обители благоустроеннейшей и посреди искуснейших монахов того времени. Поистине тесен путь, ведущий в живот: ибо, с одной стороны, стесняют его наши неправды, а с другой — самые правды, когда они сопряжены с осуждением ближнего.

Путешествие Феодора из Молдавии в Россию наставительно. Деньги, данные ему на дорогу и попечение о своем теле, он вручил безотчетливо спутникам и в путешествии пребывал как бы в келлии, не заботясь ни о чем суетном и непрестанно занимаясь Богомыслием. Так достиг он Орла и, по назначению тогдашнего епископа Досифея, поместился в Чолнском монастыре. Его супруга была еще в живых, но Феодор отказался от свидания с нею, и вообще, узнав собственным горестным опытом, сколь человек удобопреклонен ко греху, наблюдал большую осторожность от женского пола: он, хотя и принимал к себе в келлию жен, однако никогда не беседовал с ними без свидетеля, и учеников своих обучал тщательному хранению чувств, в особенности зрения, каковым хранением избегаем многих искушений. Чолнский монастырь имеет штатное положение; Феодор, пожив в оном короткое время, рассудил переместиться в Белобережскую общежительную пустыню, начинавшую тогда приходить в цветущее состояние под управлением строителя Леонида, его духовного друга. Обители сей и ее настоятелю Феодор оказал большую услугу своими познаниями в монашеской жизни, примером и советами. Им руководимый строитель с полным отречением самолюбия завел в монастыре общежитие в настоящем его смысле. Каковая была одежда на начальнике, точно таковая же на последнем послушнике; выходили братия на труды, начальник был впереди их, и ко всякой работе рука его прикасалась прежде всех других. Церковное служение совершалось с глубоким благоговением, со всеми чтениями на все-

нощных бдениях и утренях, со всею стройностию, столько приличною Богослужению. Трапеза была общая; во время оной соблюдалось молчание, прерываемое только душеполезным чтением чередного брата, учрежденным к поддержанию в ненарушимости молчания.

Но для общежития мало того, чтоб трапеза была общая, труды общие, одежда одинаковая, — нужно сердце едино и душа едина.

Для достижения сего Феодор приучал братию к соблюдению животворящих евангельских заповедей, приучал благословлять клянущих, никого не осуждать, подвизаться втайне, миловать, веровать, молиться, претерпевать до конца, прощать, дабы быть прощенным. Довольно ли сего для истинного духовного единения? — Услышим, что скажет нам Евангелие, или лучше, что скажет Господь Иисус Христос, чрез Евангелие говорящий. *Имеяй заповеди Моя*, научает Спаситель, *и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим; и Аз возлюблю его и явлюся ему. Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим*[1]. Тот, в чьем сердце обитает самая Любовь, Господь Иисус Христос, за грешников распятый, за распинателей молившийся, о убийцах Своих плакавший, — тот может ли не вмещать в сердце своем всех ближних и по любви не быть с ними едино? Высокая степень, на которой стояли величайшие святые! Крайняя ступень лествицы, возводящей от земли на небо, к которой посредствующими ступенями служат все прочие добродетели! Кто желает стяжать единение с Богом и ближними, да стяжет Христа; кто желает стяжать Христа, да привлекает Его в себя точным, по возможности, соблюдением Его святых заповедей; кто желает научиться соблюдению Его заповедей, да прочитывает часто с живою верою Евангелие Христово. Феодор каждый день читывал определенное число глав из Святого Евангелия; читал он прочие книги, монашескому чину соответствующие, но чтение Евангелия повторялось непременно каждый день, как повторяется каждый день употребление пищи. Священнейшая книга сия стояла в келлии Феодора вместе с иконами, и он говаривал: «В Евангелии сокровен Христос; хотящий найти Его обретает Его в Евангелии».

Феодор имел весьма хорошее понятие и о догматах. Сам не читал и ученикам строго запрещал читать еретические книги, — даже не терпел, чтоб в келлии его было какое-либо сочинение, содержащее

[1] Ин. 14. 21–23.

в себе лжеучение о Божестве: «Не хочу, — повторял он слова святого Кириака, — не хочу врагов Божиих иметь в своей келлии».

Во время болезни принудили строителя Леонида уклониться от настоятельской должности. Устроив за монастырскою оградою, в лесу, безмолвную хижину, он переселился туда с другом своим Феодором; они жили там три года; но, тревожимые беспрестанно посетителями, решились избрать для своего уединения место, где бы они были сколько можно менее известны. С сею целию в 1811 году Феодор с дозволения епархиального начальства вышел из Белых берегов и пустился к Новоезерскому монастырю, находившемуся в восточном конце Новгородской епархии, тогда управляемому добродетельным игуменом Феофаном. Под ведомством Новоезерского монастыря состоял скит преподобного Нила Сорского, основанный сим угодником Божиим в XV веке, — место весьма безмолвное, окруженное лесом, далеко отклонившееся от мирских селений. Посреди обители стоит деревянная простенькая церковь; кругом оной раскинуто несколько убогих хижин, в коих иноки, по уставу основателя, проводили пять дней недели, занимаясь молитвою, слезами и рукоделием, а в субботу и воскресение стекались в храм для служения Божественной Литургии и для Святого Причащения. В скиту всегда употреблялась постная пища, и вход в оный женскому полу был совершенно воспрещен, как обыкновенно во всех скитах водится. Полюбилось сие место Феодору; равно и Феофану желалось поместить в скит Феодора, как мужа давно ему известного с весьма хорошей стороны. Феофан написал по сему предмету к Высокопреосвященнейшему митрополиту Амвросию письмо, с коим Феодор и отправился в Санкт-Петербург. Не возвестилось митрополиту исполнить просьбу старцев: он рассудил лучше послать Феодора в Палеостровскую обитель, лежащую на острове Онежского озера и тогда возобновляемую.

Палеостровская обитель возобновлялась: строитель оной был человек усердный, имевший значительный капитал; он поправлял, как умел, монастырское строение, учреждал хлебопашество, скотоводство, расчищал покосы. Вскоре образ жизни Феодора показался для него странным и отяготительным; вскоре и Феодор увидел, что ему несовместно жить в Палеостровской обители, в которой устроятся только одно хозяйство, а существенное устроение монастыря упущено. Он томился духом, и наконец, когда был принуждаем вкушать молочную пищу в понедельники, вторники

и четвертки, противно правилам схимонахов, воспротивился строителю. Родилась ссора. Строитель начал жаловаться начальству, которое погрозило Феодору лишением монашеского чина. Два года терпел Феодор различные притеснения в Палеостровской обители и слышал повторяемые угрозы начальства по донесениям настоятеля о неповиновении подчиненного. Опасаясь, чтоб сии неприятности не окончились чем-либо еще более неприятным, он решился идти к Митрополиту для личного объяснения, и был переведен в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, однако с запрещением носить в продолжение года рясу и камилавку за самовольное отлучение из Палеострова.

Феодор прибыл в Валаамский монастырь в начале 1813 года. Еще прежде его переселились в сию обитель из Белобережской иеросхимонахи Леонид и Клеопа, выходец Нямецкий, со многими другими учениками Феодора. При Валаамском монастыре находился скит, подобный скиту преподобного Нила Сорского; в оный помещен был Феодор и духовные друзья его. Бесспорно, Валаамский монастырь, коего основание относят ко временам равноапостольной княгини Ольги, должен занять после Соловецкой обители первое место между монастырями Российскими по удобности к строгой монашеской жизни. Гранитные скалы, подымаясь из глубокого и широкого Ладожского озера, образуют несколько разделенных между собою проливами островов, из коих на главнейшем, имеющем в окружности около 25 верст, стоит уединенная обитель, устранившаяся на край России от суеты мирской, день и ночь оглашаемая Божественным славословием. Ближайший берег в 30 верстах; озеро очень бурно, в особенности весною и осенью; по сей причине, равно и по отдаленности от Петербурга, посетителей бывает мало; обитель к содержанию имеет прочные средства; устав монастырский строг; церковное служение продолжительно; убогая одежда, простая трапеза для всех одинаковы; трудных послушаний довольно; братство многолюдное: Валаам с высоких пустынных утесов сзывает в свое недро всех ревнителей строгого подвижничества и безмолвия. Кажется, Феодор мог бы найти здесь давно желанное успокоение; — случилось иначе.

И здесь грех отыскал себе пристанище; и здесь для ссоры нашлась пища; и здесь строгое, может быть даже излишне строгое, наблюдение Отеческих преданий вооружилось противу заповеди евангельской. В Валааме взошли в употребление при церковном служении некоторые поклоны, не предписанные церковным уставом; также

поставлялось на трапезе постное масло в некоторые постные дни, в кои в обители Нямецкой предлагался только сок конопляный. Сии упущения и оным подобные строго осуждал Феодор и, стремясь к исправлению таковых упущений, нарушил общий мир и спокойствие. Чем затмилось в его сердце сияние заповедей Христовых? Чем заглушен был глас Спасителя: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*[1]; *О сем разумеют все, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою*[2]? Какой мысленный тать украл из его памяти духовно-мудрое наставление старца Софрония[3], советовавшего и умолявшего предпочитать всякой правде правду евангельскую? — Многие из братий разделили мнение Феодора; весь монастырь объяло смущение, и духовное начальство, дабы прекратить беспорядок, принуждено было вывести схимонаха из Валаамского монастыря в Александро-Свирский. Сие случилось в 1819 году. Феодору сопутствовал верный друг его Леонид; Клеопа за несколько времени до сего окончил свое земное течение.

Оставив строгую обитель, Феодор не оставлял строгого жительства, доколе не изменили ему телесные силы. В 1821 году почувствовал он сильную простуду, которая расслабила все тело и причиняла сильную головную боль. Феодор переносил болезненные припадки с терпением и благодарением, часто произнося сии слова: «Слава Тебе, Боже мой! Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты наказуешь меня в сем временном веке!» — Болезнь сия была к смерти, продолжалась полтора года, измождила его тело, умягчила дух. Заметили, что он сделался для учеников своих снисходительнее, и вообще во всех случаях оказывал гораздо более милосе́рдия, нежели прежде. Однажды у окошек его келлии собрались дети играть; Леонид, услышав шум и зная постоянную приверженность Феодора к безмолвию, хотел прогнать детей. Феодор остановил его, сказав: «Их гласы кажутся мне гласами Ангелов».

Феодор скончался тихо в пятницу на Светлой неделе в 9 часов вечера 1822 года, будучи 66 лет от роду, сподобившись Пречистых Христовых Таин и святого Елеосвящения[4]. За день до кончины пришел он в некоторый род забывчивости — и видит себя в каком-то большом храме, в котором совершается Богослужение, и на обоих крылосах стоят мужи в светлых белых одеждах. Один из сих

[1] Ин. 14. 27. ‖ [2] Ин. 13. 35. ‖ [3] Старец Софроний в весьма трогательном письме, носящем печать духовного помазания, советует Нямецким воспитанникам в России уклоняться всячески распрей о уставе и сохранять любовь и согласие. ‖ [4] По индиктиону в 1822 году Пасха 2 апреля, следовательно, кончина 7 апреля.

мужей сходит с правого крылоса и, приближась к Феодору, говорит: «Феодор! время тебе отдохнуть, приходи к нам». Феодор, узнав в сем муже покойного иеросхимонаха Николая, очнулся.

Благочестивый читатель! В сем жизнеописании беспристрастно обнаружены тебе и доблести и слабости старца: подражай доблестям, не осуждай слабостей. Что свойственнее немощи человеку? Кто может похвалиться безгрешием? Кто прошел весь путь жизни, никогда не поткнувшись? — Однако, видя духовного мужа, укрепленного прочным монашеским воспитанием и долговременными опытами, омрачаемого и колеблемого грехом, не должны ли мы за себя устрашиться?

Точно, — страх да будет во всю жизнь нашим спутником, а руководителем упование на Бога. Сии два пестуна могут благополучно привести нас ко вратам Царствия Небесного, которые да отверзет милосердый Господь всякому толкущему прилежными молитвами и смиренным сознанием своих недостатков.

Аминь.

Лютеранизм[1]

На вопрос — ответ Настоятеля Сергиевой пустыни отца архимандрита Игнатия (Брянчанинова)

1 марта 1844 года

Вопрос. Что есть лютеранизм?

Ответ. Лютеранизм есть учение Лютера и его последователей по отношению к христианскому вероисповеданию.

Вопрос. С которого времени начался лютеранизм?

Ответ. Лютер начал обнаруживать свои мнения с 1517 года по Р. Х.

Вопрос. Нужно ли было установление лютеранизма для спасения человеков?

Ответ. Самое время его установления доказывает, что он не нужен. Если Христово учение достаточно было для спасения человеков в продолжение 15 столетий, то к чему лютеранизм? Если же признать лютеранизм учением нужным, то сим самым

[1] ОР РГБ. Ф. 425 (П. П. Яковлев). К. I. Ед. хр. 2.

по необходимости должно признать, что первоначальное учение Христовой Церкви было недостаточным для спасения, что явная нелепость, богохульство.

Вопрос. Но Римская Церковь, к которой принадлежал Лютер, находилась в заблуждении; почему спасение в недрах ее было весьма сомнительным. Что же сделал худого Лютер, отвергнув заблуждения Рима?

Ответ. Точно, в Церковь Римскую вкрались многие заблуждения. Хорошо бы сделал Лютер, если б он, отвергши заблуждения латинян, заменил сии заблуждения истинным учением Святой Христовой Церкви; но он заменил их своими заблуждениями; некоторым заблуждениям Рима, весьма важным, вполне последовал, а некоторые усилил.

Вопрос. Чему, например, он последовал, и что усилил?

Ответ. Последовал учению о слиянии Святой Троицы, как выражается Константинопольский Патриарх Иеремия, удержав в Символе веры учение латинян, принятое Римом в IX веке по Р.Х. о исхождении Святого Духа от Отца и Сына; между тем как сие лжеучение было главною причиною отторжения Запада от истинной Христовой Церкви, сохранившейся и сохраняющейся во всей чистоте своей на Востоке. Последовал Лютер заблуждению латинян по отношению к совершению таинства Святого Крещения, которое по сознанию самих латинян совершалось на Западе до XII столетия при троекратном погружении, а не обливании. В Евангелии от Матфея, глава 28, ст. 19, где Господь заповедует ученикам Своим научить все народы, крестя их, употреблено в греческом тексте слово βαπτίζοντες, что по-русски значит *погружая.*

Сие слово употреблено и в прочих местах Нового Завета на греческом тексте, где говорится о крещении.

Усилил Лютер заблуждение латинян относительно Божественного Таинства Евхаристии. Латиняне в XII столетии заменили первоначальную свою Литургию новою, в которой отменили призывание Святого Духа и молитву о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. По сей причине латиняне лишились сего великого Таинства, как отвергшие существеннейшую часть Литургии. Лютер отверг вовсе Литургию, говорит: «Хлеб пресуществляется во рту у причащающегося верою!»

Заменил Лютер заблуждения латинян своими: он, с запальчивостию отвергая беззаконную власть пап, отверг и законную, отверг самый сан епископский, самую хиротонию, несмотря на то,

что установление того и другого принадлежит самим Апостолам, без всякого сомнения по завещанию Самого Господа.

Равным образом, отвергши индульгенции, он отверг и Таинство Исповеди, хотя все Священное Писание свидетельствует, что невозможно получить отпущение грехов без исповедания их.

Лютер вовсе отверг добрые дела, уверяя, что для спасения достаточна одна вера, хотя б дела ей не соответствовали. Поелику же святой апостол Иаков в соборном Послании своем с особенною ясностию излагает, что для спасения необходима вера, свидетельствуемая делами, то Лютер отверг соборное Послание апостола Иакова.

Лютер в одном из писем своих говорит: «Душа совершенно не участвует в тех сладострастных делах, которым предается тело; она ими нисколько не оскверняется». Лютер спросил однажды свою супругу, если можно назвать супружеством союз расстриженного монаха с расстриженною монахинею, почитает ли она себя святою? Когда Катарина отвечала, что она, будучи грешницею, не может почитать себя святою, Лютер воскликнул: «Вот! каково проклятое влияние папизма! Мы все верою — святы!»

Вопрос. Нет ли еще других заблуждений в учении Лютера?

Ответ. Довольно; но бóльшая часть их принадлежит не Лютеру собственно; они суть повторения ересей древних и новых, бывших прежде Лютера. Например, он отвергает почитание святых икон, святых мощей, призывание святых угодников Божиих и Самой Божией Матери; отвергает все Таинства, кроме Крещения и Причащения, кои им искажены; отвергает все вообще предания, ложно толкует Священное Писание, предоставляя каждому толковать его по собственному разумению и произволению, хотя святой апостол Петр ясно говорит, что «никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою, ибо никогда пророчество не было произносимо по произволу человеческому, но изрекали оное святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым»[1].

Все сии заблуждения, будучи все вместе взяты, не только противны единой истинной Святой Церкви, но и содержат в себе многие тяжкие хуления на Духа Святого.

Вопрос. Можно ли спастись тому, кто содержит учение Лютера?

Ответ. Кроме того, что сие уже ясно из всего вышесказанного, прочитаем в ответ начальные слова Символа, сочиненного

---

[1] 2 Пет 1. 20, 21.

святым Афанасием Великим: «Кто хочет спастись, тот должен прежде всего содержать кафолическую веру, коей если кто не соблюдет в целости и непорочности, тот несомненно погибнет навсегда».

Вопрос. Что побудило Лютера предаться столь сильным заблуждениям, и что служило поводом к столь сильному распространению его учения?

Ответ. Лютер был увлечен, с одной стороны, резкими злоупотреблениями папской власти, а с другой — неукротимым своим нравом. Противодействие папе обратилось в непримиримую ненависть, — опровержение латинских догматов в бестолковое и необузданное ругательство. Сочинения Лютера нестерпимы не только для благочестивого, но даже для благопристойного читателя. Они дышат самым грубым развратом и исступленным богохульством. Если учение его имело многих последователей, то причины сего в одних были личные, в других политические, в толпе — невежество.

Если ныне многие образованные люди последуют учению Лютера, то это потому, что они никогда не рассматривали христианской веры, не читали сочинений основателя своей Церкви, или по непреклонному упрямству. Впрочем, лютеранизм доставляет большие удобства человеку, желающему как можно меньше обращаться к Богу и как можно меньше ограничивать себя в плотских своих пожеланиях.

Вопрос. Может ли ученое рассматривание доказать неосновательность лютеранизма и привести к познанию истинной Церкви?

Ответ. Вполне может. Установление Церкви христианской Богочеловеком и распространение ее Апостолами на земле, будучи событием, объясняется фактами. Тот, кто будет беспристрастно рассматривать сии факты, увидит, что все они доказывают непорочность Восточной Церкви, сохранившей и догматы и обряды Церкви Первенствующей во всей целости. Он увидит постепенное заблуждение и отступление Запада; увидит причину сего отступления: с одной стороны, гордость пап, с другой — преобладание варваров и их невежества на Западе, которые с половины девятого столетия воссели на престол Первосвятительский Рима. Он увидит семена реформации в исполинской, уродливой власти пап, в злоупотреблениях ею, в грубом невежестве тогдашней Европы; увидит нелепость протестантских верований и между ними лютера-

низма, вынужденного жестокостями, рожденного столкновением страстей, образовавшегося под сению политики и невежества; непрестанно изменяющегося, как имеющего основанием зыбкое знание человеческое, наконец, по большей части преобразовавшегося в неологизм.

Некто Зернинкампф, ученый германец, образовавшийся в университетах Лейпцигском и Гетингенском, лютеранин, пожелал узнать истинную Христову Церковь. Большую часть жизни он посвятил на изыскания по сему предмету в лучших библиотеках Германии и Англии; уже в преклонных летах прибыл в Киев, где принял Святое Миропомазание. Он оставил после себя драгоценное собрание фактов, доказывающих, что Церковь Восточная есть единая *Христова Церковь*.

Понятие о ереси и расколе[1]

Понятие о ереси

1

Ересь — слово греческое (αἴρεσις) — значит вообще какое-либо отдельное учение. Так, христианское учение при появлении своем иногда называлось ересию[2]. Но впоследствии название ересь усвоилось единственно произвольному и ложному учению о христианстве, отделявшемуся и отличавшемуся от учения Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви.

Христианство есть Божие учение, есть Откровение Божие. Оно, как познание, дарованное человекам Богом, должно быть принято и содержимо с величайшим благоговением и покорностию, подобающим этой величайшей святыне. Оно может быть принято и содержимо одною смиренною верою, как вполне превысшее человеческого разума. Это — та Духовная, Таинственная Книга[3], Книга Ведения Божия, начертанная и изданная Богом, к которой невозможно приложить ничего, из которой невозможно исключить ничего. Отсюда явствует, какой тяжкий грех — ересь. Она — возмущение и восстание твари против Творца, восстание и возмущение

---

[1] ОР РГБ. Ф. 425 (П. П. Яковлев). К. 2. Ед. хр. 17. ‖ [2] Деян. 28. 22. ‖ [3] Апок. 22. 18, 19.

ничтожнейшего, ограниченнейшего существа — человека против всесовершенного Бога. Она, — страшно сказать, — суд человека над Богом и осуждение человеком Бога. Она — грех ума, грех духа. Она — хула на Бога, вражда на Бога. Она — плод гордыни, этой причины падения падших ангелов. И последствия падения ею очень схожи с последствиями падения отверженных духов: она омрачает разум, ожесточает сердце, на самое тело разливает яд свой, вводит в душу вечную смерть. Она не способна к смирению[1]. Она соделывает человека вполне чуждым Бога. Она — смертный грех. Как плод гордыни, ересь держит в железных цепях своего пленника, и редкий пленник исторгается из цепей ее. Упорство в ереси есть свойство еретика.

Первыми еретиками были христиане из иудеев, которые, по наружности уверовав во Христа, хотели вместе с этим держаться обрядового и гражданского закона Моисеева в буквальном его смысле. Прообразовательный закон был исполнен искуплением человечества и установлением духовного закона свободы, чего он[2] служил предызображением, тению. Таким исполнением он уничтожен: к чему могут служить прообразования, когда получено прообразованное? к чему залоги обетования, когда даровано обетованное? Желающий остаться при прообразованиях этим самым отказывается от прообразованного. Святой апостол Павел говорил христианам, думавшим сочетать христианство с иудейством: *Аще законом правда, убо Христос туне умре. Аще обрезаетеся, Христос вас ничтоже пользует. Упразднистеся от Христа* (отчуждитеся от Христа), *иже законом* (Моисеевым) *оправдаетеся: от благодати отпадосте*[3]. К иудеям, принявшим христианство, потом обратившимся к иудейству, произнес Апостол следующие грозные слова: *Невозможно просвещенных единою и вкусивших дара небеснаго, и причастников бывших Духа Святаго, и добраго вкусивших Божия глагола и силы грядущаго века, и отпадших, паки обновляти в покаяние, второе распинающих Сына Божия себе и обличающих* (то есть ругающихся Ему). *Земля бо пившая сходящий на ню множицею дождь и раждающая былия добрая оным, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога: а износящая терния и волчец непотребна*

[1] Святой Иоанн Лествичник. || [2] Закон Моисеев. — *Ред.* || [3] *...если законом оправдание, то Христос напрасно умер* (Гал. 2, 21); *...если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Вы оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати* (Гал. 5. 2, 4).

есть и клятвы близ, еяже кончина в пожжение[1]. Церковная История свидетельствовала справедливость этого изречения: человечество совращалось в ересь целыми народами, а обращение от ереси к Православию видим в весьма немногих частных лицах, и то редко, весьма редко. Страшный яд — ересь! неудобостижимый яд — ересь!

Другим источником ересей сделалась языческая философия и вообще человеческая ученость. Писатель II века, Тертуллиан, объяснил с подробностию и точностию, что все заблуждения, нарушившие мир Церкви, имели источником своим непременно какую-либо философскую школу[2]. Это очень естественно: книжник, или земной ученый, должен, по завещанию Спасителя, научиться Царствию Божию, чтоб придти в состояние износить из сокровищницы своей ветхое и новое, то есть предлагать учение Божие в формах учености человеческой[3]. Научиться Царствию Божию значит: стяжать Царствие Божие внутри себя. Без этого земной ученый может предлагать одно ветхое, хотя бы он беседовал о Боге из душевного, школьного знания. Ему невозможно избежать заблуждения, несмотря на всю его ученость: потому что ветхость, в духовном смысле, и есть состояние заблуждения и самообольщения. Святой Симеон, Христа ради юродивый, указал причину заблуждения ученейшего и даровитейшего Оригена в том, что Ориген не принял на себя труда перейти из состояния душевного в духовное и, уплывши далеко в мысленное море, потонул в нем[4]. Необходимо, вполне необходимо всякому христианину ученому, особливо христианскому учителю, не останавливаться на своей земной учености, как бы он ни был богат ею, но перейти из плотского и душевного состояния в духовное, и получить живое, благодатное познание о Боге. *Имеяй заповеди Моя* насажденными в сердце своем, так чтоб они составляли имущество и сокровище человека, — сказал Господь, — *той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* действием Святого Духа[5]. Имеющий Слово Божие насажденным и

---

[1] *...невозможно — однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются [Ему]. Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец — сожжение* (Евр. 6, 4–8). || [2] Liber de Pracscriptionibus, cap. VII. Hue sunt doctrinae hominum et ducmoniorum etc. || [3] Мф. 13. 52. || [4] Четьи-Минеи. Житие преподобных Симеона и Иоанна, спостника его. 21 июля. || [5] Ин. 14. 21.

пребывающим в себе, сподобившийся Боговидения по причине чистоты ума, отрясший душевную глухоту и слышащий Божий глас[1], с дерзновением и силою возглаголет о Господе своем, не так, как книжники[2], ибо *ведом во Иудеи Бог: во Израили велие имя Его*[3]. Под именем Иудеи здесь разумеется истинная Церковь, а под именем Израиля те члены Церкви, которые удостоились духовного видения и из него истекающего ведения. Святые Григорий Неокесарийский, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий и многие другие церковные светильники, стяжав современную человеческую ученость, позаботились, посредством евангельского жительства, перейти из состояния плотского и душевного в духовное, совлеклись ветхого Адама, облеклись в нового; таким образом они соделались способными преподать братии своей, человекам, учение новое, в форме ветхой, столько приятной падшему человеку, столько естественной падшему человечеству. Человеки, увлекаясь земным красноречием святых учителей, незаметно для себя принимали слово спасения, облекавшееся в земное витийство. Напротив того, ученый Арий, несмотря на то что был пресвитером, красноречивый Несторий, несмотря на то что был патриархом, и многие другие, подобные им, находясь в высоких санах церковных, сделались ересиархами и еретиками по той же причине, по которой погряз в глубине мысленного моря венец учености своего века Ориген. Говорит святой Григорий Синаит: «Иже кроме Духа пишуще и глаголюще, и Церковь созидати хотяще, *суть душевни* (телесни), яко иже негде глаголет Божественный Апостол, *Духа не имуще*[4]. Таковии бо повинни суть клятве, глаголющей: *Горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни!*[5] От себе бо глаголют, а не Дух Божий в них есть глаголяй, по Господню словеси. От своих бо помысл прежде чистоты глаголющии прельстишася духом мнения. О сем бо Притча глаголет: *Видех мужа непщевавша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его*[6]. И еже: *Не бывайте мудри о себе*[7], Премудрость нам заповедает. Но и сам исполненный Духа Божественный Апостол исповедует, глаголя: *не бо довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога*[8]. И еже: *Яко от Бога, пред Богом, о Христе глаголем*[9]. Таковых бо словеса несладостны и непросвещенны, не от живого бо источника Духа приемлюще глаголют, но яко от некоего езера

[1] Ин. 5. 36–37. || [2] Мк. 1. 22. || [3] Пс. 75. 2. || [4] Иуд. 1. 19. || [5] Ис. 5. 21. || [6] *Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него* (Притч. 26. 12). || [7] *...не мечтайте о себе* (Рим. 12. 16). || [8] *не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога* (2 Кор. 3. 5). || [9] 2 Кор. 12. 19.

тименна, от сердца ищущего и питающего пьявиц, и змий, и жаб похотей и кичения, и невоздержания, и вода разума их смердяща, мутна же и теплохладна, от неяже пиющие на недугование и гнусность и блевание пременяеми обращаются»[1].

Священное Писание, изученное по букве плотскими и душевными человеками, послужило для них к изобретению ересей, к погублению ими и себя и других. Святой апостол Петр сказал о посланиях святого апостола Павла, что их некоторые *ненаученные и неутвержденные развращают* (по русскому переводу: превращают), *якоже и прочия Писания к своей погибели им*[2]. Здесь весьма правильно употреблены слова *развращают* и *превращают*: потому что плотский и душевный человек, не понимая духовного смысла в Писании, дает ему смысл сообразно своему устроению. Иначе это и быть не может: ведь надобно же душевному человеку получить какое-либо понятие при чтении или изучении Божественного Писания, а Писания он не способен понимать как должно; следовательно, по необходимости он дает себе понятие, какое ему заблагорассудится. Происхождение Священного Писания, способ понимания и объяснения его изображены с полною ясностию святыми апостолами Петром и Павлом. Святой Петр говорит: *Всяко пророчество книжно по своему сказанию не бывает* (по русскому переводу: *никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою*). *Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаеми, глаголаша святии Божии человецы*[3]. Это значит: как произнесено Слово Божие, или Священное Писание, при посредстве Святого Духа, так только при посредстве Святого Духа оно может быть и объясняемо, следовательно, и понимаемо. Святой апостол Павел говорит: *Божия никтоже весть, точию Дух Божий. Мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, Иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованная нам: яже и глаголем, не в наученных человеческия премудрости словесех, но в наученных Духа Святаго: духовная духовными сразсуждающе* (по русскому переводу: *духовное излагая духовно*)[4]. Отсюда видно, что в изложении и объяснении Писания нисколько не участвовала человеческая ученость, нисколько не участвовало

---

[1] Добротолюбие. Ч. 1. Святой Григорий Синаит. Главы зело полезные, гл. 128. Память сего святого празднуется Церковью 8 августа. ‖ [2] 2 Пет. 3. 16. ‖ [3] 2 Пет. 1. 20, 21. ‖ [4] *Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным* (1 Кор. 2. 11–13).

школьное изучение Писания, изучение его буквы, которыми отличались и хвалились иудейские книжники и фарисеи, которое имел и апостол Павел, которое он вменил для себя в тщету ради превосходнейшего познания о Христе Иисусе, даруемого Святым Духом[1]. После вышеприведенного Апостол продолжает: *Душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовне востязуется* (по русскому переводу: *потому что о духовном надо рассуждать духовно*)[2]. Это сказал Апостол из своего опыта. Он, находясь в состоянии плотского, душевного человека, был изучен Писанию о вере в Бога по современному обычаю, преобладавшему тогда между иудеями, уничтожившему между ними духовное понимание закона[3], соделавшему иудейских богословов не способными познать и принять Бога, явившегося им во образе человека с неоспоримыми и яснейшими свидетельствами Божества Своего. При обращении из иудейства в христианство святой Павел весьма быстро перешел из состояния душевного к духовному по причине, предшествовавшей обращению строго нравственной жизни[4]. Обильно наученный Святым Духом, он узнал на себе, что прежние его познания, также обильные в своем отношении, не только не объясняли для него Бога, но и закрывали Бога от него, омрачали его, делали врагом Божиим[5], отнимали у него возможность покоряться учению Христову[6], представляли ему учение Христово странным, диким, нелепым, богохульным[7]. Странным показалось оно иудейскому учителю Никодиму[8]; жестоким и невыносимым показалось оно многим таким, которые уже были учениками Богочеловека и последовали Ему в Его странствии[9]. Этим соблазнившимся и оставившим Божественного Учителя ученикам Он сказал: *Дух есть, иже оживляет, плоть* (то есть плотское разумение Слова Божия)[10] *не пользует ничтоже: глаголы, яже Аз глаголах вам, Дух суть и Живот суть*[11]. Плотское разумение Слова Божия приводит к неверию, к соблазну самым всесвятым Словом Божиим, к ложным и превратным заключениям и мнениям, к оставлению Бога, к погибели. И Никодим, уверовавший в Богочеловека ради знамений, совершаемых Богочеловеком, соблазнился Его Словом, давая Слову Божию плотское значение. На

[1] Деян. 22. 3, ср.: Флп. 3. 5–8. || [2] 1 Кор. 2. 14. || [3] Мф. гл. 25. || [4] Флп. 3. 6. || [5] Рим. 8. 7. || [6] Там же.. || [7] 1 Кор. 2. 14. || [8] Ин. 3. 4. || [9] Ин. 6. 60. || [10–11] Ср.: *Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6. 63).

слова Господа: *Аще кто не родится Свыше, не может видети Царствия Божия* — Никодим возражает: *Како человек может родитися, стар сый? еда может второе внити во утробу матери своея, и родитися*[1]. При смирении душевный человек может низлагать свои помыслы, *взимающиеся, на разум Божий и пленять всяк разум в послушание Христово*[2]; но при гордости, при высоком мнении о своих познаниях, при доверии к своему разуму и ведению необходимо должен душевный человек счесть юродством, то есть нелепостию или безумием, Слово Божие, как сказал святой апостол Павел, как доказали это на самом деле иудейские ученые архиереи и священники, отвергнув Господа, как это доказали и доказывают бесчисленные сонмы еретиков, отвергавшие и отвергающие Божественную Истину. — Все, имевшие ученость мира сего и занявшиеся потом очищением себя посредством духовного подвига, искренно сознаются, что они должны были вынести тяжкую борьбу с помыслами человеческой мудрости, восставшими с жестокою силою против евангельского учения и оспаривавшими с необыкновенною упорностию у Евангелия владычество над умом подвижника. Состояние душевное и плотское есть следствие нашего падения: оно есть состояние возмущения против Бога и вражды на Бога. — По неспособности душевного человека правильно понимать духовное Святая Церковь воспрещает чадам своим произвольное объяснение Священного Писания, а заповедует строго держаться истолкования, сделанного Писанию святыми Отцами[3]; она заповедует всем, желающим с подробностию и точностию узнать христианство, особливо пастырям и учителям, по приобретении познания от человеков и из книги, приобрести познание христианства деятельное и живое жительством по евангельским заповедям, распятием плоти *со страстями и похотями*[4], причастием Божественной Благодати Святого Духа. Весьма справедливо преподобный Марк назвал теоретические познания о христианстве — вводными. Сей богомудрый Отец с особенною ясностию излагает необходимость познаний опытных

[1] *...если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. ...Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?* (Ин. 3. 3–4). ‖ [2] 2 Кор. 10. 5. ‖ [3] Так говорится в грамоте, выдаваемой архиереем иерею по его рукоположении: «Подобает иерею вседушно прилежати чтению Божественных Писаний, и не инако сия толковати, но якоже Церковная светила, святии и Богоноснии Отцы наши, пастыри и учители, великим согласием истолковали». Далее в грамоте завещавается иерею строго нравственная христианская жизнь. ‖ [4] Гал. 5. 24.

и благодатных, показывает то страшное душевное бедствие, в которое впадает приобретший первые познания и вознерадевший о приобретении вторых. «Ученые, нерадящие о духовной жизни, — сказал святой Марк в ответе ученому, утверждавшему, что ученые пребывают вне падения, поддерживаемые своею ученостию, — ниспав одним разом в ужасное и сугубое падение, то есть в падение возношением и нерадением, ниже могут восстать без молитвы, ниже имеют откуда пасть. Ибо какая еще может быть причина (забота) для диавола бороться с теми, которые всегда лежат долу и никогда не востанут. Есть некоторые, иногда побеждающие, иногда же побеждаемые, падающие и востающие, оскорбляющие и оскорбляемые, борющиеся и боримые; а другие, пребыв в первом падении своем, по причине крайнего невежества, ниже знают о себе, что они пали. К ним-то с соболезнованием обращается с речью Пророк: *Еда падаяй не востает, и отвращаяйся не обратится*[1] И еще: *Востани, спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос*[2]. К нехотящим восприять (этот) труд востания и пребывания в молитве и подвергнуться лишениям по причине благочестия, ради будущего Царства, говорит: *В погибели твоей, Израилю, кто поможет тебе?*[3] *Несть струп, ни язва, ни рана палящая*[4], не какое-либо зло, из случающихся без согласия воли: ибо сия рана — произвольна, и есть грех к смерти, неисцеляемый ниже молитвами других. *Врачевахом*, говорит Пророк, *Вавилона и не изцеле*[5]: ибо самопроизволен сей недуг, и *несть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязания*[6], то есть вспомоществований от других... Вот и Ветхий Завет останавливает уповающего на себя и возношающегося премудростию своею: *Буди уповая на Господа*, говорит он, *всем сердцем твоим: о твоей же премудрости не возносися*[7]. Это — не одни только слова, как некоторым показалось, приобретшим по сей причине книги, узнавшим написанное в них, ничего из написанного не исполнивших на деле, а только напыщавающимся нагими разумениями. Таковые превозносят себя похвалами за слова и изыскания; они носят между людьми, не знающими дела, громкое название любому-

[1] ...*разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?* (Иер. 8. 4). ‖ [2] ...*«встань, спящий, и воскресни из мертвых и осветит тебя Христос»* (Еф. 5. 14). ‖ [3] *Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне опора твоя* (Ос. 13. 9). ‖ [4] См.: ...*язвы, пятна, гноящиеся раны* (Ис. 1. 6). ‖ [5] *Врачевали мы Вавилон, но не исцелился* (Иер. 51. 9). ‖ [6] ...*неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем* (Ис. 1. 6). ‖ [7] *Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой* (Притч. 3. 5).

дрых; но, не коснувшись трудолюбия, ниже тайно научившись делу, приемлют от Бога и от мужей трудолюбивых и благочестивых великое поречение (осуждение, нарекание): ибо они злоупотребили вводительным разумением Писаний, употребив его на показание себя (пред человеками), а не на дело, и лишились действующей благодати Святого Духа. Они суть *хвалящиеся в лицы, а не в сердцы*[1]. Посему не знающие дела должны коснуться его (приняться за него): ибо сказанное в Писании сказано не только для того, чтоб знали, но и чтоб исполняли то. Начнем дело: таким образом постепенно преуспевая, найдем, что не только надежда на Бога, но и извещенная вера, и нелицемерная любовь, и непамятозлобие, и братолюбие, и воздержание, и терпение, и глубочайшее разумение сокровенного, и избавление от искушений, и дарование даров (духовных), и исповедание сердечное, и прилежные слезы достаются верным молитвою; и не только сие, но и терпение приключающихся скорбей, и чистая любовь к ближним, и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и наитие Святого Духа, и подание духовных сокровищ, и все, что Бог обетовал подать верным человекам и здесь, и в будущем веке. Отнюдь невозможно душе восстановить в себе образ Божий иначе, как только благодатию Христовою и верою человека, когда человек пребывает во многом смиренномудрии при непарительной молитве в уме. Как же лишившиеся таковых и толиких благ, по причине своего неведения и о молитве нерадения, говорят: *мы не пали*, и приписывают себе премудрость, ниже ведая своего падения, несчастные по причине падения, еще более несчастные по причине своего незнания? Они приобретают только то, что утверждают нас более веровать Писанию, говорящему, что *премудрость мира сего буйство у Бога*[2], а сходящая от Бога, *Свыше есть от Отца светов*[3], и знамение ее — *смиренномудрие*. Но хотящие угождать человекам вместо Божественной Премудрости усвоили человеческую; напыщаемые ею и превозносясь ею внутренно, они обольстили многих незнающих, склонив их любомудрствовать не в трудах благочестия и молитвы, а в *препретельных словах человеческой мудрости*[4], которую Апостол часто порицает и называет упразднением Креста Христова. Он говорит в Послании к Коринфянам: *Не посла мене Христос крестити, но благовестити:*

---

[1] 2 Кор. 5. 12. || [2] *...мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3. 19). || [3] Иак. 1. 17. || [4] *...в убедительных словах человеческой мудрости* (1 Кор. 2. 4).

не в премудрости слова, да не испразднится Крест Христов[1]. И еще: *буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит; и худородная мира и уничиженныя избра Бог, и не сущая, да сущая упразднит: яко да не похвалится всяка плоть пред Богом*[2]. Если Бог благоволит не к словам еллинской премудрости, но к трудам молитвы и смиренномудрия, как показано, то точно: суемудрствуют те, которые, оставив первый образ благочестия, как неудобоисполнимый, не хотят спастись ни вторым, ниже третьим способом, но пребывают вне священной ограды»[3].

2

Ересь — грех ума. Сущность этого греха — богохульство.

Будучи собственно грехом ума, ересь не только омрачает ум, но и сообщает особенное ожесточение сердца, убивает его вечною смертию.

Этим грехом человек всего ближе уподобляется падшим духам, которых главный грех — противление Богу и хула на Бога.

Отличительное свойство падших духов — гордость; отличительное свойство и еретиков — гордость, которой очевиднейшее проявление состоит в презрении и осуждении всех, не принадлежащих к их секте, омерзение ими, лютая ненависть к ним. Но существенное проявление гордости в еретиках и раскольниках состоит в том, что они, отвергши Богопознание и Богослужение, открытые и преподанные Самим Богом, усиливаются заменить их Богопознанием и Богослужениями самовольными, богохульными и богопротивными. Зараженного ересью и расколом диавол не заботится искушать другими страстями и грехами очевидными. И зачем искушать диаволу того и бороться с тем, кто при посредстве смертного греха — ереси — и убит вечною смертию, и заживо уже составляет достояние диавола? Напротив того, диавол поддерживает еретика и раскольника в воздержании и прочих наружных подвигах и видах добродетели, чтоб этим поддерживать

[1] 1 Кор. 1. 17. ‖ [2] *...Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых... и не знатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1 Кор. 1. 27–29). ‖ [3] Слово преподобного Марка Подвижника. Далее святой Отец объясняет, что три образа благочестия суть следующие: первый — не согрешать; второй — по согрешении терпеть попускаемые скорби; третий — плакать о недостатке терпения, когда не можем претерпевать великодушно попускаемых (Промыслом) скорбей.

его в самодовольстве и заблуждении, а правоверных личиною святости, которую носит на себе еретик, привлечь к ереси или, по крайней мере, привести к оправданию и некоторому одобрению ее, также к сомнению в правоверии и к холодности к нему.

Обладающий сокровищем подвергается нападениям разбойников, а у кого нет ничего, того не беспокоят разбойники. Имеющий сокровище правоверия жестоко наветуется врагом! Враг усильно нападает на правоверного, старается представить его пред обществом человеческим в состоянии побеждения, с такою же целию, с какою старается представить еретика добродетельным и достойным уважения. С такою неудобопостижимою хитростию действует лукавый дух в пользу ереси и во вред истинного христианства. К несчастию, эта кознь его весьма удается ему! Ею он уловляет в погибель тысячи человеков.

Многие проводили самую строгую подвижническую жизнь, пребывая в ереси или расколе; когда ж приняли православие, подверглись различным слабостям. К какому это должно привести заключению? — К такому, что в первом состоянии враг не ратовал против них, признавая их своими, а во втором — восстал против них лютою войною, как против таких, которые явно объявили и исповедали себя противниками его. Священное Писание называет лукавого духа не только врагом, но и мстителем (Пс. 8, 3). Он не только враждует против человека, но, будучи заражен лютою завистию к человеку, не может равнодушно видеть, что человек совершает добродетели и благоугождает Богу, и мстит человеку за его богоугодные дела, наводя на него бесчисленные искушения и извне — от злых людей, и внутри, воздвигая в человеке различные страсти.

Странное влияние имеют раскол и ересь на самое тело человека! Ожесточение духа сообщается телу. Не для всех заметно это при жизни человека, но по смерти тело еретика и раскольника мгновенно каменеет, мгновенно начинает издавать неприступное зловоние. И это совершается особенно над теми из них, которые проводили самую строго подвижническую жизнь и были знаменитыми учителями своей секты и заслужили всеобщее уважение слепотствующего мира; они-то и издают по смерти своей самое ужасное зловоние; из иссохших тел их открываются потоки смердящего гноя; затруднительно совершение погребения их и присутствие при нем. Бесы соприсутствуют могилам их и являются при них в разных видах или для устрашения, или для обольщения.

Еретику неудобоприступно покаяние и познание Истины. Доступнее покаяние и истинное Богопознание для прелюбодеев и уголовных преступников, нежели для еретика и раскольника, особливо если он ученый и подвижник. Доказали то и другое явные грешники и ученые сектанты, современные Христу, упоминаемые в Евангелии: грешники приняли и Господа и Предтечу Его, между тем как книжники, фарисеи и саддукеи отвергли и Иисуса и Иоанна.

Несродно чувство покаяния тому, кто вполне доволен собою, а кругом себя видит только соблазн и недостатки всех родов. Признающему себя разумным паче всех несродны алкание и жажда беспредельной Божественной Истины, вполне насыщающей питомца своего и возбуждающей таким насыщением еще бóльшую алчбу и жажду благодатной правды. Несродно отвергнуть свое богохульство тому, кто признает это богохульство святою Истиною; несродно ему узреть Святую Истину, потому что самый орган зрения, душевное око, ум его ослеплен ложью. Обращение еретика и раскольника к правоверию — особенная милость Божия — устраивается особенным Промыслом Божиим для избранников, известных единому Богу. Человеческие средства к обращению раскольников и еретиков — бессильны.

Хотя на Первом Никейском Соборе против Ария и его единомышленников стояли светильники Церкви: Афанасий Великий, Николай Чудотворец, Иаков Низибийский[1], Спиридон Тримифунтский, хотя действовали не только силою слова, но и силою знамений, однако не смягчили ожесточенного сонмища еретического и ересиарха Ария, до конца жизни пребывшего упорным и верным своему заблуждению, как повествует Церковная История.

Словопрение — самое слабое оружие против еретиков, оружие более вредное, нежели полезное. Оно делается таким сообразно свойству душевного недуга — ереси. Гордая ересь не терпит обличений, не терпит побеждения. От обличений она ожесточается; от побеждений приходит в неистовство. Это доказали бесчисленные опыты.

Побеждается ересь кротким увещанием; еще удобнее — молчаливым приветствием, смирением, любовию, терпением и долготерпением, молитвою прилежною, исполненною соболезнованием о ближнем и милосердием к нему. Ересь не может быть побеждена человеком, потому что она изобретение, начинание демонское. Победителем ее может быть един Бог, призванный к борьбе с нею

[1] По Иннокентию: Низибий Чудотворец.

и к поражению ее смирением человека пред Богом и любовию этого человека к ближнему.

Желающий успешно сражаться против ереси должен быть вполне чужд тщеславия и вражды к ближнему, чтоб не выразить их какою насмешкою, каким колким или жестким словом, каким-либо словом блестящим, могущим отозваться в гордой душе еретика и возмутить в ней страсть ее. Помазуй струп и язву ближнего, как бы цельным елеем, единственно словами любви и смирения, да призрит милосердый Господь на любовь твою и на смирение твое, да возвестятся они сердцу ближнего твоего, и да даруется тебе великий Божий дар — спасение ближнего твоего. Гордость, дерзость, упорство, восторженность еретика имеют только вид энергии: в сущности они — немощь, нуждающаяся в благоразумном соболезновании. Эта немощь только умножается и свирепеет, когда против нее действуют безрассудною ревностию, выражающеюся жестким обличением.

3

Ересь есть прикровенное отвержение христианства. Когда человеки начали оставлять идолопоклонство, по его очевидной нелепости, и приходить к познанию и исповеданию Искупителя, когда все усилия диавола поддержать между человеками идолопоклонство остались тщетными, тогда он изобрел *ереси*, и посредством ереси, сохраняя для держащихся ее человеков имя и некоторую наружность христиан, не только отнял у них христианство, но и заменил его богохульством.

Что такое значит арианство? — Это отречение от Христа и христианства, — отречение от Бога. Если Сын — тварь, как утверждал Арий, то нет и истинного в Трех Лицах Бога. Если Сын — не Бог, то где же вочеловечение Бога? где причастие человеческого естества естеству Божию[1], приобретенное для человеков вочеловечением Бога? где спасение? где христианство? — *Не веруяй в Сына ни Отца иматъ*[2], — говорит Слово Божие. Арианство — и безбожие, и богохульство.

Что такое несторианство? — отвержение вочеловечения Бога Слова. Если родился от Девы простой человек, то где же зачатие от Святого Духа[3] — где событие слов Писания: *Слово плоть бысть*[4]? Где рождение Сына Божия[5]? где христианство? — Повторяется

[1] 2 Пет. 1. 4. ‖ [2] 1 Ин. 2. 23. ‖ [3] Мф. 1. 18. ‖ [4] Ин. 1. 14. ‖ [5] Лк. 1. 31.

Несторием Ариева ересь, но под другою личиною: сущность этих ересей одна — отвержение Христа, а посредством отвержения Христа — отвержение от Бога.

То же делает Евтихий и монофелиты: сливая в Богочеловеке два естества и две воли воедино и утверждая, что во Христе человечество исчезло в Божестве, как капля вина в обширном море, они приходят к той же цели, хотя с другой стороны, к какой пришли Арий и Несторий: потому что, отвергая присутствие человеческого естества в вочеловечившемся Сыне Божием, они непременно отвергают все, что претерпел Господь как человек, следовательно, отвергают и искупление человечества страданиями и смертию Господа, — отвергают все христианство.

К тому же стремятся и иконоборцы. Отвергая возможность изобразить Христа живописью, они косвенно отвергают пришествие Сына Божия в плоти человеческой. — Если Сын Божий был облечен плотию, то имеется полная возможность Его, неизобразимого по Божественному естеству, изображать как человека. Если можно изображать Его, то изображения Его должны быть особенно почитаемы. Мы почитаем изображения наших родителей, царей, начальников, благодетелей, ставим их на почетные места: тем более должна быть уважаема икона Спасителя нашего, а по ней иконы Божией Матери и всех святых.

То же усиливается совершить папизм; так называется ересь, объявшая Запад, от которой произошли, как от древа ветви, различные протестантские учения. Папизм присваивает папе свойства Христовы, и тем отвергает Христа. Некоторые западные писатели почти явно произнесли это отречение, сказав, что гораздо менее грех — отречение от Христа, нежели грех отречения от папы. Папа есть идол папистов; он — божество их. По причине этого ужасного заблуждения благодать Божия отступила от папистов; они преданы самим себе и сатане, изобретателю и отцу всех ересей, в числе прочих — и папизм. В этом состоянии омрачения они исказили некоторые догматы и таинства, а Божественную Литургию лишили ее существенного значения, выкинув из нее призывание Святого Духа и благословение предложенных хлеба и вина, при котором они пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. Эта существенная часть Литургии находилась во всех Литургиях, преданных Апостолами Христовыми по всей вселенной, — находилась и в первоначальной Литургии Римской[1]. — Никакая ересь не выражает так откры-

[1] См. житие Григория Акрагантийского.

то и нагло непомерной гордости своей, жесткого презрения к человекам и ненависти к ним[1].

Протестанты восстали против заблуждений папистов, — правильнее, — восстали против уродливой власти и божественности пап; но так как они действовали по побуждению страстей, утопая в разврате, а не с прямою целию стремления к Святой Истине, и не так, как искал ее Корнилий Сотник, то и не оказались достойными узреть ее. *Всяк делаяй злая, ненавидит Света, и не приходит к Свету*[2]. Протестанты из всех заблуждений папистов отвергли только нечестивое мнение их о папе; прочим заблуждениям папистов они последовали, многие погрешности усилили, к прежним заблуждениям и ошибкам присовокупили много новых. Так, например, они отвергли все таинства, самое священство; отвергли вовсе Литургию; отвергли все церковные предания и предоставили каждому из своих последователей объяснять Священное Писание по произволу, между тем как оно, будучи произнесено Святым Духом, может быть и объяснено только Святым Духом[3].

К ересям должно отнести и то учение, которое, не прикасаясь ни догматов, ни таинств, отвергает жительство по заповедям Христовым, и дозволяет христианам жительство языческое. Это учение, которое по наружности кажется как бы не враждебным христианству, в сущности вполне враждебно ему: оно — отречение от Христа. Сам Господь сказал: *Исповем им* — признающим устами Господа, а делами противоречащим Его воле — *яко николиже знах вас, отыдите от Мене, делающии беззаконие*[4]. Вера может быть живою только при делах веры; без них она мертва[5]. Впрочем, и самое правильное понятие о догматах христианских теряется от жизни нехристианской. Еще в то время, когда идолопоклонство было очень сильно, еретики проводили жизнь языческую. Святой Афанасий Великий делает это замечание о арианах, которые предавались увеселениям идолопоклонников и сходствовались с ними нравственностию. В новейшие времена языческая жизнь явилась

---

[1] Папизм изобрел ужаснейшие пытки, ужаснейшие казни для человечества. Бесчисленные тысячи людей умерли в душных темницах, сожжены на кострах, замучены разнообразно. И это ужасное, дышащее убийством, жаждущее крови изуверство называется единым истинным христианством и с исступленною ревностию стремится увлечь всю вселенную в свою ересь. *От плод их познаете их*, — сказал Спаситель о учителях и учении их. По плодам своим папизм весьма близко подходит к магометанству: обе эти ереси признают деянием веры и высшею добродетелию все злодеяния и все убийства, совершаемые ими во всяком обществе людей иного вероисповедания. ‖ [2] Ин. 3. 20. ‖ [3] 2 Пет. 1. 21. ‖ [4] Мф. 7. 21, 23. ‖ [5] Иак. 2. 26.

первоначально в недре папизма; языческое чувство и вкус папистов выказываются с особенною яркостию в применении искусств к предметам религии, в живописных и изваянных изображениях святых, в их церковном пении и музыке, в их религиозной поэзии. Все школы их носят на себе отпечаток греховных страстей, особливо сладострастия; там нет ни чувства целомудрия и благопристойности, ни чувства простоты, ни чувства чистоты и духовности. Таковы их церковная музыка и пение. Их поэт, описывая освобождение Иерусалима и гроба Господня, не останавливается призывать музу; он воспевает Сион вместе с Геликоном, от Музы переходит к Архангелу Гавриилу. Непогрешающие папы, эти новые кумиры Рима, представляют собою образцы разврата, тиранства, безбожия, кощунства над всем святым. Языческая жизнь с своей комедией и трагедией, с своими плясаниями, с своим отвержением стыда и пристойности, с своим блудом и прелюбодеянием и прочими обычаями идолопоклонников, во-первых, воскресла в Риме под сенью богов его — пап, оттуда разлилась по всей Европе. При посредстве ересей и, наконец, при посредстве языческой жизни все язычники, принявшие некогда христианство, оставили и оставляют христианство, возвращаются к прежнему совершенному неведению Бога и к служению демонам, хотя уже и не в форме идолопоклонства.

Какая причина такового действия ереси? Причина заключается в том, что этот страшный грех, заключающий в себе хулу на Святого Духа, совершенно отчуждает человека от Бога и, отчуждив от Бога, предает во власть сатаны. В этом состоянии человек не способен ни к какому помышлению, ощущению, деянию духовному, а следовательно, не способен к состоянию духовному; напротив того, развиваются в нем сильно состояния душевное и плотское. В нем обильно источается премудрость земная, душевная, бесовская, исполненная зависти, рвения, гордыни[1]. — Кротости, любви, назидательного смирения нет в этой премудрости: она многоглаголива и велеречива, обильна знанием человеческим и бесовским, преисполнена самообольщения и обольщает внимающих ей. Она не может быть иною, потому что помыслы — чуждого благодати Божией — еретика находятся под постоянным насилием и руководством падших духов. Это непонятно и невероятно для многих; таковые пусть услышат определение духоносного мужа, который сказал: «Благое не может быть веруемо или действуемо, точию о

[1] Иак. 3. 11, 15.

Христе Иисусе и Святом Дусе»[1]. Помышление, слово, дело, чтоб быть достойными Господа, должны быть помазаны благодатию Святого Духа; те же помышления, слова и дела, которые не имеют сего помазания, принадлежат ветхому человеку и мерзостны Богу, как бы ни казались по наружности своей, пред судом мира, мудрыми и добрыми.

Состояние отчуждения от Бога, состояние самообольщения, омрачения ума, движение сильнейших страстей было всегда состоянием еретиков, особливо ересиархов. Обыкновенно они были преданы различным страстям. Евтихий был крайне корыстолюбив, и, вопреки обету иноческого нестяжания, накопил значительные деньги. Аполлинарий и в старости своей имел наложницу. Арий написал «Талию» — сочинение в стихах, до нас не дошедшее, исполненное бесстыдного разврата. Это сочинение начали было читать на Первом Никейском Соборе, но Отцы Собора отказались слушать его, так оно было срамно, и предали огню экземпляр, им представленный. Таковы произведения и новейших еретиков. Они исполнены адского кощунства, дерзких, ложных умствований, страшного бесстыдства и разврата. Понятие, которое дается о них здесь, еще очень слабо пред понятием, которое получается о них от чтения их писаний. Не может придти на ум обыкновенного человека то, что произнесли и написали ересиархи. Впрочем, все сочинения еретиков составлены под влиянием духов и заключают в себе нравственный яд, убивающий душу вечною смертию. Догматические книги их непременно содержат ложные догматы и хулу на догматы, преподанные Святой Церкви Святым Духом; их книги о подвижничестве, хотя по наружности и представляются преподающими учение о высочайших добродетелях и состояниях христианских, но в сущности суть плоды и выражение самообольщения и бесовской прелести, непонятной для толпы; их нравственные писатели преподают нравственность, свойственную ветхому Адаму, так как они о ней только имеют понятие, а отнюдь не нравственность христианскую, вполне недоступную для их ума и сердца. Романы, комедии и прочие сочинения, явно греховные, исполненные сладострастия, также суть плоды ереси; некоторые из таковых сочинений написаны духовными лицами, как, например, «Телемак» написан Фенелоном. Чтение всех этих книг крайне вредно, хотя для неопытных глаз в одних из них яд приметен, а в других очень скрыт. Неприметность яда не уменьшает его силы: напротив того,

[1] «Слово о Законе Духовном» преподобного Марка Подвижника, гл. 2.

утонченные яды действуют с особенною разрушительностию. Чтение догматической, особливо подвижнической еретической книги возбуждает нередко блудные помыслы, а чтение романов возбуждает помыслы неверия, разных недоумений и сомнения относительно веры. — Нечистые духи и грехи имеют сродство между собою: добровольно подчиняющийся одному греху невольно и по необходимости подчиняется влиянию другого, по причине сродства лукавых духов и страстей. Опыт доказывает, что к ереси и безбожию люди перешли наиболее из развратной жизни, и наоборот, ересь всегда влечет за собою расстройство нравственности по причине сродства грехов между собою. Первоначальное действие всех еретических книг состоит в возбуждении помыслов сомнений о вере: «Охраняйся, — сказал святой Исаак Сирский, — не прочести догматов еретических: сие бо есть вооружающее яко наимножайше на тя духа хулы»[1]. Действуют ли в ком хульные помыслы? поколебался ли кто в доверенности к Православной Церкви, которая одна есть истинная Христова Церковь? Сделался ли кто универсальным христианином, принадлежащим, — по своему сердечному убеждению, или правильнее, по своему совершенному неведению христианства, — одинаково ко всем исповеданиям, и потому не принадлежащим ни к какому? — Знай, что он приведен к этому состоянию чтением еретических книг или беседами с зараженными этим чтением.

Люди, преданные сладострастию, с особенною охотою читают еретические книги о христианском подвижничестве и совершенстве, а нравственных книг Православной Церкви чуждаются и отвращаются. Какая тому причина? — сходство в настроении духа. Эти люди находят наслаждение в чтении книги, написанной из мечтательности и самосмышления, приправленной утонченным сладострастием, тщеславием, высокоумием, которые кажутся благодатию умам и сердцам, не очищенным истинным учением Христовым. Православные книги призывают к покаянию и оставлению греховной жизни, к самоотвержению, к самоосуждению и смирению, чего именно сын мира и не желает.

Идолопоклонство и всякого рода явное отвержение Бога можно уподобить открытому яду; от него всякий удобно может остеречься. Ересь можно уподобить пище, имеющей по наружности прекрасный вид, но отравленной ядом: такая пища — тот же яд, от которого уже трудно остеречься как потому, что яд замаскиро-

---

[1] Слово 56.

ван, так и потому, что прекрасный вид и благоухание пищи возбуждают в человеке естественное его желание насытиться и насладиться пищею. Ересь всегда сопутствуется лицемерством и притворством; она многоглаголива, велеречива, обилует ученостию человеческою: и потому удобно привлекает к себе людей и уловляет их в погибель; несравненно более людей уловлены в вечную смерть посредством ереси, нежели посредством прямого отвержения Христа.

4
О расколе

Расколом называется нарушение полного единения со Святою Церковию, с точным сохранением, однако, истинного учения о догматах и таинствах. Нарушение единения в догматах и таинствах — уже ересь.

Собственно раскольническими церквами могут быть названы в России только единоверческие церкви и церкви, находящиеся в ведомстве главных священников (бывших обер-священников). Первые отличаются в некоторых обрядах, что не имеет никакого влияния на сущность христианства, а вторые не имеют над собою епископа, вопреки церковным правилам. К образованию первых послужило отчасти невежество, приписывающее некоторым обрядам и обычаям более важности, нежели сколько эти обряды имеют; а к образованию вторых послужило протестантское направление некоторых частных лиц. В первых церквах заметен избыток набожности, доходящий до суеверия и лицемерства, а во вторых избыток вольности, доходящий до крайнего небрежения и холодности. Когда христианин обратит все внимание свое на наружные обряды, то непременно он оставляет без внимания существенную часть христианства: очищение внутренних сосудов, следовательно, лишается всего духовного преуспеяния и истекающего из этого преуспеяния истинного познания Христа, то есть делается чужд истинного христианства. Когда же, напротив того, христианин к вере холоден и ее наружные обряды совершает с небрежением, то этим удаляет от себя Бога, Который желает, чтоб Его служители служили Ему со страхом и трепетом, и делается безбожником и еретиком.

Прочие раскольники в России должны быть признаны вместе и еретиками: они отвергли таинства Церкви, заменив их своими чудовищными изобретениями; они уклонились во многом

от существенного христианского вероучения и нравоучения; они совершенно отреклись от Церкви.

Впрочем, не должно обвинять во всем раскольников. Западное просвещение так сильно нахлынуло в Россию, что оно вторглось и в Церковь, нарушило ее восточный православный характер, хотя нарушило его в предметах, нисколько не касающихся сущности христианства. Эти нарушения восточного православного характера соблазняют раскольников, огорчают сынов Церкви, основательно изучивших христианство. Эти нарушения так мелочны, что могут быть весьма скоро устранены. Россия уже не повинуется и не подражает слепо Европе; она подвергает западную образованность благоразумной критике; она желает явиться в обществе европейских государств в собственном своем характере, а не в характере, взятом на время заимообразно, напрокат. К достижению этого она уже делает попытки, на которые мы сейчас укажем.

Все русские поняли, что итальянские картины не могут быть святыми иконами. Между тем итальянская живопись взошла почти во все православные русские храмы со времен преобразования России на европейский лад. Эта живопись соблазняет раскольника, огорчает истинно православного; она — западный струп на православном храме. С кого итальянские живописцы писали изображения святейших жен? с своих любовниц. Знаменитые Мадонны Рафаэля выражают самое утонченное сладострастие. Известно, что Рафаэль был развратнейший человек, желал выразить идеал, который действовал бы на него наиболее сильно, и нередко кидал кисть, чтоб кинуться в объятия предстоявшей ему натурщицы. — Другие живописцы, которых талант был грубее, нежели талант Рафаэля, выражали сладострастие на своих мнимых иконах гораздо ярче; иные выразили уже не одно сладострастие, но и бесстыдство, неблагопристойность. Иконы некоторых святых мужей списаны с женщин, как, например, знаменитое изображение Иоанна Богослова, написанное Доменикеном. Иконы некоторых мучеников итальянские любострастные живописцы написали с своих товарищей разврата, после ночи или ночей, проведенных ими беспорядочно, когда это поведение напечатлелось на изнуренных их лицах. Все движения, все позы, все физиономии на итальянских картинах, или вообще на картинах, написанных западными еретиками и изображающих священные предметы, — чувственны, страстны, притворны, театральны; ничего в них нет святого, духовного; так и видно, что живописцы были люди вполне плотские, не имевшие ни малей-

шего понятия о состоянии духовном, никакого сочувствия к нему, и потому не имевшие никакой возможности изобразить человека духовного живописью. Не имея понятия о том, какое положение принимают черты лица углубленного в свою молитву святого мужа, какое положение принимают его глаза, его уста, его руки, все тело его, — они сочиняют в невежественном воображении своем произвольную, невежественную мечту, сообразно этой мечте устанавливают натурщика или натурщицу, — и отличная кисть изображает на полотне совершенную нелепость так, как красноречивейший оратор по необходимости должен бы был произнести самую бестолковую речь, если б заставили его говорить о предмете, вовсе не известном ему. Воспитанники русской Академии художеств образовались по образцам западным и наполнили храмы иконами, вполне недостойными имени икон. Если б эти иконы, пред которыми опускаются долу взоры целомудренные, не стояли в храме, то никто и не подумал бы, что им приписывается достоинство икон. Светский человек, насмотревшийся на все и имеющий обширную опытность, не может себе представить того действия, которое такие изображения имеют на девственную природу. Некоторый старец, проводивший в пустыне возвышенную монашескую жизнь, должен был по некоторым обстоятельствам приехать в Петербург. Здесь он был приглашен однажды вечером набожною старушкою-дамою для духовной беседы. В это время дочери старушки одевались, чтоб ехать на бал. Одевшись, или, правильнее, обнажившись по требованию современной моды, они пришли к маменьке, чтоб поцеловать ее ручку и сесть в карету. Старец, увидав невиданное им никогда в жизни — девиц, бесстыдно обнажившихся по уставу Запада, по уставу ереси и язычества, — пришел в ужас. Он уверял, что после виденного им соблазна уже не нужно являться самому диаволу для соблазна. Каково же видеть такому девственному оку подобное изображение на иконе, изображение, возбуждающее не молитву, а самые нечистые страсти.

Несвойственность итальянской живописи для икон уже теперь очевидна и признана. Но, к сожалению, современная мода устремилась к другой крайности: к подражанию старинной русской иконописи со всеми ее неправильностями и с присовокуплением разных несообразностей новейшего изобретения. — Здесь новый повод к соблазну. Пред такою иконою не соблазняется раскольник, не могущий отличить правильного рисунка от неправильного, — соблазняется пред нею легкомысленное чадо новейшего

прогресса. Видя уродливость изображений на иконе, это чадо соблазняется, смеется, кощунствует. Его поверхностное образование и просвещение не дают ему возможности отделить в Церкви установлений святых и Божественных от того разнообразного сору, который в различные времена вносился в Церковь немощию, ограниченностию, греховностию человеческою, сообразно духу века. Это чадо новейшего прогресса, чуждое здравого смысла, видя недостаток, внесенный в Церковь человеческою немощию, тотчас колеблется в доверии к самой Церкви, начинает осуждать ее, делается чуждым ее. Сколько вредно соблазнять раскольников, столько вредно соблазнять и современное поколение; сколько нужно снисходить немощи раскольников, столько необходимо снисходить и немощи питомцев новейшего прогресса. *Безпреткновени бывайте*, — сказал святой апостол Павел иудеям и эллинам[1].

В наше время искусство живописи достигло высокой степени усовершенствования. Живописец, желающий писать иконы, достойные Божия храма и назидательные для христиан, имеет для сего наибольшие средства, чем когда-либо; но должен непременно проводить жизнь самую благочестивую, чтоб стяжать опытное познание духовных состояний, должен быть знаком в особенности с благочестивыми иноками, чтоб на лицах их усмотреть то глубокое спокойствие, тот отпечаток небесного тихого радования, ту младенческую простоту, которые являются на этих лицах от тщательной молитвы и от других благочестивых занятий. Пусть он всмотрится в естественность их движений, в отсутствие в них всего сочиненного, всего придуманного. Правильность рисунка необходима для иконы; притом нужно изображать святых свято, такими, какими они были, простыми, спокойными, радостными, смиренными, в таких одеждах, какие они носили, в положениях и движениях самых скромных, исполненных благоговения, основательности, страха Божия. Изображению святого должны быть чужды изысканная поза, движение, изображающее восторженность, положение лица романическое, сентиментальное, с открытым ртом, с закинутою кверху головою или с сильно устремленными кверху глазами. Последнее положение, к которому обыкновенно прибегают для изображения молитвенного состояния, именно и воспрещается иметь при молитве святыми Отцами. Также не должно изображать святых жен и дев с опущенными книзу глазами: дева

[1] *Не подавайте соблазна...* (1 Кор. 10. 32).

начинает тогда опускать вниз глаза, когда явится в ней ощущение греховное; в невинности своей она глядит прямо.

Также начинают многие понимать, что итальянское пение нейдет для Православного Богослужения. Оно нахлынуло к нам с Запада и несколько десятилетий тому назад было в особенном употреблении. Причастный стих был заменен концертом, напоминавшим оперу. Ухо светского человека, предающегося развлечениям и увеселениям, не поражается так сильно этою несообразностию, как ухо благочестивого человека, проводящего серьезную жизнь, много рассуждающего о своем спасении и о христианстве как о средстве к спасению, желающего от всей души, чтоб это средство сохранялось во всей чистоте своей и силе, как сокровище величайшей важности, как наследство самое драгоценное для детей и внуков. Надо знать, что в России вся масса народа проводит жизнь самую серьезную, будучи поставлена в необходимость проводить такую жизнь обстоятельствами. Жизнь развлеченную, веселую, в сфере современного прогресса, могут проводить весьма немногие, потому что для такой жизни нужны достаточные материальные средства. Веселящиеся на земле не должны судить о прочих человеках, как они обыкновенно это делают, по себе. Для того чтоб один веселился, часто тысяча и тысячи должны нести тягчайший труд, проливать горькие слезы и кровавый пот: как мысли и чувства этих тысяч могут быть одинаковы с веселящеюся единицею? Страдания и плач есть достояние падшего человека на земле, как научает нас Евангелие, и этот падший и погибший человек приходит в церковь Божию излить пред Богом именно горестные чувствования свои, раскрыть пред Богом бедственное состояние свое. Большая часть молитв, поемых и читаемых в церкви, выражают прошения погибшего о помиловании, развивают понятие о погибели человечества, показывают ее многоразличные оттенки и признаки, заключают в себе исповедание человеческого падения вообще и исчисление частностей падения. Они переходят по временам к славословию Бога, к радостному хвалению действий Искупителя и Искупления: но и это славословие и эти хвалы произносятся узниками, заключенными в темнице, получившими надежду на освобождение, но еще не получившими освобождения. Радость, производимая надеждою спасения нашего, по необходимости соединена в нас со скорбным ощущением греховного плена. Весьма справедливо святые Отцы называют наши духовные ощущения *радостопечалием*. Это чувство вполне выражается знаменным напевом, который еще

сохранился в некоторых монастырях и который употребляется в единоверческих церквах. Знаменный напев подобен старинной иконе. От внимания ему овладевает сердцем то же чувство, какое и от пристального зрения на старинную икону, написанную каким-либо святым мужем. Чувство глубокого благочестия, которым проникнут напев, приводит душу к благоговению и умилению. Недостаток искусства — очевиден; но он исчезает пред духовным достоинством. Христианин, проводящий жизнь в страданиях, борющийся непрестанно с различными трудностями жизни, услыша знаменный напев, тотчас находит в нем гармонию с своим душевным состоянием. Этой гармонии он уже не находит в нынешнем пении Православной Церкви. Придворное пение (здесь указываю наиболее на обедню; впрочем, «*Господи, помилуй*», поемое на Литургии, уже поется и на всех церковных последованиях), ныне взошедшее во всеобщее употребление в православных церквах, необыкновенно холодно, безжизненно, какое-то легкомысленное, срочное! Сочинения новейших композиторов выражают настроение их духа, настроение западное, земное, душевное, страстное или холодное, чуждое ощущения духовного. — Некоторые, заметив, что западный элемент пения никак не может быть соглашен с духом Православной Церкви, справедливо признав знаменитые сочинения Бортнянского сладострастными и романическими, захотели помочь делу. Они переложили, с сохранением всех правил контрапункта, знаменный напев на четыре голоса. Удовлетворил ли труд их требованию Церкви, требованию ее духа? Мы обязаны дать отрицательный ответ. Знаменный напев написан так, чтоб петь одну ноту, а не по началам (parthèses), сколько бы певцов ни пели ее, начиная с одного певца. Этот напев должен оставаться неприкосновенным: переложение его есть непременно искажение его. Такой вывод необходим по начальной причине: он оправдывается и самим опытом. Несмотря на правильность переложения, канон Пасхи утратил свой характер торжественной радости и получил характер печальный: это уже не восторг, произведенный воскресением всего рода человеческого во Христе, это — плач надгробный. Изменение характера, хотя и не так чувствительное, заметно во всех переложениях знаменного напева и других церковных древних напевов. В некоторые переложения трудившиеся в них внесли свой характер, уничтожив совершенно церковный характер: в них слышна военная музыка, как, например, в «Благослови, душе моя, Господа», коим начинается всенощная. Отчего так? Оттого, что переложение совер-

шалось под руководством военного человека, человека вполне светского, образовавшего свой вкус по музыке антицерковной, вносившего поневоле, по естественной необходимости свой элемент в элемент чисто церковный знаменного напева. Знаменный напев должен оставаться неприкосновенным: неудачное переложение его знатоками музыки доказало эту истину. От всякого переложения характер его должен исказиться. Старинную икону не должно покрывать новыми красками, оставляя неприкосновенным ее рисунок: это было бы искажением ее. Никакой благоразумный человек, знающий отлично иностранные языки, не решится на перевод с них математической книги, не зная математики. Отчего же не придержаться того же благоразумия относительно церковного пения тем знатокам музыки, которые чужды благодатного духа церковного, даруемого Богом за глубоко благочестивую жизнь. Таково суждение не какого-либо частного человека, таково суждение Православной Церкви. Святой Дух возвестил, что песнь Господня не может быть воспета *на земли чуждей*[1]. Не способен к этой песни не только сын мира, но и тот глубоко благочестивый христианин, который не освободил еще от ига страстей своего сердца, которого сердце еще не свободно, еще не принадлежит ему, как порабощенное грехом. Не способен еще к тому тот, кто на поприще христианского подвижничества, весь день сетуя ходит, то есть находится еще в постоянном созерцании греха своего и в плаче о нем, во внутренней клети которого еще не раздался глас радования, радующийся в духовных селениях праведников. Кто ж способен воспеть песнь Господню? в чьей душе она может родиться в утешение и наслаждение той душе, в утешение и наслаждение всей Православной Церкви?

[1] ...*на земле чужой* (Пс. 136. 4).

Воспоминание о Бородинском монастыре

На Бородинском поле верные сыны России совершили долг свой: твердо и мужественно противостали врагу многочисленному, водимому полководцем гениальным, усеяли поле трупами иноплеменников и трупами своими. Обширное поле битвы сделалось обширным кладбищем.

Теперь на Бородинском поле верные дщери России совершают свой долг: над прахом жертв любви к Отечеству они принесли себя в жертву Богу, заживо умерши для мира, — приносят непрестанную жертву молитв о себе и о павших на сражении сынах России.

Поэт! Ты прав; твой глаз постиг характер этого поля: ты нарек его «поле-море». Прочитав название новое, я не понял его, но когда пришлось мне взглянуть с высоты на Бородинское поле, — я тотчас увидел, что это поле — море. Оно обширно, как море; оно — всё в переливающихся, отлогих холмах, как в волнах. Были на нем и другие волны: несметные полки воинов. Утекли эти волны; утекли десятки годов после битвы знаменитой; стоит уединенно на поле смиренная обитель инокинь, как пристань на море.

Лились здесь слезы о павших под острием меча; лились здесь слезы о сраженных преждевременно телесною смертию. Лились слезы в уединении; уединение и слезы очистили око ума. Внезапно пред ним — неожиданное, незнакомое доселе зрелище: умерщвленная грехом душа! Тогда печаль земная соединилась с печалию духовною.

Маргарита прежде всех пришла на кладбище воинства русского, чтоб плакать над могилой храброго супруга; — принесла туда и прах сына, угасшего не на Бородинском поле, чтоб плакать над двумя могилами вместе. Она дала себе обет печали пожизненной, надела на себя черные одежды с тем, чтоб не снимать их никогда.

«Буду плакать над гробами, — помышляла она, — доколе смерть не отрет слез моих, доколе гроб не примет и моего тела».

Бог близок к скорбящим; близок к ним свет Его, близко утешение Его. Маргариту озарило небесное просвещение: она произносит обет иночества, облекается в таинственный образ, принимает новое имя — и уже Мария плачет у гроба Спасителева. Камень скорби земной отвален от сердца: взорам души предстали радостные Ангелы, приносят кроткое утешение веры. По праву, Мария, ты держишь в руках твоих жезл настоятельства на поле Бородинском. Ты приобрела это поле мечом твоим — слезами. Возьми ими и небо.

Постепенно на обширное кладбище, к знамени иноческому Марии, стекались дщери земли русской; постепенно обитель стражей могильных обращалась в обитель молитвенников и служителей Бога. На самом редуте левого фланга, где сеча кипела всего ужаснее, где в знойный день битвы образовалась грязь от смешения крови с землею, где выросли горы трупов, ныне — Святая Церковь. В ней ежедневно приносится Бескровная Жертва о упокоении проливших кровь свою. Девы, умершие миру, воспевают надгробную песнь над витязями, умершими за Россию.

И часто, изможденные бдением и постом, старицы видят в тонком сне на жестких своих ложах: полки воинов вслед за полками возникают неизвестно откуда, идут стройно в уединенную обитель, входят в храм, проходят в святой алтарь, потом скрываются неизвестно куда. Робкие инокини решились приступить к являвшимся с вопросом, кто они. — «Мы те, — ответ был воинов, — за которых вы молитесь; приходим разделять с вами молитвы».

Бородинское поле, поле-море, поле великодушного подвига, убийства страшного, — тихое, безмолвное кладбище, оглашаемое лишь звоном монастырского колокола, сзывающим ежедневно в известные часы инокинь на молитвословие, — и голосом поселян, обрабатывающих землю, пресыщенную кровию! Как пристань тут — обитель; как полки — посевы хлебные; вместо киверов — колосья!

Благочестивые дщери России! Да поможет вам Бог совершать невидимый подвиг самоотверженья! Он помог братиям вашим мужественно встать, встать грудью русскою против гордого супостата; Он да поможет и вам: Он — всесильный Бог.

15 сентября 1847 года

Благополучный день[1]

(15 июня 1848 года было молебствие в Ново-Сергиевском — загородном дворце Великой Княгини Марии Николаевны по случаю получения Ее Высочеством части мощей преподобного Сергия)

Много Святых произрастила благословенная земля Русская. Они сияют различными благодатными дарами с неба отечественной Церкви. Из этого блаженного сонма Преподобный Сергий сияет даром помогать стране родной в ее опасностях и бурях, покровительствовать и споспешествовать ее Царственному Дому. Споборал он герою Донскому против несметных полчищ Мамая; споборал он потомкам Донского против хищных, мятежных казанцев. Во время самого тяжкого отечественного бедствия, во время смут, произведенных самозванцами и сарматами, Преподобный Сергий совершил дивное знамение, знамение историческое; подобного знамения не записано на листах истории других народов. Как волны сокрушаются, рассыпаются, ударяясь о скалу гранитную, так все усилия врагов сокрушились под стенами обители Преподобного Сергия, пред его молитвами, пред силою Божиею, призванною и привлеченною его молитвами. На необъятном пространстве опустошенной, мятущейся России стояла Лавра Сергия, стояла камнем краеугольным. Этот камень отразил всепоглощающие волны! Этот камень сделался камнем обновления и величия России. И Цари и народ, видя помощь Небес, ниспосылаемую чрез предстательство Преподобного Сергия, возлюбили его и его обитель. Туда притекают они к нетленным мощам Угодника Божия, — к живым свидетелям на земле, — как угодна Небу пламенная любовь к Богу, соединенная с любовию к Царю и Отечеству. Святой Сергий — русский народный Святой. В соседстве древней столицы почивает Сергий сном воскресения, являя и предначиная свое воскресение нетлением и присутствием благодати Божией при его теле.

Чудное тело!.. Души многих не способны для присутствия при них Божией благодати, — для такого присутствия способно это тело! Обыкновенно тела человеческие, разлучившись с душами, мгновенно заражаются тлением, начинают издавать зловоние; а это тело противустоит тлению многие столетия, проливает из себя бла-

[1] ОР РНБ. Ф. 550. Q 1. 1520. Л. 222–228.

гоухание! Это тело — давно почившего, а дышит из него жизнь. И является вечная духовная жизнь этого тела в различных исцелениях, в различных знамениях, которые совершаются над призывающими помощь Преподобного Сергия, над лобызающими с верою и любовию его тело, освященное Святым Духом, — над преклоняющими колена пред Святым Духом, таинственно и существенно живущим в этом священном теле!

Ныне совершилось счастливейшее событие; нынешний день должен носить наименование «дня благополучного». Призванный благочестивою Отраслью Царственного Дома русского Преподобный Сергий пришел частицею своего тела, всем исполнением обильной Божественной благодати, соприсутствующей его телу, — пришел преподобный Сергий в обитель благочестивой и боголюбивой Марии. Давно посеялось в душе ее расположение к Угоднику Божию, заступнику Царей и Отечества. Основывая свою летнюю обитель на берегу Бельта, на живописном холме, среди чащи развесистых вековых деревьев, Мария назвала обитель по имени Преподобного Сергия. Рука ее, водимая вдохновением свыше, водимая любовию к Угоднику Божию, начертала изображение храма. По собственному чертежу ее устроенный храм стои́т на оконечности двух аллей: обе они ведут от чертога Царского к чертогу Божию. Преподобный Сергий воздвиг в обители своей храм Пресвятой Троице; последуя в этом Сергию, Мария посвятила храм Пресвятой Троице. Что ж удивительного, — если и сам Преподобный Сергий пришел в обитель Марии!

До 15 июня стояла в Петербурге погода ненастная, бурная; 15-го Мария назначила молебствие в своем храме Пресвятыя Троицы пред мощами преподобного Сергия. С утра легкий ветер разогнал облака; благоухание лета разлилось в воздухе; на чистом, синем небе сияло солнце во всем блеске. Небо казалось каким-то радостным: оно как бы приятно смотрело на дело благочестивой Дщери Царя русского, споспешествовало ее делу благому. К молитвословию стеклись все жители Царского чертога Марии, разделяя с своею Повелительницею усердие к Святому, утешаясь ее усердием святым. Погруженная в глубокое благоговейное внимание, она с старшею дщерию своею предстояла мощам целебным и нетленным Праведника. На берегу Бельта, при шуме волн его, при шуме ветра морского, раздавались молитвенные песнопения священнослужителей, песнопения хвалебные Преподобному Сергию, песнопения хвалебные душе его, ликующею с Ангелами на вечном празднике

Неба, песнопения хвалебные святым мощам его, принесенным в обитель благословенной, благочестивой Марии.

По совершении молитвословия, по произнесении прошения благоденственных и многих лет великому Царю и России, богоизбранному и боговенчанному всему Его семейству Мария облобызала святые мощи святого жителя, вновь пришедшего жить в ее обители. Когда она удалилась, ее домочадцы приступили к святыне с тою простою и девственною верою, которая доселе хранится в сердцах Россиян и составляет их духовную, существенную силу. — 15-е июня — день, по справедливости названный благополучным! в этот день сколько родилось в Царственной обители Ново-Сергиевской впечатлений, ощущений, мыслей — святых, благоугодных Небу.

Да снидет благословение Неба на тебя, Виновница этого дня благополучного! да снидет это благословение на супруга твоего, на чад твоих, на весь дом твой, на дела твои, на все дни и часы жизни твоей, и земной и небесной. А новый житель твоей обители да будет хранителем, стражем твоим, как был стражем рая пламенный Херувим. Таинственно да глаголет он уму и сердцу твоему, да сказует им волю Бога, святые уставы вечности, скорую изменяемость всего временного, да научает тебя высоким добродетелям Евангелия, которые очищают и просвещают душу, которые одни с почестию вступят в блаженную и славную вечность. Ты здесь радушно, с любовию приняла Сергия в твою обитель; — он да споспешествует тебе в созидании нетленной обители в селениях святых и вечных горнего Иерусалима! Да умолит Преподобный Сергий Бога вписать имя твое на Небе в книгу живота, а на земле начертать его на скрижалях истории в светлых лучах славы. Эти лучи испущает из себя чистая, святая добродетель.

15 июня 1848 года

Молитва болящего[1]

Славословлю Тебя, Господь Бог мой, за все благодеяния Твои, которые Ты непрестанно изливал на меня в течение всей жизни моей, за которые я платил Тебе одними увлечениями, одними согрешениями моими. В наказующей меня ныне деснице Твоей я признаю десницу благодетельствующую. Ты посылаешь мне времен-

[1] ОР РНБ. Ф. 550. Q. 1, 1520. Л. 284, 285.

ные болезни предвестниками смерти и вечных болезней ада, которым должны подвергнуться подобные мне грешники; временными страданиями Ты отводишь меня от вечных мучений. Ты ущедрил меня земными благами; но, пресыщаясь ими, я забыл о Тебе, Боге моем; я забыл о неизреченных благах, Тобою уготованных для меня в вечности; весь предался в служение суетному миру. Моим идолом сделались мои греховные похотения: этому кумиру я начал приносить в жертву все силы души и тела, ревностно нарабатывая мою погибель. Ты, милосердный Господь мой, благоволил вспомянуть забывшего о Тебе! Ты отверз брением и плюновением очи слепорожденному: так ныне и мне временным, преходящим открыл очи сердца, и они узрели суету и ничтожность всего временного, узрели всю важность служения Тебе. Прости бесчисленные согрешения мои; хотя отныне даруй мне соделаться служителем Твоим. Да престану творить волю мира, волю греховлюбивых сердца и тела моего! да начну творить волю Твою! Научи меня творить всесвятую волю Твою! Врачуй меня, врачуй божественными врачевствами — Твоим святейшим Словом и Твоими цельбоносными язвами; призывай и приводи меня ими в познание Тебя, в любовь к Тебе! *Ты бьешь всякого, кого приемлешь, и наказуешь всякого, кого возлюбишь*![1] Отдаюсь всецело в волю Твою: твори с созданием Твоим благоугодное Тебе.

Благодарю, славословлю Тебя, Боже мой, благодарю, славословлю Тебя, всемогущий Врач мой! Изливай на меня милость Твою и даруй исцеление немоществующей душе моей, с благодарением и славословием Тебе, с покорностию и преданностию воле Твоей несущей спасительное бремя временных страданий: Ты возлагаешь это бремя на тех рабов Твоих, которым Ты предназначил в удел спасение, вечные блаженства.

Молитва о умершем[2]

В лютой скорби моей покоряю сердце мое и помышления мои Тебе, Господу Богу моему. Ты даровал мне дар, и Ты отъял его. Буди воля Твоя благословенна от ныне и до века: воля Твоя — свята, все действия Твои святы и премудры. Велик Ты в благодеяниях Твоих человеку, велик Ты и в казнях, которыми караешь его: *яко*

[1] Евр. 12. 6. || [2] ОР РНБ. Ф. 550. Q. 1, 1520. Л. 283об.

не оправдится пред Тобою всяк живый, и Ты всегда побеждаешь, как Всесовершенный, на суде, на котором Ты судишься с совестию человека. Благоговейно преклоняю главу мою пред Тобою, я, недостойное и немощное Твое создание: Твое отдаю Тебе. Прими почившего в Твое вечное блаженство! отъяв у него смертию блага временные, сторично ущедри его благами вечными. Даруй мне остаток земной жизни провести Тебе благоугодно, в вечную пользу душе моей и душе почившего, и горькую разлуку временную вознагради вечным союзом для вечного блаженства.

А ты, душа, драгоценная для моего сердца, стряхнув с себя бремя плоти, лети в высокий и святой Едем. На пути твоем к небу никто да не дерзнет остановить тебя! да отворятся тебе двери рая! да встретят тебя радушно небожители! присоединись к их святому сонму и наслаждайся вечно лицезрением Бога. Но, когда придешь в рай и стяжешь дерзновение у Господа, вспомни о земном друге твоем, неутешно оплакивающем разлуку с тобою: умоли милосердого Бога, чтоб даровал мне, пожив благочестиво, придти к тебе в твое светлое селение, там, в блаженном, святом соединении с тобою, забыть мое страшное горе и утешиться утешением, для которого нет уже измены.

Голос из вечности

(Дума на могиле)

В сумраке тихого летнего вечера стоял я, задумчивый и одинокий, на могиле моего друга. В тот день совершено было поминовение о нем; в тот день семейство его долго оставалось на могиле. Почти не слышно было слов между присутствовавшими: слышны были одни рыдания. Рыдания прерывались глубоким молчанием; молчание прерывалось рыданиями. И долго сменялись рыдания молчанием, молчание рыданиями.

Стоял я, задумчивый и одинокий, на могиле; стоял осененный впечатлениями дня. Внезапно овладело мною неожиданное, чудное вдохновение. Как будто услышал я голос почившего! — Загробную речь его, таинственную беседу, чудную проповедь, какою изобразилась она в душе моей, спешу начертать трепещущею рукою.

«Отец мой! мать моя! супруга моя! сестры мои! В черных одеждах, облеченные в глубокую печаль и телом и душою, стеклись вы

к моей одинокой могиле, — с поникшими главами окружили ее. Безмолвно, одними помышлениями и чувствованиями, вы беседуете с безмолвствующим жителем гроба. Сердца ваши — фиалы неисцельной грусти. Потоки слез льются из очей ваших; вслед за потоками пролившимися рождаются новые слезные потоки: печали нет дна, слезам нет конца.

Младенцы — дети мои! и вы здесь у камня могильного, у камня надгробного! И на ваших глазках навернулись слезки, а сердце ваше не знает, о чем плачут очи, подражающие очам отца моего, очам моей матери. Вы любуетесь камнем надгробным, камнем светящимся, гранитом зеркальным; вы любуетесь надписью из букв золотых; а они — этот гранит и эта надпись — провозвестники вашего раннего сиротства.

Отец мой! мать моя! супруга моя! родные и друзья мои! что стоите вы так долго над моею могилою, над хладным камнем, хладно стоящим на страже гробовой? Давно уже охладело мое бездыханное тело; по приговору всемогущего Творца оно возвращается в свою землю, рассыпается в прах. Какие тяжкие думы объемлют вас, удерживают на могиле моей?.. Служители алтаря принесли у нее молитву о упокоении моем, возгласили мне вечную память в спасающем и упокоевающем меня Боге. Они отошли от могилы безмолвной: уйдите и вы. Вам нужен покой после подвигов души и тела, измученных, истерзанных скорбию.

Вы нейдете!.. вы здесь!.. вы приковались к месту моего погребения! В молчании, сказывающем более, нежели сколько может сказать самое пышное красноречие, — с душою, для которой нет объяснения, — с сердцем, в котором обилием чувств поглощается определенность чувств, вы не отступаете от могилы, запечатленной на многие веки, от камня — памятника бесчувственного. Что надо вам?.. Не ожидаете ли вы из-под камня, из недр могилы мрачной моего голоса?

Нет этого голоса! Вещаю одним молчанием. Молчание, тишина нерушимая — достояние кладбища до самой трубы воскресения. Прахи мертвецов говорят без звуков, в которых нуждается слово земное: тлением осуществленным они возглашают громкую проповедь, убедительнейшее увещание к мятущимся, шумящим на земной поверхности искателям тления.

И есть еще у меня голос! И говорю с вами, и отвечаю на ваши неизъяснимые думы, на ваши непроизнесенные и невыразимые вопросы. Послушайте меня! Отличите мой голос в общем голосе,

которым говорит вечность ко времени! — Голос вечности один, — неизменяем, непреложен. В ней нет непостоянства, переменчивости: в ней день — один, сердце — одно, мысль — одна. Соединяющий все воедино — Христос. Оттуда голос — один.

В этом голосе, которым говорит вечность, в этом голосе безмолвном и вместе подобном грому, отличите мой голос! Неужели вы, родные мои, не узнаете моего голоса? Мой голос в общем, едином голосе вечности имеет свой отдельный звук, как голос струны в общем аккорде многострунного фортепиано.

Вещал всем нам голос вечности, вещал с времен явления нашего в бытие. Вещал он нам, когда мы были еще не способны внимать ему; вещал он нам и в зрелом возрасте нашем, когда мы уже могли и должны были внимать ему, понимать его. Голос вечности!.. увы!.. мало прислушивающихся к тебе в шумной земной гостинице! То препятствует внимать тебе младенчество наше; то препятствуют внимать тебе заботы, развлечения житейские. Но ты не умолкаешь. Говоришь, говоришь — и наконец, чрез грозного посланника — смерть требуешь и внимательного, и невнимательного слушателя к отчету во внимании и послушании великим глаголам вечности.

Чтоб голос вечности имел для вас особенный отголосок, особенно способный проникать в ваше сердце, привлекать к слову спасения ум ваш, — Бог причислил меня к говорящим из вечности. Мой голос слился в стройное согласие с общим голосом обширного невидимого мира. Для всех странников земли я — мертв, безгласен, как и все мертвецы, но для вас я — жив и, мертвый, говорю слово спасения открытее, сильнее, нежели как сказал бы его, оставаясь между вами и гоняясь вместе с вами за призраками благ, которыми тление обманывает и губит изгнанников из рая, помещаемых на короткое время в земной гостинице для примирения с прогневанным ими Богом.

Бог — милостив, милостив бесконечно. Если б было нужным и полезным, — внезапно из тьмы могильной, из-под тяжкого камня отозвался бы я вам!.. Небо признало частный голос из вечности излишним. И какой голос из вечности уже нелишний, когда Бог благоволил, чтобы не только равноангельные человеки, но Сам Единородный Сын Его возвестил вселенной волю Его, возвестил святые и строгие уставы — блаженной для послушных, страшной для непокорных — вечности? *Имут Моисея и пророки: да послушают их*[1], ответ был Неба просившему голоса умерших для проповеди

[1] Лк. 16. 29.

живущим на земле плотскою жизнию, умерщвленным душевной вечною смертию. *Аще Моисея и пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры*[1].

Товарищ мой — мертвец, но еще с живым словом в устах! Прими от меня поручение и исполни его.

Вот отец мой! вот мать моя! вот супруга моя! вот родные мои! не могу говорить с ними иначе, как общим голосом вечности. В этом голосе они слышат звук и моего голоса... да, они слышат его!.. но нет у меня отдельного, частного, моего слова... Товарищ мой! будь моим словом; из общей нашей сокровищницы, из священной вечности, скажи им за меня краткое, нужнейшее для них слово: «Земная жизнь — мгновенное обманчивое сновидение. Вечность — неизбежна. Есть и бедственная вечность!.. Стяжите ж вечность блаженную вниманием, повиновением всесвятому Закону всесвятого Бога, — и приходите ко мне на верное, некончающееся наслаждение, каждый в свое, Самим и Единым Богом назначенное, время!»

1848 года, Сергиева пустынь.

Дума написана на кончину К. Ф. О<почини>на, бывшего с юных лет в близких отношениях с архимандритом Игнатием Брянчаниновым.

О хранении сердца[2]

1. Может ли кто сказать о себе: я свят, ибо пощуся, живу в пустыне и раздал имения моя? — Неужели свят тот, кто не очистил внутреннего человека. Очищение есть — не простое воздержание от страстей, но искоренение оных из сердца; вот в чем состоит совершенное очищение! Сквозь туман помыслов, непрестанно в тебе возникающих, войди (о человек!) к душе твоей, плененной грехом и рабе оного, рассмотри до дна мысли твои и исследуй глубину помышлений твоих; тогда увидишь ты змия, ползающего и гнездящегося в недрах души твоей, который, отравив ее члены, тебя убил. (Сердце есть неизмеримая бездна.) Если ты умертвишь сего змия, то хвались пред Богом чистотою твоею; если же нет, — смирись, как немощный и грешный, и о тайных твоих умоляй Бога.

2. Во внутренности сердца сокрыта истинная смерть; сею смертию может быть умершим внутренний человек и при жизни внешнего. Итак, кто перешел от смерти к жизни во внутренности сердца, тот поистине будет жив вовеки и уже никогда не умрет. Хотя

[1] Лк. 16. 31. ‖ [2] ОР РГБ. Ф. 425 (П. П. Яковлев). К. I. Ед. хр. 13.

его тело и разлучится на некоторое время с душою, однако оно освящено и восстанет со славою. Вот почему смерть святых называем мы сном.

3. Всё старание нашего противника состоит в том, чтобы отвлечь нашу мысль от памяти и любви Божией и от истинных благ к мнимым и несуществующим, употребляя к сему прелести мирские. Лукавый старается растлить и осквернить всякое доброе дело человека, примешать в сердце к заповеди Божией свое семя тщеславия и самонадеянности, дабы делаемое доброе дело не было сделано единственно для Бога, и не из единого доброго расположения.

4. Что ж нам делать, никогда не приступавшим ко испытанию совести? С чего должны мы начать вхождение во внутренность нашего сердца? — Стоя вне, да стучимся постом и молитвою, по заповеди Господней: *Толцыте и отверзется вам*[1]. Если пребудем постоянно в поучении Слова Божия, в нищете, смиренномудрии, во всех добродетелях по его заповедям, стучась день и ночь в духовную дверь Господню, то, без сомнения, возможем найти искомое. Всякий, желающий избежать тьмы, может избежать оной сею дверью: ибо, вступив в дверь сию, вступает в свободу души, приемлет помыслы, достойные оной, приемлет в себя Небесного Царя Христа.

К земному страннику

О путешественник земной! проснись от сна:
Твоя грехов сума полна;
Ты погружен, как в сон глубокий, в нераденье.
Престань напрасно жизнь — бесценный дар мотать!
Не то придет к тебе внезапно смерть — как тать...
А в вечности вратах — ужасно пробужденье!

15 декабря 1848 года

---

[1] Мф. 7. 7.

Убили сердце[1]

Здесь все мне враждебно, все смерти тлетворным
дыханием дышит:
Пронзительный ветер, тяжелые воды, пары из болота,
Измены погоды и вечно нахмуро-грозящее небо.
Как бледен луч солнечный, Бельта повитый
туманом и мглою!
Не греет он, жжет!.. Не люблю, не люблю я
сиянья без жизни!..
Сражен я недугом, окован как цепью, к одру им прикован,
Им в келлии заперт. Затворник невольный,
влачу дни ко гробу.
А сердце мое?.. Ах, убили его!.. Оно жило доселе,
Страданьями жило, но жило. Теперь — тишина в нем
могилы.
Его отверзал я с любовью и верой, открытой
всем ближним.
Вонзили мне в сердце кинжалы; и были кинжалы наградой
За дружбу, за слово прямое, за жизнь, принесенную
в жертву!..
Уйду я, убитый, уйду от людей я в безвестность пустыни!..
Я вижу, что людям приятно и нужно: им нужны лесть,
подлость,
Тщеславие, чуждое истинной славы. Забыли, что слава —
от Бога,
От совести чистой. Но Бог им не нужен, и совесть им —
бремя;
Не нужны им в слуги наперсники правды с общественной
пользы желаньем:
Им нужны рабы — орудья их воли развратной...
Уйду от людей и в глубокой пустыне предамся рыданьям:
Там в пищу мне будут лишь стоны, а слезы — напитком.
Оплачу себя, мое сердце убитое, мір, в зло погруженный,
И сниду в могилу печальный, в надежде отрады на небе.

---

[1] Печатается по: *Сергей Нилус*. Полное собр. соч. Т. 3. Святыня под спудом. М.: Паломникъ, 2000. С. 23–24.

Жалоба[1]

Для страждущей души моей
Искал я на земле врачей,
Искал я помощи, отрады;
Моим болезням были рады.

Надежда тщетна на друзей
Моих минувших счастья дней;
Они со мною пировали —
И одаль встали в дни печали.

Не утушит тоски вино!
Напрасно сердцу утешенья
Искать среди самозабвенья:
Грустней пробудится оно,

И в развлеченьи нет отрады!
Нет прочной в нем тоске преграды:
Еще веселья слышен шум.
А грусть, как ночь, туманит ум.

Испытан я судьбой, врагами,
Изранен многими стрелами:
Пытали клеветой меня,
Предательством был мучен я.

И долго, долго я томился...
Но наконец сквозь толщу туч,
Сквозь мрак суждений мира, луч,
Луч света радостный пробился.

Прозрел я, ожил. Оживленный,
Святою верой просвещенный,
Спокойно совершаю путь,
Которым к вечности идут.

———

[1] ОР РНБ. Ф. 550. Q 1, 1520. Л. 280–282.

Совет душе моей

Какой подам душе совет,
Когда Христос — от Света Свет —
Советует скорбей терпенье,
Чтоб в горнее достичь селенье!

Плотская сласть, земная честь
И тленного богатства лесть,
Пленяющие человека,
Пребудут ли при нем в век века?

Приходит смерть; ее коса
Лицеприятия не знает:
Равно под нею упадает
Власть, сила, гений и краса.

Бедняк забвенный, — вот лежит
Близ богача или героя.
И червь, во тьме могильной роя,
Главу надменного смирит!

Душа, душа! Прими совет!
Вне стезь Его спасенья нет!
Укрась себя постом, слезами,
Молитвой, многими скорбями!

В святый Божественный чертог,
В светлейшую обитель рая
Ты вступишь, радуясь, играя!
Там ждет тебя с наградой — Бог!

Думы затворника[1]

Какое значение имеет безмолвник, затворенный в келлии своей и пребывающий в ней неисходно? Это преступник, сознавшийся в преступлениях, приговоренный к смерти. Ежечасно ожидающий, что приговор будет исполнен, по причине этого ожидания, по причине — сознания своей греховности он погружен в непрерывающуюся печаль. Но Господь его милосерд бесконечно, и он, основываясь на бесконечном милосердии Господа своего, вопиет к Господу о помиловании. Вопиет он непременно, вопиет с плачем, вопиет из глубины сердца, вопиет он одним умом, при молчании уст, умом, упадшим в глубину сердца, уединившимся в этой пустыне, у которой расторгнуты все сношения с миром, утрачено сочувствие ко всему временному и преходящему.

Я заключился в келлии моей, говорит безмолвник, как в тюрьме, чтоб насильно отвлечь себя от развлечения, — чтоб принудить себя к очищению моей греховности, к сознанию в ней, к исповеданию ее; может быть, в душе моей проснется чувство покаяния и умиления. Может быть, умолю я Бога моего о помиловании меня, и избавит Он меня во время земной жизни из темницы греховной; а когда совлекусь тела и уйду в землю, избавит от заключения в темницу адскую, которая узников своих томит и держит в своем страшном и душном мраке вечно. Текут час за часом, день за днем, сменяются стройной чередой недели — месяцы — годы. Настоящее непрестанно делается прошедшим; и то, что стояло пред ним и виднелось в отдаленной будущности, — настоящим; непрестанно приближаюсь к отшествию отсюда. Взгляну иногда из окон моей келлии на ту скромную картину природы, которая видна из них, и ощущаю, что взоры мои — взоры гостя. Здесь все уже чуждо мне, другая страна, недоведомая мне, ожидает меня. Соглядал я ее только верою, но я уже при вратах ее. Внезапно и мгновенно врата эти могут отвориться, отворятся они непременно, отворятся неизвестно когда.

Земная жизнь каждого человека — путешествие, — путешествует от колыбели ко гробу; проходит чрез различные возрасты, чрез различный образ мыслей, чрез различные ощущения, чрез различные обстоятельства. Нагими входим на поприще земной жизни и ложимся в гроб, оставив все вещественное, приобретенное во время земной жизни, лишь прикрытые необходимою одеждою, в кото-

[1] ОР РГБ. Ф. 213 (Опт. Пуст.). К. 106. Ед. хр. 15. Л. 5об.

рой нуждается не нагота наша, в которой нуждаются взоры созерцающих наше погребение. Что износим мы в вечность? Очевидно, усвоенный образ мыслей, усвоенные ощущения. Вижу себя схваченным и держимым разбойниками. Они связали меня крепкими веревками, оковали тяжелыми цепями, привили ко мне неисцелимые недуги; что странно: я сам помогал им совершать надо мной ужасное злодеяние. От болезненности я пришел в расслабление. Потерял способность к деятельности. Ощущаю, что жизнь едва жива во мне.

Окован я оковами внутри меня, в душе моей; оковы отняли у меня возможность к движению; разбойники приставили ко мне неусыпную и неумолимую стражу. Болезнь моя многообразная — греховность; язвы — мои страсти, железные цепи — это греховные навыки, насильно влекущие к совершению ненавистных мне грехов; разбойники — духи злобы. И сам не имею сил, и они не дают мне возвратиться в Иерусалим. Не дают сосредоточиваться в сердце помыслам, рассеянным и скитающимся по вселенной без нужды, цели; не дают мне там, в храме истинного Бога, поклониться духом и истиною. Нет во мне свидетельства жизни, которая бы всецело заключилась во мне самом; я подвергаюсь совершенному исчезновению жизненной силы в теле моем. Я умираю. Не только бренное тело мое подчинено смерти, но и самая душа моя не имеет в себе условия жизни нерушимой; научает меня этому Священное Предание Церкви Православной. Душе, равно и Ангелам, даровано бессмертие Богом; оно не их собственность, не их естественная принадлежность; тело для поддержания жизни своей нуждается в питании воздухом и произведениями Земли. Душа, чтоб поддержать и сохранить в себе бессмертие свое, нуждается в таинственном действии на себя Божественной десницы.

Кто я? Явление, но чувствую существование мое. Многие годы размышлял некто об ответе удовлетворительном на предложенный вопрос, размышлял и, углубляясь в самовоззрение при свете светильника духа Божия, многолетним размышлением он приведен к следующему относительному определению человека.

Человек — отблеск существа, характер существа. Бог, Един Сый, отражается в жизни человека. Так изображает себя солнце в чистой дождевой капле. В дождевой капле мы видим Солнце. Но то, что видим в ней, — не солнце; солнце — там, на высоте недосягаемой. Что душа моя? Что тело мое? Что ум мой? Что чувства сердца?

Что чувство тела? Что силы души и тела? Что жизнь? Вопросы неразрешенные.

В течение тысячелетий род человеческий приступал к обсуждению этих вопросов, усиливался разрешить их и отступил от них, убеждаясь в их неразрешимости. Что может быть знакомее нашего тела. Имея чувство, оно подвергается действию всех этих чувств; познание о теле должно быть самым удовлетворительным, как приобретаемое и разумом и чувством. Оно точно таково в отношении познания о душе, о ее свойствах и силах. О предметах, не подверженных чувствам тела.

Достопримечательный сон жителя Санкт-Петербурга Н., записанный архимандритом Игнатием[1]

Н., житель Санкт-Петербургский, крещенный и воспитанный в Православной Восточной Кафолической Церкви, проводящий жизнь супружескую, видел 1845 года — с 2-го генваря на 3-е — следующий достопримечательный сон.

Ему представилось, что он находится в необозримом пространстве между небом и пропастью. В сем пространстве был восход, по которому души почивших восходили от пропасти на небо; восход простирался до самого неба и нисходил в упомянутую глубокую пропасть, которой конца по темноте ее не было видно. В пропасти было множество людей; одни видны были до половины, у других видна была голова, иные были чуть заметны. По всему восходу простирались рядами мытарства бесовские, на которых бесы останавливали души, стремившиеся к небу. Бесы были похожи на людей развратной жизни и злобного нрава; лица их были мрачны, отвратительны и расстроены, в некоторых из них Н. находил сходство с известными ему на земле людьми зазорного поведения. На мытарствах было несметное множество бесов, которые кричали, спорили, от чего слышен был невнятный страшный гул. Н. видел, что некоторые души едва только приближались к восходу, как были низвергаемы в пропасть. При сем Н. слышал явственно смех и голос: «А! это татарин, вниз его!» — Некоторые души подымались по восходу довольно высоко; тогда появлялось в бесах беспокойствие и суетливость. Когда же таковая душа не могла далее идти и низвергалась вниз, то раздавался в полках бесовских громкий хохот, они восклицали: «Провалился! Эк, куда было забрался!»

Н., смотря на сие зрелище, размышлял сам с собою: «Вот ученые на земле рассуждают о пространстве и его беспредельности,

---

[1] ОР РГБ. Ф. 425 (П. П. Яковлев). К. I. Ед. хр. 11. Л. 1–2об., 3.

о светилах небесных, о их длинных неизмеримых путях, и тем заставляют невольно сомневаться в том, что теперь открывается душе». Он рассматривал пространство, в котором, казалось ему, что он летал, которое имело свет, но не было освещено солнцем. Других светил также он не видел.

Внезапно раздался крик в восходе: «О. Архимандрит, О. Архимандрит!» Некоторые кричали: «Давай его сюда!» — Н., как питающий особое расположение к тому, чье имя он услышал, приблизился к мытарствам, чтоб лучше рассмотреть, что будет совершаться с душою. И видит, душа начала подыматься по восходу; между бесами поднялся шум; что они говорили, того Н. за множеством голосов, говоривших в одно время и сливавшихся в один невнятный гул, не мог расслышать; но душа подымалась выше и выше.

Н. следовал за душою, как бы со стороны, как наконец душа достигла самого неба, которое состояло из какого-то облака. Тогда отверзлось облако и вышел оттуда преподобный Сергий, в епитрахили и черной мантии, лицо его сияло чудным светом, он начал обнимать Архимандрита, целовать его, и говорит ему: «Как я рад, что ты достиг сюда, я много о тебе заботился».

Бесы, когда отверзлось небо и появился оттуда выходящий преподобный Сергий, несколько отступили, как бы отраженные какою силою. Преподобный Сергий, взяв Архимандрита за руку, ввел его в небо, после чего небо затворилось. Н. при отверзении неба мог усмотреть, что там несказанный чудный свет, какие-то необыкновенные сады. По отшествии преподобного Сергия и Архимандрита он оставался близ неба, которое вблизи имело вид облака; он покушался проникнуть далее, но облако не пропускало его. Тогда некоторые из бесов подлетели к нему и говорили: «Зачем ты здесь? Это не твое место; иди туда» — и показывали ему на стоящее вдали бесчисленное множество народа. Н. отвечал бесам: «Вы напрасно беспокоитесь; вы видите, что если б я и хотел проникнуть далее, то облако меня не пустит; дайте мне постоять здесь». После сего бесы удалились. Н., находясь близ неба, начал кричать: «О. Архимандрит, о. Архимандрит!» — Небо отверзлось, вышел Архимандрит и спрашивает: «Это Вы, Н.? Давно Вы здесь?» Н., не помня времени и спеша объявить свою усердную просьбу, говорит: «Нельзя ли меня взять к себе? Вы видите, каково мое здесь положение». — Архимандрит сказал: «Я пойду спрошу». Он удалился, а по прошествии краткого времени возвратился и говорит: «Теперь Вам никак нельзя; а скоро должна пройти Ваша супруга, и она будет

иметь возможность перевести Вас сюда». После сего небо опять прияло Архимандрита, а Н. остался дожидаться, чтоб посмотреть, как будет проходить его супруга. — В сем ожидании он просыпается и видит всего себя облитого потом. Сей сон чрезвычайно сильно напечатлелся в его памяти, и каждый раз, когда вспомнит о нем, живо изображается пред ним виденное, возбуждая его к умилению и слезам.

Н. поехал в обитель любимого им Архимандрита, о котором ему было открыто в его чудном сновидении. Сей со слов видевшего и поведавшего написал сие сказание во славу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, не хотящего смерти грешников, но спасения их, совершавшего и совершающего великие знамения избранным сосудом Своим преподобным Сергием. Аминь.

25 января 1845 года

Уроки словесности, преподанные Преосвященнейшим епископом Игнатием[1]

Урок I
Понятие о словесности

Словесность есть **разумная** способность души человеческой.

Эта способность выражается разнообразно, например, в различных художествах, ремеслах и работах; **преимущественно** же она выражается в **слове**. От преимущественного, или главного, выражения своего **разумная способность** получила название свое.

К числу других способностей души человеческой принадлежит **воображение** и **память**. Этими двумя способностями одарены и животные. Посредством **воображения** предметы видимого мира **напечатлеваются** в душе; посредством **памяти** впечатления **сохраняются** в душе.

Ум может из впечатлений, доставленных воображением, составлять по произволу своему разные картины; ум может даже придумывать предметы несуществующие и составлять из них соответствующие картины, доставляя им при посредстве воображения как бы существование. Составление этих картин и самые картины назы-

[1] В ряду наиболее важных предметов, которыми должен заняться, по мысли епископа Игнатия, проектируемый им Собор Российской Православной Церкви, значится и преобразование духовно-учебных заведений с приспособлением их к задачам духовного воспитания и богословского образования. Преосвященный Игнатий проектирует в пункте 8 составление учебников для духовно-учебных заведений с изъятием из них всего языческого и безнравственного. Печатаемые нами впервые «Уроки словесности», полагаем, иллюстрируют мысль владыки Игнатия о должном направлении преподавания этого предмета. — *Примеч. Л. Соколова.* [Текст печатается по: *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. II. Приложение. Киев, 1915. С. 70–82.]

ваются **мечтанием** и **фантазиею**. Мечтания не имеют животные, как лишенные ума, составителя мечтаний.

Ум подобным образом действует и чрез память. Память, в зависимости от ума, накопляет впечатления не только из вещественного мира, но и из мира духовного, из области умственной. Сумма впечатлений, накопленных памятию, составляет **познания** человека.

Ум есть способность мыслить.

Ум, облеченный в усвоенные им мысли или познания, называется **разумом**. Усвоенные мысли умом способны изменяться, а потому и разум бывает в различных видоизменениях. Он бывает детским, зрелым, истинным, ложным, плотским, духовным.

Ум, как природная способность, бывает светлым, острым, обширным, глубоким, тупым, скудным.

Мысль есть **выражение разума о чем-либо**, или: мысль есть **выражение какого-либо одного познания**. Например: свеча горит, дитя учится, любовь есть высшая между добродетелями. Хотя мысль естественно родится из ума, но как ум человека всегда имеет усвоенный себе образ мыслей и производит новые мысли соответственно этому образу, иначе производить их не может, то определение мысли человеческой, нами сделанное, есть самое точное. То же должно сказать и о мысли всех разумных тварей; но в Существе всесовершенном, Боге, мысль есть выражение ума.

Ощущение добродетелей и изящного, также порока и зла, принадлежит к словесности человека, находится в зависимости от ума, потому что ощущение это не может существовать и не существует в животных, не имеющих ума, имеющих другие ощущения, подобные человеческим. Это ощущение, самая способность этого ощущения называется **духом** человека. **Дух** находится в **согласовании** с разумом; ощущения могут быть истинными, ложными, плотскими, духовными, добрыми, греховными.

Когда посредством телесных чувств и способности воображать усвоится душе впечатление из видимого мира, тогда это впечатление называется **понятием**.

Приобретенные человеком понятия имеют разные степени. Они могут быть:

Ясные, когда отличаем предмет от других предметов, хотя и не имеем о нем полных сведений. Таковы вообще понятия человеков о небе, о воде, о земле, о траве, о деревьях и прочих подобных предметах. Не зная в точности, что значат эти предметы, человеки отличают их один от другого.

Подробные понятия подобны ясным, но уже не так поверхностны. Они предполагают знание многих признаков предмета, которыми он отличается от других предметов. Имеющий такое понятие может **описать** предмет.

Полные, или **совершенные**, понятия, — когда знаем столько признаков предмета, что можем указать на совершенное **различие** его от всех прочих предметов, отделить его от всех прочих предметов, иначе **определить**.

В понятиях о предметах мы замечаем связь и постепенность. Иные из предметов составляют нечто **целое**, другие имеют значение **частей**. Соответственно предметам понятия о предметах имеют свою постепенность и свои отношения.

Целое есть то, что состоит из **частей. Часть** есть то, что с другими подобными предметами составляет **целое**. Предмет может иметь значение **целого** по отношению к частям своим и вместе быть **частию** по отношению к другому предмету. Например: губерния, по отношению к ее уездам, есть **целое**, а по отношению к государству есть **часть. Государство** есть **целое** по отношению к областям своим; оно — **часть** по отношению к той части света, в которой находится.

Усмотрено между предметами и другое, подобное отношение. Оно изображается наименованиями: **нераздельное**, **вид** и **род**.

Нераздельное имеет сходственное значение с значением части: нераздельное есть то, что имеет свое собственное, отдельное существование. Например: Ярославль, Кострома, Вологда, Тула, Вятка. Каждый из этих городов имеет свое отдельное существование и в отношении к самому себе составляет **нераздельное**.

Когда многие нераздельные имеют одно общее свойство, тогда это общее свойство их называется **видом**. Так: Ярославль, Кострома, Вологда, Тула, Вятка имеют то общее им свойство, что они — губернские города.

Когда многие **виды** имеют одно общее им свойство, то это общее свойство называется **родом**. Так: столицы, губернские города, уездные, заштатные, села, посады, деревни имеют общее свойство **человеческого селения**.

Это подразделение необходимо при составлении **определений**.

Определение есть полное и совершенное понятие, выраженное словом. Чтоб составить определение предмету, который имеет значение **нераздельного**, приискивается **вид его** и **то различие,**

которым предмет решительно отличается от всех прочих предметов одного с ним вида. Например: Симферополь есть губернский город Таврической губернии; Вятка есть губернский город Вятской губернии. Чтоб точнее определить **нераздельное**, должно совокупить вместе несколько самых отличительных признаков этого нераздельного. Таким образом, будет более точным определение: Симферополь есть губернский город Таврической губернии в Российском государстве, под такими-то градусами долготы и широты.

Чтоб определить вид, приискивается род его и то различие, которым он отличается от всех прочих предметов одного с ним рода. Например: губернский город есть тот город в каждой губернии Российского государства, в котором сосредоточено главное управление губернии.

Описание подходит к определению, как исчисляющее многие признаки предмета; но от него не требуется доставления того решительного отличия предмету от всех прочих предметов, как требуется от определения. Описание чем более исчислит признаков предмета, тем бывает **полнее**; чем признаки эти **существеннее**, тем оно **определеннее**.

Сказанное о понятиях, доставляемых предметами вещественного мира, относится и к понятиям, получаемым из умственной области и из духовного мира. Первого рода понятия, как приобретаемые при посредстве телесных чувств, называются **чувственными**; понятия второго рода – **отвлеченными**. Отвлеченные понятия суть впечатления, производимые на нас нашим разумом и нашими ощущениями. Таковы понятия о добре, о зле, о вере, о учености и прочее.

Отвлеченные понятия могут быть также **ясными**, **подробными** и **полными**. Отвлеченные предметы также могут быть подразделяемы на целое и части, могут иметь характер нераздельного, вида и рода. Например: добродетель – это род; смирение, любовь, терпение – это виды; смиренномудрие по отношению к смирению есть **часть** и **нераздельное**; смирение в отношении к смиренномудрию есть **целое** и **вид**. Смиренномудрие можно определить так: смиренномудрие есть смирение ума.

Понятие, выраженное голосом или письменно, называется **словом** или **речением**, и наоборот: всякое **слово** есть выражение какого-либо понятия, за исключением **глагола**, который есть выражение мысли, и который по этой причине преимущественно пред прочими словами называется словом (verbum), глаголом.

Но в неокончательном наклонении он выражает также понятие. Примеры понятий, выраженных словами: *человек, приятный, он, который, любить, очень, потому что, где, ах!*

Выражение одной мысли словом или словами называется **логическим предложением**. Например, ***люблю*** есть логическое предложение, как вполне выражающее одну мысль; напротив того: ***образованный, умный, приятный, ловкий человек*** есть только понятие.

Выражение вообще мыслей словами называется **речью**.

Наука **правильно** употреблять слова называется **грамматикой**.

Искусство воспроизводить **правильно** и **изящно** речь называется **риторикой**.

Изучение грамматики предполагается по учебнику господина Востокова: почему здесь от понятий о способности человеческой, называемой словесностию, мы переходим к искусству правильно и приятно воспроизводить речь — к риторике.

Урок II
О превращении предложений в периоды

Речь, в начальном ее виде, есть **предложение**. Или:

Предложение есть выражение одного какого-либо познания, одной какой-либо мысли, относящихся к ясному понятию.

Примеры выставлены выше.

Предложение состоит из двух частей: **подлежащего** и **сказуемого**. Подлежащее есть то, о чем говорится. Сказуемое есть то, что говорится о подлежащем[1].

По такому свойству своему предложение должно выражаться только самыми необходимыми словами, чтоб ими изобразилась простая мысль, в первоначальном ее появлении. Воспроизведенное таким образом предложение будет воспроизведено самым правильным образом. **Изложение**, по причине **правильности**, должно быть и **приятным**, потому что во всех видах речи существенное достоинство и изящество доставляются ей **правильностию**.

Не всегда предложение может быть изображено одними необходимыми словами для одного ясного понятия: часто мысль требует

---

[1] Подробное учение о предложении, о подлежащем, сказуемом и связи смотри в «Грамматике» Востокова о словосочинении.

многих слов для удовлетворительного объяснения своего, для изложения подробного и полного понятия как о подлежащем, так и о сказуемом. Предложение, выраженное многими словами, называется **периодом**. По такому отношению предложения к периоду из всякого **предложения** можно составить **период** и из всякого **периода** извлечь **предложение**, заключающее в себе главную, основную мысль.

Период есть то же предложение, изображенное большим количеством слов для полноты понятия.

Цель, с которою прибегаем к большему количеству слов, заключается в том, чтоб о мысли, о которой в предложении дано лишь ясное понятие, дать понятие, по возможности, точное, полное. Сообразно этой цели укажем на **способы**, посредством которых предложение превращается в период. Совершается это посредством присовокупления к словам предложения.

1) Слов определительных и дополнительных[1].

Пример. ***Человек создан Богом***: это – предложение. **Первый** человек, **Адам, чудно** создан **из ничего всемогущим и всеблагим** Богом. Здесь подчеркнуты **определения и дополнения**.

2) Слов и выражений **подобозначащих**, но никак не тождезначащих.

Пример. ***Превосходнейшее из всех земных созданий***, человек, чудно сотворен из ничего всемогущим и всеблагим Богом, ***Творцом всех видимых и невидимых тварей***.

3) Придаточных **предложений**.

Пример. Превосходнейшее из всех земных созданий, человек, чудно сотворен из ничего всемогущим и всеблагим Богом, ***Который заключил все дело творения сотворением человека***,

или: Превосходнейшее из всех земных созданий, человек, чудно сотворен всемогущим и всеблагим Богом, ***Который, как бы возлагая священную печать на дело творения, сотворил после всех тварей человека***.

В первом примере одно придаточное предложение; во втором два придаточных предложения.

4) Слов и выражений, означающих **противное**.

Пример. Превосходнейшее из всех земных созданий, человек, в ***противоположность грубым массам бесчувственного вещества, явившимся в начале дел Творца***, сотворен после всех тварей всемогущим и всеблагим Богом, Который, как бы возлагая священную печать на дело творения, сотворил наконец человека.

[1] Смотри о них в «Грамматике» Востокова, о словосочинении.

5) Когда исчисляем, служащее к объяснению мысли в предложении по вопросам: кто? что? где? при какой помощи? для чего? как? когда? — эти вопросы изображаются стихом на латинском языке: quis? quid? ubi? quibus avxilus? cur? quomodo? quando?

Пример. Кто? Человек.

Что? и где? *Это превосходнейшее из всех земных созданий, чудно сотворен Богом.*

При какой помощи? *единственно по воле и благости Творца;* **для чего**? *для наслаждения вечным блаженством;* **как**? в печать всему делу создания; **когда**? *после всех тварей.*

При превращении предложения в период, сообразно цели этого превращения, должно стремиться единственно к тому, чтоб мысль была выражена как можно **полнее** и **точнее**. Для этого не только должно заботиться о том, чтоб приисканы были все выражения и слова, доставляющие мысли **определенность**, но и о том, чтоб не были вставлены в речь слова и выражения **излишние**, затемняющие речь и отнимающие у речи ясность и определенность. Русской речи нейдут длинные периоды. Русский человек говорит отрывисто, заметил один из наших лучших литераторов. И потому если имеется много понятий и мыслей, которые все очень нужны для объяснения главной мысли и не могут быть упущены, то речь должно разделить на два периода.

Пример. *Превосходнейшее из всех видимых созданий, человек, сотворен после всех тварей всемогущим и всеблагим Богом. Бог, как бы возлагая священную печать на великое дело творения, сотворил человека.*

При превращении предложений в периоды должно смотреть на **средства** к превращению единственно как на средства, как на пособия. Указание на них никак не возлагает на писателя обязанности, чтоб он при составлении каждого периода употреблял в дело все **средства**. Но справиться с ними — никак не лишнее: это воспрепятствует сделать важные упущения. Повторяем: писателю должно крайне остерегаться от излишества и пустословия. Излишество, по большей части, вреднее самого недостаточества, особливо когда последнее маловажно.

Всякая речь состоит из **предложений** и **периодов**: и потому правильное и изящное составление **предложений** и **периодов** служит основанием правильности и изящности во всякой речи бóльшего объема. Всякая речь пишется периодами и предложениями. Когда

в речи находится несколько предложений сряду, тогда такой отрывок речи называется **речью прерывистою**.

Пример. *Солнце сокрылось за густыми облаками; в самый полдень сделалось сумрачно; черные, грозные тучи обложили небосклон; заревел сильный ветер: приготовлялась страшная буря; в это время одинокий путник шел по обширной, как море, степи.*

Переходы от периодов к прерывистой речи, также уместное помещение в ряду периодов краткой мысли, наиболее общей, доставляет речи **разнообразие**, **живость** и **занимательность**.

Пример. *Владимир Великий совокупил в короткое время все отдельные области обширной России под благотворный скипетр единовластия.* ***Но мы не оцениваем, как должно, того, что достается нам легко.*** *Владимир, составивший величественное целое, составивший громадное, сильное государство из отдельных областей, часто враждебных между собою, уничтожавших одна другую, сам же и разрушил свое дело: он разрушил образованное им государство, разделив Россию, как делят вотчину, на княжества по числу двенадцати сыновей своих. Последствием этого поступка были продолжительные бедствия: междоусобия, покорение сильной России, обессиленной разделением, ордою татар, распадение России на две части, восточную и западную. Единовластие пришло спасти погибавшее отечество; но оно не могло не действовать медленно, воссозидая разрушенное, воссоединяя разделенное и раздробленное.* ***Бессознательно нанесенная рана еще не исцелена совершенно!*** *В обладание некоторыми странами, которые уже были подчинены Владимиру, как, например, западным Кавказом, Россия вступила весьма недавно, а Галиция, подвластная Владимиру, Галиция — природная Русь, доселе еще страждет под игом чуждым.*

Подчеркнуты краткие мысли, вставленные между периодами.

Урок III
О периодах

На основании вышесказанного и для дальнейшего развития понятий даем периоду, сверх данного ему определения, еще следующее определение:

период есть речь, выражающая полный и совершенный смысл, то есть речь, выражающая одну какую-либо мысль подробно и определенно, сообразно требованию нужды.

Очевидно, что это определение тождественно с определением, данным выше: **период** есть тоже **предложение**, но выраженное многими словами для доставления мысли удовлетворительной полноты и определенности.

Период, в котором выражена одна какая-либо главная мысль, называется **простым**. После него, как после такой речи, которая имеет свой отдельный смысл, ставится **точка** (.). Ставится точка и после предложения, имеющего это свойство.

Нередко случается, что главная мысль, из которой составлен простой период, находится в некотором отношении, в некоторой зависимости от другой мысли, которую также должно изложить отдельно, дав ей полный смысл, но вместе и соединить с главною мыслию; тогда составляют период **сложный**. Это значит: составляют для главной мысли **простой** период, также и для мысли, сопряженной с главною каким-либо отношением, другой **простой** период; эти два простых периода уже не называются периодами, а **членами**, и ставят между ими не точку (.), а двоеточие (:). Тогда вся речь, то есть оба члена вместе, называется периодом, и точка (.) ставится в конце такого периода.

Пример. *Скорби должно переносить благодушно, возложивши себя на Бога: Бог воспитывает скорбями и приготовляет к блаженной вечности каждого человека, посвятившего себя в служение Богу.*

Член сложного периода, в котором изложена **главная мысль**, называется **понижением**: потому что при произнесении ее обыкновенно понижается голос. Мысль **приставная** называется **повышением**: потому что при произнесении ее повышается голос.

Отношение прибавочной, или приставной, мысли к мысли глáвной бывает различное. На основании этого различия **сложный период** имеет **различные наименования**.

1) Когда прибавочная мысль заключает в себе **причину** (по-славянски **вину**) главной, тогда период называется **винословным**.

Пример. *Истинный христианин переносит скорби благодушно, (потому что) он находит утешение в вере.*

2) Когда мысль, содержащая в себе причину, излагается прежде главной, а главная поставляется после ее, в виде истекающего из нее последствия, тогда период называется **заключительным**.

Пример. *Вера научает нас, что все, случающееся с нами, случается не без Промысла Божия: (и потому) истинный христианин переносит все скорби земной жизни благодушно.*

3) Иногда прибавочная мысль соединена с главною отношением условия: тогда период называется **условным**.

Пример. *(Если) все, случающееся с нами, случается по воле Божией: (то) самые скорби и напасти должно переносить благодушно в уповании на Бога и в преданности Его святой воле.*

4) Иногда прибавочная мысль находится в отношении противоположности к главной и содержит в себе некоторое ограничение ее: тогда период называется **противительным**.

Пример. *(Хотя) скорби тягостны для сердца человеческого: (но) их должно переносить великодушно, как попущения Божии.*

5) Иногда прибавочная мысль изображает нечто подобное главной: тогда период называется **сравнительным**.

Пример. *(Как) древо, пустившее глубоко в землю корни, удобно переносит вихри и бури: так и сердце, утвержденное верою, мужественно и благодушно выдерживает все скорби и напасти земной жизни.*

6) Иногда к прибавочной мысли прилагается какое-либо предшествующее обстоятельство тому обстоятельству, которое изложено в главной мысли: тогда период называется **последовательным**.

Пример. *Когда размыслим, что все, совершающееся с нами, совершается по воле всеблагого и премудрого Бога: тогда успокаивается наше сердце, возмущенное бурею скорбей.*

7) Когда прибавочная мысль в отношении к главной выражает некоторую соразмерность и сообразность: тогда период называется **относительным**.

Пример. *Кто постоянно покоряет свое сердце воле Божией: тот великодушно переносит самые тягостные скорби.*

Или: *насколько сердце наше предано воле Божией: настолько оно способно к терпению скорбей и напастей.*

Или: *чем более мы преуспеваем в живой вере, научаясь из опытов жизни, что над нами неусыпно бдит и располагает нашею участию Промысл Божий: тем удобнее переносим с благодушием все превратности и скорби земной жизни.*

В следующих периодах не ставится двоеточие между понижением и повышением. Таковы суть периоды:

8) **Соединительный**. Так называется период, когда главная мысль находится в некоторой зависимости от прибавочной, как бы вытекает из нее, но вместе имеет отдельное значение и отдельный смысл. В соединительном периоде после прибавочной мысли ставится знак **мыслеотделительный** (, —).

Пример. *Вера в Бога нучает нас, что все, случающееся с нами, случается по Промыслу или попущению Божию, — и мужественно переносит верующий всякую напасть, всякое искушение.*

9) **Разделительный**, — когда придаточная мысль противна главной, и предоставляется самому читателю избрание и предпочтение одной из двух противоположных мыслей. Члены разделительного периода отделяются **запятою**.

Пример. *Или необходимо отвергнуть Промысл Божий и Его управление участию каждого человека,* ***или*** *мы обязаны переносить великодушно все превратности земной жизни.*

10) **Противоположительный**, когда содержание прибавочной мысли противоположно главной. В противоположном периоде члены отделяются один от другого союзами **а**, **но**, **напротив того** и **запятою**, или **запятою с тире**. Тире ставится вместо союза.

Пример. *Верующий в Бога переносит великодушно все самые тягчайшие скорби,* ***а*** *неверующий впадает в уныние и расслабление от ничтожнейшей неприятности.*

Или: *верующий в Бога переносит великодушно все самые тягчайшие скорби, — неверующий впадает в уныние и расслабление от ничтожнейшей неприятности.*

11) **Изъяснительный**, когда прибавочная мысль содержит в себе некоторое изъяснение главной. Члены в этом периоде отделяются друг от друга запятою.

Пример. *Вера в Бога и преданность Его святой воле* ***так*** *укрепляет слабое сердце человека,* ***что*** *оно соделывается способным к великодушному перенесению величайших бедствий.*

12) **Соединительный**, когда придаточная мысль подобна главной и придается к ней для усиления ее. Члены отделяются запятою.

Пример. *Верующий в Бога и возложивший все упование на Него* ***не только*** *переносит с твердостию духа превратности земной жизни,* ***но*** *и встречает с радостию всякое искушение, всякую скорбь, попускаемые Промыслом Божиим в назидание человека.*

13) **Постепенный**, когда придаточная мысль содержит предшествующее обстоятельство тому, которое выражено в главной. В этом периоде члены отделяются точкою с запятою (;).

Пример. *Сперва скорби переносятся очень трудно сердцем, не обученным смирению и терпению; потом самые скорби научают способу переносить их, поражая смертоносными ударами гордость, живущую в сердце и препятствующую великодушному терпению скорбей.*

Сложные периоды, состоящие из двух членов, называются **двучленными**.

Обыкновенно для более ясного разделения членов в периоде употребляются приличные **союзы**[1]. В иных периодах, как то: в соединительном, разделительном, изъяснительном — союзы необходимы; но, по свойству русского языка, лучше избегать их по возможности, довольствуясь знаком препинания. В вышеприведенных примерах указана возможность избегать союзов: для этого те союзы, без которых можно обойтись, поставлены в скобках.

Иногда встречается нужда две мысли сложного периода пополнить третиею, дав ей свой полный смысл, дав ей форму члена: тогда период называется **трехчленным**, и третий член приставляется к одному из двух первых, судя по надобности, отделяясь от него точкою с запятою (;).

Пример. *Истинный христианин переносит скорби благодушно; потому что он находит утешение в вере; без веры мы падаем под ударами скорбей.*

Иногда встречается нужда в изложении нескольких прибавочных мыслей одного свойства: тогда дается каждой мысли форма члена, и эти члены отделяются один от другого точкою с запятою, а от главной мысли двоеточием.

Пример. *Дерево, пустившее глубоко в землю корни, удобно переносит бури; черные облака не имеют никакого влияния на недосягаемое для них солнце; на воду, покоющуюся в морских пропастях, не действуют самые сильные ветры: так и сердце, исполненное веры, не страшится скорбей земных.*

Таким образом, сложные периоды могут быть двучленными, трехчленными, четырехчленными, пятичленными. Повторим здесь вышесказанное: русский язык не любит длинных периодов. Когда постепенный период имеет много членов, к чему он способен, и последний член, содержащий главную мысль, имеет характер следствия, истекающего из обстоятельств, изложенных в предшествовавших членах: то последний член может отделяться от прочих двоеточием.

Пример. *Сперва скорби переносятся очень трудно сердцем, не обученным терпению и смирению; потом, мало-помалу, самые скорби научают таинственному способу переносить их, поражая смертоносными ударами гордость, живущую в сердце, препятствующую великодушному терпению скорбей: наконец изливается из скорбей непостижимое утешение в душу истинного служителя Христова, и самые скорби служат для него источником духовной радости.*

---

[1] О союзах смотри: «Грамматика» Востокова, о словосочинении.

Христианский пастырь и христианин художник[1]

Художник. Прихожу я к тебе за искренним советом. Душа моя с детства объята любовию к изящному. Я чувствовал, как она воспевала какую-то дивную песнь кому-то великому, чему-то высокому, воспевала неопределительно для меня самого. Я предался изучению художеств, посвятил им всю жизнь мою. Как видишь, я уже достиг зрелых лет, но не достиг своей цели. Это высокое, пред которым благоговело мое сердце, кого оно воспевало, еще вдали от меня. Сердце мое продолжает видеть его как бы за прозрачным облаком или прозрачною завесою, продолжает таинственно, таинственно для самого меня, воспевать его: я начинаю понимать, что тогда только удовлетворится мое сердце, когда его предметом соделается Бог.

Пастырь. С того, чем ты кончил твою речь, начну мою. Точно, один Бог — предмет, могущий удовлетворить духовному стремлению человека. Так мы созданы, и для этого созданы. Человеку дано смотреть на Творца своего и видеть Его сквозь всю природу, как бы сквозь стекло, человеку дано смотреть на Него и видеть Его в самом себе, как бы в зеркале. Когда человек смотрит на Бога сквозь природу, то познает Его неизмеримую силу и мудрость. Чем больше человек приучается к такому зрению, тем больше Бог представляется ему величественным, а природа утрачивает пред ним свое великолепие, как проводник — и только — чудного зрения. От зрения Бога в нас самих мы достигаем еще больших результатов. Когда человек увидит в себе Бога, тогда зритель и зримое сливаются

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. 1924, 171. Л. 147об.—153. В продолжительных собеседованиях о духе и характере православно-церковно-русского пения архимандрит Игнатий передал М. И. Глинке свои духовно-опытные воззрения по этому предмету. Глинка, сознавая истинность наблюдений и замечаний Архимандрита, просил его изложить эти мысли на бумаге, что Архимандрит и исполнил, написав статью, озаглавленную им: «Христианский пастырь и христианин художник», в которой изложил все, что предварительно передал устно Глинке. — *Примеч. иеромонаха Марка (Лозинского).*

воедино. При таком зрении человек, прежде казавшийся самому себе самостоятельным существом, познает, что он создание, что он существо вполне страдательное, что он сосуд, храм для другого Истинно-Существа. Таково наше назначение: его открывает нам христианская вера, а потом и самый опыт единогласным свидетельством ума, сердца, души, тела. Но прежде этого опыта другой опыт свидетельствует о том же: ни созерцание природы, ни созерцание самих себя не может удовлетворить требованию нашего духа, с чем должно быть сопряжено величайшее, постоянное блаженство. Где нет совершенного блаженства, там в сердце еще действует желание; когда ж действует желание, тогда нет удовлетворения. Для полного удовлетворения, следовательно и блаженства, необходимо уму быть без мысли, то есть превыше всякой мысли, и сердцу без желания, то есть превыше всякого желания. Не могут привести человека в это состояние и усвоить ему это состояние ни созерцание природы самой по себе, ни человека самого по себе. Тем более это невозможно, что в обоих предметах очень перемешано добро со злом, а блаженство не терпит ни малейшей примеси зла: оно — наслаждение цельным добром.

Художник. Почему же мы не видим этой теории в применении к практике?

Пастырь. Такое применение всегда трудно найти между человеками, особливо в настоящее время. Но оно и существовало во все времена христианства, и существует ныне,— не примечается толпою, которая, стремясь почти единственно к материальному развитию, не может сочувствовать истинно изящному, увидеть, понять его и оценить. Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это. Зло в природе, особливо в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение им очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиною истинного, со всею горячностию сердца. Когда уже истощатся силы и души и тела, тогда приходит разочарование, по большей части ощущаемое бессознательно и неопределительно. Большая часть талантов стремились изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут.

Художник. Не могу не согласиться с этим! Искусства возвысились до высшей степени в изображении страстей и зла, но, повторяю

твои слова, они вообще бледны и натянуты, когда они пытаются изобразить что-нибудь доброе, тем более Божественное. Мадонна Рафаэлева, это высочайшее произведение живописи, украшена очаровательным характером стыдливости. Когда является в девице стыдливость? Тогда, как она начнет ощущать в себе назначение женщины. Стыдливость — завеса греха, а не сияние святыни. Таков характер «Херувимских» Бортнянского, таковы — характер «Есфири» и «Гофолии» Расина, характер «Подражания» Фомы Кемпийского[1], из них дышит утонченное сладострастие. А толпа пред ними и плачет и молится!.. Но я хочу знать, какое средство может доставить художнику изображать добродетель и святость в их собственном неподдельном характере?

Пастырь. Прекрасно уподоблено Евангелием человеческое сердце сокровищнице, из которой можно вынимать только то, что в ней находится. Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца евангельские ощущения. Первое дается изучением евангельских заповедей, а второе — исполнением их на самом деле. Плоды дел, то есть ощущения, последующие за делами, складываются в сердечную сокровищницу человека и составляют его вечное достояние! Когда усвоится таланту евангельский характер, — а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято. О самом теле нашем мы можем тогда только иметь правильное понятие, когда оно очистится от греха и будет проникнуто благодатию. Изменения тела не ограничиваются и не оканчиваются одною земною жизнию. Здесь мы видим, что оно с зачатия своего до разлучения смертию непрестанно изменяется; многие изменения его остаются для многих неизвестными, оно должно еще окончательно измениться воскресением и, посредством его, вступить в неизменяющийся мир или вечного духовного блаженства, если только сделалось к нему способным, или вечной смерти, если оно во время земной жизни подчинилось греху. Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное поня-

---

[1] Книга «Подражание» есть не что иное, как роман, подыгрывающийся под тон Евангелия и ставимый наряду с Евангелием умами темными и не отличающими утонченного сладострастия от Божественной благодати.

тие: должно вселить его в себя, проникнуться им. Тем более это необходимо, что ясное понятие о добре есть вполне практическое; теория показывает только средства, как стяжать понятие о добре. Ясное понятие о добре есть уже самое добро, потому что добро в сущности есть мысль, есть дух, есть Бог. *Вкусите и видите*[1] говорит Писание. Итак, духовное понятие — от духовного ощущения.

Художник. Какие мысли и соответственные им чувствования могут быть признаны достойными Бога, чтоб художник знал, что́ возможно ему изобразить искусством? Возьмем для большей ясности частный предмет, например в церковном песнопении.

Пастырь. Первое познание человека в области духовной есть познание своей ограниченности как твари, своей греховности и своего падения, как твари падшей. Этому познанию гармонирует чувство покаяния и плача. Большая часть людей находятся в состоянии греховности. Самые праведники подвергаются весьма часто тонким согрешениям, и как они очень внимательно наблюдают за собою, то и признают себя грешниками гораздо более, нежели все вообще люди; притом они по чистоте ума гораздо яснее других людей видят свою ничтожность в громадности и истории мира. На этих основаниях они усвояют себе чувство покаяния и плача гораздо более своих собратий, мало внимающих себе. И потому чувство покаяния и плача есть общее всему роду человеческому. Этим чувством преисполнены многие песнопения, начиная с многозначительной молитвы, так часто повторяемой при Богослужении: «Господи, помилуй». В этой молитве все человечество плачет, и с лица земли, где оно разнообразно страждет, и в темницах, и на тронах вопиет к Богу о помиловании. Однако не все церковные песнопения проникнуты плачем. Чувство некоторых из них, как и мысль, заимствованы, можно сказать, с Неба. Есть состояние духа необыкновенно возвышенное, вполне духовное, при котором ум, а с ним и сердце, останавливаются в недоумении пред своим невещественным видением. Человек в восторге молчит всем существом, и молчание его превыше и разумнее всякого слова. В такое состояние приходит душа, будучи предочищена и предуготована глубоко благочестивою жизнию. Внезапно пред истинным служителем обнаружится Божество непостижимым образом для плотского ума, образом, которого невозможно объяснить вещественным словом и в стране вещества. В этом состоянии пребывают высшие из Ангелов — пламенные Херувимы и шестокрылатые Серафимы, предстоящие Престолу Божию. Одними крылья-

[1] Пс. 33. 9.

ми они парят, другими закрывают лица и ноги и вопиют не умолкая: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф». Неумолкающим чрез века повторением одного и того же слова выражается состояние духа, превысшее всякого слова: оно — глаголющее и вопиющее молчание. И высоко парят чистые и святые умы, и предстоят Престолу Божества, и видят Славу, и закрывают лица, и закрывают все существо свое: величие видения совокупляет воедино действия, противоположные друг другу. В такое состояние приходили иногда и великие угодники Божии во время своего земного странствования. Оно служило для них предвкушением будущего блаженства, в котором они будут участвовать вместе с Ангелами. Они передали о нем, сколько было возможно, всему христианству, назвав такое состояние состоянием удивления, ужаса, исступления. Это состояние высшего благоговения, соединенного со страхом; оно производится живым явлением величия Божия и останавливает все движения ума. О нем сказал святой пророк Давид: *Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему*[1].

Чувством, заимствованным из этого состояния, исполнена Херувимская песнь; она и говорит о нем. Им же исполнены песни, предшествующие освящению Даров: «Милость мира, жертву хваления» и пр. Особенно же дышит им песнь, воспеваемая при самом освящении Даров. Так высоко совершающееся тогда действие, что, по смыслу этой песни, нет слов для этого времени... нет мыслей! — Одно пение изумительным молчанием непостижимого Бога, одно чуждое всякого многословия и велеречия Богословие чистым умом, одно благодарение из всего нашего существа, недоумеющего и благоговеющего пред совершающимся Таинством.

После освящения Даров поется песнь Божией Матери — при ней выходит сердце из напряженного своего состояния, как бы Моисей с горы из среды облаков и из среды громов, где он принимал Закон из рук Бога, выходит, как бы на широкую равнину, в чувство радости святой и чистой, которой преисполнена песнь «Достойно». Она, как и все песни, в это время певаемые Божией Матери, в которых воспевается Посредница вочеловечения Бога Слова, преисполнена духовного веселия и ликования. Бог, облеченный человечеством, уже доступнее для человеков, и, когда возвещается Его вочеловечение, невольно возбуждается в сердце радость. Остановимся на этих объяснениях.

---

[1] *Дивно для меня ведение* [Твое], — *высоко, не могу постигнуть его!* (Пс. 138. 6.)

Художник. Согрелось сердце мое, запылал в нем огнь — и песнопения мои отселе я посвящаю Богу. Пастырь! Благослови меня на новый путь.

Пастырь. Вочеловечившийся Господь уже благословил всех приступать к Нему и приносить себя Ему в словесную жертву. Его благословения тебе вполне достаточно; и я только этому свидетель. Престань скитаться, как в дикой пустыне между зверей, в плотском состоянии, среди разнообразных страстей! Войди во Двор Христов вратами — покаянием и плачем. Этот плач родит в свое время радость, хотя и на земле, но не земную. Духовная радость — признак торжества души над грехом. Пой плач твой, да дарует тебе Господь воспеть и радость твою, а мне услышать песни твои, возрадоваться о них и о тебе, о них и о тебе возблагодарить, прославить Бога. Аминь.

Размышления святителя Игнатия Брянчанинова о живописи церковной

Нахожу, что описание двух картонов, сделанное Вами, украшает эти картоны многими прекрасными мыслями. Этим описанием приготовляется воображение, приготовляются взоры, чтоб увидеть прекрасные иконы, — почти живые, говорящие поучительнейшую проповедь. По крайней мере, я получил такое настроение. Но когда перенеслись взоры из чтения на рисунки, мое ожидание не осуществилось: я увидел не иконы нашей Православной Церкви, но карикатуры икон. Словно если б певец с италианской сцены начал петь на свой лад с излиянием романического чувства нашу величественную Херувимскую Песнь.

О картоне Б-и

Прекрасная, возвышенная мысль — неизобразимое изображением Божество изобразить словом Сый, от Которого — лучи!

Для чего же Ангелы отвратили взоры свои от изображенного так превосходно Божества? Они должны бы были учить предстоящих благоговению пред Божеством; в них бы должно показать стремление к Божеству всем сердцем, всею душою, всем помышлением, всею крепостию, как этого требует, этому научает Сам Спаситель. В этом состоянии находятся по самой вещи Ангелы,

предстоящие славе Божией, как открывает нам Писание. Напротив, здесь Ангелы оказывают мало внимания и уважения Божеству, ни один не удостаивает взглянуть на Него, все зевают (извините за выражение) по сторонам. И стоит уединенно величественный Сый, отделенный, отсеченный от всей картины! Неужели у художника таилось в душе намерение написать критику на наше время, намекнуть нам, что Бог нами забыт, что по-видимому мы простираем к Нему руки, а по самой вещи отвратились от Него.

Четыре верхние Ангела суть фигуры женские. Этим нарушено предание Православной Церкви, которая всегда изображает Ангелов прекрасными юношами. Нет примера во всем Священном Писании, чтоб Ангел явился в образе женщины. Здесь дамы, и не важные дамы. Судя по физиономиям, в которых нет ничего Божественного, которые слишком обыкновенны, надо предполагать, что натурщицами были не более, как горничные девушки, а натурщицею для верхней фигуры на левой стороне — какая-нибудь кастелянша-немочка, уже, как видно, пожилая, с выражением беззаботного выражения на лице, — вероятно, того чувства, которое было в ее душе в то время, когда она стояла пред художником. Отымите у фигур крылья, вместо Сый поставьте люстру и спросите, что представляет картина? — Пляску.

Для нижних трех Ангелов служили образцами мальчики. И на картине — мальчишки. Даже нет усилия произвести их в Ангелов. Средний — смотрит из окошка со всем должным вниманием ребенка на ходящий на улице народ и ездящие экипажи; а два ассистента резвились, играли и на что-то мимоходом взглянули — только не на Бога. До Него им совсем нет дела! В благовоспитанных мальчиках преобладающее чувство — невинность и нежность. А здесь — здоровенького сложения ребятишки, способные пошалить, для которых розга — не лишнее. Как должен быть осмотрителен, строг выбор натурщиков! Их чувства, их характеры, их нравственность, их способности переходят на картины. От недостатка столь нужной священной критики у нас на новейших иконах, в которых искусство живописи достигло неоспоримо высокой степени развития, вместе видны и резкие несообразности. Не намерен я исчислять их, потому что они безчисленны, но выскажу ту несообразность, которая часто терзала мои взоры, когда они в тех глазах, из которых должна бы сиять Божественная Премудрость, усматривали выражение недостатка умственных способностей. Некоторый кучер, видный, но очень ограниченного ума, поступив ко мне в услугу, сам

мне сказывал: «Я был натурщиком в Академии семь лет, в такой-то церкви такая-то икона писана с меня». Он исчислял иконы, для которых служил оригиналом, которых не хочу наименовать! этого не стерпит мое сердце! Но вот причина глупых глаз на иконе: она — верный портрет статного кучера с глупыми глазами.

Иконописец должен твердо знать догматы Православной Церкви и вести жизнь глубоко благочестивую, потому что назначение иконы — наставлять народ изображениями. Посему иконы должны сообщать понятия истинные, чувствования благоговейные, точно благочестивые. В противном случае икона будет действовать так, как бы действовал с кафедры проповедник, зараженный лжеучением или с одними познаниями литературными, без познаний богословских.

О картоне Р-а

Древние воины ни за что бы не остались в касках пред священным изображением Живоначальной Троицы, вынесенным дланями великого угодника Божия, знаменитого преславными чудотворениями! Древние благочестивые воины преклонили бы колена! Перенеситесь к самому событию: Преподобный Сергий благословляет Димитрия Донского на поход против Мамая. При этом обстоятельстве какое было благоговение! Какие серьезные мысли и ощущения должны были наполнять всех и каждого. Шли на кровавую Куликовскую битву, против несметных полчищ татарских, имевших на своей стороне не только превосходство в числе, но нравственную огромную силу — воспоминание двувековых побед и владычества. Россияне ясно видели, что победа для них была крайне сомнительна, что следствия побеждения должны быть самые бедственные. Пред очами всех носилась смерть! Она украшалась лишь тем, что с мыслию о ней соединялась мысль о венце мученическом, потому что в походе против Мамая все признавали не только необходимость отечественную, но и необходимость религиозную. И точно! Поход этот был более плодом веры, нежели политических расчетов; поход — благословен Преподобным Сергием!

При совершении этого благословения могла ли иметь место легкость и ветреность, которая заметна в других и даже в некоторых иноках? Здесь воины не могли иметь того чувства, которое имеют наши современные герои, когда они в манеже ожидают развода. Есть картина — поставление в Царя Михаила Феодоровича

Романова. Там довольно удовлетворительно выражено на всех лицах и в постановках фигур чувство благоговения и благочестия. Это чувство дает картине единство действия, моральное и религиозное достоинство, достоинство иконы.

Не мое дело судить о самом искусстве, и потому не обращаю внимания на то, что фигура Димитрия Донского кажется мне в неестественном положении. Но должен сказать, что и поныне благочестивые военные люди, намереваясь приложиться к Святыне, снимают с себя и отлагают оружие. К чему Димитрий подносит так близко к иконе меч свой? Не для благословения ли? Для этого мечу довольно лежать повергнутым на землю. Не сходно с чувствами и понятиями проникнутого глубоким благочестием князя, чтоб он дерзнул поднести так близко к Святыне оружие, проливающее кровь человеческую. Вообще картон Р-а, не оживленный благоговением и прочими священными ощущениями, напротив того, изображающий много светскости, далеко отстоит от достоинства иконы, имея, может быть, все достоинство картины.

В Вашем описании Вы похвалили произведения художников как художников, — и похвалили прекрасно, как литератор. Примите мои слова — это искреннее, прямое выражение чувств моих; я не остановился пред некоторыми выражениями, довольно резкими для того, чтобы нисколько не пострадала Правда. Пусть лучше немного пострадает ухо и нежный вкус! Согласитесь! Сколько должно страдать сердце, самые глаза истинного сына Православной Восточной Церкви, когда он видит на местах, принадлежащих святым иконам, лишь картины, часто прекрасной кисти, но почти всегда чуждой Богословского познания и чувства.

Письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя[1]

С благодарностию возвращаю вам книгу, которую вы мне доставляли[2]. Услышьте мое мнение о ней.

[1] Авторизованная копия письма святителя Игнатия (Брянчанинова) по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», высланная Гоголю П. А. Плетневым в Неаполь 4/16 апреля 1847 г. и хранящаяся ныне в рукописном фонде Гоголя РГБ (Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 28. Л. 1об.–2). Копия (без заглавия и даты) была собственноручно исправлена святителем Игнатием (в ту пору архимандритом, насто-

ятелем Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга) (были заменены три слова; см. подстрочные примечания) и передана его духовной дочери, бывшей ученице Гоголя М. П. Вагнер (рожд. Балабиной), которая передала письмо Плетневу. Письмо датируется февралем-мартом 1847 г. Позднейшая (исправленная) редакция письма была впервые напечатана (без указания авторства) начальником Оптинского скита иеросхимонахом Иосифом (Литовкиным) в статье «Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. <Н.> Леонтьев пред старцами Оптиной Пустыни» (М., 1897 / Отд. оттиск из журнала «Душеполезное Чтение». 1898. Ч. 1. С. 157–162; см. также: *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч. 2. Приложения. С. 120–122).

Получив отзыв святителя Игнатия, Гоголь 9 мая н. ст. 1847 г. отвечал Плетневу: «Что касается до письма Брянчанинова, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познание догматов. Это познание слышно во всякой строке его письма. Все сказано справедливо и все верно. Но, чтобы произнести полный суд моей книге, нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случаев сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома...»

Смысл последней фразы Гоголя («...тьма та сторона, которая им незнакома...»), болью которого было «страданье той половины современного человечества, с которой не имеет и случаев сойтись монах», объясняется вполне из отправленного им в тот же день, 9 мая н. ст., письма к отцу Матфею Константиновскому, где писатель, говоря о «Выбранных местах...», что в них есть «душевное дело, исповедь человека, который почувствовал сильно, что воспитанье наше начинается с тех только пор, когда кажется, что оно уже кончилось», замечал, что «там изложен отчасти и процесс такого дела, понятный даже и не для христианина, несмотря на неточность моих слов и выражений, непонятных для не страдавшего теми недугами, какими страждут неверующие люди нынешнего времени». Словом, речь у Гоголя идет о всех тех, которые, пребывая во «тьме», «не ходят в церковь»: «Книга моя подействовала <...> на тех, которые *не ходят в церковь* и которые не захотели бы даже выслушать слов, если бы вышел сказать им поп в рясе», — с ними-то и «не имеет случая сойтись монах».

Проблема расхождения между мирянином и монахом виделась Гоголю и в несколько ином освещении. В статье «Что такое губернаторша» он, например, писал, что часто священник, не искушенный в современных злоупотреблениях — в тех «видах и проделках, о которых не говорит вовсе на исповеди нынешний человек <...> оттого что не видит грехов своих» (статья «Нужно проездиться по России»), «не знает, как ему быть с прихожанами и слушателями, изъясняется общими местами, не обращенными никакой стороной собственно к предмету». «Сказать: "Не крадьте, не роскошничайте, не берите взяток, молитесь и давайте милостыню неимущим" — теперь ничто и ничего не сделает», — полагал Гоголь. «Жизнь нужно показать человеку, жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних...» Как кажется, Гоголь прямо руководствовался здесь апостольскими словами: «Кто говорит на *незнакомом* языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали <...> А потому, *говорящий* на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (1 Кор. 14. 4–5, 13). 28 августа н. ст. 1847 г. Гоголь, в частности, писал Шевыреву: «Не снизойдя к другим, нельзя их возвести к себе...»

Виден человек, обратившийся к Богу с горячностию сердца. Но для религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно и чтоб издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней *определительность*, и *определительность* сия заключается в точном познании истинны[1], в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *Истина свободит вас*[2]. В другом месте Писания сказано: *слово Твое истина есть*[3]. Посему желающий стяжать *определительность* глубоко вникает в Евангелие и по учению Господа выправляет свои мысли и чувствования. Тогда он возможет в себе отделить правильные и добрые мысли и чувствования от подделно и мнимодобрых и правильных. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь после Тайной вечери сказал ученикам Своим, яко образованным уже учением истинны: *вы чисти есте за слово, еже рех* [глаголах] *вам*[4].

Но[5] одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, — чтоб светил фонарь, недостаточно часто вымывать стекла, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча.

Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истинною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До приятия Духа Святаго они не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты.

Сей ход должен совершиться с каждым христианином, христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение истинною, а потом просвещение Духом.

Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истинна отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет

Не следует преувеличивать степень расхождения Гоголя со святителем Игнатием. Забота о христианском просвещении России была у них общая. Совпадая в критике европейской цивилизации и одинаково признавая превосходство перед ней в религиозном отношении древнего патриархального быта, Гоголь и святитель Игнатий расходились лишь в представлениях о самом характере пастырского влияния на народную жизнь (см. об этом комментарии в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч. в 9 т. Т. 6. С. 412–413; Т. 8). Характерно, например, что развернутая двенадцать лет спустя А. И. Герценым полемика со святителем по вопросу крепостного права и европейской цивилизации в судьбе России во многом повторяла спор Белинского с Гоголем.

Текст письма печатается по списку, авторизованному святителем Игнатием и прочитанному Гоголем. ‖ [2] Так в рукописи (сноска к с. 556).

[1] Так в рукописи. Далее не оговаривается. ‖ [2] Ин. 8. 32. ‖ [3] Ин. 17. 17. ‖ [4] *Вы очищены через слово, которое Я проповедовал вам* (Ин. 15. 3). ‖ [5] В рукописи ошибочно: *По*.

его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его обновлением состояния. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения истинною своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый: потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее.

Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из[1] себя и свет и тьму.

Религиозные его понятия не определены[2], движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного.

Поелику он писатель, а в писателе непременно *от избытка сердца уста глаголят*[3]; или: сочинение есть непременная исповедь сочинителя, но по большей части им непонимаемая, и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств, и в ней разложен[4] свет от тьмы; то книга Гоголя[5] не может быть принята целиком и за чистые глаголы истинны. Тут смешано.

Желательно, чтоб этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истинны, где начало всех духовных благ.

По сей причине советую всем друзьям моим, по отношению к религии, заниматься единственно чтением святых Отцев, стяжавших очищение и просвещение, как и Апостолы, и потом написавших свои книги, из коих светит чистая истинна и кои читателям сообщают вдохновение Святаго Духа. Вне сего пути узкого и прискорбного сначала[6] для ума и сердца, — всюду мрак, всюду стремнины и пропасть! Аминь.

Публикация и комментарии И. А. Виноградова

[1] Предлог *из* вписан святителем Игнатием вместо *для*. || [2] Так в рукописи. || [3] Мф. 12. 34. || [4] Так в рукописи. || [5] Слово *Гоголя* вписано святителем Игнатием вместо ошибочного *тьмы*. || [6] Слово *сначала* вписано святителем Игнатием вместо ошибочного *сказано*.

Алексей Любомудров

Святитель Игнатий и проблема творчества

Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления.

Из письма святителя Игнатия К. П. Брюллову[1]

«Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих», — сказал Господь (Мф. 4. 4). Действительно, слово Божие — наша драгоценная, спасительная пища. А способно ли питать душу человека слово художественное? И какова эта пища, помогает ли она духовному росту или, наоборот, содержит в себе яд? Какое место занимает художественное творчество в достижении главной христианской цели — просветления, обожения, спасения души?

Проблема соотношения церковного мировоззрения и художественного творчества возникла с началом Нового времени, когда пути Церкви и пути культуры решительно разошлись. Подобные вопросы не стояли перед современниками преподобного Андрея Рублева, создававшего иконы в посте и молитве, отражавшего горний мир духовных реальностей, не привносящего ничего «от себя», но бережно слушающего Вечность.

Сегодня можно встретить самые разные точки зрения на эту проблему. Понятно, когда апологетами абсолютной ценности мирской культуры выступают люди, сами причастные к этой сфере,

---

[1] Письмо архимандрита Игнатия К. П. Брюллову от 27 апр. 1848 г. // Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова: В 3 т. Т. 3. М., 2011. С. 594. (Далее — Полное собрание писем.)

в их рассуждениях мы нередко находим полное приятие всего, выходящего из-под пера художника-«демиурга», «творца-соработника Бога». Наиболее последовательно подобный взгляд был изложен Николаем Бердяевым, говорившим об омертвении современного христианства, парализующего творчество, и положившим в основу своей религиозной философии культ творчества как силы, оправдывающей человека. «Творческий акт есть самооткровение и самоценность, не знающая над собой внешнего суда», — писал он, утверждая, что «культ святости должен быть дополнен культом гениальности» и что «искусство может быть искуплением греха»[1]. Как ни удивительно, подобные воззрения получают свое развитие и в трудах некоторых церковных лиц. Так, например, богослов игумен Иоанн (Экономцев) в книге «Православие. Византия. Россия» заявляет, что «творчество, в сущности, и есть... наше уподобление... Богу» и призывает отказаться от суеверного страха перед возможной демонической природой творчества, ибо «истинное творение всегда от Бога, даже если сам автор не сознает этого и даже если мы порою находим его соблазнительным и нечестивым». Более того, из рассуждений автора можно заключить, что творческая энергия приравнена, по существу, к очищающей силе Божественной благодати. «Состояние творческого экстаза, — пишет он, — есть состояние обожения, и в этом состоянии творит уже не человек, а богочеловек (? — *А.Л.)*», и потому личные слабости и прегрешения Пушкина «перестали существовать, они сгорели в очистительном огне творчества так же, как сгорают грехи святых подвижников в их молитвенном подвиге»[2]. То есть получается так: если хочешь спастись, то молись и кайся, а если это затруднительно, то можно довести себя до творческого экстаза и написать одну-две каких-нибудь «Гавриилиад» (это только профанам они покажутся нечестивыми и соблазнительными, а на самом деле являются «истинными творениями»), и в этом творческом пламени сгорят все твои прегрешения!

С другой стороны, схиархимандрит Софроний (Сахаров), тоже наш современник, в своей книге «Старец Силуан» целую главу назвал «О четырех видах воображения и об аскетической борьбе с ними». Автор утверждает: «Мир человеческой воли и воображения — это мир “призраков” истины. Этот мир у человека общий

[1] *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 386, 395, 447. || [2] *Иоанн (Экономцев), игумен.* Православие. Византия. Россия. М., 1992. С. 180–182, 186, 192.

с падшими демонами, и потому воображение есть проводник демонической энергии». Чтобы достичь истинного богословия и истинно богоугодной жизни, необходимо преодолеть такие виды проявления воображения, как художественное творчество, научная работа, философское искание: «Божественные созерцания даются человеку не тогда, когда он их и именно их ищет, а тогда, когда душа сойдет во ад покаяния и действительно ощутит себя хуже всякой твари»[1].

Так что же все-таки являет собой, с христианской точки зрения, творческая личность? Существует ли в Православной Церкви четкий, внятный, определенный взгляд на проблему творчества? Да, такой взгляд существует, он изречен через святых Отцов, подвижников веры и благочестия. Отдельные суждения по этой теме встречаются, например, у Оптинских старцев. Но среди святых Отцов, просиявших в новое время, наиболее полно и многосторонне разработал интересующий нас вопрос святитель Игнатий (Брянчанинов).

Владыка Игнатий, тесно связанный с миром русской культуры, сам был личностью творчески одаренной: его литературно-поэтические дарования привлекали внимание Пушкина, Крылова, Батюшкова, Гнедича. Впоследствии друзьями и корреспондентами Святителя были Глинка, Брюллов, Турчанинов. В творениях и письмах Владыки мы находим суждения, касающиеся всех видов художественного творчества.

Изрядно стершимся словам «художественное дарование», «талант» Владыка возвращает их первоначальный смысл. Он пишет: «Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово». Для чего же дается человеку талант? «Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях — наставление и спасение человеков. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!»[2]

Дар этот мыслится Владыкой как способность отчетливо излагать мысли, как владение формой, техникой слова. Его не следует смешивать с «вдохновением», порождающим у художника некие

---

[1] Старец Силуан: Жизнь и поучения. М., 1991. С. 140, 141, 153. || [2] Письма Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского, к Антонию Бочкову, игумену Черменецкому. М., 1875. С. 27; ср.: Т. 1, с. 455 Полного собрания писем. (Далее — «Письма... к Антонию Бочкову».)

конкретные переживания, образы, картины. Источник этого вдохновения очень часто далеко не божественный. Сквозь все творения Владыки проходит мысль о «падшести» человеческой природы, о зараженности человека грехом, очищение от которого через молитву и покаяние и составляет главную цель усилий христианина. Мысль Святителя проста и ясна: до тех пор, пока в душе художника живет доброе и злое, светлое и темное, — на всем, что выходит из-под его пера, неизбежно лежит отпечаток неизжитого греха, непобежденных страстей. Напомним классические строки, сказанные по поводу книги Гоголя, но применимые, конечно, к любому художественному произведению: «...Сперва очищение Истиною, а потом просвещение Духом. Правда, есть и у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает это вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек прежде очищения Истиною будет руководствоваться своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его живет не простое добро, но добро, смешанное со злом...»[1]

В размышлениях владыки Игнатия о мирской культуре отчетливо выделяются два момента: во-первых, культура преуспела в изображении зла и страстей и, во-вторых, оказалась неспособной адекватно отражать духовные реальности. Владыка пишет: «Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это. Зло в природе, особливо в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение им очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиною истинного, со всею горячностию сердца. <...> Бо́льшая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут»[2].

Мирская культура, кроме того, оказывается не в состоянии дать человеку истинное представление о мире, бытии, что особенно заметно, когда она пытается говорить о духовных реалиях. Худож-

---

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. С. 559 наст. изд. || [2] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Христианский пастырь и христианин художник. С. 545 наст. изд.

ник, не способный или не желающий принять христианское мировоззрение, догматику, антропологию, подменяет их своими интерпретациями и, таким образом, подменяет отражение мира Божьего картинами иллюзорной, сочиненной, придуманной действительности. Литераторы светские, пишущие о духовных предметах, говорит Владыка в одном из писем к игумену Антонию (Бочкову), «постоянно ниспадают в свое чувственное и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них удовлетворения, пищи. Как прекрасен стих в “Аббадоне” Жуковского! И как натянуто чувство! Очевидно: в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он сочинил ее для ума и для сердца, написал ложную мечту, не могущую найти сочувствия в душе <...> благочестивого читателя»[1].

А в другом малоизвестном письме к одному иноку встречаем еще более сильные строки: «Мне очень не нравятся сочинения: ода “Бог”, преложения Псалмов все, начиная с преложений Симеона Полоцкого, преложения из Иова Ломоносова, Athalie de Racine, все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из “мнения”, оживлены “кровяным движением”. А о духовных предметах надо писать из “знания”, содействуемого “духовным действием”, то есть действием Духа. <...> Оду “Бог”, слыхал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался. Бывало, читает и слюна брызжет изобильно на всех и всё, как картечь из крупнокалиберного единорога... Приличное чтение после сытого обеда! Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившихся во чреве! Ода написана от движения крови, — и мертвые занимаются украшением мертвецов своих! Не терпит душа моя смрада этих сочинений! По мне уже лучше прочитать, с целью литературною, “Вадима”, “Кавказского пленника”, “Переход через Рейн”: там светские поэты говорят о своем — и в своем роде прекрасно...»

Казалось бы, последняя фраза дает надежду на некоторое все же приятие Владыкой мирской культуры. Но следующая строка разрушает эту надежду: «Благовестие же Бога да оставят эти

---

[1] Письма... к Антонию Бочкову. С. 29; ср.: Т. 1, с. 457 Полного собрания писем.

мертвецы!» В иерархии христианских ценностей мирские писатели и поэты остаются все-таки «мертвецами». Следуя мысли Владыки, можно сделать вывод, что русская классическая культура — Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Жуковского — это культура, формирующая у читателя ложное мировоззрение. Не знают они, светские писатели, продолжает владыка Игнатий, «какое преступление: переоблачать духовное, искажать его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия "не воспевать песни Господней на реках Вавилонских". Кто на реках Вавилонских и не отступник от Бога Живаго, на них тот будет плакать»[1].

Теперь становится вполне понятным, почему в перечень основных страстей и грехов Владыка включил пункт «Расположение к наукам и искусствам гибнущим сего века» (имеется в виду тщеславие самого художника, творца этих искусств), а в список добродетелей поместил следующую: «Отвержение премудрости земной как непотребной для неба»[2].

Обратимся к другому моменту, касающемуся самой онтологии художественного творчества. Здесь мы тоже встречаемся с рядами диаметрально противоположных мирских и духовных ценностей, с той поистине глубочайшей пропастью, которая разделяет путь художника и путь христианина. В самом деле, в светской культуре более всего ценится воображение писателя, сила художественной выразительности, яркая образность, оригинальность авторских идей и способа их выражения. Общепризнанны понятия «творческая индивидуальность», «мир художника» и т. п. Но послушаем вновь владыку Игнатия, опирающегося в своих рассуждениях на многовековой святоотеческий опыт: «Все чада Вселенской Церкви идут к святыне и чистоте <...> умерщвлением чувств, крови, воображения и даже "своих мнений". Между умом и чистотою — страною Духа — стоят сперва "образы", то есть впечатления видимого мира, а потом мнения, т. е. впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнений — душевный разум; неприемлющие веры, неспособные к живой вере <...>. Потому-то нужно умерщвление и воображения, и мнений. Понимаешь ли, что мнение — прелесть? Эту прелесть Писание называет "лжеименным разумом" (Тим. 6. 20), то есть произвольным ложным умствовани-

[1] Полное собрание писем. Т. 2. С. 474. ‖ [2] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собрание творений: В 5 т. Т. 1. М., 2014. С. 186, 190.

ем, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие о Истине есть “знание”, знание — от видения, видение — действие Св. Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным».

Творчество в секуляризованной культуре — это всегда самовыражение. Прежде всего важно и интересно то, что у художника «свое» и насколько ярко оно выражено. Но, с христианской точки зрения, что у человека действительно свое? Послушаем вновь строгие слова Святителя: «Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего; а свое у нас — ничтожество, небытие. <...> Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили “смерть”. Провести себя в небытие мы не в силах; но исказить свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть — мы могли (разумеется, смерь душевную! Телесная пред душевной малозначительна <...>). Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя все свое, приведшее и хранящее смерть: в самоумерщвленного проникает дух и, как Создатель, дарует ему “пакибытие”»[1].

Отсюда ясно, что воцерковление культуры — это возврат к тому положению, когда художник в слове, краске, звуке выражал не свое, но Божье, как это было в средневековой православной культуре Святой Руси. Но что это означает в личном плане для творческого человека, пришедшего к вере и воцерковившегося? Владыка Игнатий намечает определенные пути, на которых только и возможно соединение понятий «христианин» и «художник», и в своей работе «Христианский пастырь и христианин-художник» пишет: «Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца — евангельские ощущения. Первое дается изучением евангельских заповедей, а второе — исполнением их на самом деле <...>. Когда усвоится таланту евангельский характер — а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято <...>. Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им»[2].

---

[1] Полное собрание писем. Т. 2. С. 473. || [2] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Христианский пастырь и христианин-художник. С. 546–547 наст. изд.

Одному духовному лицу, писавшему стихи, Владыка советовал: «Займитесь постоянно и смиренно, устранив от себя всякое разгорячение, молитвою покаяния <...> из нее почерпайте вдохновение для писаний Ваших. Затем подвергните собственной строгой критике писания Ваши и, при свете совести Вашей, просвещенной молитвою покаяния, извергните беспощадно из Ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. Горе смеющимся ныне! Это — слова Христовы! Это — определение, исшедшее от Бога! <...> Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу. Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние»[1].

Итак, главнейший источник подлинного христианского творчества — глубочайшее личное покаяние, плач о своих грехах. И основанием такого творчества должно стать не самовыражение, но самоотвержение.

Но возможен ли этот, поистине узкий, путь — путь святости, который предлагает Владыка культуре и человеку нового времени? Скажем лишь, что сам святитель Игнатий следовал именно этим путем, и мы можем сегодня лицезреть плоды его усилий. Его книга, названная строгим и суховатым словом «Аскетические опыты», на самом деле наполнена самыми разнообразными по жанру и стилю сочинениями, написанными прекрасным языком. Многие из них представляют собой своеобразные лирико-богословские эссе, стихотворения в прозе. Литературной форме, слогу, языку Владыка всегда придавал большое значение. Один слог, считал он, должен быть у статей о монашестве, другой — у статей богословских, третий — у работ о христианской нравственности и философии и т. д. Творчество Пушкина привлекало Владыку своей эстетической стороной: он ценил тщательность отделки, «чистоту слога», «ясность замысла» стихотворений поэта и признавался, что сам следует методу Пушкина, подвергая свои сочинения самому тщательному пересмотру, добиваясь ясности и легкости чтения[2].

Говоря же о содержательной, сущностной стороне своих творений, святитель Игнатий неоднократно замечал, что не считает их в полном смысле слова «своими»: «Не признаю эти сочинения при-

---

[1] Письма... к Антонию Бочкову. С. 28; ср.: Т. 1, с. 456 Полного собрания писем. ‖ [2] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Сочинения. М., 1993. Т. 7. Письма. С. 327, 413, 437; Письма... к Антонию Бочкову. С. 29; ср.: Т. 1, с. 456–457 Полного собрания писем.

надлежащими мне. Они истекли из Отеческих Писаний и из милости Божией, а написать их даровано мне для пользы многих душ, следовательно, и для пользы души моей». Это сознание позволяло Владыке смотреть на «свои» труды действительно как бы со стороны и давать им такие высокие, но совершенно объективные оценки, как, например: «Книга "Опыты" доставит существенную пользу желающим спастись (в последнее время)», она «становит внимательного читателя в разряд истинных православных христиан и дает ему решительное, одностороннее, спасительное направление»[1]. И не гордыня, а величайшее смирение явлено Владыкой в подобной позиции, диаметрально противоположной столь любимым поэтами вариациям на тему «я воздвиг себе памятник»...

Сохранилось драгоценное для нас свидетельство — запись Владыки о том, как создавалась одна из его работ. Эта запись приоткрывает картину того, как действительно святое вдохновение посещает святого человека: «Получив письмо Ваше, я долго беседовал с ним: оно и поныне постоянно лежит на столике близ моей кровати. На ней провожу большую часть времени; одно у меня занятие — лежание: таков удел больного. Часто я перечитывал глубокое письмо <...>. И вот на днях по обычаю один я в келлии, по обычаю лежу: внезапно и живо представилось мне, что я на могиле Константина Федоровича <...>. Овладело душою моею чудное, неожиданное вдохновение: вскакиваю с кровати, тороплюсь начертать на бумаге мысли, представшие мне в многочисленном <...> сонме. Когда я переводил их на бумагу — рука едва поспевала изображать то буквами, то кой-какими знаками и намеками кипящие ключом мысли, перемешивающиеся с еще более чудными <...> ощущениями. Потом я перечитал исчерканный листок, — вижу: это — не моя собственность. Отрадное, утешительное вдохновение низошло ко мне — не для меня одного: оно принадлежит Вам более, чем мне. Посылаю его Вам вместо красного яичка. Вы получите, прочитаете его в дни Святыя Пасхи. Пусть другие встречают праздник в шумных увеселениях: для Вас послужит услаждением "Слово из вечности". Это — беседа таинственно послышавшегося мне голоса»[2].

Конечно, для современного интеллигента, мало знакомого с православным вероучением, все сказанное Владыкой Игнатием

[1] Полное собрание писем. Т. 3. С. 101, 110, 109. || [2] Письмо к Ф. П. Опочинину от 30 марта 1848 г. // Полное собрание писем. Т. 3. С. 395–396. «Слово из вечности» вошло в первый том «Аскетических опытов» под названием «Голос из вечности».

о художественном творчестве может показаться слишком строгим, неприемлемым и даже шокирующим. Но слово Божие для мира сего всегда было «юродством» (1 Кор. 1. 21). «Какие странные слова! Кто может это слушать?» — говорили Самому Господу после Его проповеди, и, как свидетельствует евангелист Иоанн, «с этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ин. 6. 60). Мы имеем, однако, убедительное свидетельство того, что мысли владыки Игнатия на самом деле не были его личными воззрениями, но принадлежат Церкви. Вскоре после кончины Владыка явился в видении своему духовному чаду и изрек: «Все, что написано мною в книгах, все — истина»[1].

---

[1] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собрание творений. Т. 1. С. 562.

Замечания на Проект преобразования Морских учебных заведений

Декабрь 1860[1]

(Ответ Великому Князю Константину Николаевичу)[2]

Ваше Императорское Высочество!

Исполняя волю Вашу, имею честь представить мои примечания на Проект преобразования Морских учебных заведений.

Проект составлен при таком обилии теоретических познаний, доставленных опытом и наблюдательностию, что он представляется внимательно прочитавшему его изящным, стройным, целым, радующим взор ума и прочностию своею, и определенностию, и размерами. Здравая критика должна, по мнению моему, не предпринимать тщетных усилий к изысканию недостатков, но оценить труд и высказать пред публикою полное сочувствие к нему, как к одному из залогов государственного благосостояния. Очень может случиться, что при приведении проекта в исполнение некоторые мелочи потребуют изменения; но потребуют изменения ничтожные мелочи, которые и могут быть примечены при применении проекта к делу. Проект можно уподобить кораблю, тщательно выстроенному

---

[1] Печатается по: *Леонид Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Т. 2. Приложение. Киев, 1915. С. 48–58. ‖ [2] Как человек глубоко образованный, Преосвященный Игнатий был всегда на стороне всего разумного и сочувствовал всякому полезному движению. В 1860 году председатель Адмиралтейств-совета Великий Князь Константин Николаевич (1827–1892) обратился к нему с письмом от 7 октября 1860 года за № 2263, в котором, препровождая экземпляр составленного адмиралом Графом Е. В. Путятиным (1804–1883) проекта преобразования Морских учебных заведений с учреждением в Петербурге новой гимназии, просил Владыку Игнатия «принять на себя труд, в особенное личное мне одолжение, сообщить мне, совершенно откровенно, свои замечания на этот проект». Вследствие этого письма явился настоящий ответ Великому Князю. — *Примеч. Л. Соколова.*

на берегу и благовременно обеспеченному против трудностей плавания, против бурь и ветров: таков проект и в отношении к исполнению его, и в отношении к возражениям, если бы они возникли против него.

Этим кратким отзывом я мог бы ограничиться: он вполне и со всею искренностию выражает то сознание, которое образовалось во мне от прочитания проекта. Но не могу воспретить себе и нижеследующих указаний на некоторые частности проекта, возбудившие во мне особенное утешительное сочувствие. Указания послужат фактическим свидетельством пред Вашим Императорским Высочеством того, что я исполняю Вашу волю: говорю со всею откровенностию. Указания эти малочисленные: окажите милостивую снисходительность к неспециалисту! уже тридцать три года отделяют меня от мирской жизни и ее занятий, даже ученых.

1. Проект устраняет прежний порядок приема воспитанников и представляет тому, кто считает себя способным взять, так сказать, штурмом помещение в корпус на публичном состязательном экзамене. Нельзя не порадоваться этой мере, результаты которой должны быть исполнены обильной пользы, общественной и частной. Для ратоборства на экзамене явятся одни способные к морской службе, одни любители моря. Если же явится на экзамен тот, кто имеет о себе ложное понятие, признавая себя способным и будучи неспособен, такому доставится правильное понятие о себе. Это для молодого человека — великое благодеяние. Прежний порядок приема вполне неоснователен. Принимали за заслуги отца, дяди, по протекции; попадало много детей в специальное училище без всякого призвания, без всяких способностей к наукам, преподаваемым в училище. Какие были последствия? Из сорока примерно учеников в классе училось должным образом десять, прочие же не занимались или занимались поверхностно по недостатку способностей, или будучи увлекаемы призванием к другим предметам. Мертвость не способных и не желающих учиться очень вредно действует на способных и любителей науки. По выпуске из специального училища все, не чувствовавшие призвания к роду службы и не способные к нему, спешили, при первой возможности, перейти в другой род службы, к которому они чувствовали наклонность и способность, тем более что неспособные к одному разряду наук часто бывают весьма способны к другому. Правительство тратилось напрасно, тщетно трудясь над специальным образованием не способных к нему многих молодых людей, а для этих молодых

людей драгоценные годы, проведенные в училище, были невозвратно потеряны. Новый способ приема устраняет невзгоды, и служебную и частные. В Морские училища вступает группа молодых людей с односторонним, исключительным направлением, с способностями, соответствующими направлению. Это доставит единство обществу учащихся: оно, как единомысленное общество живых членов, должно оказать несравненно лучшие успехи в науках, нежели общество с направлением разносторонним и с многими мертвыми членами. Чтоб сохранить энергию в обществе учащихся, необходимо без всякой задумчивости исключить из него тех членов, в которых начнет замечаться мертвость.

2. Столько же важен по отношению к служебной и частной пользе тщательный медицинский осмотр вступающих в учебное заведение. Родители, родственники и протекторы отдают в училище дитя, лишь бы поместить его куда-нибудь, по большей части не зная состояние здоровья дитяти, суммы его телесных сил и того, каких сил и какого здоровья требует род службы, предназначенный для дитяти. По этой причине случается, что дети слабых сил и здоровья, но способные и прилежные усиливаются учиться хорошо, оказывают хорошие успехи, поддерживаются начальством, но постепенно, неприметным образом, истощаются, теряют окончательно здоровье и на всю жизнь делаются бесполезными для себя и для общества.

3. Нельзя не порадоваться от души предполагаемому соединению в Морских училищах теоретического преподавания с обильным практическим. Это предположение Проекта должно быть принято всеми специальными военными учебными заведениями: так оно верно! такой обильнейший плод ясно усматривается в результатах его всяким, опытно знакомым с недостатками прежнего преподавания! В старинные времена инженерный офицер впервые видел крепость тогда, когда приезжал в нее на действительную службу. Коротко известное ему из науки и по чертежам делалось вполне новым, когда он в первый раз видел — это коротко известное в натуре. Таково свойство способности человека воспринимать впечатления. Получить впечатления от чертежей совсем не то, что — получить впечатления от самих предметов. Стяжавший впечатления от чертежей и имеет только впечатления чертежей: впечатления от предметов ему надо приобретать снова, потому что предмет и чертеж предмета суть два различествующие между собою предмета, а отнюдь не одно и то же. Это относится ко всей

материальной [части] и фортификации, и артиллерии, и мореходного искусства. Даже и изучение деятельной Богословии является совершенно иным в результатах своих, когда не довольствуются одним теоретическим изучением христианских добродетелей, а к теоретическому присовокупляют практическое. Чертежи очень помогают точнейшему изучению предмета, когда он известен в натуре. По этой причине при осмотре предметов особенно полезна съемка их от руки, как то с решительностию доказал самый опыт. Такая съемка не отнимает много времени, но необыкновенно усиливает впечатление, производимое предметами, развивает понятие о предметах и изощряет способности. Например: кто ознакомился из науки с артиллерийскими орудиями и рассмотрел их по чертежам, тот имеет о них теоретическое полное познание; кто, сверх того, имел возможность осмотреть орудия в натуре, тот имеет о них познание уже более отчетливое и самостоятельное; кто же потрудился заняться съемкой орудий от руки, тот только, можно с достоверностью сказать, изучил их окончательно и вполне удовлетворительно. Правильная съемка отнимает много времени для одного какого-либо предмета и препятствует ознакомлению с другими предметами, столько же нужными; она должна быть известна офицерам, назначенным не для чертежной, в известной степени; но съемке от руки необходимо дать развитие. Способность подчиняться впечатлениям так важна в человеке, что даже при изучении математики те учащиеся, которые изучают ее единственно по книге, оказывают гораздо меньшие успехи, нежели те, которые принимают на себя труд собственноручно на бумаге или на грифельной доске практиковаться в математических выводах. Занимавшиеся при помощи сего способа сознавались и уверяли, что анализ какой-либо теоремы, тщательно ими написанный на бумаге или на доске, напечатлевался по подобию картины в их воображении, и способствовал к самому ясному пониманию истины, заключавшейся в теореме. Способность принимать впечатления особенно сильно действует в детях и молодых людях. Этою способностию, хотя и большею, но ограниченною по ограниченности всех свойств человека, надо пользоваться весьма благоразумно и осторожно, не тратя ее понапрасну, не допуская ей развлекаться по множеству предметов, но сосредоточивая ее на существенно нужном по назначению человека. Надо ожидать величайшей пользы, если стены комнат в Морских училищах будут усеяны правильными рисунками знаменитейших европейских судов, гаваней, при-

морских крепостей: дитя, в минуты свободы, рассматривая рисунки для удовлетворения любопытства, подвергается, незаметно для самого себя, полезнейшим впечатлениям. Рисунки должны быть правильны: рассматривание рисунков, при составлении которых допущена свобода воображению художника, столько же вредно для правильности понятий о предметах, сколько чтение исторических романов для приобретения и сохранения верных познаний в истории. Самый плац, или двор, где играют дети, должен быть наполнен моделями пушек, батарей и прочих предметов, впечатлениями которых должно наполняться воображение детей. По возможности все эти предметы должны быть в натуральном виде для правильности впечатлений и столько простой работы и дешевой цены, чтоб могли быть удобно починиваемы и заменяемы новыми в случае повреждения. Во времена оные в Инженерном училище имелись весьма дорогие, затейливые модели некоторых европейских крепостей; даже домы, находившиеся в крепостях, были и в моделях, а в домах была мебель. Эти дорогие модели показывались тщательно посетителям училища, а учащиеся почти не видали их, будучи не допускаемы к ним с тою целию, чтоб кто-нибудь из них по неосторожности не повредил столика или стулика в каком-нибудь домике драгоценной модели.

4. Положенное Проектом количество наук для Морских учебных заведений и распределение преподавания их заслуживает полного одобрения. Доселе не обращаемо было должного внимания на то, что излишество познаний отнимает у них качество. Ум человеческий, если предоставлено ему будет обширное поприще деятельности в длину и в ширину, или на поверхности, никак не может действовать в глубину, или, ум, приобретая во множестве познания, не может приобретать познаний основательных. При таком, можно сказать, великолепном благоустройстве, которое ожидает Морские учебные заведения, нельзя не пожелать, чтоб в свое время учебные руководства явились в печатных книгах, а не в одних литографированных записках. Печатные учебники составятся по естественному ходу дел человеческих несравненно отчетливее, нежели записки, неизвестные публике; преподавание получит большую определенность и положительность.

5. Проект проницательно усмотрел важное условие в душе человеческой, ее естественную логику, отменив телесное наказание, дав прочим наказаниям благородный характер необходимых последствий справедливости и цели исправления, в чем заключаются

уважение и любовь к человечеству, воспретив действие по увлечению страстей, в чем заключаются презрение и ненависть к человечеству. Увлекающийся страстию и необдуманностию при выговоре или наказании, во-первых, унижает и попирает человечество в самом себе и потом в лице, подвергшемся взысканию, смешивая порок с человеком, между тем как существенная цель всякого исправления и состоит в том, чтоб отделить порок от человека. Замечено, что выговор имеет самое спасительное действие, когда делающий его энергически выставляет черную сторону порока и его пагубные последствия пред впадшим в порок, выражая вместе с этим искреннее чувство сожаления и благожелания к впавшему в порок. Столько же спасительно действие наказания, когда при назначении и исполнении его действие проистекает из вышепредложенного взгляда и ощущения. Действующего так можно уподобить вытаскивающему погрязшего в болото, очищающему его от грязи и тины, в которые он попал. Но тот, кто при выговорах и наказаниях смешивает порок с человеком и принадлежащее пороку приписывает лицу, по всей справедливости может быть уподоблен нашедшему своего ближнего погрязшим в болото, пришедшему за это в негодование на ближнего и затем втоптавшему его еще глубже в зловредную грязь и тину, в которых можно даже утонуть[1]. И топят ближних своих, не подозревая этого свойства в своих действиях, многие, думающие исправлять их. При тщательном, долговременном практическом изучении наказаний для молодых людей должно сознаться, что только два наказания должны быть допущены как существенно нужные и полезные: выговор и арест. Арест непременно должен сопровождаться диетою и удалением от всякого самократчайшего по времени общения с товарищами и со всяким лицом, могущим повредить безрассудным соболезнованием и советом тот образ мыслей, который должен сформироваться у арестованного во время его ареста. Диета необходима по той причине, что при ней только ум виновного может возобладать над своим душевным волнением и ожесточением. Удаление от общения с товарищами и со всеми посторонними лицами необходимо потому, что разумно, наказанному чрезвычайно вредно, когда он услышит, что он наказан слишком строго, что он страдает невинно, что подвергнувшие его наказанию — такие и такие. Безрассудное соболезнование уничтожает цель ареста, заключающуюся в том, чтоб молодой человек одумался,

---

[1] Эта мысль принадлежит преподобному Антонию Великому. Достопамятные сказания Отцов, гл. 29.

сознал свой проступок и раскаялся в нем. Чтоб помочь ему в этом, должен посещать его наставник, который обязан с кротостию внушать ему несообразность и низость его проступка и советовать ему принести чистосердечное раскаяние, потому что только при искреннем раскаянии возможно прочное исправление, относительно подвергшегося аресту необходимо соблюдать кротость, соединенную с твердостию. Кротость спасительно действует на наказанного, фактически удостоверяя его, что к нему нет враждебного чувства, а твердость необходима для того, чтоб наказание принесло плод свой. Иначе оно может быть только вредным. Срок ареста должен быть определен раскаянием арестованного. Когда он принесет раскаяние, то это служит признаком, что врачевство — наказание — произвело спасительное действие; дальнейший прием лекарства был бы вполне нелогичен. Напротив того, выпуск из-под ареста прежде принесения раскаяния арестованным может подействовать на его нравственность весьма вредно. В некоторой иноческой обители настоятель занимался, по преданию Православной Церкви, нравственным воспитанием молодых людей, вступавших в эту обитель. Помощником его был иеромонах весьма благочестивой жизни, сочувствовавший ему в его занятии. Наказаниями были выговор в вышеприведенном духе и арест. Иеромонах посещал трижды в день арестованного, доставляя ему все нужное, наблюдая, чтоб прописанная диета сохранялась в точности, чтоб устранение от общения со всеми, не понимающими таинств исправительной системы, соблюдалось со всею строгостью, увещевая самою кроткою и наблюдательною беседою арестованного, чтоб он сознал себя виновным, а наказание справедливою мерою, и раскаялся. После каждого посещения иеромонах приходил к настоятелю и передавал ему о состоянии арестованного, называя его несозревшим или созревшим. Несозревшим назывался тот, кто признавал себя правым, наказанным излишне строго, кто осуждал начальство; созревшим назывался пришедший в сознание виновности своей и в раскаяние. Созревший, по докладе о нем иеромонаха настоятелю, обязывался написать к настоятелю письмо, в котором излагался взгляд, приобретенный арестованным во время ареста на его проступок, раскаяние и обещание исправления. После сего иеромонах выводил заключенного из уединения его и представлял настоятелю, который уже со всею любовию и участием делал ему наставление о преимуществах добродетельной жизни и о средствах, воспомоществующих молодому человеку стяжать благонравие. После сильного наказания необходимо

явление любви, хотя и в весьма серьезной форме, как после операции нужны мягчительные и целительные пластырь и мазь. Таков совет святого Иоанна Лествичника[1]. Выпустить несозревшего из-под ареста — значит нанести ему и его товарищам величайший вред, как доказали единогласно все опыты. Вышедший из уединения с чувствами самомнения и ожесточения усваивает себе эти чувства. Усвоение этих чувств кладет печать на его характер и дальнейшее поведение. Он получает нерасположение к начальству; настроение своего духа он сообщает товарищам. «Нечто взяли!» — в таком роде обыкновенно выражается несозревший по выпуске из-под ареста пред товарищами своими: «Морили целые сутки или двои под арестом, безбожные! сами бы попробовали на одних щах и хлебе с водою побыть! допытывали, допрашивали — ничего не сказал! Прав, да прав, да и только! Скажи-ка я, что такой-то нищий принес мне водки! Нищего ушлют, оставят без насущного хлеба, и лазейку плотно закупорят: тут и пропадай все. Странное и глупое требование людей, отживающих век, от молодого человека, чтоб он никогда не повеселился в просторе души. Без простора нет веселья. Я сказал им: хоть неделю держите, а я ничего знать не знаю: вам показалось, что я пьян! у вас обо мне, не знаю с чего, самые дурные мысли! между тем я получил письмо, что мой дядюшка, который был мне вместо отца, умер, и я с печали сделался сам не свой... При этих словах я навзрыд заплакал; плачу, а в душе хохочу! Поверили, дураки: выпустили. Вот как надо с ними делать! не то что такой-то! посидел всего восемь часов и расплылся: всё им сказал, а они, уже известно, по-своему распорядились».

Грех имеет свою ломку, свою правду, свою силу слова! Такой яд быстро разливается в обществе юности, а потому одно условие освобождения от ареста есть истинное раскаяние, фактически доказываемое немедленным исправлением. Неспособный к раскаянию должен быть тотчас исключаем из общества, как давший знать о себе, что он неисправим, и как верный залог общественного повреждения. Молодежь сметлива. Если она увидит, что власть начальника и воспитателя, несмотря на свою кротость, исполнена твердости и решительности, что она не колеблется ни нежностию, ни лестию, заставляющими начальника отступать от требований благоразумия и истинной любви, то получает уважение и доверенность к власти и принимает относительно ее

[1] Иоанна, игумена Синайской Горы, Лествица. Слово особенное к пастырю, гл. 15.

стройное, почтительное положение. Кроткая, вежливая просьба начальника признается приказанием, которое надо исполнить и исполнить.

Свойственно человеку думать о ближнем так, как о нем думали или думают, поступать с ближним так, как с ним поступали или поступают. Особливо дитя смотрит почти всегда на своих воспитателей и учителей без анализа, с доверчивостию, и усваивает себе на всю жизнь их понятия и правила. По этой причине на начальнике Учебного заведения и его помощниках лежит важная обязанность стяжать христианские нравственные правила и со всею тщательностью наблюдать, во-первых, за собою, удерживая себя от увлечения страстями, в особенности удерживая себя от всякого действия в минуту увлечения страстию. Человек не может не иметь страстей: надо научиться владеть ими. Образ обращения и действия воспитателей по отношению к воспитанникам впоследствии будет служить руководством для воспитанников в обращении и образе действий их относительно человечества. Надо иметь убеждение, а оно очень скоро приобретается наблюдением за собою и за другими, что во время увлечения гневом человек говорит и делает одни глупости,— что в то время, когда он увлекается тщеславием, тогда он делается смешным и очень способным к обольщению. Начальники, предающиеся этим двум страстям пред своими подчиненными, теряют их уважение и уничтожают искренность в отношениях с собою.— Телесные наказания, жестокие выговоры, проявление страстей в воспитателе, проявление его эгоизма действуют убийственно на нравственность воспитанников. Неправильный взгляд на человека видел в таком обращении необходимое условие подчиненности: опыт показывает совершенно противное. Нет ничего вреднее для подчиненности и вообще для нравственности человека, как лишение его прав, принадлежащих ему, может быть, не понимаемых им с отчетливостию, но непременно ощущаемых в духе. Человек, которого права попраны, теряет уважение к правам других. Воспитанник, дитя и юноша, имеет свои права, как человек и гражданин. Ему необходимо дать правильное понятие о этих правах, ввести его в правильное познание прав, принадлежащих его ближним, усвоить ему уважение прав. Чтоб он уважал права других, необходимо уважать его права. Какое гражданское общество должно признать истинно свободным? то, которому доставлены все права, которыми только можно пользоваться на земле человеческому обществу безвредно для себя, которого члены получили

правильное понятие о правах своих и свято хранят эти права во всех своих взаимных отношениях. Такого состояния не может достичь общество иначе, как правильным воспитанием юношества в нравственном отношении. Воспитанный в таком направлении молодой человек сделается наилучшим подчиненным: понимая и уважая права гражданского общества, в том числе и свои, он будет понимать и уважать права своего начальника, он будет ненарушимо хранить их, исполнять его приказания одинаково и пред глазами его, и вне его взоров. Такой образ воспитания формирует характеры благородные, с искренностию и прямотою, не способные к лести. Воспитатель имеет необходимую нужду научиться различению слова искреннего и прямого от слова дерзкого, различению уважения и вежливости от ласкательства, непременно соединенного с неблагонамеренностию. Всему этому может наставить наблюдение за собою при свете евангельского учения. Предпринявший изучение высокой науки в самом себе — христианской психологии — сколько ни будет усовершать себя, всегда найдет необходимым еще большее совершенствование и будет пользоваться всеми способами, доставляющими ему совершенное познание. Одним из важнейших средств к изучению человека в самом себе есть искренность с нами наших близких. Словом прямым никак нельзя оскорбляться, лишь бы оно не было вместе и дерзко. Отвергающий искренность и прямоту ближнего отвергает свое нравственное совершенствование и, как нравственность не может быть без движения, подвергается нравственному упадку. — Когда при воспитании, при неправильном понятии воспитателя о подчиненности, будут попраны все права воспитанника, будет стоптано в грязь то уважение, которое он должен иметь к себе, как к человеку, как к образу Божию, тогда в воспитаннике уничтожается чувство чести. Здесь говорится не о тщеславии и любви к почестям, но о сознании и чувстве своего назначения и достоинства, своих прав. С утратою чувства чести, с утратою сознания прав своих в молодом человеке уничтожается сознание прав всего человечества. Добросовестность, благонамеренность, стремление к общественному благу заменяются унизительным, мелким эгоизмом. Подчиненность заменяется одною человекоугодливостию, столько порицаемою в Священном Писании[1], состоящею в угождении страстям начальника при полном презрении к нему, ко всем его предначертаниям, распоряжениям и приказаниям. Человекоугодливость пресмыкается пред

[1] Пс. 52. 6; Гал. 1. 10; Еф. 17. 6; Кол. 3. 22.

начальством в глазах его, льстит ему, лицемерствует и притворяется; за глазами она насмехается над ним, хвастается своим умением обманывать, дурачить его своими нарушениями его воли, своим искусным искажением и уничтожением его планов. Благополучие и достояние ближних, благополучие и достояние государства не составляют неприкосновенной святыни для потерявшего честь и совесть, для потерявшего понятие о правах. Он над всем смеется, как утративший уважение ко всему, и считает глупостию не принести в жертву, когда на то представляется случай и возможность, общественную пользу своим эгоистическим, гнусным по их низости и зловредности, видам. Вся забота утратившего честь заключается в том, чтобы соблюсти некоторую благовидность при помощи лжи, лицемерства, обмана, клеветы и прочих всех подлостей. Воспитание, которое Проект предполагает доставить молодым людям в Морских учебных заведениях, ручается за то, что эти заведения доставят Государству должностных людей, высоко ценящих благо ближнего и общественное. Замечено, что шалунами обыкновенно бывают незанимающиеся науками. Спасительна мера для общества молодых людей — немедленно исключать из этого общества членов, оказавшихся малонадежными по способностям и поведению, а не тратить понапрасну времени и трудов на исправление неисправимых, отравляющих все общество. Скажут: такое исключение из общества может слишком уменьшить общество, а желающих вступить в него напугать и отклонить от вступления. Опыт доказывает противное. Повторим: молодежь сметлива. Можно ручаться, основываясь на опытах, что исключение немногих членов приведет оставшихся к необыкновенной бдительности над собою, сделает наказания почти ненужными и крайне редкими, а через это возвысит общество в нравственном отношении, вселит уважение и доверенность к нему в публике, привлечет в него множество самых полезных членов.

Этим ограничиваю мои замечания. Мне остается принести Вашему Императорскому Высочеству всесовершенную признательность за доставление мне истинного сердечного утешения ознакомлением меня с Проектом преобразования Морских учебных заведений. В нем я нашел опору многим моим думам; нашел отчетливо изложенным то, что сознавал безотчетливо; нашел много наставлений, которые пригодятся мне, если на то последует Божие благоволение, в моем служении. — Остается мне пожелать,

чтоб предначертание Вашего Высочества увенчалось благополучнейшим успехом, по завещанию Священного Писания, которое говорит: ***начный в вас дело благое совершите*** (Флп. 1. 6).

Призывая на это дело всеобильное благословение Божие с чувствами глубочайшего почтения и всесовершенной преданности имею счастье быть

Вашего Императорского Высочества [покорнейшим слугою
Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский]

О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви

Записки епископа Игнатия[1] 1862–1866 гг.

Действия, существенно нужные для Российской Церкви

Дух времени таков и отступление от Православно-христианской веры начало распространяться в таком сильном размере, безнравственность так всеобща и так укоренилась, что возвращение к христианству представляется невозможным: *волею бо согрешающим нам по приятии разума истины, ктому о гресех не обретается жертва* (Евр. 10. 26), сказал Апостол иудеям, принявшим христианство и от христианства обратившимся снова в иудейство, захотевшим соединить христианство с иудейством. Христос соделался невидим для иудеев и, невидимый ими, удалился из среды тех, когда они хотели убить Его (см.: Ин. 8. 59): христианство соделывается невидимым для нас, удаляется от нас, когда мы покушаемся убить его распутной жизнию, принятием разных лжеучений, когда мы покушаемся смесить христианство с служением миру. Господь сказал: *Всяк делаяй злая ненавидит Света и не приходит к Свету* (Ин. 3. 20)[2]. Ныне все всею душою устремились к разврату, назвали его «наслаждением жизнию», — и пребывание в христианстве, возвращение к христианству сделались невозможными для человечества. Для того и другого необходимо всецелое оставление разврата, всецелое подчинение себя строгой христианской

---

[1] Печатается по: *Леонид Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Т. 2. Приложение. Киев, 1915. С. 58–69. || [2] *Светом* назвал Господь Себя. — Здесь и далее примечания святителя Игнатия.

нравственности. Она воспрещает не только блуд, но и все, что приводит к блуду, чем внедряется в душу сладострастие, как то: театры, плясания, карты и прочие игры сатанинские, языческую литературу; оно требует полного отречения от ветхого естества (см.: Лк. 14. 26).

Не будем вводить ничего нового! последуем с точностию учению, преданному Святой Церковию, учению, преданному святыми Апостолами и святыми Отцами! Таков возглас, повторенный почти на всех Вселенских и поместных Соборах святыми Святителями и святыми Отцами, присутствовавшими на этих Соборах.

При всех возникавших в Церкви затруднительных вопросах, начиная со времен Апостольских, Церковь для разрешения их постоянно составляла Соборы: на Соборах рассматривались недоумения и поверялось состояние Церкви[1]. По настоящему, затруднительному положению Всероссийской Церкви, созвание Собора сделалось решительною необходимостию. Вместе с этим созвание Собора, по духу времени, невозможно без известного приготовления к столько святому начинанию. Необходим Собор правильный, на всех правах прежних Соборов, а Собор самочинный, по собственному усмотрению лица или лиц, руководствующихся не правилами Церкви, а своею самостию, только повредит делу, еще более поколеблет Церковь Всероссийскую, — положение ее сделает еще более запутанным. Последним Собором Российским, по правилам и в характере Православной Церкви, должно признавать Собор, собиравшийся в Москве при Царе Алексее Михайловиче; на этом Соборе низложен Патриарх Никон. Этот Собор имеет не только все свойства Собора правильного, но и Собора Вселенского. На нем присутствовали все российские Епископы и полномочные представители Православного Востока, два Патриарха. Отцы Собора имели право высказать свободно свое мнение. Можно сказать: на этом Соборе вся Православная Восточная Церковь выразила во услышании вселенной свое понимание веры и свой дух.

В течение двух столетий положение Российской Церкви не рассматривалось и не поверялось Собором. С последних годов XVII столетия западным ветром нанесено много грязной пыли в недра Церкви и в недро Государства ко вреду для веры, нравственности и народности. Неведение Православной веры, взгляды на нее и на Церковь из идей, доставленных развратом, протестантизмом

[1] Так на Шестом Вселенском Соборе подвергнуты поверке некоторые обычаи Римской Церкви.

и атеизмом, были причиною, что вкрались и насильно внесены в Православную Церковь посторонние, чуждые и враждебные духу Церкви постановления, противные правилам и учению Православной Церкви. Вследствие этого раздаются обвинения на Всероссийскую Церковь; раздаются обвинения столько сильные, что опровержения против них слишком слабы[1]. Обвинения раздаются не только из среды старообрядчества, не только из среды иногласных исповеданий, но и из уст первых святителей православного Востока; между чадами Православной Российской Церкви, знакомыми с учением и преданием Православия, слышится ропот, выражается неудовольствие на настоящее положение Церкви, недоверенность к нему.

Церковь Российская так долго пребывала изолированной, отсеченной от прочего православного Востока, что немедленное созвание Собора, на котором непременно должны быть уполномоченные представители Восточных Патриархов, представляется даже небезопасным, и в том отношении, что Восточные неминуемо потребуют значительного возвращения от уклонений, возвращения, необходимого для восстановления во Всероссийской Церкви духа Церкви Вселенской, от которого она уклонилась преимущественно в своем Синоде, тщетно именуемом Святейшим, и в своих духовных училищах, производящих почти наиболее протестантов и атеистов[2]. Признаются нужными, крайне нужными следующие предуготовительные действия:

1. Должно составить **полное собрание** всех постановлений, которые Всероссийская Церковь приняла и установила собственно для себя, со времени царствования Императора Петра I, или с того времени, которое протекло после упомянутого Собора, имеющего характер Вселенского. Постановления эти еще не были контролированы Вселенской Церковию, чего требует дух истинной Христовой Церкви: ибо и святой верховный Апостол Павел ходил нарочно в Иерусалим, чтоб там **предложить на расследование и поверку** другим Апостолам **благовествование**, которое им было проповедано язычникам (Гал. 22).

2. Должно получить по всем предметам Церковного учения и управления полное сведение от Восточных Патриархов. Также

[1] «Христианское Чтение». 1864, декабрь. Статья Иг. Нильского. С. 484–486. || [2] Православное белое и черное духовенство в России. Лейпциг, 1866 г. Авторство книги приписывают экс-профессору Санкт-Петербургской Духовной академии Рославлеву.

должно получить от них полное собрание тех постановлений, которые сделаны со времени отчуждения Российской Церкви от Церкви Восточной и которые в Российской Церкви наиболее известны.

3. Пригласить от Константинопольского Патриарха, с согласия прочих Патриархов, одно лицо или два лица, которые бы были и очень сведущи в вере и очень благочестны, которые бы пользовались полной доверенностью Патриархов, и совокупно с этими лицами приуготовить все, что должно быть рассмотрено на Соборе. Предварительное рассмотрение и соглашение должно облегчить Собору действование его и устранить столкновения.

Собор должен иметь характер Вселенского. Он должен пользоваться полною свободою. На нем должны быть представители всех Восточных Патриархов и все Российские Архиереи или лично, или чрез поверенных своих. На Соборе должны быть депутаты: 1) от монастырского монашества русского, по избранию этого монашества; 2) от белого духовенства русского, по избранию этого духовенства; 3) от православных мирян, по избранию мирян. Примерно каждая Епархия должна избрать по два депутата из каждого разряда, всего каждая Епархия должна дать по шести депутатов.

Правительство должно отрядить несколько сановников из лиц, наиболее знакомых с верой для наблюдения, подобно тому как было на Халкидонском Вселенском Соборе, чтобы Собор совершился свободно и правильно.

Если Собор будет совершаться под влиянием интриги и уклонится от цели Богослужения к цели человекоугодия, то лучше не быть ему: столько он принесет вреда, произведши решительное и гласное разъединение! Напротив того, если милосердие Божие дарует Собору совершиться с вожделенным успехом, как совершились Вселенские и Поместные Соборы Православной Церкви, то благотворные плоды Собора, и в духовном и в гражданском отношениях, будут поразительно величественны и велики.

В духовном отношении доставится торжество истинному Христову учению, о котором у нас почти не смели говорить доселе. Когда же Христово учение объяснится, со всей откровенностию, тогда падут, или по крайней мере очень ослабеют, все еретические учения, православный народ утвердится в Православии и многие иноверцы притекут под кров Православия. Православие должно быть принято во всей целости и полноте его, без допущения хулы на Святого Духа ни по какому предмету.

В гражданском отношении такой Собор соединит православно верующий люд во един народ, хотя бы этот люд и находился в различных государствах и под различным гражданским управлением. В России такой Собор должен сильно подействовать на раскол, который в настоящее время имеет много опоры для себя в правилах и постановлениях Вселенской Церкви. Американцы и англичане вынуждены будут не насилием, а здравым смыслом принять Православную веру так, как она есть, без всяких изменений и исключений.

Россия со времен Петра I часто и много принесла пожертвований в ущерб веры, в ущерб Истины и Духа, для пустых и ложных соображений политических, которыми прикрывало развращенное сердце ненависть и презрение к правилам Церкви и к Закону Божию. Все эти соображения, поколебав страшно Православную веру, оказались решительно вредными для государства и администрации. С сознанием ошибки, с самоотвержением должно отказаться от всех уклонений человекоугодливых, преступных в отношении к Богу. В противном случае, без этой решимости, лучше не созывать Собора[1].

Главнейшие предметы занятий Собора должны быть нижеследующие:

1) Рассмотрение постановлений, которыми руководствуется ныне Российская Церковь, за чем должно последовать уничтожение постановлений, не согласных с постановлениями Православной Восточной Церкви.

2) Уничтожение касты так называемого духовного звания, как неправильности, которая вкралась сама собою, в противность правилам святых Апостолов[2]. Восстановить древнейший обычай Церкви: Епархия да избирает для себя Архиерея, а приход иерея, диакона и причетника, свидетельствуя о их благочестии. Чтоб доставить возможность благочестивым людям всех сословий приготовить себя к иерархическим степеням, должно составить: а) Богословие, не в характере школьном, а в характере общепонятном, в полном согласии с Богослужением Православной Церкви, чтоб познания, оглашаемые Богослужением всенародно, были возвещаемы и Богословием; б) подробнейшую Священную и Церковную Историю, которая ознакомит, во-первых, подробно с учением

---

[1] Между почтеннейшими мужами греческого духовенства передается предсказание, что в последние времена явится усилие созвать Собор, но что дух времени не допустит Собору собраться. || [2] Правило 76.

Православной Церкви. Это учение тем яснее понимается, чем подробнее излагается борьба Церкви с многочисленными восстававшими против нее ересями. Во-вторых, подробная Церковная история ознакомит с характерами и действиями святых мужей. Известно, что характер и правила читателя образуются по тем образцам, которые представит ему история подробно и живописно.

3) Отречение для всех служителей алтаря от почестей и занятий мира сего, а для монахов, в каких бы они ни были церковно-иерархических степенях, — от всякого излишнего имущества, даже денег. Оставшиеся деньги и имущество после монахов должны быть собственностью монастырей — никак не родственников по плоти. *Любы мира сего вражда Богу есть: иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. 4. 4), — научает нас Священное Писание. В иудейской церкви фарисеи, в латинской вообще все духовенство этой церкви, а наиболее езуиты, опытно доказали всю справедливость слов Писания. Посему правила святых Апостолов повелевают: «Епископ или пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен»[1]: — «Не подобает Епископу или пресвитеру вдаваться в народные управления, но неупустительно быть при делах церковных. Или да будет убежден сего не творити, или да будет извержен. Ибо *никтоже может двум господам работать*, по Господней Заповеди»[2]. Епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обоя, то есть римское начальство (кавалерство) и служение священства: да будет извержен из священного чина. *Ибо кесарева кесареви, и Божия Богови*[3]. Для всех вообще служителей Божиих пагубно миролюбие и никак не может совместиться с служением Богу: *Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем*[4]. Необходимо для всего духовенства устранение от спекуляций и всех происков к обогачению, необходимо отречение от всех суетных почестей, необходимо удаление от роскоши, необходима скромность, а для монахов необходимо нестяжание.

4) Восстановление в монастырях уставов и правил святых Отцов, изложивших уставы и правила для монашества по Откровению Божию, по внушению Святого Духа, а не по какому-нибудь соображению человеческому, причем необходимо устранение из монастырей всего, введенного плотским мудрованием, введен-

[1] Правило 6. || [2] Мф. 6. 24. — Правило 81. || [3] Мф. 22. 21. — Правило 83. || [4] 1 Ин. 2. 15.

ного духом самочиния, самомнения, духом презрения и ненависти к монашеству, духом презрения и ненависти к Святому Духу, к истинному Христианству. Монастыри испорчены гордынею и невежеством разных умствователей, умствовавших и действовавших по стихиям западного протестантизма и атеизма. Для Православной Церкви необходимо монашество: она не может существовать без него. Монахи достигают христианского совершенства бесстрастия, ощутительного действия в себе Святого Духа, почему стяжевают понятие о Христианстве живое. И тени такого познания не может преподать никакая наука человеческая; все профессоры, магистры и доктора Богословия, производимые университетами и академиями, — суть невежды в сравнении с монахом, обновленным благодатию Божиею за последование Христу исполнением заповедей Его. У нас монастыри извращены; извращено в них все, извращено самое значение их. Духовные училища столько чужды духа Православной веры, что вступление в монастырь кончившего курс Семинарии — есть величайшая редкость, и не было примера в 50 лет со времени учреждения духовных Академий в России, чтоб кто-либо, хотя один человек, окончив курс в Академии, вступил в монастырь, между тем как в древности великие святые Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Неокесарийский, Иоанн Златоуст по окончании курса учения вступили в монашество, в монастыри пустынные, там возделали себя иноческими подвигами. В России представляется странное явление: в монастыри вступали и доселе изредка вступают лица из университетов и других высших училищ светских, а из духовных Академий не вступил никто, разве сослан кто-либо вдавшийся в неисцельную страсть пьянства. Это имеет свое значение. У нас монастыри в крайнем упадке. Повторяем: они извращены. Вступают в них личности почти исключительно из черни, занимаются они исключительно телесным подвигом, почти всегда бесплодно или с плодами ложными, приняв средство и пособие за цель и сущность. Но и телесный подвиг сделался ныне редкостию: ныне монастыри обратились в пристанища разврата, местами открытого, местами прикрываемого лицедейством, в места ссылки, в места лихоимства и прочего разнообразного злоупотребления. Такими сделала их каста, смотрящая на них, как на свои аренды, ненавидящая и презирающая их, испражняющаяся в них одними своими исчадиями, нетерпимыми в среде мира по причине необузданного разврата этих исчадий.

5) Подаваемые на Соборе мнения должны быть записываемы, как то было на Вселенских Соборах, после каждого заседания поверяемы и, по окончании Собора, оглашены печатно во всеуведение.

6) Должен быть составлен проект Уложения, или Законов и правил, которыми могла бы руководствоваться Российская Церковь при настоящей ее обстановке. Эти правила нужны, разумеется, только для тех частностей, для которых нет правил в постановлениях Вселенской Церкви.

7) Пересмотреть Катехизисы и Богословие и пополнить, дав им характер православно-восточный, подобный характеру Богослужения Православной Церкви, так, чтобы познания, оглашаемые Богослужением всенародно, были возвещаемы и Катехизисами. Катехизисы эти и Богословия, из которых одни должны быть кратче, другие пространнее, третии — самые полные и пространные, перевесть на главные европейские языки, что послужит сильнейшим средством привлечения к Православной вере.

8) Составить устав для духовных учебных заведений применительно к уставу монастырей, чтоб жизнь воспитанников была практически и строго христианская, чтоб они приобретали твердые навыки в благочестии[1], чтоб они хорошо ознакомились с Богослужением, получили вкус к церковным молитвословиям и стояниям. Составить для этих учебных заведений собственно свои учебники, как то: курс словесности и проч., изъяв из них все языческое, все даже косвенно влекущее к вольнодумству, безнравственности, костицизму, иронии, к шутке, к игривости, что все так противно духу христианства и так заразительно действует на испорченную натуру человеческую. — Особое внимание обратить на философию, из которой должно преподавать с удивительной полнотой логику, впрочем, уклоняясь от утонченностей, отвлеченностей и схоластицизма, вредно действующих на природную способность — на ум. Историю философии должно преподавать кратко, объясняя учащимся, что основания, на которых философы всех времен создали свои системы, произвольны, по этой причине не имеют никакой прочности и противоречат одна другой, что человеческая философия должна быть признана ничем другим, как только игрою воображения и собранием

[1] В Англии дан этот характер. Там характер училищ кладет на учеников сильную печать. У нас воспитанники духовных училищ запечатлены впечатлениями мира, духом мира, и, к величайшему удивлению, питают протестантское отвращение от монашества, ораторствуют против него не слабее Лютера. Из кончивших курс в семинариях очень редко вступают в монастырское монашество.

мнений, чуждых истины. Того, кто эту игру воображения, эти произвольные мнения, примет за учение истины, философия вводит по необходимости, естественно в заблуждение и умоповреждение. А это совершается сряду. Что значат учения безбожников? Это гипотезы, принятые за аксиомы. Сказал святой Иоанн Лествичник: *чуждеумна, прежде силы духовны, не проходи словеса: тмы бо суще глаголи, немощных помрачают*. Это правило необходимо сохранить по отношению к юношеству. К истинной философии приводит одно христианство: только при посредстве его можно быть непогрешительным психологом и метафизиком. Зрелыми мужами, изучившими и положительные науки, и философию и писания Отцов Церкви, познавшими опытно значение христианства, может и должно быть составлено подробное изложение философии, очень полезное и научное в известном отношении; оно должно быть рассмотрено и одобрено высшим духовенством и служить предметом внимания мужей, а не молодых людей, столько способных к одностороннему увлечению. В духовных высших училищах необходимо преподавание положительных наук. Весьма справедливо признавал Платон невозможным обучение философии без знания математики. Особливо нужно знание естественных наук: потому что в наше время нигилисты утверждают свое учение якобы на естественных науках. Нужно знать, что они утверждают здание нигилизма не на естественных науках, а на произвольных, нелепых ипотезах, то есть предположениях или вымыслах, которых нет возможности доказать теми доказательствами, при которых единственно наука признает познание верным и без которых все блестящие ипотезы остаются при достоинстве игры воображения, при достоинстве бреда. Природа возвещает Бога по свидетельству Священного Писания[1]: и науки, объясняющие законы природы, тем сильнее возвещают Бога. Все великие ученые, математики и естествоиспытатели, как то: Невтон, Лейбниц, Неккер, не только были деистами, но и признавали христианство. Безбожниками были почти все софисты, не знавшие положительных наук и предававшиеся необузданному умствованию и мечтательности.

9) Собрать и напечатать **Предание Вселенской Церкви** (cursus completus Patrologiae) на греческом, латинском, славянском и русском языках. И Предание Вселенской Восточной Церкви, выясненное со всею верностию, по достовернейшим документам, должно подействовать в пользу Православной Церкви.

[1] Пс. 103; Рим. 1. 19, 20.

10) Синоду дать правильную организацию и уничтожить в духовенстве рабство, по мысли и указанию святых Апостолов (1 Пет. 5. 2, 3). Для достижения сего необходимо уничтожение касты и приготовление в приходские священники избранных лиц приходом, а во Епископы — Епархиею, по древнему обычаю Церкви и по преданию Апостольскому.

11) Уничтожить наказания, вновь придуманные для духовенства, принадлежащие по характеру своему к тирании, столь чуждой духа Церкви, служащие, можно решительно сказать, всегда к окончательному нравственному расстройству тех, которые подвергаются им. Напротив того, ввести наказание, установленное Апостолами и поныне читаемое в правилах их: ввести отлучения и извержения, то есть лишение духовного сана и исключение из духовенства, которого ныне так избегают под предлогом народного соблазна. Но извержение необходимо для очищения Церкви от недостойных служителей; напротив того, нынешние меры, состоящие наиболее в варварском обычае, введенном в царствование Иоанна Грозного и состоящем в сохранении гнилых членов в недре Церкви, в помещении их в монастыри, растлили монастыри, обратили их в нравственные отхожие места, а лицам белого духовенства внушают решительное бесстрашие. По древнему обычаю Церкви должно предоставлять на произвол лишенным духовного сана распоряжение собою, если не сделано никакого преступления пред гражданскими законами. Эта мера в самом скором времени возвысит духовенство в нравственном и духовном отношениях, безобидно для членов, устраненных из него.

Заключение. Главная причина нестроения Церкви заключается в том, что правила святых Апостолов, Соборов и Отцов оставлены без внимания, даже забыты, а заменены они выдумками, чуждыми духа Церкви, заимствованными из духа, враждебного Православной Церкви, уничтожающими самый дух Церкви при оставлении одного наружного благоприличия в некоторой степени и форме.

Примечание. Здесь необходимо упомянуть об Обер-прокуроре Святейшего Синода, хотя учреждение его есть чисто гражданское. **Дух времени и опыты** доказывают совершенную и решительную **необходимость** в лице светском для Церкви, которое бы заботилось о пользах ее, охраняло их, приводило их в гармонию с пользами государства, сносилось с министрами и всеми высшими инстанциями, имело непосредственный доклад у Государя. Лицо это должно стоять наравне с первейшими сановниками государ-

ства. **Оно** поставлено уже на это место неотразимым насилием обстоятельств и духа времени! Положение Обер-прокурора, в которое он уставляется современными требованиями, никак не сходится с положением, которое дано Обер-прокурору первоначальным государственным учреждением этой должности. По этой причине всякий Обер-прокурор по необходимости усиливается выйти из положения, в которое ставит его первоначальное учреждение, как из положения фальшивого, стесняющего требования его деятельности в величайший вред делу Церкви. Это вводит его в столкновение и борьбу с Синодом, с духовенством, с Церковию, которая имеет свои иерархические уставы, данные ей Апостолами, по завещанию Богочеловека. Уставов этих никакая власть отменить не может: всякое отменение признается беззаконием и насилием. Молчание пред насилием власти никак не есть выражение согласия: раскол может быть не только видимым, но и невидимым; этот невидимый раскол имеет на стороне своей Церковную правду, которой не может изменить ни один христианин в душе своей, доколе он остается истинным христианином. Когда князь [А. Н.] Голицын и граф [Н. А.] Протасов достигли того положения, которое было нужно им, тогда они сделались самыми полезными людьми для Церкви в материальном отношении, самыми ревностными защитниками прав ее, защитниками сильными, более сильными, чем сам Синод. Они были сильны по той причине, что были равны первым вельможам; они были сильны как приближенные Царя, не нуждающиеся уступать и угождать другим приближенным. Тогда граф Протасов примирился с теми личностями из духовенства, с которыми в начале своего подвига был в неприязненных отношениях. Для Церкви нужен попечитель, ктитор, церковный староста. При попечителе, к которому должен перейти Товарищ и Канцелярия нынешнего Обер-прокурора, может оставаться особый Обер-прокурор при Святейшем Синоде, в положении, даемом ему первоначальным учреждением. В этом положении от Обер-прокурора не требуется, чтоб он был придворным; требуется — чтоб он был правовед, законовед, делец кабинетный и канцелярский. Как всеподданнейшие доклады и все административные сношения должны совершаться чрез попечителя, то прокурор всегда будет контролирован пред попечителем, членами Синода, а члены — прокурором. Стремление Обер-прокурора перейти в положение Министра уже не будет иметь ни места, ни основания. Попечителем в некоторой степени, без соглашения и определенных прав, был князь Голицын

при Обер-прокурорах князе [П. С.] Мещерском и [С. Д.] Нечаеве, а сколько важно знание канцелярской деятельности для Обер-прокурора, доказали Нечаев и [А. И.] Карасевский, при которых делопроизводство имело особый характер отчетливости и порядка. Учреждение попечителя никак не будет нововведением в Церкви, будучи согласно с духом Церкви, будучи уже осуществлено во всех приходских церквах, а требуется оно **настоятельно** современным положением и духом общества. Святой Иоанн Златоуст желал, чтобы материальные заботы о Церкви возложены были на мирских людей, известных своим благочестием и преданностию Церкви; многие византийские вельможи имели характер попечителей. И ныне Синод, по отношению к другим ведомствам, тем сильнее, чем сильнее его Обер-прокурор; собственно, на Синод начинают мало смотреть. Синод значительно усилится при попечителе, для величайшего блага государству, блага, которое наветуется страшным упадком религии и прав ее во всех сословиях. Внутренняя борьба в Синоде, потрясающая и разрушающая его, борьба между светскою и духовною властями, борьба непрестающая, хотя и не всегда явная, уничтожится: попечитель, имея значение и права высшего сановника (будучи членом Государственного Совета и Ком[итета] Министров), будучи попечителем, а не Министром, не встретит причин для борьбы, которая возникает из стремления к возвышению, стремления, вызываемого необходимостию. Правду сказать: **учреждение попечителя уже имеется налицо**. Обер-прокуроры значительно перешли в это положение. — Но положение это — случайность; оно плод связей, придворного влияния, и не имеет прочного основания: весь православный люд смотрит на него недоверчиво. Нельзя быть иначе! Министерство есть нечто вроде Патриаршества, по этой причине всякий Обер-прокурор, достигши значения Министра, остается в положении фальшивом, неопределенном и ставит в такое же положение всю Церковь. Обер-прокурор очень удобно может быть переименован в попечителя, а Правитель Синодской канцелярии — в Обер-прокурора. При этом фальшивое положение всех исчезнет само собою: все вступят в отношения правильные, указываемые законом Церковным и гражданским. Благонамеренный и благоразумный попечитель более, нежели кто-либо другой, будет иметь средства к приведению его в исполнение. Попечителю должно быть очень приятным созвание Собора: потому что Собор, для собственной силы и свободы, будет стараться о том, чтобы возвысить зна-

чение попечителя и иметь в нем надежное орудие для действия в пользу Церкви и для обороны ее против личностей, враждебных Церкви. Напротив того, Собор непременно озаботится об ограничении министерской власти Обер-прокурора именно по сходству ее с властью Патриарха. Это поведет к столкновениям и интригам, сделает собрание Собора бесплодным. Попечитель Православной Церкви непременно должен быть Министром всех прочих вероисповеданий: это поставит прочие вероисповедания в правильное отношение к господствующему вероисповеданию, которое в настоящем положении его часто получает характер исключительно угнетаемого и гонимого. Случалось, что даже магометанству отдавалось предпочтение, и Православная вера в Православной России была унижена, обесчещена, стоптана пред магометанством.

Ольга Шафранова

Святитель Игнатий Брянчанинов в Николо-Бабаевском монастыре (1861–1867)

13 октября 1861 г. святитель Игнатий Брянчанинов прибыл в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, предоставленный ему в управление после ухода на покой. Еще по дороге сюда, в Москве у него случился очередной приступ болезни и Митрополит Московский Филарет присылал к нему своего врача. А в каком состоянии он находился по приезде в Бабайки, видно из его письма к сестре: «Несколько раз чувствовал такое ослабление сил, как бы пред смертию. И теперь очень плох». Посетивший его в Бабайках доктор Кюне определил, что те болезни, от которых он страдал всю жизнь, — теперь «второстепенные», главной же причиной участившихся припадков является «повреждение сердца».

Больным и немощным прибыл святитель Игнатий в Бабайки. Немощным физически. Но не духом.

Иначе не имели бы мы сейчас всех этих томов, содержащих его бессмертные творения. Потому что до приезда в Бабайки перечень его сочинений, появившихся в печати, ограничивался всего пятью-шестью наименованиями.

Едва устроившись по приезде, несмотря на болезни и немощи, он направил усилия на пересмотр и редактирование своих рукописей, написанных в разное время и зачастую по конкретным случаям. «Выправка, — писал он, — дает статьям, написанным в разные времена и давно, и очень давно, характер зрелости и характер целого».

Прежде всего он занялся своим «особенно замечательным» сочинением «Слово о смерти», которое привез с собою с Кавказа. И уже

в октябре 1862 г. писал: «Не без Промысла Божия устраивается напечатание, доселе встречавшее затруднения». Он прекрасно сознавал и упоминал неоднократно, что времени ему осталось очень мало. Об этом же свидетельствуют его интенсивнейшие труды в последующие годы. Так, в 1863 г. он подготовил к печати такие объемные свои творения, как «Поучения» — 333 страницы, «Слово о чувственном и духовном видении духов» — 107 страниц и другие. В 1864 году, наряду с этой обычной работой, ему пришлось вступить в полемику, вызванную его «Словом о смерти», и он написал весьма обширный «Отзыв Православного на рецензию «Слова о смерти» и другие сочинения епископа Игнатия», а затем и “Прибавление к Слову о смерти”, вошедшее во второй том его «Аскетических опытов».

Работе над «Аскетическими опытами» он придавал особое значение: «Недавно мы говорили с отцом Иустином, что древние отеческие книги для монахов никак не могут быть применены вполне к современному русскому монашеству, — писал он брату. — Наиболее применимая книга — это преподобного Нила Сорского, но и та написана именно для безмолвников. Что ж я увидел недавно, пересматривая написанное мною для переписки отцом Моисеем. Увидел, что мои грешные сочинения содержат в себе приспособление учения преподобного Нила к современному монашеству, а именно “Аскетические Опыты” могут удовлетворить этой цели». И далее: «Относительно наименования книги моей “Аскетические Опыты”: теперь, по пересмотре, значительнейшем исправлении и огромном пополнении статьями иного рода, не видится возможности издать ее без серьезного и точного наименования: того требует свойство книги. Это книга мученика! Мученика за грехи свои и от грехов своих, но мученика».

С 1865 г. в его письмах встречаются упоминания о работе также и над «Отечником». «Занимаюсь Изречениями, — пишет он. — Какое было время для монашества! Какое обилие духовных старцев! Сколько было тогда созидающих ближнего! А ныне сколько разрушающих и губящих ближнего!»

Даже трудно себе представить, что в такой короткий отрезок времени, в пять с небольшим лет, удалось осуществить и благополучно завершить такую огромную работу: в 1865 г. вышли в свет первый и второй тома, в 1866 г. — третий и в 1867 г. — четвертый тома, содержащие «Аскетические Опыты», «Аскетическую проповедь»

Предисловіе.

Читатель, знакомый съ преданіемъ Православной Восточной Церкви, легко усмотритъ, что въ предлагаемыхъ его вниманію Опытахъ изложено ученіе святыхъ Отцовъ о наукѣ изъ наукъ,(*) монашествѣ, приближенное къ требованіямъ современности. Главная черта, которою отличается дѣятельность древняго монашества отъ дѣятельности новѣйшаго заключается въ томъ, что монашествующіе первыхъ вѣковъ христіанства были руководимы Боговдохновенными наставниками, а нынѣ, какъ замѣчаетъ преподобный Нилъ Сорскій согласно съ другими позднѣйшими Отцами, монашествующіе должны наиболѣе руководствоваться Священнымъ Писаніемъ и писаніями Отеческими по причинѣ крайняго оскудѣнія живыхъ сосудовъ Божественной благодати. Обличеніе этого направленія и необходимости въ немъ соста-

(*) Преподобный Кассіанъ Римлянинъ. Слово о святыхъ Отцахъ и о разсужденіи. Добротолюбіе, ч. 4ая

влить основную мысль Опытовъ на всѣхъ сихъ произведеніяхъ.

Статьи, изъ которыхъ состоитъ моя книга, написаны въ разныя времена, по разнымъ причинамъ, преимущественно по поводу возникавшихъ аскетическихъ вопросовъ въ обществѣ иноковъ и благочестивыхъ мірянъ, находившихся въ духовномъ сношеніи со мною. Оставляя земное странствованіе я счелъ долгомъ моимъ пересмотрѣть, исправить, пополнить, собрать во едино и издать печатно всѣ статьи, написанныя мною въ санѣ архимандрита.(*) Счелъ я долгомъ моимъ сдѣлать это по двумъ причинамъ: во первыхъ по той, что многія статьи распространились въ рукописяхъ съ большими или меньшими погрѣшностями; во вторыхъ по той, что признаю себя обязан-

(*) Святый Іоаннъ Дамаскинъ, къ концу своей жизни уединившись въ лавру преподобнаго Саввы, собралъ всѣ, написанныя имъ въ теченіи жизни книги, тщательно пересмотрѣлъ и исправилъ, чтобъ доставить сочиненіямъ своимъ наибольшую отчетливость. Такъ поступилъ мужъ, исполненный Божественной благодати: тѣмъ болѣе оказывается обязательнымъ этотъ образъ дѣйствованія для составителя Аскетическихъ Опытовъ. Четьи Минеи, 4-го декабря. Житіе святаго Іоанна Дамаскина.

тщится представить христіанскому обществу отчетъ по созерцанію сея земли обѣтованной, точащей духовные дары и блага, — монашеской жизни, какою она является въ священномъ преданіи Православной Восточной Церкви и какою Промыслъ Божій привелъ созерцать её въ нѣкоторыхъ живыхъ представителяхъ ея.

Затѣмъ остается мнѣ просить у читателей снисхожденія къ моему скудоумію и молитвъ о убогой душѣ моей.

Епископъ Игнатій

1863-го года.
Николаевскій Бабаевскій
Монастырь.

и «Приношение современному монашеству». «Отечник», составивший пятый том, был напечатан уже после кончины Святителя в 1870 г.

А ведь была еще и обширная переписка, к которой Святитель никогда не относился формально. Продолжалась его переписка с валаамским игуменом Дамаскиным (16 писем), с отцом Антонием Бочковым (16 писем), с оптинскими старцами... Сохранилось 39 писем, написанных им Высокопреосвященному Нилу. Велась активная переписка с братом и сестрой и другими близкими людьми. Целый ряд этих писем стоил хорошей статьи. А сколько писем не дошло до нас, например Высокопреосвященному Платону, которые погибли в пожарах...

Конечно, после выхода творений святителя Игнатия в свет были, как он писал, некоторые нарекания и даже гонения. Но отзывы, приходящие к нему по почте, свидетельствовали, что многими они были встречены «с сердечным сочувствием к учению, изложенному в них». В частности, об этом можно судить по отзыву такого недоброжелателя епископа Игнатия, каким был Петербургский Митрополит Исидор. В письме, которое пришло на Бабайки за шесть дней до кончины Святителя, Митрополит Исидор назвал его труды «подвигом на том духовно-ученом поприще, на котором мы давно не видали столь усердных тружеников».

А вот что написала об «Отечнике» выдающаяся подвижница, знаменитая игуменья Усть-Медведицкого Преображенского монастыря Войска Донского Арсения (Себрякова): «На днях получила пятый том. Как хорошо вы сделали, что приложили хоть к этому тому портрет Владыки — епископа Игнатия. Господь вразумил вас. И как хорош этот портрет! В настоящее время я читаю этот том, и как изречения святых отцов, так и взгляд на святое лицо владыки, действуют на меня необыкновенно хорошо. Чувствуешь себя както сосредоточенней, когда созерцаешь это изображение, собираешь все помыслы свои, исповедуешь все тонкие уклонения своего сердца, когда смотрят на вас эти прозорливые глаза, смотрят в самую глубину души».

Но если бы только литературным трудом занимался святитель Игнатий в Бабайках. Следует отметить, что монастырь, в который он попал — Николаевский Бабаевский, — по своему иерархическому значению был заштатный, общежительный, крайне бедный. К моменту прибытия туда святителя Игнатия он имел наличными шестьдесят рублей, а долгу две тысячи рублей, при том что

перед скорым наступлением зимы был без всякого запаса хлеба и дров для отопления. И все хозяйство монастыря было запущено, строения обветшали, нужно было все обновлять, заново строить. Столкнувшись с таким положением, святитель Игнатий решился вернуть в казну дорогой для него подарок Императрицы Александры Федоровны, драгоценную панагию, украшенную бриллиантами и рубинами. Полученные за нее тридцать тысяч рублей он передал на нужды монастыря. Энергичные усилия Епископа и прибывших с ним учеников его повели к быстрому благоустроению обители. Улучшились не только внешние условия — жилища, трапеза, надлежащим образом изменился чин богослужения, нравственное состояние насельников монастыря. При этом формально настоятелем — наместником монастыря — числился игумен Иустин, но без постоянного опытного руководства, а главное, того влияния и авторитета, каким пользовался епископ Игнатий, и его материальной поддержки не удалось бы так быстро возродить монастырь и привлечь к нему огромное число богомольцев.

Это новое свое «Христово стадо», несмотря на истощение телесных сил, епископ Игнатий тоже не мог оставить без внимания. Напротив, он уделял своим прихожанам, а это были, в основном, бедные крестьяне окрестных деревень, много времени: в будние дни он часто сам принимал их, беседовал с ними, лечил их. Так продолжалось почти три года. Приходящих больных становилось все больше, а силы уходили, и ему пришлось отказаться от этой деятельности. Он ограничился приемом тех, кто имел духовную потребность встречи с ним: иноков, учеников, посетителей.

При всем том необходимо отметить, что впервые за все время своего 35-летнего служения, здесь в Бабайках святитель Игнатий испытывал, по словам его брата, «чувство довольства», которое он сохранял до конца. Этому чувству довольства способствовали и внешние обстоятельства, а именно, что обе кафедры, с которыми Николо-Бабаевский монастырь должен был входить в различные отношения — Костромскую и Ярославскую, — занимали иерархи, которые и сами были людьми выдающимися, чуждыми мелких дрязг и интриг, от которых святитель Игнатий устал до изнеможения.

Костромской архиепископ Платон (Фивейский) был известным духовным писателем, монографии которого выдержали несколько изданий. Он был большим ценителем творений святителя Игнатия

и считал необходимым собрать все материалы, касающиеся его деятельности, и увековечить его память подробным жизнеописанием.

А с Ярославским архиепископом Нилом (Исаковичем), судя по сохранившимся письмам, у святителя Игнатия сложились самые дружеские отношения. Вообще, архиепископ Нил — миссионер в Сибири, переведший Священное Писание на языки жителей Сибири, строитель множества храмов, автор интереснейших книг «Буддизм» и «Путевые записки» — был личностью замечательнейшей и, как мне кажется, заслуживающей большего внимания в настоящее время. Он поддерживал все начинания святителя Игнатия и был первым ктитором по строительству нового храма.

В мае 1862 г. епископ Игнатий посетил Высокопреосвященных Платона в Костроме и Нила в Ярославле, а также Иринея[1] в Толгском монастыре близ Ярославля и больше уже никуда не выезжал из монастыря за исключением кратких прогулок в его окрестностях.

Также «чувству довольства», которое испытывал Владыка в Бабайках, способствовала и атмосфера внутри монастыря, братия которого были все ученики и единомышленники святителя Игнатия. Особенно выделялся любимый ученик и воспитанник архимандрит Иустин (Татаринов). Обладавший великим даром, он, как считал святитель Игнатий, и в миру мог бы сделать блестящую карьеру, но предпочел монастырь. Об его личных качествах можно судить по следующему описанию святителя Игнатия о спасении четырнадцати человек от потопления: «Их принесло под монастырь на тихвинке и затерло льдом ближе к противоположному берегу. Поднялся вопль народа, находившегося на судне и увидевшего опасность своего положения; некоторые стояли с воздетыми к небу руками, как видно, на молитве. Помощь казалась невозможною, потому что река была покрыта ледяными глыбами. Одно известное тебе самоотвержение отца Иустина могло воодушевить некоторых из братий. Они, имея во главе настоятеля, отправились на реку и, подвергая себя очевидной опасности, спасли жизнь 14-ти человекам».

А также главный сотрудник и сподвижник святителя Игнатия по изданию книг. Это его брат, Петр Александрович Брянчанинов. После того как в 1857 г. судьба их снова свела на Кавказе, они оставались практически неразлучны. И теперь можно

[1] О нем см.: Полное собрание писем. М., 2011. Т. 1. С. 145–147.

точно утверждать, что Петру Александровичу Брянчанинову мы во многом обязаны и сохранением, и изданием творений святителя Игнатия[1].

Но жизнь в монастыре продолжалась. С приездом в Бабайки епископа Игнатия стечение богомольцев значительно увеличилось, что создало еще одну проблему. Дело в том, что церковь святителя Николая вмещала не более шестисот человек, а соборный храм во имя иконы Иверской Божией Матери пришел в такое состояние, что находиться в нем было опасно. И монастырская братия, и окрестные жители стали выражать желание построить новый храм. Нашлись и жертвователи. И снова святителю Игнатию пришлось уделять и время, и заботы начавшемуся строительству нового храма во имя иконы Иверской Божией Матери. Он привлек знаменитого архитектора — академика Ивана Ивановича Горностаева, вместе с ним обсуждал и создавал проект; взял на себя все административные хлопоты, переписку с начальством, привлекал благотворителей и т. д.

В результате храм явился, как писал Святитель, «новостию в Российской церковной архитектуре».

Достроен и освящен он был в 1877 г., уже после кончины святителя Игнатия Брянчанинова.

Строился храм благочестивыми людьми, их силами, их пожертвованиями. Но в тридцатых годах пришли нелюди, и этот шедевр архитектуры был уничтожен.

Николаевский Бабаевский монастырь и в наши дни, когда до него проложена дорога, посещается нечасто. Во времена святителя Игнатия он вообще значительное время года был недоступен. Это уединение обители и явилось одной из причин, почему Святитель так сюда стремился, а попав, испытывал здесь постоянное «чувство довольства». Но случались изредка посещения, которым он не мог не быть рад. В первый год по прибытии Владыки в Бабайки посетил его друг всей его жизни, Михаил Чихачев. Свидание было и радостное, и печальное: оба понимали, что оно последнее в их жизни[2]. Посетили Святителя и две его сестры: Елизавета Александровна Паренсова и Мария Александровна Купреянова.

29 июня 1863 г. обитель была осчастливлена посещением Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича Николая

---

[1] См.: Полное собрание писем. Т. 3. С. 24–128. || [2] См.: Там же. Т. 2. С. 495.

Александровича[1]. Можно себе представить, как обрадовало Владыку Игнатия прибытие этого представителя Царственной Семьи, столь близкой его сердцу и имевшей такое решительное воздействие на его судьбу. А еще через три года провидение снова подарило ему такой же подарок: 14 августа 1866 г. в Бабайки прибыли Их Императорские Высочества Государь Наследник Александр Александрович[2] и Великий Князь Владимир Александрович.

Немного времени оставалось святителю Игнатию. Он знал об этом и продолжал трудиться. «Не бойтесь, — писал он одному своему духовному чаду, занимавшемуся корректурами, — я не умру до тех пор, пока не кончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя действительно так ослабел и изнемог в телесных силах, как это Вам кажется». Подтверждением этих слов явились те его сочинения, которыми было дополнено второе издание первого и второго томов, то есть написанные в промежутке времени между 1865 и 1867 гг.

Владыка перешел в вечность 30 апреля / 13 мая 1867 г. «Смерть, придя к святителю Христову, нашла ум его занятым молитвословием; начав оное на земле, он был призван к бесконечному славословию Бога на небо»[3].

---

[1] Цесаревич Николай Александрович, старший сын Александра II, скончавшийся 12 апреля 1865 г. || [2] Государь наследник Александр Александрович, брат Николая Александровича, будущий Александр III. Подробнее см.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 447–448; 484–486. || [3] Там же. С. 494.

Кончина святителя Игнатия

Завещание-письмо брату П. А. Брянчанинову

от 9 июля 1862[1]

Ваше Превосходительство,
любезнейший братец, Петр Александрович!

Видя себя пришедшим в крайнее изнеможение и болезненность, знаменующие приближение общего всем человекам переселения из гостиницы земли в вечность, покорнейше прошу Вас принять на себя, в случае моей кончины, распоряжение всем моим, впрочем, весьма небольшим имуществом, согласно прилагаемой при сем копии с предложения моего Костромской Духовной Консистории и согласно словесно сделанному мною Вам завещанию. Получив от Вас значительное денежное пособие во время нахождения моего на Кавказской кафедре, я прошу Вас принять те вещи, какие найдете нужными и полезными для себя и для сына Вашего, Алексея Петровича, в Вашу и его собственность; другие — отдать настоятелю и раздать братиям, преимущественно же тем из них, которые послужили мне лично. Главные предметы имущества моего состоят из: 1) библиотеки, 2) белья, шуб и разного платья, из которого цветные и бархатные рясы предназначены мною для ризницы Бабаевского монастыря, 3) экипажей: дормеза, кареты и зимнего возка. Сочинения мои, остающиеся в рукописях, передаю сполна в Ваши собственность и распоряжение.

Вам известен мой образ мыслей: почему понятно для Вас и то желание мое, чтоб оставшееся после меня имущество, как приобретенное при убогом служении моем Церкви, а не от родственников, послужило в пользу Церкви, ее служителей и нищей братии.

---

[1] *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и моральноаскетические воззрения. Ч. II. Приложение. С. 204–205.

Я убежден, что Вы исполните отчетливее и лучше мое желание, нежели как исполнил его бы я сам, и потому останавливаюсь от всякого мелочного распоряжения, могущего неожиданно затруднить Вас в Вашем действовании.

Милосердый Господь, по единой милости Своей, да отверзет ми врата милосердия Своего, да примет в них сиротствующую и нищую душу мою из среды многомятежного мира сего, да упокоит ее во Царствии Своем. В свою чреду, которая непременно наступает для каждого земного странника, воззваны будете и Вы предстать Богу. От всей души желаю, чтобы это воззвание было услышано Вами с радостию, как призвание к радости вечной, не наветуемой и не пресекаемой уже никакою скорбию.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга и брат
Епископ Игнатий

Телеграмма настоятелю Троице-Сергиевой пустыни архимандриту Игнатию (Малышеву)

от 1 мая 1867 года в 9 час. 12 минут[1]

Просят приехать на похороны Епископа Игнатия седьмого мая Вас, Чихачова, Яковлева, Гедеона.

Иеромонах Каллист

Сведения о погребении Преосвященного Игнатия Брянчанинова[2]

...В день погребения 7-го мая (5-го) отслужена... о. архимандритом Игнатием (Малышевым) соборная Божественная Литургия с панихидою.

Присутствовали:

Племянники родные

1. Александр
2. Николай Семеновичи Брянчаниновы
3. Петр Дмитриевич Паренсов
4. Алексей Петрович Брянчанинов

[1] ОР РГБ. Ф. 425. Картон II. || [2] РГБ. Ф. 425. Картон I.

Бибиковы:
5. Елена
6. Параскева Ильиничны
7. Варвара

Чичерины:
8. Александра Александровна
9. Саша Константинович
10. Ольга Павловна, урож. княжна Голицына

Аскоченские:
11. Виктор Ипатьевич

Много было других, молившихся об упокоении новопреставленного.

Письма отправлены от Преосвященного:
1) От 24-го апреля князю Михаилу Дмитр. Волконскому
2) От 25-го апреля Ивану Никитичу Глазунову
3) От 25-го апреля М. П. Бибиковой
4) От 25-го апреля в моем письме (П. П. Яковлева)
5) А. П. Плещеевой
6) С. И. Снессоревой

При погребении было до 5000 человек.

Капитала осталось после усопшего 7 копеек и долгу 70 рублей, которые поручил заплатить из имеющего получиться за два месяца пенсиона.

Из письма игумена Антония (Бочкова)[1]

1 мая уведомили меня по телеграфу о кончине Преосвященнейшего Игнатия. А накануне я благодарил его письмом за присланные последние тома его сочинений: письмо мое застало его во гробе. Служил по новопреставленном две обедни сам и две панихиды собором, но память о нем останется в душе моей навсегда.

После вашего преподобного Нила Сорского Преосвященный Игнатий был вторым и, может быть, последним монашеским

[1] **«Отец современного иночества»**. Воспоминания современников о святителе Игнатии Ставропольском. М., 1996. С. 57. Письмо настоятеля Черемецкого монастыря игумена Антония от 9 мая 1867 года адресовано казначею Сергиевой пустыни иеромонаху Нектарию (бывшему настоятелю Нило-Сорской пустыни).

учителем и писателем, а по силе слова, по ясности изложения своего аскетического учения — первым и единственным. Никто из современников не мог равняться с ним в знании Отеческих писаний. Это была живая библиотека Отцов.

Учитель плача, новый Иеремия, скончался к этому пророческому дню, и последователь преподобного Нила погребен в день его памяти. Вся седмица мироносиц, по Евангелию Иоанна, как бы посвящена усопшим, и вся Вселенская Церковь воздала эту честь новопреставленному невольно.

Учение о хлебе жизни, которое так убедительно объяснял Преосвященный, читалось в тексте над его непогребенными еще мощами. Верую я, что все это совершилось по небесному чину.

Сергиева пустынь, конечно, воздаст ему свое благодарение: еще живы в ней и ученики, и дела усопшего.

Письмо архимандрита Иннокентия (бывшего настоятеля Троицко-Зеленецкого монастыря) к архимандриту Игнатию (Малышеву)

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Архимандрит, возлюбленнейший о Господе Брат!

Очень бы желалось лично обнять Вас, Ваше Высокопреподобие, и братски похристосоваться с Вами; но, как видно, не всем нашим желаниям суждено придти в исполнение. И вот, вместо личного свидания, Христосуюсь с Вами на письме.

Поводом к ускорению письменного Христосования послужила горестная весть об утрате драгоценного и незабвенного Отца Архипастыря, Преосвященного Епископа Игнатия. Этою вестью, Ваше Высокопреподобие, я глубоко поражен, и с первого раза не поверил, доколе за Литургиею 6-го Марта в Митропол. Крестовой церкви не услышал провозглашения и самого имени Усопшего на Заупокойной Эктении. Тут-то горько поплакал, и до сего дня поминаючи много любимого Владыку, с коим столько разделял в жизни приятного, грущу.

Прошу, Ваше Высокопреподобие, успокоить и утешить меня хотя несколькими строчками о времени кончины Преосвященного и прочих ея обстоятельствах. Последнее своеручное письмо Его Преосвященства ко мне, посланное от 10-го Апреля, я удостоился получить в день отправки моего письма к нему — 15 Апреля.

Испрашивая молитв и благословения Ваших, имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Иннокентий.
7 мая 1867 СПб.
Александрон<евское> Дух<овное> Училище

Сообщение газеты «Московские Ведомости»[1]

30-го апреля скончался в Николаевском-Бабаевском монастыре Преосвященный Епископ Игнатий Брянчанинов, бывший Кавказский и Черноморский.

Епископ Игнатий. Некролог[2]

В № 100 «Московских Ведомостей» было сообщено известие о кончине Преосвященного Игнатия, бывшего Епископа Кавказского и Черноморского, последовавшей 30-го числа минувшего апреля в Николо-Бабаевском монастыре.

Покойный епископ Игнатий происходил из дворянской фамилии Брянчаниновых. Сначала поступил он в военную службу в один из гвардейских полков и служил с большим успехом; но, чувствуя расположение к духовной созерцательной жизни, к мирным, но нелегким подвигам иноческой келлии, решился оставить военное поприще; в 1831 году он принял монашеское пострижение. Сергиева пустынь близ Петербурга была местом, где он провел бóльшую половину своей иноческой жизни. Здесь в 1834 году он возведен был в сан архимандрита и около двадцати четырех лет был Настоятелем этого монастыря, устроение коего все это время было предметом его главной заботы и любимого труда. Ему-то по преимуществу Сергиева пустынь обязана тем изящно-благолепным видом, тем благоустройством внутреннего быта иноков и особенно тем строгим чином Богослужения, которые так известны жителям Петербурга и сделали для них Сергиеву пустынь тем же, что для московских жителей издревле есть ее первообраз, древняя Лавра Преподобного Сергия, — местом, куда жители северной столицы стекаются на богомолье. Архимандрит Игнатий приобрел в Петербурге почетную славу искусного и опытного в духовной жизни Настоятеля.

[1] «Московские Ведомости». 1867. № 100 (7 мая, воскресенье). С. 1, столбец 1. ||
[2] «Московские Ведомости». 1867. № 109 (19 мая).

В уважение к его заслугам и опытности Государь Император, согласно представлению Святейшего Синода, назначил его в 1857 году Епископом на освободившуюся кафедру Кавказскую и Черноморскую.

Преосвященный Игнатий около четырех лет занимал эту кафедру. Но непривычные труды Епархиального управления и всегдашнее расположение к жизни по преимуществу иноческой побудили его просить Высшее начальство об увольнении от управления Епархией, тем более что и самое здоровье было уже сильно расстроено, чему, быть может, немало способствовала резкая перемена климата с.-петербургского на кавказский. В 1861 году, согласно его прошению, он уволен был на покой в избранный им самим Николо-Бабаевский монастырь, который с тем вместе передан был в его полное управление.

Здесь Преосвященный Игнатий снова посвятил себя исключительно своим любимым монастырским занятиям. По соглашению с Преосвященным Платоном, Епископом Костромским, он желал сделать свою обитель рассадником иночества на строгих правилах общежития для всей Костромской епархии и действительно занялся с усердием переустройством внутреннего быта в Николо-Бабаевском монастыре и введением более чинного Богослужения, для каковой цели устроил отличный хор монастырских певчих.

Желая также привести наилучший вид внешнего устройства монастыря, он прилагал заботы об увеличении его материальных средств и приступил к сооружению великолепного монастырского собора, который вчерне и был уже окончен летом прошлого года. Здесь Преосвященный Игнатий посвящал также свободное время литературным занятиям, которые все имели тесную связь с его строго-аскетическим направлением. Несколько своих сочинений, частью составленных вновь, частью прежних, пересмотренных, он издал тогда в свет. Таковы, например, «Слово о смерти», «Слово о чувственном и духовном видении духов», «Чаша Христова», «Слово о спасении и христианском совершенстве», «Правила наружного поведения для новоначальных иноков»; наконец, он издал в 2-х больших томах, роскошно напечатанных, свои «Аскетические опыты». Достаточно одних этих названий, чтобы дать понятие о направлении не только литературных трудов Преосвященного Игнатия, но и самой его жизни. В этом отношении особенно важно последнее из названных сочинений, представляющее обильные доказательства глубокой опытности сочинителя в духовной, аскетической жизни.

Между тем здоровье Преосвященного Игнатия, расстроенное во время пребывания его на Кавказе, не улучшалось, и мысль о близкой кончине сделалась его постоянною мыслию, о чем нередко говорил он близким к нему людям. Еще летом прошлого 1866 года, предчувствуя свою скорую кончину, он усердно приглашал к себе Преосвященного Платона, с которым постоянно находился в братском общении; он писал, что желает с ним видеться, может быть, в последний раз. И это было действительно последнее свидание, во время которого Преосвященный Игнатий даже сообщал Преосвященному Платону некоторые распоряжения на случай своей кончины. В последнее время, несмотря на слабость сил, Преосвященный Игнатий не возбуждал, однако, особенных опасений относительно близкого конца его жизни. В самый день его кончины, утром в 7 часов он выкушал чашку чаю; но когда, спустя не больше часу, вошли к нему в комнату, нашли его уже бездыханным: он лежал на постели с открытым молитвенником в руках... Итак, Ангел смерти явился к нему в то время, когда он не имел уже сил встать на молитву, но хотел и возлежа на одре не разлучаться с тою, многим не знакомою, книгою, которая для верующих и благочестивых людей есть неисчерпаемый источник духовного утешения... Ангел смерти возложил печать ненарушимого молчания на уста его, еще продолжавшие тихую молитву к Подателю вечной жизни... Блаженная кончина!

Погребение почившего Архипастыря происходило 5 мая в присутствии родных и близких к нему людей, прибывших из Вологды, Петербурга и др. мест, чтобы отдать последний долг в Бозе почившему. Чин погребения, за болезнию Преосвященного Платона, совершал Епископ Кинешемский Иоанн, Викарий Костромской епархии. Тело Преосвященного Игнатия положено в монастырской трапезной церкви.

Да вчинит Господь душу его в селение святых!

Добавление к некрологу Епископа Игнатия[1]

19 мая в номере 109 «Московских Ведомостей» помещен некролог «Епископ Игнатий». В нем хотя видно благосклонное расположение писавшего некролог к покойному Епископу, но видно и то, что составитель ничего не знал о годах первой молодости

[1] «Московские Ведомости». 1867. № 161 (22 июля).

Епископа, а в этот период жизни и выработалось основное направление и характер всей деятельности его.

Епископ Игнатий (дитя, дарованное на слезные молитвы матери, оставшейся, после потери двух старших детей-младенцев, продолжительное время бездетною) воспитывался в Вологде в доме родительском до пятнадцатилетнего возраста и получил образование (без иностранных гувернеров, а через преподавателей гимназии и семинарии) самое основательное классическое. Родной язык он знал в совершенстве, латинский знал так основательно, что с совершенною легкостью писал на нем довольно большие сочинения, по-гречески мог читать, кроме того, знал три европейских языка. В уровень знания языков успевал он в математике и других науках.

Стремление и желание принять монашество имел с детства. В 1822 году, на шестнадцатом году от рождения, он был привезен из Вологды в Петербург и прямо без предварительных приготовлений стал экзаменоваться в Главное инженерное училище (ныне Николаевская инженерная академия), имея 130 человек конкурентов на число вакансий около 30. По вступительному экзамену он был принят первым из всех 30-ти человек и поступил прямо во второй кондукторский класс. Покойный Государь Император Николай Павлович, бывший в то время Великим Князем и генерал-инспектором инженеров, только что основавший упомянутое Училище и обращавший на него бдительное внимание, в знак особенного благоволения представил ученого юношу супруге своей, которая удостоила наименовать его своим пансионером. Во втором классе, к половине второго курса, Брянчанинов стал первым по курсу и с тех пор сохранял это место по наукам до верхнего офицерского класса, где он достиг уже граней знаний человеческих высших, окончательных в науках по современному состоянию их, когда болезнь груди заставила его прибегнуть к пособиям медицины. По Высочайшему повелению лейб-медики Крейтов и Вилье и доктор Главного инженерного училища Волькенау пользовали молодого ученого инженер-подпоручика, давая отчет в успехе лечения самому Государю. В этот период болезни, продолжавшейся несколько месяцев, доктора эти объявляли неоднократно пациенту своему смертельный приговор. Он стал готовиться к смерти. И дело приготовления к смерти — как и всегда, все, что предпринимал покойный Епископ, — он не мог не довести основательно. Этот год (1826-й) его жизни есть тот решительный момент, кото-

рый дал новое направление деятельности подпоручика Брянчанинова, с детства богобоязненного, благочестивого христианина, жившего всегда жизнью по евангельским заповедям, несмотря на свое блестящее положение в обществе и по службе. К удивлению самих докторов, в позднюю осень 1826 года больной их поднялся на ноги. В конце декабря он сдал экзамены, но уже без конкуренции с товарищами, которые окончили их к ноябрю месяцу, и тогда же по окончании учебного курса просил увольнения от службы, но Государь, узнав, что он желает поступить в монашество, приказал отправить его на службу в Динабургскую крепость. Откуда уже осенью 1827 года он пошел в послушники в один из самых пустынных монастырей к Старцам, известным по строгой монашеской жизни.

Из этих пустынных монастырей Императору Николаю I угодно было в исходе 1833 года вызвать его в Петербург и поставить Настоятелем Сергиевой пустыни, в которой он пробыл архимандритом 23 года и десять месяцев, то есть до выезда своего в Ставрополь — Кавказ, по посвящении в сан Епископа Кавказского и Черноморского.

Здоровье покойного Преосвященного расстроено было с самого юного возраста, а не на Кавказе.

Духовно-литературная деятельность Преосвященного Игнатия, плод его духовной жизни, — окончательно выразилась в изданных книгоиздателем И. И. Глазуновым четырех больших томах сочинений Епископа: два первых тома заключают в себе «Аскетические опыты», 3-й том — «Аскетическую проповедь» и 4-й — «Приношение современному монашеству».

Ж[андр Александра]

Из Летописи Скита Оптиной Пустыни

9 мая 1867[1]

...Сего числа пришло известие о кончине 30-го апреля Преосвященного Епископа Игнатия Брянчанинова, бывшего на покое в Бабаевском монастыре, который в новоначалии несколько времени жил в Оптиной Пустыни при старце о. Льве.

[1] РГБ Ф. 214. № 363. Летопись Скита Оптиной Пустыни за 1865–1871 гг. Л. 33.

Кончина Преосвященного епископа Игнатия[1]

Еще в 1864 году Преосвященный Игнатий писал к одному из преданнейших детей своих духовных, который, посетив его на Бабайках, был поражен переменою, совершившеюся в нем. Видно уже было, что он не жилец на земле. Все привыкли видеть его великолепным Архимандритом, величественным Архиереем, и вот перед ними предстоял согбенный старец с белоснежными волосами, с младенческим выражением в глазах, с тихим, кротким голосом. «Не бойтесь,— писал он после этого к одному из посетивших его тогда, — я не умру до тех пор, пока не окончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя действительно так ослабел и изнемог в телесных силах, как это вам кажется».

1867 г. 21 апреля привезен был из Ярославля посланный по почте тюк с двумя последними частями его сочинений. Когда раскрыли посылку и подали ему книги, он перекрестился и сказал: «Слава Богу! снято с меня это иго!» — но не стал уже разбирать и раздавать книги, сказав: «Оставить это до приезда брата, Петра Александровича».

В то же время написал он к тому же лицу, еще прежде извещавшему его об окончании печатания книг: «Слава Богу! Благодарю всех вас, потрудившихся в этом деле! Силы мои, видимо, оскудевают; грудь и спина так болят, что не позволяют уже заниматься письменными занятиями. Да и пора уже оставить письменные дела, чтобы всецело предаться делу приуготовления себя к переходу в вечность».

30 апреля. Преосвященный Игнатий встал, по обыкновению, в шесть часов утра; после ранней обедни выпил две чашки чаю и приказал не входить к нему до девяти часов. Впрочем, в этом приказании для служащих при нем не было ничего особенного, так как отдавна уже оставляли его в эти часы одного, ибо всем было известно, что он это время особенно посвящал молитве и письменным занятиям.

Спустя немного времени кто-то из братии пришел с просьбою доложить Его Преосвященству, что он явился по делу. Келейник Васенька, как называл его Преосвященный, не посмел отказать и вошел к Владыке. Было около девяти часов утра; ударили в колокол к поздней обедне.

---

[1] Публикуется по: «Отец современного иночества». С. 46–52.

На зов келейника не последовало никакого ответа. Он подошел ближе — смотрит: Преосвященный, склонив голову на левую руку и держа в правой канонник, лежит, как бы углубленный в чтение. Келейник еще раз позвал его и, наклонившись к нему, увидел, что глаза Святителя устремлены неподвижно. Испуганный, он бросился за архимандритом и казначеем. Прибежав и видя Преосвященного светлым и спокойным, с наложенным пальцем на третьей утренней молитве, как бы в размышлении о сейчас прочитанном, они подумали, что ему сделалось только дурно; давали ему нюхать спирт и терли виски одеколоном. Но светлая душа отошла уже к Предвечному Свету, оставив отблеск света на лице того, кто с юных лет жил жизнию Света Истины и при конце дней своих, всецело посвященных Богу, все еще полагал, что ему только «пора начать дело приуготовления себя к переходу в вечность»...

Быстро разнеслась в обители весть о кончине Старца благодатного, Святителя милостивого... Братия поражена была таким неожиданным событием. Еще вчера поучал он их словами жизни вечной, нимало не жалуясь на свои страдания, и хотя был скуден телесными силами, но так был бодр и мощен духом, с такою щедростию изливал богатство благодати на всех, стремившихся к Богу, — и вдруг пред ними бездыханное тело их отца, учителя и защитника...

И стали вспоминать братия предшествовавшие, но не уразуменные ими знамения близкой его кончины. В один из дней Страстной Седмицы приходит к нему утром один из любимейших учеников его, о. архимандрит Иустин, и, пораженный необыкновенно светлым и радостным выражением его лица, говорит ему: «Видно, Владыко, Вы очень хорошо провели эту ночь, что у Вас такой бодрый вид!» — «У меня, батюшка, — отвечал он с тихою радостию, — был сегодня маленький удар. Я чувствую себя очень легко и хорошо». — «Не послать ли за доктором?» — спросил архимандрит. «Нет, не надо», — отвечал Владыка. В среду, 25-го апреля, повторилось то же. Отец архимандрит, удивленный необыкновенным спокойствием, выражавшимся на его лице, сделал тот же вопрос. «Да, — отвечал Владыка, — со мною был сегодня опять маленький удар, самый легенький удар, еще слабее того. — И затем повторил еще несколько раз: — Мне так легко, так весело! Я давно уже не чувствовал себя так хорошо».

Что это за таинственные удары — Бог один знает. Во всяком случае, из последствий их видно, что это были не те удары, которые

сопровождаются расстройством организма и сокращают деятельность душевную. Святителю было от них «хорошо, легко и весело». Не были ли то откровения ему свыше, *ихже око не виде, ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша*?..[1] Святитель Божий скрыл их под иносказательным словом, боясь, чтобы, вопреки заповеди Писания, не стали блажити его прежде смерти. Он во всю жизнь свою не боялся суда людского и веселился духом, когда этот суд произносил строгие и неосмотрительные приговоры над ним как над величайшим грешником; но он пугался всегда, когда начинали прославлять его.

В пятницу, 27 апреля, Преосвященный просил одного из близких учеников своих потереть ему ноги сосновым маслом и потом сказал: «Благодарю тебя, что потрудился для меня. Это уже в последний раз». — «Почему же в последний? Разве Вам не нравится, Владыко?» — «Нет, не потому, а потому что дни мои изочтены».

Брату своему и своим приближенным он еще прежде отдавал приказание, что как скоро заметят, что наступает его кончина, — оставить его одного, не мешать ему и не давать знать родным о том ранее его смерти. Только теперь стало понятно, почему он удалил любимейшего своего брата в Петербург, почему там встретились ему непредвиденные препятствия заранее возвратиться на Бабайки и принять последний вздох и благословение всем сердцем и душою благоговейно чтимого брата-Святителя. Сам Господь так устроил по желанию верного раба Своего!..

Окружавшие его ученики говорили, что до последней минуты все вокруг него и в нем самом было так тихо, так просто, что никому и в голову не приходило, что с ним делается что-то необыкновенное. Особенно поражало их неизреченное милосердие, смирение и снисходительность в последние дни его жизни. И всегда он был снисходителен, милостив и смирен — это уж отличительная черта его характера, — но в последнее время любовь и смирение разливались вокруг него такими потоками, что потрясали души окружавших его и заставляли их как будто бояться чего-то.

Накануне своей кончины он писал еще. Вот эти драгоценные строки незабвенного Святителя.

«Нет во мне свидетельства жизни, которая бы всецело заключалась во мне самом; я подвергаюсь совершенному иссякновению жизненной силы в теле моем. Я умираю.

[1] 1 Кор. 2. 9.

Не только бренное тело мое подчинено смерти, но самая душа моя не имеет в себе условия жизни нерушимой; научает меня этому Священное Предание Церкви Православной.

Душе, равно и Ангелам, даровано бессмертие Богом; оно не их собственность, но их естественная принадлежность.

Тело для поддержания жизни своей нуждается в питании воздухом и произведениями земли. Душа, чтоб поддержать и сохранить в себе бессмертие свое, нуждается в таинственном действии на себя Божественной Десницы.

Кто я? Явление? Но я чувствую существование мое. Многие годы размышлял некто[1] об ответе удовлетворительном на предложенный вопрос, размышляя, углубляясь в самовоззрение при свете светильника Духа Божия. Многолетним размышлением он приведен был к следующему относительному определению человека: «Человек — отблеск Существа и заимствует от этого Существа характер Существа»[2]. Бог, Единый Сый[3], отражается в жизни человека. Так изображает себя солнце в чистой дождевой капле. В дождевой капле мы видим солнце; но то, что видим в ней, — не солнце. Солнце там — на высоте недосягаемой».

Это, повторяем, было писано покойным накануне его кончины; а вот что писал он в самый день своей кончины.

«Что — душа моя? Что — тело мое? Что — ум мой? Что — чувства тела? Что — силы души и тела? Что — жизнь?.. Вопросы неразрешенные, вопросы неразрешимые. В течение тысячелетий род человеческий приступал к обсуждению этих вопросов, усиливался разрешить их и отступал от них, убеждаясь в их неразрешимости. Что может быть знакомее нам нашего тела? Имея чувства, оно подвергается действию всех этих чувств: познание о теле должно быть самым удовлетворительным как приобретаемое и разумом, и чувством. Оно точно таково в отношении к познаниям о душе, о ее свойствах и силах, о предметах, не подверженных чувствам тела...»

На этом слове остановился Владыка. Как видно, он изнемог и для отдохновения стал молиться[4].

В последние годы своей жизни, на покое в Николо-Бабаевском монастыре, Преосвященный мало спал, никогда не раздевался и, как верный раб Божий, бодрствовал на всякий час дня и ночи, гото-

---

[1] Св. Иоанн Дамаскин. См.: Изложение Православной Веры. Кн. 2. Гл. 3. О Ангелах. ‖ [2] Там же. Кн. 4. Гл. 13. ‖ [3] Исх. 3. 14. ‖ [4] В последнее время, по причине изнеможения сил телесных, он молился лежа.

вый встретить Господа своего. И застал Он его бодрым на молитве и верным на службе заблуждающему человечеству.

Трое суток стояло тело Святителя в келлии его, жарко натопленной, оставаясь без изменения, и до того было привлекательно, что никому не хотелось отойти от него: всем хотелось насмотреться на это прекрасное лицо, на котором почивала светлая и святая дума. На четвертые сутки тело почившего было перенесено в холодную Никольскую церковь. К вечеру лицо и руки его стали пухнуть, не теряя своей белизны; на шестые сутки опухоль опала и только ногти посинели. Запаха не было никакого. Он лежал в белом облачении, в том самом, в котором совершал в последний раз Божественную Литургию в Светлое Христово Воскресение и в понедельник Светлой Седмицы.

Духовное завещание оставлено им на имя брата своего Петра Александровича, которому, как драгоценнейшее сокровище свое, поручил он и присных учеников своих. Вещественного наследства осталось у него семь копеек да долгу семьдесят рублей. Перед кончиною своею он поручился за одного бедняка, который не в состоянии был уплатить долга и прибегнул к милосердию Пастыря.

Преосвященный оставил записку к брату, которою он просил получить за него пенсию за два последние месяца, уплатить долг, а остальное раздать бедным друзьям своим.

Все время вокруг гроба почившего Святителя теснились многочисленные почитатели его, ученики, духовные дети и крестьяне сел и деревень. В день погребения монастырский двор был весь покрыт народом, не менее пяти тысяч человек. Повсюду слышались плач и стоны. «Кто-то теперь будет нашим благодетелем! — говорили в толпе. — Кто-то теперь помилосердствует о нас! Кто исцелит наши болезни! Кто помолится о нас!..» Все дни стояла погода дурная; но в день погребения хоть и холодно было, но солнце светило ярко.

Отпевание усопшего до того было отрадно, что скорее походило на какое-то торжество, чем на погребение. Невольно припоминались слова усопшего, оставшиеся в его бессмертных творениях: «Можно узнать, что тело умершего под благодатию, если окружающие чувствуют отраду».

Тело Святителя обнесено было вокруг собора и опущено в землю в малой больничной церкви у левого клироса при радостном пении «Христос Воскресе».

Это происходило 5-го мая, в Неделю жен-мироносиц. После погребения брат почившего Святителя и близкие к нему вошли

в келлию его, до сих пор запечатанную. Торжественно прозвучала заупокойная лития в этой тихой келлии, в которой Старец-подвижник почти безвыходно провел последние шесть лет своей жизни в заботах о своей душе и служении нужде бедствующему человечеству.

Усопший Святитель занимал только две комнаты: одну в три окна, а другую в два, служившую ему и спальнею, и кабинетом. Все поражало здесь высокою простотою и изящною бедностью. Между двумя окнами стояла просторная этажерка, на полках которой лежали в огромном количестве и в два ряда тетради, написанные изящным его почерком и изготовленные еще на другие два тома. В углу комнаты киот с образами; перед ним лампада. Прямо против дверей — высокие шкафы почти вдоль всей стены, наполненные драгоценными творениями писателей духовных, на языках: греческом, латинском, славянском, русском, французском, немецком и итальянском[1]. Вдоль смежной с нею стены — простая деревянная кровать с высокими деревянными же стенками с трех сторон; на ней немягкое ложе. Перед кроватью, как раз перед глазами лежавшего, на стене икона Божией Матери, с которою он не расставался никогда. Далее, у печки, две низенькие вешалки; на них ветхие его одежды, которые он всегда носил; из них были и такие, которые еще помнят Сергиеву пустынь; поновее же и получше находились в другой комнате; последние он начал раздавать задолго до кончины своей. За дверьми, под образом Божией Матери, простое кожаное кресло, ветхое и истертое; на нем-то писал он вдохновенные свои страницы. Перед креслами — большой, широкий деревянный стол, ничем не покрытый; на столе в удивительном порядке лежали все письменные принадлежности: налево разложены тетрадками исписанные уже листы — все один как другой, точно фотографические снимки; посреди чернильница; сбоку несколько изящно очиненных перьев. Направо коробочка с сургучом, перьями, ножичек, чернила; ближе — груда писем, написанных в последние дни, запечатанных, надписанных собственною его рукою и приготовленных к отправке на почту[2]. Посредине, перед креслом, последние написанные им листы, а сверху страница предсмертная, дописанная до половины; на обороте ее то, что было написано накануне кончины. Долго присматриваясь к последним строкам знако-

---

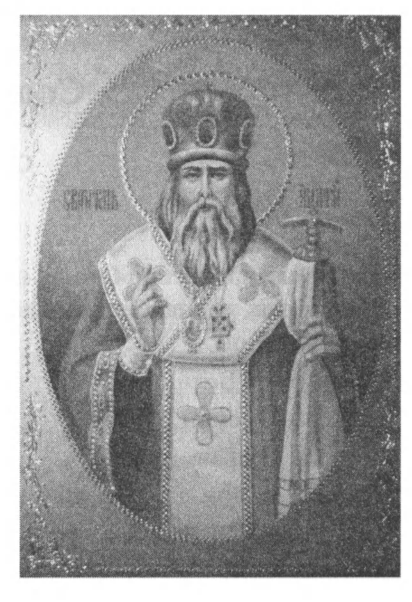
[1] Все эти языки покойный Преосвященный знал превосходно; на французском говорил, как на русском. ‖ [2] Последние письма были написаны им 28 апреля, и некоторые из них отправлены уже по кончине его.

мой руки, мы, духовные дети его, стояли умиленные и пораженные. Тот же дивный, ровный, изящный почерк его юношеских лет! Ни одной удлиненной буквы, ни малейшей лишней черты, ни помарок, ни описок от рассеянности или поспешности. У последней страницы лежало перо, писавшее последние строки.

Бесчисленное множество писем его, писанных к разным лицам, заключают в себе драгоценные сокровища Святоотеческих наставлений и духовных заметок. Нет сомнения, что по строгом разборе их почитатели памяти усопшего Архипастыря увидят их в печати.

Санкт-Петербург, 1867

О канонизации святителя Игнатия Брянчанинова

В 1988 г. 6–9 июня в Троице-Сергиевой Лавре состоялся Освященный Поместный собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Одним из основных деяний Собора, безусловно, явилось принятие решения о канонизации святых. При этом особо следует отметить, что в числе девяти подвижников благочестия, живших в разное время русской церковной истории, было названо имя святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867), проявившего «глубокое богословствование, образ молитвенности и пример всецелой отданности для служения Богу». В определении Собора о причислении к лику святых угодников Божиих для всероссийского церковного почитания епископ Игнатий Брянчанинов отмечен как «подвижник благочестия, автор многочисленных творений, аскет и учитель христианской жизни, труды которого по глубине и духовному содержанию раскрывают дух святоотеческого предания и являются его продолжением. Они легко читаемы и понимаемы современному христианину. Епископ Игнатий почитался за святость жизни уже своими современниками, которые видели в нем ученого подвижника и богослова Православной Церкви».

Память святителя Игнатия Брянчанинова празднуется 30 апреля / 13 мая.

Содержание

ОТЕЧНИК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том V

Общая редакция
О. И. Шафранова

Оформление
Анна Любавина

Редактор
Александра Доброцветова

Корректор
Ольга Грецова

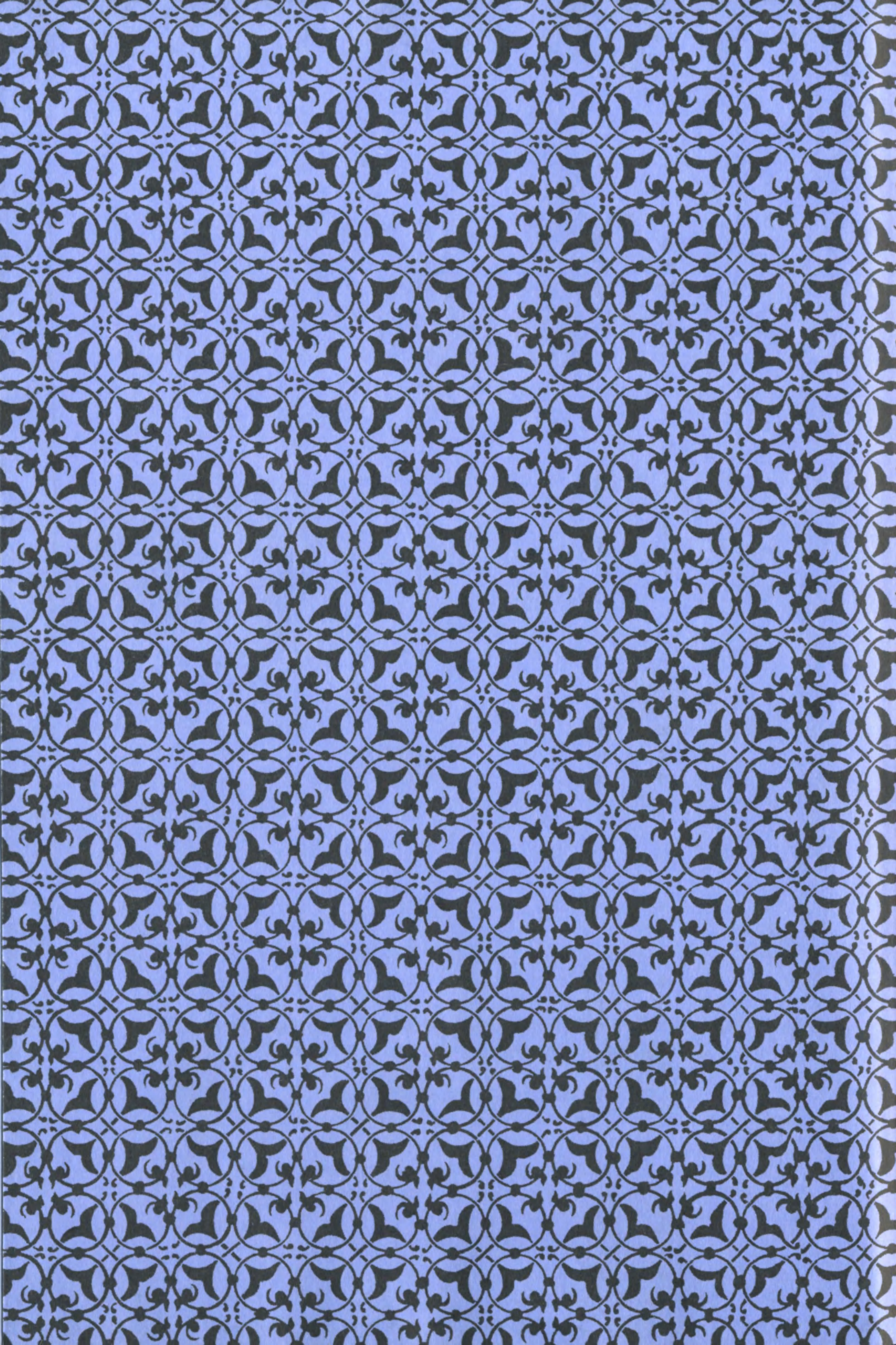
Верстка
Екатерина Белогорцева

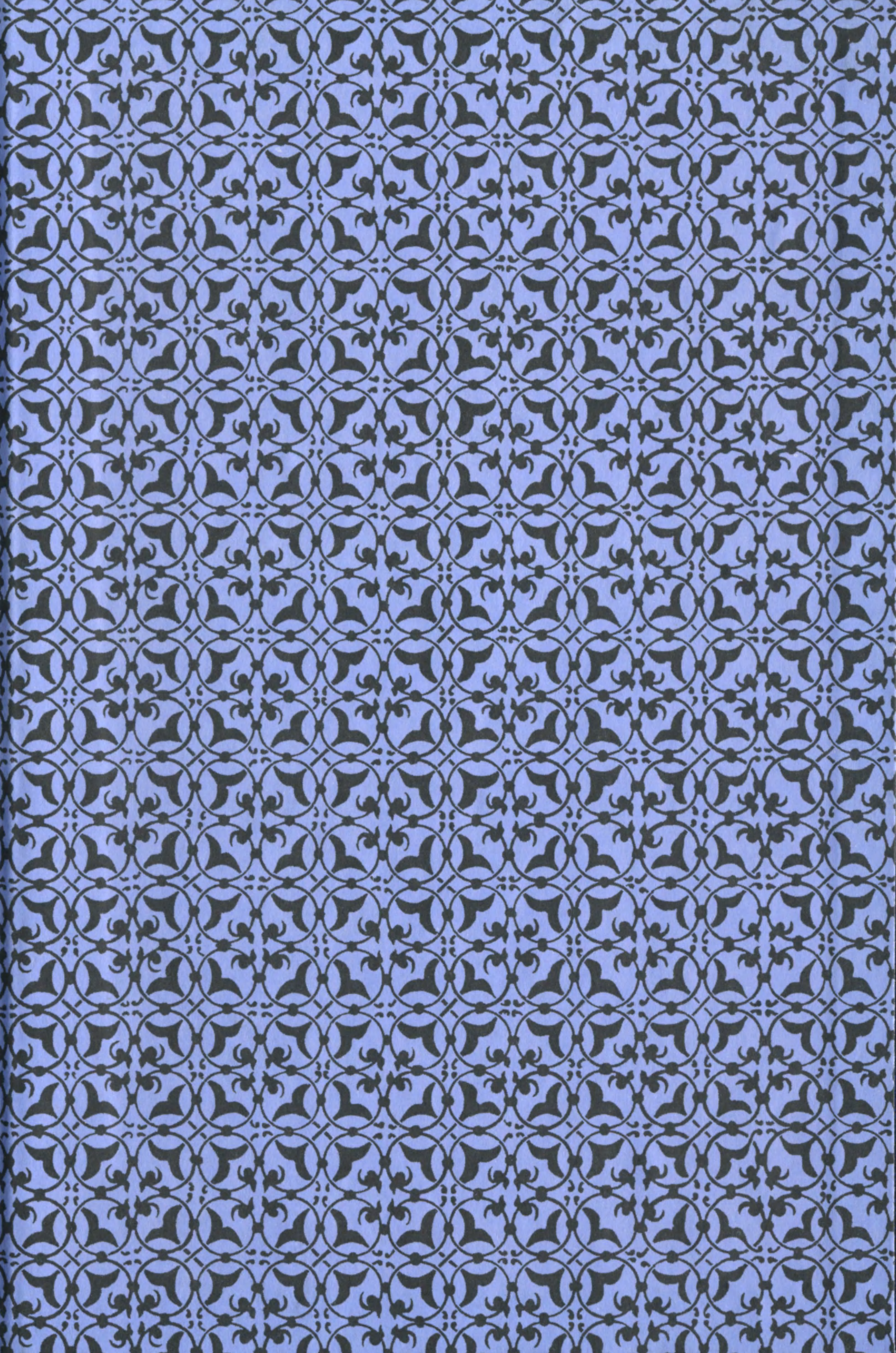
Подписано в печать 02.10.2013. Формат 60x90 $^1/_{16}$. Печать офсетная.
Объем 39 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 1312460.

Издательство «Паломник»
111141, Москва, Плеханова, 15.

arvato
ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ

Том
V

